

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
“Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины”

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Сборник научных статей

Выпуск 1

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2011

Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Вып. 1 / М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – 328 с. ISBN 978-985-439-584-5

В сборнике помещены статьи, посвященные анализу славянской фразеологии в сопоставительном, диахроническом, функциональном, этнолингвистическом, когнитивном и лингвогендерном аспектах. В ряде работ освещаются вопросы паремиологии, фразеографии, фразеологической семантики и отфразеологической деривации.

Адресуется специалистам в области славянской фразеологии, преподавателям и студентам-филологам.

Редколлегия:

В. И. Коваль (отв. ред.), Е. И. Тимошенко,
Е. В. Ничипорчик, Н. И. Лапицкая, И. Г. Гомонова

Рецензенты:

кандидат филологических наук В. В. Кузьмич;
кандидат филологических наук Е. Е. Воинова

СУЧАСНАЯ БЕЛАРУСІСТЫКА Ў КАНТЭКСТЕ СЛАВІСТЫКІ

Сучасная беларусістыка як комплекс лінгвістычных дысцыплін, звязаных з вывучэннем беларускай мовы на сучасным этапе і ў гістарычным развіцці, прайшла дастаткова працяглы і складаны шлях, мае істотныя здабыткі і з'яўляецца неад'емнай часткай славістыкі. Яе станаўленне і развіццё цесна звязана з развіццём і функцыянаваннем самой беларускай мовы ў XIX–XX стст., што прадвызначала даследчыцкія прыярытэты на розных этапах. Так, калі пачатак XX стагоддзя можна ахарактарызаваць як фактычна-накапляльны этап у беларусістыцы, а 20-я – 30-я гады як практычна-прагматычны, то другая палова XX стагоддзя і пачатак XXI – гэта сістэмна-абагульняльны перыяд у беларусістыцы. Праведзеныя ў гэты перыяд шырокамаштабныя даследаванні розных узроўняў сістэмы беларускай мовы і падрыхтаваныя фундаментальныя працы не толькі забяспечылі патрэбы моўнай практыкі, але і ўвялі беларускую мову і беларусістыку ў агульны кантэкст славянскага мовазнаўства. Акрамя таго, ў канцы XX – пачатку XXI стст. мовазнаўчая беларусістыка набывае яшчэ і выразны іміджавы аспект, паколькі забяспечвае нацыянальную адметнасць краіны ў свеце.

Здабыткі беларускай лінгвістыкі натуральным чынам упісваюцца ў кантэкст сучаснай лінгвістычнай славістыкі.

Па-першае, даследаванні ў галіне беларускай мовы пашыраюць дыяпазон славістычных даследаванняў і ўводзяць у навуковы ўжытак арыгінальны, часта вельмі ўнікальны фактычны матэрыял.

Па-другое, шэраг распрацовак беларускіх лінгвістаў выходзяць за межы нацыянальнай праблематыкі і набываюць значнасць для ўсёй Славіі. Да такіх, напрыклад, адносяцца Этымалагічны і Гістарычны слоўнікі беларускай мовы, распрацоўка якіх вядзецца ў Інстытуце мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі.

Па-трэцяе, беларускія мовазнаўцы актыўна ўдзельнічаюць у буйных міжнародных славістычных праектах, такіх як Агульнаславянскі лінгвістычны атлас.

Па-чацвёртае, беларускія лінгвісты з'яўляюцца членамі многіх Камісій, акрэдытаваных пры Міжнародным камітэце славістаў, і ўдзельнічаюць у распрацоўцы важных праблем і аспектаў славянскага мовазнаўства, садзейнічаюць разгляду фактаў беларускай мовы на шырокім славянскім фоне.

Па-пятае, беларускамоўная тэматыка ў цэлым упісваецца ў прыярытэтныя напрамкі сучаснай сусветнай славістыкі, пра што сведчыць тэматыка XV Міжнароднага з'езда славістаў, які адбудзецца ў 2013 годзе ў Мінску. Так, сучасная беларусістыка цалкам адпавядае такім праблемам, што выносяцца на абмеркаванне на з'езд, як, “Гісторыя славянскіх моў у сувязі з праблемамі этнагенезу і глотагенезу”, “Лакалізацыя праславянскай моўнай прасторы і яе структура”, “Славянская этымалогія і анаматыка”, “Балтаславянскія моўныя ўзаемасувязі”, “Гістарычная граматыка славянскіх моў”, “Праблемы моўнага сумежжа”, “Славянская лінгвагеаграфія і дыялектаграфія”, “Славянская пісьменнасць на розных этапах яе развіцця”, “Кірыла-Мяфодзьеўская пісьмовая традыцыя ў славян”, “Стан сучасных славянскіх стандартных (літаратурных) моў”, “Унутраныя і знешнія фактары ў фарміраванні і трансфармаванні славянскіх стандартных моў”, “Тэндэнцыі развіцця сістэм славянскіх моў у пачатку XXI стагоддзя”, “Фаналогія і акцэнталогія”, “Граматыка, словаўтварэнне і сінтаксіс”, “Праблемы славянскай аспекталогіі”, “Інавацыі ў сістэмах сучасных славянскіх моў”, “Славянская лексікаграфія, лексічная семантыка і фразеалогія” і інш. Кожная з названых праблем актуальная і для беларускага мовазнаўства. Таму беларускія лінгвісты на маючым адбыцця з'ездзе не толькі змогуць падзяліцца з замежнымі калегамі вынікамі сваіх даследаванняў, але і набыць неабходны вопыт для

ажыццяўлення найбольш запатрабаваных сучаснай тэорыяй і нацыянальнай моўнай практыкай навуковых праектаў.

Нарэшце, тэматыка XV Міжнароднага з'езда славістаў адлюстроўвае і агульнаславянскую значнасць пераважна беларускамоўнай праблематыкі. Пра апошняе сведчаць такія рубрыкі, як “Палессе ў этнагенетычных і лінгвагеаграфічных даследаваннях”, “Літаратурна-лінгвістычная сітуацыя ў Вялікім Княстве Літоўскім”, “Феномен “простай мовы” і літаратурнага шматмоўя”, “Кітабістыка як раздзел славістыкі”, “Змешаныя формы маўлення і іх тыпы ў славян” і інш., а таксама тэмы круглых сталоў “Скарыніяна ў славянскім і еўрапейскім кантэксте”, “Мова, літаратура, культура ВКЛ ў славянскім і еўрапейскім кантэксте”.

Усё адзначанае сведчыць, што ў пачатку XXI ст. беларуская мова развіваецца ў рэчышчы агульных тэндэнцый, якія вызначаюць сучаснае развіццё славянскіх моў, а лінгвістычная беларусістыка з'яўляецца важнай часткай сучаснай славістыкі.

А. А. Лукашанец,
доктар філалалагічных навук, прафесар,
дырэктар Інстытута мовы і літаратуры
імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі,
старшыня Міжнароднага камітэта славістаў

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

УДК 81'373.6:389.9

В. М. Мокиенко

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ ПРОФЕССОРА В. И. КОВАЛЯ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье содержится обзор основных работ В. И. Ковалья, посвященных этимологическому анализу фразеологии народной духовной культуры. Определяются основные направления диахронического анализа фразеологизмов, характеризуется методика их историко-этимологического анализа, отмечается важность учета структурно-семантических моделей и экстралингвистических сведений в процессе этимологизации фразеологизмов.

Трудно поверить, глядя на подтянутого, молодцеватого, искрящегося благожелательностью и остроумием Владимира Ивановича Ковалья, что мы, фразеологи, собрались сегодня в Гомеле чествовать его как Юбиляра. Не менее трудно поверить и в то, что вот уже как более тридцати лет тому назад он – тогда 27-летний юноша «со взором горящим» появился на нашем Ленинградском Фразеологическом семинаре и выступил с докладом об этимологии самых проблемных восточнославянских фразеологизмов. Именно эти этимологии стали затем материальной основой защищённой В. И. Ковалем в Гомеле кандидатской диссертации «Образование фразеологических единиц и фразеомообразовательный анализ» (1982). Обсуждение было жарким и заинтересованным – ведь в это время члены семинара начали собирать материалы для будущего «Историко-этимологического словаря русской фразеологии» [1] и уже были хорошо подкованы в разночтениях, обильно рассыпанных в трудах многих фразеологов. В. И. Коваль деликатно, но убеждённо отстаивал предлагаемые им интерпретации и завоевал уважение «семинаристов» знанием многих славянских языков и умением подкреплять языковые факты широкой и глубокой культурологической, прежде всего фольклорной, подоплёкой.

Когда же после официальной части по семинарской традиции мы начали петь народные и бардовские песни и запели хором «Ой, мороз, мороз...», будущий Юбилляр вдруг поразил всех девушек тем, что пропел фразу «*Напою коня*» особо выразительно, а после пения как-то загадочно произнёс: «А знаете, словосочетание *напою коня* в песне – не свободное, а фразеологическое...» Уже значительно позже, в 1998 году, на XII Международном конгрессе славистов в Кракове, я понял, что В. И. Коваль имел в виду своей диагностикой столь простенькой гиппологической фразы. Оказалось – и это нашему Юбиляру удалось убедительно доказать [2, 3], что это словосочетание скрывает в себе неисчерпаемую глубину гендерной семантики, красной нитью проходящей через фольклор славянских народов.

Так уже давно определились доминанты научного творчества нашего Юбиляра: Этнолингвистика – Фразеология – Фольклор – Мифология – Гендерная лингвистика. Этому кругу проблем он остаётся верен и теперь, хотя с годами его филологические интересы становятся всё шире и шире.

Славянский фольклор и мифология, пожалуй, стали отправной точкой его движения к этнолингвистике и фразеологии. Уже в одном из первых его фразеологических очерков – о белорусском выражении *акунёў вудзіць* в сопоставлении с рус. *ершей клевать* [4] проявился интерес Юбиляра к тесному взаимодействию языка и народной культуры. Во многих своих работах В. И. Коваль убедительно демонстрирует неразрывность

этой связи – и на материале взаимодействия фразеологии с обрядовыми действиями, мифами и приметами [5, 6, 7], языческими реликтами [8] или заговорами [9], и при лингвокультурологической интерпретации сказочных текстов [10], и скрупулёзном анализе отдельных выражений типа бел. *абое рабое* [11], являющих собою этимологические загадки. Многие из такого рода этимологических откровений наш Юбиляр увековечил в своей монографии «Востоочнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение» [12], которая постоянно цитируется славистами-фразеологами. Мы, составители «Историко-этимологического словаря русской фразеологии» [1], не только зачитали её до дыр, но и детально изложили инновативные интерпретации В.И. Ковалея во многих словарных статьях нашего справочника. И теперь уже предвкушаем скорое явление на свет следующей его монографии – «Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение» [13], которая несомненно увенчает его сегодняшний Юбилей.

Намеченные выше доминанты научного творчества В. И. Ковалея проявляются в их органическом симбиозе и потому нелегко выделить одну из доминант особо. Тем не менее попытаемся показать, как все они преломляются в призме той методики историко-этимологического анализа славянской фразеологии, которую разработал гомельский исследователь. Эта методика основана на скрупулёзной «алгебре гармонии» – проверке достоверными лингвистическими фактами культурологических реалий и наоборот. В умении неутомимо искать и находить такие факты во многих славянских языках и культурах проявляется филологическое призвание В. И. Ковалея. И благодаря такой констелляции этих фактов многие его историко-этимологические расшифровки убедительны – даже в тех случаях, когда сам исследователь оставляет окончательное решение открытым.

Фольклорно-мифологическая подоплёка многих восточнославянских фразем раскрывается Юбиляром на широком фоне. Так, внутренняя форма оборота *душа не на месте у кого* ‘кто-л. очень встревожен, обеспокоен’ раскрывается им на фоне общеславянского понимания души как бессмертного нематериального начала в человеке, как его прижизненного двойника. Фраземы с компонентом *душа* поэтому отражают мифологические представления о месте нахождения души в человеческом организме. Чаще всего при этом душа связывается с нахождением в пятках: рус. *душа уходит (ушла) в пятки, душа уходит в пятки*, бел. *душа ў пяткі схавалася (ускочыла)*, укр. *душа в п'ятках опинилася*, пол. *duża siedzi w piętach*. Ср. также пол. *ta duszę na ramieniu, duża tu już wlaźła w kolana* или рус. диал. *душа в носе* «о состоянии сильного страха», который соотносится с болг. *държа (нося) душата в зъбите* «падать с ног от усталости»; «быть при смерти» и с.-х. *duša je (stoji, skupila se) u nosu* «быть тяжело больным», «умирать». Такие примеры, удачно найденные В.И. Ковалем, не только указывают на разноместность нахождения души в человеческом организме, но и на ее «вездесущность», возможность нахождения «не на своем месте», что и объясняет исходную образность фраземы [12, с. 166–169].

Столь же основателен анализ В. И. Ковалем фразеомифологемы *бросать / бросить (пускать / пустить) [слова] на ветер* ‘тратить (слова) напрасно, говорить кому-л. что-л. впустую’, ‘говорить что-л. безответственно, не подумав’. Привлекая целую цепь языкового и этнокультурного материала европейских языков (ср. бел. *кідаць (пускаць) словы на вецер (на вецер словы)*, укр. *кидати (випускати) слова на вітер, на вітер пускати (кидати) слова, кидатися словами (словом)*, в.-л. *rěčeć do wětra (wětrika)*, слвц. *hovoriť do vetra (do vzduchu)*, болг. *хварля думи на вятъра, говоря на вятъра*; лит. *leistī žodžius vejais*, нем. *Worte in den Wind streuen, in den Wind reden, in den Wind schlagen*); фр. *jeter qch au vent*), гомельский фразеолог реконструирует его мотивирующую базу – довольно распространенное в прошлом представление о бросании по направлению ветра каких-л. предметов, «переносящих» болезнь, с одновременным пере-

несением «на ветер» слов заклęcia. Этот ритуал отражает древний синкретизм акциональной и вербальной деятельности, свидетельствующий о его магическом характере. Тем самым ретроспективно объясняется негативная стилистика выражения [12, с. 137–142].

Умение перебрасывать мифологический мостик от одной фраземы к другой позволяет В. И. Ковалю увидеть более глубинные связи и взаимодействия, чем позволяет собственно языковая материя. Так, оборот *носить воду в решете (решетом)* ‘выполнять крайне непроизводительную, ненужную, напрасную работу’ и *толочь воду в ступе* ‘проводить время попусту, бессмысленно повторять какие-л. бесполезные действия, заниматься ненужным и бессмысленным делом’ при их синонимичности имеют бесспорно различную исходную образность. Но В. И. Коваль показывает их «компатибельность» именно на мифологическом уровне. Для первого выражения очевидна его связь с фольклорным мотивом и обрядовыми действиями, поскольку решето в мифологическом осмыслении уподобляется небесному своду, в связи с чем воду, пролитую через решето, наделяли целебными свойствами. Пролитие воды через решето понималось в соответствии с этим как имитация дождя и потому такое действие часто использовалось при произнесении исцеляющих заговоров с лечебно-профилактическими целями [12, с. 135–136]. О древности таких представлений свидетельствует то, что эта поговорка зафиксирована не только в индоевропейских, но и языках других генетических групп: венгерском, вепсском, карельском, финском, эстонском, турецком, арабском и др. Вариантность основного образа при этом минимальна – ср. дат. «лить воду в корзину», «собрать дождевую воду в корзину», перс. «измерять воду ситом», араб. «носить воду корзиной», японск. «черпать воду корзиной (бамбуковой корзиной)» [14]. При этом она сохраняет и национальный колорит – ср. её употребление в контексте русской частушки, записанной в Тверской губернии в 1916 г:

«У меня милашка Машка

Рукодельная была:

Решетом воду носила,

Помелом избу мела» [15, вып. 35, с. 250].

«Мостик», переброшенный В. И. Ковалем от выражения о решете к выражению *толочь воду в ступе*, основан именно на семиотически близких ритуально-магических действиях, лежащих в основе обоих фразем. При этом исследователь обратил внимание и на ярко выраженную эротическую символику песта и ступы, воплощающих (соответственно) мужское и женское начала. Не случайно им приводится шуточное объяснение, откуда появляются дети, записанное в родной ему Гомельской области: *З неба ўпаў, да ў ступу папаў, а з ступы вылез – і вот які вырас*. Общей для двух фразем стала и их дальнейшая судьба: с течением времени они утратили свой магический смысл и стали восприниматься как символ пустой, бессмысленной деятельности [12, с. 134–135].

Аналогичные связи с обрядовыми и мифологическими представлениями вскрываются В. И. Ковалем для многих фразем. Так, рус. *бред сивой кобылы*, бел. *трызненне сівай кабылы*, болг. (диал.) *вятър ме вее на сива кобила*, укр. *розказувати (зверчати) сон рябої кобили (рябої кобили сон)* возводятся им к поверьям о передаче через такое животное колдовских способностей и его контактами с нечистой силой и загробным миром [12; 13, с. 40–41]. Выражение *змея подколодная* ‘о злом, коварном, подлом человеке’ интерпретируется им не просто как анималистическая метафора, а в связи с заговорными формулами от змеиного укуса, где эпитет *подколодная* – лишь один из многочисленных эпитетов змеи. Фразеологизация оборота в форме *змея подколодная* объяснено связью его производящей базы (*колода*) с сакральными представлениями о колоде как предмете-символе, связанном с негативными ассоциациями – со сферой болезни, нечистой силы и смерти. Такие ассоциации лучше всего соответствуют представлениям о змее как об опасном, несущем смерть существе [12, с. 172–175]. Магическую семантику близкого типа выявляет белорусский фразеолог и при анализе

выражения *съесть гриб* ‘не добиться желаемого, обмануться в расчетах, ожиданиях’. В славянской народно-мифологической традиции грибы наделяются демоническими свойствами и соотносятся с потусторонним миром: «неопределенность представлений о природе грибов, о том, к какому – растительному или животному – миру они принадлежат, проявляется у славян в подчеркнутом отношении к грибам как явлению нечистому» [12, с. 24–25].

Совершенно оправданы поиски В. И. Ковалем мифологического подтекста и для таких фразем, в которых стержневое слово нарочито «реалемно», «артефактно». Такие словосочетания, как *здать баню, хоть топор вешай, клёпки не хватает, заткнуть за пояс* и т. п. кажутся носителям языка прозрачными «вещественными» метафорами, восходящими к крестьянскому быту. В. И. Коваль, однако, за их «материалистической» оболочкой видит и духовный смысл. И действительно, в народной жизни материальное и духовное нередко сплавлены в единое целое и потому оторвать одно от другого – значит, не понять исходных импульсов рождения фраземы. Вот почему, не отвергая сугубо материальной значимости концепта «Баня» в жизни русского человека, В. И. Коваль при своей интерпретации выражения *здать баню* апеллирует к этнокультурной семантике бани как месту обитания злого и опасного для человека антропоморфного духа, как о «нечистом» месте, опасном для человека. Отсюда его предположение, что этот оборот вырос из комплекса этнокультурных сведений: 1) о бане как опасном, «нечистом» месте; 2) о бане как месте обитания злого, враждебного людям духа – банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, внешне напоминающих битье, избиение [12, с. 58–63]. К абсолютно прозаическому и, казалось бы, прозрачному по образности обороту *хоть топор вешай* ‘невыносимо душно, нечем дышать’ В. И. Коваль столь же убедительно подводит ритуально-обрядовое обоснование. Топор как магически маркированный предмет осмыслялся в качестве неизменного атрибута Перуна, отсюда «вывешивание» топора (врубание его в стену) как магический прием, которое и могло стать источником фраземы. Ведь по мифологическим представлениям вывешенный (с магической целью) топор как предмет, наделенный важными сакральными свойствами, способствует появлению ветра и – соответственно – освежению воздуха в помещении [12, с. 153–155]. Столь же обоснована мифологическая мотивация шуливого выражения *клёпок в голове не хватает у кого* ‘кто-либо глуповат, придурковат, со странностями’ (ср. бел. *клёпки (клёпак) не хапае ў галаве, без клёпки ў галаве*, укр. *не всі клепки в голові*, пол. *brak jednej klepki w głowie*), восстанавливаемая посредством этнокультурных представлений о деже (квашне) как одном из сакральных предметов домашнего обихода [12, с. 169–172]. К одному из распространенных ритуальных действий – затыканию за пояс (предмет-оберег) различных предметов для противодействия (а значит, и преодоления) нечистой силе – возводит В. И. Коваль и выражение *затыкать / заткнуть за пояс кого* ‘значительно превосходить кого-л. в чем-л.’ [8; 12, с. 115–119].

Как уже говорилось, в своих этнолингвистических исканиях наш Юбиляр вновь и вновь обращается и возвращается к смыслу человеческого бытия – Гендерной проблематике. Не случайно один из своих предъюбилейных докладов он освятил таинственному для большинства мужской половины населения концепту – *Женской логике* [16, с. 38–41]. Во многом, собственно, эта таинственность объясняется им и во многих этнолингвистических штудиях – начиная от уже упомянутого напоения коня до матриониальной магии и рождения младенца. Так, один из русских диалектных (сибирских) оборотов *блин продолжить* ‘совершить ритуальное действие, аллегорически указывающее на «честность» невесты’ описывается им, вслед за А. И. Федоровым, с большим знанием соответствующего ритуала [12, с. 105]. Основательно описывается им и ритуальная мотивация диалектного (сибирского) обрядового оборота *посадить под корыто кого* ‘жениться (выйти замуж) раньше старшего брата (сестры)’ (ср. укр. *підвернути під корито* и

др.), где корыто, по наблюдениям Т. В. Володиной, видимо, актуализирует доминирующие в народной медицине идеи второго рождения, что опирается на символическое отождествление корыта и женского низа, корыта и колыбели, с одной стороны, и корыта и гроба, с другой [12, с. 124].

Внутренняя форма шуточного фразеологизма *гороху объесться* ‘забеременеть (о незамужней женщине)’ связывается им с известным сказочным сюжетом о чудесном зачатии и рождении вдовой сына-богатыря (змееборца) после съедения ею горошины [12, с. 39–40]. Символика же детородия прозорливо усматривается В. И. Ковалем и при интерпретации украинского выражения *гарбуза піднести (дати) кому* ‘отказать жениху при сватовстве’, где полая тыква символически могла восприниматься именно как символ женскости [12, с. 93–97]. В обороте *бобы разводит* ‘заниматься пустыми разговорами, медлить с делом, задерживая внимание на пустяках’ и его параллелях (бел. *развадзіць бабы*; укр. *розводити бобби*) белорусский исследователь увидел глубинную связь с матримониальной магией [12, с. 135]. Необходимо при этом подчеркнуть, что гендерная проблематика анализируется В. И. Ковалем объективно и заинтересованно, без сусальных и двусмысленных аллюзий и смешков, до которых, увы, нередко опускаются лингвисты-мужчины, обратившиеся к ней.

Одним из достоинств методики историко-этимологического анализа славянской фразеологии, развиваемой В. И. Ковалем, является и собственно лингвистический аспект. Большинство его этимологий, приводящих читателя к широким культурологическим интерпретациям, начинаются и последовательно сопровождаются собственно языковыми фактами и убедительной лингвистической аргументацией. Вот лишь несколько примеров такого рода. Учтя разнонаправленные и противоречивые интерпретации выражения *кондрашка хватил кого* ‘кто-л. скоропостижно умер, скончался (об апоплексическом ударе, параличе)’ и признавая его мифологическую мотивацию, В. И. Коваль обращает особое внимание на словообразовательную структуру компонента *Кондрашка*, находя тот же корень в словах с корнем *-др-*, где выделяется экспрессивный префикс *ко-* (*ка-*) (*кандырить* «глубоко забивать что-либо», *кандыриться* «хвастаться, похваляться», *кондриться* «быть с кем-либо не в ладах, зазнаваться, заноситься», *кандричиться* «упорствовать, артачиться, ломаться; упрямиться» и др.). Именно такой собственно языковой анализ позволяет охарактеризовать именную компонент фразеологизма как псевдоантропоним, употребленный в функции оберега. Деривационная связь этого компонента с глаголом *драть* «бить, ударять» дает возможность установить его структуру в виде *Ко-(н)-др-ашк-а* [17, с. 37–39; 12, с. 169; 18]. Изобилуют свежими языковыми данными и этимологические расшифровки выражений *воробьиная ночь* (*рябиновая, рябинная*) *ночь* ‘короткая летняя ночь с непрерывными грозами или зарницами’ [12, с. 14–19], *гонять лодыря* ‘шататься без дела, слоняться, бездельничать’ [12, с. 167–169] и мн. др.

Сильной стороной этимологического подхода В. И. Коваль к фразеологии является широкое вовлечение в орбиту анализа как диалектного материала, так и языковых фактов многих языков. Такова языковая палитра в большинстве уже приводимых выше очерках – *бред сивой кобылы, бросать [слова] на ветер, толочь воду в ступе, душа не на месте, гонять лодыря...* Ср. целый каскад вариантов, воплощающих структурно-семантическую модель последнего выражения, приводимый гомельским исследователем: рус. *лодыря корежит, лодыря корчит*; бел. *лодыря справляць (валяць, качаць, корчыць)*; укр. *лежня справляти, ледаря корчити*; рус. *продавать дрожжи*; бел. *дрыжыкі прадаваць* ‘дрожать’, *разэву купляць* ‘бесцельно шататься’; болг. *продавам фасони* ‘форсить, фасонить’; лит. *kiaulę pirkti* (букв. ‘свинью купить’) ‘напиться’ и др. [12, с. 168–169]. И конечно же – родной Юбиляру белорусский язык и его народные говоры закономерно становятся стартовой площадкой для оригинальных историко-этимологических расшифровок. Так, фразама *дело труба* ‘чье-л. положение, состояние,

дела очень плохи' как вариант оборота *дело табак* раскрывается на базе представления о трубе как о своеобразном канале, через который нечистая сила проникает в дом человека. И такие представления отражены в белорусском диалектном фразеологизме *чорта ў комін сунуць* 'поднять ссору, создать условия для ссоры', который уместно приводится исследователем [12, с. 163–166]. И такие обращения к белорусскому языку и фольклору – не «местническая» привязка к той или иной расшифровке славянских фразеологизмов. За этим стоит реконструкция «славянских древностей», которую Н. И. Толстой и его последователи объективно начинают обычно с языкового полотна Полесья. Не случайно именно в Гомельском университете проходили знаменитые этнолингвистические «школы» по подготовке к сбору материала в полесских экспедициях, на основе которого и создавался будущий многотомник «Славянских древностей» [19], издание которого скоро завершится.

Не чужды В. И. Ковалю и уместные экскурсы в инославянские, общеевропейские языковые и культурологические ареалы. В некоторых его этимологических очерках устоявшиеся расшифровки фразеологических европеизмов поверяются «на зуб» славянских языковых фактов. И тогда вдруг исходная семантика таких выражений приобретает особую, славянскую расцветку, на которую уже нельзя не обратить внимания. Известно, например, что выражение *медовый месяц* 'первый месяц супружеской жизни' в русском языке скорее всего – калька с фр. *lune de miel* и известно многим европейским языкам, напр., англ. *honeymoon* и нем. *Honigmonat*. В. И. Коваль, приводя широкие параллели и из славянских языков, обращает внимание и на возможность более общей его культурологической интерпретации – на основе восприятия мёда как магической еды, оказывающей влияние на детороде [12, с. 38]. Разумеется, открытым здесь остаётся вопрос о генетическом или типологическом сходстве славянских и неславянских выражений, но сама попытка магически прояснить их исходный смысл несомненно ценна.

Славянские мифологемы дают В. И. Ковалю и основание для коррекций традиционной расшифровки русского оборота *вот где собака зарыта!* 'вот в чём суть дела!', который большинство фразеологов не без основания считают калькой с нем. *Da liegt der Hund begraben!* Историки же немецкого языка предлагают весьма разноречивые, нередко народно-этимологические прочтения мотивировки этого оборота. И здесь наш Юбиляр идёт своим путем, обращая наше внимание на определенное ритуальное действие – зарывание в землю собаки, место совершения которого имело особую сакральную значимость – например, оно совершалось при эпидемиях и падежах скота. Отсюда и потенциальная возможность реконструкции оборота *вот где собака зарыта* в исходном значении «вот где находится очень важное, магически значимое место – место ритуального захоронения (зарывания в землю) собаки, способствовавшее защите животных и людей от болезни и смерти» [12, с. 143–149]. На семиотическом уровне такое прочтение допустимо – во всяком случае оно не уступает большинству предлагавшихся ранее расшифровок.

Нужно вообще подчеркнуть творческий, новаторский подход ко многим историко-этимологическим экскурсам своих предшественников, характерный для метода В. И. Коваля. Хорошо зная их работы и с уважением относясь к ним, наш Юбиляр обычно находит свой собственный оригинальный поворот в движении к внутренней формы той или иной фраземы. Не случайно поэтому его привлекают самые спорные и «тёмные» по происхождению обороты. Один из них – *собаку съел на чём, в чём* 'кто-л. является знатоком чего-л., имеет богатый опыт в чем-л.' стал для В. И. Коваля своеобразной путеводной звездой в его многолетних фразеологических исканиях. Члены нашего Фразеологического семинара помнят его молодые и горячие дискуссии по поводу этого фразеологизма с украинским фразеопассионарием А. А. Ивченко в далекие уже 80-е годы минувшего столетия. Именно тогда увидела свет статья В. И. Коваля о происхождении

этого оборота [20]. С тех пор его оригинальная гипотеза прорастала новыми нюансами, детализировалась и оттачивалась. Просеивались и отсеивались сквозь решето этнолингвистических данных явно фантастические гипотезы, усиливалась мифологическая подоплёка его собственной версии, выковывалась её деривационно-семантическая модель, представленная такими оборотами, как *скорпиона съест*, *гриб съест*, *налима съест*, *гороху объестся* и т. п. Постепенно фраза *собаку съест* осмыслялась как вербальная реализация так называемой «мифологемы еды», суть которой представлена исследователем в виде чёткой семантической формулы: «для получения тех или иных значимых для субъекта свойств, качеств, характеристик необходимо принять в пищу (съесть или выпить) предмет – объект съедения, содержащий (на сакральном уровне) искомые свойства». В. И. Коваль предположил тем самым, что съедение мяса собаки существовало, возможно, ранее как ритуальная еда [12, с. 41–48]. На этом, однако, его поиски не остановились. Он упорно и последовательно искал и находил факты, которые помогали раскрыть тайну фразеологического собакоедства в восточнославянском социуме.

В своей последней монографии он не просто возвращается вновь к расшифровке фразеологизма *собаку съест*, но и делает эту расшифровку центральной – и центростремительной, и центробежной – осью всей своей книги [13, с. 47–55]. Внутренняя форма этого загадочного выражения просвечивается им сквозь призму массы собственно языковых и культурологических фактов, помогающих объяснить и происхождение других фразеологизмов. Выражение *собаку съел* и его восточнославянские параллели (бел. *сабаку з'еў* и укр. *собаку з'їв*) он, как и ранее, интерпретирует на фоне ритуальной семантики пищи в жизненно важных сферах: как средства, стимулирующего деторождение; как «приворотного» зелья; как стимула [предотвращающего] приобретения определенных физических качеств и свойств характера; как средства борьбы против болезней и воздействия потусторонних сил и как прием вредной магии или как условие приобретения магических (в том числе колдовских) способностей.

На этом фоне инновативными, но вполне логичными оказываются языковые параллели, имеющие интернациональный характер смысловой закономерности, реализованной во фразеологизме *собаку съест*, что подтверждается примерами из других языков: арм. *šun kul tal* (букв.: проглотить собаку) ‘иметь жизненный опыт’ и тур. *işin kurdu olmak* (букв.: быть собакой своего дела) ‘быть мастеровым, искусным в чем-либо’. Они также подтверждают гипотетическую связь выражения с реально существовавшим ритуальным съедением мяса собаки как животного, наделявшего в народной мифологии важными магическими свойствами.

Такая мифологическая интерпретация обосновывается методикой структурно-семантического моделирования, основой которого является варьирование компонентов фразеологизма при сохранении стабильности его структуры и семантики. Важной «модельной» проекцией выражения *собаку съел* становятся бел. *чорта з'еў* ‘опытный, бывалый’, лит. *velnių priėdęs* (букв. чертей наевшийся) ‘хитрый, умный’ и нем. *einen Teufel fressen* (букв. черта сожрать) ‘стать хитрым, умным’. Тем самым – с учетом мифологическую «эквивалентность» чёрта и собаки, – тайна исходного образа одной из самых больших загадок восточнославянской фразеологии раскрывается весьма убедительно. Первоначально наше выражение значило «кто-либо получил (приобрел) свойства, характерные для черта как мифологического существа, – ловкость, изворотливость, обман, хитрость».

Как видим, наш Юбилляр неумолимо стремится в своих историко-этимологических исканиях «дойти до самой сути..., до оснований, до корней, до сердцевины». Разумеется, эти искания не ограничиваются раскрытием исходной мотивировки славянской фразеологии. Филологические интересы В. И. Коваль чрезвычайно широки и их можно охарактеризовать проблемой «Язык и народная культура», которой он начал успешно заниматься задолго до того, как эту проблему обозначили по-новому мудрено –

концептологией и когнитологией. Языковая картина славянского мира реконструируется В. И. Ковалём не как абстрактная когнитивная схема, а как полнокровное многокрасочное полотно, в котором реальное и мифологическое сливаются в одно нерасторжимое целое – подобно тому, как два взаимопроникающих полюса гендерной оппозиции сливаются, чтобы дать рождение новому живому существу.

Пожелаем же нашему Юбиляру ещё долго и трепетно воссоздавать свои этнолингвистические полотна, *съедая* при такой многотрудной творческой работе новых и новых фразеологических *собак* и *затыкая за пояс* тех, кто *толчёт* терминологическую воду в псевдонаучной *ступе*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, – под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 [2] с.

2 Коваль, У. І. “Цячэ вада ў ярк...”: тэкст і падтэкст / У. І. Коваль // Пятая навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу (Матэрыялы навукавай канферэнцыі). – Ч. 1. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2001. – С. 100–102.

3 Коваль, В. И. Белорусская народно-песенная фразеология любовно-эротического содержания / В. И. Коваль. // *Frazeologické štúdie* III. Jozef Mlacek – Peter Ďurčo editori. K 13. Kongresu slavistov v L’ubl’ane. – Bratislava, 2003. – S. 105–115.

4 Коваль, У. І. Бел. *акунёў вудзіць*, рус. *ершей клевать* / У. І. Коваль // Беларуская лінгвістыка. Вып. 15. – Мн., 1979. – С. 69–70.

5 Коваль, У. І. Чым адгукаецца слова: Фразеалагізмы ў павер’ях, абрадах і звычаях / У. І. Коваль. – Мн.: Народная асвета, 1994. – 48 с.

6 Коваль, В. И. Слово поведает нам... (Отражение мифологических представлений в лексике русского и белорусского языков) / В. И. Коваль // *Материалы к спецкурсу. Составитель В. И. Коваль. Гомель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации, 1995. – 70 с.*

7 Коваль, У. І. Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы / У. І. Коваль // Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. – Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.

8 Коваль, В. И. К проблеме «язык и язычество» (*Распоясаться. Заткнуть за пояс*) / В. И. Коваль // *Наследие Кирилла Туровского и современная общественно-культурная жизнь: Мат-лы науч. конф. / Бел. ун-т трансп. – Гомель, 1994. – С. 87–89.*

9 Коваль, У. І. Народныя замовы як крыніца ўтварэння этнафразем / У. І. Коваль // «Я блізка стаю да народа ...»: Мат-лы навук. чытанняў, прысвеч. Еўдакіму Раманаву / Гом. дзярж. ун-т. – Гомель, 1993. – С. 37–41.

10 Коваль, В. И. К лингвокультурологической интерпретации сказочного текста “Курочка Ряба” / В. И. Коваль // *Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы международной научной конференции / науч. ред. Н. А. Илюхина. – Самара, 12–14 мая 2011 года. – Самара: Изд-во “Универс групп”, 2011. – С. 142–144.*

11 Коваль, У. І. Да паходжання фразеалагізма *абое рабое* / У. І. Коваль // Беларуская лінгвістыка. Вып. 33. – Мн, 1988. – С. 44–48.

12 Коваль, В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Гомель: ИММС НАНБ, 1998. – 213 с.

13 Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск: РІВШ, 2011. – 196 с.

14 Gyula P. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / P. Gyula // *Veszprem: Nyomda Rt., 1997. – 527 p.*

15 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 143 (издание продолжается). – Л.-СПб, 1965–2010.

16 Коваль, В. И. Фразеологизм *женская логика*: семантика, концептуализация, употребление / В. И. Коваль // Фразеология и языковая динамика: сборник научных трудов, посвященных 55-летию профессора Харри Вальтера, почетного доктора Санкт-Петербургского университета. Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–19 марта 2010 года). – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 38–41.

17 Воробей, Т. В. К вопросу о происхождении фразем с компонентом-антропонимом / Т. В. Воробей, В. И. Коваль // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. – Ч. 1. – Гомель, 1985. – С. 37–39.

18 Коваль, В. И. К происхождению фразеологических единиц. *Кондрашка хватил* / В. И. Коваль, Е. И. Тимошенко // Русский язык. Межведомств. сб.– Минск: Университетское, 1991. – Вып. 11. – С. 136–144.

19 Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 1995. – Т. 1. А–Г. – 584 с.; М.: «Международные отношения», 1999. – Т. 2. – Д–К (Крошки). – 697 с.; М.: «Международные отношения», 2004. – Т. 3. – К (Круг) – П (Перепелка). – 704 с.

20 Коваль, В. И. К происхождению фразеологических единиц. *Собаку съест* / В. И. Коваль // Русский язык. Межведомств. сб. Вып. 5. – Мн.: Университетское, 1985. – С. 166–170.

21 Коваль, В. И. Об одной балто-славянской изофраземе (лит. *velnių priėdės* – бел. *чорта з'еў*) / В. И. Коваль // Zeitschrift für Slawistik. – Bd. 34. – Heft 2. – Berlin, 1989. – S. 181–182.

УДК 81'33:801.81

Н. Ф. Алефиренко

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Фразеологическая семантика характеризуется в лингвокогнитивном аспекте. Определяется роль фреймов в моделировании семантики устойчивых словосочетаний, а также содержание терминов “фрейм”, “сценарий” и “сцена” применительно к процессам фразеопорождения. Вводится понятие «культурный фрейм», объединяющий в одном представлении фразеологизмы, мифологемы и ритуалы.

Фразема как когнитивно-креативный продукт (а) дискурсивной деятельности и (б) языкового сознания, в рамках которого рождается и функционирует идиома, имеет изоморфное когнитивной структуре устройство, в основе которого лежит так называемый сетевой принцип.

Сложность взаимодействия фразем с семантическими сетями обуславливается тем, что его реализует наномасштабное множество достаточно мобильных компонентов и многообразных связей между ними. Более того, органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфной организацией анализируемой системы и ее subsystem. Дело в том, что сетевая организация семантического пространства идиоматики любого языка как бы наследует «сетевидную» структуру всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм порождается *системной синергетикой*, обеспечивающей единую комбинаторную жизнедеятельность

человека как социокультурного феномена. Именно системная синергетика лежит в основе слаженной «работы» всего когнитивно-семиологического механизма: а) актуализация любого элемента семантической сети автоматически приводит к выполнению функциональных «обязанностей» всех других элементов единой синергетической системы; б) результаты синергетического взаимодействия фразем с семантическими сетями, пройдя фильтрацию в кратковременной памяти, закрепляются памятью долговременной, из анналов которой благодаря её сетевой организации может мгновенно определяться и актуализоваться необходимый для данного речемыслительного акта элемент лексико-фразеологической системы. Семантическая сеть применительно к устойчивым сочетаниям экспрессивно-образного характера образуется синергетикой (1) отражения стереотипной денотативной ситуации в сознании человека и (2) кодирования её знаками косвенно-производной (фразеологической) номинации [1, с. 15].

Сетевидную организацию знания о стереотипной денотативной ситуации фраземы можно представить в виде фрейма. Надо сказать, что понятие фрейма имплицитно использовалось и раньше, в другом, разумеется, терминологическом облике. В концепциях Г. Бейтсона и Э. Гоффмана термин *фрейм*, напомним, ассоциируется с английским словом *frame-work* – ‘каркас’. Видимо, поэтому до сих пор термин *фрейм* употребляется в когнитивной лингвистике неоднозначно. Правда, хорошо уже то, что во всех определениях всё-таки можно выделить нечто общее. Таковым служат аналогии фрейма с модулем (*module*) или с рамкой в кино. Ч. Филлмор, например, употребляя термин *модуль* как синоним термину *фрейм*, сравнивает его с секционной («модульной») мебелью. По мнению учёного, фреймы также способны комбинироваться в более крупные модули, или рамки. При этом делается акцент на такой смысловой составляющей термина *фрейм*, как предназначенность, его нацеленность на нечто [2, с. 130], обладание ценностно-смысловым содержанием.

Чтобы понять роль фрейма в процессах фраземопорождения и фраземовосприятия, связанных с сетевым кодированием и декодированием знания, обратимся к его устройству. Фреймы, являясь структурой данных о стандартных (стереотипных) ситуациях, имеют сетевидную организацию: состоят из узлов и связей между ними. Структура фрейма формально состоит из узлов и отношений между ними. Вершинные уровни фрейма, составляющие его ядро, соотносятся с отражающими данную ситуацию концептами. Особую, когнитивно-прагматическую, роль во фразеологическом фрейме играют терминальные узлы, называемые слотами.

Внутренняя структура фразеологического фрейма, таким образом, представляет собой сложную конфигурацию слотов (терминалов). В слотах может содержаться стереотипная информация различной сложности: от простого признака денотативной ситуации до специальных фоновых знаний или даже энциклопедических данных. В сценарии как особой разновидности фрейма слоты заполнены наборами типичных последовательных действий, традиционно воспроизводимых в определенной ситуации. Фразеологические фреймы могут пересекаться, т. е. иметь общие слоты, т. к. ситуации реально существующего мира тесно взаимодействуют между собой. Каждый фразеологический фрейм (или фреймовая структура фразео-семантической группы) представляет собой иерархию с фиксированной вершиной, или вышестоящим фреймом (субфреймом), и нижестоящими фреймами (субфреймами).

Слот задаёт определенный параметр, своего рода позицию, которая в семантической структуре фраземы может заполняться конкретной информацией. Причем узлы разных уровней иерархически связаны друг с другом. Каждый из узлов несёт информацию о соответствующем фрагменте денотата ситуации фразеологического значения. Верхний узел обычно является носителем названия денотативной ситуации. Узлы более низких уровней, называемые терминалами, заполняются информацией,

связанной с приспособлением фрейма к данной ситуации. Так, фрейм, моделирующий фразеологическое значение 'кто-л. очень хочет попробовать, съесть или выпить что-л. вкусное, желаемое' фраземы *слюнки текут / текли, потекли* (у кого) содержит верхний (доминантный) узел 'желание' и терминалы 'еда', 'напиток', 'пробовать', 'вкусное', а его второе значение – 'кто-л. очень хочет приобрести что-л. заманчивое, очень желает завладеть этим' – терминалы 'приобретение', 'овладение', 'нечто заманчивое'. Ввиду непрочной связи со своими терминалами такая информация может быть вытеснена более адекватными для данной ситуации сведениями. Эти сведения должны отвечать определенным условиям. Простые условия обеспечивают репрезентацию сведений отдельными терминалами, обычно указывая на лицо, действие и т. п. Более сложные условия обеспечивают взаимосвязь между терминалами фрейма. Выбрав фрейм для представления-ситуации, необходимо заполнить терминалы информацией, совместимой с условиями порождения высказывания, прежде всего с речевыми интенциями субъекта речи. Ср.: 1) – *Пахнет у вас вкусно, аж слюнки текут!* – заметил Гусаков и перешёл в комнату, без стеснения разглядывая закуски (В. Кетлинская. Дни нашей жизни); 2) *У Хины потекли слюнки от одной мысли, что всё эти безделушки можно будет приобрести за бесценок* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы). В первом примере терминалы 'еда' и 'вкусно' актуализируются контекстом *разглядывая закуски, без стеснения*; во втором – терминалы 'заманчиво' и 'приобретение' находят контекстуальную поддержку со стороны слов придаточной части сложного предложения *можно будет приобрести за бесценок*. Однако для того, чтобы понять высказывание, содержащее фразему, недостаточное понимание самих составляющих фрейма и отношений между ними, облигаторных для порождения высказывания. Необходимо ещё привести форму и смысловое содержание фраземы в соответствии с коммуникативными интенциями отправителя высказывания. Ср.: *Костождогов, к примеру... Впрочем, пример неудачный: жизнь его в конце концов все-таки сожрала, схарчила, схрумкала. И не подавилась, скотина! Нет, мир стоит не на слонах, не на китах и даже не на быках. Мир стоит на трех огромных свиньях, грязных, смердящих и прожорливых...* (Поляков Ю. Козлёнок в молоке). Правила идентификации речевой интенции разработаны в трудах А. Феррара [см.: 3, с. 3].

Для идентификации речевой интенции и определения в ней роли фразем возникает необходимость различать такие разновидности фрейма, как сценарий и схема. Такая необходимость обуславливается тем, что фреймовая организация знаний в семантической структуре фразем соответствует организации способов их обработки и кодирования. Русскому термину *сценарий* соответствует английский термин *script*. В работах по когнитивной фразеологии они взаимозаменяемы. Аналогом фрейма считается также *схема*, понятие, введённое Ф. Бартлеттом в 30-е годы XX века. Схема также является способом моделирования смысловой структуры фраземы. Кстати, ранее то содержание, которое сегодня вкладывается в понятие «фрейм», именовалось «ассоциативными связями», а в когнитивной психологии и трудах по искусственному интеллекту – «схемой».

Фреймы, сценарии и схемы – особые инструменты описания фразеологической семантики. Однако различное понимание этих терминов затрудняет создание в когнитивной фразеологии единого категориально-понятийного аппарата. Одним из важных моментов, характеризующих эти термины, являются принципы статичности или динамичности. Так, понятие сцены характеризуется *статичностью*. Сцена – это структура памяти, организующая действия и состояния, связанные единой целью и единой обстановкой, заданной во времени и пространстве. Напротив, сценарий (скрипт) характеризуется *динамичностью*. Являясь разновидностью фрейма, они организуют знания о стереотипных сменах событий, т. е. представляют собой ряды сменяющих друг друга ситуаций: *рука об руку* – 'взявшись за руки (идти, гулять и т. п.); действовать вместе,

как единомышленники»; *сводить концы с концами* – ‘с трудом справляться с нуждами, едва укладываться в сумму заработка, жалования, в смету и т. п.’.

Всё это может служить достаточным основанием для расширительного понимания в когнитивной фразеологии понятия «фрейм», по аналогии с расширительным истолкованием концепта. Продолжая данную аналогию, расширительный формат фрейма назовём «культурным фреймом»; он также объединяет в одном общем представлении и устойчивые сочетания слов, и мифологемы, и ритуалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография / Н. Ф. Алиференко. – Белгород, 2008.

2 Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52–92.

3 Ferrara, A. Introduction / A. Ferrara // Versus. Milano, 1980, № 26/27. P. 3–16.

УДК81’373:398.9

D. Baláková

ŽIVOSŤ FRAZEOLÓGIE, FRAZEOLOGICKÁ KOMPETENCIA (DIFERENCOVANÉ ASPEKTY JEJ POSUDZOVANIA)

В статье освещается вопрос об активности и узнаваемости количественно и тематически ограниченного корпуса фразеологических единиц в речи молодого поколения. В процессе исследования используются статистические данные, полученные в результате опроса ста респондентов.

Posledná tretina 20. storočia znamenala pre lingvistiku presun pozornosti z oblasti výskumu jazykového systému na fungovanie jazyka v komunikácii a obrat od systémovolingvistickej ku komunikačno-pragmatickej paradigme, resp. intenzívne sledovanie frazeológie v komunikácii, vo „*frazeologii móviacego*“ či širšie „*frazeologii pragmatycznej*“ (Chlebda, 1994, s. 94 – 95) reflektovala aj slovenská frazeológia. Uplatňovanie frazém v jazykovej komunikácii, ich textotvorný potenciál a intertextovosť (dynamika slovenskej frazeológie i v kontexte internacionalizácie a globalizácie) sa stali prioritou aj súčasnej slovenskej frazeológie a sledovanie živosti frazém sa považuje za jeden z najproduktívnejších prístupov k výskumu v tejto oblasti, ako to dokladujú práce či štúdie frazeológov publikované v domácich i zahraničných zborníkoch a časopisoch*.

Exponovanosť frazém a ich známosť smeruje (i na základe komparácie s ďalšími jazykmi) k vymedzeniu paremiologického/frazeologického minima či optima (Ďurčo/Baláková) a prináša poznatky aj pre oblasť frazeodidaktiky. Pragmatická rovina skúmania zahŕňa aspekty komunikant ako produktor textu, komunikant-recipient (ich frazeologická kompetencia), skúmanie reálneho života frazeológie prináša poznatky o realizačných podobách frazém v textoch, textotvornom (i konštrukčnom) potenciáli frazeologického fondu, ako aj o jeho obohacovaní (nová frazeológia).

V týchto intenciách sa komunikačné prejavy diferencovaných skupín slovenských používateľov jazyka v rozličnej intenzite a rozsahu stali najmä v posledných desaťročiach

* Napr. aj *Phraseologische Studien/Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie/Динамические тенденции в славянской фразеологии* (2010).

predmetom výskumu viacerých bádateľov[†]. Závery vyplývajúce z ich pozorovaní svedčia o rezervách vo funkčnom využívaní FJ a vo všeobecnosti potvrdzujú nevyhnutnosť zvýšenia efektívnosti ich osvojovania v procese výučby i po zavŕšení inštitucionalizovanej fázy vzdelávania.

Impulzom k obráteniu pozornosti na textotvorný potenciál frazém sa nám stali jednak pozorovania F. Mika o ich všeobecnom ústupe (1989, s. 11–12), a neskôr konštatácie P. Ďurča v štúdiu *K výskumu súčasnej živej paremiológie*, kde upozorňuje na fakt, že v súčasnosti niet na Slovensku aktuálneho lexikografického diela, v ktorom by bola spracovaná živá a nová paremiológia (ani frazeológia – pozn. autorky) slovenčiny, a zdôrazňuje nevyhnutnosť sociolingvistického výskumu orientovaného na získanie obrazu o stave a dynamike týchto jazykových konštruktov, teda potrebu „zistiť, ktoré lexikograficky registrované paremiologické jednotky sú v súčasnosti známe a živé u Slovákov“ (Ďurčo, 2002, s. 51).

V kontexte oboch inšpiratívnych podnetov sme v časti našej monografie *Dynamika súčasnej slovenskej somatickej frazeológie (fond somatických frazém)* prezentovali výsledok našich snažení korešpondujúci s uvedenou ambíciou – zistiť živosť či známosť kvantitatívne a tematicky vymedzeného korpusu aj v úzve mladej generácie (Baláková, 2011).

Na margo metódy, ktorú sme zvolili, aspoň niekoľko poznámok: P. Ďurčo v citovanej štúdiu pracuje s jemnejším aparátom na rozlišovanie známosť či neznámosť parémii: 1. poznám, používam; 2. poznám, nepoužívam; 3. nepoznám, rozumiem; 4. nepoznám, nerozumiem; 5. uvedenie variantnej podoby príslovia v dotazníku. Výsledky prieskumu, ktoré predkladá, sú podľa neho na základe minimálnej vzorky respondentov (13, neskôr 36) len predbežné, ide teda o prvú sondu; v ďalšej etape okrem reprezentatívnej vzorky z hľadiska regionálneho zastúpenia a vekovej štruktúry bude podľa neho potrebné na zistenie jazykovej kompetencie použiť Permiakovovu metódu skúmania znalosti (uvedenie prvej časti príslovia, na základe čoho probandi doplnia druhú, chýbajúcu časť), reštringovať pôvodný korpus (2834 položiek), čo by malo viesť aj k nárastu posudzovateľov (Ďurčo, 2002, s. 57; 2007, s. 172).

Keďže náš korpus somatických frazém bol rozsahom porovnateľný (cca 2 660 položiek), v snahe dať ho posúdiť čo najširšej vzorke respondentov (100 respondentov) v určitom presne časovo ohraničenom úseku (v priebehu jedného akademického roka), snažili sme sa čo najviac zefektívniť jeho realizáciu. Preto sme zvolili len indexáciu – bez uvádzania ekvivalentov frazém – pôvodne tiež štvorstupňovú, t. j. identickú. Pilotná sonda nám však ukázala, že dištinkcia medzi nepoznám, rozumiem – nepoznám, nerozumiem nie je potrebná. Index 3 sa ukázal ako redundantný, v hodnoteniach sa neobjavoval. V rozpätí 1 – 2 – 3 najvyšší číselný údaj (3) bol spätý s tými FJ, ktoré študenti nepoznali a ani im nerozumeli. V konečnom dôsledku, získať autentické údaje na osi nepoznám, ale rozumiem či nepoznám a nerozumiem by znamenalo verifikovať odpovede pomocou sémantickej interpretácie, čo sa javilo vzhľadom na výskumnú vzorku respondentov (100 probandov) i rozsah predkladaného materiálu (2 660 FJ) nerealizovateľné. Posudzovali sme teda daný korpus na osi centrum – postcentrum – periféria na základe odpovedí: poznám a používam = index 1 (aktívna znalosť); poznám, ale nepoužívam = 2 (pasívna znalosť), nepoznám = 3 (neznalosť).

Ďalšie naše sondy do frazeologickej kompetencie používateľov jazyka však naznačovali (Baláková, 2011; Kováčova, 2011), že autenticky posúdiť frazeologickú kompetenciu používateľov jazyka znamená verifikovať nimi poskytnuté údaje práve na základe frazeo-sémantickej interpretácie. Istá časť respondentov mala totiž tendenciu preceňovať svoju kompetenciu aj v súvislosti s odpoveďami typu poznám a používam. Naše pozorovania tento jav preukázateľne potvrdili, a preto sme sa v ďalšom podobne orientovanom výskume, tematicky vymedzenom na biblickú frazeológiu, v rámci širšie koncipovaného projektu (nemecko-rusko-slovenského) rozhodli pre municiónejšie rozlišovanie.

[†] Gros tvoria štúdie publikované v zborníkoch *Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre* (1993) a *K aktuálnym otázkam frazeológie* (2001).

V súvislosti s avizovaným projektom je súbor vybraných biblických frazém (80 položiek) respondentmi posudzovaný z hľadiska aktívneho a pasívneho využitia jednotiek v ich úze na základe diferenciacie odpovedí: 1A – poznám, používam, viem vysvetliť; 1B – poznám, používam, neviem vysvetliť; 2A – poznám, nepoužívam, viem vysvetliť; 2B – poznám, nepoužívam, neviem vysvetliť; 3 – nepoznám.

Naším zámerom totiž je v rámci päťstupňovej škály odpovedí detailnejšie odlíšiť frazeologickú kompetenciu v širšom zmysle od frazeologickej kompetencie v užšom zmysle, t. j. frazeosémantickej kompetencie, s ktorou možno počítať nielen v kategórii odpovedí zahŕňajúcich aktívne využitie frazémy v reči, ale aj na úrovni pasívneho ovládania frazém ako hotových, reprodukovateľných špecifických konštruktov.

Možno to demonštrovať na dvoch FJ zo súboru, a to: *sypať si popol na hlavu*[‡] – nem. *sich Asche aufs Haupt streuen*; rus. *посыпать пеплом голову* (Walter – Mokienko, 2011, 38) a *stavat' (postaviť) na piesku čo*[§] – nem. *auf Sand gebaut haben*; rus. *строить (построить) на песке что* (Walter – Mokienko, 2011, 325).

Obe uvedené frazémy zaradilo zhodne 85 % respondentov aspoň k pasívnemu úzu (súčet odpovedí 1A, 1B, 2A, 2B) a len 15 % ich označilo indexom 3 (t. j. uviedli, že ju nepoznajú).

Pre porovnanie uvádzame detailnejší pohľad na diapazón oboch jednotiek (v percentách) v poradí podľa typu odpovedí 1A – 1B – 2A – 2B – 3.

<i>sypať si popol na hlavu:</i>	24 – 5 – 35 – 21 – 15
<i>stavat' (postaviť) na piesku čo:</i>	18 – 2 – 52 – 13 – 15

Na prvý pohľad je zrejmé, že napriek identickému percentu minimálne pasívneho ovládania (85 %) a rovnakej neznalosti (15 %), pomer aktívneho využitia (súčet odpovedí 1A a 1B) je v prospech prvej z nich (29 % : 20 %), teda FJ *sypať si popol na hlavu* študenti poznajú a používajú častejšie. Bolo by teda opodstatnené očakávať, že jej živosť bude odrážať aj frazeosémantická interpretácia, teda, že respondenti nemali problém s jej vysvetlením. Komparácia frazeologickej kompetencie (FK) v širšom zmysle a frazeologickej kompetencie v užšom zmysle, t. j. frazeosémantickej kompetencie (FSK), však znamienko rovnosti medzi živšia frazéma – bezproblémovjšia interpretácia nepotvrzuje. V zátvorke sú uvedené hodnoty chybné frazeosémantickej interpretácie. FJ *sypať si popol na hlavu* síce viac študentov zaradilo k odpovediam typu 1A (poznám, používam, viem vysvetliť), ale ich chybovosť bola vyššia ako pri FJ *stavat' (postaviť) na piesku čo*. Podobná situácia sa zopakovala aj pri odpovediach typu 2A (poznám, nepoužívam, viem vysvetliť).

	FK (FSK – nesprávne interpretácie)
<i>sypať si popol na hlavu:</i>	24 (37,5%) – 5 – 35 (31,4 %) – 21 – 15
<i>stavat' (postaviť) na piesku čo:</i>	18 (11,1%) – 2 – 52 (9,6 %) – 13 – 15

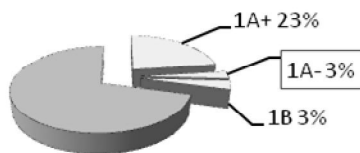
Prvé predbežné vyhodnotenie výsledkov (na vzorke slovenských respondentov) naznačuje opodstatnenosť takto zvolenej metódy. Predkladáme parciálne výsledky posudzovaného súboru (80 FJ biblického pôvodu) respondentmi – slovakistami (výskumnú vzorku tvorilo 130 študentov Filozofickej fakulty Katolíckej univerzity v Ružomberku) zatiaľ po spracovaní údajov odpovedí aktívneho využívania biblickej frazeológie ako celku, t. j. odpovedí 1A

[‡] Mala na sebe dlhú tuniku, lebo kráľovské dcéry sa oddávajú, kým boli panny, takto obliekali. Jeho sluha ju vyhnal na ulicu a zaprel za ňou dvere. Tamar si dala na hlavu popol, dlhú tuniku, ktorú mala na sebe, roztrhla, ruky si položila na hlavu, išla a nepretržite volala. (2 Sam 13, 18–19)

[§] A každý, kto tieto moje slová počúva, ale ich neuskutočňuje, podobá sa hlúpemu mužovi, ktorý si postavil dom na piesku. Spustil sa dážď, privalili sa vody, strhla sa víchrica, oborili sa na ten dom a dom sa zrútil; zostalo z neho veľké rumovisko. (Mt, 7, 26–27)

(poznám, používam, viem vysvetliť), 1B (poznám, používam, neviem vysvetliť). Ako z grafu vyplýva, percento nesprávnych odpovedí typu 1A (v grafe označených v rámečku ako 1A-) nie je zanedbateľné, a má identickú hodnotu ako odpovede typu 1B (poznám, používam, neviem vysvetliť), t. j. 3 %.

frazeologická kompetencia - frazeosémantická kompetencia

Nazdávame sa, že už na základe prvých analýz výsledkov nášho výskumu v rámci spoločného projektu (Greifswald – Peterburg – Ružomberok) možno očakávať, že bude prínosom nielen pre frazeológiu v intenciách vymedzených zámerov – komparácia biblickej frazeológie ako spoločného kultúrneho dedičstva vo vedomí natívnych hovoriacich a jej dynamika, ale perspektívne aj pre oblasť frazeodidaktiky.

Literatúra

- 1 Baláková, D. Dynamika súčasnej slovenskej frazeológie (fond somatických frazém) / D. Baláková – Greifswald: Ernst-Moritz-Ardnt-Universität Greifswald, 2011. – 315 s.
- 2 Балакова, Д. Межславянское понимание с фразеологической точки зрения II. In: Фразеология и языковая динамика / Д. Балакова // Ред. В. М. Мокиенко, А. В. Савченко. – Greifswald – Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Ardnt-Universität, 2011. – 206–214 s.
- 3 Ďurčo, P. K výskumu súčasnej živej slovenskej paremiológie / P. Ďurčo // In: Studia Academica Slovaca. 31. Red. J. Mlacek. Bratislava: Stimul, 2002. – 51–60 s.
- 4 Ďurčo, P. Paremiologické minimum slovenčiny. Výsledky a porovnania. In: Jazyky a jazykověda. Ed. R. Blatná, V. Petkevič / P. Ďurčo // Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy – Ústav Českého národního kurpusu, 2005. – 45–61 s.
- 5 Ďurčo, P. Paremiologické optimum slovenčiny. In: Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków. Red. W / P. Ďurčo // Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. – 171–177 s.
- 6 Chlebda, W. Pogoda dla badaczy, czyli O inwariancie i wariantach we frazeologii raz jeszcze / W. Chlebda // In: Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. VI. Red. M. Basaj – D. Rytel. – Warszawa: PAN, 1994. – 93–108 s.
- 7 Хлебда, В. Фразеологические исследования и лингвистический принцип неопределенности / В. Хлебда // Ин: Грани слова. Отв. ред. М. Алексеенко, Х. Вальтер. – М.: Изд-во ЭЛПИС, 2005. – 152–165 с.
- 8 Kováčová, V. "Jazyk ve zbrani?" II. Interkultúrne prieniky – sonda do interjazykovej frazeologickej kompetencie študentov vysokých škôl / V. Kováčová // In: Slovo a obraz v komunikaci s dětmi. Komunikace s dětmi v zrcadle času. Ed. R. Novák. – Ostrava: Pedagogická fakulta Ostravské univerzity, 2006. – 244–249 s.
- 9 Kováčová, V. Výskyt frazém v dialekte najstaršej generácie sotáckych autochtónov / V. Kováčová // In: Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy. Ed. D. Baláková, P. Ďurčo. Ružomberok: Katolícka univerzita – Filozofická fakulta, 2007. – 262–271 s.
- 10 Ковачова, В. Межславянское понимание с фразеологической точки зрения / В. Ковачова // Фразеология и языковая динамика. Ред. В. М. Мокиенко, А. В. Савченко. Greifswald – Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Ardnt-Universität. – 2011. – 197–205 s.
- 11 Mlacek, J. Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, akceptácia, uplatňovanie / J. Mlacek, D. Baláková, V. Kováčová // Ružomberok: Katolícka univerzita, Filozofická fakulta, 2009. – 221 s.

12 Miko, F. Frazeológia v škole / F. Miko // Bratislava: SPN, 1989. – 232 s.

13 Sväté písmo Starého i Nového zákona. Trnava: Spolok sv. Vojtecha, 1996. – 2623 s.

14 Walter, H., Mokienko V. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie / H. Walter, V. Mokienko // Greifswald: Ernst-Moritz-Ardnt-Universität Greifswald, 2011. – 460 s.

15 Príspevok vychádza v rámci riešenia medzinárodného grantového projektu Bible and Christianity in Phraseology.

УДК 81'373:398.9=16

А. С. Белая, Н. А. Верхулевская

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ – ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Славянская фразеология рассматривается с точки зрения ее лингвокультурологического потенциала. На примере анализа фразеологизмов, отражающих нравственные понятия, и оборотов с социокультурной семантикой делается вывод о роли морально-этических норм, разрушение которых приводит к неупорядоченности общественного сознания.

В современной лингвистической науке исследователи всё чаще обращаются к историко-культурологическому анализу фразеологии, что позволяет представить её в когнитивном аспекте, который невозможен без диахронического анализа и межъязыкового сопоставления. При этом допускается и субъективистский подход. Однако такой односторонний подход может привести к упрощению и переоценке фразеологических единиц (ФЕ), имеющих ярко выраженную национальную коннотацию.

По мнению многих исследователей, именно в языке заключена историческая память народа, именно язык отражает культурный и языковой опыт народа [1, с. 104]. Лингвокультурологические исследования на материале фразеологии позволяют представить многие духовные ценности, созданные отдельными этносами в течение тысячелетий. Фразеология – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [2, с. 9].

Как языковой феномен, славянские фразеологические обороты (ФО) имеют общечеловеческое содержание. Например, во фразеологии находят отражение такие понятия, которые формируются в сфере нравственных, духовных, социальных и культурных взаимоотношений людей в многонациональных социумах. Мы обратимся к описанию ФЕ, отражающих нравственные понятия, и ФЕ с социокультурной семантикой.

Основными нравственными понятиями являются: *добро (польза), зло, идеал, горе, несчастье, гордость, любовь, честь, правда, святость, совесть, свобода, сила, грех, зависть, ревность, обман, хитрость и много других*. Из них выделяются понятия, составляющие общечеловеческие ценности: *гуманизм, добро, дружба, милосердие, миролюбие, совесть, справедливость, счастье, человечность и др.* Эти понятия встречаются во многих ФЕ восточнославянских языков:

– русский язык: *дело чести, клясться честью, поручиться честью, добрые намерения, мир не без добрых людей;*

– украинский язык: *справа честі, добрі наміри;*

– белорусский язык: *справа гонару, добрая справа.*

Как видим, в основу дефиниции нравственности ложится понятие о форме общественного сознания, отношений, где главными являются этические нормы, разрушение

которых приводит к распаду и хаосу. В любом обществе нужны регуляторы, которые бы организовывали жизнь общества. И таковыми являются: нравственные взгляды, традиции, нормы, принципы, заповеди, цели, оценки, категории добра, совести, чести и др. Поэтому так важно изучать нравственные концепты с разных позиций и стараться донести смысл до тех, кто нуждается в знании.

Лексический состав ФЕ с нравственными понятиями в трёх восточнославянских языках может отличаться. Однако их семантика либо близка, либо идентична. Покажем это на примере лексемы «честь» в составе ФО.

Политические, экономические, социальные и т. п. изменения, происходящие в мировом сообществе в последние десятилетия, обуславливают актуальность морали и ее категорий, в частности категории «честь». В данной статье мы рассмотрим эту лексему. Концепт представлен немногочисленными словообразовательными единицами: *честный, честно, честность, бесчестный, чествовать*, а также синонимом — *почтение*.

Первым шагом в рассмотрении концепта является установление значения лексемы.

Честь – это [3, с. 785] / 1. *Моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих. Например: (РЯ)*** дело чести; клясться честью; поручиться своей честью; воинская честь; честь российского спорта; (БЛР) справа гонару; гэты студэнт – гонар (гордасць) нашага інстытута; (УЯ) справа честі; честь университета.

2. *Почет, уважение. Знаки внимания, оказываемые кому-либо. Например: (РЯ)* заслуженная честь; оказать честь гостю; отдать честь; делать (сделать) честь; (БЛР) быць у пашане; гэта вялыкы гонар (пошана, павага) для мене; аддаць чэсць; рабіць (зрабіць) гонар; (УЯ) буці у пошані; на честь (пошану) чію; мати за честь щось; заради честі.

3. *То, что придает кому-либо или чему-либо ценность, достоинство; то, чем гордятся. Например: (РЯ)* честь семьи; честь фирмы; честь заводской марки; (БЛР) гонар (гордасць) інстытута; (УЯ) честь універсітэту (фірмы) і т. д.

4. *Целомудрие, непорочность (женщины). Например: (РЯ)* береги честь смолоду; (БЛР) шануйся замалада – не напаткае бяда; (УЯ) берегти честь замолоду.

Этимологически слово восходит к общеславянскому *сьсть*. Корень *сьт-* тот же, что в *читать, число, чет, почет, чтить*. Праславянское **сьсть* родственно древнеиндийскому *śittis* ж. "мышление, понимание, намерение", авест. *čisti-* 'мышление, познание, понимание'; отмечается другая ступень чередования гласных: древнеиндийское *śētatī* 'соблюдает, замечает, думает', латышское *škist, škietu* 'думать, соблюдать' [4, с. 350].

Мы видим, что концепт «честь» широко представлен во всех славянских языках и свидетельствует о высоком уровне культуры народов, о природном чувстве самоуважения и о национальном достоинстве.

Не менее выразительны в лингвокультурологическом отношении и ФО, имеющие в своём составе компоненты с социокультурной семантикой. В современных СМИ такие ФО играют важную роль.

Большая часть фразеологизмов, функционирующих на страницах современных газет, имеет ярко выраженное оценочное значение, социально маркированное. Социально актуальное значение оборотов в текстах СМИ раскрывается благодаря их метафоризации в определённых социально значимых ситуациях [5, с. 229]. В ФО сосредотачивается информация о развитии и жизни общества на каком-либо этапе, они выступают единицами, способными обеспечить социокультурную информацию.

В текстах СМИ функционируют ФЕ уже хорошо известные в языке. Они либо выполняют номинативную функцию, информируя о реально происходящих событиях и образно представляя их с целью эмоционального воздействия на читателя, либо допускают в свой состав новые компоненты и подвергаются индивидуально-авторскому

** Список принятых сокращений см. в конце статьи.

переосмыслению, выражают субъективную точку зрения. Большинство ФЕ в языке СМИ имеют оценочное значение, то есть они выражают положительную или отрицательную характеристику предмета, индивида, действия: *отмывание грязных денег, попытаться взвинтить ситуацию, сделать «громкое» заявление, участвовать в предвыборной гонке, погода внесла свои коррективы, встретить в штаны, завинчивать гайки, вывести на орбиту* и другие... Оценочный характер таких фразеологизмов проявляется в определённых контекстах, где они обретают ярко выраженную экспрессивность.

Таким образом, в процессе развития языка важное место занимают ФЕ, называющие реалии социальной действительности. Этот процесс особенно плодотворен в конце XX – начале XIX вв. Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, безусловно, связанного с его культурными традициями. Лингвокультурологический подход к вопросам фразеологии в последние годы XX в. и в начале XXI в. характерен для многих языков, особенно в изучении славянской фразеологии. Обращение лингвокультурологии к человеческому фактору в языке, пристальное внимание к процессу речевой коммуникации представителей различных культур-носителей разных языков, раскрывает новые возможности в изучении и постижении фразеологии многих языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986.
- 2 Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М., 1996.
- 3 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов // под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Изд-во “Русский язык”, 1983.
- 4 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / М. Фасмер. – пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева – Т. 4. – М.: Прогресс», 1987. – 864 с.
- 5 Белая, А. С. Семантико-прагматический подход к изучению современной фразеологии (на материале прессы) / А. С. Белая // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы Международной научной конференции. – Гомель, 2001.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БЛР – белорусский язык
РЯ – русский язык
УЯ – украинский язык

УДК 004.823:398.9

М. В. Жуйкова

ОБРАЗНА ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ І ФРЕЙМОВЕ МОДЕЛЮВАННЯ

В статті розглядаються особливості образної структури фразеологічних одиниць українського, російського, білоруського і польського мов з точки зору їх фреймове моделювання. Аналізуються особливості вербалізації фразеосемантичних полів «фізичне вплив» і «поведінка п'яного».

Розвиток нової лінгвістичної парадигми – антропоцентризму – вимагає нових прийомів аналізу фразеологічних одиниць (ФО), передусім таких, які скеровано на виявлення особливостей мисленнєвої діяльності людини у процесах фразеотворення. Ономазіологічний підхід до семантики ФО, поєднаний з методиками концептуального аналізу, дозволяє виразно побачити дію загальних когнітивних механізмів, що позначаються на виникненні ФО. При застосуванні новітніх методик для встановлення генези фразем має враховуватися як їхня «історична глибина» і культурно-національна специфіка, так і міра прозорості плану вираження. Непрозора для сучасної мовної свідомості образна основа утруднює діахронний аналіз ФО і часто унеможлиблює адекватне відтворення когнітивних механізмів, що діяли при породженні сталого виразу.

У ході когнітивного аналізу до ФО, що мають образну основу, може бути застосований прийом, який ми називаємо фреймовим моделюванням, див. докладніше [2, с. 62–63]. Фреймове моделювання засноване на встановленні відповідності між планом вираження ФО та її актуального значення, з одного боку, та фреймовою структурою, яку вербалізує ця ФО, з другого. Фрейм, як відомо, – це різновид ментальних (мисленнєвих) структур, який відповідає класу типових гомогенних ситуацій і служить для збереження знань про цей клас [1, с. 227]. Інтерпретація ситуації як стану речей передбачає наявність у ній учасників (дійових осіб), певного антуражу (взаємин між ними, їх ролей, цілей та можливостей, змін у процесі розгортання ситуації тощо), а також просторово-часових координат ситуації. Ця обставина викликала потребу у розширенні поняття «фрейм» шляхом введення до його структури так званих слотів – елементів ситуації, які, зберігаючи загальну абстрактність в ментальній моделі, наповнюються конкретним змістом у кожному особному випадку її реалізації. Таким чином, фрейм включає в себе імена слотів та зміст слотів. Ім'я слоту можна розглядати як комірку матриці фрейму (інваріантний параметр), яка заповнюється певними варіативними змістами (значеннями цього параметру), що відповідають характеристикам різних екстралінгвальних ситуацій.

Для аналізу, спрямованого на виявлення способів та характеру вербалізації фреймових структур засобами фразеології, можна використовувати ті одиниці, які для актуальної мовної свідомості зберігають свою мотивацію та внутрішню форму (наприклад, укр. *пустити юшку, частувати кулаками*, рос. *прописать лому, морду начистить*, білор. *дубчика джгануць, адламаць рэбры*, пол. *wymierzyć policzek, porachować żebra*). Крім того, для цього завдання можна залучати й ті одиниці, мотивація яких встановлюється шляхом нескладних відсилок лінгвістичного чи екстралінгвального характеру. Наприклад, український вираз *дати рубля* з семантикою побиття отримує прозору внутрішню форму, якщо взяти до уваги, що слово *рубель* позначає старовинний дерев'яний прилад для качання білизни, який у побуті міг принагідно правити за знаряддя биття; мотивація російської ідіоми *прописать ижицу* прояснюється при актуалізації відомостей про побиття школярів різками, які залишали на спині сліди, подібні за формою на стару літеру «іжиця». До процедури фреймового моделювання не можуть бути залучені одиниці, внутрішня форма яких не дає однозначних підстав до виявлення їхньої мотивації (наприклад, укр. *дати духопеликів, докласти воза, всипати по перше число* із значенням 'побити').

Використання фреймової матриці, на яку накладається масив ФО з близькою семантикою, дозволяє отримати когнітивну модель фразеологічного поля (групи). Так, до моделі фрейму «ПОБИТТЯ» входять такі слоти:

- Суб'єкт дії в цілому,
- Активний орган суб'єкта дії («Партитив суб'єкта»),
- Інструмент, який використовується суб'єктом дії для її передачі (трансляції) об'єкту («Інструмент»),
- Фізична дія («Дія»),

- Об'єкт дії в цілому (як сукупність тілесного та чуттєвого),
- Частина та органи тіла об'єкта («Партитив об'єкта»),
- Тілесні зміни, які відбуваються в об'єкті внаслідок дії (дій) суб'єкта («Вплив на об'єкта»).

У більшості ФО лексичними засобами представлено лише по одному слоту: *дати в морду, полатати штани* (партитив об'єкта), *пустити юшку, zrobić z [kogoś] marmoladę* (вплив на об'єкт). Разом з тим характерною особливістю внутрішньої форми багатьох ФО поля «Побиття» є комбінування декількох слотів, актуалізованих у плані вираження через семантику окремих лексем. Наприклад, у фраземах укр. *нагріти боки, погріти спину (ребра, плечі), зігріти чуприну*, рос. *нагреть бока, задницу наварить*, білор. *жарыць у скуру* вербалізовано ту частину тіла, по якій б'ють, а також відчуття жару від ударів (слоти «Партитив об'єкта» та «Вплив»). У фраземах укр. *розбити ніс на пумідор* та рос. *покрасить ряшку* поєднується інформація про партитив об'єкта та наслідки побиття (появу на обличчі крові). Цікавою формою вербалізації наслідків удару по обличчі є наведений В. Далем вираз *испекли лепёшку во всю щёчку*, де лексичний компонент *лепёшка* служить для кодування розпухлої від ляпасу щоки. Фраземи *списати на спині, списати спину, списати шкуру вздовж і впоперек*, а також оказіональний вираз *расписать задний фасад*, вжитий М. Гоголем у листі 1827 р., експліцитно вербалізують як партитив об'єкта, так і вплив (сліди побиття на спині). У незначній кількості фразем представлено комбінування слотів «Партитив об'єкта» та «Інструмент» (білор. *памацаць кіем рэбры*), «Партитив суб'єкта» та «Партитив об'єкта» (укр. *приміряти кулак до вуха*).

Серед одиниць фразеологічного поля побиття можуть зрідка траплятися такі, що вербалізують одночасно три слоти. Пор., зокрема, укр. вираз *погріти ломакою спину* із слотами «Партитив суб'єкта» (*спина*), «Інструмент» (*ломака*) та «Вплив» (*погріти*). Така одиниця вирізняється серед інших, близьких за семантикою, максимальною інформативністю.

Якщо ж взяти до уваги ту обставину, що предикативні ФО входять у речення із своїми облігаторними актантами (суб'єктом та об'єктом), кількість слотів має бути збільшена. Так, оскільки сталий вираз *затопити (заїхати) в око* функціонує в розгорнутій формі з двома актантами (*Хто затопив в око кому*), у ньому наявні слоти «Суб'єкт», «Об'єкт», «Партитив об'єкта» (око), «Дія» (удар). У фреймовій структурі фраземи *пустити юшку кому* реалізовано слоти «Суб'єкт», «Об'єкт», «Партитив об'єкта» (ніс), «Дія» (удар), «Вплив» (кров на обличчі). Отже, цей вираз виявляється інформативно багатшим за попередній, оскільки містить додатковий слот «Вплив». Зауважимо, що частина інформації, яка зберігається у фреймовій структурі, в плані вираження ФО може залишатися імпліцитною (наприклад, вираз *пустити юшку* не містить прямої вказівки на партитив об'єкта, а в ідіомі *прописать іжцу* не вербалізовано слот «Інструмент», проте носії мови можуть компенсувати цю імпліцитність завдяки володінню екстралінгвальною інформацією.

Фреймове моделювання одиниць фразеологічного поля побиття дає змогу класифікувати їх у залежності від інформації, яка міститься в їх внутрішній формі і тим самим виявляти міру релевантності того чи того слоту для носіїв певної мови. Обстежений нами матеріал чотирьох мов (української, російської, білоруської, польської – загалом більше 300 фразем із збереженою внутрішньою формою) свідчить про те, що найчастіше ФО поля побиття вербалізують три слоти: «Інструмент», «Партитив об'єкта» та «Вплив на суб'єкт», представлені у фраземах окремо або в різних комбінаціях. На цій підставі доречно припускати, що саме ця інформація для мовців виявляється найважливішою, мовна свідомість виділяє саме ці слоти як найбільш релевантні у ситуації побиття. Важливо також відзначити, що інформація про ті чи інші слоти, вербалізовані у внутрішній формі фразем, може залишатися імпліцитною; в таких випадках вона виводиться мовцем завдяки знанню конкретних реалізацій загальної фреймової моделі.

Аналогічним чином фреймове моделювання може бути застосоване до ФО, які позначають поведінкові скрипти. Дослідники відзначають, що різні ситуації кодуються скриптами різного типу та рівня складності. Найпростіший скрип містить інформацію про типізовану соціальну роль, для якої характерна певна типізована дія чи поведінка. Так, скрип «бути п'яним», сформований на основі колективних спостережень за поведінкою людей, що перебувають під впливом алкоголю, містить інформацію про основні ознаки поведінки п'яного, позбавлені індивідуальних рис. Це, зокрема, нетверда хода, заточування, падіння, намагання співати та веселитися, неконтрольовані крики, чіпляння до інших, погане володіння язиком, вживання лайок, неможливість сконцентрувати погляд, блювання та інші.

У фразеологічному матеріалі української мови ми виявили як динамічні, так і статичні компоненти скрипту «поведінка п'яного». До динамічних компонентів, організованих у певну послідовність (сценарій), належать такі:

– П'яний заточується при ходінні, не може просуватися прямо вперед: бублики ногами малювати (рисувати), круги випикує, виводити рогалики, всю дорогу хрестити, ногами кросворд розгадувати, нога за ногу чіпляється, як качки заганняє, табун качок жене. Сюди ж можна віднести і старий вираз мисліте писати, який вийшов з ужитку з причини деактуалізації внутрішньої форми.

– П'яного хитає, він зачіпає тілом певні предмети, що знаходять обабіч: шатати (хитати) стовпи, стовпи цілувати, забори цілувати, щитати стовпи, збивати фонарі, йде від плота до плота, йде від стовпа до стовпа. Та ж поведінкова особливість п'яного відбита у фраземі Вузька вулиця (для когось).

– П'яний зупиняється під час ходи і тримається за опору, щоб не впасти: *прилип, як п'яний до тину, стовпи обнімати.*

– П'яний пересувається на колінах чи повзе: *лізти рачки, на чотрьох йде.*

– П'яний спотикається, падає і знов встає: *гриби збирати; оре носом.*

– Зрештою п'яний падає на дорозі і довго не може встати: *асфальт обіймати, стелитися по землі.* Пор. укр. приказку, зафіксовану М. Номисом: *У п'яниці коли не очі сині, то спина в глині*, де компонент *спина в глині* вказує на те, що п'яний часто валяється в багні і вимазується.

Серед статичних поведінкових характеристик, які не творять сценарію, у ФО української мови виявлено такі:

– П'яний не може сконцентрувати свій погляд: *очі на півдесятого (на півдев'ятого), очі ножницями, очі косинусом; очі рогом, хоч налигуй.*

– У п'яного заплітається язик: *язик за зуби чіпляється; язика не поверне, наче він йому повстаній.*

– У п'яного трусяться руки: *ложки до рта не донесе.*

Ширше залучення фразеологічного матеріалу (особливо ареальної фразеології, а також даних інших слов'янських мов) дозволить «прописати» цей скрипт докладніше і повніше, проте і наведений матеріал свідчить, що засобами фразеології репрезентуються ті компоненти скрипту, які якнайкраще служать для ідентифікації та розпізнання п'яного за його поведінкою. Можна припускати, що фразеологічні одиниці маркують у портреті п'яного саме ті риси, які стають підставою для його негативної суспільної оцінки.

Використання фреймового моделювання при аналізі образних одиниць певного фразеологічного поля дозволяє уточнити семантичні особливості ФО в межах синонімічних груп, спрогнозувати їх сполучуваність та референційні властивості. Загалом шляхом накладання образних ФО різних мов на когнітивну матрицю можна виявити універсальні та культурно-специфічні ознаки фразеосистем, схарактеризувати їхнє національно-культурне навантаження та місце у національних картинах світу.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1 Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

2 Жуйкова, М. В. Фрейм побиття та його вербалізація в одиницях фразеологічного поля (на матеріалі української, російської, білоруської та польської мов) / М. В. Жуйкова // Вісник Донецького національного університету : Серія Б. Гуманітарні науки. – Вип. 1. – Донецьк, 2011. – С. 61–68.

УДК [81'42:821]:398.9

Л. Г. Золотых

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности реализации фразеологического значения в художественном дискурсе, описываются основные способы индивидуально-авторской модификации фразеологизмов: двойная актуализация, буквализация, контаминация, субституция и др.

Наблюдения над смысловыми нюансами фразем, порождаемыми ими в коммуникативных актах, позволяют установить особенности фразеологической семантики в разных функциональных стилях и литературных жанрах, определить взаимосвязи фразем с авторской семантико-стилистической системой в художественном дискурсе, выявить их функциональную специфику в этой сфере, обусловленную интегративным характером художественного дискурса. Дискурсивно-семиологические механизмы реализации фразеологического значения в речи определяют специфику смысловой структуры фраземы в сопоставлении со структурой фразеологического значения и способность фразем репрезентировать типовые денотативные ситуации и события, элементы которых находятся в активе языкового сознания.

Особенно рельефно механизм дискурсивного переосмысления фразеомобразовательных компонентов проявляется в индивидуально-авторской модификации фраземы, где дискурс обостряет денотативные признаки фразеомобразующих компонентов. Например, выражение *голый король* из сказки Андерсена известно не одному лингвокультурному сообществу. Ю. Трифонов модифицирует ироничную фразему *голый король* '1. О внезапно разоблаченных, лишённых напускной оригинальности и значимости «вождях», мнимых авторитетах. 2. О несостоятельных идеях и теориях, потерявших свою привлекательность у масс, которые были ими долго обманываемы'. Ср.: *Ольга Васильевна видела её несколько раз, в гостях. В театре, и у Лужских, и однажды даже в собственном доме, и разговаривала с нею на всякие темы, от её излюбленной парапсихологии до современной поэзии, и поняла скоро: королева-то голышом. Все показное, нахвтанное, приблизительное, но при этом, конечно, самоуверенность адская...* (Другая жизнь).

Концепт «Разоблачение», вербализованный фраземой *голый король*, репрезентируется также в трифоновском дискурсе окказиональным употреблением фразеологической единицы *королева-то голышом*. В «канонической» фраземе в результате необычной сочетаемости происходит семантический сдвиг: в сознании читателя остается значение модели (*голый король* – 'человек, не имеющий фактических достоинств, но сохраняющий видимость благополучия, апломб'), но в то

же время в результате замены одного из компонентов возникает новый смысл – ‘не просто кто-то, не имеющий достоинств..., а именно женщина, соперница’. В художественном дискурсе «незаконность» сочетаний как бы раскрывает незаконность самих отношений. Отсюда – прозрачный сарказм фразы. Ю. Трифонов описывает свою героиню Дарью Мамедову холодно-властной женщиной, которая с позиций технократа снисходительно жалеет *«филологов, всех этих литераторов, историков, пишущую братию, которые вынуждены болтать, болтать, ничего, кроме болтовни»*. Очень выразительна здесь частица *то*, передающая ироничное отношение автора к героине.

Следовательно, ряд экстралингвистических факторов определяет речевую активность фразем и является основой образования внеязыковых, дискурсивных смыслов, вербализация которых в смысловой структуре служит источником формирования фразеологического значения.

Попав в авторскую семантико-стилистическую систему, фразема адаптируется к авторскому идиостилю, становится элементом соответствующего дискурсивного поля. Жанровые векторы фразеобразующего дискурса, коммуникативно-прагматические установки коммуникантов создают различные семантические варианты фразем и модификации их смысловых реализаций в соответствии с денотативными ситуациями высказывания. В современном художественном дискурсе модификация фразеологической семантики предопределяется смысловой деструкцией: автор предлагает читателю найти в своей памяти заявленный концепт, который является частью их общего знания.

Существенная зависимость фразеологического смысла от контекста, выбор автором необходимой позиции в высказывании, конкретное фразеологическое окружение – вот основные причины, обуславливающие понимание фраземы читателем. Например: 1. *А тот ужас, тот страх безумный вошел с детства в кровь и в плоть и в темные глубины души тоже, и пусть разум его вытеснил из сознания, где-то в наших глубинах, закоулках он еще живет* (Ю. Мамлеев. Вечный дом). Трансформация фраземы *войти в кровь и в плоть* – ‘оказаться прочно усвоенным’ – происходит за счет расширения компонентного состава (*и в темные глубины души*) на основе однотипной тематической отнесённости компонентов: *кровь – плоть – душа*. 2. *В течение месяца раза два-три в неделю он так упорно падал, точно в заколдованном круге, будучи не в силах добиться своего, пока секрет его не открылся. Один мальчуган с соседнего двора так и прозвал его потом “навший ангел” – и эта кличка прилеплась к нему* (Ю. Мамлеев. Вечный дом).

Осуществляется структурная трансформация фраземы, ср. *падший ангел* – ‘человек, отвергнутый обществом’ – *навший ангел*. Оказиональная замена компонента *падший* на *навший* в фраземе *навший ангел* приводит к экспликации внутренней формы фразеологического значения с помощью контекстуального окружения *«В течение месяца раза два-три в неделю он так упорно падал...»*. Речевые смыслы при таком понимании можно интерпретировать как коммуникативно-прагматические варианты фразеологического значения.

Особенности смысловой реализации фразеологического значения в художественном дискурсе обуславливаются следующими факторами: (1) жанровой принадлежностью текста, (2) коммуникативно-прагматическими установками автора и читателя, предполагающими семантическое варьирование фразем, (3) инициацией смыслов, (4) пропозициональными и экстралингвистическими факторами. Следует заметить, что названные факторы «работают» комплексно, что чаще всего проявляется при использовании такого популярного приема, как двойная актуализация (двойное кодирование), или буквализация фразеологического значения. Например: 1...*Отматфейн и не говорит, отделяется междометиями “угу”, “ага”, а все понятно, потому что он не чужой, но свой, и мы не хотим открывать Америку, узнавать*

этих «новых» людей, как они устроены, где у них живет душа – в мозге, в сердце или у них душа в пятки ушла... (В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема *душа в пятки ушла* – ‘кто-либо испытывает сильный страх’ – реализует обстоятельственное значение: буквализация смысла достигается с помощью обстоятельства места, выраженного наречием *где* и однородными обстоятельствами *в мозге, в сердце* <...> *в пятки* ушла душа. 2. *Отматфейн бросил оружие к ногам и достал белый флаг из кармана, вытер им рот, свернул на кухню – запить битву* (В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема *достать белый флаг* – ‘сдаться, принять свое поражение’ – реализует одновременно буквальное и фразеологическое значение. Актуализация денотативного значения осуществляется сочетанием буквализации с метафоризацией (флаг – носовой платок). Буквальная достигается на фоне контекстуального окружения: *из кармана, вытер им рот*, а метафоризация – на фоне фасеты «поражение»: *бросил оружие; битва*. 3. *Ее кожа была масляная от крема, и он катался как сыр в масле* (В. Нарбикова. Видимость нас). Фразема *кататься как сыр в масле* – ‘жить в довольстве, имея все в изобилии’ – выступает в своем предметно-денотативном значении, буквализация смысла достигается с помощью препозиционного контекстуального окружения *Ее кожа была масляная от крема*. Поэтому фразеологическое значение несколько погашается за счёт наложения первичного и вторичного дискурсивных полей.

В художественном дискурсе способность контекстуального окружения служить актуализатором фразеологического значения обеспечивается набором одинаковых презумпций или пресуппозиций. Возникающая в результате этого модификация фразеологической семантики подчинена созданию выразительности и образности художественного дискурса. Смысловая вариативность узуальных фразем обнаруживается в художественном дискурсе, как правило, при использовании автором приема языковой игры. Например: 1. *Ключевых дел мастер был мастером на все руки: ... мастер приделал ему крепление к лыжам и конькам, починил молнию на сумке, смазал, наточил, заправил...* (В. Нарбикова. Видимость нас). Повтор лексемы *мастер* способствует не только гиперболизации смысла фраземы *мастер на все руки* – ‘человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле’, но усилению её образности. 2. «Ты почему сейчас так на него смотрела?» – «на кого?» – «на того атлета» – «на какого?», – «в углу атлет, пропорциональный до мозга костей своим мозгам и костям...» (В. Нарбикова. Видимость нас). Языковая игра создается сочетанием фраземы *до мозга костей* – ‘полностью, целиком, во всем’ – с омонимичными словоформами *мозгам* и *костям*. Прагматический результат – насмешливый каламбур. 3. *...И самый ясный ответ на этот неясный вопрос – «любишь?» – это «не – а – ага», он ясный, как ясный день «не-а-ага»* (В. Нарбикова. Видимость нас). Каламбурный эффект достигается за счет повтора слова *ясный/неясный, как ясный день* – ‘совершенно ясно, очевидно’. 4. *Она, конечно, приняла мое возмущение охотно и даже за милую душу* (М. Палей. Каберия с обводного канала). В данном случае наблюдается употребление фраземы в несвойственном для неё смысловом ракурсе дискурсивного поля: за счет речевой синонимизации фраземы *за милую душу* – ‘охотно, с удовольствием’ – и лексемы *охотно*.

Фразеологическое окружение может вызывать также структурно-семантическую трансформацию фраземы с целью усиления идейно-художественной и эстетической значимости смыслового варианта фраземы для достижения гармонии смыслового содержания данного дискурсивного поля. Например: 1. *С умытых ушей его капала вода реки, а сама река медленно струилась мимо него <...> со всеми своими рыбами, плоскодонками, древними парусными суднами, <...> с пустыми консервными банками и тяжелыми шапками монахов, пятнами мазута, с почти неразличимыми лицами паромщиков, с яблоками раздора и грушами печали...* (С. Соколов. Школа для дураков). Контаминация фраземы *яблоко раздора* с окказионализмом *груши печали*

репрезентирует тенденцию современного употребления фразем (вульгаризация стиля – ср. вульгаризм с опущенным соматизмом *околачивать зруши* – ‘бездельничать’). 2. *Мы работали там и тут, здесь и там – повсюду, где была возможность наложить, то есть, приложить руки* (С. Соколов. Школа для дураков). На основе контаминации фразем *накладывает руку* – ‘1. Присваивать, захватывать что-л., завладеть чем-л. 2. Подчинять целиком своему влиянию, власти; расправляться с кем-л. или чем-либо’ и *приложить руки* – ‘принять участие в каком-л. деле; быть причастным к какому-л. делу’ – осуществляется приращение окказионального смысла: ‘участвуя в каком-л. деле, присвоить что-л.’ 3. *Какая чепуха, – отвечает Акатов, – вы совершенно нормальны, совершенно, я предполагаю, многие женщины согласились бы пойти с вами по жизни рука об руку – и никогда бы не пожалели* (С. Соколов. Школа для дураков). Образование окказиональной фраземы путём объединения двух синонимичных единиц в одну: *пойти по жизни рука об руку* – ‘обручившись, в тесном единстве, вместе, совместно, одной семьёй’ – наполняет её более ёмким дискурсивным смыслом.

Таким образом, писатели, как креативные носители языка, ускоряют процесс формирования фразеологического смысла на базе зафиксированного в языковом сознании концепта, который отражает соответствующее дискурсивное событие. Семантико-стилистические возможности фразем с модифицированной семантикой сообщают тексту определенное эмоциональное звучание, интегрируя когнитивно-дискурсивный потенциал фразеологической семантики, нередко придавая ей направление, не запрограммированное исходным фразеологическим прототипом.

УДК 81'37:398.9

В. И. Коваль

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОФРАЗЕОЛОГИИ

Славянские фразеологизмы, соотносящиеся со сферой народной духовной культуры, рассматриваются в статье с точки зрения отражения ими основных фрагментов языковой картины мира. Выявляются фразеосемантические группы славянских этнофразем, репрезентирующих традиционное мировоззрение.

Этнофраземы (фразеологизмы, генетически связанные со сферой народной духовной культуры) объединяются в тематические группы, соотносящиеся с основными фрагментами так называемой языковой картины мира, под которой обычно понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о *мире*; определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации *действительности*. В более лаконичной форме языковая картина мира определяется как «мировидение через призму языка» [1, с. 73]. Язык – основа той картины мира, которая складывается в сознании каждого человека и приводит в порядок огромное количество предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире. Неотъемлемой частью языковой картины мира является фразеологическая картина мира – «особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, национального мироосмысления, отраженный и зафиксированный в содержании языковых форм фразем». Этнофраземы, как и фразеологизмы в целом, обладают способностью концептуализировать обыденное сознание и создавать структуры, «в которых в образно-символьной форме кодируются и передаются от поколения к поколению <...> нравственно-этические, моральные нормы и стереотипы» [3, с. 142].

Этнофразеология, рассмотренная сквозь призму языковой картины мира, маркирует основные жизненные циклы, важнейшие сегменты «жизненного круга»: внутриутробное состояние → рождение → создание семьи → жизнь в ее разнообразных проявлениях → болезненное состояние → уход в иной мир. Проиллюстрируем это на материале славянских фразеологизмов, генетически связанных со сферой народной духовной культуры.

Состояние беременности, предшествующее рождению человека, вербализуется во фраземах, именной компонент которых связан с продуцирующей символикой: рус. *гороху объесться*, укр. *наїстися гороху* ‘забеременеть’, бел. *гарох брыняе*, пол. *grochi się objadła*, кашуб. *ona są grouchi obżarła*; сравн. также укр. *си наїла бобу* и серб. *najela se bobа*, пол. *fig się objadła* и *najadła się pasternaku*. Смыслообразующим компонентом в данном случае может выступать и зооним: бел. *з’есці навука*, кашуб. *pszczolę je pogręzłę*, *brzmiol je kąsył*, *bocón je wëklepol*.

Сфера рождения человека (роды, предстоящие роды) представлена этнофраземами, основанными на образе развалившейся печи, символизирующей, в свою очередь, рождающее женское начало: бел. *у яго зараз печ разваліцца*, кашуб. *pec są rozwalil*, словц. *pec sa im rozvál’ala*, чеш. *rozbořila se jim pec*, н.-луж. *tam su se kachle rozvalili*, словен. *peč se je podrla*.

Сфера сватовства и следующего за ним вступления в брак иллюстрируется четырьмя фразеосемантическими группами:

а) ‘согласиться на брачное предложение’: рус. *дать руку, дать плат, дать плат со словом, платки давать*; бел. *даць вянок, даць пярсе́нак, пакаціць пярсе́нак, падаваць сватам вады, ступаць у след маладога*; укр. *піч колупати*;

б) ‘отказать, получить отказ при сватовстве’: рус. *дать редчину, поехать со скипидаром, дать рогатку, шест получить, чайник навесить, поднести гарбуз*; бел. *даць чорнай поліўкі, пакаціць камень, прычаниць дзяркач, аблізаць таўкача, гарохаваы даць вянок, даць гарбуза*; укр. *дати (нідсунути, ніднести) гарбуза, ніднести кабака, макогін облізати* пол. *dać czarnę polewkę, dać grochowy wianek. dać (dostać) kosza, rozdawać koszyki, kosza otrzytać*; словц. *dostat’ košom*; чеш. *pojíti s hrachovým věncem*; болг. *давам трънката*, хорв. *dobiti šipak*;

в) ‘стать замужней (женатым)’, ‘венчаться, жениться’: рус. *покрыть девке голову, снять волю*; бел. *звязаць поясам, накрыць [адным] ручніком*; укр. *покривати косу, руки зв’язати, на рушнику стояти*.

г) ‘сохранять (утрачивать) девственность до свадьбы’: рус. *надевать хомут*; бел. *садзіцца на пасад*; укр. *віночка доносити, калину держати, загубити вінок*; кашуб. *stracęc wióńk, wióńk wdeptać w błoto*.

Поведение людей в сфере интимных отношений представлено фразеологизмами со значением ‘иметь внебрачные связи’: рус. *скакать в крапиву*; укр. *скакати (стрибати, плигати) в гречку, заглядати до курника*; кашуб. *kozë pasc*.

Поведение и внешний вид человека маркируются фраземами, характеризующими активную деятельность (физическое воздействие, вербальную агрессию) (рус. *дать баню*, польск. *sprawić łaźnię*, бел. *даваць перуноў*) и оборотами, характеризующими пассивную деятельность, безразличие (рус. *жить как лисица (как заяц) под бороной*; бел. *спаць у шапку, як мыши пад венікам (сядзець)*; укр. *як миша під віником (сидить)*; пол. *siedzi (ukrył się) jak mysz pod miotłą*. К этой же группе относятся фразеологизмы, характеризующие ошибочные и неадекватные поступки (рус. *гриб съест* ‘потерпеть неудачу в чем-нибудь’; бел. *палажыць казу, усадзіць казла*, укр. *коня положити*, кашуб. *konia (wilka) umotac* ‘ошибиться при сновании’).

В самостоятельную разновидность выделяются этнофраземы, объединяющиеся значением ‘неожиданно, некстати (появиться, сказать, сделать что-либо)’: бел. *як Піліп з канпель (выскачыць, з’явіцца)*; укр. *як Пилип з конопель (вискочити)*; пол. *wyrwał się jak*

Filip z konopí; чеш. *vyrval se jak Filip z konopí*. Отступления от нормы во внешнем виде человека маркируются этнофразами со значением 'нижняя одежда видна из-под верхней': рус. *завалилась суббота за пятницу, середка ниже пятницы, из-под пятницы субботу видно*; бел. *серада з-над пятніцы відаць, выглядае субота з-над нядзелі*; пол. *dłuższy piątek od soboty*, чеш. *kouká ji pátek přes sobotu, leze sobota přes neděli*.

Сфера магической деятельности представлена тремя фразеосемантическими группами:

а) фразеологизмы, относящиеся к обереговой магии (рус. *посадить под корыто*; укр. *під корито підвернути старшу* 'выйти замуж раньше старшей сестры'; рус. *носить воду решетом*, бел. *араць дарогі* 'делать что-либо неразумное, заниматься глупостями'; рус. *вбивать осиновый кол [в могилу]*; бел. *дарогу перасякерыць* 'помешать кому-либо в достижении определенной цели'; рус. *заткнуть за пояс, выносить сор из избы*;

б) фразеологизмы, связанные с продуцирующей магией (укр. *топтати ряс* 'жить'; бел. *зайцаў хлеб* 'остатки еды, привезенной домой из лесу, луга, которую предлагают съесть детям');

в) фразеологизмы, связанные с вредоносной магией (рус. *бросать слова на ветер*, бел. *кідаць словы на вецер*, укр. *кидати (випускати) слова на вітер*, болг. *хварлям думи на вятъра*, макед. *говори во ветер*; бел. *калаціць зялёны мак* 'очень ругаться').

Различные жизненные ситуации вербализуют этнофраземы, выражающие:

а) негативную оценку ситуации (рус. *дело табак (труба)*, укр. *діло тютюном пахне*);

б) степень проявления признака (бел. *на валовой шкуры не спішаиш*, рус. *на валовью шкуру ня сабярешь*, укр. *на воловій шкурі не впишеиш*; пол. *nie spisał by na wołowej skórze*; кашуб. *ani na wołowe skorze bę tego nie spisał*; чеш. *na volove kůži by toho nesepsal* 'очень много');

в) значение возможности, необходимости (рус. *хоть топор вешай*; бел. *хоць зямле ўкусі, хоць на веніку ехаць*).

Внутренние качества человека репрезентированы двумя типами этнофразем: оборотами, характеризующими негативные качества (рус. *змея подколотная*, бел. *абое рабое*; рус. *клепок в голове не хватает*, укр. *не всі клепки в голові*, пол. *brak jednej klepki w głowie*; серб. *недостаје једна (трећа) даска у глави*) и фразеологизмами, характеризующими позитивно осмысливаемые качества (рус. *собаку съел*, бел. *пад'есці жалезнага бобу*).

Представления о счастье, везении, удаче реализуются в славянских этнофразах, смыслообразующими компонентами которых являются либо слова-зоонимы, либо предметы, наделенные апотропейной и продуцирующей символикой: бел. *Воўк дарогу перабег*, болг. *Вълк ми препречи пътя* (ФРБЕ 1, с. 293), *Срещна ме вълк*; бел. *Певень яму заспяваў на дарогу*, пол. *Kur go opiał* 'очень везет кому-либо'; рус. *родиться в шапке* 'быть удачливым, везучим' укр. *у печурці родився* 'очень счастливый'.

Психофизическое (как правило, негативного оцениваемое) состояние человека реализуют фразеологизмы со значением:

а) 'о чувстве тревоги, беспокойства, страха': рус. *душа не на месте, душа уходит в пятки*, бел. *душа ў пяткі схавалася (ускочыла)*, укр. *душа в п'ятках опинилася*, пол. *duża tu już wlażła w kolana*, чеш. *mít duši v lokti*, болг. *душа се крие под нокът*, хорв. *duša na jeziku*;

б) 'споткнуться, упасть': бел. *зайца злавіць*, укр. *вовка вбити*, пол. *złapać (zabić) zająca*, чеш. *chytit zajíce*; пол. *złowić wydrę*;

в) 'психически ненормальный, сумасшедший': рус. *белены объелся, мухоморов наелся*; бел. *дурыц наеўся, блёкату аб'еўся*; укр. *як чемериці наївся, шалени гриби поїв*; пол. *się blekoti objadł, duru się objadł*; чеш. *najíst se blínu*; хорв. *najesti se bunike*;

г) 'тошнить, рвать': рус. *драть козлы*, бел. *казлы дзерці*, болг. *дера козел*, чеш. *drbát (dřít) kozla*; рус. *поехал в Рыгу*, бел. *з'ездзіў у рыгу*, укр. *поїхати в Ригу*, пол. *pojechał do Rygi*;

д) 'дремать; спать, уснуть': рус. *окуней ловить*; бел. *вудзіць акунёў*, укр. *ловити окуні*; бел. *вадзіць дзяды*, кашуб. *zédów wozęc*; рус. *податься в Сонино, ехать*

к Сопикову, бел. *пайсці да святога Спаса*, укр. *поїхати в Храпівку, іти до Лежухова*; чеш. *jít ke Spalovni*, кашуб. *jic do Ložkovic*.

Уход из жизни, смерть маркируют этнофраземы двух деривационных типов: устойчивые словосочетания, смыслообразующие компоненты которых имеют хтоническую символику (бел. *лунака ўхапіць* ‘погибнуть, пропасть’, укр. *луна піймати* ‘умереть’) и фразеологизмы, в состав которых входят ложноориентирующие компоненты-онимы (рус. *поехать в Могилевскую губернию, в Могилев съездить, съездить в Могилев, к Лопатинскому пойти, в Глинско пойти*; бел. *пайсці да Пясоўкага*; укр. *перевестись до Вишневецького*; кашуб. *jehac do turawskiégo (do zelińskiégo)*; рус. *Кондрашка хватил (стукнул)* ‘кто-либо внезапно разбит параличом’; ‘кто-либо скоропостижно умер, скончался’).

Приведенный материал свидетельствует, с одной стороны, о системном характере славянской этнофразеологии, а с другой – о представленности в ней важнейших фрагментов традиционного мировоззрения славянских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания, 1994. – № 5. – С. 73–89.

2 Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. / О. А. Корнилов; 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

3 Буянова, Л. Ю. Русская фразеология как ментально-оценочная система и культурный код познания / Л. Ю. Буянова // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 142–146.

УДК 81.161.3:[398.9:159.942.5]

В. А. Ляшчынская

ФРАЗЕАЛАГІЧНАЯ КАТЭГАРЫЗАЦЫЯ ЭМАЦЫЙНАГА СТАНУ АБУРЭННЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле на аснове фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з эмасемай ‘абурэнне’ ў лексікаграфічнай дэфініцыі зроблена спроба абгрунтаваць катэгарызацыю эмоцыі абурэння ў беларускай фразеалогіі.

Паводле тэорыі дыферэнцыяцыі эмоцый у псіхалогіі, якая зыходзіць з прызнання неабходнасці вывучэння асобных эмоцый, эмоцыя абурэння не выдзелена. Ва ўсякім разе яе няма сярод асноўных эмоцый у працы, прысвечанай выдзяленню і апісанню эмоцый, аднаго са стваральнікаў гэтай тэорыі К. Ізарда. Як сведчаць лексікаграфічныя крыніцы, лексема *абурэнне* абазначае ‘вельмі моцнае незадавальненне, гнеў’ [1, с. 83], на аснове чаго можна меркаваць пра сувязь абурэння з незадавальненнем і гневамі: абурэнне можна кваліфікаваць як высокую ступень выражэння незадавальнення ці абурэнне прыраўноўваецца да гневу. Паколькі гнеў уключаны ў лік васьмі асноўных эмацыйных станаў, паспрабуем устанавіць эмоцыю абурэння праз гнеў, пра які псіхолагі адзначаюць так: “Вынікі многіх даследаванняў па вывучэнні эмоцыі гневу дазваляюць заключыць што гнеў часта актывізуецца адначасова з эмоцыямі агіды і пагарды” [2, с. 265]. Як відаць, пры адчуванні чалавекам эмоцыі гневу эмоцыя абурэння не адзначаецца.

Вывучэнне фразеалагізмаў беларускай мовы, што рэпрэзентуюць эмоцыі і пачуцці чалавека, вымушае даць станоўчы адказ аб катэгарызацыі, выдзяленні ў фразеалогіі

эмоцыі абурэння. Справа ў тым, што ўсе фразеалагічныя адзінкі (ФА), якія выдзелены метадам суцэльнай выбаркі са “Слоўніка фразеалагізмаў” І. Я. Лепшава [3] і сталі прадметам нашага даследавання, падзелены на групы ў залежнасці ад той эмоцыі, якую яны канцэптуалізуюць. Вызначэнне пэўнай эмоцыі намі праводзіцца на аснове метаду дэфініцыйнага аналізу, сутнасць якога заключаецца ў супастаўленні слоўнікавых дэфініцый і вызначэнні семантычных груп ФА на аснове размеркавання іх вакол лексем-намінантаў эмоцый ці вызначэння пэўнай эмасемы (паводле тэрміна В. І. Шахоўскага). Дык вось, у выніку такой работы было выдзелена больш за 30 ФА, аб’яднаных эмасемай ‘абурэнне’ ў іх дэфініцыях. Гэты факт дазваляе зрабіць першасны вывад, ці нават сцвярджаць, што ў выніку працэсу катэгарызацыі ў фразеалагічнай карціне свету беларусаў выдзяляецца эмоцыя абурэння. На аснове гэтага ўсе вызначаныя ФА сталі аб’ектам нашага вывучэння з мэтай вызначэння месца і ролі эмоцыі абурэння ў фразеалагічнай карціне свету беларусаў, шляхоў і спосабаў канцэптуалізацыі і катэгарызацыі яе ў фразеалогіі беларускай мовы, выяўлення той культурнай канатацыі, тых фонавых ведаў, якія гэтыя ФА захавалі і перадаюць новым пакаленням іх носьбітаў.

Прызнанне факта катэгарызацыі эмоцыі абурэння на аснове наяўнасці адносна невялікай групы ФА з эмасемай ‘абурэнне’ патрабуе ўдакладнення. Іншымі словамі, для пацвярджэння вываду аб катэгарызацыі і канцэптуалізацыі эмоцыі абурэння нам неабходна сабраць больш дакладныя і бясспрэчныя аргументы, для чаго прааналізуем выдзеленыя ФА.

Усе зафіксаваныя ФА з эмасемай ‘абурэнне’, за выключэннем толькі пяці ФА, адносяцца да выклічнікавых, якія, як вядома, не называюць эмоцыю, яе дзеянне, прыкметы, умовы працякання, прычыны з’яўлення і не выяўляюць характарыстыку і ацэнку гэтай эмоцыі чалавекам, а толькі служаць яе выражэнню. Напрыклад, выклічнікавая ФА *скажы(-це) калі ласка* выкарыстоўваецца для выказвання здзіўлення, абурэння і пад.

Пры гэтым, толькі ў дэфініцыях некалькіх ФА-выклічніках выражэнне эмасемы ‘абурэнне’ абазначана самастойна, без спалучэння з адзнакамі выражэння іншых эмоцый: *гэтага яшчэ не хапала* (вокліч абурэння, неадабрэння і пад. з выпадку чаго-н. непажаданага); *добры інтэрас!* (выказванне нязгоды, неадабрэння, абурэння з якой-н. прычыны); *каб вочы мае не бачылі* (выказванне абурэння і рашучага нежадання бачыцца з кім-н.); *каб зямля не насіла* (выказванне абурэння і пажадання смерці); *каб язык адсох* (вокліч абурэння, асуджэння таго, хто сказаў што-н. непрымальнае); *няхай /хай сарочка не чапае* (выказванне абурэння і пажадання самага найгоршага каму-н.); *яшчэ чаго не хапала /не ставала* (вокліч абурэння, неадабрэння і пад. з выпадку чаго-н. непажаданага). Праўда, як можна бачыць, у адных дэфініцыях выражаецца эмоцыя абурэння і выказваецца неадабрэнне, злое пажаданне ў сувязі з чым-небудзь, у другіх – асуджэнне чаго-небудзь. Але ўсе яны выражаюць адмоўную ацэнку, праўда, у рознай ступені яе праяўлення. У прыватнасці, ФА *каб зямля не насіла*, *каб язык адсох*, *няхай /хай сарочка не чапае* фіксуюць самую высокую ступень інтэнсіўнасці выражэння абурэння, асновай чаго з’яўляецца іх генетычная сувязь з праклёнамі. Што датычыць ФА *каб вочы мае не бачылі*, то з яе дапамогай выражаецца “сярэдня” ступень, а ФА *гэтага яшчэ не хапала*, *добры інтэрас!* і *яшчэ чаго не хапала /не ставала* служаць для выражэння адносна нізкай ступені інтэнсіўнасці праяўлення гэтай эмоцыі.

У дэфініцыях ўсіх астатніх ФА-выклічніках адзначаецца спалучанасць у выражэнні эмоцыі абурэння з выражэннем іншых эмацыйных станаў, сярод якіх адзначаюцца наступныя тыпы аб’яднанняў:

1) абурэнне і незадавальненне (*гавары з чортам /п’яным пацеры!; яшчэ толькі не хапала /не ставала*);

2) абурэнне і прыкрасць (*ліха яго /яе /іх /тваёй /вашай галаве; трасца яго /яе /іх /тваёй /вашай галаве; чэмер на яго /яе /тваю /іх галаву*);

3) абурэнне і здзіўленне (*скажы (-це) калі ласка; смех у зале*);

4) абурэнне і незадавальненне, прыкрасць (*ану /ну яго /яе /іх к ліху; трасца яму /ёй /ім /вам ў бок*);

5) абурэнне і злосць, гнеў (*кадук на яго /цябе /іх /вас, ліха на яго /цябе /яе /іх /вас, халера на яго /цябе /яе /іх /вас, хвароба на яго /цябе /яе /іх /вас*);

6) абурэнне і гнеў, збянтэжанасць (*чорт ведае што такое!*);

7) абурэнне і раздражненне, прыкрасць (*гары ён /яна /яно /яны гарам*);

8) абурэнне і прыкрасць, злосць (*каб на яго /цябе /яе /вас /іх ліха*);

9) абурэнне і незадаволенасць, здзіўленне (*хрэн у вочы*);

Нярэдка выклічнікавыя ФА поліафектныя, пры гэтым, як правіла, яны выражаюць супрацьлеглыя паводле ацэнкі – станючыя ці адмоўныя – эмоцыі, напрыклад:

1) абурэнне, незадавальненне, прыкрасць ці здзіўленне, захапленне (*ліха матары; трасца яго /яе /іх /тваёй /вашай матары*);

2) абурэнне, злосць, гнеў ці здзіўленне, захапленне (*кадук яго /цябе /іх /вас вазьмі /бяры*);

3) абурэнне, роспач ці радасць, здзіўленне (*Божжа /Божачка мой, Божжа <мой> літасцівы*);

4) абурэнне, прыкрасць ці здзіўленне, захапленне (*авохці мне!; чорт бы яго (яе, іх, цябе, вас) узяў /пабраў! і чорт вазьмі! /пабяры*).

Да выклічнікавых з эмасемай ‘абурэнне’ набліжаюцца тры прастамоўныя ФА: *якога хрэна, якога чорта /д’ябла і якога ражна* са значэннямі ‘чаму, для чаго, з якой мэтай (робіць хто-н. што-н.)’ і ‘чаго (трэба, не хапае каму-н)’. Яны ілюструюць скарочаную форму сказа-пытання *якога чорта /д’ябла /хрэна табе трэба?*, якім карысталіся ў мінулым пры звароце да пэўнай нячыстай сілы. Усе тры ФА, з аднаго боку, выкарыстоўваюцца для выказвання абурэння чымі-небудзь дзеяннямі, паводзінамі і характарызуюцца грубавата-зніжаным зместам. Асаблівую ролю ў гэтым выконваць кампаненты *ражон, хрэн, чорт* ці *д’ябал*, успрыманне якіх выклікае негатыўныя асацыяцыі. У прыватнасці, *ражон* – гэта не ‘завостраны кол’, а “эўфемізм для абазначэння рагатай істоты, чорта”, а таму *якога ражна* – “адзін з варыянтаў мадэлі *якога чорта? якога беса? якога д’ябла?*” таго самага пытання [4, с. 600], а *хрэн* “як і *хер* – эўфемізм для табуіраванага слова *х..й*” [4, с. 736]. З другога боку, прыведзеныя ФА характарызуюцца наяўнасцю значэння, нават двух, што дазваляе іх адрозніваць ад выклічнікавых ФА.

А вось ФА *няма чаго /што казаць /сказаць* у сваім другім значэнні – ‘выказванне абурэння кім-, чым-н., адмоўных адносін да каго-, чаго-н.’ – характарызуецца ў параўнанні з папярэднімі адзінкамі адсутнасцю грубасці ў форме выражэння. Але гэтая ФА выкарыстоўваецца ў маўленні ў ролі пабочных слоў, чым, з аднаго боку, яшчэ больш адрозніваецца ад папярэдніх, з другога боку, збліжаецца з імі як паводле выражэння адмоўных адносін суб’екта ФА да свайго аб’екта, так і паводле зместу выражэння эмоцыі абурэння.

І толькі ФА *даваць перуноў* ‘гнеўна, з абурэннем гаварыць, пагражаць’ выдзяляецца наяўнасцю фразеалагічнага значэння, якое фіксуе ўяўленне чалавека аб працяканні дзеяння эмоцыі абурэння, і сваёй унутранай формай, сваім вобразным складнікам, якія разам уплываюць на яе выкарыстанне, вызначаюць месца і ролю эмоцыі абурэння сярод ФА, што рэпрэзентуюць іншыя і самыя розныя эмоцыі. ФА *даваць перуноў* ужываецца для абазначэння маўленчай дзейнасці, што, дарэчы, засведчана і ў яе лексікаграфічнай дэфініцыі, і выкарыстоўваецца для характарыстыкі і ацэнкі маўлення паводле некалькіх паказчыкаў. Па-першае, з яе дапамогай перадаецца інтэнсіўнасць гуковага праяўлення маўлення, па-другое, такім чынам выражаецца высокая ступень абурэння таго, хто яго адчувае ў сувязі з чым-ці кім-небудзь, што выклікае гэтую

эмоцыю. Вытокам узнікнення ФА можна лічыць асацыятыўную сувязь паміж гучаннем грому ў яго найвышэйшым праяўленні і павышанымі танамі гучання маўлення. Да месца тут ўгадаць, што адно са значэнняў лексемы *пярун* у беларускай мове – ‘аглушальны ўдар грому’ [5, с. 537]. Хаця нельга не ўлічыць і такой асновы ўзнікнення фразеалагізма, як “адгалосак даўнейшай веры ў Перуна – бога грому і маланкі ва ўсходніх славян” [6, с. 108]. Праўда, варта пры гэтым удакладніць, што ФА *даваць перуноў* – гэта пераасэнсаванне свабоднага спалучэння слоў на аснове першапачатковага ўяўлення чалавека пра пагрозу, кару Перуна як бога грому і маланкі.

Такім чынам, вывучэнне фразеалагічнай катэгарызацыі і канцэптуалізацыі з’яў унутранага свету чалавека, у прыватнасці, яго эмоцый і пачуццяў як з’яў, недаступных непасрэднаму назіранню і рэпрэзентаваных ФА, спрыяе разуменню спосабаў катэгарызацыі і канцэптуалізацыі эмоцый і пачуццяў у выглядзе эмацыянальных канцэптаў у фразеалагічнай карціне свету беларускай супольнасці. Аналіз ФА беларускай мовы, у дэфініцыі якіх змяшчаецца эмасема ‘абурэнне’, дазваляе канстатаваць, што ўсведамленне гэтай эмоцыі беларусамі адзначаецца па сутнасці толькі ў адной фразеалагічнай адзінцы, асацыятыўна звязанай з вобразам перуна / Перуна паводле гучання і сувязі веры ў боскую кару. Некалькі ФА ілюструюць скарачаныя сказы-пытанні для выказвання абурэння чымі-небудзь дзеяннямі ў грубаватай форме з прычыны ўжывання кампанентаў *ражон*, *хрэн* як своеасаблівых эўфемізмаў і лексемы *д’ябал*. Усе астатнія ФА – выклічнікі, якія служаць для перадачы, выражэння эмацыянальнага стану абурэння ў патэрне з выражэннем іншых эмоцый, часцей за ўсё адмоўнага характару тыпу гнеў, злосць, прыкрасць, раздражненне і інш., якія выклікаюцца пэўнай негатыўнай прычынай, што вобразна звязана з найменнямі адмоўных з’яў ва ўсведамленні чалавека – д’ябла, кадука, ліха, трасцы, халеры, хваробы, чорта і інш. Зрэдку адзначаюцца поліафектныя ФА-выклічнікі, якія выражаюць як адмоўны, так і дадатны эмацыяны стан чалавека, але, як правіла, характарызуюцца адным і тым жа негатыўным вобразам д’ябла, трасцы, ліха і пад., і толькі ў адным выпадку ў іх аснове вобраз Бога.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. А – В. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977. – 608 с.
- 2 Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб.: Питер, 2011. – 461 с.
- 3 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Т. 1. А – Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; т. 2. М – Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
- 4 Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель. 2007. – 926 с.
- 5 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 4. П – С / [Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1980. – 768 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

М. Ш. Мусатаева

ИЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИДИОМЫ В СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

В статье предлагается схема системного анализа всего блока фразеологических единиц, отраженных в учебном словаре, освещаются результаты мониторинга двуязычных словарей с точки зрения представленности в них идиом. Определяется место фразеологизмов и паремий в двуязычных словарях общего типа.

В лексикографических исследованиях отмечалась недостаточная разработанность проблемы презентации идиом в структуре словарной статьи в одноязычных и двуязычных словарях. Как известно, в связи с лексикографической обработкой фразеологии различают узкое и широкое понимание объема фразеологии. В узком смысле в фразеологический фонд языка включается ограниченный круг фразеологизмов: «фразеологические сращения» и «фразеологические единства». Представителями данного направления являются А. М. Бабкин, В. П. Жуков, А. И. Молотков, В. М. Никитин и др.

Сторонники широкого взгляда на объект фразеологии (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Л. И. Ройзензон, В. Л. Архангельский, В. Н. Телия, Ю. А. Гвоздарев, Л. А. Буторева и др.) считают, что к фразеологии относятся не только три типа фразеологических единиц, выделенных В. В. Виноградовым, но и пословицы, поговорки, составные термины, крылатые выражения и т. п.

Как известно, семантическому анализу могут быть подвергнуты языковые единицы, начиная с морфемы и заканчивая связной речью/ текстом. Лексикографическое описание значений единиц ниже и выше уровня слова имеет свою безусловную специфику и сопряжено определенными трудностями. Как отмечает Е. А. Найда, «Между морфемой и «словарным уровнем» лежит обширная «ничья земля», от которой структуралисты обычно отказываются, а составители словарей считают, что она лежит ниже их уровня анализа. Совершенно справедливо, что значение составляющих слово единиц трудно определять и описывать, поскольку оно определяется в первую очередь лингвистическим контекстом» [1, с. 58]. Сложность презентации идиом, в отличие от другого уровня выше слова – словосочетания, – заключается в ее семантической природе: эндоцентричности словосочетаний и экзоцентричности идиом, которая затрудняет подачу последних в словарях в алфавитном порядке.

Между тем идиомы, являясь достоянием многовековой истории и культуры, играют огромную роль в отражении этнической специфики того или иного национального языка. Именно по этой причине в одноязычных и двуязычных толковых или переводных словарях идиомы представлены богаче, чем основная семантическая характеристика слова. Это обстоятельство зачастую ведет к некоторому разрыву между семантической характеристикой идиомы и слова в словарях.

Придавая большое значение роли внутренней формы (ВФ) в формировании плана содержания идиом, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, предлагают следующую типологию способов экспликации ВФ в словаре: эксплицитную и имплицитную техники словарного толкования идиом. В первом случае предполагается «наличие семантических операторов, вводящих в разных вариантах идею возможного мира, сопоставления двух сущностей, указания на ассоциации и т. п.», а во втором – ВФ «не выделяется в толковании особым маркером, а соответствующая семантическая информация распределяется между различными элементами толкования... В реальной практике словарного описания в одном и том же толковании довольно часто приходится использовать и эксплицитную

и имплицитную техники. В этом случае можно говорить о смешанном способе отражения внутренней формы» [2, с. 37]. Говоря о предпочтительности того или иного способа толкования, авторы пишут: «Не исключено, что для последовательного научного описания семантики идиом имплицитная техника вообще малоприемлема, так как она нерегулярна. С другой стороны, для словаря, рассчитанного на обычного пользователя, имплицитная техника более желательна, поскольку она менее искусственна, менее «формальна» и стилистически не перегружает толкование» [2, с. 38]. Ученые приходят к выводу об очевидности того, что описание семантики идиом без отражения ВФ окажется заведомо неполным.

Исследователи едины во мнении, что прагматический компонент ФЕ, оправдывающий существование идиом в языке, их «избыточность» – это коннотация. Так, Л. В. Христолюбова коннотативные компоненты дифференцирует следующим образом: «а) характерологические; б) оценочные; в) эмоциональные; г) экспрессивные (или интенсивные). Оценка выражает «ценностное отношение субъекта (языковой личности, носителя языка) к обозначаемому (хорошо/плохо); эмотивная модальность – эмоциональное отношение субъекта речи к обозначаемому самим выбором данной ФЕ в процессе речи. Наслоение эмотивной и оценочной модальности приводит к экспрессивному эффекту. Выделяют также стилистический параметр – «показатель уместности/неуместности употребления ФЕ относительно тех или иных социально маркированных условий речи...Словарное значение ФЕ описывается по аналогии с лексическим значением слова. Рассматривая коннотативный компонент значения слова и ФЕ как «надденотативный», входящий в периферийную сферу значения, необходимо отметить, что надденотативная (воздействующая) информация формирует прагматическую функцию единицы, т. е. имеет установку на воздействие» [3, с. 99].

Автор предлагает следующую схему системного анализа всего блока ФЕ для учебного словаря, которая может оказаться полезной и для двуязычного словаря: «а) отбор блока ФЕ на основании типа толкования в системном словаре; б) разбивка на подблоки в соответствии с характером прагматических компонентов; в) анализ имеющихся толкований, поиск инвариантных возможностей толкования; г) соединение подблока с типовым прагматически ориентированным толкованием; д) отбор иллюстраций» [3, с. 102].

В двуязычной лексикографии сложилась традиция помещать в конце словарной статьи за знаком ромба ФЕ, идиоматические выражения, свободные словосочетания, сочетания терминологического характера, а также целые предложения. Приемлемость такого способа ФЕ общепризнанна, равно как фразеология как особый раздел лексики, отличающаяся своей спецификой и по семантике, структуре, стилистической окраске и функциональному назначению.

О месте ФЕ в словарях существуют две точки зрения. Согласно первой (М. И. Умарходжаев, Е. Г. Батурова, Л. И. Ройзензон, А. М. Эмирова и др.), ФЕ должны быть кодифицированы в фразеологических словарях. Согласно второй (А. М. Бушуя, М. М. Копыленко, З. К. Ахметжанова, С. А. Джапарбекова, Р. Д. Елибаева, Ж. Н. Жунусова и др.) – ФЕ могут быть кодифицированы в словарях различной типологии, в том, числе – и в двуязычных словарях.

Проблема отражения в русско-казахских словарях фразеологических единиц (далее – ФЕ) были объектом исследований большой группы казахстанских ученых, у истоков которых был М. М. Копыленко. Дальнейшее развитие идеи М. М. Копыленко получили в работах З. К. Ахметжановой, С. А. Джапарбековой и др. Все исследователи ФЕ едины во мнении, что отбор ФЕ в ДЯС общего типа должен основываться на принципах, предложенных М. М. Копыленко: 1) определенный порог идиоматичности; 2) межъязыковая идиоматичность; 3) критерий частоты. Последний критерий Джапарбекова С. А. конкретизирует как частоту употребления ФЕ, а не ее компонента. Разработанные М. М. Копыленко принципы отбора ФЕ адресовались русско-казахскому

фразеологическому словарю, однако она приемлема и для русско-казахского словаря общего типа. Безусловно, они требуют творческого подхода со стороны составителя словаря, поскольку по своему объему включения ФЕ словники двуязычного словаря общего типа и фразеологического словаря различны. Здесь опять-таки лексикограф оказывается в «плелу» частотности употребления той или иной ФЕ, что влечет за собой субъективизм. Интересны мысли ученого о том, что различия внутриязыковой и межъязыковой идиоматичности предполагают также различие внутриязыковой и межъязыковой полисемии, в каждом отдельном случае обнаруживаются глубокие структурные различия между ними. В результате учета этих различий можно рассчитывать на то, что двуязычный словарь будет соответствовать своему назначению [4].

Важным вкладом в сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков явилась одноименная работа З. К. Ахметжановой и Р. Е. Валихановой. Заслугой З. К. Ахметжановой является разработка принципов сопоставительного исследования нового типа – функционально-семантического с учетом достижений теории и практики современной сопоставительной и контрастивной лингвистики. Учет нижеследующих сформулированных ученым принципов, носящих универсальный характер, представляет актуальность и для двуязычного словаря: *принцип опоры на семантику*, ибо основные «понятийные категории... универсальны, т. е. они выражаются во всех языках, идиоэтнической спецификой окрашены модификации этих категорий и формы их выражения»; *принцип функционального сопоставления*, заключающийся не только в сопоставлении инвентаря исследуемых языков, но и в определении общего в функционировании единиц языка и различий между ними, в каких комбинациях они реально функционируют в речи»; *учет парадигматических* (относящихся к языку) *и синтагматических* (относящихся к речи) *отношений языковых единиц*; *обязательное соответствие понятий и терминов Я-1 и Я-2*; *принцип разграничения семантических и структурных функций языковых средств*, обусловленный необходимостью в практике преподавания неродного языка предупредить ошибки интерференционного характера; *принцип эксплицитности*, суть которого заключается в том, что при фиксации употребления той или иной формы в том или ином значении обязательно должны указываться условия реализации данной формы [5, с. 3–7].

Проведенные вышеперечисленными казахстанскими учеными исследования разрешили множество проблем, связанных с лексикографическим оформлением фразеологических единиц в двуязычном словаре.

Представляется, что словарю надлежит представить исходный язык в более или менее полном объеме, а язык – это не только слова, но и фразеология, терминология, паремиология, то все эти уровни должны занять своё достойное место в двуязычном словаре. В двуязычном словаре общего типа должны быть установлены эквивалентные отношения на различных уровнях (а не только лексическом) исходного и выходного языков, причем каждый уровень занимает самостоятельное положение в словнике словаря, не зависимое от его отношения к заголовочному слову

В докладе освещаются результаты мониторинга двуязычных словарей на предмет презентации в них идиом, предлагаются разработанные автором способы лексикографического описания фразеологических единиц в двуязычном словаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Найда, Е. А. Анализ значения и составление словарей / Е. А. Найда // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 45–71.
- 2 Баранов, А. Н. Внутренняя форма идиом и проблема толкования / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // ИАН, Серия языка и лит-ры, 1998, Т. 57, № 1. – С. 37–38.
- 3 Христюлова, Л. В. Прагматическая ориентация учебного словаря / Л. В. Христюлова // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 98–105.

4 Копыленко, М. М. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях // НДВШ, ФН, № 1. – М., 1964; Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Алма-Ата: Наука, 1976.

5 Ахметжанова, З. К., Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. / З. К. Ахметжанова, Р. Е. Валиханова. – Алматы, 1999. – 186 с.

УДК 81'376.4:81'373.424

А. В. Никитевич

СЛОВСОЧЕТАНИЯ УСТОЙЧИВЫЕ, СВОБОДНЫЕ И ДЕРИВАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС

В статье показаны взаимосвязь, сходства и различия между деривационным и лексико-семантическим планом фразеологических единиц. Анализируются случаи «невыражения» определенных значений в ряде оппозиций. Описываются разнообразные типы отношений в аспекте семантической производности.

В теории словообразования, как известно, сложилась определенная система описания и классификации родственных единиц. Мотивирующее, мотивированное, основа, формант, словообразовательная пара, тип, парадигма, цепочка, гнездо – все это известные для сознания дериватолога «формулы» фиксации лингвистического опыта исследования свойств системы словообразования и основных ее единиц, прежде всего производных слов и их объединений.

Однако совершенно очевидно, что, являясь неотъемлемой частью лексики, мотивированные слова «включены» в поле действия активно проявляющих себя свойств и отношений лексических подсистем, – таких, как различные группы синонимов, антонимов, единиц, связанных отношениями конверсии и т. п. Уже на уровне выявления и классификации собственно словообразовательных характеристик производных единиц мы констатируем, что есть, к примеру, глаголы с синонимичными и антонимичными префиксами, есть типы словообразовательных значений, противопоставляемых, строго говоря, на основе лексических параметров (сравните: глаголы, обозначающие действие, направленное вниз/вверх, над предметом/ под предмет, внутрь/ наружу и т. п.). Целые группы производных, словообразовательные типы могут не только различаться между собой словообразовательной структурой, но и быть противопоставлены семантически (*белеть* – *белить*, *чернеть* – *чернить*).

С другой стороны, производные единицы с различной словообразовательной структурой и различной деривационной историей могут оказаться тождественными семантически (ср.: *толстеть* и *утолщаться*). В условиях коммуникации на первый план выходит семантика, необходимость заполнения некоторого семантического «места», а «слов образовательный» или аналитический статус номинации отходит на второй план. Уже на уровне собственно словообразования, к примеру, значение 'становиться каким', может быть представлено глаголом иного словообразовательного типа, способа словообразования и даже иного, чем отадъективы, класса единиц (например, приведенный выше глагол *утолщаться* может рассматриваться и как отвербатив). При словообразовательной же недостаточности хорошо известные значения и различные типы их оппозиций будут представлены не словами, а словосочетаниями, либо комбинированным использованием различных по своей образующей структуре единиц. Ср.: 1) *делать неинтересным* – Ø, *становиться неинтересным* – Ø; *делать огнеупорным* – Ø, *становиться огнеупорным* – Ø.

2) *рыхлить, делать рыхлым* – Ø, *становиться рыхлым* (ср., однако, *разрыхляться*); *делать правым* (по социально-политической ориентации), Ø – *праветь, становиться правым*; *делать розовым*, Ø – *розоветь, становиться розовым*; *горбатить, делать горбатым* – Ø, *становиться горбатым*; *виноватить* (оказ.), *делать виноватым* – Ø, *становиться виноватым* (ср.: *Кому хочется становиться (или быть, оказаться) виноватым*).

Анализируя существующие связи и отношения между словами как элементами известных в лексике парадигматических подсистем, можно констатировать случаи «невыражения» некоторых значений в составе тех или иных оппозиций. Так, значительная часть глагольной лексики представляет собой такой тип квазиконверсивов, когда при словно выраженном результате значение каузации действия может быть представлено только словосочетанием. Ср.: Ø, *бросать в дрожь* – *дрожать*, Ø, *бросать в пот* – *потеть*. Семантический анализ антонимов и таких известных их типов как ‘начинать’ – ‘переставать’, ‘действие’ – ‘уничтожение, результат действия’ показывает, что собственно лексические свойства могут объединять не только пары мотивированных слов, но и мотивированные слова и эквивалентные им словосочетания. Другими словами, свойства, характеризующие различные лексические подсистемы, могут распространяться и на межуровневые связи и отношения, что для нас делает актуальным исследование уже собственно деривационных подсистем «производное слово – словосочетание с деривационно родственным компонентом», без акцентирования внимания на вопросах, что от чего образовано и можно ли возникающие отношения описывать в терминах производности [1, с. 167].

Компонентный анализ лексического значения (включая сюда и его ранние версии) базируется на положении о том, что толкование некоторого выражения X – это тождественное ему по значению выражение, в котором это значение выражено *более эксплицитно*. Причем совершенно справедливо признается, что многие слова могут быть описаны семантически только в составе *выражений, больших по объему, т.е. словосочетаний* или предложений.

Отношения, обнаруживающиеся между словами как лексемами, достаточно многообразны и не сводятся к традиционно рассматриваемым в лексике отношениям синонимии, антонимии. Многочисленны отмечаемые в лексической семантике различные типы отношений семантической производности, количество и «качество» которых варьируется в зависимости от специфики того или иного семантического поля (подполя). И хотя некоторые из них полностью или частично находят отражение в словообразовательной системе посредством некоторого набора аффиксальных средств в различных по степени абстракции словообразовательных значениях, не следует забывать о том, что многие типы оппозиций, изначально заданных аффиксацией и характеризующих лексическую систему или, точнее, положение и функционирование мотивированных слов в данной системе, получают необходимое завершение не только с помощью производных аффиксации, но и посредством деривационно родственных словосочетаний. К примеру, гипонимические корреляции в лексике могут найти свое «продолжение» и в составе более сложных, деривационно связанных групп единиц различной структуры. Так, в небольшой микрогруппе глаголов со значением ‘исполнить что-нибудь’ (*спеть, сыграть, сплясать, станцевать*) отмечаются словосочетания с глаголом *исполнить* в деривационной функции. Ср.: *сплясать – исполнить пляску, станцевать – исполнить какой-либо танец*. При столь мизерном количестве самих глаголов может «высветиться» большая, чем кажется на первый взгляд, роль словосочетаний в деривационной функции. И связано это может быть со спецификой самого имени. Так имя *танец* представляет собой родовое понятие, видовыми по отношению к которому являются различные названия танцев: *танго, фокстрот, румба, полька* и др. Естественно, что границы собственно аналитического представления действия существенно расширяются. Ср.: *свальсировать – исполнить вальс*, но *исполнить румбу* – Ø, *исполнить танго (фокстрот, польку)* – Ø. Даже единичные, редкие случаи не должны ос-

таться без внимания, поскольку характеризуют те или иные нереализованные возможности словообразовательного синтеза.

Другой пример. Словосочетания с глаголом *сказать* не приводятся в качестве примеров устойчивых глагольно-именных словосочетаний, и это понятно. Тем не менее, если не со статусом собственно деривационных, то лексически конкретизированных словосочетаний в деривационной функции они должны быть учтены, поскольку образуют достаточно регулярные коммуникативные соответствия, к примеру, глаголам речи. Ср.: *сдерзить – сказать дерзость, сгрубить – сказать грубость, скаламбурить – сказать каламбур*. Целому ряду глаголов соответствуют более сложные, трехкомпонентные словосочетания. Например: *связвить – сказать что-либо язвительное, съехидничать – сказать что-либо ехидное, снасмешничать – сказать что-либо насмешливое*. Учитывая тот факт, что ряд имен сами представляют известное «сжатие» более сложных и развернутых номинаций (ср. *что-либо глупое – глупость*), то естественно признать наличие деривационной функции и у этих трехкомпонентных словосочетаний – коммуникативных эквивалентов глаголам речи. Ср.: *сгрубить – сказать грубость (что-либо грубое)*. С той лишь существенной разницей, что у многих именных дискретных структур также может не быть однословных синтетических имен. Ср.: *что-либо глупое – глупость, что-либо язвительное – ∅, что-либо ехидное – ∅*. Поле «аналитизма», представленное системой неполных номинативных рядов, существенно расширяется, если увидеть, что деривационно неродственные дискретные соответствия ряду глаголов также представляют собой по сути аналитические структуры лексико-деривационного типа. Ср.: *сострить и сказать что-либо остроумное – ∅* (правда ср. *сказать какую-либо остроумность*), *сбалагурить и сказать что-либо шутливое – ∅* (ср. также *пошутить – сказать шутку*), *сказать что-либо забавное – ∅*.

Рассмотрим деривационное «окружение» глагола *дерзить*, который, судя по словарной дефиниции, может быть эксплицирован лексически конкретизированным словосочетанием *говорить дерзости*, однако совершенно ясно, что *дерзить* – это и *быть дерзким*, и *вести себя дерзко*, и *проявлять дерзость*. В составе единого номинативного ряда различные словосочетания способны синонимизироваться. И если говорить о *номинативных рядах* как о *системе*, то она строится через целый комплекс кардинальных для глагола семантических и грамматических оппозиций. Так, рассматриваемому глаголу *дерзить* хорошо известным грамматическим «оппонентом» является глагол *дерзнуть*, также входящий в состав многокомпонентного номинативного ряда, в составе которого соответствующие деривационные сочетания «поддерживают» необходимую модификацию по виду (*повести себя дерзко, проявить дерзость*). А регулярная для глаголов-отадъективов оппозиция «каузатив» – «инхоатив» в данном случае представлена лишь аналитически, деривационными сочетаниями в составе неполных номинативных рядов. Ср.: *∅, делать дерзким – ∅, становится дерзким*. Любопытно, что в собственно аффиксальное поле глагола *дерзить* входят лишь два глагола: *надерзить* и *сдерзить* (по данным Словообразовательного словаря А. Н. Тихонова [2, с. 154]), а среди устойчивых сочетаний в Словаре В. М. Дерибаса указывается еще *иметь дерзость* [3, с. 180]. Вывод, который можно сделать, состоит в том, что система центральных для производных глаголов-отадъективов значений и организуемая посредством их противопоставления группа тесно взаимосвязанных оппозиций может быть реализована посредством *сложных деривационных структур синтетико-аналитического типа*, а в ряде случаев – лишь аналитически. Причем возможны самые различные случаи и схемы реализации важнейших деривационных линий глагольного пространства отадъективов. Так, к примеру, глагол *пустовать* эксплицируется аналитической номемой *быть пустым*. Данный номинативный ряд «бытия» противопоставлен номинативному ряду «становления» *пустеть – становиться пустым* и номинативному ряду с каузативной семантикой, который представлен лишь аналитической составляющей: *∅, делать пустым*.

Система деривационных отношений и средства ее выражения демонстрируют более глубокое взаимодействие синтетизма и аналитизма, грамматики, лексики и словообразования, ведущую роль в котором (взаимодействии) играют дифференцирующие и интегрирующие возможности различных типов словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Никитевич, А. В. Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем / А. В. Никитевич // Проблемы теории і гісторыі славянскага словаўтварэння. Доклады Шостаі Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. – Мінск / Беларусь, 2–6 сакавіка 2003 г. – Мінск, 2004, С. 166–175.

2 Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь в 2-х томах / А. Н. Тихонов. – М., 1985.

3 Дерибас, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка / В. М. Дерибас. – М., 1975. – 240 с.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

УДК [81.161.3:398.9]:[81.111:398.9]

В. А. Арцёмава

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КІНЭТЫЧНЫХ ПРАСТОРАВЫХ АДНОСІН У БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ ФРАЗЕАСІСТЭМАХ: ПАРАЎНАЛЬНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АСПЕКТ

Апісваецца вербалізацыя ў беларускай і англійскай фразеасістэмах асаблівасцей перамяшчэння ў прасторы. Вызначаюцца тэматычныя групы фразеалагізмаў з улікам такіх канцэптуальных паказчыкаў, як удзельнікі руху, сродкі, асяроддзе, характар, інтэнсіўнасць, траекторыя перамяшчэння. Робяцца высновы адносна структуры семантыкі фразеалагізмаў са значэннем перамяшчэння, іх ацэначнасці і антрапацэнтрычнасці.

Перамяшчэнне аб'екта – рух, звязаны з пераадоленнем межаў пэўнай прасторы. Яго можна апісаць пры дапамозе наступнага набору канцэптуальных паказчыкаў: удзельнікі руху (Subject / Object), рух (Motion), фазавасць (Phase), сродак (Means), асяроддзе (Circumstance), характар (Manner), інтэнсіўнасць ці хуткасць (Intensity), траекторыя (Path), напрамак (Vector), пачатковы і канчатковы пункты перамяшчэння (Source and Goal) [2, с. 4; 12, с. 57]. Метадам суцэльнай выбаркі з беларускіх і англійскіх фразеалагічных слоўнікаў [1; 3; 4; 6; 7; 8; 9] было вылучана 406 беларускіх і 476 англійскіх фразеалагізмаў са значэннем 'перамяшчэнне ў прасторы'. Параўнальна-супастаўляльны аналіз іх семантыкі дазволіў выявіць агульнае і ідэаэтычнае ў рэпрэзентацыі кожнага канцэптуальнага паказчыка перамяшчэння.

Суб'ект і аб'ект перамяшчэння. У беларускай і англійскай фразеасістэмах асноўным суб'ектам і аб'ектам перамяшчэння з'яўляецца чалавек (95 % ФА). Толькі 5 % беларускіх і англійскіх ФА спалучаюцца з такімі суб'ектамі, як жывёлы (белар. *таўчы мак* 'мітусіцца ў паветры плеймай, клубком; пра рух камароў, мошак', англ. *run her file* 'бегаць, блытаючы сляды; пра зайца'), механізмы (англ. *to go like a dream* 'хутка ехаць; пра машыны'), маса ці паток (белар. *як з вядра*, англ. *rain cats and dogs* 'ліць як з вядра'). Гэта пацвярджае гіпотэзу аб антрапацэнтрычнасці перамяшчэння ў беларускай і англійскай лінгвакультурах.

Фазавасць перамяшчэння. Пад фазавасцю разумеецца пачатак, працяг і канец працэсу перамяшчэння. Дадзеная характарыстыка прадстаўлена 2 групамі:

пачатак перамяшчэння – канец перамяшчэння. У гэтай групе назіраецца значная колькасная перавага ФА са значэннем 'прыпынак перамяшчэння' (61 беларускіх і 60 англійскіх ФА) над ФА са значэннем 'пачатак перамяшчэння' (5 беларускіх і 10 англійскіх ФА). Прыпынак руху можа быць выкліканы моцнымі эмоцыямі, стрэсам (белар. *як укопаны*, англ. *as if rooted to the spot* 'як укопаны'), прыманнем гарызантальнага становішча цела з-за падзення, што не з'яўляецца нармальным для чалавека (белар. *з капытоў далоў*, англ. *come a cropper* 'зваліцца з каня ўніз галавой'), вычарпальнасцю рэсурсаў арганізма (белар. *на нагах не трымацца*, англ. *be ready to drop* 'валіцца з ног');

прыход, прыезд, з'яўленне – адыход, ад'езд, знікненне. Падгрупа *прыход прыезд з'яўленне* прадстаўлена 53 беларускімі і 56 англійскімі фразеалагізмамі. Аналіз іх семантыкі паказвае, што ў беларускай і англійскай лінгвакультурах з'яўленне ці прыход без папярэджання ці запрашэння непажаданы і ўспрымаецца моўцам адмоўна: белар.

нялегкая гоніць каго, англ. *darken someone's door(s)* ‘з’яўляцца, прыходзіць без запрашэння’. У беларускай мове негатыўная канатацыя падобных ФА ўзмацняецца адмоўнымі фальклорнымі вобразамі, звязанымі са смерцю, хваробай, беднасцю *ліха*, *нялегкая*, *нячыстая сіла*, *нячысцік*, *чорт*: белар. *ліха нясе каго*, *нялегкая гоніць каго*, *нячыстую <сіла> гоніць (прыгнала) каго*, *нячысцік нясе каго*, *халера прынесла каго*. У англійскіх ФА гэтай падгрупы адмоўная канатацыя ўзнікае за кошт каляровай сімвалікі: англ. *darken somebody's door* утрымлівае дзеяслоў *darken*, які мае значэнне ‘зацямняць, рабіць цёмным’.

Падгрупа *уход, ўцёкі, знікненне* прадстаўлена 71 беларускай і 95 англійскімі ФА і значна перавышае пагрупу *прыход, прыезд, з’яўленне*. Падобная колькасная асіметрыя, на наш погляд, звязана з імкненнем любой жывой істоты пазбегнуць небяспекі (інстынкт самазахавання): белар. *даваць махні-драла*, англ. *take to one's heels* ‘уцячы, змыцца’.

Сродак перамяшчэння. Беларускай і англійскай ФА гэтай групы рэпрэзентуюць перамяшчэнне пешшу без выкарыстання транспарту: белар. *на сваіх дваіх*, англ. *on Shank's pony / mare* ‘пешшу’. Аднак у англійскай фразеасістэме маюцца ФА са значэннем ‘перамяшчэнне на механічных транспартных сродках’ (англ. *go for a spin* ‘пракаціцца, пакатацца на аўтамабілі, радзей на матацыкле’, *thumb a lift* ‘пад’язджаць на спадарожнай машыне’).

Асяроддзе перамяшчэння. Гэта характарыстыка прадстаўлена нязначна (3 беларускія і 4 англійскія ФА). Паколькі асноўным суб’ектам перамяшчэння з’яўляецца чалавек, то найбольш прыдатным асяроддзем для яго пражывання і перамяшчэння выступае зямная паверхня. Як правіла, сема ‘перамяшчэнне па зямной паверхні’ ўжо ўключана ў семантыку большасці ФА, таму ў дадзеную групу былі аднесены толькі тыя ФА, якія актуалізуюць іншыя тыпы асяроддзя, нетыповыя для чалавека (вада, паветра): белар. *плавае як сякера*, англ. *swim like a cork* ‘плаваць як рыба’, *hit the silk* ‘прыгаць з парашутам’.

Характар перамяшчэння. Характар перамяшчэння – гэта такі рух, пры якім у моўцы застаецца ўражанне аб лёгкасці або цяжкасці, грацыёзнасці або нязграбнасці руху. У беларускай і англійскай фразеасістэмах знаходзяць адлюстраванне перамяшчэнне ў стане алкагольнага ап’янення (белар. *ісці на вушах*, англ. *under the influence* ‘пад газам’), нязграбны рух (белар. *хадзіць як качка* ‘хадзіць перавальваючыся’, англ. *move like a bull in a china shop* ‘нязграбны рухацца’). У англійскім фразеалагічным фондзе эксплікуецца перамяшчэнне, звязанае з пэўнымі цяжкасцямі: англ. *elbow ones way* ‘праціскацца, працуючы локцямі’, *worm one's way* ‘прабірацца з цяжкасцю паўзком’.

Хуткасць перамяшчэння (інтэнсіўнасць). Гэта група з’яўляецца адной з самых рэпрэзентатыўных і дэманструе важнасць гэтага параметра для чалавека. Тут назіраецца колькасная перавага ФА са значэннем ‘хуткае перамяшчэнне аб’екта’ (52 беларускіх і 110 англійскіх ФА) над ФА са значэннем ‘павольнае перамяшчэнне аб’екта’ (30 беларускіх і 30 англійскіх ФА). Хуткае перамяшчэнне аб’екта у беларускай і ў англійскай лінгвакультурах мае нейтральную або станоўчую канатацыю: белар. *ляцець на крылах*, англ. *fly on the wings* ‘вельмі хутка і з вялікай радасцю бегчы, ехаць куды-небудзь’. Павольнае перамяшчэнне аб’екта, наадварот, успрымаецца негатыўна, паколькі выклікана стомленасцю, ляготай, адсутнасцю прычын для спешкі: белар. *ледзь (ледзьве) на стаяць (трымацца) на нагах*, англ. *hardly stand on one's feet* ‘ледзь трымацца на нагах’, белар. *не гарыць у каго*, англ. *there's no big rush* ‘няма прычын для спешкі’.

Аднолькавая хуткасць перамяшчэння прадстаўлена 6 беларускімі і 8 англійскімі ФА (белар. *нага ў нагу*, англ. *in step*), што сведчыць аб адлюстраванні ў фразеалогіі не нарматыўных характарыстык пэўнага фрагмента рэчаіснасці, а тых, што набліжаюцца да свайго максімума або мінімума.

Напрамак перамяшчэння. Былі выяўлены наступныя тыпы перамяшчэння: 1) аблатуўнае (*адкуль?*) – перамяшчэнне ад арыентыру (8 беларускіх і 7 англійскіх ФА): белар. *з-за кратаў*, англ. *from behind bars* ‘з турмы’;

2) алатыўнае (*куды?*) – перамяшчэнне да арыентыру (54 беларускіх і 47 англійскіх ФА): белар. *за свет*, англ. *to the middle of nowhere* ‘за трыдзевяць зямель’;

3) транслатыўнае (*адкуль куды?*) – перамяшчэнне ад арыентыру да іншага арыентыру (14 беларускіх і 17 англійскіх ФА): белар. *туды і сюды*, англ. *to and from* ‘туды і сюды’.

Зыходны пункт перамяшчэння (*source*) прадстаўлены ў беларускай і англійскай фразеасістэмах нязначна ў параўнанні з фінішам перамяшчэння (*goal*), што ўзгадняецца з выказанай Т. А. Майсак гіпотэзай аб асіметрыі пачатковага і канчатковага пунктаў руху: канчатковы пункт руху аказваецца камунікатыўна больш значным, чым пачатковы [5]. Гэта асіметрыя вынікае з прыроды чалавека, паколькі яго асноўныя органы ўспрымання накіраваныя наперад: ён рухаецца туды, куды ён глядзіць.

Пачатковы і канчатковы пункты перамяшчэння могуць быць шматвектарныя (белар. *з усіх бакоў*, англ. *from all quarters* ‘з усіх бакоў’, белар. *на ўсё чатыры <бакі>*, англ. *every which way* ‘ва ўсіх кірунках, у розныя бакі’) і адлюстроўваць забароненыя сферы жыцця грамадства: турэмнае зняволенне (белар. *за краты*, англ. *behind bars* ‘у турму’), фізіялагічныя працэсы арганізма чалавека (белар. *пайсці на двор*, англ. *go to the outhouse*).

У групе «напрамак перамяшчэння» вылучаецца падгрупа беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў, у значэнні якіх на чарзе з семай ‘напрамак руху’ актуалізуецца сема ‘адсылка аб’екта для вызвалення асабістай прасторы моўцы’. Такія адзінкі ўжываюцца з прэдыкатамі ў пабуджальным ладзе і не могуць сустракацца аўтарэфэрэнтна ў апісальным кантэксце: белар. *ідзі да д’ябла*, англ. *go to hell*. (**Ён хадзіў ды да д’ябла*, англ. **He went to hell*).

Аднак у англійскай фразеасістэме актуалізуецца накірунак, які дазваляе максімальна хутка пераадолець некаторую адлегласць да аб’екта: *across lots* ‘напрасткі’, *as the crow flies* ‘па прамой лініі’, *cut corners* ‘зрэзаць кут, пайсці найкароткім шляхам’.

У беларускай фразеасістэме былі выяўлены 2 ФА, якія не маюць англійскіх фразеалагічных адпаведнікаў, выступаюць як лакуны і адлюстроўваюць беларускія нацыянальна-культурныя асаблівасці вербалізацыі напрамка перамяшчэння: *вылятаць у вырай* ‘пакідаць бацькоўскі дом, ісці ў сям’ю мужа’ і *пайсці на сяло* ‘адправіцца хадзіць без усякай патрэбы з адной хаты ў іншую, каб хутчэй і непрыкметна ішоў час’.

Беларускія ідэаэтычныя асаблівасці ўспрымання кінэтычных прасторавых адносін вызначаюцца шырокім выкарыстаннем ў якасці вобразнай асновы ФА міфалагічных персанажаў (*чорт, каланіца, ліха, нячыцік, нялегкая*) прадстаўнікоў флоры і фауны (*сарна, крумкач*), сіл і з’яў прыроды (*месяц, гром*) што сведчыць аб міфалагізацыі і сакралізацыі перамяшчэння ў беларускай лінгвакультуры. Нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці ўспрымання і вербалізацыі кінэтычных прасторавых уяўленняў англічан праяўляюцца ў актыўным выкарыстанні марскай тэрміналогіі як вобразнай асновы ФА (*cast an anchor* ‘кідаць якар’, *weigh anchor* ‘зняцца з якара’) і наяўнасці тыпа перамяшчэння, звязаннага з невыкананнем грашовых абавязкаў: англ. *a moon light flit* ‘з’езд з кватэры без аплаты’, *to beat one’s way* ‘ехаць зайцом ў таварным цягніку’, *to thumb a lift* ‘перамяшчацца на спадарожных машынах, падарожнічаць аўтастопам’.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А. С. Аксамітаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

2 Голубкова, Е. Е. Категория движения в современном английском языке и способы её модификации: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е. Е. Голубкова; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2002. – 45 с.

3 Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз., 2005. – 1224 с.

4 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2008.

5 Майсак, Т. А. Семантика и статика глагол *ИДТИ* на фоне других глаголов движения / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 53–66.

6 Янкоўскі, Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.

7 Cowie, A. P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A. P. Cowie, I.R. Vacin. – Oxford Univ. Press, 1983. – 685 p.

8 Daphne, M. G. The Penguin Dictionary of English Idioms / M.G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London: Penguin Books, 2001. – 378 p.

9 Freeman, W. A. Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London: Hodder and Stoughton, 1982. – 215 p.

10 Longman English Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995. – 1668 p.

11 Sinclair, J. Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair – London: Collins Publishers, 1995. – 493 p.

12 Talmy, L. Lexicalization Patterns: structure in Lexical Forms / L. Talmy // Language Typology and Semantic Description. – Vol. III: grammatical categories and the Lexicon. – Cambridge, 1985. – С. 57–149.

УДК 81.161.3:81.111:398.9-021.242

Т. П. Бочкар

ФАКТАРЫ ПОЎНАЙ ФРАЗЕАЛАГІЧНАЙ ЭКВІВАЛЕНТНАСЦІ

(На матэрыяле беларускай і англійскай моў)

У артыкуле разглядаецца адзін з тыпаў фразеалагічных адзінак беларускай і англійскай моў – поўныя эквіваленты, якія супадаюць кампанентным складам і планам змету. Вызначаюцца фактары ўзнікнення поўных фразеалагічных эквівалентаў: падабенства вобразнага пераасэнсавання свабодных словазлучэнняў, выкарыстанне фразеактыўных слоў-кампанентаў, запазычанне, калькаванне.

У сучасных працах па супастаўляльнай фразеалогіі і перакладазнаўству даволі выразна акрэслілася паняцце фразеалагічнага эквівалента [гл.: 1, с. 97–106; 2, с. 190–192; 3, с. 166–178; 7, с. 5–23; 8, с. 46–141; 9, с. 14–67 і інш.]. Пад міжмоўнымі фразеалагічнымі эквівалентамі разумеюць фразеалагічныя адзінкі (далей ФА) розных моў (дзвюх ці болей), якія характарызуюцца тоеснай семантыкай, аднолькавай структурна-граматычнай арганізацыяй і тоесным кампанентным складам. З улікам семантычнага, структурна-граматычнага і кампанентнага паказчыкаў вылучаюць поўныя, абмежаваныя і частковыя фразеалагічныя эквіваленты.

Характэрнай рысай поўных фразеалагічных эквівалентаў з'яўляецца абсалютная суаднесенасць фразеалагізмаў у плане зместу (супадзенне катэгорыяльнага, сінфікатыўна-дэнататыўнага і канататыўнага значэнняў) і ў плане выражэння (аднолькавая структурна-граматычная арганізацыя, тоесны кампанентны склад і вобразнасць).

Абмежаваныя фразеалагічныя эквіваленты адрозніваюцца ад поўных тым, што могуць мець нязначныя разыходжанні ў семантычнай структуры або супадаць толькі адным значэннем у выпадку полісеміі.

Частковыя фразеалагічныя эквіваленты характарызуюцца поўнай суаднесенасцю ў плане зместу, але маюць нязначныя разыходжанні ў плане выражэння. Яны

падзяляюцца на фразеалагізмы, якія: а) адрозніваюцца адным лексічным кампанентам; б) характарызуюцца наяўнасцю лексічнай варыянтнасці ў адным з адпаведнікаў і яе адсутнасцю ў другім; в) маюць некаторыя адрозненні ў марфалагічным афармленні кампанентаў, напрыклад, іншыя родавыя, лікавыя, прыназоўнікава-склонавыя формы.

У артыкуле звернем увагу толькі на тэма ФА беларускай і англійскай моў, якія цалкам супадаюць кампанентным складам і зместавым бокам, г.зн. поўныя фразеалагічныя эквіваленты, і на фактары поўнай фразеалагічнай эквівалентнасці.

У розных фразеаграфічных крыніцах ([4; 5; 10]) выяўлены 733 міжмоўныя беларуска-англійскія фразеалагічныя эквіваленты. З іх каля 24 % (179 ФА) складаюць поўныя фразеалагічныя эквіваленты. Напрыклад, беларускую ФА *аццаць сэрца* і англійскую ФА *give heart* можна аднесці да поўных фразеалагічных эквівалентаў: яны супадаюць значэннем 'кахаць каго-н.', адносяцца да разраду дзеяслоўных са структурай «дзеяслоў + назоўнік», маюць тоесны лексічны склад.

Субстантыўны кампанент вышэй адзначаных фразеалагічных зваротаў прадстаўлены словам *сэрца*, якое з'яўляецца прадуктыўным ва ўтварэнні эквівалентных ФА беларускай і англійскай моў: з *лёгкім сэрцам* – *with a light heart*, з *адкрытым сэрцам* – *with an open heart*, *сэрца баліць* – *sb's heart aches*, *выкідаць з сэрца* – *to wrench out of one's heart* і інш.

Існаванню наступных міжмоўных эквівалентаў таксама паспрыяла тое, што семантычнымі стрыжнямі ў іх кампанентным складзе выступаюць фразеактыўныя лексічныя адзінкі – назвы частак цела чалавека: *не верыць сваім вачам* – *not to believe one's eyes*, *вісець над галавой* – *to hang over sb's head*, *на вока* – *by eye*, *галава на плячах* – *a head on one's shoulders*, *адкрываць вочы* – *to open one's eyes*, *паказваць спіну* – *to show one's back*, *на вуснах* – *on sb's lips* і інш. Такім чынам, прыкметную міжмоўную эквівалентнасць выяўляюць перш за ўсё тэма фразеалагічных звароты, у склад якіх уваходзяць кампаненты з высокай фразеаўтваральнай актыўнасцю.

Сярод прычын фразеалагічнай эквівалентнасці можа быць аднолькавае пераасэнсаванне зыходных свабодных словазлучэнняў у розных мовах. Так, хутчэй за ўсё незалежным узнікненнем фразеалагічных паралелей можна патлумачыць існаванне такіх фразеалагічных эквівалентаў, як *здымаць шапку* – *to take off one's hat*, *змагацца з сабой* – *to wrestle with oneself*, *знаходзіць агульную мову* – *to find common language*, *выварочваць навыварат* – *to turn sth inside out*, *глытаць слёзы* – *to swallow one's tears*, *навышаць голас* – *to raise one's voice*, *першыя крокі* – *first steps* і інш.

Пераважная большасць фразеалагічных эквівалентаў, якія ўзнікаюць незалежна адзін ад аднаго, з'яўляюцца семантычна матываванымі выразамі. Некаторыя агульныя экстралінгвістычныя факты жыцця розных народаў аднолькава пераасэнсоўваюцца носбітамі моў, што выклікае супадзенне або падабенства вобразнай асновы адпаведных ФА. Напрыклад, універсальныя з'явы прыроды могуць аднолькава адзначацца людзьмі, і пераменныя словазлучэнні, якія іх характарызуюць, незалежна адно ад аднаго набываюць у кожнай мове такое самае пераноснае значэнне: *як грыбы пасля дажджу* – *like mushrooms after a rain*. Аднолькава пераасэнсоўваюцца носбітамі моў і вобразы *дня і ночы*, у выніку чаго адпаведныя лексемы становяцца прадуктыўнымі ва ўтварэнні фразеалагічных паралелей у беларускай і англійскай мовах: *дзень ада дня* – *from day to day*, *дзень за днём* – *day after day* і інш.

Часам фразеалагічныя эквіваленты ўзнікаюць тады, калі частка прыказкі пачынае выкарыстоўвацца самастойна. Напрыклад, у беларускай мове «абломак» прыказкі *Прывычка – другая натура* стаў ужывацца не толькі ў спалучэнні са словам *прывычка* [ЭСФ, с. 123]. Тое самае адбылося і з англійскай прыказкай *Custom (habit) is a second nature*, што абумовіла існаванне фразеалагічнай паралелі *другая натура – second nature*. Падобным чынам частка беларускай прыказкі *Хто тоніцца – за саломінку ўхоніцца* і частка англійскай прыказкі *A drowning man catches at a straw* (тапелец хапаецца за саломінку) утварылі фразеалагічныя адпаведнікі *хапацца за саломінку* і *to catch at a straw*.

Высокай ступенню міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці характарызуюцца выразы, запазычаныя ці скалькаваныя (часцей апасродкава) з розных моў.

Вынікам культурна-гістарычнага ўзаемадзеяння можна растлумачыць існаванне фразеалагічных паралелей, якія звязаны з антычнай міфалогіяй або маюць біблейскае паходжанне: яблык разладу – *an apple of discord*, гордзіеў вузел – *the Gordian knot*, альфа і амега – *Alpha and Omega*, гог і магог – *Gog and Magog*, паміж Сцылай і Харыбдай – *between Scylla and Charybdis*, лебядзіная песня – *swan song*, соль зямлі – *the salt of the earth*, валтарасаў баль – *Belshazzar's feast* і інш. Менавіта біблейскія і міфалагічныя складаюць даволі шматлікую групу сярод поўных фразеалагічных эквівалентаў (каля 22 % ад іх агульнай колькасці).

Сярод запазычанняў шмат калек і паўкалек з розных еўрапейскіх моў [6]. Эквівалентныя фразеалагічныя звароты беларускай і англійскай моў у пераважнай большасці з'яўляюцца калькамі ці паўкалькамі з лацінскай (*за і супраць* – *pro and con*, да грэчаскіх календаў – *till the Greek calends*, персона нон грама – *persona non grata*, скура ды косці – *skin and bones*), нямецкай (*плячо к плячу* – *shoulder to shoulder*, адамаў яблык – *Adam's apple*, кракадзілавыя слёзы – *crocodile tears*, мамчын сыноч – *tata's boy*) і французскай (*востры язык* – *a sharp tongue*, накласці канец – *to put an end*, браць слова – *to take the word*, месца пад сонцам – *one's place in the sun*, ісці ў Каносу – *to go to Canossa*, у фаворы – *in favor*) моў. У якасці поўных фразеалагічных эквівалентаў выступаюць і калькі ці паўкалькі з іспанскай (*пятая калона* – *fifth column*, блакітная кроў – *blue blood*, рыцар журботнага вобраза – *the knight of the Rueful Countenance*) і рускай (*мёртвыя душы* – *dead souls*, карміць абяцанкамі – *to feed sb promises*) моў. Існаванне фразеалагічных паралелей апошні з магікан – *the last of the Mohicans* і чытаць паміж радкоў – *to read between the lines* абумоўлена тым, што гэтыя выразы былі запазычаны з англійскай мовы ў беларускую.

Сярод міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў, якія не маюць істотных адрозненняў у сваім кампанентным складзе, ёсць выразы, выбар лексічнага напаўнення якіх абумоўлены неаднолькавай традыцыйнай ужывання слоў у складзе ФА. Так, у англійскай мове верхняя канечнасць чалавека мае два абазначэнні з дыферэнцыйнай у параўнанні з беларускай лексмай рука семантыкай: *arm* 'верхняя канечнасць' і *hand* 'кісьць рукі'. Таму ў складзе фразеалагізмаў англійскай мовы субстантыўны кампанент, як правіла, прадстаўлены адной з гэтых лексем. Напрыклад, беларуская ФА рука ў руку мае ў англійскай мове дзве эквівалентныя адпаведнасці – *arm in arm* і *hand in hand*. Аднак *hand* з'яўляецца больш частотнай лексмай ва фразеаўтварэнні: *аддаваць руку і сэрца* – *to give one's hand and heart*, *умываць рукі* – *to wash one's hands*, *збыць з рук* – *to get off sb's hands*, *звязваць рукі* – *to tie sb's hands* і інш.

Беларуская ФА біблейскага паходжання *абяцаная зямля* мае англійскі эквівалент *the promised land*. Адпаведныя субстантыўныя кампаненты беларускага і англійскага выказаў прадстаўлены словамі *зямля* і *land*. А ў суадноснай пары ФА як *неба і зямля* і *like heaven and earth* беларускаму назоўніку *зямля* адпавядае англійская лексема *earth*. Слова *неба* таксама не мае аднолькавай прадстаўленасці ў англійскіх фразеалагічных зваротах: *над адкрытым небам* – *under the open sky* (параўнайце з папярэднімі выразамі).

Беларускі прыметнік *залаты* ў англійскай мове мае два аднакаранёвыя адпаведнікі – *golden* і *gold*. Другі адпавядае прамому значэнню беларускага прыметніка, а першы – пераноснаму. Гэтая розніца знайшла адлюстраванне і ў фразеалагічных зваротах: *залатая сярэдзіна* – *the golden mean*, *залатое вясельле* – *golden wedding*, але *залаты фонд* – *the gold reserve*.

Такім чынам, беларускія і англійскія фразеалагізмы выяўляюць даволі высокую ступень суадноснасці, якая ў першую чаргу адлюстроўваецца ў поўных фразеалагічных эквівалентах. Узнікненню такіх эквівалентаў магло садзейнічаць тое, што: 1) у іх склад

уваходзяць фразеактыўныя лексічныя адзінкі; 2) зыходныя свабодныя словазлучэнні носьбітамі моў аднолькава пераасэнсаваліся; 3) асобная частка прыказак пачала ўжывацца самастойна; 4) яны былі запазычаны ці скалькаваны з адной і той жа мовы-крыніцы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 127 с.
- 2 Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: «Р. Валент», 2009. – 360 с.
- 3 Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие / В. Н. Комиссаров; под ред. С. Ф. Гончаренко. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
- 4 Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; под ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
- 5 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. У 2 т. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 – 672 с.; Т. 2 – 704 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.
- 7 Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица) / Ю. П. Солодуб. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – 110 с.
- 8 Солодухо, Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань: Казанский ун-т, 1977. – 170 с.
- 9 Солодухо, Э. М. Интернациональные иноязычные выражения: учеб. пособие для слушателей факультетов повышения квалификации / Э. М. Солодухо; под ред. Д. Х. Бакеева. – Казань: Казанский Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина, 1982. – 77 с.
- 10 Cowie, A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Volume 2. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 685 p.

УДК [81.161.1:81.134.2]:398.9:81'373.231

А. А. Буевич

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С БИБЛЕЙСКИМИ ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

(На примере русского и испанского языков)

В статье подвергается анализу явление символизации имён собственных библейского происхождения, функционирующих в составе фразеологических единиц русского и испанского языков, описываются национально маркированные коннотации фразем, в состав которых входят компоненты-онимы.

Фразеологизмы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, выполняют «роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения» [5, с. 250]. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность – все эти качества фразеологических единиц придают речи образность и выразительность. Как отмечает В. Н. Телия, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 58].

Фразеологические единицы с библейскими именами собственными представляют собой особый интересный пласт во многих языках мира. Единицы этого типа, как

правило, не заимствовались одним языком из другого: в каждом языке происходил отбор из одного общего источника – из Библии. Особенность этого текста состоит в том, что основной чертой его является способность к символическому переосмыслению. В целом библейская символика интернациональна, прежде всего, это имя-символ, вокруг которого вырастает фразеологическая единица, формируются межъязыковые параллели. Однако у одного и того же библейского имени в разных языках спектр коннотаций и сопутствующих значений может отличаться или вообще отсутствовать, что ведет к различиям и в значении самой единицы. Имя собственное, принадлежащее персонажу Книги Книг, является символом определенных качеств человека или ссылкой на происходившие события. Имена собственные библейского происхождения сами по себе имеют переосмысленное значение: *Иуда* – символ предательства, *Авель* – невинная жертва, *Фома* – недоверчивый, упрямый человек и т. д.

В данной статье будут рассмотрены некоторые библейские имена собственные, входящие в состав фразеологизмов, паремий, идиом на примере русского и испанского языков. Начнем от *Адама*. В русской картине мира в образах Адама и особенно Евы акцентируется понятие греха.

Сравним пословицы, приводимые В. И. Далем: «*Адамъ плотию наделишь, Ева – грехомъ*», «*Адамъ согрешилъ, а мы въздыхаемъ*»; «*Ева Адама прельстила, весь родъ потопила (или: погубила)*» [2, с. 241–242, Том I].

В русском языке сравнение как *Адам* обычно сопровождается прилагательными *голый, нагой*, что восходит к библейским сказаниям об Адаме и Еве, которые, живя в раю, были наги и не стыдились своей обнаженности, пока, соблазненные змеи-искусителем, не отведали запретный плод с дерева познания добра и зла. В испанском языке данное семантическое значение передается идиомой «*en traje de Adán*» – «*нагишом, в чем мать родила, в костюме Адама*» [3, с. 675]. Кроме того в испанском языке существует сравнительная конструкция, основанная на переосмыслении данной библейской легенды: «*hecho un adán*» – «*неряха, неопрятный; оборванец; совсем опустился*» [3, с. 17]. Как видно из приведенных переводов, переосмысление первочеловека и его наготы в испанской лингвокультуре произошло совсем по-другому. Нагота стала восприниматься не как открытость и начало всего, а как неорганизованность, неряшливость. В испанской языковой картине мира производное от *Adán* – *adamismo* используется во фразеологизмах типа «*obrar con adamismo*», что означает «*делать что-то не так, как будто до тебя этого никто не делал (изобретать велосипед)*» [4, с. 85].

Имя *Мафусаила*, персонажа ветхозаветных преданий, прожившего 969 лет, закреплено в параллели «(es) *tan viejo como* (или *más viejo que*) *Matusalén*» – «1) *стар как Мафусаил*; 2) *старо как мир*» [3, с. 398].

Имя царя Соломона формирует символ, который называет человека мудрого, например, в составе фразеологической единицы *decisión salomónica* – «*Соломоново решение книжн. – мудрое и простое решение трудноразрешимого вопроса*» [7, с. 492].

С именем святого *Иова* в испанском языке связано представление о неограниченном терпении: «*más paciente que Job*» – «*многострадальный, долготерпеливый (как Иов)*» [3, с. 342]. В русском языке актуализированы другие черты этого образа. Ю. А. Бельчиков считает, что «*фразеологизмы с компонентом Иов в русском языке говорят о бедности: беден, как Иов*» [1, с. 51].

Имя одного из библейских апостолов – *Иуды* отражено в таких фразеологизмах, как «*beso de Judas*» – «*поцелуй Иуды, притворное дружелюбие, тайное предательство*» [3, с. 72]. Во фразеологическом словаре русского языка также присутствует такой же фразеологизм «*Иудин поцелуй – предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви и дружбы*» [7, с. 204]. Как в русском, так и в испанском языках это имя используется в основном для выражения понятия 'лживого человека': «*falso como (или más falso que) Judas*» [3, с. 343]. Кроме того, испанское языковое сознание выделяет еще

один компонент в этом имени – ‘неряшливость в одежде’: «*parecer uno un Judas; estar hecho un Judas*» – «иметь неопрятный внешний вид; быть неряхой» [там же].

Центральный образ во всех христианских культурах – **Иисус Христос**. Рассмотрим, как он предстает в испанском и русском языках. В испанско-русском фразеологическом словаре под редакцией Э. И. Левинтовой насчитывается более 40 фразеологических единиц с этим именем. Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (Cristo, Jesús) в том, что в ней содержится много междометных образований: «*¡Por los clavos de Cristo!*» – «ради всего святого, ради всех святых» [3, с. 163]; «*¡voto a Cristo!* – «проклятье!» [3, с. 191]; «*¡y Cristo con los penitentes (или con todos)!*» – «ну и бог с ним!, с плеч долой – и ладно!, разделались – и слава богу!» [там же]. Восклицания *¡Jesus!*, *¡Cristo!*, *¡Santo Cristo!*, *¡Jesus, Dios mío!* могут выражать широкую гамму чувств – от жалобы и удивления до испуга и облегчения. Кроме того, междометие *¡Jesus!* Произносится, когда кто-то чихнул (соответствует русскому «*Будь здоров!*»). Кроме этого *Cristo* имеет ряд других значений и фигурирует во многих фразеологических единицах, среди которых: «*ni por un Cristo*» – «ни в коем случае; ни за что; ни за какие деньги» (букв. ни для одного Христа), «*sin cristo*» – «быть без гроша» (букв. быть без Христа), «*sacar el cristo*» – «прибегнуть к последнему средству, к крайним мерам» (букв. достать Христа), «*...como a (un santo) Cristo un par de pistolas* – «совершенно не подходит, <...> как корове седло» (букв. как Христу пистолеты) [3, с. 191]. Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией Молоткова представлены следующие фразеологизмы: «*Как у Христа за пазухой. 1. Без забот и хлопот. <...> 2. В полной безопасности*» [6, с. 511]. Обращения «*Христа ради*» или «*Христом Богом*» выражают усиленную просьбу, мольбу [6, с. 511–512]. Как видим, фразеология от имени Христа в русском языке совсем иная по духу этого образа.

Рассмотренные выше фразеологические единицы в своем составе имеют общие для обоих языков имена собственные библейского происхождения. Особого внимания заслуживают испанские безэквивалентные фразеологические единицы с именами собственными.

Так в испанском языке присутствуют идиомы с именем **Богородицы, Марии**: «*no es cada día pascua ni Santa María*» – «не всякий день праздник» [3, с. 232]; «*¡abre, María, la puerta*» – «здоровствуйте!, скажите на милость! (ироничное удивление)» [3, с. 393]; «*buenas manos tiene (María Santísima) para sacar pollos!*» – «куда как ловок!» [3, с. 388].

В русском языке фразеологии, связанной с именем Богородицы, нет: оно табуировано в русской языковой картине мира.

В целом довольно часто библейские имена в испанском языке являются носителями иных коннотаций по сравнению с русским языком. Так, имя **Магдалины** в сознании русского человека, в первую очередь, связано с грехом и с раскаянием в грехе: «*кающаяся Магдалина книжн. ирон. – о том, кто жалостливо кается в своих преступлениях*» [7, с. 213]. Образ этого имени основан на евангельской истории о Марии Магдалине, которая была исцелена Иисусом, изгнавшим из неё бесов, и раскаялась в своей развратной жизни. У испанцев в значении этого слова на первом месте выступает коннотация «*безутешность*»: имя *Magdalena* входит в состав фразеологизированных выражений «*estar hecho una Magdalena; llorar como una Magdalena*» – «заливаться слезами, плакать в три ручья, убиваться» [3, с.372], основанных на другой евангельской ситуации, когда Магдалина оплакивала Иисуса после снятия его с креста.

К безэквивалентным фразеологическим единицам в испанском языке можно отнести выражения, в состав которых входит имя **Сантьяго** (Святого Якова) – покровителя Испании. Долгое время день этого святого был самым значительным национальным праздником. Имя этого святого входит в военные призывы: «*¡Santiago y cierra España!*, *¡Santiago y a ellos!*» – «вперед!, ура!, в атаку!, бей их!» [3, с. 614]. А фразеологизм «*como Santiago y los toros*» означает жить «в постоянной вражде, на ножах; как кошка с собакой» [там же].

Имя святого *Мартина* входит в выражение «*a cada puerco le llega (или le viene) su San Martín*» (букв. к каждой свинье приходит святой Мартин) – «не все кому масленица, будет и великий пост» [3, с. 561], то есть всему приходит конец, виновник получит наказание; эта идиома объясняется тем, что именно на святого Мартина (11 ноября) забивают свиней.

Итак, тот факт, что фразеологизмы с библейскими именами собственными являются заимствованиями из одного источника, не лишает их национально-культурной специфики и самобытности, поскольку в каждом языке они приобретают особые коннотативные смыслы, часто являющиеся отражением исторического, духовного и нравственного пути становления и развития данного сообщества. Данные явления и представления, которые стоят за ними, не только национально детерминированы, но еще и сами определяют шкалу ценностных ориентаций в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бельчиков, Ю. А. Культуроведческий аспект филологических дисциплин / Ю. А. Бельчиков // Филологические науки. – Д 1998. – № 4. – С.48–56.
- 2 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль // Том I и II. СПб – М., 1879. Т – 750 с., Т II – 642 с.
- 3 Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мошкович, И. А. Будницкая; Под ред. Э. И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.
- 4 Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю. А. Рылов, В. В. Корнева, Н. В. Шеминова, К. В. Лопатина, Е. В. Варнавская / под ред. проф. Ю. А. Рылова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 390 с.
- 5 Телия, В. Н. Русская фразеология. / В. Н. Телия. // Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
- 6 Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. 2-е изд. М., 1968. – 538 с.
- 7 Фразеологический словарь русского языка. (Авторский коллектив: проф. Федосов И. В., канд. ф.н. Лапицкий А. Н.). М.: – «ЮНВЕСТ». – 2003. – 608 с.

УДК 81.161.1:81.172:398.9

Л. Б. Воробьева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОЛОВА» В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

*В статье устанавливаются сходные и различные черты в семантике русских и литовских устойчивых выражений с компонентом *голова* / *galva*, обращается внимание на национально-культурное своеобразие употребления данного соматизма в составе фразеологизмов.*

Современная лингвистика характеризуется активным интересом к изучению связи и взаимодействия языка и культуры народа, что обусловлено антропологическим характером изучения языка, когда акцент делается на репрезентацию языка в тесной связи с человеком, его культурой, ментальностью, мышлением. В современных условиях развития национальных языков, при широкой интеграции и взаимообогащении культур, вопрос о необходимости оценки языковых явлений на основе сравнительно-сопоставительного

анализа приобретает большое значение. Особый интерес представляют исследования в области фразеологии, так как именно устойчивые выражения (фразеологизмы, пословицы, поговорки) любого языка представляют собой ядро культурной информации и позволяют ёмко, образно и самобытно раскрыть дух, традиции, обычаи того или иного народа.

Представления о строении и функционировании человеческого организма нашли отражение в разных формах народной культуры: в обрядах и верованиях, в заговорах, в народной медицине и т. п. Широкое употребление соматизмов в составе устойчивых выражений в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка.

В сопоставляемых нами русском и литовском языках высокой фразеологической активностью обладает слово *голова*, как правило, метафорически переосмысленное.

Многим культурам свойственно восприятие головы как наиболее значимой, жизненно важной части тела. Поскольку древние люди представляли человека центром мироздания и видели в нем воплощение Вселенной, считалось, что вертикальное членение человеческого тела повторяет устройство мира: голова соотносится с небом, ноги – с землей, пуп – с центром мира. Голова – часть тела, которая ассоциируется с верхом, главенством, интеллектуальными способностями человека, рассматривается как средоточие жизненной силы, вместилище души и ума [1, с. 106].

Как в русском, так и в литовском языке устойчивые выражения с компонентом *голова* связаны с такими понятиями, как мышление, ум, разум, память, что вполне закономерно: основной функцией *головного* мозга является мышление. При этом можно выделить выражения, обозначающие умственные способности как с позитивной, так и с негативной оценкой. Состояние здорового ума и сообразительность отражают русские фразеологические единицы *голова [котелок] варит, с царем в голове, с головой*, литовские – *galva kruta* /голова шевелится/, *galva neša* /голова несет/, *sena galva* /старая голова/ в значении 'умный'. Глупость, несообразительность, легкомысленность, плохая память – качества человека, которого характеризуют русские обороты *голова соломой набита, ветер в голове* <бродит [свистит, гуляет, ходит]>, *пустая голова, дырявая голова*, в литовском языке *lengva galva* /легкая голова/, *minkšta galva* /мягкая голова/, *galvoje trūksta* /в голове не хватает/. Пословицы и поговорки с компонентом *голова* чаще всего характеризуют именно глупого, недалекого человека: *Голова без ума и ногам покоя не дает; Голова-то есть, да в голове-то нет; Хорошая голова часто бывает без мозгу; На голове блестит, а в голове свистит; Пустой голове все трын-трава; Хоть на голове густо, а в голове пусто; С пустой головой ногам больно; Пустая голова; В голове ни пол золотника мозгу у кого.* Специфической чертой русских пословиц является концептуализация головы как места локализации мозга, при этом достаточно часто встречается образное уподобление головы какой-л. емкости: *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; Голова с короб, а ум с орех; Голова с овин, да в овине-то – клин; Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего; Голова с тивной котел, а мозгу с ложечку; Голова что чан, а ума ни на капустный кочан.* Таким образом, большая голова не всегда свидетельствует об умственных способностях человека: *Голова велика, а мозгу мало; Голова как у вола, а все вишь мала.* Это подчеркивается и в литовской пословице *Galva didelė, o galvoj košės visai mažai* /Голова большая, а каши в голове совсем мало/. В литовском языке голова сравнивается с решетом. Мотивировка данного сравнения определена ассоциациями, базирующимися на таком свойстве решета, как его дырчатость: *galva kaip rėtis, vandens prisemtą* /голова как решето, водой наполненное/, *Galva, kaip rėtis – jokia mintis nesilaiko* /Голова как сито, никакая мысль не задерживается/. Характеристика умного человека в сравниваемых языках дается редко: *На то и голова, чтобы в ней ум был*, в литовском языке *Gudri galva viena kelias durnas atstoja* /Одна умная голова заменяет несколько глупых/.

В русском языке достаточно часто в результате метонимического переноса фразеологизмы с компонентом *голова* называют человека в целом, выделяя его определенные

качества: *бедовая голова* ‘о рисковом, отчаянно смелом и озорном человеке’, *буйная голова* ‘удалой, бесшабашный человек’, *ветренная голова* ‘легкомысленный, несерьезный, непостоянный человек’, *дубовая голова* ‘о крайне тупом, несообразительном, глупом и невежественном человеке’, *еловая голова* ‘о глупом, бестолковом человеке’, *дырявая голова* ‘о человеке, легко все забывающем, имеющем плохую память’, *садовая голова* ‘о глуповатом или забывчивом человеке’, *светлая голова* ‘об умном, сообразительном, рассудительном человеке’, *удалая голова* ‘об очень смелом, отважном человеке’, *шалльная голова* ‘о рисковом, безрассудно смелом, отчаянном человеке’, *мякинная голова* ‘глупый человек, дурак’. Метонимический перенос *голова* → *человек* отметим и в пословицах: *За старой головой – как за каменной стеной; За хорошей головой жена молодеет, а за плохой – как земля чернеет; За чужой головой ино легче жить, да тошнее*. В литовском языке соматизм *galva* значительно уже выражает обобщенное значение человека как носителя каких-либо качеств: *tuščia galva* /пустая голова/ в значении ‘трезвый’, *karšta galva* /горячая голова/ ‘о пылком, страстном человеке’, *Gudri galva varguose neskęsta, laimėj nedūsta* /Умная голова в горе не тонет, в счастье не задыхается/; *Apsukri galva bado nežino* /Изворотливая голова голода не знает/.

Голова является верхом в анатомическом коде, что отражается в русских пословицах: *Выше головы не прыгнешь; Выше головы носа не подымеешь; Не руби выше головы: щепя глаза запорошит*. Не случайно в одних и тех же единицах часто встречаются два компонента: голова и нога (верхняя и нижняя точка тела человека): *Голова ногам злодей; Голова у ног ума не просит; Дурная голова ногам покою не дает; Где голова, там и ноги будут; По голове и шапка, по ноге и сапог; перевернуть с ног на голову; с головы до пят (до ног)*. Литовским пословицам это тоже характерно: *Blogos kojos ir gerą galvą iš kelio išveda* /Плохие ноги и хорошую голову с пути сводят/; *Dėl kvailos galvos kojom vargas* /От дурной головы ногам горе/. Тесная связь интеллектуальных способностей человека с трудовой деятельностью обусловила использование в русских поговорках пары компонентов *голова* и *рука*: *Если голова с руками в ссоре, дело не пойдет; И голове надо отдохнуть, не только рукам; Головой начинай, а руками кончай; У умной головы сто рук*. Как отмечает А. Р. Попова, наличие внутри фразеологических единиц двух и более соматизмов является одной из черт соматической фразеологии и выражает, с одной стороны, осознание человеком во взаимосвязи частей собственного тела и, с другой стороны, важность дифференциации по внешним, функциональным и иным особенностям каждого конкретного органа [2, с. 325].

Как в русских, так и литовских выражениях голова является единицей счета людей: *Одна мудрая голова сто голов кормит; Одна добрая голова десять голов спасает; Одна голова хорошо, а две лучше; Одна голова не бедна, а если бедна, то одна; Сто голов – сто умов*. В литовских пословицах преобладающим компонентным сочетанием является не *одна голова*, а *много голов*: *Daug galvų – daug proto* /Много голов – много ума/; *Daug galvų, bet nei vienos geros* /Много голов, но ни одной хорошей/; *Daug galvų – daug sapnų* /Много голов – много снов/; *Daug galvų – maža tvarkos* /Много голов – мало порядка/; *Dvi galvos – tai ne viena* /Две головы – это не одна/.

Являясь одним из важнейших органов тела человека, голова часто воспринимается как символ жизни, лишение которой воспринимается как смерть и также отражается и во фразеологических единицах, и в пословицах: *давать/дать голову на отсечение* ‘выражать абсолютную уверенность в чем-л., полностью гарантировать достоверность чего-л.’, *отвечать (ручаться) головой* за кого, за что ‘брать на себя полную ответственность; быть готовым поплатиться жизнью’, *класть/положить голову* ‘подвергать себя гибели, умирать, жертвовать собой за кого-, что-л.’, *сложить (положить) голову* ‘отдать свою жизнь в бою; быть убитым на войне’, *Дороже головы не стоит; Голова – всему начало; Другой головы не приставишь; Кто станет доносить, тому головы не сносить; Просто голову срубить – тяжело приставить; Смерть голову откусит – всех*

поравняет. Иногда в устойчивых выражениях голова символизирует объект, на который направляются несчастья: *свалиться на голову, свалиться как снег на голову, валить с больной головы на здоровую*. Ценность головы как части тела отражена и в литовских фразеологизмах *galvą duoti* /голову отдать/ ‘гарантировать’, *galvą dėti* /голову положить/ и *galvą guldyti* /голову сложить/ в значении ‘погибнуть’, *galvą nuimti* /голову снять/ ‘убить’. В литовской пословице отмечается: *Galva visą kūną vedžioja* /Голова всем телом управляет/.

В русских пословицах, в отличие от литовских, отражаются и движения головы – так передаются те или иные качества человека, его эмоциональное состояние: *Голова поклончива, руки подносчивы; Голова от поклонов не болит; Вина голову клонит; Куда голова клонилась, туда и повалилась; Покачал головой, да и пошел домой*.

Таким образом, устойчивые выражения русского и литовского языков с компонентом *голова* подтверждают антропоцентричность соматической лексики. Анализ показал, что компонент *голова/galva* имеет сходное значение в сравниваемых языках, что объясняется универсальностью данных слов-символов, общностью ассоциативного мышления у носителей русского и литовского языков. Однако прослеживается и национально-культурное своеобразие употребления данных соматизмов в устойчивых выражениях. Так, специфической чертой русских пословиц является концептуализация головы как места локализации мозга, при этом отмечается многочисленное образное уподобление емкости. В русских пословицах, в отличие от литовских, движения головы выражают определенные качества человека, его эмоциональное состояние. В литовском языке соматизм *galva* значительно уже выражает метонимическое значение человека как носителя каких-либо качеств. В целом можно сказать, что устойчивые единицы с компонентом *голова* в сравниваемых языках довольно подробно описывают физическое, умственное и эмоциональное состояние человека, его качества, действия, отражают традиционную символику, связанную с частями тела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.
- 2 Попова, А. Р. Об одной из особенностей соматической фразеологии / А. Р. Попова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). – С. 321–326.
- 3 Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // Историко-этимологический справочник. – СПб., 1999.
- 4 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М., 2010.
- 5 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // – М., 2007.
- 6 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М., 1967.
- 7 *Po savo stogu visai patogu*. 5640 patarlių ir priežodžių. – Kaunas, 1999.
- 8 Paulauskas, J. Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas / Paulauskas, J. – Kaunas, 1977.

УДК 81.161.3:81.161.1:81.111:[398.95:59]

В. Г. Гаўрыловіч

УНУТРАНЫ СВЕТ ЧАЛАВЕКА Ў ЗАОНІМНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ (На матэрыяле беларускай, рускай і англійскай моў)

У артыкуле разглядаюцца фразеалагізмы мікраполя “унутраны свет чалавека”. Аналізуюцца звароты семантычных груп “характар”, “начуцці, эмацыянальна-псіхічны стан”, “разумовыя здольнасці”, што характарызуюцца станючым ці

негатыўным успрыняццем. Выяўляюцца прычыны колькаснай перавагі фразеалагічных адзінак з адмоўнай канатацыяй.

Семантыка заонімных ФА беларускай, рускай і англійскай моў надзвычай багатая і носіць пераважна антрапацэнтрычны характар: ахоплівае тыя бакі рэчаіснасці, якія звязаны з чалавекам, яго ўяўленнямі, бачаннем і ацэнкай рэчаіснасці. Як адзначае А. Л. Садоўская, “факт праецыравання свету людзей на свет жывёл, птушак і наадварот з’яўляецца традыцыйным і ўніверсальным, мае старажытныя і трывалыя карані” [1, с. 164].

Сярод заонімных ФА беларускай, рускай і англійскай моў макраполя ‘чалавек’ аб’ектам увагі абрана семантычнае мікраполе ‘ўнутраны свет чалавека’ з мэтай выяўлення агульнага і адметнага адносна дадзенага фрагменту фразеалагічнай карціны свету. Яго складаюць 53 беларускіх, 46 рускіх і 70 англійскіх ФА, выдзеленыя ў слоўніках літаратурнай мовы [2; 3; 4].

Мікраполе ‘ўнутраны свет чалавека’ складаюць тры семантычныя групы: 1) ‘характар’, 2) ‘пачуцці, эмацыянальна-псіхічны стан’ і 3) ‘разумовыя здольнасці’.

Семантычная група ‘характар’ прадстаўлена найбольшай колькасцю ФА ў трох мовах (бел. 41, руск. 34, англ. 40). Характар чалавека выяўляецца праз станоўчыя і адмоўныя якасці.

Адабрэнне атрымліваюць у трох мовах такія якасці, як працавітасць, руплівасць (круціцца як/што вавёрка ў коле, ранняя птушка/пташка; крутиться как белка в колесе, вертеться как белка в колесе; a willing horse, an eager beaver); вопытнасць (стары верабей, стрэляны верабей, біты воўк, стары воўк, стрэляны воўк, сабаку з’еў(-ла,-лі); старый волк, обстрелянный волк, старый воробей, травленный волк, собаку съел; an old bird), смеласць, рашучасць (браць быка за рогі; брать быка за рога; (as) game as a cockerel, (as) bold/brave as a lion), лагоднасць (мухі не пакрыўдзіць; комара не обидит, комара не зашибёт, курыцы не обидит (не обидел); (as) gentle as a dove/as a lamb, (as) mild as a dove/as a lamb, one wouldn’t hurt a fly); дадаткова ў англійскай мове – неабыякавасць, здольнасць спачуваць (help a lame dog over a stile, temper the wind to the shorn lamb).

Адзначым, што беларуская ФА як <чорны> вол рабіць/працаваць/цягнуць і англійская ФА work like a horse, якія выражаюць працавітасць, падкрэсліваюць высокую ступень інтэнсіўнасці, непасільнасць, прымусовасць фізічнай працы.

Адмоўнай ацэнцы ў трох мовах падвяргаюцца такія якасці характару чалавека, як фанабэрыстасць, самазадаволенне (распускаць <павіны> хвост; как индейский петух, свинья в ермолке, ходит гоголем, распускать павлиний хвост; (as) proud/vain as a peacock, strut/swell like a turkey-cock, a fly on the (coach-)wheel, play the peacock, be on/get on one’s/the high horse), лягота (ганяць сабак, сабакам сена касіць, вераб’ям дулі паказваць, круціць вала <за хвост>, лічыць варон; гонять собак, считать мух, считать ворон, ловить мух <ртом>; lounge lizard), баязлівасць (заячая/заечая душа, задаваць труса; заячья душа; (as) timid as a hare, can’t say bol/boh to a goose, (as) scared as a rabbit), бесхарактарнасць, слабаволле (мокрая курыца (у 2 знач.); мокрая курыца (у 1 знач.); a tame cat), наіўнасць, нявопытнасць (жаўтаротае птушаня; куриная слепота (у 1 знач.), желторотый птенец; (as) innocent as a dove), сквапнасць (сабака на сене; <как> собака на сене; flay a flea for the hide and tallow, (as) mean as cat’s meat, a dog in the manger), крывадушша (кракадзілавы слёзы, ліць/праліваць кракадзілавы слёзы, воўк у авечай шкуры/скуры; крокодиловы слёзы, лить крокодилы слёзы; волк в овечьей/овечьей шкуре, колорадский жук; crocodile tears, a wolf in sheep’s clothing), балбатлівасць (жаба на языку не спяэца; ботало коровье, chatter like a magpie); дадаткова ў беларускай і рускай мовах – рассяянасць, няўважлівасць (лічыць варон (у 1 знач.), лавіць мух (у 2 і 3 знач.); ловить мух <ртом> (у 1 знач.), считать мух (у 1 знач.), у рускай – ліслінасць (прикидывается лисой, извивается ужом (у 1 знач.))

Пэўная колькасць заонімных ФА трох моў адлюстроўвае такую негатыўную якасць характару чалавека, як хітрасць (бел. 7, руск. 8, англ. 7). З гэтых ФА выдзяляюцца як універсальныя, стэрэатыпныя вобразы: вобраз лісы/ліса (*надшыты лісіцай; старый лис, старая лиса/лисица, хитрый как лиса, лиса Патрикеевна, лисий хвост; an old fox; (as) cunning/sly as a fox, play (the) fox*), ката/кошкі (*гуляць у ката і мышку/у кошкі-мышкі, пагуляць у ката і мышку/у кошкі-мышкі, гульня ў ката і мышку (у кошкі-мышкі); іграць в кошкі-мышкі; play cat and mouse with smb.*), так і спецыфічныя, характэрныя толькі для дзвюх пэўных моў або толькі для адной: у беларусаў і рускіх – вобраз вужа (*звівацца вужам(-ом) / извиваться ужом*), у беларусаў – бабра і цяля (*дабры бабры/дабёр бабёр, ласкавае/ліслівае цяля/цялятка*), у рускіх – гусі (*гусь лапчатый*), у англічан – птушкі, сабакі і малпы (*a downy bird, a sly dog, (as) tricky as a monkey*).

Англічане лічаць галоўнай заганай чалавека цікаўнасць (*curiosity killed a the cat* (дасл. – цікаўнасць забіла ката) ‘цікаўнасць да добра не даводзіць’), паколькі ўмешвацца ў прыватнае жыццё, у пачуцці чалавека недапушчальна. У гэтым праяўляецца замкнёнасць, індывідуалізм англійскага характару. Прыватнае жыццё чалавека, яго аўтаномная тэрыторыя (Privacy) – важнейшая каштоўнасць у англійскай культуры.

У трох мовах зафіксаваны ФА, якія абазначаюць чалавека, характар якога паводле паводзін і ўчынкаў ацэньваецца як “суперадмоўны” (значэнні ‘нягоднік, вылюдак’, ‘нікчэмны, агідны, шкодны’): *гад/змея падкалодны, гад паласаты, гад паўзучы, гад печаны, гадзіна/гадзюка/змяя падкалодная, гадзіна паўзучая; гад ползучий, змея подкалодная, собачий огрызок, пёс смердящий; a snake in the grass, be lower than a snake/a snake's belly, a dirty dog, dog's dinner*.

Наступная семантычная група ‘пачуцці, эмацыянальна-псіхічны стан’ (бел. 6, руск. 7, англ. 27), у якой адзначаецца колькасная перавага ФА англійскай мовы, што, здаецца, супярэчыць стэрэатыпнаму ўяўленню аб англійскім нацыянальным характары, вызначальнымі рысамі якога лічацца самавалоданне і стрыманасць. Аднак, гэта перастае выклікаць здзіўленне, калі ўлічыць тыя факты, што англічане шэкспіраўскага часу былі вельмі агрэсіўнымі, адрозніваліся шалёным, запальчывым норавам [5, с. 463], а ўпадабанымі відовішчамі англічан аж да 19 стагоддзя былі публічныя пакаранні і лупцоўкі розгамі, мядзведжыя і пеўневыя бойкі [6, с. 101]. Праслаўленую ж стрыманасць сучасных англічан тлумачаць сублімацыяй агрэсіі праз спорт, сумленнасць (крытыка, накіраваная ў свой адрас), гумар і самаіронію [7, с. 110].

Заонімныя ФА беларускай, рускай і англійскай моў прадстаўляюць разнастайную палітру эмоцый і пачуццяў (пераважна з адмоўнай адзнакай). Так, у ФА трох моў перадаюцца наступныя эмоцыі і пачуцці: трывога, хваляванне (*кошкі душу скрабуць, кошкі на душы/на сэрцы скрабуць/скраблі; кошки скребут <за душу>, кошки скребут на душе, мышь/мышь на сердце скребёт/скребут; get/have butterflies in one's stomach, (as) nervous as a cat, have kittens, hold your horses*), страх (<усе> *блохі падохлі/намерлі, мурашкі бегаюць/прабягаюць/бягуць на цэле/на спіне/на скуры, мурашкі забегалі/набеглі/заходзілі/пайшлі на цэле/на спіне/на скуры; мурашки бегают по спине/по телу/по коже, мурашки забегали по спине/по телу/по коже; (as) scared as a rabbit, a goose is walking over smb's grave*), незадаволенасць (дзьмуцца (надзьмуцца)/супіцца (насупіцца) *як мыш на крупы; как мышь на крупу смотреть/уставиться; as sick as a cat* (у 2 знач.), *(as) grave as an owl*); дадаткова ў ФА рускай і англійскай моў – туга, прыгнечанасць (*кошки скребут <за душу>, кошки скребут на душе, мышь/мышь на сердце скребёт/скребут; a sad dog* (у 1 знач.), *a surly dog*), у ФА англійскай мовы – гнеў, раз’юшанасць (*one's monkey is up, (as) cross/sulky/savage as a bear (like a bear with a sore head), (as) fierce as a tiger/as a bull in fits, (like a) bull at a (five-barred) gate, get one's monkey up*).

Пачуцці і эмоцыі з дадатнай ацэнкай выдзелены толькі ў англійскай фразеалогіі з кампанентам-заонімам: *закаханасць (calf/puppy love)*, *шчасце (as happy as a lark)* і *радасць (animal spirits, like/as pleased as a dog with two tails, (as) cheerful/gay as a lark, a gay/lively bird, (as) chirpy/lively as a cricket, (as) merry as a cricket, (as) lively/merry as a grig)*.

У англійскай мове выяўлены тры ФА са значэннем ‘зусім звар’яцелы’: *(as) crazy as a coot/as a loon, have bats in one’s/the belfry, (as) mad as a March hare*.

Як відаць, у ФА семантычнай групы ‘пачуцці, эмацыянальна-псіхічны стан’ задзейнічаны розныя вобразы жывёл для выражэння тых ці іншых пачуццяў і эмоцый. Выяўлены агульны для трох моў вобраз кошкі (трывога, хваляванне) і адметныя вобразы, характэрныя толькі для дзвюх пэўных моў або толькі для адной: для беларускай і рускай – вобразы мурашкі (страх) і мышы (нездаволенасць), для беларускай – блыхі (страх), для рускай – мышы (трывога, хваляванне), для англійскай – матыля (трывога, хваляванне), сабакі (туга, прыгнечанасць), гусі (страх), ката і савы (нездаволенасць).

Семантычная група ‘разумовыя здольнасці’ (бел. 6, руск. 6, англ. 4) прадстаўлена пераважна ФА, з дапамогай якіх высмейваецца і асуджаецца глупства. Для трох моў універсальны вобраз адсутнічае. Беларусы і рускія для характарыстыкі неразумнага чалавека скарыстоўваюць вобразы барана (глядзець/устваіцца як *баран на новыя вароты*, *разбірацца/разумець як/што баран у Бібліі; как баран на воду, как баран на новыя ворота*), курыцы (*курыная галава; цыплячы/курыныя мозгі*) і свінні (разумець/разбірацца *як/што свіння ў апельсінах; как свинья в апельсінах*), беларусы і англічане – асла (*асёл маляваны; (as) stupid as a donkey*) і гусі (гаварыць/пагаварыць *як гусь з парасём; (as) silly as a goose*), беларусы – сабакі (*дурны як сабака да году*), рускія – вожыка і кураняці (*ежова(я) голова, цыплячы/курыныя мозгі*), англічане – авечкі і савы (*as silly as a sheep, (as) stupid as an owl*).

У рускай і англійскай мовах для станоўчай характарыстыкі разумовых здольнасцей чалавека ўжываюцца адзінкавыя ФА: *змеіная мудрость, a clever dog, as solemn/wise as an owl*. Сава ў англічан асацыіруецца як з глупствам, так і з мудрасцю. У заонімнай фразеалогіі беларускай мовы розум не стаў аб’ектам апісання.

Такім чынам, заонімных ФА з адмоўнай ацэнкай якасцей чалавека значна больш, чым са станоўчай. Гэта можна растлумачыць універсальнасцю механізму ацэнкі прадстаўнікоў жывёльнага свету, а таксама больш вострай эмацыянальнай рэакцыяй людзей менавіта на негатывныя з’явы жыцця. Семантычнае мікраполе ‘ўнутраны свет чалавека’ прадстаўлена значнай колькасцю ФА ў кожнай з аналізаваных моў, з якіх выдзяляюцца ўніверсальныя, стэрэатыпныя вобразы для трох народаў, якімі з’яўляюцца *ліса* (хітрасць), *заяц* (баязлівасць), *воўк, кракадзіл* (крывадушша), *кошка* (трывога, хваляванне), *паўлін* (фанабэрыстасць, самазадаволенне), што тлумачыцца агульнасцю чалавечага вопыту і акаляючага нас свету, універсальнасцю зыходных для фразеалагізацыі сітуацый. Адрозненні назіраюцца паміж трыма народамі і ў межах пэўных двух народаў, што сведчыць пра самабытнасць вобразнага мыслення носьбітаў беларускай, рускай і англійскай моў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Садоўская, А. Л. Чалавек у люстэрку фразеалогіі з кампанентам-арнітонімам / А. Л. Садоўская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы (да 80-годдзя БДУ): зб. навук. прац / Бел. дзярж. ун-т.; Рэдкал.: А. Я. Міхневіч (адк. рэд.) і інш. – Вып. 1. – Мінск, 2001. – С. 163–169.

2 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 2 т.

3 Фразеологический словарь русского литературного языка / сост.: А. И. Фёдоров. – М. : ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 720 с.

4 Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 5-е изд. – М. : Живой язык, 1998. – 944 с.

5 Гунина, Л. А. Стереотипы английского национального характера как этнокультурные концепты / Л. А. Гунина // Вопросы гуманитарных наук. – 2005. – № 5. – С. 462–465.

6 Сухарев, В. А. Психология народов и наций / В. А. Сухарев, М. В. Сухарев. – Донецк : Сталкер, 1997. – 400 с.

7 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

УДК 81.161.1:81.133.1:398.9-055.1

Е. В. Загороднева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МАСКУЛИННОГО ГЕНДЕРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

(На материале французского и русского языков)

В статье рассматриваются фразеологизмы французского и русского языка с точки зрения представленности в них гендерных стереотипов. Особое внимание обращается на маскулинные характеристики, присущие ряду французских и русских фразеологизмов. Определяется компонентный состав андромаркированных фразеологизмов.

Проблема гендера остается одной из самых активно исследуемых тем антропоцентрической лингвистики с последних десятилетий прошлого века. Однако вопрос его лингвистических манифестаций на различных языковых уровнях, в том числе и на фразеологическом, остается открытым. Гендер в нашей работе понимается как социальный пол человека, являющийся по большей части, социальным конструктом, в отличие от биологического пола. В этом кроется его историческая, национальная и социально-групповая закреплённость. Гендер находит свое отражение в языке, на всех его уровнях, а также и в культурной символике окружающего нас мира. Маскулинность как объект изучения и ее экспликация на фразеологическом уровне – является малоизученным аспектом, что и послужило объектом данного исследования. Материалом для данной работы явился фразеологический фонд французского языка, а также исследования в области русской гендерной фразеологии.

Фразеологический фонд в качестве базы гендерных исследований был выбран не случайно. Мы поддерживаем мысль В. Н. Телия о том, что фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание [3, с. 9]. Данная идея подтверждается идеей В. Г. Гака о том, что фразеологизмы справедливо считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка [1, с. 260]. И в самом деле, фразеологический фонд языка аккумулирует факты истории народа, его образ жизни, образ мышления и воззрения на все, что окружает, на материальную и духовную культуру, на роль мужчин и женщин в обществе. Несмотря на то, что российское и французское общество относятся к европейским патриархальным христианским культурам, видение взаимоотношений полов, маскулинности и фемининности несколько разнятся. Так, женщина, отражаемая в фразеологическом фонде русского языка, не имеет характеристики слабости и второстепенности в семье, чего нельзя сказать о французском корпусе ФЕ: *муж возом не навозит, а жена горшком наносит; муж и жена – одна сатана vs des femmes et des chevaux, il n'en est point sans défauts* пров. женщин, как и лошадей, безу-

пречных не бывает; *qui veut tenir nette sa maison n'y mette femme, prêtre ni pigeon* в буквальном переводе – если хочешь содержать дом в чистоте, не впускай туда ни женщину, ни священника, ни голубя. По наблюдениям М. К. Голованивской, французская и русская мировоззренческие системы не совпадают прежде всего в силу несовпадения знаковых систем, языков, которые хранят, отражают и развивают эти системы [2, с. 55]. Так по нашим предварительным наблюдениям, во французском фразеологическом корпусе наблюдается преобладание гендерно маркированных ФЕ предикативного номинативного типа, тогда как в русском – предикативные ФЕ являются доминирующими. В этом, на наш взгляд, и кроется более ярко выраженная нейтрализация гендерного фактора во фразеологии русского языка. Предикативные ФЕ, зачастую, транслируют общечеловеческие (в равной степени относящиеся и к мужчинам, и к женщинам) установки, тогда как номинативные ФЕ, имеют своей целью назвать и часто охарактеризовать называемый объект.

Естественным является вопрос, а что же вообще считать гендерным маркером. Ответ на этот вопрос является принципиальным, поскольку он определяет критерии отбора лексикографического материала. Как уже отмечалось, маркированным может быть как план содержания ФЕ, так и ее план выражения, соответственно выделяются структурные и семантические гендерные маркеры. Под структурным гендерным маркером в составе ФЕ мы будем понимать лексему, хотя бы один лексико-семантический вариант которой, называет мужчину или женщину. Соответственно будут различаться маскулинные и фемининные структурные гендерные маркеры, создающие андромаркированность или гиномаркированность ФЕ. Для нашего исследования релевантным является изучение именно андромаркированных ФЕ. Использование термина андромаркированность нам также представляется попыткой упорядочивания и уточнения терминологии гендерной лингвистики. Сегодня мало у кого из лингвистов-гендерологов вызовет сомнение понятие андроцентричности, где компонент андро- является производным от греческого имени существительного *андрос* ‘мужчина’. Соответственно, под андромаркированностью ФЕ, в противопоставлении гиномаркированности, мы будем понимать наличие либо в структуре, либо в семантике ФЕ маскулинных гендерных маркеров, создающих гендерный профиль всей ФЕ. Гендерно маркированным может быть только один план, и тогда мы говорим о частичной гендерной маркированности. Например: *mousquetaire gris* арг. ‘вошь’ в буквальном переводе – серый мушкетер; имеет гендерные маркеры только плана выражения; *bec cornu* арх. ‘рогоносец’, ‘обманутый муж’ буквально – рогатый клюв; *белая ворона*; *ходячая энциклопедия*; *морской волк*; *старый воробей* напротив маркированы только в плане содержания. Отметим, что обо планах могут быть гендерно маркированными, создавая полную гендерную маркированность. Как, например: *Le Roi Soleil* ист. ‘Король-солнце’ (о Людовике XIV); *был муж да объелся грии*; *свадебный генерал*; *Ахиллесова пята* и тому подобные. Причем, полная гендерная маркированность может быть как однопрофильная, то есть когда и в структуре, и в семантике наличествуют только либо маскулинные, либо только фемининные гендерные маркеры: *попа и в рогоже узнаешь*; *мужичок с ноготок*; *бой-баба*. Однако, гендерная маркированность может быть и разнопрофильная, когда в семантике ФЕ присутствуют фемининные гендерные маркеры, а в структуре ФЕ – маскулинные или наоборот: *garçon manqué* пацанка, девочка-сорванец, *hussard en jupon* бой-баба; *красивая девица* (о робком, застенчивом молодом человеке); *кисейная барышня* (о наивном человеке).

Общим для обоих языков является тот факт, что ФЕ с маскулинными гендерными маркерами не в пример больше, чем ФЕ с фемининными гендерными маркерами. Так во французском языке эти цифры составляют: 79,6 % и 20,4 % соответственно от общего количества гендерно маркированных фразеологических единиц.

Итак, для анализа андромаркированности плана выражения ФЕ необходимо производить отбор ФЕ методом сплошной выборки, опираясь на изучение компонентов

структуры ФЕ, с целью выявления антропонимов, которые могут выражаться лексемами следующих групп:

1. Антропометрическими лексемами, семантической доминантой которых является признак пола, возраста. Лексемы, непосредственно называющие мужчину: *homme, garçon, gar, gamin, monsieur*, мужчина, мужик, мужичок, мальчик, господин, джентельмен и т. п.

2. Терминами родства: *mère-père; fille-fils; oncle-tante; frère-soeur; marie, époux-épouse; grand-mère – grand-père; veuve-veuf; commère-compère*; муж-жена; отец-мать; бабушка-мамушка; сын, сынок-дочь; дочка; невестка, свекровь, теща-зять, свекор, тесть и другие.

3. Ономастическим компонентом, выражаемым именем собственным мужчин, в том числе, литературных, мифологических и библейских героев: *Nicolas, Martin, Cid, Мамай, Иван, Васька, Макар, Антоний* и другие.

4. Агентивными лексемами, обозначающими людей по их профессиям и роду деятельности: *soldat, moine, marchand; генерал, солдат, купец, казак* и так далее.

Однако наличие структурного гендерного маркера во ФЕ не исчерпывает возможности вербализации гендера на фразеологическом уровне языка. Как уже отмечалось, структуры ФЕ может не быть гендерно маркированной, или иметь разнопрофильную гендерную маркированность. Поэтому, для комплексного исследования заявленной проблематики необходимо производить отбор ФЕ, основываясь на анализе дефиниций словарной статьи, что и составляет семантический критерий отбора ФЕ. В ходе данной процедуры выявляются ФЕ с семантическим гендерным маркером, под которым понимается целостное фразеологическое значение ФЕ, указывающее на представителя мужского или женского пола или на сферу маскулинности, либо фемининности. ФЕ, отобранные по данному критерию и обладающие андромаркированностью, могут содержать в своей структуре:

1. Лексемы-антропонимы, причем, не обязательно называющие мужчину, но в составе ФЕ, создающие андромаркированность семантики ФЕ: *beau comme Adonis / Jésus / un archange* ‘красивый, неотразимый’; *Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена* ‘говорится с укоризной тому, кто заведомо неверно действует’; *Мамаево нашествие*.

2. Лексемы-соматизмы, называющие первичные или вторичные половые признаки мужчины, либо, называющие часть человеческого тела или орган, безотносительно биологических половых характеристик: *vieux barbe* прост. ‘старикашка, старикан’ (старая борода); *beau comme un coeur* ‘красивый, неотразимый’ (красив как сердце); *седина в бороду – бес в ребро* (о стариках, поддающихся любовному соблазну); *военная косточка* ‘опытный бывалый солдат или командир’.

3. Лексемы-зоонимы, зачастую (но не обязательно), связываемые в сознании носителей языка с концептом маскулинности: *L’abeille de la France* ‘трудолюбивая пчела Франции’ (о Ш. Роллене (1661–1741), французском историке и общественном деятеле); *aller/courir comme un chat maigre* ‘бегать, высунув язык’, ‘гоняться за юбками’ (бегать как тощий кот); *amoureux comme un coq* ‘любезный как петух’; *жить бирюком* ‘жить одиноко’; *морской волк* ‘старый, опытный моряк’; *желторотый птенец* ‘молодой, неопытный’.

4. Лексемы-флоронимы, фразеологически связанное значение которых относится к сфере маскулинного: *asperge montée (en graine) / grande/ longue asperge* разг. ‘верзила’ (вытянувшаяся спаржа); *Адамово яблоко* ‘кадык’.

5. Лексемы – наименования бытовых вещей, связанных с маскулинностью, которые могут быть представлены названиями военных орудий, орудий производства, видов одежды: *bonnet à poils* ‘солдат’; *casque bleu* ‘солдат вооруженный сил ООН’, ‘голубые каски’; *mettre de l’argent du côté de l’épée* ‘жениться на деньгах’ (о браке дворянина с

богатой наследницей из незнатной семьи); *отставной козы барабанщик* (о человеке, занимающем незначительную должность или ушедшем в отставку. Происходит от старинной забавы, в которой принимал участие вожак с медведем, наряженный козой и барабанщик); *протирать брюки* ‘ничего не делать’; *залить / заложить за галстук* ‘изрядно выпить’.

6. Лексемы – наименования различных организаций и общественных образований, печатной продукции, которые связаны с социальной стратификацией мужчин или же каким-то образом репрезентируют ее: *chambre bleu horizon* ‘голубая палата, реакционная палата во Франции, избранная в 1919 году, названная так по цвету офицерских шинелей’; *ancien de la Garde* ‘ветеран наполеоновской гвардии’, ‘старый вояка’.

Таким образом, гендер может проявляться во фразеологии как в плане выражения, входя в состав ФЕ в виде гендерно маркированной лексемы, так и в плане содержания, причем план выражения тогда оказывается зачастую гендерно нейтральным. Однако хотя способы лингвистических манифестаций гендера универсальны для французской и русской лингвокультурной общности, содержание понятия «маскулинность» будет различаться в разных обществах, что мы и усматриваем в качестве перспективы исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–265.

2 Головановская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Головановская. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.

3 Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.

4 Фразеологический словарь русского языка / под ред. И. В. Федосов, А. Н. Лапицкий – М.: «ЮНВЕС», 2003. – 608 с.

5 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 539 с.

6 ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. – М., 1963.

7 Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005.

УДК 398.9=161.2:398.9=161.3

Н. О. Зубець

ПОРІВНЯЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА УКРАЇНСЬКИХ І БІЛОРУСЬКИХ МІНІМАЛЬНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

В статті розглядаються одновершинні фразеологічні одиниці («мініфраземи») в українському і білоруському мовах (укр. *ні к бісу*, бел. *з мазаля*) і визначається їх статус у фразеологічній системі в цілому. Встановлюються типи відповідностей «мініфразем» в українському і білоруському мовах з точки зору компонентного складу і семантики.

Фразеологія завжди була й залишається невичерпним джерелом дослідження для мовознавців, адже «існування фразеологічної системи в мові та її постійний розвиток сьогодні уже не викликає сумнівів» [1, с. 6]. У різних мовах фразеологія – відкритий клас, у якому кількість одиниць точно не встановлена, бо досі немає однозначної відповіді на питання, що слід розуміти під фразеологічними одиницями, наявні класифікації фразеологічного корпусу не є оптимальними. Саме тому науковці вдаються до все нових визначень основної одиниці фразеології, а отже й до нового окреслення меж фразеологічних ресурсів кожної мови.

На сучасному етапі розвитку науки український фразеологічний фонд активно вивчається у межах утвореної ним розгалуженої системи. Зберігається такий традиційний аспект, як виділення й вивчення структурно-семантичної парадигми, стилістичного функціонування вузьких мікросистем. У зв'язку з цим досліджувалися компаративні, бінарні, сполучникові, безсполучникові фразеологізми (роботи М. Алефіренка, Ю. Кисельова, Л. Шевченко та ін.).

За останні десятиліття відбувається бурхливий процес усвідомлення народами СНД своєї одиничності, культурної своєрідності. Це позначилося на розвитку гуманітарних наук, у т. ч. – мовознавства. До сфери наукового пошуку залучаються нові аспекти, що спираються на сформовані в лінгвістиці теоретичні засади, уніфікується предмет дослідження. Із цих позицій фразеологія доповнює і розвиває уявлення кожного народу про специфіку національної культури, про своєрідність своєї мови, виступає фрагментом їх мовної картини світу. Дедалі частіше інтереси науковців спрямовуються до вивчення різномовних стійких сполучень, у зв'язку з чим здійснюється їх порівняльний і контрастивний аналіз. Існує вже багато досліджень, у яких українські фразеологізми зіставляються зі стійкими сполученнями слів романських, германських, східних і, звичайно, слов'янських мов (праці Н. Бабич, Я. Барана, О. Забуранної, В. Кононенка, М. Шевчук-Черногородової та ін.).

У межах фразеологічного корпусу української мови функціонує велика група стійких сполучень слів, структуру яких становлять один (або два) службові й один повнозначний компоненти, що характеризуються цілісним (ідіоматичним) значенням, сталим, відтворюваним за традицією компонентним складом, вступають у парадигматичні й синтагматичні відношення (*в літах, до одного, і ходу, на бокову, не обкидаєшся, не за горами, не при своїх, ні душі, ні к бісу, тільки й бачили, хоч плач, як писанка*). Спостережено, що кількісно найбільшими групами з-поміж них є прийменниково-відмінкові моделі й конструкції з частками *не, ні*. Укладена нами картотека включає понад тисячу таких одиниць. Переважна їх більшість генетично мали класичну фразеологічну структуру – словосполучення або речення, компоненти якого, втративши своє пряме лексичне значення, творять цілісне значення з різним ступенем метафоризації, ще частина – утворилися в результаті стиснення або скорочення первинних фразеологізмів. Сьогодні вони активно вживаються в художньому, публіцистичному, розмовному, ораторському стилях сучасної української мови, виражаючи часові, просторові, кількісні відношення. Незважаючи на те, що більшість науковців визнають існування таких стійких сполучень в українській мові (і не тільки в ній), відносять їх до фразеологічних зворотів, все ж спільні погляди вчених на ці мовні утворення остаточно не сформувались як у вітчизняному, так і в зарубіжному мовознавстві.

Ознайомлення з реєстрами фразеологічних словників слов'янських мов показує, що цей структурний різновид усталених зворотів наявний практично в усіх слов'янських мовах. В україністиці досі відсутні єдині принципи подачі їх у словниках, не вироблено остаточного терміну на позначення таких одиниць. Нами зафіксовано більше десяти їх назв. Найбільш уживані з-поміж них – мінімальні фразеологізми, мінімальні одиниці фразеології, одновершинні фразеологізми, прийменниково-

відмінкові конструкції, лексико-граматичні фразеосполучення, фразеологізми-словоформи, ідіоматичні прислівники, мініїдіоми (наш робочий термін). Частина цих термінів уведена в науковий обіг російськими вченими, у результаті дослідження ними таких одиниць. Складність об'єкту дослідження припускає неминучість такого факту, та, на жаль, це набуло вже постійного характеру. На думку Н. Бабич, проблемність у вивченні таких конструкцій можна зняти, якщо «реконструювати первинні форми, тобто визначити етимологію» [2, с. 13]. Вважаємо, що цьому сприятиме й зіставне дослідження мінімальних фразеологізмів, зокрема у близькоспоріднених мовах, яке дає можливість доторкнутися до скарбниці історичного досвіду різних народів, а також простежити певні когнітивні закономірності. Усталені прийменниково-відмінкові конструкції української мови у порівнянні з російськими аналогами розглядалися І. Чередниченком [3]. Спробуємо здійснити порівняльний аналіз мінімальних фразеологізмів української та білоруської мов. Дослідження такого роду дає змогу краще й детальніше вивчити систему цих мов, виявити їх специфіку й типологічні закономірності на прикладі мініїдіоматики, що є надзвичайно важливим з точки зору пояснення мовної картини світу двох братніх слов'янських народів. Крім цього, порівняльне вивчення фразеології двох або кількох мов має практичне значення: воно може бути корисним при укладанні посібників та словників (фразеологічних і перекладних).

Перегляд найголовніших фразеологічних, тлумачних словників української й білоруської мов [4–7] показує, що частка мінімальних ідіом у них досить вагома – до 10 %. Переважають також прийменниково-відмінкові моделі й конструкції з частками *не, ні: ад Адама, ад (чистага, шчырага, усяго) сэрца, без аглядкі, да гібелі, з хвосцікам, на дзіва, на дыбачках, не да жартаў, не ў навіну, не на плячу, ні з месца*. У білоруських джерелах (фразеологічні словники І. Лепешева, за редакцією Ф. Янковського) так само, як і в українських, спостерігаються розходження щодо встановлення «носія фразеологічності» у компонентному складі таких фразеологізмів: одні словники фіксують фразеологічні одиниці *браць на арапа, бубніць пад нос, вісець на шыі, на сваім вяку, на самую завязку, перед самым носам*, а інші – *на арапа, пад нос, на шыі, на вяку, па завязку, перад носам*.

При зіставленні мінімальних фразеологізмів двох названих мов виявлено, що вони здебільшого становлять абсолютні мовні універсалії, тобто збігаються за семантикою, образною основою та компонентним складом. Цей факт пояснюється тим, що частина ідіом таких моделей були відомі ще в давньоруській мові, як-от: *въ очи* – прямо, у присутності; *за очи* – у відсутність; *до сыти* – багато; *въ веки* – назавжди. та ін. У складі деяких мінімальних фразеологізмів є іменники неповної парадигми (наприклад, *заріз, скон, скрут, скок*), відомі також із давньоруської доби, коли виникла потреба в заміні безприйменникових конструкцій прийменниковими, які більш точно й диференційовано означили функції, виконувані переважно відмінковими формами. Це, зокрема, вирази в білоруській мові *да зарэзу, да скону, да скруту, на скаку* і в українській – *до зарізу, до скону, до скруту, на скаку* тощо. Обидві мови для вираження певних комунікативних намірів часто використовують еквівалентні мінімальні фразеологізми. Панівна їх більшість уходить до антропометричної сфери й торкається внутрішніх і зовнішніх рис людини, обставин її існування, наприклад: *з головою* – *з галавою*, *з коліски* – *з калыскі*, *на руку* – *на руку, на старості [літ]* – *на старасці*, *не по роках* – *не па гадах*, *не пара* – *не пара*, *під мухою* – *пад мухаю*, *у соку* – *у саку*, *через силу* – *цераз силу* та багато інших. Високий ступінь міжмовної фразеологічної еквівалентності пояснюється не лише мовними, а й позамовними причинами – багатовікові політичні, економічні, культурні зв'язки Білорусі й України.

Трапляються випадки часткової еквівалентності мініїдіом в українській і білоруській мовах, коли при тотожній семантиці спостерігаються розбіжності в плані вираження,

пор.: *да апошняга – до останнього* (= віддаючи все, що є, жертвуючи всім), *да твару каму – до лица* (= личить, пасує; подобається кому-небудь, відповідає становищу когонебудь), *до вар'яцтва – до безпам'яті* (= дуже міцно, безмежно любити, ненавидіти), *до д'ябла – до чорта* (= зовсім не потрібно щось; дуже багато), *на адкрытую – у відкрыту* (= не таївшись, відкрито сказати, зробити), *над абцасам – під чоботом* (= у повній залежності, підпорядкуванні (бути, опинитися і т.ін.), *над густ – до душі* (= подобається). При зіставленні окремих мінімальних зворотів помічено, що вони різняться деякими диференційними семами, наприклад: біл. *з душою* означає 'із захопленням, широко', укр. *з душею* – 'широ, відверто'. Виявлено також сполуки з частковою розбіжністю образу в білоруській та українській мовах. Це не відбивається на семантиці фразеологізму. Так, у білоруській мові існує фразеологізм з *мазалья*, що вживається у значенні 'своєю працею, заробляючи своїми руками (жити)'. В українській мові фіксується зворот з *пучок*, який означає 'власною тяжкою працею'. Їх спільна сема – «застосування значних фізичних зусиль».

В основі лінгвокультури, окрім універсальних рис, знаходяться національно-специфічні особливості, які відображають особливості менталітету й системи цінностей двох національних спільнот. Привертають особливу увагу безеквівалентні білоруські мінідіоми, які є аналогами лише за будовою, типу *да макулінкі* 'детально розказати, розпитати', *на барана* [брати] 'за плечі, підтримуючи руками (брати й носити дитя)', *на відавоку* 'так, щоб бачили кого, що', *на кукішках* [сидіти] 'на ногах, зігнутих у колінах', *у рукав* 'непомітно, хитро (уеміхатися, сміятися)' тощо. У складі цих і вище згаданих одиниць повнозначні компоненти мають національно-культурну семантику, яка відображає специфічне сприйняття білорусами різноманітних реалій, спираючись на особливі фоніві знання про фрагменти дійсності, при таманні відповідній мовній спільноті.

Отже, аналіз мінімальних фразеологізмів у порівнюваних мовах демонструє подібність – розбіжність, спільність – відмінність досліджуваних одиниць, що зумовлено не лише лінгвістичними факторами, а й єдністю/відмінністю понятійних систем досліджуваних мов.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М., 1989. – 236 с.
- 2 Бабич, Н. Д. Проблема фразеологічності конструкцій «службове слово + повнозначне» у слов'янських мовах / Н. Д. Бабич // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Том 20 (59). №6. – Симферополь, 2007. – С. 8–14.
- 3 Чередниченко, І. Г. Нариси з української фразеології. Прийменникові конструкції / І. Г. Чередниченко. – К., 1952. – 144 с.
- 4 Фразеологічний словник української мови / В. Білоноженко, В. Винник, І. Гнатюк [та ін.] – К.: Наук. думка, 1993. – 984 с.
- 5 Гаўрош, Н. В. Фразеалагічны слоўнік / Н. В. Гаўрош, І. Я. Лепешаў, Ф. М. Янкоўскі. – Мн.: Нар. асвета, 1973. – 352 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 тамах / І. Я. Лепешаў. – Мн., 1993.
- 7 Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці тамах / А. Я. Баханькоў, П. М. Гапановіч, М. П. Лобан, М. Р. Суднік. – Мн., 1997–1983.

С. У. Махонь

СПОСАБЫ ПЕРАДАЧЫ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК У ПЕРАКЛАДЗЕ НА РУСКУЮ МОВУ ПАЭМЫ ЯКУБА КОЛАСА “НОВАЯ ЗЯМЛЯ”

Разглядаюцца асаблівасці перакладу на рускую мову фразеалагізмаў, якія выкарыстоўваюцца ў паэме Якуба Коласа “Новая зямля”, у аспекце вырашэння адной з актуальных праблем перакладазнаўства – пераўвасабленню сістэмы вобразных сродкаў паэтычнага твора ў перакладзе на блізкароднасную мову.

Адной з актуальных задач сучаснага перакладазнаўства з’яўляецца вывучэнне семантычнай і стылевай адэкватнасці перакладнога тэкста тэксту арыгінала. Гэта праблема вымагае даследаванне сістэмы вобразных сродкаў арыгінальнага і перакладнога тэкста, таму што менавіта сістэма вобразных сродкаў канкрэтнага мастацкага твора абумоўлівае яго арыгінальнасць, адметнасць, непаўторнасць, якія, што цалкам натуральна, мусяць быць захаванымі і ў перакладным тэксце.

Многія падобныя лексічныя, граматычныя, сінтаксічныя рысы дзвюх моў – рускай і беларускай – не толькі не дапамагаюць у працэсе перакладу, але, па нашых назіраннях, значна ўскладняюць працэс перадачы вобразнай сістэмы перакладнога твора, а некаторыя з гэтых рысаў нават адыгрываюць ролю “памылковых (ложных) сяброў перакладчыка”. Падобенства моў тут з’яўляецца, вобразна кажучы, своеасаблівай пасткай, не трапіць у якую можа толькі вельмі вопытны перакладчык, які выдатна ведае усе стылёвыя, семантычныя, граматычныя асаблівасці беларускай і рускай моў.

Аб’ектам свайго даследавання мы абралі фразеалагізмы ў паэме Якуба Коласа “Новая зямля” і спосабы іх пераўвасаблення ў перакладзе на рускую мову.

Паэма Якуба Коласа “Новая зямля” – адметнейшы твор беларускай літаратуры, эпоічнасць, маштабнасць, мастацка-культурнае значэнне якога цяжка пераацаніць. Так склалася, што, на вялікі жаль, “Новую зямлю” мала ведаюць нават нашы бліжэйшыя суседзі, хоць пераклад паэмы на рускую мову зроблены дастаткова даўно, яшчэ пры жыцці Якуба Коласа, а самы першы, скарачаны, варыянт перакладу з’явіўся амаль 70 гадоў таму, у 1934 годзе. Над перакладам працавала вялікая група перакладчыкаў: гэта С. Гарадзецкі, М. Ісакоўскі, Я. Мазалькоў, П. Радзімаў, П. Сямынін. Такая колькасць перакладчыкаў абумовіла і рознасць падыходаў да перакладнога тэкста, да пераўвасаблення на іншай мове сістэмы мастацкіх вобразаў.

Сканцэнтруем сваю ўвагу на адным з аспектаў моўна-стылёвай сістэмы твора – фразеалогіі. Як адзначаюць даследчыкі, менавіта фразеалагізмы з’яўляюцца найбольш адметнымі, выразнымі адзінкамі, у семантычнай структуры якіх нацыянальна арыентаваны культурны кампанент займае адно з найважнейшых месцаў. Страта пры перакладзе хаця б аднаго фразеалагізма непазбежна вядзе да спрашчэння вобразнай сістэмы, да збыднення выразных сродкаў.

Моўная тканіна паэмы “Новая зямля” літаральна прасякнута фразеалагізмамі, сярод якіх, як сведчыць “Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Якуба Коласа”, досыць вялікая частка адзінак з’яўляецца адметна аўтарскай, адметна коласаўскай.

Як паказваюць назіранні над тэкстам арыгінала і над тэкстам пераклада на рускую мову, пераўвасабленне фразеалагізмаў у тэксце на рускай мове можа адбывацца наступнымі спосабамі:

1. Перадача фразеалагізма фразеалагізмам:

1а: поўнае захаванне лексічнага, семантычнага і стылёвага кампанентаў фразеалагічнай адзінкі; такая з’ява назіраецца тады, калі ў сістэме дзвюх моў

прадстаўлены фразеалагізмы, якія супадаюць па форме і змесце: *Бо там парадак вельмі строгі, там падпілююць табе рогі // Там хлопцы ссоріцца не смели, – чуть что, рога подпилят сразу; і ў канцэлярыю уваходзіць, вачэй з ляснічага не зводзіць // он в канцелярию приходит и глаз с лесничего не сводит; Ці ж толькі свету, што ў аконцы? // Иль только света, что в оконце?; Яму, як выпіў, гора мала! // Ему, как выпил, горя мало; сышла без часу да магілы // сошла без времени в могилу; хоць ты кладзі яго да раны // прикладывай его хоть к ране; вагон бітком набіт народам // вагон битком набит народом і г. д.;*

1б: вар’іраванне аднаго з кампанентаў фразеалагізма, замена стрыжневага слова: *не гаварыў, а сек языкам // работал ловко языком; як скінуць вокам // насколько хватит ока; і на Міхася жаль нахлынуў // Вновь на Михася мрак нахлынул; і божы свет здаваўся мілы // и белый свет казался милым; і ад работы адрывае і толькі сэрца аб’ядае // знай от работы отбивает и только сердце надрывает і г. д.*

1в: замена фразеалагізма іншым фразеалагізмам, які адносіцца да таго ж семантычнага поля: *ды так аб падлу штурхануўся, што свет яму перавярнуўся // Ударился с разгону лбом, Аж белый свет пошел кругом; Аж узняліся ў дзядзькі плечы // Антоний весь покрылся потом; Адны трымаюць нос высока // Одни с горы на всех взирают; Ён ведаў, як сваіх пяць пальцаў // от мала до велика знал і г. д.*

2. У перакладным тэксце дастаткова рэгулярна можа назірацца незахаванне адметнага коласаўскага фразеалагізма: *Куды ж ты дзенецца? Трымайся, жыві і з Богам разжывайся // держись за место и старайся, стесняют не буду, разживайся; А з дзядзькам летась сябраваў я, падумаць толькі – чуць не шышка! // Ну, словом, был он чуть не паном!; Пан кінуў вока на дзядзьку скрыва так і строга // Недобрым оком на дядю глянул пан суровый; у параўнанні з імі – ноль – ну проста так, звычайны Лыска: і не стаяў каля іх блізка! // В сравнении с ними чистый ноль, ну прямо пёс какой-то Лыска, к ним подойти не смеет близко; такіх паноў – хоць гаць гаці! // Их тьма – заваливай хоть гать!; Давай, брат, думаць хоць сягодня ці так ці сяк, каб даць параду // Давай уже со всех сторон обсудим и рассмотрим дело; ... рад збаноў на плоце казаў аб тым, што гаспадыня была ўжо ў поўнай каляіне // ряд кувшинов на заборе гласил открыто, что дела хозяйка хорошо вела; Вяліка важнасць, што кватэрку ён з гора тога перакінуў! // Идёт он смело, не боится проборки дома за горелку, что выпил суцую безделку; І такая ўсім бедным доля выпадае: прайсці свой круг // Такая у бедняка судьба лихая: намучиться, нагореваться...; Тады браты радком садзяцца, плячо ў плячо // Тогда они друг к другу жмутся і г. д.*

3. З’яўленне ў перакладным тэксце фразеалагізма пры адсутнасці яго ў тэксце арыгінала: *І для каго ўвесь гэты свет ёсць аднае цялежкі след // И для кого весь белый свет есть лишь одной тележки след; Ідзе далей, ізноў сцігае, дарога гэта – немалая! // И дальше, время не теряя, – дорога впереди большая; Няма, мінуліся гадочки, калі зямлю вярнуў Хадыка // И миновали те годочки, когда земли я мял бока; і першы камень залажыць на грунце вольнае зямелькі // и первый камень заложит на той земле обетованной; напэўна, мыслілі другое: “Спяваем добра, ды ці тое?” // Как видно, думали другое: «Ты, брат, влезаеть прямо в душу...»; Гадоў са два яе вязу, як тут ні ладжу, ні мяркую // А года два ідэць возня, уж прабовал і так і сяк; Цяпер разгорнем часаў шаты, бліжэй прыгледзімся да хаты // Теперь завесу лет раздвинем и оком пристальным окинем; Пажар той выбухнуў, як з грому // Сгорели хата и амбар внезапно, как от божьей кары; І зараз мёртваю рукою пачне хрысціць перад сабою // А вдруг он черною рукою положит крест перед собою і г. д.*

Як сведчыць прыведзены матэрыял, не ўсе выпадкі пераўвасаблення фразеалагізмаў можна прызнаць удалым, асабліва гэта тычыцца выпадкаў з заменай стрыжневага кампанента і выпадкаў з’яўлення фразеалагізмаў тады, калі іх няма ў тэкście арыгінала.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Колас, Я. Новая зямля. Пераклад на рускую мову С. Гарадзецкага, М. Ісакоўскага, Я. Мазалькова, П. Радзімава, П. Сямініна / Я. Колас. – Мінск: БФК, 2002. – 904 с.
- 2 Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: Издательство БГУ, 1980. – 182 с.
- 3 Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / уклад. А. С. Аксамітаў і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

УДК [81.161.1'37:398.95]:[81.111'37:398.95]

М. А. Овсяник

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ И ИСТОЧНИКОВ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье выясняется происхождение имён собственных, функционирующих в качестве компонентов в русских и английских фразеологических единицах, осуществляется сопоставительный анализ типовых значений фразеологических единиц, включающих в свой состав компоненты-онимы.

Об идиомах известный знаток английской фразеологии Логан П. Смит писал так: «Их внутреннее содержание отображает жизнь людей в её простых проявлениях: благоразумное или глупое поведение, успех или неудача и прежде всего отношения между людьми – жизненные впечатления и чувства людей, интересующихся друг другом, одобрение и, чаще всего, неодобрение, дружелюбие и враждебность, ссора и примирение, соперничество, коварство, осуждение, наказание и т. п.» [2, с. 14]. Имена собственные (ИС) имеют особую долю в составе фразеологических единиц (ФЕ) из-за своей природы: они обозначают единый в своём роде предмет, т.е. имеют единственное значение, генетически нейтральное, которое в общественной практике может приобретать оценочные функции, функции характеристики, которые сформировались в обществе. Следовательно, фразеологизмы, содержащие имена собственные в большей степени отражают культуру, традиции и ментальность народа, говорящего на этом языке.

Большую долю фразеологизмов русского языка составляют ФЕ с ИС мифологического происхождения (напр. *поклонение Бахусу, Геркулес на распутье, двуликий Янус*), которые своими корнями уходят в глубину античной эпохи. Мифы Древней Греции, герои античной литературы – многие фразеологизмы нельзя понять и разгадать, не зная предысторию их появления. Источником таких фразеологизмов служит история и мифология.

Большую часть фразеологизмов английского языка составляют ФЕ с немотивированным значением (напр. *a good Jack makes a good Jill – у хорошего мужа – жена хороша*). *Jack* и *Jill* – самые распространенные английские имена. Вторая группа по численности совпадает. Это – ФЕ, содержащие библиизмы. Библия – самая популярная книга человечества, многократно читаемая и повторяемая на церковных службах, на семейных чтениях. Не удивительно, что многие высказывания и цитаты стали крылатыми и часто употребляются в повседневной речи. Библейские фразеологизмы отличается высокая нравственная составляющая, которая знакома и понятна многим людям. Общеизвестные библейские события имеют четко выраженную поучительность, смысл которой выражают фразеологизмы [1, с. 18]. Фразеологизмы русского и английского

языков, имея один источник – Библию, являются полными фразеологическими эквивалентами. Полные эквиваленты – это русские эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Число подобных соответствий невелико; к этой группе относятся фразеологизмы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах: *the old Adam* «ветхий Адам» – греховность человеческой природы, *Judas kiss* – Иудин поцелуй, *as poor as Job* «беден как Иов» (нищий человек). По данным “Англо-русского словаря библейских фразеологизмов”, процент собственных имен среди компонентов 850 библейских фразеологических единиц составляет около 10 %. Такой более высокий процент объясняется самой структурой библейских фразеологических единиц, восходящих к текстам Священного Писания, насыщенного антропонимами, топонимами и пр.

Следующую группу по численности составляют ФЕ русского языка, содержащие ИС, мотивированные историческими событиями и персоналиями (как *Мамой прошёлся*, *Ганнибал у ворот*) и английские фразеологизмы, мотивированные особенностями и характерными чертами литературных героев.

В современном английском языке существует множество фразеологизмов, основная функция которых – усиливать эстетический аспект языка. Большая часть английского фразеологического фонда так или иначе возникла благодаря художественно-литературным произведениям: *Cordelia's gift* – тихий нежный голос, как у Корделии, героини трагедии У. Шекспира «Король Лир», *John Bull* – Джон Бульль – насмешливое прозвище англичан, впервые употреблённое в сатирическом памфлете придворного врача Д. Арбетнота «Тяжба без конца или история Джона Булля».

Много ФЕ пришло в Англию из США. Они относятся к внутриязыковым заимствованиям. Некоторые из этих фразеологизмов были в свое время созданы американскими писателями и получили широкое распространение в современной английской речи.

Создатели многих оборотов известны. Ч. Диккенс: *a Mark Tapley* – “Марк Тепли”, человек не унывающий ни при каких обстоятельствах (по имени персонажа в романе Ч. Диккенса «Мартин Чеззлвит). Д. Пул: *Paul Pry* – человек, сующий нос в чужие дела (главное действующее лицо одноименной комедии).

Сравнительный анализ семантики фразеологизмов двух языков показал, что большая часть ФЕ с ИС обозначает качества и признаки. ИС имеют единственное значение, которое в общественной практике может приобретать оценочные функции, функции характеристики, которые сформировались в обществе. Нами были изучены все качества и выделены положительный, отрицательный и нейтральный оценочные компоненты фразеологического значения. Сравнительный анализ данной группы ФЕ русского и английского языков показал, что большую часть составляют фразеологизмы с отрицательной оценкой качества или черты характера, в основе которых лежит глупость, слабоумие, жестокость, чрезмерное любопытство и испорченность человеческой природы. Напр.: *Gog и Magog* – *Gog and Magog* – человек, внушающий ужас, страшный своей свирепостью; *валять Ваньку* – бездельничать; *ветхий Адам* – *the old Adam* – грешный человек, который должен нравственно переродиться. В английском языке есть ряд ФЕ обозначающих мотовство и фиглярство: *coail – oil Johnny*; *Jack pudding*; *Merry Andrew*.

Фразеологизмы с отрицательной оценкой составляют 62 % в русском языке и 59 % в английском языке от всех ФЕ с семантикой качества и признака. Причина этому лежит в склонности любого народа высмеивать негативное в человеке и природе.

Процентное соотношение совпадает по положительному и нейтральному оценочному компонентам двух языков. В основе ФЕ с положительной оценкой лежит семантика дружбы, верности, честности, смелости. Напр.: *два Аякса* – *Damon and*

Pythias, David and Jonathan – два неразлучных; *astonish the Browns* – бросить вызов предрассудкам; *Darby and Joan, Strephon and Phyllis* – влюбленная семейная пара.

Следующую группу составляют ФЕ с семантикой абстрактных понятий. Напр.: *ящик Пандоры* – *Pandora's box* – источник бедствия; *объятия Морфея* – *the arms of Morpheus* – сон; *виноградник Навуфея* – *Naboth's vineyard* – предмет зависти, вожделе-ния; *Ганнибал у ворот* – опасность.

Самую малочисленную группу составляют ФЕ с семантикой действий и поступков. Напр.: *петь Лазаря* – прикидываться несчастным, стараться разжалобить; *валять Ваньку* – 1) притворяться глупым; 2) праздно проводить время; *bend the bow of Ulysses* – выполнять исключительно трудную работу; *come captain Stiff over somebody* – держаться высокомерно в отношении кого – либо; *wear Joseph's coat* – не поддаваться искуше-нию; *go to Davy Jones's locker* – утонуть, умереть в плавании.

Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть выра-зительных средств языка. Во фразеологизмах нередко отражаются особенности культу-ры данного народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира. Фразеология очень тесно связана с историей, традициями и древней литературой наро-да, который говорит на этих языке. В тех фразеологических оборотах, в состав которых входят имена собственные, эта связь видна больше всего. В английском и русском языках, являющихся наследниками христианской культуры, много образных выраже-ний с библейскими именами собственными, а также фразеологизмов связанных с ан-тичной мифологией древних греков и римлян. Семантические поля ФЕ двух языков также совпадают. Это связано со способностью онимов аккумулировать характерные черты и, теряя назывную функцию, приобретать оценочную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гатиатулина, З. З. Англо-русский словарь библейских фразеологизмов / З. З. Гатиатулина, В. А. Мендельсон. – Казань, 2002.
- 2 Логан, П. Смит. Фразеология английского языка / П. Логан Смит. – М.: Учпедгиз, 1959. – 195 с.
- 3 Лингвистический Энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 2000. – 685 с.
- 4 Словарь английских личных имен. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 407 с.
- 5 Словарь английских личных имен. – М.: Русский язык, 2003. – 221 с.
- 6 Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред.: А. И. Молоткова; 3-е издание. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

УДК 811.162.3:81.161.1:[81'276:398.9]:81'366.545

J. Šindelářová

VĚTNÉ VÝRAZY S KOMPONENTEM „DÍTĚ“ V ČESKÉ A RUSKÉ IDIOMATICE A FRAZELOGII

В статье представлен сравнительный анализ выражений-предложений с компо-нентом *дитя* в чешской и русской идиоматике и фразеологии. Делается вывод о том, что исследования подобного рода позволяют выявить точки соприкосновения сравни-ваемых языков, их взаимопроникновение. Полученные результаты можно эффективно использовать при изучении как родного, так и иностранного языков.

Studium evropských frazeotextů a v jejich rámci i přísloví a rčení jako specifického literárního žánru se svou kulturologickou funkcí se stalo už v 19. století předmětem folkloristických a etnografických studií a výzkumů, avšak teprve v nedávné době zaujala evropská frazeotextologie včetně paremiologie v celkovém kontextu srovnávací lingvistiky své ustálené místo.

„Svět v obrazech“ a „obraz světa“ v didaktickém přístupu J. A. Komenského dodnes zaujímá i ve frazeotextologii významné místo, neboť tvoří nedílnou součást komunikační kompetence, umožňuje nahlédnout do kulturologického kontextu jiného národa a odhalit různé perspektivy pohledu na jazyk z pozice jeho mluvčích, a to v jazykových, mezijazykových a mimojazykových souvislostech. Snaha po hledání národně specifických prvků v současných evropských jazycích a kulturách přivedla zejména mnoho ruských lingvistů ke koncepci „jazykového obrazu světa“, k jehož aktualizaci v současných společenských podmínkách výrazně přispěla Anna Vežbickaja a její přívrženci, kteří však mnohá jazyková fakta vykládají někdy až příliš přímočaře, což vede velmi často k subjektivizaci, tedy k přecenění národní specifičnosti konkrétních jazyků [22].

Výskyt frazeotextologických jednotek (dále jen FTJ) v různých evropských jazycích a kulturách (třebaže mnohdy s odlišným formálním vyjádřením) je důkazem toho, že skutečný, reálný jazykový obraz světa je mnohem častěji odrazem širších a obecnějších tendencí (geneticky či typologicky) než jen národně specifických. Konkrétní jazykové stereotypy pak mohou být správně vyloženy pouze pádnými argumenty na pozadí obecných zákonitostí a skutečností, a proto interjazyková konfrontace, jež nám umožňuje prostřednictvím konfrontačního opisu interpretovat a hodnotit jazyk přes jiný jazyk, event. i přes více jazyků [3, s. 128–170], musí vycházet nejen z jazykového materiálu spisovného jazyka, ale i z dalších útvarů národního jazyka [22], jako např. dialektů, interdialektů apod.

Cílem našeho příspěvku je představit na základě odborné literatury (viz seznam literatury za textem příspěvku) a vlastního výzkumu realizovaného v tomto roce na vzorku sto dvaceti studentů Pedagogické fakulty UJEP v Ústí nad Labem stručnou srovnávací analýzu větných výrazů s komponentem „dítě“ v ruské a české frazeologii a idiomatice.^{††}

Již samotná etymologie slova *dítě* ukazuje na jeho prastarý původ [bližší viz 6, s. 117–118]. Ve staré češtině se z pohledu FTJ setkáváme nejčastěji se slovem *dítě* v sing. i pl. (*děti*), ojedinele pak se substantivem *dietko* (v pl. *dietky*), v singulárních tvarech se synonymy *diblík* (též *dieblík*) a *pískle* [viz 4, 1911–13, 136–138, 160]. Za synonymní výraz lze považovat také substantivum *kojenec*, tedy dítě v prvních měsících života, kdy bývá kojeno, viz např. přirovnání *spát jako kojeneček* (SSČ, 1978, 169), či podstatné jméno *nemluvně* k označení malého, ještě nemluvícího dítěte, nemluvnátka (SSČ, 1978, 268).

V současné češtině se substantiva *dítě* užívá ve dvou významech: jednak k označení nedospělého potomka (častá je také zdrob. *děťátko*, viz SSČ, 1978, 74), jednak jako člověka dětinského, zejména v důvěrném oslovení milé osoby, přátel apod. (Specificky se užívá slova *dítě* v českém školním vzdělávacím procesu, kdy podle současného školského zákona se jím označuje jen dítě v předškolním vzdělávání, zatímco v základním vzdělávání se pak mluví už o *žákovi*.)

^{††} Při zpracování českých FTJ s komponentem „dítě“ jsme vycházeli zejména z nejnovějšího českého frazeologického slovníku, Čermák a kol., SČFI, Výrazy větné (4. díl), do kterého jsou zahrnuta i přísloví, ale ta tvoří asi jen desetinu celkového množství hesel uvedených v této části. F. Čermák společně s redakčním kolektivem svých spolupracovníků totiž v předmluvě k této 4. části poznamenává, že i když byla přísloví u nás v minulosti poměrně hojně sbírána (od r. 1852 jsou známa především díky F. L. Čelakovskému), jejich podoba a živý úzus se však zásadně do dnešní moderní doby měnily, a proto byla do slovníku zařazena přísloví po pečlivém výběru a po prověření co do jejich přežívání. Vycházejí tedy z aktuálního a autentického mluveného českého jazyka, který se odráží v současné komunikaci [bližší viz 2, Předmluva], což koresponduje i s naším záměrem.

Ve slovní zásobě ruského jazyka pak existují k českému slovu *dítě* dvě substantiva: *дитя* a *ребёнок*. P. J. Černych uvádí ve svém historicko-etymologickém slovníku [26, 102] k substantivu *ребёнок, -нка* (pl. *ребята*) také «младенец», «дитя», «мальчик или девочка от колыбели до отрочества» a pokládá ho svým původem pouze za ruské; srov. ve stejném významu: ukr. *дитина*, bělorus. *даіця*; bulh. *дете*; čes. *dítě*; sloven. *diet'a* atd. [26, 102].

V ruštině je dnes *дитя* (sg.) pocíťováno již za zastaralé (viz např. přísloví *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* [66, 490–491], a proto se v běžné komunikaci častěji užívá *ребёнок* (sg.). Např. *Rusko-český slovník frazeologický* M. Martínkové z r. 1953 nepopisuje jedinou FTJ s komponentem *ребёнок*, ale je v něm zachycen výraz *дитя*, který je autorkou slovníku hodnocen už v tehdejší době jako „poet. zast. dítě“ [7, 92], a *детуше* jako „kniž. žert. dítko, syn, dcera“ [7, 91]. Se substantivem *ребёнок* se pak běžně setkáváme prakticky ve všech slovnících, viz např. ve slovníku L. Stěpanové [10, 878 s.], a to ve FTJ jako např. *вместе с водой выплёскивать / выплеснуть [из ванны] и ребёнка*, čes. *vylévat / vylít s vanou (s vaničkou, s vodou) i dítě (děcko)*; *vylévat / vylít vanu (vaničku) i s dítětem; вести себя как ребёнок*, tzn. v češtině *chovat se (být) jako (malé) dítě*; *chovat se (být) jako malý jarda*. Vyšší počet FTJ s *ребёнком* (sg.) a s *детьми* (pl.) např. v publikaci z r. 2008 *Большой словарь русских сравнений* [21], která obsahuje více než 45 000 obrazných pojmenování (porov. hesla *дети* na s. 167–168 a *ребёнок* na s. 565–567), tak naznačuje aktuální stav ruských synonymních výrazů užívaných v přirovnáních.

Pro ruské FTJ jsou příznačné také dva plurálové tvary *дети* a *ребята* (как призыв к искренности, бесхитростности, чистоте помыслов, свойственным детям или ребятам), přičemž v nich, stejně jako v současném ruském jazyce, *ребята* slouží velmi často k oslovení, v ostatních případech převládá plurálový tvar *дети* (např. *Барыня шавку свою сама моет и чешет, а дети ходят в грязи; Детей не крестить кому с кем; не детей крестить кому с кем*. Mnohdy však, a to jak v starších, tak i nejmodernějších frazeologických slovnících, jsou uváděny oba plurály těchto slov vedle sebe jako synonymní výrazy, srov. např. *вести себя как [малые (маленькие)] ребята / дети* (неодобр.): o neserězném, легкомысленном, игривом поведении взрослых людей.

Do české FTJ pak vstupuje s komponentem *дítě* v singuláru nejen celá řada přirovnání (velmi často ve spojení se slovesem *být*, blíže viz [11, s. 314–327]), ale i další větné výrazy, jako např. *Дítě je na cestě; Дítě je mokré; Было то мртvé narozené dítě; По ком то dítě je?; То ví každé(ý) malé(ý) dítě; Одно dítě, žádný dítě*, jež jsou zachyceny včetně svých specifických významů ve 4. dílu *Slovníku české frazeologie a idiomatiky* [2, s. 211–212].

Plurálové tvary zkoumaného komponentu FTJ, které se zejména v českých přirovnáních prakticky nevyskytují [11, s. 314–327], mají své místo v současném českém jazyce, přičemž k nejfrekventovanějším patří tyto FTJ: *Дети i blázni mají / mluví pravdu; Дети носí čáp; Malý / malé děti malý / malé starosti, velký / velké děti velký / velké starosti; Так (мáмо), умею ты дети, nebo (si) uděláme nový?; Дети неспіше правду пове́ді; Аť žию дети наших роди́чу!; Аť немај дети (váночні) строме́чек!; S dětmi je trpápení! На (тѣх) дѣтех всёно хо́рі; ... ја mám (але) дѣти!*, což potvrdil i náš vlastní výzkum realizovaný na PF UJEP v Ústí nad Labem v tomto roce. Specifické významy těchto FTJ jsou zaznamenány ve 4. dílu *Slovníku české frazeologie a idiomatiky* [2, s. 212–213].

Další FTJ, které najdeme např. u Kotové [18] v několika slovanských jazycích (včetně češtiny) a v angličtině, jako např. *Дитя не плачет – мать не разумеет. / Дítě nepláče, matka nerozumí.; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. / Аť se dítě baví, jen když nepláče. У семи нянек дитя без глазу. / srov. Devatero řemesel, desátá bída. /srov. Mnoho rukou, málo díla. / srov. Čím více chův, tím hůře dítě dopadne.* [18, s. 37, 38, 85], ale i u mnoha dalších autorů, však nelze považovat za živé v současné komunikaci [srov. s 2], neboť např. naši respondenti ve výzkumu realizovaném v tomto roce je také neznali.

Totožnost nebo podobnost FTJ v obou jazycích lze demonstrovat např. na české FTJ *Дítě je na cestě*, kdy jeden člověk sděluje druhému novou situaci v životě rodiny nebo ženy, zvl.

v kontrastu k neočekávanosti faktu, popř. k majetkovým poměrům rodiny, neboť žena (manželka) je těhotná a za určitou dobu se jí (jim) má narodit dítě, potomek [2, s. 211; 8, s. 105–106] a ruské FTJ *Ждать ребёнка*, tedy *быть беременной*; čekat dítě (děcko, přírůstek, rodinu), viz [10], či *ходить с дитётом* – *ждать ребёнка*; *быть беременной* <dosl. *ходить с ребёнком* [8, s. 105–106].

Výskyt některých FTJ v ruštině v širším a obecnějším významovém pásmu než v češtině, v níž se uplatňují v užších významech či jejich odstínech, můžeme demonstrovat např. na rus. komparativním výrazu *прихотлив как малый ребёнок* (неодобр.): об излишне разборчивом, прихотливом человеке, česky *vybíravý jako malé dítě*, jenž se v českém prostředí užívá pouze v souvislosti s jídlem, tedy jako o dospělém člověku, který je příliš vybíravý v jídle.

Příklady v textu výše uvedeném jsou pak důkazem toho, že ruský frazeologický fond je oproti českému mnohem bohatší a v rámci českých a ruských FTJ můžeme sledovat i jejich četnou *variantnost* [blíže viz 11, s. 314–327 nebo v textu naznačené závorkami či lomítkem]. Je zapotřebí si uvědomit, že existence variant je zcela obvyklým, přirozeným jevem v každém jazyce a je dána jeho různým vývojem a územ, sbližováním významů (potlačením okrajových rysů u výrazů původně odlišných a samostatných), aktuálním kontextovým zapojením, důrazem, jazykovou (zejména řečovou) ekonomikou, expresivitou apod., a proto bývá mnohdy nesnadné určit základní, většinou nejčastěji užívanou variantu, tzv. invariant. V úzu, např. u řady autorů literárních, se pak můžeme setkat s aktualizací autorskými variantami FTJ, jež pak mohou být v kontextu různě obměňovány i morfologicky (např. v osobě, čase apod.), v slovosledu apod., čímž podléhají gramatickým transformacím.

Stručná analýza vzorku českých a ruských FTJ s komponentem „dítě“ nám umožnila nahlédnout do frazeologických fondů obou jazyků, ukázat jejich společná specifika v rámci FTJ, odhalit řadu shodných (ale i odlišných) jazykových jevů, sémantickou příbuznost a formální podobnost, jež nám ve svém souhrnu naznačují, že je zapotřebí hledat společná místa a průniky s dalšími jazyky, vyzdvihnout společné rysy jednotlivých jazyků, a to nejen v slovanském, ale i evropském a dále i světovém kontextu, které by bylo možné účinně využít nejen při výuce mateřských, ale zejména cizích jazyků.

Literatura

- 1 Čermák, F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky / F. Čermák, J. Hronek // Přírovnání. 1. díl. Praha: Leda 2009. – 507 s.
- 2 Čermák, F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky / F. Čermák, J. Hronek // Výrazy větné. 4. díl. Praha: Leda 2009. – 1267 s.
- 3 Dudášlová-Křiššáková, J. Kapitoly zo slavistiky II / J. Dudášlová-Křiššáková // Prešov: FF 2008. – 309 s.
- 4 Flajšhans, V. Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru) / V. Flajšhans // Praha: Česká akademie a nakladatelství F. Šimáčka 1911–1913. – 256 s. (sloupců).
- 5 Pala, K., Všianský, J. Slovník českých synonym / K. Pala, J. Všianský // Praha: Nakladatelství Lidové noviny 2001. – 479 s.
- 6 Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. / V. Machek // Praha: nakl. Československé akademie věd 1968. – 866 s.
- 7 Martinková, M.: Rusko-český slovník frazeologický / M. Martinková // Praha: SPN 1953. – 487 s.
- 8 Mokienko, V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, A. Wurm // Olomouc: Univerzita Palackého 2002. – 659 s.
- 9 Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Red. V. Šmilauer. 1. vyd. Praha: Academia 1978. – 799 s.
- 10 Stěpanova, L. Rusko-český frazeologický slovník / L. Stěpanova // Olomouc: FF UPOL 2007. – 878 s.

11 Šindelářová, J. Přirovnání s komponentem „dítě“ v české a ruské idiomatice a frazeologii. In: Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie / J. Šindelářová // Greifswald: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald 2010. – s. 314–327.

12 Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – Москва: «Русские словари» 1996. – 416 с.

13 Вопросы структуры и функционирования русского языка. Вып. 4. – Томск: изд-во Томского университета, 1981. – 192 с.

14 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В двух томах. В. И. Даль. Изд. 3-е. Москва: «Художественная литература» (1-е издание 1861–1862). Т. 1. 382 с.; Т. 2. – М.: 1984. – 399 с.

15 Жигулев, А. Русские народные пословицы и поговорки / А. Жигулев. – Москва, 1958.

16 Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: 1966.

17 Квеселевич, Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. Около 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. – Москва: изд-во «Астрель», изд-во «АСТ», 2003. – 1021 [3]с.

18 Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова; под ред. П. А. Дмитриева. СПб.: изд-во СПбГУ 2000. – 360 с.

19 Кузнецова, И. В. Отражение культурно значимых реалий в славянских устойчивых сравнениях / И. В. Кузнецова. – Чебоксары: Изд-во Чебоксарского гос. ун-та 2001. – 321 с.

20 Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб.: «Норинт» 2003. – 608 с.

21 Мокиенко, В. М., Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп» 2008. – 800 с.

22 Мокиенко, В. М. Современная славянская фразеология (синхрония и диахрония). / В. М. Мокиенко // Referát na Mezinárodním slavistickém kongresu v Ohridě ze dne 15. 9. 2008.

23 Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимический) / В. М. Огольцев. – Москва: «Русские словари»; «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.

24 Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии / Э. М. Солодухо. – Казань: Издательство Казанского университета 1982. – 168 с.

25 Словарь псковских пословиц и поговорок / составители: В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; научный редактор Л. А. Ивашко. 13 000 единиц. – СПб.: «Норинт», 2001. – 176 с.

26 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – Москва: изд. «Русский язык» 1999. – Т. 1. – 621 с.

27 Яранцев, Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р. И. Яранцев Около 800 фразеологизмов. – Москва: «Русский язык» 1981. – 304 с.

УДК 81.161.1:81.581:[81'373:398.9:595.44]

А. Г. Шукайлова

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗООНИМА ПАУК В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

В сопоставительном плане характеризуется символика зоонимического компонента пауков, употребляющегося в русских и китайских паремиях. При анализе фактического материала используются материалы русской (славянской) и китайской мифологии.

Отмечаются отраженные в пословицах специфические особенности символики паука в традиционном мировоззрении обоих народов.

Паук относится к отряду членистоногих, второй по числу известных представителей в классе паукообразных. Это диковинное животное, не зверь, не насекомое, ткущее невероятно прекрасные паутины, спасающие мир от полчищ паразитов и, к сожалению, вызывающее в людях омерзение и страх. Символическое значение пауков во многом объясняется их биологическими особенностями. Паук – это ядовитый вампир, холодный и беспощадный убийца, пожиратель мух. Паучихи убивают самцов после спаривания, чтобы в свою очередь умереть, отложив яйца.

Наши предки относились к паукам куда с большим почтением. В отточенной красоте и симметрии паутины они видели солнечные лучи, разбегающиеся от единого центра. Как будто уже тогда предвидели, что вселенную нашу астрономы представят в виде ячеистой структуры, сходной со строением паутины. И что геометрический центр паутины точно совпадает с ее центром тяжести. Всего этого они знать не могли, но уже тогда чувствовали, восхищаясь на рассвете радужными переливами солнечных лучей в тонких ниточках паутины.

Многие народы мира считают паука одним из творцов этого мира, соткавшего из своего тела каркас вселенной. Причем, как правило, это не паук, а паучиха. Например, *Мать Солнца* или *Бабка-Паучиха*. Видимо поэтому и называют вторую половину сентября, время паучьего гона, когда по воздуху носятся паутинки – *бабьим летом*, в память о Прабабке Мира, Рожанице. В славянских языческих верованиях восьмое сентября, за неделю до начала бабьего лета, посвящено Роду, преемнику верований о двух Рожаницах. Возможно, что паук – одно из его воплощений.

Многогранный ведический символ плодородия, солнечного света, единства бега времени и незыблемости пространства – свастика, напоминает паука, а узор на теле крестовика – символ плодородия. Как и имя паука, свастика давно покрылась грязью, отмыть которую почти невозможно. За отторжением символа приходит забвение, и лишь фольклор будет хранить его очень долго. Паук в нем – признак счастья, гармонии, солнечная мать всего живого. В этом плане интересны приметы, связанные с пауком, до сих пор живущие в сознании русских людей: *Убить паука – загубить свое счастье, к пожару или разорению; Паутинка прилепилась в бабье лето – повезет; Паук спустился на паутинке – к письму или известию.*

Хотя известны рассказы о том, как паук спас младенца Христа от жестокости Ирода (ср. аналогичные мотивы о спасении от врагов Давида, Мухаммеда с помощью паука и сотканной ими паутины), в христианском символическом мышлении он является «злым» противопоставлением «доброй» пчелы и в большинстве случаев служит для изображения грешных помыслов, которые высосут из человека кровь: *Как мизгирь (паук), из себя нитку тянет; Бойтесь мошки, господина честнаго, мизгиря (паука) толстаго*. Мизгирём в народе называли земляного паука-тарантула. Существовала примета: *Мизгиря убьешь – сорок грехов сбудешь*.

В народе паук считается также животным-душой. Предполагают, что душа человека, видящего сны, в образе паука может покидать тело через открытый рот спящего и затем снова возвращаться.

Пословица *Паук утром – печаль и заботы; паук вечером – отрада и утешение*, относящаяся не к самому пауку, а к его деятельности, символизирует следующее: вращение колеса прялки – вечером легкая работа в свободное время, но если нужно начинать ее утром, то значит, вынужден прясть пряжу на продажу вместо того, чтобы заботиться о своем доме. В пословице *Где паук, там и паутина* не только зооним паук получает отрицательную коннотацию, но и продукт деятельности данного насекомого – паутина, как неразрывно связанная с ним в народном сознании. То есть там, где злой человек,

обязательно проявятся и его злые поступки. В паремии *Пища пчелы превращается в мёд, а паука в яд* также оцениваются продукты деятельности насекомых. Здесь для достижения наибольшего эмотивного эффекта паук, как «тёмное» насекомое, противопоставляется «божьей» пчеле. *Ядовитый (злой), как паук; фу-ты, гадость (паук)* и подобные им выражения подтверждают отвратное отношение к насекомому.

В Древнем Китае паук означал близкое счастье, например, возвращение домой «блудного сына». Паук, скользящий вниз по своей паутине, связывается с ожиданием спускающейся с неба радости или приятного известия, что также характерно и для русской символики паука.

Широко распространенный мотив превращения человека в паука в наказание близок мотиву оборотничества. Существует китайское предание о хищном пауке-оборотне – кумо. Однажды кумо принял вид буддийского монаха, играющего на цитре. Когда к нему подошел одинокий путник, монах предложил ему свою цитру в подарок. Но как только человек взял в руки этот инструмент, тот немедленно превратился в паутину и опутал его. Инсектоним *паук* таким образом становится символом злого расчёта и хитрости. *Zho zhū jio wang da ba um fang* (= паук свяжет паутинку, управляет одним местом), то есть занять место и назвать себя царём.

Мотив оборотничества проявляется еще в одной легенде. К югу от города Цзянся в монастыре Тефосы, Железного Будды, есть «колодец пауков». Люди рассказывают, что во времена танской династии там жили два паука – белый и красный, которые превращались в красивых женщин и соблазняли людей. Поэтому, чтобы усмирить их, отлили статую Железного Будды. Здесь проявляется коватство, которое становится характерным для женского начала. Согласно поверьям злые демоны-пауки насылают кошмары. Особую неприязнь китайцы питают к *бай-гуй*, «белому призраку» – большому, но совершенно безобидному домашнему пауку. Они уверены, что по ночам паук ползает по потолку, располагается прямо над спящими людьми и «давит» на спящего на спине человека до тех пор, пока он не перевернется на бок и не спрячет тем самым грудь от пагубного воздействия паука. Несомненными последствиями его присутствия считаются красные и синие полосы, иногда остающиеся на теле человека, который во время сна подвергся воздействию *бай-гуй* [1, с.85].

Для наделения паука символическим значением китайцы выбирают такой характерный признак животного, как умение искусно плести паутину. Пословица *zhū yóu tiáo huà* (= паук гуляет по паутине, цикада изменяется) отмечает те способности, которыми паук и цикада владеют в наивысшей степени хорошо. Данная паремия имеет значение ‘быть профессионалом’. Паучья паутина также ассоциируется в китайском сознании с бедностью: *zhū wǎng chén āi* (= пыль и паучья паутина) о небогатой жизни.

В китайском паремическом фонде очень много пословиц, в которых рассматривается паучья паутина как нечто мелкое и незначительное, но тем не менее важное для раскрытия смысла, правды, установления причины чего-либо: *zhū sī chóng jì* (= паутина паука, след насекомого); *zhū sī shǔ jì* (= паутина паука, след мыши); *sī shǔ ma jì* (= паутина паука, след лошади).

Таким образом, сопоставление русских и китайских паремий, включающих в свой состав зооним *паук*, позволяет сделать выводы о наличии большого количества соответствий, отражающих универсализм человеческого мышления (*паук* – признак гармонии, счастья, символ плодородия). Наряду с соответствиями без труда можно выделить и отличия, отражающие культурные особенности русского и китайского народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гроот, Я. Я. М. Демонология Древнего Китая / Я. Я. М. Гроот; пер. с англ., предисл. Е. Торчинова. – СПб.: Евразия, 2000. – 346 с.

Янь Шивэй

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТАМИ *СЫН* И *ДОЧЬ*

Рассматриваются русские и китайские поговорки, включающие в свой состав компоненты сын и дочь. Выявляются отраженные в пословицах сходные особенности мировоззрения двух народов, связанные с различным подходом к воспитанию сыновей и дочерей, их социализацией и отношением к родителям.

Пословица понимается как краткое, устойчивое в речевом обиходе ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа. Как в русском, так и в китайском паремиологических фондах встречается большое количество пословиц, в состав которых входят термины родства *отец, мать, брат, сестра, сын, дочь*. Система терминов родства понимается как своего рода «совокупность лингвистических фактов, свидетельствующих об исторических связях народов, с одной стороны, и о возможностях языка, с другой» [1, с. 118].

Рассмотрим особенности употребления в русских и китайских пословицах слов-компонентов *сын* и *дочь*.

Поскольку сын в культуре каждого народа рассматривается как опора родителей в старости, их кормилец и защитник, рождение сына в семье считалось большим праздником и воспитанию сына придавалось большое значение: рус. *Сын хорошим не родится, а воспитывается; Плохой сын имя хорошего отца срамит; Чужой сын дурак – смех, а свой сын дурак – смерть* – кит. *Èr yào zì yǎng, gǔ yào zì zhòng* (= *Надо самому воспитывать сына и самому сеять зерно*); *Chuín ér qiānjīn, bù rú bó jì zài shēn* (= *Дать сыну гору золота хуже, чем дать ему навыки*); *Jiā yǒu wàn dàn liáng, bù rú shēng gè hǎo ér láng* (= *Лучше иметь хорошего сына, чем много зерна*); *Yǎng ér fáng lǎo, jī gǔ fáng jī* (= *Воспитать сына – обеспечить себе старость, сделать запас зерна – защититься от голода*).

В традиционных воззрениях как русских, так и китайцев отразилось представление о том, что физическое наказание в процессе воспитания сына не только возможно, но и необходимо: рус. *Любимого сына – жезлом; Воспитывать сына надо и ремнём, и пряником* – кит. *Bàng dǎ chū xiàozǐ, jiāoguàn yǎng nièr* (= *Нужно бить сына палочками, чтобы он рос послушным*); *Gùnbàng dīxi chū xiàozǐ* (= *Из-под палки выйдут почтительный сын*).

В целом характер и облик сына во многом зависит от того, какими качествами обладает его отец, так как сын с детства во всем копирует отца, подражает ему, стремится быть на него похожим: рус. *Какое дерево, таков и клин; каков батька, таков и сын* – кит. *lǎozǐ yīngxióng ér hǎohàn* (= *Отец герой, и сын – молодец*).

Дочь в семье – это вторая хозяйка, помощница матери. Дочь всегда ласковая и добрая, она всегда заботится о родителях, о братьях. Однако дочь живет в доме не вечно, ее необходимо выдать замуж: собрать приданое, найти жениха, а это очень непросто. Сравн. рус. *Дочку замуж выдать – не пирог испечь*. При этом родители всегда должны помнить о том, что взрослая дочь не должна оставаться в доме, ее надо готовить к замужеству: рус. *Заневестилась дочь, так росписи готовь* – кит. *Nǚ dà bù zhōng liú* (= *Взрослую дочь дома оставлять не гоже*).

Поскольку, согласно пословицам, *Дочь – чужая добыча; Дочь – чужое сокровище*, дочь (в отличие от сына) традиционно воспринималась как нечто чужое, отторгнутое, навсегда оставившее родной дом. Взрослая дочь не принадлежит семье, в которой она

родилась, и в случае замужества уходит в другую семью: *Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет; Сына корми – себе пригодится; дочь корми – людям снадобится.* Неизбежная и безвозвратная потеря дочери для родной семьи подчеркивается в следующих пословицах: рус. *Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай* – кит. *Jià chūqu de gūning, pǒ chūqu de shuǐ* (= *Выдать дочь замуж – что воду выплеснуть*).

При определении качеств дочери (невесты, будущей жены) важно обращать внимание на ее мать, что подчеркивается в пословицах двух народов: рус. *Смотри на мать, а замуж бери дочь* – кит. *Ūning shì mǔqīn de yǐngzi* (= *Дочь – это отражение матери*).

Воспитание детей, их развитие в культурах обоих народов закономерно воспринимаются как аналогия трудного и кропотливого труда, связанного с выращиванием цветов и плодовых деревьев: рус. *Дети, что цветы: уход любят* – кит. *Yào shù zhǎng de zhí, shù yāngzi zāi xiàqu jiù yào yù; yào háizi hǎo, yáng xiàli jiù yào jiào* (= *Если хочешь прямое дерево, выращивай с саженца; если хочешь хороших детей, воспитывай с рождения*).

Многовековой жизненный опыт русского и китайского народов говорит о том, что дети, несмотря на неизбежные трудности, связанные с их воспитанием, – это самое дорогое для родителей: рус. *У кого детки, у того и бедки; Без детей горе, а с детьми вдвое* – кит. *Méi nán méi nǚ shì shénxīn* (= *У кого нет сыновей, нет дочерей, тот беззаботный человек*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Мейланова, У. А. О терминологии свойства в языках лезгинской группы (опыт сравнительно-исторического анализа) / У. А. Мейланова // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С.114–122.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

УДК [81'33:801.81]:347.611.1:[81.161.1:81.162.1]

С. Н. Бойкова

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ПАРЕМИИ О ЖЕНЕ И МУЖЕ

В статье на материале русских и польских паремий о муже и жене делается попытка определения основных ценностных характеристик отношений между мужем и женой, указываются положительные и отрицательные личностные качества супругов. Устанавливается степень соответствия паремий рассматриваемой тематики в русском и польском языках.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением. Антропоцентрический подход к изучению языка позволяет выявить взаимосвязи между ментальностью индивида и этноса.

Паремиологический фонд языка является одним из продуктивных источников исследования лингвокультурных сведений. Пословицы и поговорки представляют собой структурно-семантически организованную систему. Они фиксируют передаваемые из поколения в поколение ценности сознания и культуры, значимые для всех носителей данного языка, определяют систему оценок окружающего мира.

Одну из важнейших культурных и духовных ценностей человека представляет собой семья. «Семья – основная духовная ценность, необходимое условие для самореализации человека (ср. рус. «В своей семье всяк сам большой»). Семья представляет собой группу совместно проживающих людей (ср. такие термины, как рус. *двор, дым, дом, изба, печище*, болг. *челяд, къща, дом*, с.-х. *задружна кућа, огњиште*, хорв. *hiћа*), как правило, связанных кровным родством или свойством, объединенных общими экономическими интересами, ее цель заключается в воспроизводстве потомства» [1, с. 516]. Основные названия лексемы *семья* образованы от корней **род-*: укр. *родина*, пол. *rodzina*, пол. диал. *rodovictvo*, чеш., словац. *rodina*, серб. *породица*, словен. *rodbina*; **челяд-*: рус. костром. *челядь*, новгород. *челяда* ‘большая семья’, укр. диал. *чел’ат*, *чел’ад*, словац. *uel’ad*, болг. *челяд*; **сем-*: рус. *семья*, бел. *сям’я, сямейство*; **свой-*: пол. диал. *svojina*; **жив-*: серб. диал. *живина* [1, с. 516].

Все члены семьи человека состоят друг с другом в родстве той или иной степени – более близком или более дальнем. Термины родства – одни из старейших слов в любом, пожалуй, языке. Каждый из нас благодаря разветвленным семейным связям со временем приобретает уйму разнообразных родственников: *отец и мать, сын и дочь, брат и сестра, дедушка и бабушка, внук и внучка, муж и жена, тесть и теща, свекор и свекровь, дядя и тетя, племянник и племянница, кум и кума, сват и сватья, свояк и свояченица, зять и невестка*... И все они – родня, свои люди. Все слова, называющие родственников, имеют общее (напр., *предок* – древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений [2, с. 501]) и конкретное значение (напр., *муж* – мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в браке, *супруг* [2, с. 313]). В генеалогии термины родства подразделяются на три большие группы: термины кровного родства, термины свойства и термины неродственных отношений [3].

Муж и жена – так называются супруги, составляющие основу семьи. Согласно генеалогической иерархии указанные названия относятся к терминам свойства (т. е.

обозначают некровных родственников) и представляют собой первую степень родства. В паремийниках русского [4] и польского [5, 6] языков представлено значительное количество пословиц и поговорок, характеризующих отношения между *мужем* и *женой*. Сложные семейные отношения нашли отражение в пословицах и поговорках русского и польского народа.

В обоих языках представлены паремии-советы о выборе жены: рус. *не бери жену богатую, а бери непочатую; дом купи с жильцом, а жену бери одну (для себя)*; пол. *ucho, nie oko, ta wybierać żonę* (букв.: ухо, а не глаз должно выбирать жену). «На что и клад, коли в семье лад», – гласит одна из русских пословиц о семье. Действительно, согласие и единство в семье царит тогда, когда муж и жена подходят друг другу: *муж да жена – одна душа; муж да жена – одна сатана; жена да муж – змея да уж (т. е. одна порода, заодно); промеж мужа и жены нитки не продернешь*. Следует заметить, что в польских паремийниках нет пословиц об уподоблении жены и мужа.

Некоторые паремии содержат утверждение, что положение жены, ее статус зависят от мужа: рус. *красна пава перьем, а жена мужем; жена мужем красна; жена по муже честна; жена по муже (прозывается, получает звание и пр.); жена при муже хороша, без мужа не жена*; пол. *nie żona zdobi męża, ale mąż żonę* (букв.: не жена красит мужа, а муж жену).

Русскоязычный материал позволяет выделить целый ряд паремий, в которых говорится о потере жены как о беде: *бывала ль у тебя беда? Умирывала ль у тебя жена? Видал ли ты беду? Терял ли ты жену? Не дай бог вдоветь да гореть! Лучшие семью гореть, чем одна овдоветь; лучшие бы у собаки татарина жена померла, чем у меня (у него две); дай бог погореть, да не дай бог овдоветь!* В польском языке также представлены паремии подобного содержания: *tak to bolesno, komu żona umrze, jako kiedy kto zabije się w łokieć* (букв.: так тому больно, у кого жена умрет, будто кто ударился в локоть).

Почти одинаковой семантикой (жён следует беречь) обладают следующие русская и польская пословицы: *первая жена опойчата, другая стеклянная, третья хрустальная (т. е. так береги)*; *pierwsza żona służa, druga przyjaciółka, a trzecia pani* (букв.: первая жена – слуга, вторая – подруга, третья – пани). Выбрав себе жену, муж должен нести свой крест. В обоих языках зафиксированы паремии, в которых говорится, что Богом данная жена предназначена на всю жизнь: рус. *жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь; жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь); жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; жена не седло: со спины не сымешишь*; пол. *konia odmienisz, kiedyć się nie zdaje; grunt sprzedasz, jeśli skapy w urodzaje; niesporna żonę, chociaż ci mozg wierci, musisz, niebożę, cierpieć aż do śmierci* (букв.: коня поменяешь, если не помогает; землю продашь, если скупа на урожай; медлительную жену, хотя мозг назойливо тебя просит, должен ты, бедняга, терпеть аж до смерти).

Значительная по количеству группа паремий характеризует в обоих языках отношения между мужем и женой по возрасту и по характеру. В русских и польских паремийных текстах осуждается злая жена: рус. *всех злее злых злая жена; всех злейней злее жена злая; лучше камень долбить, нежели злую жену учить; железо уваришь, а злой жены не уговоришь; силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не дает); злая жена – битая бесится, укрощаемая высится, в богатстве зазнается, в убожестве других осуждает; от злой жены не уйдешь; от злой жены одна смерть спасает да пострижение*; пол. *lepiej ze lwem w puszczy niżli ze złą żoną* (букв.: лучше со львом в пуще, чем со злой женой); *lepsze szczury w spichrze niż zła żona w domu* (букв.: лучше крысы в амбаре, чем злая жена); *zły chłop od żony* (букв.: злой мужик от жены); *komu zła żona nad głową krokorze, w grob by się puścił, nie tylko na morze* (букв.: кому злая жена над головой болтает, в могилу бы пустил, не только на море); *żona zła jak bęben, który ustawicznie bije pobudkę* (букв.: жена злая как бубен, который установлено бьет подъем).

Плохой (худой) муж в русских паремийных текстах представлен как существо, которое хуже нужды и беды: *нужа, нужа! нет ее хуже, а лучше худого мужа; стужа да нужа, а лучше худого мужа; плохо стужа да нужа, а все лучше худого мужа*. Однако и плохой муж лучше вдовства и одиночества: *худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет; с ним горе, а без него вдвое; хоть лыками шит, да муж; худ мой Устим, да лучше с ним*.

О том, что старый муж не подходит молодой жене, свидетельствуют следующие пословицы: рус. *по старом муже молода жена не тужит; старый муж и на руку молодой валится*; пол. *trudna zgoda z mężem starym żona młoda* (букв.: тяжело согласие молодой жены со старым мужем); *jako ogień bywa z wodą, tak i stary z żoną młoda* (букв.: как огонь бывает с водой, так и старый с молодой женой).

В обоих языках представлены паремии, характеризующие положительные качества жены и мужа: рус. *умная жена, как нищему сума (все сбережет); от плохой жены состареешь, от хорошей помолодеешь; добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; с доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне; хорошая жена – юрт (т. е. дом)*; пол. *nieszczęście polnieszczęściem bywa razem z żoną, a radość z nią dzielona zawsze podwojona* (букв.: несчастье с полнесчастьем бывают вместе с женой, а радость, разделённая с ней, всегда вдвойне); *na żonie stoją trzy węgły domu, a czwarty na mężu* (букв.: на жене стоят три угла дома, а четвёртый на муже).

В пословицах и поговорках русских и поляков осуждается болтливость жены, её неумение хранить секреты: рус. *не всяку правду жене сказывай! Не всяку правду муж жене рассказывает, а и рассказывает, так обманывает*; пол. *chceszli mieć coś tajemnego, nie zwierżaj się żonie z tego* (букв.: если хочешь иметь тайну, не доверяй её жене); говорится о недоверии: рус. *не верь коню в поле (в холе), а жене в доме (в воле)!* и пол. *nie wierż żonie w domu, a koniowi w drodze*; даются советы по воспитанию жены (её следует бить): рус. *кого люблю, того и бью; жену не бить – и милу не быть; люби жену, как душу, трясси её, как грушу (бей, как шубу)! Шубу бей – теплее, жену бей – милее*; пол. *kiedy mąż żony nie bije, to w niej wątroba gnije* (букв.: если муж жену не бьёт, то у неё печень гниёт); *kochaj żonę całą duszą, a trząś nią jak gruszą* (букв.: люби жену всей душой, а трясси её, как грушу).

В русских паремиях осуждается измена супругов, их неверность: *мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла; на чужих жён не заглядывайся, а свою пригляди! Чуже мужнину жену любить, с нею и плакаться; муж того не знает, что жена гуляет*.

Интересными являются в плане сопоставления русские и польские паремии, которые можно охарактеризовать как антипословицы: рус. *чего жена не любит, того мужу век не едать*; пол. *dobra żona tym się chlubi, że gotuje, co mąż lubi* (букв.: хорошая жена гордится тем, что готовит то, что муж любит); *nie столько муж meшком, сколько жена gorшком (сберегает, приносит в дом); муж возом не навозит, что жена gorшком наносит*; пол. *co gospodarz zwiezie workiem, to wywiezie żona garnkiem* (букв.: что хозяин свезёт возом, то жена вывезет горшком).

Даже неполное описание паремий о муже и жене демонстрирует сложность и разнообразие взаимоотношений супругов. Польские и русские пословицы отражают как отрицательные качества супружеских взаимоотношений, так и позитивные стороны отношений мужа и жены, что ещё раз доказывает простую истину человеческого мироприятия и понимания добра и зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – 656 с.
- 2 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

3 Генеалогический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.derjavapskov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemacatcattemaallen/968/> – Дата доступа: 03.10.2011.

4 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 992 с.

5 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Red. J. Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. – 1972. – Т. 3. – 996 s.; 1978. – Т. 4. – 627 s.

6 Masłowcy, W. Księga przysłów polskich / D. Masłowcy, W. Masłowcy. – Kęty: ANTYK, 2001. – 602 s.

УДК 81'373.6:398.9

Т. В. Валодзіна

КАМУ І З ЯКІХ ПРЫЧЫН КАЎТУН ЗАВІЎ *

У артыкуле на падставе матэрыялаў, сабраных у розных рэгіёнах Беларусі, характэрызуецца дэманічная прырода каўтуна, які ўспрымаецца ў якасці хваробы, “зробленай” недобразыхліўцамі, “насланай” наўмысна. На падставе фальклорна-этнаграфічных запісаў прыводзіцца этнакультурны “партрэт” каўтуна, вызначаюцца яго антрапаморфныя рысы і вербалізацыя на ўзроўні фразеалогіі.

У фальклорна-этнаграфічнай літаратуры ўжо досыць трывала ўсталявалася перакананне аб дэманічнай прыродзе каўтуна. Час ад часу актуалізуецца яго ранейшае суаднясенне адно з антысанітарый, калі звязвалася гэта хвароба з характэрным кліматам і жыццём сярод балотаў, з адсутнасцю належнай гігіены ў спалучэнні з цяжкой працай, заняўбанасцю ці наогул з адмысловай забабоннасцю. Між тым палявыя запісы, зробленыя ў розных рэгіёнах Беларусі ў наш час, калі пра звычайную антысанітарыю і запушчанасць гаварыць не выпадае, вымушаюць ацэньваць гэту дзіўную хваробу крыху ў іншым рэчышчы.

У Старадарожскім раёне да гэтага часу лічаць, што “ў любога чалавека ёсць каўтун, толькі яго нада ўстрывожыць, узнервіць, устаўчы. З бальшых нерваў, з бальшого іспуга” (Тацяна Улючык, 1932 г. н., в. Фалічы); “Каўтун? Эта ж ён – да сарака год яго няма, а пасья сарака ён у кождага. Эта ж тыя самыя нервы. У аднаго яны такія, а ў другога такія. Хто сільна растроіцца, тады каўтун выб’ецца наверх, тады яму і лягчэй” (Марыя Лагун, 1939 г.н., в. Лавы). Адметна, сярод замоўных матываў сустракаюцца тыя, што наўпрост адсылаюць да разумення каўтуна як арганічнай субстанцыі, што прысутная ў кожным чалавеку: *Каўтун-баўтун, добры чалавек, каўтуніца-баўтуніца, добра маладзіца, чаго вы расхадзіліся, чаго вы разнасіліся, чаго вы разбушаваліся? Ці вы з работы, ці вы з заботы, ці вы з хлапоты, ці вы з увяду, ці вы з іспугу, ці вы са зла, я ж вас упрашаю, умаляю, угавараю, станьце на сваём месьчечку, на залатом крэсьлечку* (Яўгенія Пархімовіч, 1926 г.н., в. Крываносы Старадарожскага раёна).

Менавіта этнографы (у адрозненне ад медыкаў) звярнулі ўвагу на тое, што каўтун – гэта не толькі “дасьпелая хвароба”, а “гэты самы каўтун, гэтыя збітыя ў лямец валасы не самі збіліся ў ком ад якогась там яду, бацылы ці ад гразі, а што гэты самы каўтун – твор рук чалавечых, наўмысля штучна зроблены” [1, с. 134]. У асобных выпадках хворыя намагаліся “завіць каўтун”, каб унутранае захворванне стала знешнім, выйшла з

* Работа выканана ў межах праекта БРФФД “Фольклорныя нарратывы беларуска-рускога погранич’я в контексте внутренних и внешних связей” (№11Р-002).

чалавека вонкі і тым палегчыла яго пакуты. Шэраг рытуальных практык і накіраваны на выкліканне ўнутранага, патаемнага каўтуна. Цікава, што адно з першых паведамленняў пра каўтун сведчыць пра тое, што запусканне валасоў не ўяўлялася як хвароба як такая, але як лекавальны сродак. З пісьма рэктара Акадэміі ў Замосьці В.Старнігеліуша прафесарам Падуанскага ўніверсітэта ў 1599 года вядома, што «просты народ лечыцца праз запусканне каўтуна, які пасля адцінання пазбаўляе хворага ад яго немачы» [9, s. 256].

Паводзіны каўтуна не толькі ў замовах, але і аповядах пра яго падаюцца зусім у чалавечых катэгорыях – “яго не ўцьвяліць, ні памыць” (Вілейскі раён); “Каўтун з пужаньня. Еслі што палюбя на дух, тады ён атойдзя. А еслі ён не палюбя нічога, то так і памрэ чалавек. Еслі палюбя лекі” (Ніна Коба, 1931 г. н., Вольга Чарняўская, 1926 г. н., в. Вяліччы Барысаўскага р-на); “Яму нада *выседзець* і ён адваліцца” (Яніна Унуківіч, 1925 г. н., в. Баяры Мядзельскага р-на).

Этнакультурны партрэт каўтуна настойліва падводзіць да разумення яго як арганічнай для кожнага чалавека яго ўнутранай сутнасці, як той субстанцыі, што наяўная ў кожным чалавеку. Хваробатворная актывізацыя каўтуна можа быць патлумачаная як патрывожанае праяўленне/вывяржэнне жыццёвых патэнцый і сіл чалавека. «Ад іспугу эта бывае. Эта нежыць, нежыць, эта цяпер нервы, а то нежыць. ... Нежыць – што-та есь такое ў жываце. Залатнік – нежыць – падходзіць пад грудзі, а каўтун – на галаву выходзіць» (в. Баршчоўка Добрушкага р-на).

Акрамя ўласна фальклорна-этнаграфічных запісаў да складання этнакультурнага партрэта каўтуна дужа дарэчы далучаюцца фразеалагічныя адзінкі – тыя моўныя застылыя крышталікі, што ў закансерваванай форме данеслі да нашага часу архаічныя вераванні іх складальнікаў. Звернемся да шэрагу славянскіх фразеалагізмаў з кампанентам *каўтун*. Польск. *koltuna mieć na co* [39, s. 36], мараўск. *tam velikego koltuna na...* [8, s. 152] ‘чагосьці хацець’ на моўным узроўні ілюструюць вераванні аб асаблівай пераборлівасці таго ці іншага чалавека ў ежы. Адсюль відавочная сема ‘не спадабацца’ ў фразеалагізма *ні падышло пад каўтун* [2, с. 8].

Запісаў жа пра выяўленне каўтуна, што нярэдка суправаджаўся харчовымі адхіленнямі, калі пэўная ежа выклікала абвастрэнне хваробы, а іншая, наадварот, змякчала яе сімптомы, даволі шмат. “Калдун. Так вот а чорт яго знаець калдун, можаць, і ў мяне калдун. Калбасу есць не магу і ўсё! Людзі купляюць, а я не магу ні сасысак, нічога. Ні магу! А чорт яго! Ці ў мяне калдун? Каб, думаю раз, ён бы мяне з’еў! Не магу і ўсё! Ну, прыехала ўнучка, прывезла сасысак, ну рабёнку ж. Ну чатыры штучкі ў упакоўкі засталася. Ну, думаю, дзье звару. Так што вы думаеце, я зварыла? Бабы купляюць: там бульбінкі, макароны атварыла, сасыскі. Гэта з’еў і пад’еў. Ні магу – ўсе! Я хварэла цэлы дзень! У мяне ўсё балела!” (Надзея Малюкова, 1932 г. н., в. Даражылава Верхнядзвінскага р-на, запіс У.Лобача і У.Філіпенкі); “Каўтун у каго – якую яду любіць ці ня любіць, гэта ня ён, а каўтун ні прымаць” (Эмілія Якубоўская, 1937 г. н., в. Гадзіўля Лепельскага р-на).

На Віцебшчыне *ковдуном* называлі прыхамеці, патрабаванні цяжарнай жанчыны, і тады выраз *цешыць ковдун* разумеўся ў значэнні ‘задаволіць яе капрызы’ [5, с. 2].

На архаічнае атаясамленне міфічнага каўтуна і чалавека, хворага на гэту хваробу, часцей яго галавы, і праз яе – розуму, свядомасці, намераў, паказваюць фраземы *каўтун завіў* ‘стукнула ў галаву’: “Я ні збіралася ехаць, адаля каўтун завіў” [4, с. 26], *у каўтуне закруціць* ‘прыйсці ў галаву’: “Як у каўтуне закруціць, так і рабіў” [7, с. 168]; *каўдун у галаве закруціў* ‘хто-небудзь упарты, капрызны’ – “Ні ўспелі нову сукенку пашыць, то ў яе каўдун у галаве закруціў – ні хоча ехаць на вяселе” [3, с. 100]. Адсюль фразеалагічнае “імкненне” запозрыць наяўнасць каўтуна ў чалавека з неўнармаванымі паводзінамі: на Гродзеншчыне пра каго-небудзь прыдуркаватага, з дзівацтвамі казалі: *у яго каўтун у галаве* – “У яго каўтун у галаве, сам ні ведае, што робіць [3, с. 100]. Далейшы этап – метафарычнае найменне каўтуном клопатаў, цяжасцяў наогул: укр. *лучше водразу ковтун з головы збути* [6, с. 176], польск. *Bogu dzięki, tam ten koltun z głowy* [10, s. 33].

Верагодна, згодна з такімі ўяўленнямі, каўтун як арганічная і патрэбная ў чалавеку яго частка пасля смерці чалавека мусіў быць з ім аб'яднаны з мэтай ўзнаўлення адпачатковай цэласнасці: “Паложуць дзе за іконку каўтун, як знімуць, а як памру, дык і ў гроб мне ўкладуць” (Марыя Міхно, 1935 г. н., в. Юшкі Лепельскага р-на); «Ну, она умэрала, йон узяў одрызаў ей того куўтуна. Одрызаў да кажэ: Я ў садочку закопаў. А она ему сныцца да сныцца: Сынок, прыняси ты мни голоўу мою, зняў да куда ты дэў. Прыняси мне назад. И кажэ, мусіў выкопваты и нэсты на моглицы закопваты матэры. И тоўды нэ стало сныцца» (Соф’я Самойлік, 1911 г. н., в. Лапацін Пінскага р-на; Палескі архіў Інстытута славяназнаўства РАН).

Такія погляды арганічна кладуцца ў архаічнае светапогляднае разуменне наяўнасці ў кожнага чалавека шэрагу хваробаў, з якімі ён нібыта нараджаецца, але якія неабавязкова знаходзяць знешняе выяўленне. Мікракосм чалавечага цела з неабходнасцю ўключае і іншасвет, гэтаксама як і ўвесь свет складаецца з упарадкаванага космасу і хаосу.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Грынблат, М. Я. Этнаграфічнае вывучэнне каўтуна / М. Я. Грынблат // Інстытут беларускае культуры. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 4. Працы кафедры этнографіі. – Т.1. Сш.1. – Менск, 1928.

2 Дадатак да зборніка “Прыказкі Лагойшчыны”. Зап. А. Варлыга. – Нью-Йорк, 1972.

3 Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна, 2000.

4 Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мн., 1972.

5 Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, собранные в Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1897.

6 Старосветскі бандуриста. Кн. 2. Малоросійскія пословицы. – М., 1860.

7 Янкоўскі, Ф. Дыялектны зборнік / Ф. Янкоўскі. – Вып. 3. – Мн., 1972.

8 Bartoš, F. Dialektický slovník Moravský / F. Bartoš. – Praga, 1906.

9 Biegeleisen, H. Lecznictwo ludu polskiego / H. Biegeleisen. – Kraków, 1929.

10 Aluch, A. Etnologiczny atlas ciała ludzkiego i chorób / A. Aluch. – Wrocław, 1995.

УДК 81.161.2:81.161.1:[398.9:17.002.1]

Н. Ф. Венжинович

ОТРАЖЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье анализируются украинские и русские фразеологизмы, репрезентирующие морально-этические ценности двух народов: смирение, щедрость, честность, любовь к ближнему, умеренность, терпение, старательность. Отмечается роль христианской культуры в формировании мировоззрения русских и украинцев.

Современные лингвистические исследования проникают в глубину человеческого познания мира, познания самого себя в этом мире. Человек всегда стремился осознать свое место среди себе подобных. Ведь возможности человеческого мозга поистине безграничны. На протяжении веков человек создал неповторимые словесные жемчужины, именуемые фразеологизмами. Это своеобразные микротексты, устойчивые словосочетания, в которых отражены самые разнообразные проявления

жизни и деятельности людей. В них – и быт, и действия, и чувства, переживания человека. По утверждению В. М. Мокиенко, фразеология – сокровищница образных средств любого языка [11, с. 3].

Ученые обратили внимание, насколько точно такие словосочетания отражают жизнь человека во всех ее проявлениях. Ныне известен целый ряд научных исследований, посвященных разным аспектам изучения таких устойчивых словосочетаний, в частности, сравнительно-сопоставительному анализу [напр., 1; 3; 8; 9; 11; 12]. Чрезвычайно интересными нам представляются исследования Л. К. Байрамовой, в которых автор предлагает фиксировать и анализировать фразеологический материал в виде двух блоков, раскрывающих ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре социумов и нашедшие отражение во фразеологизмах разных языков [см., напр. 3, с. 3]. Целиком поддерживаем мнение К. Мизина, который утверждает, что лингвистическая природа компаративной фразеологической единицы раскрывается на фоне их онтологической квинтесенции – отражения глубинных связей между языком и культурой определенного этноса [10, с. 17]. (Здесь и далее перевод наш. – Н.В.). Продолжая эту мысль, И. В. Зыкова акцентирует внимание на том, что в современной лингвистике формируется подход к фразеологизму как, прежде всего, знаку, кодирующему, репрезентирующему или транслирующему определенный объем культурной (или культурно обусловленной и культурно значимой) информации [7, с. 94].

Особое место ныне занимают указанные языковые единицы, в которых отражены важнейшие моральные ценности человека: *смирение, щедрость, честность, любовь к ближнему, умеренность, терпение, старательность*. Чрезвычайно актуальным нам представляется исследование таких языковых явлений на материале близкородственных языков – украинского и русского. Ведь именно в наших языках мы находим так много общего, и, вместе с тем, наблюдаем определенные различия, что часто свидетельствует о национально-культурной специфике языкового материала. При помощи анализируемых устойчивых словосочетаний мы имеем возможность проникнуть к нашим истокам, нашим корням, раскрыть тайны души и чаяния наших народов. В предлагаемой статье рассмотрим самые выразительные, на наш взгляд, примеры фразеологизмов украинского и русского языков, иллюстрирующие важнейшие человеческие моральные ценности.

Суть *смирения* в том, чтобы понять, что ты сам не только не лучший, а даже худший, чем другие, если хотя бы об одном из них думаешь плохо. Уметь самому распинать себя на духовном кресте за свои недобрые помыслы, слова и деяния, и ко всему этому, чувствовать страх перед Богом и стыд перед людьми, – это и будет обозначать, что душа человека способна на смирение [2, с. 291].

Ср.: укр. *тримати грішне тіло у покорі*; русск.: *держатъ грешное тело в смирении, смирение паче гордости*. Выражение возникло на основе библейских текстов. Восходит к церковно-славянскому переводу Библии, *паче* – больше, лучше. Таким образом, буквально «смирение лучше гордости» [4, сс. 647–648].

Быть *щедрым* – значит уметь самому быть довольным самым необходимым, не почитать роскошь и чрезмерный достаток, а если иметь, то иметь не для того, чтобы удовлетворить себя, а чтобы отдать убогим и страждущим. Бедными Бог испытывает наше сердце: знает ли оно, что такое милосердие и щедрость. Щедрость не в том, чтобы дарить много, а дарить и тогда, когда уже не имеешь ничего, потому что все, что отдашь, будет твоим – зачтется тебе [2, с. 291].

Ср.: укр. *щедрую рукою* – не проявляя скупости, не жалея [13, с. 625]; *широка душа, широке серце* – 1. Кто-либо внимательный, щедрый. 2. Внимательный, щедрый характер у кого-либо [13, с. 229]; *щира (золота) душа, щире (золоте) серце* – честный, открытый, щедрый, доброжелательный человек [13, с. 229]; русск. *широкая душа* – человек не мелочный, готовый поделиться с другими средствами, имуществом и т. п.

[5, с. 732]. Образ фразеологизма восходит к древним коллективно-родовым формам осознания мира. По анимистическим представлениям, человек при рождении получает *душу* большего или меньшего размера. Через компонент *душа* фразеологизм соотносится с антропным, или собственно человеческим кодом культуры. Через компонент *широкая* фразеологизм соотносится с пространственным кодом культуры. Фразеологизм выступает в роли эталона, т. е. меры, щедрости; *широкая натура, во всю ширь* – тс [5, с. 732].

Честность – это душевная чистота, которая рождается страхом Божиим. Стремление уберечь свою душу в праведности, чтобы она предстала чистой на Божьем Суде, помогает человеку выстоять против нечистых помыслов и действий. Страх Божий дает человеку чистоту души и силу быть честным. Честный тот, кто боится Бога, а нечестный тот, кто хочет, чтобы его боялись люди [2, с. 292].

Ср.: укр. *ходяча совість (чеснота)* – человек, основной чертой которого является честность, порядочность [13, с. 675]; русск.: *брать / взять на свою совесть* – брать на себя ответственность за что-л. [4, с. 653]. Как видим, в обоих языках для обозначения честного человека используется моральная категория *совесть*.

Любить ближнего – значит не быть судьей ему, а быть ему помощником и другом во всех его праведных делах и начинаниях, и сдерживать разум его от лукавой мысли, язык от плохого слова, а руку – от злого деяния. Радоваться по поводу каждого его успеха и печалиться через даже небольшие его неудачи. В дни его радости откликаться на его приглашения, а в лихое время – приходиться самому. Молиться Богу сначала за него, а уже потом – за себя [2, с. 292].

Ср.: укр. *любити ближнього, як самого себе*; русск. *возлюбить ближнего, как самого себя*. Фразеологизм восходит к Библии. В образе фразеологизма лежит древнейшее представление людей об отношении между собой, о морали. В Святом Писании делается акцент на том, что человек должен любить себе подобных, как самого себя, и в этом проявляется великая мудрость бытия. *Любить один одного* (укр.). Ср. русск. *любите друг друга* – тс. Омыв своим ученикам ноги после Тайной Вечери, Христос сказал им: – Любите друг друга, как я любил вас. Это была его новая и очень важная заповедь: по искренней взаимной любви мир должен узнавать Христовых учеников, а через них – найти путь к праведности и спасению. Нет большей любви, чем любить друг друга в мире, который ненавидит нас. А любовь будет беречь и спасать мир, наполненный злобой к каждому, кто имеет любовь и не имеет ненависти [2, с. 373].

Дух – безгрешный, и душа стремится к праведности, только человеческое тело наполнено непомерными бездуховными желаниями еды, питья, чувственных утех. И только через эти неумеренные желания проникает в человека коварная греховность. Только *умеренность* в удовлетворении желаний позволяет удержать грешное тело в смирении честной душе и праведному духу. Умеренность – превыше всего: тело должно получить лишь столько, сколько ему нужно для того, чтобы служить человеческой душе и Святому Духу [2, с. 292].

Ср.: укр. *знати міру* – придерживаться некоторых норм, пределов в чем-либо [13, с. 269]; русск. *в меру* – столько, сколько нужно; достаточно [4, с. 426].

Бог наделил человека неповторимостью. А это значит, что каждый из нас, будучи «образом и подобием Божиим», бесконечно отличается друг от друга своей духовностью и телесным видом, ибо бесконечна Всемудрость Божья. И мы должны воспринимать один другого такими, какими нам Бог дал быть. И не приравнивать никого к своему подобию, потому что мы – только Божье подобие, а в мыслях, словах и поступках – разные, как бесконечен Бог, поэтому должны быть *терпеливыми* [2, с. 293].

Ср.: укр. *переповнити чашу терпіння*; русск. *переполнить чашу терпения* – превысить меру терпимого. Образ фразеологизма восходит к тексту Библии. В образе фразеологизма компонент *чаша* выступает в роли эталона, т.е. меры терпения человека. Компонент *переполнить* соотносится с деятельностным кодом культуры и символизирует

избыточность чего-л. Фразеологизм образован метафорой, уподобляющей меру терпения, превышающую возможности человека [5, с. 517].

Неизмеримой была Божья *старательность* в сотворении мира и создании человека. Шесть дней работал Господь, даря человечеству бытие, а человеку – жизнь. И каждый раз оценивал и освящал плоды своих творений. А на седьмой день отдохнул, созерцая гармонию созданного им мира. И завещал он людям старательно осуществлять каждое дело, доводить его до завершенности и гармонии, ибо нет малых дел. Каждое, самое малое дело становится большим, если оно осуществляется так, как велит Господь. И самое большое дело станет ничемным, если осуществляется без совести и старательности [2, с. 293].

Ср.: укр. *як Божа бджола*, со сл. *трудитись, працювати* и под. – очень напряженно, усиленно [13, с. 26]; русск. *трудолюбив как пчела* – об очень трудолюбивом, прилежном человеке.оборот известен многим европейским языкам, в которых пчела издавна является олицетворением трудолюбия. В русском языке зафиксирован уже в XIII веке [4, с. 583].

Подводя итоги проведенного исследования, заметим, что как в украинском, так и в русском языках наблюдается широкое использование устойчивых словосочетаний, в которых отражены моральные ценности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО: Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.

2 Багнюк, А. Л. Символы украинства: Художньо-інформаційний довідник / А. Л. Багнюк. – Тернопіль, 2008. – 826 с.

3 Байрамова, Л. К. Аксиологический фразеологический словарь. Слоты / Л. К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 92 с.

4 Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6 000 фразеологизмов / А. К. Бирих // СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под. ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 [2] с.

5 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. (Фундаментальные словари).

6 Галинська, О. М. Фразеологізми як знаки культурної інформації / О. М. Галинська // Проблеми зіствної семантики: зб. наук. статей. – Вип.10 / Відп. ред. Корольова А. В. – К.: Вид.центр КНЛУ, 2011. – Ч. 2. – С. 72–77.

7 Зыкова, И. В. Фразеологизмы как источник культурной информации о русском слове: от концептуальных метафор к стереотипным представлениям / И. В. Зыкова // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г.). – Вып. 22: Фразеология и языковая динамика: сб. научн. тр. / под. ред. проф. Мокиенко В. М. и доц. Савченко А. В. – Greifswald – Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Лема», 2011. – С. 94–101.

8 Кононенко, В. І. Мова в контексті культури. Монографія / В. І. Кононенко. – Київ-Івано-Франківськ: Плай, 2008. – 258 с.

9 Левченко, О. П. Символи у фразеологічних системах української та російської мов: лінгвокультурологічний аспект / О. П. Шевченко // Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук зі спеціальності 10.02.01 – українська мова, 10.02. 02 – російська мова. – Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України. – Київ, 2007. – 30 с.

10 Мізін, К. Людина в дзеркалі компаративної фразеології. Монографія / К. Мізін. – Кременчук: ПП Щербатих О. В., 2011. – 448 с.

11 Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., перераб. – СПб: Авалон, Азбука-классика, 2007. – 256 с.

12 Селіванова, О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. Селіванова // Монографія. – Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.

13 Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 2003. – 1104 с. – (Словники України).

УДК [81.161.3:81'373:398.9]:392.3:398.3

А. М. Воїнава, А. М. Палуян

АДЛЮСТРАВАННЕ СЯМЕЙНАЙ І КАЛЯНДАРНАЙ АБРАДНАСЦІ Ё БЕЛАРУСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ І ПАРЭМІЯХ

У артыкуле з пазіцый лінгвакультуралогіі даследуецца нацыянальна-культурная спецыфіка беларускіх фразеалагізмаў і парэмій, інтэрпрэтацыя дэнаматыўных і вобразна матываваных аспектаў моўных знакаў у катэгорыях культуры. Разгледжаныя фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі звязаны з сямейнай і каляндарнай абраднасцю і маюць этналінгвістычную каштоўнасць, паколькі утрымліваюць факты і сімвалы традыцыйнай беларускай культуры, выконваюць функцыю нацыянальна маркіраваных адзінак мовы.

Комплекснае вывучэнне духоўнай спадчыны беларусаў, якое аб'ядноўвае этнаграфію, фальклор і мовазнаўства, з'яўляецца адным з самых актуальных і перспектыўных напрамкаў сучасных навуковых даследаванняў. Этналінгвістычныя даследаванні разглядаюць мову праз прызму традыцыйнай народнай духоўнай культуры. У аснову ўказанага падыходу пакладзена формула “мова + культура”. Уласцівасць мовы адлюстроўваць адметнасць культуры яе носьбітаў абумоўлена кумулятыўнай функцыяй, якая заключаецца ў назапашванні і захаванні традыцый, гістарычных здабыткаў, нацыянальнай свядомасці народа. Мову ё яе кумулятыўнай функцыі даследчыкі разглядаюць як механізм, што спрыяе кадзіраванню і трансляцыі культуры.

У кантэксце ўзаемазвязанага вывучэння мовы і культуры беларускага народа аб'ектам увагі становяцца культурна афарбаваныя моўныя адзінкі – фразеалагізмы, прыказкі, прымаўкі, якія з'яўляюцца прадуктам кумулятыўнай функцыі мовы і тым ці іншым элементам сваёй семантыкі або структуры адлюстроўваюць сувязь мовы і культуры, у якой дастаткова дакладна адлюстраваны дыялектныя рысы і многія асаблівасці беларускай гаворкі, Этналінгвістычны падыход да аналізу названых адзінак цесна змыкаецца і арганічна пераплятаецца з даследаваннем нацыянальна-культурнай спецыфікі ўстойлівых моўных адзінак з пазіцый лінгвакультуралогіі. У некаторых адзінках гэта інфармацыя для сучаснага носьбіта мовы з'яўляецца імпліцытнай, прыхаванай і можа быць атрымана толькі апасродкавана, але яна ёсць і працуе на ўзроўні падсвядомасці.

Беларускія фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі адлюстроўваюць нацыянальную культуру як цэласныя моўныя знакі або праз адзінкі свайго лексіка-семантычнага складу – назвы рэалій матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў, жывёльнага і расліннага свету, імёны людзей і геаграфічныя назвы, што згадваюцца ў выразях. Даволі шырока прадстаўлена ў беларускіх парэміях і традыцыйная сямейная і каляндарная абраднасць.

У складзе сямейна-абрадавай лексікі вызначана лексіка вясельнай, радзінна-хрэсьбіннай і пахавальнай абраднасці. У кожнай з названых тэматычных груп сустракаюцца ўстойлівыя выразы, прыказкі і прымаўкі. Так, з вясельным абрадам звязаны наступныя фразеалагізмы:

атрымліваць (атрымаць) гарбуз (-а) ‘абнеслаўляцца пры сватаўстве, не дабіўшыся згоды на шлюб’. Узнікненне выразу звязана з распаўсюджаным на Украіне і ў паўднёвых раёнах Беларусі звычай даваць маладому або свату гарбуз як знак нязгоды, калі дзяўчына ці яе бацькі непрыхільна ставіліся да сватання [2, с. 23];

хоць у пятніцу ‘ў любы момант, у самы блізкі час’. Першапачатковае значэнне – ‘хоць у той дзень, калі не дазвалялася спраўляць вяселле’. Вясельным днём была нядзеля. Пятніца з часоў паганства лічылася нерабочым днём. Гэта традыцыя захоўвалася на Беларусі доўгі час. Яшчэ ў канцы XIX стагоддзя ў пятніцу нельга было шыць, купаць дзяцей, мыць бялізну; калі ў Велікарусі засталіся ў народнай памяці і ў пашане толькі тры пятніцы..., у Беларусі небяспечныя і страшныя ўсе пяцьдзсят дзве. ‘Хто ў пятніцу спявае, той ў нядзелю адплача» – народная прымета і перасцярога, занатаваная М. Федароўскім» [1, с. 145];

казала качарга гуляць да чацвярга: даўней на Беларусі вяселле гулялі ад суботы да серады. У тым выпадку, калі госці загуляюцца, гасцінныя гаспадары працягвалі яго да чацвярга. А калі і гэтага дня было мала, гаспадар, узяўшы ў рукі качаргу, жартуючы прыгаворваў: казалася качарга гуляць да чацвярга [3, с. 107].

З абрадам пахавальнай абраднасці на тэрыторыі Беларусі звязаны наступныя ўстойлівыя адзінкі:

як на дзяды ўжываецца са значэннямі: 1) выдатна, уволю наесціся, 2) вельмі многа (пра яду). Дзяды – старадаўняе памінанне нябожчыкаў, а таксама дзень, калі адбываўся гэты абрад. Дзяды спраўлялі ў пэўныя дні тры-чатыры разы на год. На рытуальную вячэру гатавалі сем-дзесяць страў (куцця, бліны, клецкі, яечня, мяса і інш.). пасля малення гаспадар выходзіў з хаты і заклікаў на вячэру “дзядоў”-нябожчыкаў. Сям’я ела з перапынкамі, кладучы час ад часу лыжкі на стол, каб імі сімвалічна маглі пакарыстацца “дзяды”. На іх долю яшчэ адлівалі і адкладвалі ад кожнай стравы ў асобны посуд. Пасля вячэры не прыбіралі са стала, а пакідалі нібыта для нябожчыкаў. [1, с. 157];

каб яды было як на дзяды, а работы, як у нядзелю ‘жартоўнае высмейванне гультайства. Адрасуецца чалавеку, які не любіць працаваць, але хоча смачна есці’ [3, с. 106–107];

дуба даць ‘памерці’. Узнікненне выразу звязана з даўнім славянскім пахавальным абрадам. Існавала павер’е, што прыстанкам душы пасля смерці чалавека становіцца дрэва. Пры пахаванні перавагу аддавалі дубу. Дно ямы выкладвалася дубовым лісцем, помнікі на магілу рабілі з дубу. На Заходнім Палессі і суседняй з ім Паўночнай Валыншчыне сустракаюцца дубовыя помнікі нахштальт лодкі [1, с. 46];

забіць асінавы кол у магілу ‘канчаткова пазбавіцца каго-небудзь, чаго-небудзь’. Звязаны з даўнейшым прымхлівым звычай забіваць асінавы кол у магілу ведзьмака, каб той не змог выходзіць з магілы і шкодзіць людзям [1, с. 48–49];

костачкі перамываць (перабіраць) ‘абгаворваць, бэсціць кагосьці’. Звязаны са старажытнаславянскім абрадам паўторнага пахавання. Звычайна праз тры гады пасля перашага пахавання магіла раскопвалася: трэба было праверыць, ці не быў нябожчык пры жыцці звязаны з ведзьмакамі, пярэваратнямі, і, калі гэта так, зняць з яго закліцце і ачысціць ад грахоў. Перад тым як зноў закапаць нябожчыка, яго родзічы і сваякі перабіралі косці, перамывалі іх вадой або віном. Пры перамыванні костчак не абыходзіліся без ацэнкі нябожчыка, яго характару, паводзін [1, с. 72; 110];

на ладан дыхаць ‘быць блізкім да смерці’. Паводле хрысціянскага звычаю, чалавека, якому заставалася нядоўга жыць, свяшчэннік спавядаў, прычашчаў і кадзіў ладанам [1, с. 88].

З сямейнай радзінна-хрэсьбінай абраднасцю звязаны такія фразеалагізмы, як *заварыць кашу* ‘распацаць складаную, клопатную, непрыемную справу’. Каша – абавязковая страва на святочным абедзе з выпадку хрэсьбіна ці вяселля, а таксама на

памінальным стане. [1, с. 49–50]; *адным мірам мазаны* ‘аднолькавыя, адзін аднаго вартыя’. Міра – духмяны алей для хрысціянскага абраду памазання [1, с. 20]; *у гарачай вадзе купаны* ‘гарачы, запальчывы’. Звязана з царкоўным абрадам хрышчэння, калі малаго апускалі ў спецыяльную пасудзіну з вадой (купель) [1, с. 135].

У складзе каляндарна-абрадавай лексікі выразна вызначаюцца каляндарна-абрадавыя назвы зімовага, веснавага, летняга і восеньскага цыклаў. Так, з народным зімовым святам Каляды звязаны выраз *збор каляда* ‘група людзей ці прадметаў, неаднародных па якіх-небудзь прыметах, якасцях’ (першапачаткова пра розныя падарункі, сабраныя ў выніку калядавання).

Згадваюцца Каляды і ў прыказцы *дарагое яечка да Вялікадня, не да Каляды*. Маецца на ўвазе, што любая справа, дапамога неабходна своечасова. Асноўны сэнс тут звязаны з веснавым святам у гонар сонца і абуджэння прыроды. Адзначалі яго вельмі ўрачыста, гатавалі многа страў, сярод якіх было абавязковае фарбаванне яец.

Варвара ноч уварвала – у гэтай прыказцы народ адзначыў, што пасля гэтага свята пачынае прыбываць дзень.

Са старажытным перадвеснавым святам Масленіцай звязаны ўстойлівы выраз *не ўсё кату масленіца*. Ён ужываецца, калі “адбываюцца змены ў становішчы чалавека, калі прыёмнае жыццё, выгоды, прывілеі мінаюцца або калі трэба несці пакаранне за зробленае злачынства” [3, с. 171]. Масленіцу святкавалі некалькі дзён, на вячэру гатавалі стравы, сярод якіх важную ролю адыгрывалі сыр, масла, тварог з малаком – усё тое, што любіць кот. Адсюль і метафарычнае перанясенне на чалавека прыёмнага жыцця.

Згадваецца каляндарна-абрадавае свята веснавага цыклу Мікола ў прыказцы *“Да Міколы няма добра ніколі”*. Лічылася, што да Міколы няма добрага надвор’я, а пасля Міколы будзе ўжо цёпла – лета (г. Ветка). З няўстойлівасцю веснавага надвор’я звязана прымаўка *“Міколі не вер ніколі”*. [4, с. 292].

Чакай Пятра – сыру з’ясі ‘гаворыцца, калі ёсць сумненне, што намер або спадзяванне збудуцца, або калі загадзя вядома, што яны не збудуцца’. [3, с. 258]. Пятро – старажытнае земляробчае свята, своеасаблівы працяг Купалля. Пятру папярэднічаў пост – Пятроўка: *Пятроўка – самая галадоўка*.

Зафіксаваны і прыказкі, звязаныя са святам восеньскага цыклу – Пакровамі. Да Пакроваў звычайна завяршаліся ўсе сельскагаспадарчыя работы, уцяпляліся жыццё і гаспадарчыя пабудовы. “Пасля Пакроваў у сялянскім жыцці зачынаўся новы цыкл работ – нарыхтоўка паліва, перавод жывёлы на стойлавае ўтрыманне: *На Пакровы дай сена карове*”, *“Прыйшлі Пакровы, пытаюць, ці да зімы гатовы”*, *Прыйшлі Пакровы – заганяй у хлеў каровы* [5, с. 377].

Згадваецца назва свята веснавага цыклу і ў прыказцы *Вось табе (бабка) і Юр’еў дзень!* ‘wokлiч здзіўлення, расчаравання ў сувязі з нездзяйсненнем якой-небудзь надзеі’. [2, с. 39–40]. Вядома, што на Юр’я чакалася вызваленне прыгонных сялян, аднак доўчаканай свабоды яны не атрымалі.

Народныя звычаі і прыкметы адлюстраваны ў фразеалагізмах *рукой пайсці* ‘добра весціся, гадавацца (пра жывёлу, птушку, пчол)’. Існавала павер’е пра добрую, “лёгкую” руку: купленае з такой рукі будзе добра пладзіцца, весціся. Нельга было перадаваць што-небудзь жывое новаму гападару голымі рукамі: не будзе пладзіцца. У такім разе “б’юць па руках” і перадаюць купленае “касматай рукой”, г. зн. захінуўшы руку крысом адзення (А. Багдановіч “Перажыткі старажытнага светасузірэння беларусаў”) [1, с. 122].

Адстаўной казы барабаншчык ‘чалавек, з якім не лічацца, які займае невысокае становішча’. У аснове фразеалагізма, на думку А. Я. Лепшава, ляжыць даўні звычай: у кірмашовыя дні выводзілі напаказ “вучонага мядзведзя”, а таксама прыбранага “пад казу” хлопчыка-танцора. Іх суправаджаў барабаншчык, звычайна адстаўны салдат, які барабанным боем заклікаў глядачоў і прыцягваў іх увагу да асноўных акцёраў – “мядзведзя” і “казы”. Роля барабаншчыка была самая сціплая [2, с. 20].

Такім чынам, пры лінгвакультурным падыходзе да аналізу фразеалагічных рэсурсаў мовы ўстанаўліваецца найперш сувязь іх асацыятыўна-вобразнай асновы з культурна-нацыянальнымі эталонамі, сімваламі і стэрэатыпамі. [6, с. 39]. Зафіксаваныя фразеалагізмы маюць этналінгвістычную каштоўнасць, паколькі яны ўтрымліваюць у сабе факты і сімвалы традыцыйнай беларускай культуры; выконваюць функцыю нацыянальна маркіраваных адзінак мовы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў – Мн.: Нар. асвета, 1981. – 160 с.
- 2 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў: у 2 ч. Ч. 2. / І. Я. Лепешаў – Мн.: Нар. асвета, 1993. – 200 с.
- 3 Шкраба, І. Крынічнае слова: Беларускія прыказкі і прымаўкі / І. Шкраба, Р. Шкраба – Мн.: Маст. літ., 1987. – 286 с.
- 4 Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч. – Мн., 2004. – 672 с.
- 5 Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя / гал. рэдактар І. П. Шамякін – Мн.: БелСЭ, 1989.
- 6 Садоўская, А. Л. Лінгвакультурны падыход да аналізу фразеалагічных рэсурсаў мовы / А. Л. Садоўская // Роднае слова, 2008. – № 8. – С. 35–39.

УДК 81.161.1:81.111:[398.9:808.5(094.4)]

М. С. Гутовская

РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ СПОРА

Статья посвящена рассмотрению русских и английских фразеологизмов, связанных с формами взаимодействия в споре. Сопоставляются способы взаимодействия в споре, отразившиеся в русской и английской фразеологии, и различные детали, неизбежно сопутствующие спору.

Споры являются неотъемлемой частью многих сфер человеческой жизнедеятельности, поэтому людям крайне важно уметь вести споры. Большинство людей не обучаются искусству спора специально. Их базовые представления о споре формируются в том числе в процессе естественного овладения языком, кумулирующим и транслирующим из поколения в поколение накопленный языковым коллективом опыт. С этой точки зрения интересным представляется изучение знаний о споре, закрепленных в языке в целом и в его фразеологическом фонде в частности. В работе рассматриваются русские и английские фразеологизмы, связанные с формами взаимодействия в споре (часть фразеосемантического поля ‘Спор’). Фразеосемантическая группа ‘Форма взаимодействия в споре’ изучается с целью установить, какие составляющие способов взаимодействия в споре «отмечаются» русской и английской фразеологией (выделяются и фиксируются фразеологическими средствами) и как оцениваются русскоязычным и англоязычным сознанием, и на основе полученных данных эксплицировать русский и английский «фразеологические кодексы спора» – своды закрепленных во фразеологии двух языков правил ведения спора – и сопоставить их. Русские и английские фразеологизмы семантической группы ‘Форма взаимодействия в споре’ были отобраны путем сплошной выборки из [1] и [2] соответственно; при отборе фразеологического материала также привлекались [3, 4, 5, 6]. Общий объем выборки составил 105 фразеологических единиц (40 русских и 65 английских).

Фразеологизмы анализируемой фразеосемантической группы характеризуют личные качества участников спора, проявляемые в манере ведения спора и в их отношении к сторонникам и противникам, а также тактики ведения спора.

Среди проявляющихся в ситуации спора качеств русская и английская фразеология отмечают доброжелательное / враждебное отношение к оппоненту (*протянуть оливковую ветвь*, *win on points* 'to win a useful advantage in an argument without crushing one's opponent' [4, с. 302]; *метнуть в самое сердце*, *go for the jugular* 'if you go for the jugular when you are arguing with smb, you attack them in a way that you know will harm them most' [2, с. 184]), уважительное / неуважительное отношение к высказываемому оппонентом мнению (в английской фразеологии представлены ФЕ, реализующие как идею объективности, непредубежденного отношения к иной точке зрения (*keep an open mind* 'to be willing to listen to other people's opinions and change your ideas if you agree' [2, с. 230]), так и идею закостенелости, невосприимчивости к другому мнению (*have a closed mind* 'to be unwilling to listen to other people's opinions and change your ideas or opinions on a particular subject' [2, с. 230])); в русской фразеологии имеются лишь ФЕ со значением «непробиваемости», неспособности внять доводам оппонента (*Фома неверный, пушкой не пробьешь* в значении 'об упрямом человеке, трудно поддающемся убеждению, доказательствам' [1, с. 231]), сохранение / ослабление бдительности в споре (*держат ухо остро*, *be on one's guard* 'to be cautious, attentive, vigilant (in order to avoid danger or trouble, protect one's interests etc)' [5, с. 742]); *быть застигнутым врасплох*, *lower one's guard* 'to stop being careful about what you say or do, or stop paying attention to what is happening, so that you may be tricked or get into danger' [2, с. 145]), сплоченность / разобщенность представителей одного лагеря (*сомкнуть ряды*, *go to the mat (for smb)* 'to do everything you can to win an argument, solve a problem etc, often in order to help smb who is not as powerful as you' [2, с. 225]; *нарушить ряды*, *throw smb to the lions* 'to allow smb to be attacked in an argument or blamed for sth without helping or protecting them' [2, с. 215]), наличие / отсутствие готовности к компромиссу (*пойти на компромисс*, *meet smb halfway* 'to accept some of smb's opinions, in order to reach an agreement or to have a better relationship with them' [2, с. 149]; *каши / пива не сварюшь (с кем)* в значении 'не сговоришься с кем-л.' [1, с. 251], *get nowhere with smb* (disapprove) 'you will not be able to reach an agreement, accomplish anything etc with smb' [5, с. 287]).

Английская и русская фразеология выделяют и такие негативно оцениваемые качества, как некомпетентность в обсуждаемых вопросах (*молоть вздор*, *talk through one's hat* 'used in order to say that smb talks as if they know sth when they do not' [2, с. 157]), отсутствие твердой позиции в споре (*занять другую песню*, *change one's tune* 'used in order to say that smb is expressing a very different opinion from the one they were expressing before, especially when you are surprised or annoyed by this' [2, с. 363]) и упорствование в собственных заблуждениях, неумение признать ошибочность собственного мнения (*вбить себе в голову (что)* в значении 'укрепиться в каком-л. убеждении, упрямо отстаивая его' [1, с. 52], *dig one's heels in* 'to refuse to change your opinions or plans, even though other people want you to' [2, с. 166]).

Касательно тактических приемов спора русская и английская фразеология единогласно предписывают использовать в споре приемы, пропорциональные приемам соперника: *платить той же монетой*, *fight fire with fire* 'to use the same methods as your opponent in an argument, fight, or competition' [2, с. 121]. Выделяется также ряд конкретных разрешенных (честных) и запрещенных (нечестных) приемов спора. К разрешенным приемам спора русская и английская фразеология относят захват инициативы (позволяет возложить бремя доказывания на оппонента: *занять наступательную позицию*, *throw smb on the defensive* 'to seize the initiative from one's opponent and turn from defence to attack' [4, с. 240]), стратегию неожиданности (оставленный про запас сильный аргумент может оказаться решающим в споре: *иметь в запасе (аргумент)*, *keep sth*

up one's sleeve 'to have a secret argument, plan or advantage that you can use to be successful in a situation if other plans fail' [2, с. 314]) и прием последнего слова (взяв последнее слово в конце дискуссии, можно представить ее итоги в выгодном для себя свете, даже если они оказались плачевными: *последнее слово сказать, have the last word* 'to be the person who makes the final point in a discussion or agreement, especially when this makes you feel you have won' [2, с. 390]). Нечестным считается использование в споре таких уловок, как отклонение от главной темы спора (*отвлекающий маневр, draw a red herring across the path* 'to introduce a new idea that you think is not important or necessary, and that have been mentioned deliberately to take people's attention away from the subject they should be considering' [2, с. 169]), двойная игра (*действовать на два лагеря, run with the hare and hunt with the hounds* 'used when you disapprove because smb is trying to support both sides in an argument or quarrel' [2, с. 156]) и попытки накалить атмосферу спора (*подлить масла в огонь, stir up a hornet's nest* 'to cause a lot of trouble by making a bad situation worse, especially a situation in which people strongly disagree with each other' [2, с. 243]).

Круг явлений спора, «замеченных» английской фразеологией, несколько шире представленного в русской фразеологии. Среди проявляемых в споре личностных качеств английская фразеология отмечает также нравственные качества коммуникантов: противопоставление по признаку 'высокая / низкая нравственность' реализуется такими английскими фразеологизмами, как *claim the moral high ground* 'to feel confident because you think your opinion is morally better than other people's opinions' [2, с. 145] и *take the low road* 'to say or do what is morally wrong, especially in a situation in which other people are not doing this' [2, с. 286]. Английский список отрицательно оцениваемых явлений дополняют несерьезные, показательные споры: *handbags at ten paces* 'a humorous expression used about a theatrical argument or fight in which neither side is very effective' [2, с. 153]. В английском перечне запрещенных приемов спора присутствуют также уклонение от обсуждения вопроса (*kick sth into touch* 'to avoid considering or dealing with an idea or suggestion' [2, с. 358]) и затягивание спора (*leave sth hanging in midair* 'if a question is left hanging in the air, it is not answered' [4, с. 152]).

Отметим, что среди русских и английских фразеологизмов ряда фразеосемантических подгрупп количественно преобладают фразеологические единицы, называющие отрицательные признаки, качества, состояния или действия (например, признак 'дружелюбие, доброжелательность' репрезентирован одним русским и тремя английскими фразеологизмами, а признак 'враждебность, недоброжелательность' – соответственно десятью и тринадцатью фразеологизмами), что подтверждает сформулированное в лингвистике положение о пейоративности фразеологии [7, с. 224].

Таким образом, совокупности правил ведения спора, зафиксированных во фразеологических составах сопоставляемых языков, в целом совпадают. Путем генерализации семантики соотносимых русских и английских фразеологизмов можно выделить следующую общую часть фразеологических кодексов спора двух языков. Вступать в спор следует лишь в том случае, если обладаешь достаточными знаниями о предмете спора. В споре необходимо иметь твердую позицию и быть готовым ее защищать, а в случае выступления в споре командами – и объединять усилия сторонников для защиты. Противника в споре следует уважать, быть внимательным к его рассуждениям и стремиться понять его доводы. Если аргументы оппонента окажутся убедительными, нужно уметь признать свою ошибку в споре. Участники спора должны сохранять выдержку и самообладание и демонстрировать доброжелательность и готовность пойти на компромисс. Не следует в споре прибегать к уловкам, но важно быть внимательным, чтобы суметь распознавать нечестные приемы у оппонентов.

Однако английской фразеологией ситуация спора «разработана» несколько более детально: отмечаются моральные качества оппонентов, осуждаются театральные споры

как несогласующиеся с основной целью спора – снятием разногласий, фокусируется внимание на возможных попытках затянуть спор или избежать обсуждения отдельных вопросов. Английские фразеологизмы, реализующие соответствующие значения, не имеют семантических аналогов в русской фразеологии и переводятся на русский язык описательно. Семантическая безэквивалентность в данном случае обусловлена причинами когнитивного порядка – связана со спецификой отражения ситуации спора в английской и русской фразеологии, своеобразием вычленения и фиксации в английских и русских фразеологизмах отдельных составляющих спора (подробнее о когнитивной обусловленности межъязыковой фразеологической безэквивалентности, противопоставляемой обусловленности культурной, говорится в [8]).

Указанные несовпадения в наборах значений, передаваемых фразеологизмами семантической группы ‘Форма взаимодействия в споре’ русского и английского языков, а также различие в широте фразеологической представленности данной семантической группы в контрастируемых языках (40 русских фразеологизмов против 65 английских) свидетельствуют о том, что способы взаимодействия в споре «рассматриваются» английской фразеологией более пристально, а значит и являются более значимыми для англоязычного социума. Большое внимание английской фразеологии к форме взаимодействия в споре может быть объяснено несколько большей ориентированностью англоговорящего сообщества на результативность спора. Обиходные споры, как известно, представляют собой не столько столкновение идей, сколько столкновение личностей, и форма взаимодействия между коммуникантами, зависящая от того, какие личностные качества (положительные или отрицательные) они проявляют в споре и какие приемы спора (честные или нечестные) используют, является решающим фактором, определяющим продуктивность обиходного спора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.) [и др.]. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008.
- 2 Longman Idioms Dictionary. – Harlow: Pearson Education Limited, 1998.
- 3 Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995.
- 4 Penguin Dictionary of English Idioms / prepared by D. M. Gulland, D. Hinds-Howell. – London: Penguin Books Limited, 2002.
- 5 Лубенская, С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь / С. И. Лубенская. – 2-е рус. изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004.
- 6 Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. – 2-е изд., стер. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
- 7 Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989.
- 8 Гутовская, М. С. К вопросу о национальном во фразеологии / М. С. Гутовская // Фразеология и языковая динамика: сборник научных трудов, посвященных 55-летию профессора ХАРРИ ВАЛЬТЕРА, почетного доктора Санкт-Петербургского университета / СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald: Philosophische Fakultät, Institut für Fremdsprachliche Philologien; под ред. проф. Мокиенко В. М., доц. Савченко А. В.; ISBN 978-3-86006-367-5. – Greifswald, 2011. – С. 102–106.

Е. И. Даниленко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)

*В статье определяется, как в сознании русского народа представлено понятие о языке и речи, какие значения слова **язык** реализуются в поговорках о языке и речи, каким образом оценивается в пословицах роль языка. Обращается внимание на противоречивость представлений о даре речи в русских пословицах.*

Пословицы и поговорки являются важным источником информации о картине мира какого-либо этноса, они отражают взгляды людей на важнейшие события и предметы в их жизни. В данной статье мы определим, как в сознании русского народа представлено понятие о языке и речи. В качестве объекта исследования нами использованы пословицы и поговорки, размещённые в книге В. И. Даля «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» (в разделе «Язык – речь») [1].

В устойчивых выражениях, приведённых в вышеуказанном источнике, реализуются, прежде всего, следующие значения слова *язык*:

– ‘подвижный мышечный орган в полости рта, который участвует в производстве звуков’ (*Язык лепечет, а голова не ведает; Язык телу якорь*);

– ‘способность говорить, выражать словесно свои мысли; речь, процесс говорения, разговор’ (*На язык пошлыны нет; Лезет с языком, что с пирогом*).

Язык, по представлениям русского народа, обладает значительной силой, он способен управлять деятельностью человека, влиять на всю его жизнь: *Мал язык – горами качает; Язык царствами ворочает; Язык мал, великим человеком ворочает*. В данном контексте язык уподобляется механизму (части механизма), что может сообщаться даже явно: *Языком, что рычагом*.

В пословицах и поговорках роль языка оценивается неоднозначно. С одной стороны, он помогает человеку выжить, с другой – доставляет массу неприятностей: *Язык поит и кормит, и спину порет; Язык хлебом кормит и дело портит; Языце, супостате, губителю мой! Язык голову кормит; Свой язычок первый супостат; Достается сычке от своего язычка* и т. д. Мудрые изречения высмеивают такие человеческие недостатки, как болтливость, пустословие, необдуманное говорение: *Ешь капусту, да не мели попусту! Ешь калачи, да поменьше лепечи! Мелет день до вечера, а послушать нечего; Про одни дрожжи не говорят трожди; Много баить не подобает* и т. д. Говорение часто рассматривается как процесс, противоположный делу, болтливость и трудоспособность, согласно данным пословиц, находятся в отношении обратной пропорциональности. Это можно проиллюстрировать на примере следующих народных высказываний: *Кто языком итурмует, не много навоюет; Хороший рассказчик – плохой приказчик; Кто много говорит, тот мало делает; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит* и т. д. Кроме того, в пословицах высмеивается неумение выслушать собеседника, говорение в момент речи другого участника коммуникации: *Один говорит – красно, двое говорят – пестро; Петь хорошо вместе, а говорить порознь*. Часто язык изображается как источник греха: *Больше говорить – больше согрешить; Меньше говорить – меньше греха; И глух, и нем – греха не вем; Язык блудлив, что коза (что кошка)*. Чрезмерная разговорчивость может свидетельствовать о том, что человек глуп или ленив. А вот умение промолчать в нужную минуту, выслушать собеседника и обдумать его слова (советы), склонность к размышлению получили высокую оценку русского народа (*Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает*;

Кто молчит, тот двух научит). Соответственно, пословицы и поговорки советуют: *Поменьше говори, побольше услышишь; Слушай больше, а говори меньше; Меньше бы говорил, да больше бы слушал* и т. д. Умение слушать других и делать из сказанного нужные выводы свидетельствует об уме. В то же время, способность найти нужные слова, сказать что-либо соответствующее ситуации является показателем находчивости: *Умей вовремя сказать, вовремя смолчать*. В некоторых пословицах и поговорках подчёркивается важная роль языка как средства общения, передачи информации: *Без языка и колокол нем; Не стать говорить, так и бог не услышит; Дитя не заплачет – мать не знает* и т. д.

Большое количество народных изречений характеризует индивидуальные особенности произношения людей, манеру говорения: *Он говорит в прикуску (т. е. чопорно, осторожно); Слово за словом на тараканьих ножках ползет (лепится); Слово вымолвит, ровно жвачку пережеует; Говорит, как клещами на лошадь хомут тащит; Говорит, что родит; У него слово слову костыль подает; Суконный язык (т. е. шепелявый, картавый)* и т. д. Значительную часть подобных пословиц и поговорок составляют устойчивые выражения, в основе которых лежит сравнение человеческого языка с «языком» птиц: *Бормочет, что глухарь; Лепечет (сокочет), как сорока; Тарантит, как сойка (как варакушка); Пищит, как цыпленок; Кричит (зевает), как вышь; Пташкой щебечет* и др.

Согласно данным пословиц и поговорок, язык (произношение) может представлять определённую трудность, быть сложным: *Этого сразу не выговоришь; Натощак не выговоришь; Этого, не свихнув языка, не выговоришь*. Действия, которые может выполнять язык (слово), весьма многообразны: *Язык с богом беседует; Язык языку ответ даёт, а голова смекает; Язык до Киева (до кия) доведет; Язык лепечет, а голова не ведаёт; Бритва скребет, а слово режет; У него язык чешется; Язык везде достанет; Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Языком кружева плетет; И шьёт и порёт, и лоцит и плющит (языком); И клочит и валяет, и гладит и катает (языком)* и т. д. Действия, осуществляемые над языком (словом), также отличаются значительным разнообразием: *Никто за язык не тянет; Смочи язычок! Накорми язык; Прикуси язык; Слово выпустишь, так и крюком (валом) не втащишь; Короток язык, так вытянут, а длинен, так окоротают* и др. Пословицы и поговорки, определяющие роль слова в жизни человека, характеризующие язык, включают существительные и прилагательные с соответствующими значениями.

1. Существительные: *Язык телу якорь; Язык – стяг: дружину водит; Бабий язык – чертово помело; Язычок – балаболка; У него язык, как бритва; Язык – жернов: мелеет, что на него ни попало; Свой язычок первый супостат; Язык мой – враг мой* и др.

2. Прилагательные: *Мал язык, да всем телом владеет; Мужик ражий, да язык-то вражий; Сболтнул бы коток, да язык короток; Язык змеиный* и др.

Как видим, пословицы и поговорки о языке весьма многочисленны и разнообразны, что свидетельствует об особой значимости проанализированного нами понятия. Русский народ издавна воспринимал возможность говорить как дар, однако видел отрицательные стороны такой способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Даль, В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в 2 т. / В. И. Даль. – СПб.: Литера: ВИАН, 1997. – Т. 1. – С. 335–344.

М. А. Даніловіч

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТЫКА ТАПОНІМАЎ У СКЛАДЗЕ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Артыкул прысвечаны вызначэнню этнакультурнай семантыкі тапонімаў – кампанентаў фразеалагічных адзінак, занатаваных аўтарам у гаворках Гродзеншчыны. Вызначаецца захаванне ў кампанентах-тапонімах уяўленняў аб жыхарах пэўных населеных пунктаў, а таксама аб розных гістарычных надзеях, звязаных з гарадамі і вёскамі; прыводзяцца прыклады рэалізацыі тапонімамі ў складзе фразеалагізмаў эмацыянальна-экспрэсіўнага патэнцыялу.

Акрамя свайго асноўнага прызначэння – называння, ідэнтыфікацыі канкрэтнага геаграфічнага аб'екта ў маўленні, тапонімы могуць выкарыстоўвацца для ўтварэння фразеалагічных адзінак і фальклорных твораў. У беларускіх гаворках налічваецца шмат фразеалагізмаў, прыказак, выслоўяў, малых формаў фальклору, у якіх фігуруюць айконімы, гідронімы, мікратапонімы, Параўн. у забаўлянцы: “Гай-да-да! Гай-да-да! Паедзям да Скідлі па быдлі! Да Росі – па гусі! Да Ражанкі – па абаранкі! Да Індуры – па куры! Гай-да-да! Гай-да-да!” Такое выкарыстанне тапонімаў не з'яўляецца выпадковым, стыхійным. За кожным з іх замацавана пэўная сэнсавая нагрузка, тапонім з'яўляецца носбітам этнакультурнай інфармацыі, якая працуе на змест усяго твора.

Разгледзім найбольш тыповыя значэнні, “закадзіраваныя” ў тапонімах, што ўдзельнічаюць ва ўтварэнні вобразнай і сэнсавай структуры фразеалагізмаў ці іншых падобных адзінак. У якасці прыкладаў узяты матэрыялы, выпісаныя з беларускіх дыялектных слоўнікаў і зборнікаў, а таксама занатаваныя аўтарам непасрэдна з жывых гаворак пераважна на Гродзеншчыне.

У шэрагу фразеалагізмаў айконімы высвечваюць такое сваё значэнне, як ‘важнасць населенага пункта’. У этнатапанімічнай прасторы населены пункт усведамляецца як цэнтр геаграфічнага, адміністрацыйна-дзяржаўнага, гаспадарчага, палітычнага аб'яднання. Такое значэнне часцей выяўляюць назвы сталічных гарадоў, якія выконваюць ці выконвалі выключную ролю ў жыцці соцыума. Гісторыя беларускага народа засведчыла пяць сталічных гарадоў (Вільня, Кракаў, Варшава, Масква, Мінск), назвы якіх знайшлі адлюстраванне ў фразеалагізмах і прыказках, створаных у розныя эпохі: *Рабі пільня, то і тут табе будзе Вільня; Круці жорны пільна, будзе табе і Вільня; Як у Вільні, так і тут: сорок фунтаў – гэта пуд; У Вільні, як і здзесь, як пасееш, так і з'еш; Хоць да Кракава, усюды аднакава; Пайшла слава аж да Аршавы; Хоць у Маскву на выстаўку; Пра яго і ў Маскве ў лапаць звоняць; Масква слязам не верыць.*

Пра ўсведамленне важнасці сталічных гарадоў сведчыць тое, што толькі іх найменні выкарыстоўваюцца ў выразах наступнай структурна-семантычнай мадэлі: *не адразу Вільня будавалася, не за дзень Вільня станавілася, не адразу Кракаў пабудавалі, не разам Краков будован, Масква не зразу будавалася, не за год Масква пастаўлена.* Назвы гарадоў ніжэйшага рангу не праніклі, вобразна кажучы, не былі “дапушчаны” ў межы гэтай мадэлі.

Другую групу складаюць фразеалагізмы, тапанімічны кампанент якіх рэалізуе прасторавую семантыку. Так, значэнне ‘населены пункт, які знаходзіцца вельмі далёка’, выражаюць тыя самыя макратапонімы – назвы сталічных гарадоў: *аж Вільно ўбачыць, аж Вільня відаць, Маскву відно, Маскву ўбачыць, Маскву можна ўбачыць, аж Варшаву відно* (пра непрыемна кіслую, горкую ці вострую страву); *за капейку вош*

(блыху) у Маскву пагоніць, за грош у Маскву збегае, за капейку вош да Мінска пагоніць (пра скупага, сквапнага да грошай чалавека); да Масквы ракам не пераставіш (не пераставіць, не пераступіць) ‘вельмі многа каго-, чаго-н.’, як да Масквы ракам ‘далёка і доўга (ісці, ехаць і пад.)’; паказаць Маскву ‘падняць каго-н. (звычайна дзіця) уверх, узяўшы за галаву далонямі да вушэй’; (на нажы) у Вільню можна заехаць ‘тупы, ненавостраны (нож)’.

Прасторавая значэнне можа дэталізавацца і ў такой лагічнай фармулёўцы – “размяшчэнне населеных пунктаў у адносінах адзін да аднаго”. У вобразнай структуры фразеалагізма фігуруюць тры геаграфічныя пункты: першы – зыходны, з якога трэба выйсці, выехаць (ён не называецца), другі – да якога трэба дайсці, даехаць, трэці – праз які ажыццяўляецца рух (ён знаходзіцца далёка ўбаку ад траекторыі паміж пешым і трэцім пунктамі). Фразеалагізмы з такой вобразнай асновай выяўляюць іранічнае значэнне ‘(ісці, ехаць) кружным, неапраўдана далёкім шляхам’ і адрасуюцца таму, хто дабіраецца куды-н. не нацянькі, а іншай, намнога далейшай дарогай: у Вігушкі праз Дзярвенішкі, праз Наваградак у Бенявічы, на Крычаў праз Бярдзічаў.

Тыповай у вобразнай структуры фразеалагізмаў з’яўляецца семантыка тэрытарыяльнай блізкасці. Прасторавым арыенцірам выступае населены пункт, каля якога што-н. знаходзіцца. Такі вобразны элемент часцей сустракаецца ў фразеалагізмах, якія абазначаюць смерць, пахаванне чалавека: вынесці пад Шаляпкі, вынесці за Трышын – ‘пахавець каго-н.’ Геаграфічным пунктам адліку можа быць сядзіба ці іншы аб’ект на ўскраіне вёскі, названыя па імені гаспадара: вынесці за Бэкіша, вынесці за Бэлька, вынесці за Пуціса, панесці пад Харытона, пайсці да Чудзілоўскага, пайсці да Ярмачка, пайсці пад Мазалеўскага адрыну. Ва ўсіх гэтых фразеалагізмах аб’ект, які знаходзіцца ў непасрэднай блізкасці ад названай сядзібы, замоўчваецца, але адназначна падразумяваецца – гэта могілкі. Эўфемістычныя выразы выступаюць замяняльнікамі непрыемных лексічных адзінак, якія непасрэдна называюць смерць і пахаванне чалавека.

У трэцюю групу ўваходзяць фразеалагізмы з тапанімічным кампанентам, які сімвалізуе нейкую спецыфічную прымету, асаблівасць населенага пункта. Кожнае паселішча вылучаецца сваёй адметнасцю: прыродна-геаграфічным размяшчэннем, гістарычнымі падзеямі, вытворчымі заняткамі, промысламі, культурна-рэлігійнымі традыцыямі насельніцтва і інш. Уяўленне пра адметнасць можа замацавацца за тапонімам, і насельнікі пэўнага рэгіёну ўспрымаюць апошні як уласнае імя з канкрэтнай семантычнай даважкай. Падобныя тапанімічныя назвы актыўна выкарыстоўваюцца для ўтварэння фразеалагізмаў, захоўваючы дадаткова набытую семантыку. Так, высокай фразеаўтваральнай актыўнасцю характарызуецца тапонімы са значэннем ‘населены пункт, у якім знаходзіцца псіхіятрычная бальніца’. На базе іх узніклі наступныя фразеалагізмы, зафіксаваныя на Гродзеншчыне: з Баяраў, з Ёдзіч, з Жодзішак, з Монькаўцаў, ці з Монькаўцаў ці з Баяраў, з Навінак, ці дурны ці з Ёдзіч, з Бялавічаў уцёк, з Мэштавіч уцёк – ‘дурны, неразумны’.

Тапанімічныя кампаненты ілюструюць і розныя іншыя адметнасці населеных пунктаў. У фразеалагізме (стары) як Гродна ‘вельмі (стары хто-н.), вельмі (старое што-н.)’ кампанент Гродна асацыіруецца з паняццем ‘старажытнасць’, бо ён з’яўляецца назвай сапраўды старажытнага горада, першае пісьмовае ўзгаданне пра Гродна датуецца 1128 годам.

Фразеалагізм *шляхціч ашмянскі* ‘ганарлівец, франт, выхваляка’ данёс да нашага часу звесткі з мінулага: г. Ашмяны ведалі па тым, што там жылі ганарлівыя шляхцікі, якія, каб пахваліцца сваімі ўборамі, хадзілі з апушчанай калашынай на адной назе і з запраўленай у бот калашынай на другой назе.

За тапонімам можа быць замацавана інфармацыя пра гістарычныя падзеі, што адбываліся ў межах адпаведнага геаграфічнага аб’екта. Пра гэта, напрыклад,

красамоўна сведчаць агульнапашыраныя асацыятыўныя сувязі *Палтава* – “паражэнне шведаў у вайне”, *Ленінград* – “блакада”, *Асвенцым* – “канцлагер”, рака *Бяроза* – “паражэнне напалеонаўскай арміі”, якія захоўваюцца ў складзе ўстойлівых выразаў і нават падтрымліваюцца апошнімі: *як швед пад Палтавай*; *як з блакаднага Ленінграду* ‘вельмі галодны’; *як з Асвенцыма* ‘вельмі худы, слабы, страшны з выгляду’; *Біўся француз у Маскве, а замярзаў на Бярозе*; *Наша Бяроза чужых і генералаў тапіць можа*.

У народных гаворках шмат фразеалагізмаў, у якіх тапанімічны кампанент маркіраваны інфармацыяй пра падзею мясцовага характару, напрыклад: *заехаць як Анэта ў Дарахі, загнаць сучку да Мінкоў, (нарабіў) як воўк у Маркунях, як тому ў Доцішках, як у Скоржык на вяселлі, як Адэля ў Кузьмах*. “Счытваць” такую інфармацыю могуць насельнікі рэгіёну, дзе бытуе фразеалагізм, бо толькі ім вядомы акалічнасці падзеі, на падставе якой узнік фразеалагізм.

У гістарычным часе сэнсавае нападзенне тапанімічнага кампанента можа зацямяцца. Напрыклад, носьбіты сучасных гаворак Гродзеншчыны значэнні фразеалагізма *як у Адэльску* ‘вельмі добры, адмысловы (парадак, лад)’ і ‘вельмі добра, адмыслова (зроблена, рабіць, працаваць, рабіцца)’ усведамляюць выразна, а вось чаму ў фразеалагізме фігуруе *Адэльск*, а не іншая назва, растлумачыць не могуць. Каб разабрацца ў гэтым, неабходна правесці спецыяльнае этымалагічнае даследаванне. Дазволім сабе кароткі гістрычны каментар да вытокаў фразеалагізма. Адэльск сёння – вёска ў Гродзенскім раёне (253 дамы і каля 700 жыхароў). Назва паходзіць ад назвы рэчкі Одла. Упершыню згадваецца ў 1490 годзе. Паселішча заснавана як вялікакняжацкі двор, а пазней – гэта мястэчка на гандлёвым тракце Гродна – Крынкі – Нараў – Брэст. З цягам часу мястэчка развілося і стала ўзорным з сацыяльна-эканамічнага пункту гледжання горадам. У XIX ст. у Адэльску быў касцёл, 2 іўдзейскія малітоўныя школы, 6 яўрэйскіх корчмаў. Даходы горада перавышалі расходы [1, с. 30]. Усе гэтыя акалічнасці прынеслі Адэльску добрую славу, што адлюстравалася і ў фразеалагізме (*парадак, лад*) *як у Адэльску*. У друку выказвалася і такая версія, што матэрыял для фразеалагізма дала “безлясістая і пагоркавая вакольная мясцовасць” [2], але яна малапераканальная. Магчыма, узнікненне фразеалагізма матывуецца зладжанай сістэмай правядзення кірмашоў. У 1546 г. каралева Бона дала Адэльску прывілей на кірмашы і прыватнае вызваленне ад падаткаў. З таго часу кірмашы ў Адэльску праводзіліся рэгулярна, напрыклад, у першай палове XIX ст. – аж 6 разоў на год. Кірмашовая рэчаіснасць пасля спарадзіла і супрацьлеглую семантыку ў фразеалагізме. М. Федароўскі у канцы XIX ст. запісаў варыянты *лад як у Адэльску на кірмашы, чыста як на ярмарку Адэльскім* са значэннем ‘беспарадак’ [3, с. 4].

Чацвёртая група – фразеалагізмы і ўстойлівыя звароты, у якіх значэнне тапоніма заключаецца ў яго магчымасці выяўляць лінгвістычна-мастацкія функцыі. У такіх выпадках адпаведная тапоніму пазамоўная рэчаіснасць адыходзіць на задні план і як бы адбываецца выпрабаванне вартасці, здольнасці тапоніма да мастацкай гульні з іншымі словамі. У падобнай гульні тапонім заўсёды выглядае па-мастацку арыгінальным і заснаваны на ім твор вылучае значную эмацыянальна-экспрэсіўную энергію, напрыклад:

1. Фразеалагічна-тапанімічныя каламбуры: *у Крычаў паехаць* ‘раскрычацца’; (*крычыць*) *аж у Крычаве чуваць* ‘вельмі моцна’; *паехаць да Снова* ‘спаць’, *паехаць у Храпянёва* ‘спаць пахропваючы’; *у Сапуны пайсці* ‘спаць пасопваючы’; *на Карэлічы пайшлі* ‘брудныя, заношаныя, карэлыя (шкарпэткі, анучы)’.

2. Адказныя тапанімічныя формулы: *–Дзе? – У Новай Рудзе; – Куды? – Да Новай Руды*.

3. Тапанімічныя іранізмы: *Як паехаў да Міра, там кабыла папярла, як паехаў да Слоніма, улезла ў нос Саломіна; Астравец – свету канец; Бабы! Хто на Трабы?; У Брэсці будзем торбамі трэсці; У Нясвіжы людзі хіжы, а ў Лашы людзі нашы; Кепска каля Вітэбска, а ў Оршы яшчэ горшы; У Пінску і Слуцку ўсё не па-людску; Будзеш ведаць, пачом сыры ў Мазыры; У Мінску ўсё па-свінску;*

4. Тапанімічныя рыфмаванкі як рэакцыя на падзеі, што адбываліся ў вёсцы ці рэгіёне: *Авечка – з мястэчка, баран – з Маркішоў, авечка чакала – баран не прыйшоў; Табала ўкрала вала, Рыдзелі відзелі, казалі Завадцы, што вол даўно ў с-цы; У Бабіно бэньдзя кіно.*

Прапанаваны тут матэрыял красамоўна сведчыць, што тапонімы здольны назапашваць, убіраць у сябе разнастайную этнакультурную інфармацыю. Дзякуючы гэтаму, яны становяцца прывабнымі, прыцягальнымі фразеаўтваральнымі сродкамі. Трапіўшы ў фразеалагізмы, яны не страчваюць набытай семантыкі, а наадварот, актыўна выкарыстоўваюць яе для фарміравання фразеалагічнага значэння.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гродзен. р-на / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: У. П. Верхась і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – 431 с.
- 2 Перспектива. – 2010. – № 61.
- 3 Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Warszawa, 1935. – Т. 4. – 490 с.

УДК 81-115:398.9

А. О. Долгова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассмотрены источники и проявления лингвокультурологической отмеченности компаративной фразеологии русского, английского и немецкого языков. Установлено, что национально-специфические образы, которые представлены в эталонных (правых) частях устойчивых сравнений, формируют этнокультурное своеобразие компаративной фразеологии. Отмечаются причины сходства тематической структуры компаративной фразеологии: универсальность человеческого мышления, общие индоевропейские культурные корни и принадлежность трёх языков к христианскому лингвокультурному ареалу.

Компаративная фразеология (далее – КФ), как и фразеология в целом, обладает культурно-и национально-специфичными чертами. Это обусловлено прежде всего тем, что она отражает культуру, мифологию, историю, религию, литературу, обычаи, традиции каждого народа. Отражение культуры в языке, в том числе во фразеологии, понимаемое как отражение именно «внеязыковой культуры» [1, с. 260], делает целесообразным и перспективным исследование КФ в лингвокультурологическом аспекте, т. е. «в аспекте участия языка в созидании духовной культуры и участия духовной культуры в формировании языка» [2, с. 25].

Лингвокультурологическим своеобразием отличается тематическая структура КФ. Тематический (идеографический) состав фразеологических сравнений каждого языка дает представление о наиболее существенных для каждой нации характеристиках человека (внешность, характер, чувства и т. д.). «Такая категоризация компаративной фразеологии является результатом отображения в сознании человека системности окружающего мира» [3, с. 17], поэтому интересна для когнитивной лингвистики.

Национально-специфичные образы, которые представлены в эталонных (правых) частях устойчивых сравнений (далее УС), формируют этнокультурное своеобразие КФ. Культурно-национальная специфика этих образов, с одной стороны, определяется

своеобразием мышления каждого народа, с другой стороны, свидетельствует о нем. Образы, закрепляемые в сознании носителей языка в виде эталонов, отображают национальные представления об окружающем мире. Представленные в УС эталоны закрепляются в сознании носителей языка и ассоциируются с определенными качествами человека: так, голодный человек в русском языке сравнивается с собакой, волком (*голодный как собака, как волк*), в английском – с медведем (*as hungry as a bear*), в немецком – с волком и медведем (*hungrig sein wie ein Wolf, wie ein Bär*). Один и тот же образ в языке может использоваться для характеристики только одного качества, состояния (например, рус. *пьян как стелька*), двух (*глуп как сивый мерин* и *врет как сивый мерин*), трех и более качеств (например, образы медведя или собаки). В то же время определенное качество (признак, действие, свойство) может быть закреплено как за одним, так и за двумя, тремя и более эталонами: напр., по данным словаря В. М. Огольцева, эталонов глупости в русском языке отмечено около десятка (*глупый как баран, как бревно, как осел, как пень* и т. д.), а эталонов ума, мудрости – три (*умный как бес; мудрый как змий, как Соломон*) [4, с. 348].

Образы УС дают представление о чертах языковых картин мира и являются национально значимыми. Эталонами человеческой глупости, например, в русском, английском и немецком языках выступают разные неодушевленные предметы и явления: рус. *глуп как пробка* (МАС, III, 464); англ. *daft as a brush* (досл. ‘безрассудный как щетка’) (Oxf, 314); *dumm wie Bohnenstroh (sein)* (досл. ‘(быть) глупым как бобовая солома’) (Dudld, 273). Национально-культурное своеобразие УС, по мнению Т. В. Шмелевой, заключается в том, что они «представляют собой превращенную форму деятельности, характерной для данной общности, и вскрывают оценочные эталоны той или иной лингвокультурной общности» [5, с. 120].

Исследование образов-эталонов, представленных в правых частях фразеологических сравнений разных тематических групп, позволяет реконструировать языковые стереотипы (концепты) и, в целом, определенную часть языковой картины мира, запечатленной во фразеологии. Языковой концепт, в отличие от концепта обыденного сознания, «глубже и прочнее укоренен в индивидуальных сознаниях носителей языка» [6, с. 230]. Концепт обыденного сознания, по определению Ю. С. Степанова, «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» и «это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру» [7, с. 43]. При этом, как пишет С. М. Толстая, «связь <...> культурных стереотипов с языком может быть различной – от почти полного совпадения языкового и культурного образа <...> до их значительного или даже полного расхождения» [8, с. 126].

Лексико-тематический состав эталонных частей устойчивых сравнений различается по языкам также в силу национального своеобразия окружающей действительности. К факторам, влияющим на формирование национальных образов-эталонов, относятся географическое положение страны языка, климатические условия, политический и экономический уклад жизни народа, национально-специфичные реалии страны и др.

Национальная специфика УС особенно ярко проявляется при наличии в их составе национально-маркированной лексики. Мы принимаем точку зрения Д. О. Добровольского, в соответствии с которой в состав национально-маркированной лексики входят слова-реалии, присутствующие в одной культуре и отсутствующие в другой (т. е. безэквивалентная лексика), национальные имена собственные и их производные, сказочные персонажи, историзмы, архаизмы. «Факторы осложнения формы» (рифма, аллитерация, ассонанс и т. п.) также способствуют созданию национальной маркированности фразеологизмов [1, с. 260; 9, с. 50; 10].

Исследование представленных в УС разных языков образов-эталонов, используемых для характеристики одинаковых, схожих или различных явлений окружающей действительности, важно для понимания их роли в создании «фразеологических картин мира различных народов» [11; 12; 13] и языковых картин мира национальных языков.

При этом, языковая картина мира неразрывно связана с концептуальной. «Описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования»; языковая картина мира «используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира» [14, с. 13].

Национальная специфика компаративных фразеологизмов обусловлена своеобразием тематической структуры совокупного множества устойчивых сравнений в каждом языке, различием в тематическом составе образов-эталонов и наличием национально-маркированной лексики в устойчивых сравнениях.

Большее сходство тематической структуры русской и немецкой компаративной фразеологии, а также тематического состава лексики эталонных частей русских и немецких устойчивых сравнений, по сравнению с английскими компаративными фразеологизмами, объясняется территориальной, экономической и торговой близостью русских и немцев, способствующей контактированию русского и немецкого языков, в отличие от большей изолированности англичан от немцев и восточных славян, обусловленной островным географическим положением Великобритании.

Сходство тематической структуры компаративной фразеологии, тематического состава эталонов устойчивых сравнений и приоритетность в материалах трех языков одинаковых тематических групп эталонов (образов животных и названий артефактов – при характеристике человека, названий артефактов – при характеристике неодушевленных предметов, ситуаций, событий, явлений неживой природы) обусловлено универсальностью человеческой природы, индоевропейскими общими корнями и принадлежностью трех языков к европейскому и христианскому лингвокультурному ареалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; под ред. В. Н. Телии. – М., 1999. – С. 260–265.

2 Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; под ред. В. Н. Телии. – М., 1999. – С. 25–33.

3 Мизин, К. И. Компаративные фразеологические единицы современного немецкого языка: пути образования и идеография: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / К. И. Мизин // Киевск. нац. лингв. ун-т. – Киев, 2004. – 20 с.

4 Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический): ок. 1500 единиц / В. М. Огольцев. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.

5 Шмелева, Т. В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков) / Т. В. Шмелева // Этнопсихоллингвистика / Ю. А. Сорокин [и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания; под общ. ред. Ю. А. Сорокина. – М., 1988. – С. 120–124.

6 Мечковская, Н. Б. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) / Н. Б. Мечковская // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich-5: opis, konfrontacja, przekład. – Wrocław, 2005. – С. 227–238.

7 Степанов, Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 42–83.

8 Толстая, С. М. Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конф. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – М., 1995. – С. 124–127.

9 Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 48–57.

10 Кириллова, Н. Н. Идиоэтническая маркированность фразеологизмов: языковое выражение и языковое сознание [Электронный ресурс] / Н. Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии: Issues of Idioethnical Phraseology: тезисы докл. междунар. семинара, Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2001 г. / РГПУ им. А. И. Герцена; под ред. Н. Н. Кирилловой. – СПб., 2002. – Вып. 4. – С. 8–13. – Режим доступа: <http://phraseo.narod.ru/lit.htm>. – Дата доступа: 25.06.06.

11 Солодуб, Ю. П. Контрастивная фразеология / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1998. – № 4. – С. 57–65.

12 Солодуб, Ю. П. Перспективы многоязычной сопоставительной фразеологии / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 2001. – № 2. – С. 48–56.

13 Солодуб, Ю. П. Теоретические проблемы фразеологии: русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (основные языки сопоставления: английский, немецкий, французский, испанский) / Ю. П. Солодуб // Современный русский язык: лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студ. филол. фак-тов и фак-тов иностр. языков / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М., 2002. – Гл. 2. – С. 171–230.

14 Попова, З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / З. Д. Попова [и др.]; под общ. ред. З. Д. Поповой, И. А. Стернина. – Воронеж, 2002. – Гл. 1. – С. 9–50.

УДК 81.161.1'373:398.9:7.046=16

Е. В. Дубицкая, С. Н. Стародубец

СЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ЗАКРЕПИВШИЕСЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена характеристике фразеологизмов русского языка, генетически связанных с архаичными мифологическими представлениями. Основное внимание уделяется репрезентации во фразеологии представлений, связанных с петухом и мифологическими персонажами различных уровней – «нижнего», «среднего» и «верхнего»: Перуном, Чуром, Кикиморой.

В русской фразеологии нашли отражение мифологические представления греков, римлян, ассирийцев и других народов (*бочка данаид, Геркулес (Геракл) на распутье* и др.)

Большой интерес представляют древние мифологические воззрения славян и их отражение в языке. В отличие от античной мифологии, а также мифов стран Востока, хорошо известных по художественной литературе и произведениям искусства, славянские мифы до нашего времени не дошли, поскольку в ту далёкую эпоху их создания и бытования, славяне ещё не знали письменности. Однако нам известны некоторые славянские традиции, связанные с язычеством, например, древний обычай в конце зимы сжигать чучело — воплощение мрачных злых сил или хоронить мифическое существо вроде Масленицы и Ярилы у русских и белорусов. Славянская мифология и религия слагалась из обоготворения сил природы и культа предков.

Своеобразие славянской мифологии, отражающей мировоззрение её создателей, в том, что их жизнь была непосредственно связана с миром низших духов, обитающих повсеместно. Одним из них приписывались ум, сила, доброжелательность, иным – хитрость, злоба и коварство. Древние полагали, что все эти существа – берегини, вилы, водяные, полевики и т. п., постоянно вмешиваются в их жизнь и сопровождают человека

со дня рождения и до самой смерти. Славяне верили, что добрые и злые духи, окружающие их, помогали собирать обильный урожай или приносили болезни, сулили счастливую семейную жизнь, порядок в доме или наказывали за неблагоприятные поступки. Богов, которых было сравнительно немного и которые управляли природными явлениями и стихиями — грозой, огнём, дождями, славяне боялись и почитали, стараясь умиловать молитвами и жертвоприношениями. Эти славянские верования нашли отражение во фразеологизмах.

Выражение *пускать / пустить красного петуха* – поджигать что-либо, устраивать пожар, совершать поджог – восходит к мифологическим представлениям о древней языческой символике огня и культе богов-громовержцев. Красный петух был символом божества огня и солнца (возможно, это связано с его ярким оперением и красным гребнем на голове (красный цвет – цвет огня), а также с тем, что именно петух встречает своим пением зарю – «небесный пожар»), и славяне приносили красных петухов в жертву Перуну или Сварогу, богу солнца и света. Известны поверья, согласно которым во время грозы вместе с молнией на землю спрыгивает красный петух, который поджигает дома. Культ петуха и его связь с молнией нашли отражение в материальной культуре: фигурками петуха издавна украшали крыши домов и храмов, чтобы предохранить их от попадания молнии. Старые люди уверяют, что, когда начинается пожар от молнии, с неба прямо на крышу спускается пламенный петух. Если же на крыше уже стоит петух, то огонь на ней не приживётся. По суеверным представлениям, петух обладает магической силой, его пение отгоняет злых духов, мертвецов, призраков и прочую нечистую силу. *После дождичка в четверг* – неизвестно когда, никогда. Подразумевается скептическое отношение говорящего к возможности осуществления чего-либо, ожидаемый или предполагаемый обман. Имеется в виду, что событие, о котором идёт речь, маловероятно. История данного выражения связана с многогранным и полным мифологического смысла различием для наших предков дней недели по противопоставлениям «чётное – нечётное», «мужское – женское», «первое – последнее» и т. п. Типично «мужским» днём издревле был четверг – день Перуна, бога грома и молнии, который, «видимо, понимался не просто как главный из богов, но как бог по преимуществу, в принципе способный заменить других богов» [6, с. 68]. По мнению В. Н. Топорова, «есть все основания реконструировать связь Перуна с четверичностью. Перуну был посвящён четвёртый день недели, четверг». Также следует отметить «связь с четвергом Ильи-пророка и особую отмеченность «четвергового» дождя. В Великий четверг определяют погоду, отвечая на вопрос, будет ли [она] мокрой или сухой, будет ли весной большая или малая вода, будет ли урожай, приплод скота. Именно с этим днём связано большое количество ритуалов и особых «четверговых» ритуальных предметов. Четверг – отмеченный и лучший из всех дней недели» [6, с. 70]. Перуну возносили моления о дожде во время засухи. При этом считалось, что особенно охотно он исполняет их в свой день – четверг. Поскольку такие мольбы не раз оставались тщетными, то в народе стали говорить: *исполнится после дождичка в четверг*, т. е. «никогда», и оборот приобрёл иронический оттенок. Также оборот связывают с разрушением у славян языческих представлений и отказом от молений Перуну о дожде в четверг. Поскольку христиане стали относиться к этому божеству, да и к другим языческим идолам, всё скептичнее, убеждаясь в бесполезности таких молитв к низверженному богу, они и выразили своё полное недоверие поговоркой о дождичке в четверг. Перун (бог-громовник) у славян был единым высшим богом, «творцом молнии», с ним были связаны представления о небе вообще. По древним верованиям, он ездил по небу в колеснице и пускал огненные стрелы – молнии, которые также назывались перунами. С этим связано существование таких фразеологизмов, как *метать перуны* – сердиться, сильно ругать кого-либо, неистовствовать – и *перуны блещут* – о сверкании молний. *Кикимора болотная* – о некрасивом, неопрятно одетом человеке; о нелюдимом,

чуждающемся общества и угрюмом человеке (чаще – женщине) – в выражении отразились ассоциации с женским персонажем русской мифологии – *Кикиморой*. Обычно её представляют в виде безобразной, неряшливо одетой и уродливой старухи в лохмотьях. Она – «домовой в юбке», ибо постоянно находится в доме. Одним из главных занятий Кикиморы являлось её пристрастие к прядению: она допрядывала за хозяйку, часто наказывала нерадивых прях тем, что путала или рвала пряжу, жгла кудель, оставленную на ночь без осенения крестом, и т. п. Кикимора зловредна: била по ночам горшки, портила хлебы, стучала крышками коробов, ошипывала кур и т. п., стремясь при этом навредить больше хозяйке, чем хозяину. Некоторые функции Кикиморы позволяют отождествить её с языческим божеством дождя и плодородия, известным в Киевской Руси, – *Мокошью* (ср. этимологическое сближение *Кикиморы* с *мара, мора* «болото, стоячая вода» и именем *Мокошь*, связанным с корнем *мок-, мокр-*). Кикимора предпочитала обитать в сырых местах – отсюда выражение *кикимора болотная*, дома селилась в «подызбицах»-подвалах. Комплекс суеверных представлений о Кикиморе во многом сохранён соответствующими выражениями, как и негативное отношение к этому мифологическому персонажу. К древним славянским представлениям восходит выражение *чур меня!* – возглас, оберегающий от нечистой силы, запрещающий касаться чего-либо, переходить какие-либо границы. У славян-язычников *Чур* – дух-охранитель всего от всех, был божеством не самого высокого ранга, но без него не мыслилось существование ни в каких областях: каждый имел соседа, надел земли, жилище, врагов-недоброжелателей, с которыми были границы и их нужно было охранять. *Чур* почитался охранителем и сберегателем границ поземельных владений. Позднее на межах начали ставить изображение самого Чура. Олицетворяли Чура в деревянном изображении, имевшем форму кругляша, короткого обрубочка толщиной в руку, на котором вырезались условные знаки, обозначающие владельца того или иного земельного участка. Такие обрубки сохранили древнее своё название в таких известных и сегодня нам словах, как *чурбан, чурка, чурбак, чурбашка*. Также *Чур* охранял человека и всё его добро от нечистой силы: как житель проезжих-прохожих дорог, он имел более всего власти над чертями. Существовало твёрдое убеждение, что, очертив вокруг себя круг перстом или палкой и воскликнув «*Чур меня!*», можно спастись от нападения чертей или бесов. Ещё одна этимология связана с тем, что восточнославянское *чур (цур)* – предположительно прародитель рода, предок-покровитель (ср. *пращур*), почитавшийся в древности у славян как божество, к которому обращались с просьбами и призывали в спорах.

Особое значение для понимания славянской мифологии имеют былины. Русские богатырские былины могут быть поставлены в один ряд с героическими мифами в других мифологических системах. Герои былин воспринимаются не только как личности, имеющие отношение к определённой исторической эпохе, но и прежде всего – как защитники, родоначальники, эпические герои. Отсюда – их единство с природой и волшебная сила, их непобедимость. Например, фразеологизм (*как*) *Илья Муромец* – о сильном, здоровом, богатырского сложения человеке (говорится с одобрением) – оборот образован семантическим переносом собственного имени Ильи Муромца. Этот русский богатырь в народном эпосе (былинах) стал олицетворением силы, ума, храбрости, твёрдости духа. В летописях имя Ильи Муромца не упоминается ни разу, поэтому неизвестно, был ли у Ильи Муромца конкретный исторический прототип, или он представляет собой собирательный образ. Но известно, что в XII веке в Киево-Печерской лавре рядом с Нестором-летописцем и первым русским иконописцем Алимпием был погребён некий Илья из Муромца. Былины же об Илье Муромце складывались в период с XI по XIV век, в эпоху борьбы русского народа с половцами, совершавшими набеги на Русь, а затем с монголо-татарами, под игом которых Русь находилась более двухсот лет. В.Я. Пропп, один из крупнейших учёных-фольклористов XX века, писал: «Образ Ильи – наиболее зрелое и наиболее совершенное создание русского эпоса. <...> Только

могучий народ в одну из решающих эпох своей истории мог создать этот монументальный и величественный, но вместе с тем простой в своей человечности образ национального героя» [5, с. 206].

Славянская мифология характеризуется тем, что она всеобъемлюща и представляет собой не отдельную область народного представления о мире и мироздании (как фантазия или религия), а находит воплощение даже в быту – обрядах, ритуалах, земледельческом календаре, сохранившейся демонологии (от домовых, ведьм и леших до банников и русалок). Поэтому, практически уничтоженная на уровне текстов до XI века, она продолжает жить в образах, символике, ритуалах и в самом языке, в частности во фразеологии.

Необходимо отметить, что мифы не являлись выдумкой, а представляли живую реальность для сознания людей. Не признавая реальности мифа, трудно рассчитывать на понимание национально-культурного своеобразия многих идиом современного языка. Мифологическая действительность для обычного человека более жизненна, чем научная действительность, поэтому мифологическое объяснение мира существует параллельно с научным его видением, при этом «мифологическая действительность сильнее и, так сказать, более всеобъемлюща, чем действительность, проецируемая наукой» [3, с. 152].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко; 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926, [2] с.

2 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

3 Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 1996.

4 Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. / В. А. Маслова // – М.: Наследие, 1997. – 207 с.

5 Словарь славянской мифологии / сост. Н. П. Рябошлык. – М.: Центрполиграф, 2009. – 238, [2] с.

6 Топоров, В. Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур / В. Н. Топоров. – М.: РГГУ, 1998. – 319 с.

УДК 81.161.1'373:81.161.3'373:[398.43:159.961.44]

И. Г. Евтухова

О ВАРИАТИВНОСТИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРАТИВАМИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ

Аналируются цветочные прилагательные с компонентами-колоративами в текстах русских и белорусских заговоров, сочетающиеся с рядом конкретных и отвлечённых существительных и обозначающих пространственные понятия, центральные предметы и названия животных. Отмечается перераспределение смысловых функций цветообозначений, возможность сочетания одного и того же слова с разными эпитетами.

Цветочные прилагательные в русских и белорусских заговорах сочетаются с целым рядом конкретных и отвлечённых существительных, обозначающих:

1) пространственные понятия: рус. *синее море* – *белое море* – *чёрное море* – *красное море*; бел. *сіняе мора* – *белае мора* – *чорнае мора* – *чырвонае мора*; 2) центральные предметы: рус. *белый камень* – *синий камень* – *серый камень*, бел. *белы камень* – *сіні камень* – *серый камень*; 3) названия животных: рус. *белый конь* – *черный конь*; бел. *белы конь* – *чорны (вараны) конь* – *сіні конь*.

Утрачивая прямое значение, прилагательное в заговорных текстах теряет смысловую определенность, зато круг ассоциаций, который вызывает одно и то же слово, разрастается. Символика цвета задает лишь основное направление, в котором развивается смысловые ассоциации прилагательного, изменяющиеся и варьирующиеся в зависимости от семантики существительного. Неопределенность и широта смыслового наполнения прилагательного ведет к тому, что разные прилагательные в переносном употреблении взаимодействуют друг с другом, пересекаясь и совпадая в части значений, в результате чего происходит перераспределение их смысловых функций, возникает возможность сочетать одно и то же слово с разными эпитетами, причем сочетания эти имеют почти одинаковое смысловое наполнение: *белый камень*, *синий камень*, *серый камень*.

В связи с этим меняется, обогащаясь и усложняясь, система сопоставлений и противопоставлений прилагательных в переносном употреблении. «В некоторых заклинательных текстах море выступает не как реальный водный объект, а как некое отдаленное мифическое пространство, наделяемое особыми эпитетами и именами: в рус. заговорах – море-лукоморье, океан-море, Исячь-море, Кий-море, Чердань-море; в подобных текстах море описывается как «глубокое», «бездонное», «белое», «черное», «синее», «пёстрое», «красное», «желтое», «золотое», «огненное», «студёное», «поганое» и т. п.» (СД 3, 301). Лексема *черный* неоднократно встречается в номинации *Черное море*, соотносясь в сознании говорящих прежде всего с реально существующим гидронимом *Черное море* – ‘средиземное море Атлантического океана, между Европой и Малой Азией’ (БЭС I, 633). Учитывая, однако, сакральный характер заговорных текстов, естественно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с собственно гидронимом, а с омонимичным словосочетанием, реализующим специфическое (контекстуально обусловленное) значение.

Немаловажную смысловую нагрузку в этом устойчивом словосочетании выполняет субстантивный компонент. Мифологема «море» понимается как «вода вообще», как одна из основополагающих стихий мироздания, исходное состояние всего сущего, первоматерия, соответствующая первобытному хаосу; в этом смысле водное пространство противостоит организованному пространству – земле (РМС, 55). «Символическое значение моря соответствует значению «Нижнего Океана» – вод, пребывающих в постоянном движении, посредника и промежуточного состояния между Аморфным (воздухом и газом) и Оформленным (землей и твердыми телами) и, по аналогии, – между жизнью и смертью» (СС, 50; 329–330). Вода в мифологии понимается как «среда обитания нечистой силы и душ умерших людей. Общеславянские представления о том, что в воде обитают черти и другая нечистая сила, раскрывают негативную символику воды, ее опасность для человека.

Следует отметить, что содержание понятия «*Черное море*» в заговорных текстах неоднородно. *Черное море* выступает в качестве: 1) сакрального пространства, не отягощенного ярко выраженной символикой: рус. «*Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись*» (РН, 291); бел. «*Я цібе пувяду на Чорныя мора. На Чорным моры там стаіць востраў...*» (Зам., 190); 2) сакрального пространства, совмещающего положительную и отрицательную символику. На это указывает наличие во фрагменте текста названий христианских и демонических персонажей, чем усиливается магическая направленность заговора. Часто у *Черного* моря появляются 12 дев-лихорадок, оно служит местом отсылания вражьей силы. В этом случае оно находится не в восточной, как Океан, а в западной стороне:

рус. «...при **Черном** море стоит столп калинный, и в том столпе отец Сисиний, и возрев на море и виде – в море восхищается вода до облак, и из моря идут 12 жен простоволосых, дьявольским видением окаянных...» (Вет., 158).

В текстах заговоров номинация **Черное** море может использоваться для изображения ада, преисподней: рус. «Лягу я не благословясь, встану я не перекрестясь; умываюсь я не водой и не росой, утираюсь я нешитым и непрядым, немытым и некатаемым; пойду я из дверей не в двери, а пойду из-под избнаго подлежня, пойду я в ночную сторону; в ночной стороне **черное** море, в **черном** море **черная** баня, в той бане складена печка ртинная и дрова горят дубовыя и доска горит железная...» (ЗЗРН, 69).

Синее море в заговорных текстах – простор, в котором находится определенный центр. Ср.: рус. «...В **синем** море есть святой Божий остров; на святом Божьем острове святая Божья церковь; в той святой Божьей церкви есть престол Господень, на том престоле Господнем есть священномученик Христов Антипа исцелитель зубной, и бессребренники Христовы Козья и Дамиан...» (МиЗ, 216); бел. Шла Божья Мать по Святой земле, // Вела Иисуса Христа за руку, // Привела его к **синему** морю. // На **синем** морю – белые камни, // На тех камнях монастырь, // В том монастыре Петро и Павел... (ПЗ, 348).

Из текстов русских и белорусских заговоров следует, что на **синее** море отсылаются болезни: рус. *ночницы*, бел. *крыксы, сцень* (ср. рус. «...Ночные-ночницы, отправляю вас на **синие** моря...» (ПЗ, 59); бел. «...Збярыце ётай (імя) крыксы-плаксы, занясіце на **сіняе** мора...» (Зам., 333), «...І ссылаю цябе, сцень, на **сіня** мора...» (Зам., 325), «...Ты ідзі, скула, на **сіняе** мора» (Зам., 206).

Таким образом, заговорные клише **черное** море и **синее** море в магических текстах заговоров, с одной стороны, разделяют символику особой отмеченности и сакральной силы, с другой стороны, является обозначением «чужого» пространства или преградой, отделяющей «свой» мир от «чужого», враждебного.

Белое море и **красное (чирвоное)** море в восточнославянских заговорах – сакральное пространство, не отягощенное ярко выраженной символикой. Прежде всего здесь описывается не собственно море, а нечто иное, для чего море служит лишь формой описания, своего рода глубинной метафорой. Ср.: *Святые Юрий-Грыгорый на беламу мору праязжае, белает мора наливае. На белым моры, на лукаморы стаяць тры цялицы, яны стаяць, не гуляюць, бела мора выпіваюць...* (АП. Б 18, 391); *Ишоу Пан Езус праз чирвоное мора, нёс з сабою тры ружы...* (Замовы, 311).

Тавтологический повтор словосочетания **белое (бела)** море, по-видимому, сводится не только к ритмизации текста, а имеет и свои семантические и магические основания.

К числу самых распространенных символов священного объекта принадлежит камень. Можно предположить, что одно из наиболее часто употребляемых в восточнославянских заговорах сочетание **бел(ый)** камень *Алатырь*, возможно, является далеким отголоском имени Бога. В образе **белого** камня в текстах заговоров переплелись с одной стороны – языческие верования (камень – центр света, алтарь); с другой – христианские (Алатырь – камень Божоявления). Ср.: рус. «Как есть Океан-море **белый** камень, на **белом** камени сам Иисус Христос, сам **бел** и рукавицы **белые**, и кнут **белый**» (РН, 338).

Однако в некоторых случаях может появляться несколько изофункциональных друг другу камней, каждый из которых как бы символизирует микроцентр в «своём» локусе: рус. *Столь крепка огорода моя <...>, аки **синий** камень в **Синем** море, аки **чёрный** камень в **Чёрном** море* (ЗОМ I, 70); «...В чистом поле есть **сер** камень; грызите, грыжи, **серый** камень...» (РЗ, 59); бел. «...У цара Давыда на моры **сінім** ляжыць **сіні** камень, на том **сінім** камні стаіць карваць, на той карваці пуховыя падушкі, цвілёвыя засцілкі...» (Зам., 129); «...В восточной стороне океан-море, в океане-море **синий** камень, на **синем** камню сидит баба Рюха на калёной сковороде...» (РЗ, 51).

Из текстов заговоров следует, что **синий** камень – центральное место, вокруг которого собираются не только святые, но и нечистые духи, обладающие особой магической силой.

Белый цвет – цвет потусторонних существ, поэтому везде, где конь выполняет культовую роль, он всегда **белый**. В. Я. Пропп считает, что «из трех коней – черного, серого и **белого** – последним, т.е. самым сильным и прекрасным, является **белый**» [1, с. 157]. «**Белый (золотой)** конь был атрибутом Господа Бога, Юрия-Егория в польской и восточнославянской традициях; в русской волшебной сказке **белый** всадник – ясный день, красный всадник – красное солнце, черный всадник – воплощение ночи; в сербской песне св. Николай едет на синем, красном и **белом** коне» (СД II, 591).

В восточнославянских заговорах Иисус Христос и святые, противостоящие нечистой силе, часто изображаются едущими на **белом** коне: рус. *В чистом поле Сам Иисус Христос ездит на белом коне* (РЗ, № 53), *Святый Юрей // Ехаў на бѣлом канѣ... // На залатом седлѣ...* (ПЗ, 522), *...Ляжыць три змяі. // ...Еде к йим // Михайл-Архангел // На бѣлам кані, // На малюваным* сядлѣ* (ПЗ, 374); бел. *Ехаў Бог на поліку на белым коніку...* (Замовы, 69), *Прыедзець святы Юры і Ягоры на белым кані...* (Зам., 136).

В христианском символизме **чёрный** – цвет зла и цвет князя тьмы, ассоциируется с черной магией, колдовством: бел. *Ехаў цыган на чорным кане ў чорным жупане, чорнаю нагайкаю каня паганяе...* (Зам., 297). Представляется вероятным, что качество **чёрного** в заговорах не случайно: оно является остатком древнего языческого представления об отличительных признаках злой и враждебной силы, производящей всё недоброе, в том числе и болезни. Однако нельзя сказать, что **воронья** «черная» масть коней в заговорах всегда негативная, демоническая. Ср.: бел. *Выяжжаў Бог на вараном каню...* (Зам., 118), *Ехаў святы Юры і Ягоры на вараном кане...* (Зам., 169).

В белорусском заговоре «Ад гадзюкі» встречается словосочетание **синий** конь: «Едзе святы Юрый і Ягорый-ваявод на **сінім** кані ў залатым сядле з залатым кап'ём, заговорвае ад вужа-шкорапа, ад гадзюкі-шкарапеі...» (ЗН, 46). **Синий** цвет, в отличие от большинства других, лишен амбивалентности. Его значение едино и устойчиво, как вечность, которую он символизирует. Можно предположить, что бедность употребления данного устойчивого словесного комплекса в текстах заговоров свидетельствует о том, что **синий** цвет символизировался относительно поздно.

Таким образом, переносное, неизвестное значение прилагательного в заговорных текстах одновременно закреплено и в какой-то мере свободно. Закрепленность цветовой символики поддерживается древностью создания самих текстов. Отдельные неизвестные применения слов в заговорах дают возможность выхода за пределы более или менее устойчивой системы символических обозначений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1946.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП – Арнаменты Падняпроўя / аўт. Іэксту Г. Р. Нячаева і інш.; навук. рэд. Я. М. Сахута. – Мн.: Бел. навука, 2004. – 606 с.; **БЭС** – Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия. – Т. 2. – 1991.; **Вет.** – Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли). Вып. 1-2. – Варшава, 1907; **Зам.** – Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мн., 1992. – 599 с.; **Замовы** – Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей; уступ. арт.: Л. М. Салавей. – Мн.: Беларусь, 2009. – 519 с.; **ЗЗРН** – 777 заговоров и заклинаний русского народа / Сост. А. Александров. – М.: Локид, 1997. – 543 с.; **ЗН** – Замовы. Метадычны дапаможнік / уклад. В. С. Новак. Гомель, 1994. – 65 с.; **ЗОМ** – Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги. Спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. – Вып. I-IV; 1908. – Вып. I-IV; 1909. – Вып. IV;

* *Малюванны, маляваны* (бел.) «выкрашенный, расписной».

МиЗ – Молитвы и заговоры. – Мн.: Современное слово, 2002; **НС** – Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXX. Труды Этнографического отдела. Кн. 5. Вып. 2. 1878; **ПЗ** – Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003. – 752 с.; **РЗ** – Русские заговоры / под ред. Н. И. Савушкиной. – М.: Пресса, 1993. – 368 с.; **РМС** – Шуклин В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 384 с.: ил.; **РН** – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – Мн., 1991. – 608 с.; **СД** – Славянские древности: Энциклопедический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995–1999. – 1995. – Т. 1; 1999. – 700 с. – Т. 4; **СС** – Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

УДК 81'373:398.9=16

Л. Т. Килевая

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ*

Анализируются фразеологические единицы, содержащие компонент сердце в русском, белорусском и польском языках. Выявляется соотносительность фразеологизмов, содержащих слово-компонент сердце, с картиной мира восточных и западных славян. Определяется связь рассматриваемых фразеологизмов с концептами «сердце» и «душа».

Проекция развития ментальности как составляющей культуры народа позволяет проследить этапы ее становления и динамизма, выявить общее и отличное у народов, имеющих единый исходный пункт культурного развития. Сказанное в полной мере относится к праславянскому единству с общей исходной точкой отсчета культуры. Традиционные черты этой культуры и ее «самость», сформировавшаяся в процессе этнической самоидентификации, отражается во фразеологизмах. Наблюдения только над одной группой фразеологизмов – фразеологизмов с компонентом *сердце*, зафиксированных в русской, белорусской и польской современных языковых системах, – свидетельствуют об общих и отличительных чертах в ментальности их носителей.

Согласно исследователям славистики, по своей природе древний славянин отличался смирным и миролюбивым характером. Как замечательная черта, до сих пор сохранившаяся у славян, отмечается их «сердоболие и человеколюбие» [1, с. 171]. Закономерным в связи с этим представляется наличие в анализируемых фразеологических системах идентичных в структурном и содержательном плане фразеологизмов, отражающих данную характеристику, включающих компонент *сердце* и его определение с положительной коннотацией. В частности, в польской фразеологической системе находим: *Wielkie serce, złote serce* – ‘dobry, wielkoduszny, szlachetny człowiek’: *Michał człowiek wielkiego serca, nigdy nie przejdzie obok kogoś, kto potrzebuje pomocy* [ПФС].

В соответствии с этим в русской фразеологической системе имеет место фразеологизм *большое сердце* – ‘кто-либо способен горячо и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым’: *Чувствовались в нем тонкий ум, острая память, большое, хорошее сердце* [РФС, с. 420-421]. В белорусской фразеологической системе отмечается фразеологизм *вялікае сэрца*. ‘Пра таго, хто здольны моцна адчуваць, быць добрым, чулым, спагадлівым’: *недзе сярод гэтых тысяч людзей нага ў нагу крочыла Карпаўна, жанчына вялікага сэрца*’ [БФС, с. 60].

Способность к милосердию, состраданию отражается и в следующих структурно и семантически тождественных в рассматриваемых языках фразеологизмах, включающих актанты к компоненту *сердце*: *Serce się kraje* – ‘komuś robi się bardzo przykro’; ‘komuś jest bardzo czegoś żal’: *Nie lubię jeździć do tych dzielnic nędzy. Patrzę, jak ci ludzie żyją i serce mi się kraje, bo nie mogę im pomóc* [ПФС]. *Сердце кровью обливается* – ‘кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, шемящей тоски’: *Сердце Прасковьи Ивановны обливалось кровью от жалости и ужаса* [РФС, с. 421]. *Сэрца крывёю абліваецца*. ‘Невынасіма цяжка ад душэўнага болю, ад пачуцця жалю’: *сэрца крывёю тваё абліваецца, вочы у слёзах плаваюць* [БФС, с. 276].

Подчеркнем, что корень *серд-* является неотъемлемой составляющей слов, заключающих семантику сострадания: *сердоболие, милосердие*. Вместе с тем, по располагаемым данным, в русской фразеологии в целом ряде случаев компонент *сердце* способен заменяться компонентом *душа*. Последнему отдается предпочтение при обозначении эмоционального состояния человека:

Брать/взять за душу (сердце) – ‘сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить; вызывать шемящую тоску, боль или радость, умиление’: *Выйдешь, бывало, в свой садик и вдруг слышишь протяжный жалобный вой, который просто хватал за душу. Павка, сыграй что-нибудь грустное, чтобы за душу брало. Спасибо тебе, товарищ певица. От всех ребят спасибо. Ей-богу, за душу взяла* [РФС, с. 45].

В польской и белорусской фразеологических системах возможным оказывается передача соответствующей семантики только посредством фразеологизма с компонентом *сердце*: *Chwyć za serce* – ‘wzruszyć kogoś, wstrząsnąć emocjami’: *Koncert był piękny. Zresztą ja wprost uwielbiam muzykę doby baroku, czuję ją całym sobą, ona mnie chwytła za serce* [ПФС].

Идентичный в структурном и семантическом плане фразеологизм находим в белорусской фразеологической системе: *браць (прымаць) да сэрца*. ‘Уразліва ўспрымаць (выпадак, здарэнне, падзею), устрыважана, з павышанай пачуццёвасцю ставіцца да чагосьці’: *Толькі ты не бяры надта да сэрца. Усё яшчэ наперадзе – і харошае, і благое* [БФС, с. 31].

Та же закономерность преимущественного употребления фразеологизма с компонентом *душа* в русской фразеологической системе по сравнению с польской и белорусской имеет место во фразеологизмах, передающих доверчивость славян, на которую единодушно указывают исследователи [1, с. 172]: *Otwierać przed kimś serce* – ‘zwierać się komuś ze swych uczuć, powierać komuś swoje najskrytsze sekrety, być z kimś całkowicie szczerym’: *To ja przed tobą otworzyłem serce, a ty opublikowałaś moje zwierzenia w internecie? Nigdy nie spotkałem tak wyrachowanej, złej kobiety!* [ПФС]; *Адкрыць сэрца каму* – шчыра, адкрыта расказаць пра свае думкі, пачуцці, перажыванні: *Як ты гукнеш, так адгукнецца. А што пасееш, тое жнеш. Сваё сябрам адкрыеш сэрца – Душу сяброў пазнаеш лепш* [БФС, с. 13–14].

В русской фразеологической системе, согласно словарным данным, *открывать сердце* – 1-е знач. Признаваться в любви, и 2-е знач. ‘То же, что и *открывать душу* – Откровенно рассказывать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах’ [РФС, с. 303]. Иными словами, соответствующая польскому и белорусскому языку семантика предпочтительнее передается в русском языке фразеологизмом с компонентом *душа*.

Предпочтительная замена в составе русских фразеологизмов с компонентом *сердце* последнего компонентом *душа* выражается также в отсутствии в русской фразеологической системе фразеологизмов, в которых подобная замена невозможна даже потенциально, но которые имеют место в польской и белорусской фразеологических системах: *Прыпасці к сэрцу*. ‘Вельмі спадабацца’: *Сама не ведаю, – вось так штось прыпаў к сэрцу. Дык як жа Яго не любіць, калі ён малады, прыгожы хлопец, а сэрца ў яго залатое* [БФС, с. 246].

Неслучайно колебания характерны для русского фразеологизма *камень на сердце* с возможной заменой на компонент *душа* – ‘кто-либо испытывает тяжелое, гнетущее чувство’: *У меня на сердце был камень. Сердце казалось мне тускло, лучи его меня не грели* [РФС, с. 192].

Особо оговорим, что рассматриваемый фразеологизм может спровоцировать неверное понимание польского фразеологизма сходной структуры: *mieć serce z kamienia* – ‘być niehumanym, bezwzględny, nie mieć ludzkich uczuć, być nieczułym’: *Ty chyba masz serce z kamienia! Widziałeś tę biedną dziewczynę moknącą w deszczu na poboczu autostrady i nie zatrzymałeś samochodu?* [ПФС].

Данный фразеологизм соответствует по семантике русскому словосочетанию *каменное сердце*, которое приобрело уже достаточную устойчивость, однако не зафиксировано в качестве фразеологизма в русских фразеологических словарях. Невозможность замены в анализируемом фразеологизме компонентом *душа* обуславливается, как представляется, его отрицательной коннотацией, о чем свидетельствует корень *серд-*, способный образовывать слова и с такой коннотацией в виде глагола *сердиться*; а также символика камня. Согласно Е. Бартминьскому, в польской народной культуре существует убеждение, что камень может приносить или останавливать зло, он является символом твердости, безжалостности, бремени [2, с. 348].

По той же причине невозможность замены компонента *сердце* свойственна белорусскому фразеологизму *мець сэрца (на каго)* – ‘Злавацца, сердаваць да кагосьці’: *доўга Ёладзю журыць. Костусь бровы свае хмурыць: ён на брата сэрца мае, Бо Ёладзьку зневажае* [БФС, с. 276].

В русском языке соответствующий фразеологизм характерен для просторечного употребления: *держать (иметь) сердце на кого* – ‘Прост. Сердиться, гневаться, таить обиду, злобу’: *Стали мужики-соседи на Пахома сердце держать, стали другой раз и нарочно травить* [РФС, с. 137].

Проанализированный материал свидетельствует о значительной общности рассматриваемых фразеологических систем, в которых отразилось духовное единство славянских народов. Более тесная связь наблюдается между концептами «сердце» и «душа» в русской концептосфере по сравнению с польской и белорусской концептосферами, отмечаются общие для этих концептов метафорические модели в русском языке и их отсутствие в польском и белорусском языках, что, думается, обусловлено различием представлений в культуре славянских народов. По данным В.В. Колесова, слово *душа* является древним славянским словом, которое «обозначало внутреннюю, в человеке живущую суть душевности» и «отражает душевное переживание» [3, с. 172]. Во фразеологизмах с компонентом *сердце*, в которых возможна замена на компонент *душа*, отражена прежде всего русская душа, в которой, согласно Н. А. Бердяеву, «много простоты, прямоты и бесхитростности... В русском человеке мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вверх, в складе души его нет ничего готического. Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь. В самых высших проявлениях русская душа – странническая, ищущая града не здешнего и ждущая его сошествия с неба» [4, с. 410]. Невозможность подобной замены в польской фразеологии, на наш взгляд, связывается с особенностями польской души как «наиболее утонченной и изящной в славянстве» [4, с. 410]. Согласно Г. Гачеву, «в Польше шляхтич бытом – хлоп, а душою – аристократ, рыцарь» [5, с. 239], а значит, душа его в меньшей мере подверглась народной интерпретации. По утверждению ученого, в польском социуме значимым оказывается центр, то есть место, где находится сердце: «...важна срединная фигура шляхтича, который психикой – дворянин, магнат, а бытом – мужик, однодворец...» [5, с. 237]. Все это обуславливает большую «кардиоцентричность» польской и испытывавшей значительное влияние со стороны ее белорусской фразеологических систем.

Таким образом, при всем семантическом и структурном единообразии трех рассмотренных фразеологических систем в них обнаруживаются специфические черты, обусловленные своеобразием видения мира. Необходимость определения степени пропорциональности общего и отличного в обозначенных фразеологических системах предопределяет дальнейшие поиски и анализ фактических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Славянский мир. Сост. А. Ф. Риттих. – Уральск, 2007. – 400 с.
- 2 Słownik stereotypów i symboli ludowych / Pod red. E. Bartmińskiego. – Т. I. – Lublin, 1996.
- 3 Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
- 4 Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. – М.: ФОЛИО, 2004. – 736 с.
- 5 Гачев, Г. Ментальность народов мира / Г. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- РФС – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 544 с.
- ПФС – Stefania Carofato-Bugajska i insz. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego. – Świat książki, 2004. – 1088 s. // <http://merlin.pl>
- БФС – Гаўрош В. Н. [і інш.] Фразеалагічны слоўнік / пад рэд. Ф. М. Янкоўскага. – Мн.: Народная асвета, 1973. – 352 с.

УДК 81-112:398.9

Н. В. Коч

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕМ В ДИАХРОНИИ

*В статье на примере фразеологизмов с компонентом **живот** 'жизнь' рассматриваются причины фразеологизации свободных словосочетаний. Отмечается принадлежность названного и подобных слов-компонентов к числу культурно значимых понятий, обладающих вневременными культурно значимыми потенциями.*

Полярность взглядов на реальность фразеологических единиц (ФЕ) в языке и языковом сознании (ср. фразеологизм как самостоятельная языковая единица [3] и как образный лексико-семантический вариант эталонного словосочетания [2, с. 138] во многом определяет характер методических исследований вербализаторов концептов. Фразеологизмы – единицы фразеологического уровня языка, различные по времени возникновения и происхождению, в составе которых находится ключевая номинация концепта (FNC), являются важнейшим средством репрезентации концепта, характеризуя его образный и оценочный уровни. Устойчивые сочетания слов еще в большей степени, чем отдельные лексемы, «законсервировали» первоначальные знания об объектах действительности, закодировали и донесли до нас исходное понимание базовых понятий сознания. Включение в интерпретацию лингвокультурного концепта анализа ФЕ, в структуре которых функционирует FNC, обязательное условие анализа диахронического концепта [1, с. 360–371].

Вопросы методики изучения диахронического концепта в его генезисе связаны с введением в концептуальный анализ описания семантики фразем, функционирующих

в памятниках письменности и народной речи. Такое описание основано на знании семантики отдельных слов фраземы и их *концептуальных потенций*, обусловивших возможность трансформации определенного сочетания слов в фразеологический оборот. Классический набор признаков фразеологизма (устойчивость структуры, семантическая неделимость, целостность и др.) исследуется, как правило, как исходная данность [3]. Каковы же причины того, что определенные группы слов приобрели статус устойчивых выражений, а какие-то – нет? Почему только определенные ФЕ сохранились до наших дней? Несомненно, что частотность употребления определенного сочетания слов как условие формирования фразеологизма реализуется уже в древних дискурсах. Однако этот критерий не может быть основным, так как можно выделить огромное количество подобных единиц, которые мы не считаем фраземами. Целостность, лексическая и структурная неразложимость, а также устойчивость сочетания слов, подвергнувшегося в дальнейшем лексикализации, в диахронии относительны.

В древнерусском языке те единицы, которые трактуются в современной лингвистике как фразеологические обороты, представляли собой *квазифразеологические группы*, предполагающие вариативно сочетающиеся компоненты (понятие «фразеологические группы» используется в концепции Ш. Балли). Для того, чтобы трансформироваться в ФЕ в современном понимании этого термина, необходимы были, с нашей точки зрения, следующие условия: включенность ключевого слова фраземы в информационное поле лингвокультурного концепта, номинированного этим словом, трансформация буквального прочтения фразы в его образное представление, а также возможность концептуального синтеза лексем, входящих в состав данной фраземы: в этом смысле отдельная ФЕ обладает целостным семантическим полем. Ограниченные рамками доклада, приведем один пример.

Лингвокультурный концепт ЖИЗНЬ, ядром которого является понятие «жить», предполагающее полярный противочлен «смерть» (вернее, «не-жизнь»), репрезентировался в период донационального развития восточнославянских языков разноплановыми лексемами, среди которых одним из наиболее активных являлось слово *живот*, имеющее в современных восточнославянских языках значения «часть организма человека или животного», «кишечник»; в некоторых словарях с пометой «устар.» также зафиксировано значение «жизнь» (Ожегов, с. 157).

Реконструированная в диахронии связь между понятиями «живот» и «жизнь» раскрывает всю глубину и масштабность их концептуализированных смысловых полей. Архаизм *живот* в значениях «жизнь», «животное», «имущество» вошел, например, в такие фраземы, как *живота dokonчити*, *живота пострадати* «погибнуть, закончить жизненный путь», *нести животы в церковь* «прятать имение», *держатъ до животов своих* «пользоваться чем-то до смерти» (ср. *доживотный* «пожизненный», *доживотье* «право на пожизненное пользование имением, землями, имуществом») и др. (подробно см. материалы СЛРЯ V, с. 106; Кочин: 208). Активное употребление данных выражений зафиксировано в старобелорусских памятниках письменности: *который хотел о Христе жити, кождый мусель панства отстрадати, альбо въ монастыри живота dokonчити, альбо живота пострадати* (АЗР IV, 230. 1600–1605 гг.); *Маютъ поменныя Гурынъ, Иванъ и Мишко Митковичы сами и ихъ жоны ... тыхъ острововъ Лукьяновского и пляцу на немъ ... до животовъ своихъ держати* (АВК XXIV, 387. 1581 г.). В *животной (живущей) книге* или *книге живота* записывались основные события жизни человека от рождения до его смерти (также поминальная книга) или записывались тексты назидательного характера – руководство к жизни и смерти.

В синхроническом концепте ЖИЗНЬ отмечаются рефлексивные смыслы, что проявляется в ревербализации – перевыражении фраземы, предполагающей реконструкцию архаичных смыслов. Например, употребление слова *живот* в значении «жизнь» в современном языке создает экспрессивный эффект: ... *все наши немощные души ты крепко держал в кулаке. Вернее, в клеенчатой общей тетради, этакой книге живота*

нашего (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»), где слово *этакой* указывает на факт стилизированной ревербиализации.

Распространенное среди воинов выражение *лишиться живота своего*, употреблявшееся нашими предками в буквальном смысле (ранение в живот всегда было смертельным), приобретает переносное значение на основе метонимической модели, в результате чего становится фразеологизмом. В «Словаре живого великорусского словаря» В. И. Даля слово *живот*, кроме значения «утроба, брюхо», зафиксировано в значениях, которые в XIX в. только начинали архаизироваться: «жизнь человека и животного», «что есть в твари живое, оживляющее плоть образующее земную жизнь», собир. «все живое, все, что живет, дышит» (Даль 1, с. 540). Устойчивые выражения типа *всякий живот боится смерти, не на живот рождаемся, а на смерть* были характерны для русской народной речи. Арханг., вологодск. *взять в животы* означало «усыновить, принять в дом, приютить» (Там же). В «Словаре белорусского наречия» Ивана Носовича лексема *живот* входит в фразеологизмы *живь животомъ; на смерть, альбо на животъ* (Носович 1, с. 155).

Номинация *живот* в значении «животное; сельскохозяйственный скот») также представлено в словарях народной речи во всем многообразии своих дериватов, прямо указывающих на связь лексемы с концептуальными полями таких понятий, как «благо-состояние/нищета», «богатство/бедность» (Даль 1: 540; Носович 1, с. 155). Фраземы с компонентом *живот* сохранили в свернутом виде смысловые «матрицы» целых фрагментов действительности, отражающих уклад восточных славян: *Без животов тягла не потянешь; Отцевщина и дедовщина – хrapовщина; а мил животок, коли сам наживешь! На чужой живот гляди да сохни; Весь живот прах возьми! На ветер живота не напасешься, на смерть детей не нарожаешься; Он из него последние животы выматывает; Пошли животы на великого государя; Хлеб да живот и без денег живет* и др. (Даль 1, с. 540).

Лексема *живот* в значении «жизнь» существенно трансформировала в диахронии свою семантику по пути ее сужения. Ключевую позицию лексема сохраняет в телесно ориентированном синхроническом субконцепте ЖИВОТ, ядром которого является понятие «часть живого организма», однако в пассивной зоне информационного поля концепта сохраняются смыслы отдельного мыслимого понятия «жизнь», в значительной степени благодаря сохранившимся прецедентным текстам, в том числе ФЕ с компонентом *живот*, а также явной даже на современном синхроническом срезе этимологической связи слов *жизнь* и *живот*. Из многочисленного ряда квазифразеологических групп сохраняется *не на живот, а на смерть* и модифицированное *решиться живота*, употребление которых стилистически ограничено (Молотков, с. 172; в «Словаре фразеологизмов белорусского языка» И. Я. Лепешева 2008 года издания данные ФЕ не зарегистрированы). Слово *живот*, употребляемое в структурно стабильном контексте *не на живот, а на смерть*, сохранило в сознании связь первого члена оппозиции со словом *жизнь* лишь благодаря эксплицитно выраженной форме противопоставления *живот/смерть*. Имплицитность смыслов в синхроническом концепте предполагает не только скрытое знание значения отдельного архаичного слова, но и эндогенное знание прецедентных текстов и широкого культурного контекста, раскрывающих всю исходную палитру информационного поля концепта и семантического поля номинирующего его слова.

Следовательно, только в том случае, когда пересекающиеся семантические поля слов (среди которых обязательно находится слово, презентующее культурно значимое понятие и содержащее акронические смысловые компоненты) образуют целостное поле, органично входящее в лингвокультурный концепт, сочетание слов трансформируется в ФЕ. Такие слова обладают вневременными концептуальными потенциями и являются обозначающими генетически доминантных идей и понятий коллективного сознания. Для перехода квазифразеологической группы в фразеологический оборот

обязательными являлись трансформации переноса значения по метонимической и/или метафорической модели, проявляющие образный слой концепта, а также максимальное устранение структурной вариантности. Незнание на уровне языкового сознания семантического потенциала лексемы *живот*, имеющей в древнерусском языке ряд значений, в том числе «жизнь», «живое существо», «человек», «животное» и даже «богочеловек (о Христе)», и ее архаичных концептуальных связей – причина понимания нашими современниками проанализированных ФЕ как лексикализованных сочетаний. Выполняя функцию квазифразеологической группы в информационном поле диахронического концепта, эта же группа, существенно модифицировавшись, в синхроническом концепте трансформируется в фразеологизм в современном понимании этого термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Коч, Н. В. Прецедентные тексты в структуре концепта и дискурса / Н. В. Коч // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки»: зб. наук. праць «Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття». – Луганськ: Вид-во ЛНУ ім. Тараса Шевченка, 2010. – Вип. ІХ. – С. 360–371.
- 2 Теркулов, В. И. Номинатема: Опыт определения и описания / В. И. Теркулов. – Горловка: ГПІІІЯ, 2010. – 228 с.
- 3 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Либроком УРСС, 2010. – 272 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АВК – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, тт. I–XXXIX. – Вильна, 1865–1915.
- АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею: т. I–V. – СПб., 1846–1853.
- Даль – Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Русский язык, 1978–1981.
- Кочин – Материалы для терминологического словаря Древней России / сост. Г. Е. Кочин; под ред. Б. Д. Грекова]. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.
- Молотков – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
- Носович – Словарь белорусского наречия / сост. И. И. Носович. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. – 752 с.
- Ожегов – Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Бархударова (тт. I–VI). – М.: Наука, 1975–2002. – Вып. 5.

УДК 001.891:398.9"19/20"

Л. У. Кулік

ДА ПЫТАННЯ АБ ДАСЛЕДАВАННІ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ НА МЯЖЫ СТАГОДДЗЯЎ

Разглядаюцца фразеалагізмы беларускай мовы з пункту погляду адлюстравання ў іх кампанентах культурна значнай інфармацыі. Вызначаюцца фразеалагічныя адзінкі, у якіх вербалізуюцца пэўныя вобразы, сімвалы, эталоны і стэрэатыпы. Звяртаецца ўвага на наяўнасць ва ўнутранай форме фразеалагічных адзінак культурнага коду, звязанага са старажытным светапоглядам носьбітаў мовы.

Пачынаючы з апошняга дзесяцігоддзя XX стагоддзя і па сённяшні час у айчыннай і замежнай лінгвістыцы назіраецца тэндэнцыя да вывучэння пэўнай мовы ў яе культурным аспекце. Асаблівая ўвага пры гэтым адводзіцца выяўленню і аналізу нацыянальна-культурных канатацый фразеалагізмаў.

У сувязі з тым, што ўвасабленне свету ў мове залежыць ад таго, якім чынам яго прымае чалавечы розум, сёння даследаванне нацыянальна-культурных асаблівасцей фразеалогіі пэўнай мовы выходзіць далёка за межы лінгвістыкі і звязана з “вывучэннем свету вобразаў, якія адлюстроўваюцца ў плане зместу фразеалагічных адзінак, і іх суадносін з тыповымі сітуацыямі для этнасу” [7, с. 11–12]. Вырашаючы пытанні нацыянальна-культурнай спецыфікі фразеалагічных адзінак (далей – ФА), сучасныя даследчыкі фразеалогіі выяўляюць універсальнасць і ўнікальнасць іх семантыкі і вобраза-сімвалічнага зместу, асвятляюць і імкнуча вытлумачыць “экстралінгвістычную інфармацыю як сэнсаўтваральны кампанент ФА” [7, с. 28]. Навукоўцы каменціруюць культурна-маркіраваныя фразеалагічныя кампаненты ў межах тэматычнага поля па іх адпаведнасці на лексічным і граматычным узроўнях плана выражэння, а таксама па адпаведнасці ФА розных моў у тыпе метафарычнага пераносу, па адпаведнасці кампанентаў, якія ўдзельнічаюць у структурызацыі вобразна-матываванай унутранай формы ФА. Змешчаная ва ўнутранай форме ФА культурная інфармацыя з’яўляецца аб’ектам даследавання такой галіны навукі, як лінгвакультуралогія. Гэта навуковая дысцыпліна “даследуе ўвасабленне ў жывой нацыянальнай мове матэрыяльную культуру і менталітэт, што выяўляюцца ў моўных працэсах у іх дзейснай пераемнасці з мовай і культурай этнасу” [13, с. 216].

Асноўнымі адзінкамі лінгвакультуралогіі з’яўляюцца слоўныя вобразы і сімвалы, эталоны і стэрэатыпы.

Вобразы і сімвалы “з’яўляюцца неабходнымі для моўнага мадэліравання таго ці іншага феномена нацыянальнай культуры, для фарміравання моўнай карціны свету ў выглядзе вобразных уяўленняў” [1, с. 281]. На больш высокі семіятычны статус сімвала ў параўнанні з вобразам указвае Н. Д. Аруцюнава, акрэсліваючы, што “культурная значнасць фразеалагізма павялічваецца ў тых выпадках, калі ў яго структуры прысутнічае сімвалічны складнік (тыпу *крест* у ідыёме *несці свой крест*)... Гэта звязана з тым, што сімвал часцей інтэрпрэтуецца ў сімвалах культуры” [3, с. 157–158]. І наадварот, менавіта “словы-сімвалы ці словы і словазлучэнні, якія атрымалі сімвалічнае прачытанне, з’яўляюцца адной з крыніц культурна-нацыянальнай інтэрпрэтацыі фразеалагізмаў” [13, с. 243]. Напрыклад, у беларускай мове вылучаюцца ФА з кампанентам *нага* ў спалучэнні з ад’ектыўным кампанентам *левы*: *дурны як бот <з левай нагі>* ‘вельмі, надзвычай (дурны)’; *не <левай> нагой смаркацца* ‘разбірацца ў чым-небудзь не горш за іншых, быць не пазбаўленым здольнасцей, ведаў і пад.’; *устаць з левай нагі* ‘быць у дрэнным настроі, у раздражнёным стане’. Вобразы дадзеных ФА заснаваны на “архетыпічным проціпастаўленні “правы – левы”, якое, у сваю чаргу, звязана з сімвалічнымі апазіцыямі “праўда – няпраўда (крыўда)”, “добра – зло” [5, с. 139]. У адпаведнасці з рэлігійнымі пісаннямі, менавіта левы бок з’яўляецца няўдачлівым, паколькі “кожны чалавек за правым плячом мае добрага духа-заступніка, а за левым – злога духа-спакусніка” [4, с. 406].

Пытанні, звязаныя з паняццем “стэрэатып” асвятляюцца ў шматлікіх сучасных лінгвістычных даследаваннях, вынікам чаго з’яўляецца існаванне розных яго тлумачэнняў. Так, напрыклад, А. П. Леўчанка пад стэрэатыпам разумее рэпрэзентацыю прататыпа няпоўным, частковым вобразам з’явы, які абмяжоўваецца канатацыямі і не мае дэфінітыўнага сэнсу, са структурай, закрытай для новай інфармацыі [10, с. 341]. В. У. Красных разглядае стэрэатып як некаторую структуру “ментальна-лінгвальнага комплексу, якая фарміруецца інварыянтнай сукупнасцю валентных сувязей, якія

прыпісваюць дадзенай адзінцы і якія рэпрэзентуюць вобраз-уяўленне феномена, які стаіць за дадзенай адзінкай, у яго [вобраза-ўяўлення] нацыянальна-культурнай маркіраванасці пры пэўнай прадказальнасці напраўленых сувязей (вектараў асацыяцый)” [9, с. 232]. З улікам таго, што фразеалагізмы “самі набываюць ролю культурных стэрэатыпаў” [13, с. 232], пад стэрэатыпам намі разумеюцца замацаваныя ў свядомасці асобы альбо цэлага калектыву пэўныя вобразы і паняцці, якія валодаюць трывала замацаванай за імі семантыкай, матэрыялізуюцца ў маўленні праз словы, спалучэнні слоў альбо фразеалагічныя адзінкі і ствараюць культурна-моўны вобраз. Менавіта сукупнасць кагнітыўных стэрэатыпаў нацыі вызначае нацыянальны спосаб успрымання і разумення рэчаіснасці, альбо нацыянальны менталітэт, пэўнага народа. Напрыклад, беларуская ФА *пуза / жывот на нос лезе* ‘хто-н. у стане цяжарнасці. Звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе’ адлюстроўвае складзенае ў свядомасці беларусаў мінулых стагоддзяў стэрэатыпнае адмоўнае стаўленне да незаможнай цяжарнай жанчыны, што ўзмацняецца яшчэ і ўжываннем размоўнай лексемы *пуза*, якая амаль заўсёды нясе адмоўную канатацыю.

Неабходна адрозніваць ад стэрэатыпа эталон, статус якога аб’ект, паняцце альбо рэалія набываюць у выпадку праяўлення імі пэўнай універсальнай якасці ў найвышэйшай ступені, і таму існаванне эталона немагчыма без супастаўлення альбо параўнання. Пад эталонам, услед за В. М. Тэліяй, разумеем “характаралагічную вобразную падмену якасцей чалавека альбо прадмета якой-небудзь рэаліяй – персонай, натуральным аб’ектам, рэччу, якія становяцца знакам дамінуючага ў іх з пункта погляду штодзённа-культурнага вопыту, якасці” [13, с. 242]. Так, у беларускіх ФА *плячысты на жывот / на пуза* ‘таўстапузы’, *хоць жывот / пуза расперажы* ‘ўволю, колькі хочаш (есці, з’есці)’ кампаненты *жывот* і *пуза* ўспрымаюцца як своеасаблівыя эталоны сытасці, матэрыяльнай забяспечанасці, дастатку.

ФА ўспрымаюцца як своеасаблівыя стэрэатыпы, што звязана са знаходжаннем у аснове іх унутранай формы пэўнай протасітуацыі. У сувязі з гэтым даследаванне ФА з улікам іх лінгвакультуралагічных асаблівасцей немагчыма без звароту да квазісімвалаў, якія рэпрэзентуюцца кампанентамі ФА, а квазісімволіка мае месца ў выпадках, калі “не рэалія, а імя рэаліі набывае сімвалічнае прачытанне” [13, с. 243]. У адрозненне ад сімвалаў-рэалій і моўных сімвалаў (кампанентаў ФА), “якія выяўляюць устойлівае сімвалічнае прачытанне і за межамі фразеалагізмаў”, квазісімваламі з’яўляюцца кампаненты ФА, якія становяцца толькі “ўвасабленнем якой-небудзь культурнай ідэі” [8, с. 29]. Іншымі словамі, квазісімвалы – гэта “іменны якіх-небудзь рэалій, якія не дасягнулі статусу сімвала ў культуры, але ў вобразе фразеалагізма былі ўцягнуты ў сімвалізацыю ці на аснове стэрэатыпных уяўленняў, ці з дапамогай іншага кампанента” [8, с. 30]. Узнікаюць квазісімвалы ў свядомасці гаворачага пры актуалізацыі ФА скрозь прызму вобраза, які выяўляецца ў даслоўным успрыманні ФА. Так, у беларускай мове фіксуецца ФА з кампанентам *горла*, які выяўляе квазісімволіку: ‘орган-інструмент утварэння гукаў’: *затыкаць горла*; ‘полы прадмет, сасуд’: *валіцца цераз горла*; *з горла лезе*; *з горла прэ*; *на <самае> горла*; *сыты (-ая, -ыя) на горла*, дзе замацавана ўяўленне аб горле як аб верхняй мяжы чалавечага цела, максімальна напоўненага; ‘месца канцэнтрацыі сілы, жыцця’: *грызці горла*; прыставаць *з нажом да горла*; *наступаць на горла*.

Нацыянальна-культурная ўнікальнасць фразеалогіі можа выяўляцца не толькі праз замацаваныя ў ёй комплекс уяўленняў носьбітаў мовы аб пэўным эталоне ці стэрэатыпе нацыянальнай культуры, але і непасрэдна праз кампаненты ФА. Пры такім падыходзе кампанент ФА з’яўляецца культурна-маркіраваным і патрабуе звароту да ўнутранай формы ўсяго фразеалагізма, а ў сувязі з гэтым да яго вобразна-асацыятыўнай асновы. У сваю чаргу ўнутраная форма, хоць і з’яўляецца складнікам ФА, аднак не заўсёды дазваляе зрабіць бяспрэчныя вывады аб асаблівасцях развіцця пэўнага калектыву і патрабуе комплекснага даследавання цэлага пласта ФА.

Замацаваная ў ФА кожнай мовы культурная інфармацыя, якая выклікае вялікую цікавасць даследчыкаў, рэалізуецца праз сістэму кодаў. Культурны код – гэта “сістэма знакавых цел матэрыяльнага і духоўнага свету, якія з’яўляюцца носбітамі культурных сэнсаў” [6, с. 9]. Выкарыстоўваючы розныя матэрыяльныя і фармальныя сродкі, культурныя коды “кадзіруюць адзін і той жа змест, які зводзіцца ў цэлым да карціны свету, да светапогляду дадзенага соцыуму” [2, с. 8].

Культурныя коды, з аднаго боку, суадносяцца са старажытнымі архетыпічнымі ўяўленнямі чалавека і таму з’яўляюцца ўніверсальнымі для розных культур. На думку М. У. Піменавай: “Кодам культуры ў асноўнай іх частцы ўласцівы ізамарфізм, г. зн. у кожнай культуры існуе ўвесь пералічаны спектр кодаў [раслінны, зааморфны, перцэптыўны, саматычны, антрапаморфны, харчовы і інш.]” [12, с. 178–179]. З другога боку, успрыманне і разуменне свету асобным чалавекам як прадстаўніком пэўнай нацыі абумоўлівае спецыфічнасць кодаў культуры. На існаванне такой унікальнасці кодаў уплываюць асаблівасці звычаяў і традыцый, побыту, паводзін, грамадскага, эканамічнага, палітычнага жыцця народа, а найперш – непаўторны індывідуальны ўнутраны свет асобы. Выяўленне характэрных пэўнай моўнай агульнасці элементаў культурных кодаў дазваляе “паказаць на асаблівасці культуры, якая адлюстроўваецца ў мысленні народа” [12, с. 179].

Такім чынам, на сучасным этапе развіцця айчыннага мовазнаўства актуальным з’яўляецца вывучэнне фразеалагізмаў у лінгвакультуралагічным аспекце. У выніку такога даследавання ФА разглядаюцца не проста як адзінкі мовы, але і як адзінкі, якія выяўляюць сувязь мовы і культуры. Як знакі культуры ФА можна зразумець толькі з улікам звароту да эталонаў, стэрэатыпаў, квазісімвалаў і пад., якія закадзіраваны ў іх унутранай форме.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
- 2 Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 8-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 383 с.
- 3 Арутюнова, Н. Д. От образа к знаку / Н. Д. Арутюнова // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М., 1988. – С. 147–162.
- 4 Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
- 5 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
- 6 Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
- 7 Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Л. Ковшова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкозн. – М., 1996. – 244 с.
- 8 Ковшова, М. Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов / М. Л. Ковшова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 27–31.
- 9 Красных, В. В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 375 с.
- 10 Левченко, О. П. Атрибут, прототип, стереотип у фразеологічній картині світу / О. П. Левченко // Мовні та концептуальні картини світу : зб. наук. праць. – Вип. 10. – Київ, 2004. – С. 338–346.

11 Малоха, М. Фразеологизмы с концептом “дерево” в зеркале народной культуры (на материале восточнославянских и польского языков) / М. Малоха. – Минск : Тэхналогія, 1998. – 141 с.

12 Пименова, М. В. Принципы категоризации и концептуализации мира / М. В. Пименова // *Studia Linguistica Cognitiva* / Рос. АН, Ин-т языкозн. ; Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов ; редкол. : В. А. Виноградов [и др.]. – Вып. 1. – Язык и познание : методолог. проблемы и перспективы. – М., 2006. – С. 172–186.

13 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. “Яз. рус. культуры”, 1996. – 288 с.

УДК 398.9:025.179(4762-37Ветка)

Г. І. Лапацін

ФРАЗЕАЛАГІЗМ *ДРАЦЬ КУРЫЦУ*: ЭТНАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

(Па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый
Веткаўскага музея народнай творчасці)

*У артыкуле характарызуецца ўнутраная форма дыялектнага фразеалагізма **драць курыцу**, які абазначае рытуал, прымеркаваны да вясельнай абраднасці. Абапіраючыся на фактычны матэрыял, сабраны ў населеных пунктах Веткаўскага раёна, аўтар вызначае першапачатковую архаічную сімваліку слова **курыца**, звязаную з вызначэннем “чэснасці” нявесты.*

Фразеалагізм *драць курыцу*, які аўтар гэтых натакаў абраў аб’ектам даследавання, выкарыстоўваецца для вызначэння аднаго з этапаў вясельнага абрада, калі на другі альбо на трэці дзень вяселля маладыя і некаторыя з гасцей частаваліся стравамі (*суп, латша*) з курынага мяса.

Як вядома, вясельны абрад надзвычай архаічны, і кожны з яго элементаў і этапаў мае свой падтэкст. Але па-большасці, некалі знакавыя абрадавыя дзеі з цягам часу пераўтварыліся ў простыя забавы, пазбаўленыя сэнсу. Вызначанае аўтарам не выключэнне. Ужо зацікаўлены тэмай, аўтар звярнуўся з адмысловым пытаннем да носьбітаў мясцовай культуры. Атрыманыя адказы паказалі, што першасны сэнс абрада, за рэдкім выключэннем, адышоў у далёкае мінулае. Адказы былі такога кшталту: *Проста пахмялялісь, хто быў свабодны* [1]; *Цяпер абы курэй сабраць да паесць...* [2]. Адметным у гэтым плане выглядае наступны адказ, які своеасабліва паказвае, што першасны старадаўні сэнс абрада для сучасных яго выканаўцаў невядомы: *Эта назывецца на курэй. А пітух ілі курыца – разніцы німа. Вабшчэ давалі курэй, а, можа, болей пітухоў давалі, чэм курэй. Патаму шта курыца – нясушка, жалка аддаваць* [3]. Такое чыстае пабытовае тлумачэнне замены *курыцы пяхухом* у дадзеным абрадзе памылковае ў адносінах да пепшаасновы абрада. Сапраўды, у некаторых нашых вёсках (напр., ў Казацкіх Баўсунах) курыныя стравы гэтага дня гатаваліся як з пеўня, так і з курыцы. І такая акалічнасць, што “пяхуха” адмыслова давалі з боку жаніха, а “курыцу” – з боку нявесты, паказвае, што ўся атрыбутыка абрада знакавая і сімвалічная.

Спачатку была здагадка: “Ці не можа вызначаны намі элемент вясельнага абрада выяўляць сімвалічнае значэнне развітання нявесты з дзявоцкасцю?” Зварот падчас працы над дадзенай тэмай да этнаграфічнай літаратуры паказаў, што падобныя меркаванні, праўда, не дэтальна і не падрабязна, сустракаюцца ў даследаваннях, прысвечаных як сімваліцы курыцы ў традыцыйнай культуры [4, 96], так і ў

даследаваннях, присвечаных сімволіцы вясельнага абрада [5, 63]. У сваю чаргу, аўтара гэтых нататкаў на гэтую думку наштурхнуў дзіцячы ўспамін пра тое, што і як называлі ў хлопчыкаў і дзяўчынак. Адмысловае апытанне на гэту тэму паказала, што такія вызначэння як “курыца” у адносінах для прадстаўніц жаночага полу і “пятах” для прадстаўнікоў мужчынскага полу не з’яўляюцца вынаходніцтвам носьбітаў мовы апошняга часу, а з’яўляюцца традыцыйнымі:

[Як казалі хлопчыкам – *што ў іх?*] – Піцюнька. А дзевачкам: *курачка. Эта з веку ў век* [6]; [Як казалі дзяўчатам – *што ў іх?*] – *Хочыш курыцай, хочыш баланкай. За то і курыцу даюць* [7].

Падобныя вызначэнні самі сабой час ад часу ўзнікаюць у гаворцы носьбітаў традыцыйнай культуры. У гэтым плане паказальны фразеалагізм, які выкарыстоўваюць у адносінах да дзяўчат, якія лянуюцца праць, ткаць ды інш: *Хадзіць па балонню, закрывае <...> ладонню* [8]. Аўтар гэтых нататкаў адмыслова выкарыстоўвае ў гэтым прыкладзе шматкроп’е, каб сказаць тое, што жанчына, з якой яму пашчасціла размаўляць, двойчы звяртаецца да яго на працягу адной размовы, і у адным выпадку на месце нашага шматкроп’я у яе ўзнікае слова *кураца (прыкрывае курыцу ладонню)*, а ў другім – слова *сцулля (прыкрывае сцуллю ладонню)*. І такім чынам яна на узроўні мовы паставіла паміж гэтымі вызначэннямі знак тоеснасці. Невыпадковасць такога вызначэння ў адносінах да жанчыны у яе гаворцы падцвярджаюць і іншыя пачутыя ад яе прыклады.

Усё калісь мужчыны казалі: “Васіль, ці ўмееш ты найціць курыцу ў сваей Марусі?” [9]; А дзед Майка кажа: “А я сяду, хоць петуха свайво нагрэю на грубцы. А вы сваю пцічку... садзісіць і грэйця. Скарэй пцічку садзіся на грубку грэйця!” [10]; Ляж на грубачку і пагрэй чорну курачку... [11]; У нас Куцага Андрэя дражнілі. “Не бачылі Андрэя, што бабам кур брэя?” [12]; Мужчыны ходзяць да яё гуляць, дак яё празвалі “обшчая курыца” [13]; “Ой, калі б ты, сіротачка, хоць дзве курачкі мела, / Ты б у нашай хаці, як пташачка пела” / – “Ой, нашто мне дзве курачкі, зярнятак не мая, / Ё ў мяне адна курачка і тая залатая...” [14]. Прыклад з “залатой курыцай” асабліва ў параўнанні з “обшчай курыцай” паказвае, наколькі было істотна для дзяўчыны захаваць дзявоцкасць да шлюбу.

Тое, што дзяўчына захавала дзявоцкасць да шлюбу, рабілася прадметом сваеасаблівай, але адмысловай дэманстрацыі: *Красный пояс жених повязывает на дугу, если девушка была честная. Этот пояс невеста одевала на другой день свадьбы* [15]; *Если идець деўка замуж, то ей завязуць платок, і красную, галную ленту на платку. Таго што яна чэсная дзеўка, не порчаная... Тады станавілісь на дзежку, і скакалі на лаўках. Як прывязуць маладую, і скачуць тэя вясельніцы на лаўках, калі яна чэсная маладзіца. Як яе выпраўляюць к маладому у поезд, то становяць дзежку, і на каня – украшывалі дугу поясам, ленту чаплялі, то яна становіцца на дзежку і садзіцца на воз. Я станавілася, і мне скакалі. . У мяне ж пытаюцца: Табе станавіць дзежку?” – “Станоў!” – “Табе скакаць на лаўках?” – “Скачы! За то што я сама сябе знаю, якая я, мне расказваць не нужна” [16].*

Дэманстрацыя “чэснасці” альбо “нячэснасці” навясты адбывалася нават і ў тым выпадку, калі нявеста страціла дзявоцкасць ад будучага мужа: *Можна, яна нячэсная ад яе сына, но ўсё раўно да свадзьбы эта у іх пабыло атнашенія* [17].

Абрад “драць курыцу” з гэтага шэрагу. Прычым гэта вызначаюць непасрэдна носбіты традыцыі. Захоўваючы амаль паўсюдна сваю структурнасць, абрад у розных вёсках набывае свае адмысловыя і празрыстыя рысы: *На жэрдцы курэй... ты дала, я дала, і перывязыць перваю курыцу, тыя не перывязыць, а перваю, еслі дома даеш, дома ж перва даюць, і лентай краснай перывязыць – што эта ўжо дзеўка... а як ня дзеўка – дак чорнай лентай... но ў нас ў Закружжы не разаблачалі, а у другіх мястах разаблачалі. Калісь эта зналі. Вот, напрымер, у нас у Закружжы ніхто не выказываў, а вот, паехалі Чмелевы ў Карэлію, там Манька пашла замуж, там ў іх другі абрад быў.*

І ўжо прывяраець, і штоб ужо сын расказаў праўду. І ён расказыя. І Таццяне Чмелевай і Чмелю прасверлілі ложка, і яны ня зналі. Палажылі ложка на стале, яны цякуць. Чмель кажэ: “Што вы мне дзяржаваю ложку далі? Давайця другую!” А сват кажэ: “Такая твая дочка!” А Таццяна: “На маю”. Ён узяў... і тая. Бацька і матка з дзяржавымі ложкамі. І тады падалі ім другія ложка. У Карэлі няльзя скрываць [18].

“У нас, еслі яна чэсная была, курыцу ету... флаг красны і курыцу завязывалі ў знак, што ета дзеўка чэсная. А як нічэсная – толькі белая трапка вісіць, і курыцы німа. Ета праўда была у нас у Шалухоўцы. Я сама бачыла... дак я спрашывала... Падросткам была, а шлі с саракавова, с трыццаць дзівятва ішлі замуж... я ета сама лічна бачыла... с трыццаць дзівятава, с трыццаць сёмава... Я ж ні знаю... курыцу на шост, красны флаг... с трапкі краснай... і курыца там... і паняслі к маладой. Я прыходжаю дамой: “Мам, што такая, што курыцу, флаг паняслі к маладой?” Ета цяпер абы курэй сабраць да паесць, да папіць. Яна гаворя: “А што паняслі?” Я гаварю: “Курыцу і флаг красны”. Яна гаворя: “Ну вот, ета дзеўка чэсная, харошая”. А я ж ні знаю, што такая – чэсная. Ішчэ падросткам была. Гаварю: “А што такая?” – “Харошая... белы флаг і німа нічога – значыць дзеўка плахая, — матка смяецца, – ніхарошая”. А як “ніхарошая” паняць – мне матка не магёць аб’ясніць. Я сама сваімы вачымы бачыла [19]. Заўвагай, кштальту: “Ета цяпер абы курэй сабраць да паесць, да папіць...” і далей па тэксту жанчына вызначае, што для носбітаў традыцыі больш сталага пакалення гэты абрад меў сімвалічнае значэнне.

Сімвалічным было і тое, што “курыцы дралі” непасрэдна пасля першай ночы, праведзенай жаніхом і нявестай разам: *У первы дзень ета ўсё была абдзелана. Січас і назаўтрава гуляець свадзьбу, як у дзярэўні... но ета толькі ў горадзі... но ўсё раўно... еслі ў рэстарані пагулялі, ідуць на кварціру... дабаўляюць. Тады было абдзень. Абдзень – ета... едуць перва к маладой... едуць, прымерна, часоу у дзесяць утра к маладой. Там да абеда абедаюць, выпіваюць. Патом забіраюць маладую... [20].*

Сімвалічны ў гэтым плане і прыпеўкі, якімі суправаджаліся дзеі ўэтага дня: *Спасіба, мамачка, за дачку,/ Што насіла ў фартучку/Прасілі хлопцы – ні дала,/ Нашаму Колечку прыблюла [21].*

І яшчэ некалькі прыкладаў, у якіх усё празрыста, зразумела і адназначна: *Курыцу дзяруць, што дзеўку замуж аддалі. Такая абычая, што курыцу нада... на пращанія дзевіч’я. Эта так назывіцца [22]; Свадзьба на первы дзень, а на другі... ужо перяспаў жаніх с нявестай... курыцу ўжо смаляць [23].*

У сувязі з тым, што выкананне альбо не выкананне дадзенага абрада відавочна дэманструе “чэснасць” альбо “нячэснасць” нявесты, ўзнікла пытанне: з якой нагоды жаніху патрэбна выстаўляць сваю нявесту ў непрывабным выглядзе? Магчыма, адказ на гэта пытанне трэба шукаць у сістэме прадпісанняў і забаронаў на выкананне альбо невыкананне тых ці іншых рытуалаў, што магло ў далейшым прывесці да негатыўных наступстваў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Ад Няброева Сяргея, 1971 г. н., жыхара Ветка, родам з п. Селішча Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Архіў аўтара.
- 2 Ад Конанавай Марыі Васіллеўны, 1947 г. н., жыхаркі в. Радуга Веткаўскага р-на, родам з в. Шалухоўка Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 123. Ар. 53.
- 3 Ад Анікушкіна Аляксандра Мікалаевіча, 1954 г. н., жыхара в. Хальч Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 135 Ар. 27.
- 4 Бушкевич, С. П. Курица / С. П. Бушкевич // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – Москва: международные отношения, 2004. – С. 60–68.
- 5 Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. / Н. Ф. Сумцов // Москва: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1996. – 296 с.

6 Ад Батраковай Ганны Пятроўны, 1948 г. н., жыхаркі в. Радуга Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 123. Ар. 52.

7 Ад Кужэльнай Праскоўі Сяргееўны, 1934 г. н., перасяленкі з в. Старае Закружжа, зап. Лапацін Г. І. 2010 г. Сш. 117. Ар. 260.

8 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. 2009 г. Лапацін Г. І. Сш. 117. ар. 157. Больш падрабязна аб гэтым фразеалагізме гл.: Лапацін, Г. І. З назіранняў над дыялектнай фразеалогіяй. (п. Амяльное Веткаўскага р-н Гомельскай вобласці) / Г. І. Лапацін // Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Славіі: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 24–25 лістапада 2009 г.) / Інстытут мовы і літаратуры імя Янкі Купалы і Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – 340 с. – С. 182–187.

9 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2009 г.. Сш. 117. ар. 256.

10 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 117. ар. 263.

11 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 117. ар. 280.

12 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 117. ар. 317.

13 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. . Архіў аўтара.

14 Ад Грэцкай Варвары Аляксандраўны, 1925 г. н., перасяленкі з п. Амяльное, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 117. ар. 280.

15 Ад Хамяковай Феклы Дзянісаўны, 1907 г.н., жыхаркі в. Казацкія Баўсуны Веткаўскага р-на, зап. Чыжова І. Ю. у 1997 г. Сш. 47. Ар.22-23.

16 Ад Шпылько Еўдакіі Лукінічы, 1924 г. н., Ласатавой Аначстасіі Рыгораўны, 1928 г. н., жыхарак в. Ялоўка, зап. Смірновай І. Ю. у 2002 г. Архіў І. Ю. Смірновай

17 Ад Герасіменка Ганны Іванаўны, 1931 г. н., жыхаркі в. Неглюбка Веткаўскага р-на Неглюбка Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 131. Ар. 24.

18 Ад Кужэльнай Праскоўі Сяргееўны, 1934 г. н., перасяленкі з в. Старае Закружжа Веткаўскага р-на, зап. у 2010 г. Лапацін Г. І. Сш. 117. Ар. 260.

19 Ад Конанавай Марыі Васільеўны, 1947 г. н., жыхаркі в. Радуга Веткаўскага р-на, родам з в. Шалухоўка Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 123. Ар. 53.

20 Ад Герасіменка Ганны Іванаўны, 1931 г. н., жыхаркі в. Неглюбка Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2011 г. Сш. 131. С. 24.

21 Ад групы жанчын з в. Казацкія Баўсуны Веткаўскага р-на, зап. Мазейка Л. М. у 1998 г. Сш. 47. Ар. 61.

22 Ад Рыбачкінай Пелагеі Ягораўны, 1934 г. н., жыхаркі в. Радуга Веткаўскага р., зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 123. Ар. 53

23 Ад Кужэльнай Праскоўі Сяргееўны, 1934 г. н., перасяленкі з в. Старае Закружжа Веткаўскага р-на, зап. Лапацін Г. І. у 2010 г. Сш. 117. Ар. 260.

УДК 81'373:398.9

Н. И. Лапицкая

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СОДЕРЖАНИИ УСТОЙЧИВОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ВЫЙТИ НА ЮРЬЕВУ РОСУ*

Статья посвящена рассмотрению этнокультурной семантики диалектных устойчивых словосочетаний, содержащих в своем составе собственное имя Юрий.

Устанавливается народномифологическое и христианское понимание культа святого Юрия (Георгия Победоносца), восходящего к представлениям о языческом божестве Яриле.

Коллекция и информативность являются теми существенными свойствами языкового знака, которые лежат в основе его важнейшей функции наряду с коммуникативной: функции кумулятивной. Язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит “хранилищем” и средством передачи внеязыкового коллективного опыта.

Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена категориями материального мира, социальными факторами. «Слово – имя конкретной вещи, конкретного явления – однозначно, но оно не простой знак вещи или явления. Слово может рассказать и о времени, и о среде, в которой оно бытует» [1, с. 3].

Таким словом, безусловно, является имя собственное. Имя в качестве универсалии языка хранит информацию во времени, является сложным языковым знаком и, согласно мифопоэтическому подходу, может представлять собой свернутый краткий текст, т.е. являться «антропонимической формулой или реликтом эллиптированного текста» [2, с. 87]. По словам В. Н. Топорова, «роль имени не только велика, но по-особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны и на ту силу, которая от нее неотделима» [3, с. 126].

Данная работа посвящена рассмотрению одной паремии, содержащей указание на личное имя: *Выйти на Юрьеву росу*.

Имя *Юрий* в названном фразеологизме, как известно, называет святого Георгия Победоносца и является вариантом онима *Георгий*.

Появление различных вариантов имени объясняется, по мнению С. В. Бромлей, тем, что определенные различия восходят к греческому языку. Форма *Юрий* связана с изменениями в народной греческой форме *Γεωργις* с гласным [u], «[g’] перед гласным переднего ряда в заимствованиях субституировалось через [j] – *jǝjúrjǝ* > *júrej* (после падения редуцированных и стяжения однородных согласных). Имя же Егор – «результат адаптации заимствованной формы *Георгий*» [4, с. 141]. Имена *Георгий* и *Егор* (*Егорий*) соотносятся, таким образом, как книжная и народная формы.

Георгий Победоносец является очень популярным святым. По словам С. Максимова, «после Николая, мирликийского чудотворца, из сонма святых греческой церкви едва ли найдется в русском царстве имя более известное, как имя св. великомученика и победоносца Георгия, и притом чтимое с самых первых времен распространения христианства» [5, с. 362].

Такая популярность этого святого связана, в первую очередь, с именем князя *Ярослава*, внука *Святослава*, христианское имя которого было *Георгий*. Эта мысль подтверждается словами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова: «Представляется весьма важным, что крестное имя *Ярослава* было *Георгий* [...]. Известно, что *Ярослав* «заповеда по всей Руси творити праздник св. Георгия месяца ноября 26 день», который не был известен в греческой церкви» [6, с. 206]. Как указывал С. В. Максимов, *Ярослав* заложил *Юрьев град*, монастырь св. Георгия. Затем славу имени поддержал князь *Георгий Владимирович*, павший в битве с татарами на реке *Сити*. Его имя окружили почетом и отождествили с именем победоносца [5, с. 363].

По народным представлениям, *Юрий* является покровителем скота, всех лесных зверей и волков. Покровительство волкам и зверям было приписано Георгию, на наш взгляд, под влиянием народного календаря. Время, на которое приходился зимний день *Егория*, являлось голодным и холодным (9 декабря, по новому стилю), когда волки

начинали приближаться к человеческому жилью. Можно привести многочисленные русские и белорусские приметы, отражающие указанные неканонические представления: бел. «Юрый лічыўся апякуном хатняй і лясной жывёлы, ваўкоў. У гэты дзень ён нібы выпускаў ваўкоў аж да вясенняга Юр'я. Больш не выганялі на пашу кароў, бо Юрэй ужэ дае ваўкам свабоду» (БНК, 190); «Бог дапаручыў Юр'ю, каб ён даглядаў уселякае жывёла, от затым і гавораць, што Юрэй ваўкамі камандуе, што ён насылае ваўкоў, калі хочэ пакараць людзей да пажываць іх гавядо» [7, с. 100]; «Е Юрэй осенні і весняны, вон хозяін воўкам, вон назначае, дзе кому што з'есці» (ТС 3, с. 129); рус. «Егорий зимний – охранитель скота, повелитель волков. Волки начинают ходить за добычей. Что у волка в зубах, то Егорий дал» (КГ, 37), «Он (Юрий) собирает их вокруг себя и каждому определяет, где и чем кормиться. Между поселянами существует поверье, что волк ни одной твари не задавит без божьего соизволения, что на Юрьев день Егорий Храбрый разъезжает по лесам на белом коне и раздает волкам наказания» [8, 2, с. 709].

Первый выгон скота в поле происходил 6 мая (по новому стилю) в день святого Егория, поэтому обращение к Георгию с просьбой защитить скот обладало в этот день наибольшей силой.

Кроме того, св. Георгий считался исцелителем от всяких недугов (в первую очередь, скота). Согласно апокрифической легенде, св. Георгий, находясь в темнице, излечил многих больных, чудом исцелил у одного из пахарей его умершего вола (см. [9, с. 2–3]). По народным представлениям, даже роса в Юрьев день считалась целебной: бел. «...А вы, людзі-хрысціяне, раненька ўставайця і скацінку сваю выганяйця на Юр'евы росы... Каб ваша скацінка здаровенька была...» (Замовы, 64; см. также Замовы, 65). Это поверье нашло отражение и закрепилось в устойчивых сочетаниях «будь здоров, как Юрьева роса» (Даль 1, 514), «**выйти на Юрьеву росу**» – «выздороветь» [10, с. 79]. Интересным, на наш взгляд, является представление, зафиксированное в белорусских говорах: «Чэщча насала на ёго так, а далей очолачыўся, Юрый спас» (очолачыцца «вярнуць сабе чалавечае аблічча (пасля праклёну)» – ТС 3, 296).

Георгий Победоносец является также покровителем земледелия: «Юрый (Ягорый) – апякун жывёлы і земляробства» (БНК, 96). Само имя Георгий в переводе с греческого обозначает «земледелец» [11, с. 92], (СРЛИ, 85). Георгий Победоносец воспринял черты языческого бога Ярилы, который был богом плодородия. Одним из оснований такой замены явилось совпадение празднования дня св. Георгия и Ярилина дня (27 апреля/6 мая). Кроме того, важно учесть, что корни -яр-, -юр- имеют общие значения. «Корень ярь- (Яра, яро) в составе существительных имел значение «весна» (отсюда ярило), «жара, пыл, зной», «страсть, любовный пыл», «гнев, ярость»; соответственно производные прилагательные имели значение «весенний» (сюда: яровые (о злаках); «полный сил, неутомимый»; «страстный, пылкий»; «похотливый», «гневный» [12, с. 89]. Фактически такое же значение имеют восточнославянские лексемы с корнем ярь-: великорусск. *юрить* «спешить, торопить», *юркой* «резвый, бойкий», *юрово* «скоро, шибко (=яро)», *юро* и *юрило* «беспокойный человек»; бел. *юрыць* (от Юрьева дня, т. е. 23 апреля, когда домашний скот начинает, при наступлении весны, чувствовать силы и заигрывать (ярыць) по пословице: «Бычки бушуюць, весну чуюць»: 1) «шалить, заигрывать»; юр «шалость, своеволие, выходящее за пределы благопристойности»: «Юр бабу берець», «похоть, сладострастие», юрлівы «похотливый, сладострастный» [8, 1, с. 705; 12, с. 99]. Лексемы, имеющие подобное значение, встречаются в польском языке: *jurność* «похоть», *jurny, jurliwu* «похотливый, смелый» (=ярь, ярость, ярый), *jurzyć się* «гневаться» (=яриться) (Фасм. 4, 532), [8, 1, с. 705]. Интересная мысль о замене христианским именем Георгий языческого теонима Ярилы была высказана Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым: «Представляется весьма важным, что крестное имя Ярослава было Георгий, что может свидетельствовать об актуальности уравнения Яр-: Георгий...» [13, с. 206].

Таким образом, христианский святой Георгий Победоносец частично сохранил черты Ярилы, связанные с наличием в слове Ярило корня -яр-. Ярило «открывал» настоящую весну и осмыслялся как красивое, молодое божество плодородия и чувственной любви: «В Юрьев день Ярило [...] отворяет ворота неба и на белом коне приезжает на землю, а с его появлением начинается настоящая весна» [14, с. 259], «Святой Георгий красную весну на красную горку начинает» (Даль 1, 514). Белорусы представляли Ярилу молодым красивым юношей, который «разъезжает на белом коне и в белом плаще: на голове у него венок, на руках колосья, ноги босые...» [14, с. 259]. Показательно, что в загадках Егором иногда называется солнце: «Взойдѣт Егор на бугор – выше леса, выше гор. С бугра спускается – из глаз скрывается (солнце)» [15, с. 177].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аверинцев, С. С. Опыт как объясниться: беседы о культуре / С. С. Аверинцев. – М., 1988. – 115 с.
- 2 Нерознак, В. П. Заметки об этимологии имени собственного / В. П. Нерознак // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 84–92.
- 3 Топоров, В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) / В. Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры: Мат-лы Всесоюзной научно-практической конференции: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Наука, 1989. – С. 125–129.
- 4 Бромлей, С. В. Еще раз о русских вариантах греческого имени / С. В. Бромлей // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед, 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 140–151.
- 5 Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб.: ТОО «Полисет», 1994. – 448 с.
- 6 Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 341 с.
- 7 Сержпутоўскі, А. Прымхі і забавоны беларусаў-паляшукі / А. Сержпутоўскі. – Мінск, 1930. – 276 с.
- 8 Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 ч. / А. Н. Афанасьев – Ч. 2. – М., 1868. – 786 с.
- 9 Юдин, А. В. Проблемы ономастики русских заговоров: Автореф. дисс. канд. филол. наук / А. В. Юдин. – Одесса, 1992. – 16 с.
- 10 Русские простонародные праздники и суеверные обряды / Издание И. Снегирева. – Вып. 3. – М., 1838. – 215 с.
- 11 Суперанская, А. В. Как вас зовут? Где вы живете? / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1964. – 95 с.
- 12 Ларин, Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (яр – юр – буй) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избран. работы). – М.: Просвещение, 1977. – С. 73–81.
- 13 Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 341 с.
- 14 Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспр. изд. 1882 г. – 2 изд. – Мн.: БелЭН, 1994. – 550 с.: илл.
- 15 Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа / Т. Н. Кондратьева // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1964. – С. 98–188.

М. Г. Маркевіч

ВОБРАЗ ПЕЎНЯ Ў ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ І ПАРЭМІЯХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

У лінгвакультуралагічным аспекце разглядаюцца фразеалагізмы і парэміі беларускай мовы, у якіх рэпрэзентаваны вобраз пеўня. Адзначаюцца даданыя і адмоўныя характарыстыкі, звязаныя ў свядомасці носьбітаў мовы з пеўнем. У працэсе аналізу выкарыстоўваюцца звесткі аб старажытных навер'ях, абарадах і звычаях.

Чалавек, асвойваючы свет, фіксуе ў свабодных адзінках мовы яго рэаліі. Фразеалогія, пераасэнсоўваючы свабодныя адзінкі мовы, надае ім новыя канатацыі і тым самым адлюстроўвае працэс набыцця мовай культурнай інфармацыі. Фразеалагізмы з'яўляюцца каштоўнейшай крыніцай звестак пра культуру і менталітэт народа, у іх быццам закансерваваны міфы, легенды, звычаі. Фразеалагічныя адзінкі адыгрываюць асаблівую ролю ў стварэнні моўнай карціны свету. Яны – “люстра жыцця нацыі” [1, с. 67]. Прырода значэння фразеалагізма цесна звязана з фонавымі ведамі, з практычным вопытам, з культурна-гістарычнымі традыцыямі народа-носьбіта мовы.

Вялікая роля ў захаванні і трансляцыі глыбіннай мудрасці народа, правераанай шматвяковым вопытам, належыць, акрамя фразеалагізмаў, і парэміям – прыказкам і прымаўкам, гэтым “залатым россыпам народнай мудрасці з іх павучальнай маральна-практычнай філасофіяй” [2, с. 23]. Сабраныя ў адно месца, прыказкі і прымаўкі складаюць цэлы летапіс народнага жыцця і светапогляду.

Паколькі “свет – гэта чалавек і асяроддзе ў іх узаемадзеянні” [3, с. 49], то і вобразы, адбітыя ў фразеалагізмах і парэміях, знаходзяцца ў рамках уяўленняў чалавека пра свет. Рэаліі, якімі поўніцца асяроддзе: ці то раслінны свет, ці то жывёльны свет, – чалавек прапускае праз сябе, параўноўвае з сабой, і, знаходзячы падабенства ў пэўных рысах, фіксуе заўважанае ў адзінках мовы.

Шляхам параўнання з аб'ектамі прыроды, у прыватнасці – птушкамі (хатнімі, дзікімі, экзатычнымі і інш.), утварыўся рад фразеалагічных адзінак з арніталагічным кампанентам. У большасці выпадкаў метафарычнае і сімвалічнае выкарыстанне арнітонімаў у фразеалагізмах і парэміях аднаўляе архаічнае ўспрыманне птушак, што ў сваю чаргу дазваляе выявіць рысы светапогляду чалавека.

Сярод усяго мноства фразеалагізмаў і ўстойлівых выразаў з кампанентам-арнітонімам звяртаюць на сябе ўвагу адзінкі з кампанентам *певень* і вытворным ад яго прыметнікам *пеўневы*, хаця ў беларускай літаратурнай мове налічваецца ўсяго 7 фразеалагізмаў з кампанентам *певень* [4] і 34 парэміі з лексэмамі *певень*, *пеўневы* [2, 5, 6, 7]. Мэта артыкула – на матэрыяле фразеалагізмаў і ўстойлівых выразаў выявіць культурную інфармацыю, дадатковыя звесткі, якія раскрываюць адметнасці гістарычнага вопыту, асаблівасці ўкладу жыцця і побыту, светабачання беларусаў.

Так, назіранні за паводзінамі *пеўня*, яго “дынамікай” дазволілі чалавеку лічыць *пеўня* ўвасабленнем ваяўнічасці і задзірыстасці, што яскрава ілюструюць парэміі: *Чубяцца, як пеўні; Б'юцца, як пеўні; Задзірлівы, як певень; Пагрозны як певень; Каму што, а пеўню бойка; Певень нашто адважны, а і той каршуна байца; Пачалі спорыць як пеўні; Лезе як певень на плот; Фарсісты як певень вясною.*

Змест і семантыка беларускіх устойлівых выразаў з кампанентам-арнітонімам *певень*, абумоўленыя і матываваныя народным светаўяўленнем, маюць непасрэдную, цесную сувязь са старажытнымі міфамі, вераваннямі, абрадамі, з іх народным і хрысціянскім календаром.

У прыватнасці, у народнай міфалогіі *певень* сімвалізуе Сонца, жыццёвую сілу і ўрадлівасць. Таму *пеўня* – пачынальніка дня і жыцця – як сімвал урадлівасці абносілі вакол

нівы “перш за ўсё ў вытворчым, сексуальным аспекце” [8, с. 322]. *Певень* – гаспадар курынай сям’і, таму ў наступных парэміях *певень* выступае сімвалам плоднасці: *На сваім сметніку і певень смелы (смялейшы); На сваім сметніку і певень гаспадар.*

З сімвалам агню (пажару з полымем) атаясамліваўся *певень* у наступных фразеалагізмах: *чырвоны певень* ‘пажар’; *пускаць / падпускаць <чырвонага> пеўня / певуна <каму, куды, дзе>*; *пусціць / падпусціць <чырвонага> пеўня / певуна <каму, куды, дзе>* ‘зламысна падпальваць што-небудзь’. Вобраз *пеўня* лёг у аснову дадзенага сімвала. Трэба заўважыць, што “прамое значэнне ў сімвале раўнапраўна абстрактнаму: абстрактная ідэя закадзіравана ў канкрэтным змесце для таго, каб выразіць абстрактнае праз канкрэтнае, але і канкрэтнае кадзіруецца абстрактным, каб паказаць яго ідэальны, адцягнены сэнс” [1, с. 97]. У такім выпадку значэнне і абстрактнага і канкрэтнага ўзбагачаецца: *певень* ёсць сімвал агню, але і агонь ёсць сімвал *пеўня*. Гэта яскрава ілюструе загадка: *Ідзе певень на кладцы – услед кладка гіне (агонь, лучына)* [9, с. 328].

Назіранні за ладам жыцця птушкі ў сваю чаргу дазволілі беларусу лічыць *пеўня* сонечным кругазваротам, калі адлічваецца час, што і праілюстравана фразеалагізмамі *да другіх пеўняў* ‘незадоўга да світання (быць дзе-небудзь, чакаць і інш.)’; *да <першых> пеўняў* ‘вельмі позна; да сярэдзіны ночы, да поўначы (сядзець, гуляць, не спаць і інш.)’; *да трэціх пеўняў* ‘да самага світання (быць дзе-небудзь, займацца чым-небудзь і інш.)’ і парэміямі *Першыя пеўні – поўнач, другія пеўні – пара ўставаць, трэція пеўні – пярэдсвет; Не заўсёды світае, як певень спявае; Пасля пеўняў; З курамі лажысь, з птухамі ўставай.*

Певень – абавязковая птушка на падворку гаспадыні. Дасціпнасць назіранняў народа ў сваю чаргу дазволіла задзейнічаць вобраз *пеўня* ў парэміях, якія служылі сялянню календаром: *Як на Грамніцы нап’ецца певень вадзіцы, то на Юр’я наесца вол травіцы; На Грамніцы нап’ецца пятух вадзіцы.*

Паводле беларускай легенды, *певень* быў створаны анёлам, які паспрачаўся з д’яблам – хто з іх злепіць найпрыгажэйшую птушку. Д’ябал стварыў паўліна, але *певень* прагнаў яго сваім спевам [8, с. 321]. Так, выдзяляюцца адзінкі, у аснову якіх пакладзены спеў *пеўня*: *Заспяваць пеўнем.*

Акрамя таго, успрыманне *пеўневага* спеву як сігнала наступлення новага дня, сонца і адпаведна канца ночы пашырылася да разумення яго як распуджвання нячыстай сілы, сігналу пра канец яе “дзеяздольнасці”. Таму і лічылася небяспечным адпраўляцца да першага спеву *пеўня*, каб не чынілі перашкоды чэрці і іншыя нячысікі [8, с. 322]: *Певень яму заспяваў на дарогу; На маё бяздолле пятух не паяў, пятух не паяў, гусак не крычаў.* Не прадвешчае нічога добрага спеў *пеўня* не ва ўрочны час: кепскае надвор’е ці няшчасце [8, с. 323].

У большасці выпадкаў фразеалагізмы і ўстойлівыя адзінкі, у аснову якіх пакладзены спеў *пеўня*, характарызуюцца адмоўнай ацэнкай: *пускаць / пусціць пеўня* ‘выдаваць пісклівыя гукі, сарваўшыся на высокай ноце пры спяванні, маўленні’; *Пяе як певень на сметніку; Застыў, як певень пасля кукарэку; Запішчаў як аблуплены пятух.* Заўважым, што прыведзеныя вышэй адзінкі па структуры суадносяцца са структурай параўнальнага зварота. Параўнанне – самы старажытны від інтэлектуальнай дзейнасці чалавека. У сваю чаргу і “культура неаддзельная ад параўнання, а параўнанне ад культуры, паколькі параўнанне ў шырокім сэнсе – гэта праблема тоеснасці і адрознасці” [3, с. 60]. Гэты факт яшчэ раз падкрэслівае факт узаемаўплыву ментальнай сферы дзейнасці на ўспрыняцце рэчаіснасці беларусам.

Існавала павер’е пра *пеўня* як дэманічную істоту. Лічылася, што на сёмым або на дзевятым годзе жыцця *певень* можа знесці яйка, з якога вылупіцца нашчадак д’яблавы – змей-гад, які стане затым адшукваць скарбы ці нешта падобнае [8, с. 322]. Як носьбіт дэманічнага пачатку *певень* выступае ў наступных парэміях: *Калі навядзецца, то і певень нясецца; У добрай гаспадыні і певень нясецца.* Гэта адлюстроўвае і фразеалагізм

смажаны певень клюнуў / дзюбнуў <у зад, у азадак> ‘хто-небудзь сустрэўся з сапраўднымі жыццёвымі цяжкасцямі; звездаў нягоды ў жыцці’, дзе, акрамя таго, праз кампанент *смажаны* ўвасобілася вобразнае ўспрыняцце *пеўня* як сімвала агню: *смажыць* ‘гатаваць на агні (рыбу, мяса, грыбы і пад.)’ [10, с. 610].

Прастору, працоўную і інтэлектуальную дзейнасць, свае пачуцці чалавек вымярае праз самога сябе, прымае ўсё ў сябе і распаўсюджвае сябе на акаляючы свет. Да таго ж “моўная карціна захоўвае мадэль такога антрапацэнтрызму і ў часы, калі чалавек абясцэньваецца ці выбірае іншыя каштоўнасныя прыярытэты” [1, с. 69]. Таму і атрымаў шырокае адлюстраванне ў беларускіх устойлівых выразях факт праецыравання свету птушак на свет людзей і свету людзей на свет птушак і ўзаемную “арыентацыю” гэтых дзвюх “крыніц жыццядзейнасці”: птушка (яе анатомія, фізіялогія, “дынаміка”) апісваецца па мадэлі чалавека (*Певень за то і пее, што жонак многа, а цешчы няма; Бяда ў тым доме, дзе куры пяюць, а пеўням волі не даюць; Певень – і той мае свае звычкі; Нагуляўся, як на пеўневым вяселлі!*), а чалавек, яго праяўленні, дзейнасць, знешнія і ўнутраныя, сацыяльныя, узроставыя і полавыя характарыстыкі канкрэтызуюцца і ацэньваюцца праз вобразы птушак, спасцігаюцца ў “тэрмінах птушынага свету” (*Вырас пеўню па костачкі; Заспяваць пеўнем; Па закону жыць – і пеўня кукарэкаць адвучыць; Нічога не асталося, застаўся дух ды пяхух; Сораму – як у пеўня мяса на шпорах*).

Такім чынам, фразеалагізмы і парэміі з кампанентам ці лексемай *певень* і вытворным ад яго прыметнікам *пеўневы*, адлюстроўваючы ў сваёй семантыцы працяглы працэс развіцця культуры народа, фіксуюць і перадаюць ад пакалення да пакалення культурныя ўстаноўкі, бо кожны фразеалагізм – гэта своеасаблівы мікрасвет, гэта душа ўсякага народа, у якой непаўторным чынам выражаюцца дух народа і своеасаблівасць нацыі. Назіраючы за знешнасцю птушак, іх паводзінамі і ладам жыцця, чалавек праецыруе ўбачанае на сябе, а адпаведныя падабенствы, знойдзеныя ім у працэсе параўнання, непасрэдна адлюстроўваюцца ў фразеалагізмах. Выступае *певень* увасабленнем ваяўнічасці і задзірлівасці (*Задзірлівы, як певень*), сімвалам плоднасці і жыццёвай сілы (*На сваім сметніку і певень гаспадар*), сімвалам агню (*чырвоны певень*) і сонечнага кругазвароту, калі адлічваецца час (*да другіх пеўняў*), уладальнікам толькі яму ўласцівага спеву (*пускаць / пусціць пеўня*) і носьбітам дэманічнага пачатку (*смажаны певень клюнуў / дзюбнуў <у зад, у азадак>*).

Вывучэнне фразеалагізмаў і ўстойлівых выказаў у сваю чаргу дазваляе далучыцца да тайны мовы – галоўнай з тайнаў чалавецтва: “калі яе раскрыць, то раскрыюцца шматлікія схаваныя ў стагоддзях або згубленыя веды” [1, с. 4]. Ва ўстойлівых выразях знайшло адлюстраванне ўзаемнай “арыетацыі” свету людзей і свету птушак (*Вырас пеўню па костачкі; Нагуляўся, як на пеўневым вяселлі!*), а гэта дазваляе ўсвядоміць, што фразеалагізмы і парэміі – гэта не толькі адзінкі мовы, але і адзінкі культуры.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова; 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
- 2 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі, Прадм. Д. М. Бугаёва. – Мінск: Бел. навука, 2004. – 494 с.
- 3 Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
- 4 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў, Т. 1. А – Л. – Мінск: БелЭн, 1993. – 590 с., Т. 2. М – Я. – Мінск: БелЭн, 1993. – 607 с.
- 5 Анталогія беларускай народнай прыказкі, прымаўкі і выслоўя / уклад., аўт. прадмовы А. С. Фядосік. – Мінск: Ураджай, 2002. – 298 с.: іл.

6 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

7 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад Ф. М. Янкоўскі, прадм. М. Судніка. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1957. – 451 с.

8 Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2006. – 832 с.: іл.

9 Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – 2-е выд., дап. і перапр. – Мінск: Вышэйшай школа, 1974. – 384 с.

10 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск: БелЭн, 2005. – 784 с.

УДК 81.161.1:[398.9:17.025]

О. Н. Мельникова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДОЛГ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье рассматривается реализация семантики слова **долг** в устойчивых словесных комплексах русского языка. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы лексемы **долг**, обуславливают её коннотативные особенности и находят свое выражение в специфике сочетаемости данного слова в русском языке.*

Слово *долг* относится к концептам, которые занимают одно из центральных мест в русской языковой картине мира, представляя собой ключевые понятия культуры, опорные точки менталитета народа. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – этимология слова, его история, современные ассоциации, оценки, коннотации.

За словом *долг* исторически закрепилось два значения, одно из которых раскрывает материально-предметные отношения между людьми (‘взятое взаймы’); другое представлено через значение слова *обязанность* (СРЯ 1, с. 422).

В устойчивых словесных комплексах чаще реализуется более конкретное значение ‘взятое взаймы’: *в долг (взять)* ‘с условием возврата, взаймы’ (*взять деньги в долг*); *жить в долг* ‘жить на занятые деньги, с последующей оплатой расходов’; *войти (влезть, залезть) в долги (долг)* ‘сделать много долгов или большой долг’; *в долгах по уши (по горло) быть (сидеть и т.п.)* ‘иметь большие долги’. В пословицах и поговорках компонент *долг*, как правило, реализует материально-предметную семантику. При этом внимание акцентируется на эмоциональных переживаниях, связанных с необходимостью возврата долга, сравн.: *Брать в долг – сладко, возвращать – горько. Долг не ревет, а спать не дает.*

Реализация более абстрактной семантики, синонимичной значению слова *обязанность*, также представлена во фразеологических единицах: *быть в долгу у кого или перед кем* ‘быть обязанным кому-либо в чем-либо’; *по долгу чего* ‘в силу вытекающих из чего-либо обязательств’ (*по долгу службы*); *не остаться в долгу у кого или перед кем* ‘оплатить тем же самым, тем же поступком, отношением’; *отдать последний долг кому* ‘проститься с умершим, присутствовать при его погребении’; *человек долга* ‘человек, честно и непреложно выполняющий свои обязанности’.

Во внутренней форме слова *долг* выявляется связь с пространственно-временными представлениями. Праславянское имя **dьlgъ* ‘долг’ характеризуется как слово с недос-

таточно ясной этимологией. По мнению большинства этимологов, наиболее вероятной представляется гипотеза о связи указанной лексемы с прилагательным **dylgь* 'длинный, долгий' (ЭССЯ 5, с. 180); таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление о сроке. А. Брюкнер в качестве семантических параллелей, подтверждающих данное сближение, приводит лит. *ilges* 'дань' (т. е. 'то, что следует воздать; должное') и *ilgas* 'долгий, длинный' (Brückner, с. 90). А. Г. Преображенский также указывает на то, что *долг* и *долгий* 'longus' – одно и то же слово: долг – это то, чего ждут, выдерживают, терпят; сравн.: лат. *indulgeo* 'быть снисходительным' (первоначально: 'быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо') (Преобр. 1, с. 188–189). По-видимому, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяженность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга.

Понятие долга, необходимости обнаруживает ассоциативную связь с понятием времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чьего-либо сознания. При этом «человек относительно свободен в пространстве, но подчинён объективному ходу времени» [1, с. 126]. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях, сравн.: *Не все должно, что можно* (Д 1, с. 461).

Данные представления находят свое выражение и в специфике сочетаемости данной лексемы. Так, достаточно устойчивыми в русском языке являются словосочетания *голос долга, повиноваться долгу, долг велит, веление долга*. Голос долга воспринимается как высшая инстанция, определяющая линию поведения человека, сравн.: *Признаюсь вам, мне было тяжело бороться с совестью; с одной стороны представлялось мне, что поджог тут обстоятельство совершенно постороннее, что самое преступление, как оно ни велико, содержит в себе столько наивных, столько симпатичных сторон; с другой стороны, вопиял иной голос – голос долга и службы, доказывавший мне, что я, как следователь, не имею права рассуждать и тем более соболезновать...* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки). При этом часто подчеркивается, что велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели: *В самом главном, если будете со мной не согласны, то я все-таки сделаю, как мне долг велит* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, реконструируя представление о долге на основе употребления соответствующего существительного в русском языке, отмечают: «Долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как обязательства. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Итак, долг просто не может отсутствовать. Можно отрицать наличие конкретной обязанности, но относительно долга можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом» [2, с. 19]. По образному замечанию И. С. Тургенева, «у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга».

Таким образом, можно говорить о тесной связи модального значения долженствования с темпоральной семантикой. Ассоциативная связь этих значений обусловлена сходством в осмыслении времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Как отмечает М. В. Попович, сознание человека архаической культуры стремится иметь целостную картину мира; «как и мораль, эта картина мира имеет не только объясняющий, но и нормативный характер, ибо из наличного положения вещей для человека архаической культуры следует также и то, что должно быть» [1, с. 13]. Эти особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая

свойственна некоторым темпоральным лексемам и чаще реализуется в сочетании с инфинитивом, сравн. *время идти, не время сидеть сложа руки, пора задуматься* и др..

При употреблении в тексте слово *долг* регулярно выступает в качестве синонима слову *обязанность*. Показательно в этом отношении толкование В. И. Даля: «*Общий долг человека вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина; исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют долг его, как взятые у кого деньги или вещи, или все то, чем обязан он, по обещанию или какому условию*» (Д 1, с. 461).

Однако, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность*, как кажется, могут служить свидетельством различий стоящих за ними представлений. Прежде всего, отметим, что лексема *обязанность* регулярно сочетается с определениями, актуализирующими семантический признак тяжести, давления (*тягостные / обременительные обязанности*). При этом, если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это часто означает 'неохотно': *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению* (А. С. Пушкин). Сравн.: *Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо* (В. Г. Белинский).

Человек становится носителем обязанности в результате специального акта (сравн. *возложить / принять на себя обязанности*); исполнение обязанностей *поручают* кому-либо, обязанности могут *распределяться* между разными людьми.

Долг понимается как совокупность принципов, предписывающих человеку действовать в соответствии с его внутренними установками, общественными, профессиональными, морально-этическими и национальными нормами. Концепт *долг* относится к области абстракции, стоит в одном ряду с аксиологически значимыми концептами, сравн.:

И мы поймем, в сколь тонких дозах

С землей и небом входят в смесь

Успех и труд, и долг и воздух,

Чтоб вышел человек, как здесь (Б. Л. Пастернак, Волны)

Употребление слова *долг*, как правило, сопровождается положительными коннотациями, сравн.: *Не полюбивши долга, нельзя его исполнить* (И. А. Гончаров); *Долг – это любовь к тому, что сам приказываешь себе* (Л. Н. Толстой).

Таким образом, чувство долга является атрибутом личностного отношения к жизни. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы слова *долг*, обуславливают коннотативные особенности вторичной модальной семантики лексемы и её сочетаемостные возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Попович, М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев: Наукова думка, 1985. – 167 с.

2 Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 14–21.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Д – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III.

Преобр. – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I–II.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984–1988. – Т. I–IV.

Фасм. – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер: Пер с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.

Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.

УДК 81'373-028.16(282):81'33:801.81:81'366.55:811.1/.8

К. І. Мізін

**ОСОБЛИВОСТІ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ “РІКА”
ЗА ДОПОМОГОЮ УСТАЛЕНИХ ПОРІВНЯНЬ:
ЗІСТАВНО-ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ**
(На матеріалі англійської, німецької, української та російської мов)

В статтє на основе методики «Модель лингвокультурологического сопоставления фразеологических систем» анализируются особенности вербализации концепта «река» в устойчивых словосочетаниях украинского, русского, английского и немецкого языков. Устанавливается закономерная связь языковых единиц с представлениями о водных объектах, характерными для славянских и германских народов.

Мова людини, як, власне, і культура, є, з одного боку, універсальним явищем, а з другого, – національно-специфічним, тому логічним вважаємо вихід антропологічних досліджень за межі окремої культури в простір міжкультурний. Не дивно, що від лінгвокультурології, яка методологічно ще не оформилася до кінця як самостійна мовознавча дисципліна, відокремився протягом останніх десяти–п’ятнадцяти років новий напрям – зіставна лінгвокультурологія. З огляду на це ми започаткували низку розвідок, присвячених вивченню фразеологічних систем усталених порівнянь (УП) віддалено- та близькоспоріднених мов крізь призму п’яти кодів культури (антропоморфного, біоморфного, просторового, часового й артефактного), яке ґрунтується на актуальному нині зіставно-лінгвокультурологічному підході (див., напр.: [3]).

Наші дослідження здійснюються на основі методики “Модель лінгвокультурологічного зіставлення фразеологічних систем” (МЛЗФС), яка є шляхом / механізмом ідентифікації *tertium comparationis* при зіставленні фразеологічних систем [див. про методику ЕКЗ: 4, с. 132]. Суть МЛЗФС полягає у чіткій послідовності етапів зіставлення фразеологічних систем різних мов та в епістемологічній достатності ланцюга схеми МЛЗФС для лінгвокультурологічного дослідження. Схема МЛЗФС для компаративної фразеології має такий вигляд: *культурний код* ↔ *концептополе* ↔ *концепт* ↔ *КФО* ↔ *компаративне фразеополе*. Тому для цього дослідження релевантним є поняття “культурний код” як адекватний для зіставлення сегмент культури. Ураховуючи це, метою нашої розвідки є зіставно-лінгвокультурологічний аналіз усталених порівнянь англійської, німецької, української та російської мов, які вербалізують концепт “Ріка”, що належить до ландшафтного субкоду біоморфного коду культури. Апробація методики МЛЗФС свідчить про наукову новизну пропонованої статті.

Серед “водних” ландшафтних концептів базовими є “Океан”, “Море”, “Озеро”, “Ріка” та “Болото”. Проте істинно ландшафтним об’єктом є лише болото, а інші вважаються водоймищами. Всі названі концепти належать до концепту-гіпероніма “Вода”, від якого вони отримали основні лінгвокогнітивні й ціннісні характеристики. Насамперед це стосується наївного уявлення про воду як амбівалентне поняття, в якому суміщаються знання про воду-стихію та воду-речовину.

У властивостях води як першостихії є одна, що особливо її вирізняє, – плинність. Плинність, або рухома вода, вода-потік, має певну форму (русло), тобто буквальним матеріальним утіленням ідеї руху, змін (мінливості) є ріка. Але зміни вимірюються часом. Відповідно, універсальна ідея часу безпосередньо входить до поняттєвого й валоративного складників концепту “Ріка”, тісно пов’язучи його з часовим кодом культури на основі усталеного концептно-асоціативного зв’язку (УКАЗ) “ріка – це час”. Та незважаючи на універсальність цього УКАЗ він представлений у компаративно-фразеологічній картині світу (КФКС) лише російської мови, напр.: *течь как река* – “повільний і неперервний перебіг часу” (пор. укр. *спливати як вода* – “минати, проходити без вороття”). Можна припустити, що ці УП утворені завдяки особливостям менталітету українців і росіян, оскільки їх духовно-душевний стан не налаштований на надмірну прагматичність у питанні ставлення до часу [1, с. 241]: вони можуть дозволити собі витратити час на пасивне споглядання за змінами.

Відомо, що у філософії існує три образи ріки: 1) ріка – це стихія; 2) ріка – це рух, мінливість, час; 3) ріка (потік) – це свідомість. Усі ці образи або концептно-асоціативні зв’язки представлені у КФКС німецької, української та російської мов асиметрично. При цьому, в англійській мові не функціонує жодне УП не тільки з образом-еталоном “ріка”, а й будь-якої прісноводної водойми, хоча ландшафт Британських островів, не говорячи вже про США, “порізаний” річками й численними озерами. Пояснити таку особливість світосприйняття та світорозуміння британців можна, звичайно, за допомогою історико-філософських міркувань. Але наскільки достовірними вони будуть? Версій може існувати безліч, та чи будуть вони істинними? А все це можна пояснити, на нашу думку, досить просто – ціннісними пріоритетами британської лінгвокультури, які впливають на лінгвокогнітивні механізми номінації. Іншими словами, мова йде про “дух народу”, його енергетичний ритм: “дух” британців споконвічно ґрунтується на енергетичному ритмі моря (океану), тому водні об’єкти суші не мали для них лінгвосеміотичної значущості.

Показово, що найактуальнішим для мовної свідомості німців, українців і росіян є УКАЗ “ріка – це стихія”, напр.: нім. *man kann dem Strom eher trauen als dem Bach* (досл.: швидше можна довіряти великій річці, ніж струмку) – “тиха вода береги ломить, а бистра тамує”; *ein Bach ist leichter aufzuhalten als ein Strom* (досл.: струмок легше зупинити, ніж велику річку) – “сильна вода греблю рве”; укр. *колотить / крутить як вир водою* – “вередує, каверзує, заплутує”; рос. *бросаться как в омут (головой)* – “про чий-н. неочікувано швидко, поривчасті, ірраціональні рішення або нерозважливі дії, вчинки”.

Як бачимо, семантику стихії більшою мірою передає не концепт “Ріка”, а концепти-гіпоніми нім. “Bach” (струмок), укр. “Вир” та рос. “Омут”. Так, німецькі паремії побудовані на природному (об’єктивному) контрасті “велика річка (Strom) – струмок (Bach)”. Натомість в українській і російській лінгвокультурах семантика водної стихії корелює з міфологічним підґрунтям концептів укр. “Вир” та рос. “Омут”. Поняттєві складники цих концептів відрізняються при цьому, бо смисловий обсяг поняття “омут” є значно ширшим: образ-еталон “омут” уживається в російських УП лише у значенні глибокого місця в річці / озері або ям на їх дні, які часто утворюються течією, що крутиться, а український “вир” охоплює тільки одне зі значень омута, бо це насамперед “місце у річці, морі тощо з коловим рухом води, що утворюється внаслідок дії протилежних течій”. Особливо ж бурхливий, стрімкий рух, який захоплює, втягає за собою, називається чорторій, водокрут, вернивода, крутіж, круговерть. За народними уявленнями українців, вир є місцем, яке пов’язує “той” і “цей” світи, а також місце, де перебувають демони [2, с. 86], що підтверджує матеріал компаративної фразеології, напр.: *мутить як біс / той у виру* – “постійно порушує спокій”. У цьому прикладі образ-еталон “той” особливо чітко демонструє богобоязливість українців, яка сприяла евфемізації багатьох понять, зокрема і поняття “чорт / біс” (згадаймо прескрипцію:

Не можна черкатися!). Таким же згубним місцем є “омут” для росіян: він може затягувати (напр.: *затягивать как омут* – “нестримний потяг кого-н. до якого-н. оточення, до яких-н. учинків, дій (часто згубних)”; (*среда, общество*) *как омут* – “застійне / порочне оточення, що засмоктує”), але він може і притягувати, манити своєю загадковістю, непізнанністю (напр.: (*глаза*) *как омут* – “магнетично принадливі очі / погляд, що віщують згубну пристрасть”). Принагідно зауважимо, що КФКС німців також представлена УП, утвореним на основі когнітивно-асоціативного зв’язку соматизму “очі” з водним об’єктом, але не темним і небезпечним, а чистим і прозорим – гірським струмком (*Bergbach*): *Augen, klar wie ein Bergbach* (досл.: очі, ясні, як гірський струмок) – “ясні, відкриті очі”. Для росіян актуальним є зв’язок концепту “Река” із соматизмами “сльози” й “кров”, напр.: *литься как река* – “водний потік, сльози, кров, що хлинули інтенсивно та у великій кількості”.

Такі міжкультурні контрасти зміцнюють упевненість у тому, що природний об’єкт, “проростаючи” в культурі різними смислами, набуває свого “іншого”, культурного буття: культура вдивляється в “культурний природний об’єкт” як у дзеркало, осягає, накопичує себе як осереддя цінностей свободи й творчості. Тому природні водоймища, які мають своє ім’я та місце у просторі Землі, завдяки культурно-філософським образам набувають лінгвосеміотичної значущості. Так, для німецької лінгвокультури важливою є річка Рейн, яка тривалий час слугувала певною межею між німецькомовним та “іншим” світом (ця межа має і реальні обриси – 290 км кордону між Францією і Німеччиною). Семантика межі / віддаленого (“чужого”) простору гідроніма “Рейн” лягла в основу образно-мотиваційної бази компаративної паремії *es flog ein Gänschen über Rhein und kam als Gickgack wieder heim* (досл.: літала гусочка через Рейн і знову поверталась, як “гїкгак” (“гїкгак” – оноματοпоетична алюзія на вигуки гусей; щось на кшталт українського “га-га-гачка”) – “ворона за море літала, та все чорна вертала”. Існує в німецькій мові також УП, побудоване на гетеростереотипі, напр.: *Zustände wie am oberen Nil* (досл.: стан справ, як на верхньому Нілі) – “надзвичайно примітивні стосунки”. Цей гетеростереотип ґрунтується на наївних уявленнях німців про низьку культуру диких африканських племен верхнього Нілу. Слід зауважити, що лише в німецькому етносі концепти “Ріка” (“Fluss”) і “Струмок” (“Bach”) можуть вербалізуватися на основі компаративних паремій, утворених на базі ландшафтного й гастрономічного (знову алкогольна тема) субкодів та артефактного коду культури, напр.: *wie der Fluss, so die Brücke* (досл.: яка річка, такий і міст) – “яка вода, такий млин”; *es ersaufen mehr im Becher als im Bach* (досл.: у келиху більше потопає, ніж у струмку) – “у чарці більше людей тоне, як у морі”.

Етнокультурно маркованим є українське УП *виплигнув як жаба з річки* – “недоречно сказав, зробив що-н.”, яке представляє компаративне фразеополе “Мовленнєва діяльність людини”. Це УП свідчить також, що для українців важливим є і зоосвіт річки, тобто той факт, що річка не “мертва”, напр.: *жвавий як риба в річці* – “жвава, моторна, життєрадісна людина”. Натомість для російської мовної свідомості релевантним є зв’язок концепту “Река” із просторовим кодом культури, напр.: (*привольный*) *как река* – “роздольний, витягнутий удалину простір (луки, поля тощо)”.

Таким чином, аналіз концепту “Ріка”, який належить до ландшафтного субкоду біоморфного коду культури виявив важливі лінгвокультурологічні факти щодо універсальних і національно-специфічних підвалин концептуалізації та категоризації об’єктивного світу близькоспорідненими й віддаленоспорідненими етносами. Зіставлення КФКС британців, німців, українців і росіян дає змогу доповнити, верифікувати та скоригувати знання про їх фразеологічні, мовні й концептні картини світу. При цьому вивчення концепту “Ріка” продемонструвало відмінності, що існують у концептному представленні КФКС і МКС. Так, у європейських лінгвокультур актуальним є УКАЗ “ріка (вода, море) – це подорож”. Ця подорож може бути як у житті, так і з життя, бо ріка часу – це ріка, що розділяє життя та смерть. Однак жодне УП із конституентом “ріка” на позначення семантики смерті в зіставлюваних мовах не функціонує.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Голубовська, І. О. Етнічні особливості мовних картин світу: монографія / І. О. Голубовська; [2-е вид., випр. і доп.]. – К.: Логос, 2004. – 284 с.
- 2 Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
- 3 Мізін, К. І. Зіставно-лінгвокультурологічне вивчення усталених порівнянь крізь призму просторового коду культури (на матеріалі англійської, німецької, української та російської мов) / К. І. Мізін // *Jezykowy obraz świata słowian a kultura*. Tom 2. – Lublin–Równe: FOP Oros O., 2010. – S. 11–19.
- 4 Мізін К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології : монографія / К. І. Мізін. – Кременчук: ПП Щербатих О. В., 2011. – 448 с.

УДК 81.161.1:398.9:[316.723:165.12]

Т. Г. Никитина

«СУБКУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ» ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена анализу семантики и особенностей мотивировки сленговых пересмысленных (постучать по дереву, принять на грудь и др.), заимствованных (вайлд стайл и др.), созданных новых (жёлтый хайратник и др.) фразеологизмов. Прослеживается динамика молодёжных субкультур (хиппи и пост-хиппи, футбольные фанаты, хип-хоп культура и др.) на мировоззренческом уровне и на уровне артефактов.

Познавательный потенциал русской фразеологии далеко не исчерпывается сведениями о традиционной русской культуре, которые обычно эксплицируются в лингвострановедческих, лингвокультурологических и толковых фразеологических словарях [1; 2; 3].

Ценным социокультурологическим источником для лингвистов-когнитологов, психологов, культурологов, социальных работников, занимающихся проблемами молодежи, может стать субкультурно-маркированная фразеология молодежного сленга.

Анализ семантики и особенностей мотивировки сленговых фразеологизмов позволит проследить динамику молодёжных субкультур, как на мировоззренческом уровне, так и на уровне артефактов.

Так, ушедшие в прошлое субкультурные практики хиппи и пост-хиппи, отображают фразеологизмы *жить на аске* – ‘попрошайничать и жить за счет этого, нигде не работая’ (*Я тогда на аске жил три года*. Запись 2000 г.), *гнать (прогонять) телеги* – ‘рассказывать длинные, часто вымышленные истории’ (*До утра прогоняли телеги, а потом снова шли на аск*. Запись 2000 г.), *убить/убивать собаку* – ‘ехать из города в город на электричке’ (*Четыре собаки убили от Москвы до Нижнего Новгорода*. Запись 1999 г.) и др. Устойчивые составные наименования обозначают «социальные слои» и разновидности хиппи внутри сообщества: *вечерние хиппи, настоящие хиппи, олдовый пипл, пионеры системы, зелёные хиппи, стритовый мен (пипл), флэтовый мен (пипл), тусовочный человек, тусовая герла* и т. п. Фразеологизм *выпасть из системы* – ‘прекратить вести образ жизни хиппи, перестать общаться с друзьями-хиппи’ требует особого комментария: *Система* – объединение, общность хиппи и примыкающих к ним молодёжных течений в СССР/России (70–90-е гг. прошлого века). Ср. также устаревшие наименования с собирательным значением: *старая система* – хиппи с большим стажем пребывания в сообществе, хиппи старшего поколения; *новая система* – молодое поколение хиппи. Среди аксессуаров, украшений, обязательных атрибутов хиппи отметим обозначаемый метафорическим фразеологизмом *камень с дырочкой*, который носили

на шнурке (*куриный бог*) – он до сих пор используется в той же функции немногочисленными последователями движения хиппи.

Межсубкультурные фразеологические заимствования свидетельствуют о взаимодействии и взаимовлиянии молодежных субкультур, адаптирующих «инокультурные» реалии и их наименования. Так, в наше время *собака* (электричка) как вид транспорта и фразеологизм *убить собаку* активно используются футбольными фанатами, выезжающими на гостевые матчи своей команды. В их среде данный метафорический образ получает дальнейшее развитие: обороты *собака с тёткой* и *осторожно – злая собака* обозначают в фан-культуре электричку с женщиной-кондуктором, которая настаивает на покупке билетов и может высадить из вагона. Другой атрибут хиппи – *хайратник* (тесьма, шнурок или другая повязка вокруг головы) перекочевал в субкультуры исторических реконструкций и ролевых игр. Здесь эта повязка имеет цветовые разновидности и указывает на роль участника игры, его статус. Отсюда – устойчивые составные наименования *белый хайратник* – показатель того, что персонаж мертв; *жёлтый хайратник* – 1) атрибут «мастера» – организатора игры; 2) атрибут участника игры, который по сюжету считается изнасилованным. Выражение *желтый хайратник* развивает в языке данной субкультуры собственную фразеологическую активность: *преподнести желтый хайратник* – ‘изнасиловать кого-л.’ (*Если тебе преподнесли желтый хайратник, ты все равно можешь продолжать игру*. Запись 2004 г.).

В среде молодых музыкантов еще пару десятков лет назад практиковались путешествия на юг в летний период и совмещение приятного с полезным – отдыхать и играть *за будку и корыто* (за еду и ночлег) в каком-л. ресторане, доме отдыха. Весьма прибыльной была и игра на похоронах (*тащить жмура, лабать жмуру*). В настоящее время особенно престижной считается работа диджея в молодежном клубе. Большое количество фразеологизмов отражает его музыкальные экзерсисы: *сводить в квадрат, сводить бит в бит, стоять за вертушками, попасть в яму, кони пошли* и т. п.

Появились и новые виды поведения публики на клубных концертах. Обычай размахивать женским нижним бельем и бросать его на сцену стал экстралингвистической базой создания фразеологизмов *лифоном не отмахиваешься* – ‘о чем-л. вызывающем изумление или резкое неодобрение’, *закидать лифонами* – победить кого-л. без особых усилий, благодаря своей многочисленности (трансф. *закидать шапками*). Отметим, что для молодежной фразеологии в целом свойственно вторичное фразеологическое образование – трансформации общеязыковых фразеологизмов с введением в компонентный состав наименований современных реалий: *тампон тебе на язык, (его) только за киллером посылать* и т. п. Возвращаясь к теме поведения современной молодежи на рок-концертах, затронем тему *слэма* – особого развлечения, когда публика, стоящая перед сценой начинает толкаться, размахивать руками, прыгать и врезаться друг в друга. Вариации слэма получили обозначения составными наименованиями, заимствованными из английского языка, которые в ряде случаев калькируются или транслитерируются: *High Jump* (*хай джамп*) – групповые прыжки в высоту (сначала одновременно прыгать в такт музыке начинают несколько человек, остальные подхватывают и тоже прыгают все вместе синхронно, постепенно в действие вовлекается все больше и больше людей); *Wall Of Death* – *стена смерти* – довольно травматичный вид слэма (один из музыкантов делит толпу на две части, освобождая пространство перед сценой; затем группа начинает играть очередную песню, и обе стороны надвигаются одна на другую, сталкиваясь в центре танцпола в стиле «стенка на стенку»).

Особо внушительный размах получила в России хип-хоп культура (рэп, брейк-данс, граффити), пришедшая с запада вместе со своей системой ценностей и своим сленгом. Освоение новой субкультурной фразеологии и здесь идет по пути калькирования. Например, фразеологизм *стена славы* – ‘место, где официально разрешается наносить граффити’, – неточная калька американского сленгизма *hall of fame* – (буквально: ‘зал славы’):

Вдоль ж/д такой зал славы! Иди и упражняйся – никто тебя не погонит (Запись 2011 г.). *Вайлд стайл* или *дикий стиль* (ср.: англ. *wild style*) – неофициальный термин граффитистов, который характеризует написание нарочито искаженных, трудночитаемых букв с причудливым их переплетением. Российские брейкеры используют словосочетание *силовые движения* (ср.: английское *power moves*) и образное фразеологическое наименование одного из элементов нижнего брейка *ветряная мельница*, которое восходит к английскому *wind mill*.

Интересен взгляд молодежи на окружающий мир через призму своей субкультуры. Отсюда – специфические мотивы номинации реалий, не относящихся к разряду субкультурных. Например, в сленге музыкантов: *женщина с бемолем* – ‘беременная’, *дать бекар* – ‘отказать кому-л. в чем-л.’, *блэк саббат* – ‘субботник’ (по названию известной рок-группы, буквально: «черная суббота»), в речи компьютерщиков: *диск отформатировать* – ‘избить кого-л.’, *выйти в Интернет* – ‘сходить в туалет’, в речи футбольных фанатов: *пробить пенальти* ‘ударить кого-л. ногой по заду’, *красная карточка* – ‘диплом с отличием об окончании вуза (как правило, красного цвета)’ и т. п.

В поле зрения субкультурного лингвокреативного сознания попадают и исконные русские поговорки и идиомы, внутренняя форма которых переосмысливается в акте адаптации к субкультурной действительности. Так, на материале русской приметы в процессе ее импликации (примета → фразеологизм) появляется фразеологизм *постучать по дереву* – в языке футболистов и футбольных фанатов – ‘попасть мячом в перекладину футбольных ворот’ (ср.: в русской традиционной культуре – одно из ритуальных действий для предотвращения сглаза). Шутливое *принять на грудь* в футбольном сленге и субкультуре футбольных фанатов означает ‘остановить мяч грудью’: «Принял на грудь, скинул под левую, а сзади мне чувачок один на пятку наступил – вот и разрыв Ахилла» (Запись 2003 г.). Ср.: *принять на грудь* в русской лингвокультуре – ‘выпить спиртного’. Все эти факты переосмысления языкового материала, освоения заимствований, создания новых фразеологизмов требуют квалифицированного лингвокультурологического комментария в сленговом словаре.

Таким образом, исследование социокультурного фона молодежной фразеологии может раскрыть особенности субкультурного мировоззрения и лингвокреативный потенциал субкультурного языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых // Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эллис, 2008. – 472 с.
- 2 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006. – 784 с.
- 3 Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко // Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.

81*37:81*367.4:398.33 (476.2)

В. С. Новак

СЕМАНТИКА ЁСТОЙЛВЫХ СЛОВАЗЛУЧЭННЯЎ У КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВЫМ ФАЛЬКЛОРЫ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

У артыкуле прыводзяцца аўтэнтычныя фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, у якіх ужываюцца ёстойлівыя словазлучэнні, звязаныя з калядна-навагоднім комплексам і масленічнай абрадасцю; высвятляецца семантыка прыведзеных прыкладаў абрадавай фразеалогіі.

Дакладнае значэнне тых ці іншых устойлівых словазлучэнняў, якія маюць месца ў абрадавым фальклору, можна выявіць дзякуючы этнаграфічнаму кантэксту абрадаў і звычаяў, багацце мясцовых варыянтаў якіх дае падставы пераканацца ў невыпадковым характары прысутнасці фразеалагізмаў. Засяродзім увагу спачатку на этнаграфічных апісаннях каляднай абраднасці, звесткі пра якую добра захаваліся ў памяці носьбітаў.

Абрад калядавання-шчадравання ў вёсках Буда-Кашалёўскага раёна меў назву “*хадзіць па цыганах*”. Збіраліся хлопцы і дзяўчаты, пераапрачаліся і хадзілі па хатах аднавяскоўцаў з выкананнем велічальна-віншавальных песень. Адзначым, што Вадохрышча ў в. Буда-Люшаўская Буда-Кашалёўскага р-на вызначалася цікавым рытуалам, які меў назву “*выгнанне Каляды*” з хаты: “*На Вадохрышча мы выганяем Каляду з хаты. У нас ёсць спецыяльны абраз, які мы захоўваем у сенцах ці гумне. Мы яго прыношам у хату і ўсёй сям’ёй моемся. Потым наш господар акрапляе хату свяцонай вадою і на сцянах у доме і хлеву маляваў альбо вешаў загадзя змайстраваныя крыжы*” (запісана ад Міхалёвай Кацярыны, 1922 г. н.). Семантыка прыведзенага словазлучэння стасуецца з выгнаннем усяго дрэннага з хаты, а прызначэнне крыжыкаў, намаляваных і спецыяльна зробленых, звязана з засцярогай ад звышнатуральнага ўздзеяння нячыстай сілы, забеспячэннем сямейнага дабрабыту.

Устойлівае словазлучэнне **запісваць Каляды** ў в. Віць Хойніцкага раёна суадносіцца з трэцяй куццёй і ў дадзенай мясцовасці мае значэнне засцярогі: *Запісывалі Каляды, г.зн. ставілі крэсцікі на пячы, на дзверах, на дварэ, на варотах і г.д. І гэтыя крэсцікі, шчыталі людзі, маглі ўдзяржаць злых людзей, ворагаў, злых духаў* [1, с. 54]. Адзначым, што пад тэрмінам “Каляды” разумеецца ўвесь перыяд ад Ражаства да Крашчэння. Гэты факт аргументуе С. М. Талстая, абапіраючыся на шматлікія матэрыялы, запісаныя на тэрыторыі Палесся, адзначаючы пры гэтым, што значэнне “увесь перыяд святак” адлюстравана і ў фразеалагізме **выпісваць Каляды**: (*Выпысуюць коляды на Водянуху. – Б. Дрг. Сіманавічы, ФДК*); *распісывацца з калядамі (После Галонной кутти ужэ расписуюцца з Колядамі; ну, хрэстыкі ўсюду мелом ставяць. – Г. Ллч. Замошша, ЛНВ) і інш.*” [2, с. 123]. У мясцовай традыцыі в. Яноўка Рэчыцкага р-на развітанне з каляднымі святкаваннямі таксама абазначалася ўстойлівым словазлучэннем **запісваць Каляды**: *Калі адходзілі Каляды, на дзвярах мелям малявалі крыжы, іх называлі “белые Колады”* (запісана ад Бандарэнка Кацярыны Сяргееўны, 1925 г. н.).

Устойлівым словазлучэннем **ваджэнне дзеда** называюць адзін з абрадавых кампанентаў святкавання Каляд у вёсцы Буда-Люшаўская Буда-Кашалёўскага р-на і звязана яно было з такім адметным абрадам, як **ваджэнне дзеда** (абраду ваджэння казы ў гэтай мясцовасці не было): *Чалавека апрачалі ў вывернуты кажух, у рукавы застаўлялі доўгія палкі, на галаву надзевалі рэшата ці макорту, пэцкалі твар сажай, прыклеівалі вусы і бораду з кудзелі. “Дзед” гарбаціўся, абапіраўся на дарожны кій* (запісана ад Князевай Вольгі Аляксееўны, 1922 г. н.). Прысутнасць маскі “дзеда” ў свеце калядоўшчыкаў сведчыць аб сувязі калядна-навагодняга комплексу з культуам продкаў. З лексмай **дзеда** звязана значэнне прыналежнасці да свету памерлых і апякунства хаты і гаспадароў. З культуам продкаў звязана і назва ражэственскіх і навагодніх рытуалаў і рэалій дэрыватамі ад **дзеда** [3, с. 41].

У гэтай жа мясцовасці багатую куццю называлі **куццёй святога козліка**, бо, паводле легенды, козлік кідаў сваімі рожкамі на немаўлятку Хрыста сена, каб той не замерз. Невыпадкава за калядным сталом на другую куццю прыгаворвалі: “Святы козлік, святы Васілейка, надзялі, Божа, здаровейкам”. **Куця святога козліка** – рэгіянальная назва конадня Новага года (Мазыршчына), зафіксаванага П. Шэйнам напрыканцы XIX ст. Назва тлумачыцца паданнем, паводле якога, калі “нарадзіўся Хрыстос, то яго схавалі

ў яслі ад пераследу з боку цара Ірада. Каля ясляў тым часам знаходзіўся малады козлік, які, здагадаўшыся, што нарадзіўся Бог, стаў прыкрываць яго сенам, каб той не змерз” [4, с. 273].

У абрадзе ваджэння казы ў в. Хільчыцы Жыткавіцкага р-на абавязковай была антрапаморфная маска апранутага ў “лахманы” шчадраца, які выразна асацыіраваўся з прадстаўніком духаў продкаў: *У нас тожэ шчадралі, дзеўкі гадалі. От пока мы гадалі, то хлопцы перэпраналіса адзін другога мудрэй. Робілі козу, ек на Коляды, выбіралі мехоношу, а шчэ робілі “шчадраца”, на яго цэплялі лахмоцце старое, косы рабілі з лёну, горба. Да посла ўся гэта кампанія ішла шчадраваць по селу з песнямі, музыкой. От подхозяць к хаці, путаюць дозволу, шоб песню заспеваць* (запісана ад Кацэвіч Праскоўі Андрэеўны, 1909 г.н.). Калядоўшчыкі, якія абыходзілі двары, успрымаліся як небяспечныя агенты “свету іншага, здольныя прыносіць дабрабыт, калі іх адпаведным чынам надарыць” [5, с. 160].

На тэрыторыі Веткаўскага раёна вадзілі не толькі казу на Каляды, але і выконвалі абрад **ваджэння павы**: *Гэта самая лучшая дзевка ў сяле, яе выбіралі, адзявалі, рабілі вянкi. Кветак не было, дык іх з бумагі выразалі, а самы лучшы вянок у павы* (запісана ў в. Залаты Рог ад Лук’яненка Вольгі Цімафееўны, 1935 г. н.). Пры гэтым вадзілі карагод і выконвалі песню: *Пава, пава, па двару лятала, // Пер’я збірала, у рукавок клала, // Сабе парня выбірала*. Аналагічны абрад выконваўся і ў в. Струкачоў Кармянскага р-на і меў ён устойлівую назву **ваджэнне павы з павуком**: *Для гэтага дзяўчыну наражалі ў дліннае плацце, на галаве – вянок з лентамі з бумагі. Гэта была “павы”. Хлопец быў павуком. Яго наражалі ў шапку з бумагі, якая была ўся размаляваная. Яны хадзілі і спявалі песню: “Пава, пава, па двару лятала, / Перайка ўпала, у рукавок клала, / З рукаўка брала, вяночак віла. / Вяночак звіла, пайшла ў таночак, / З таночка ішла, вяночак згубіла”. Паву з павуком не любілі пускаць у хату, бо яны заўсёды што-небудзь украдалі* (запісана ад Даніленка Алены Якаўлеўны, 1922 г. н.).

З масленічнай абраднасцю звязана ўстойлівае словазлучэнне **вешаць калодку**, якое ў некаторых мясцовасцях Гомельшчыны мела назву **ступу цягаць** (в. Карма Добрушкага р-на). “Калодка – прымеркаваны да Масленіцы абрад, у якім дзяўчатам і нежанатым хлопцам прывязвалі да нагі драўляную калоду (або іншы прадмет) як знак асуджэння або пакарання за тое, што яны не ўступілі ў шлюб своечасова” [3, с. 541].

Фразеалогія масленічнага абраду (*вешаць калодку, вязаць калодку, валачыць калодку*) у кожным канкрэтным геаграфічным кантэксце мае шлюбную скіраванасць, як напрыклад у вёсках Вялікі Бор і Настолле Хойніцкага р-на: *Маладыя жанічыны хадзілі па дзярэўні і вешалі хлопцам-пераросткам дзеравянныя калодкі за тое, што яны не хацелі жаніцца. А хлопцы ад іх адкупляліся блінамі ці другімі прысмакамі* [1, с. 78]; *Таксама вядомы звычай “калодкі”. Замужнія жанчыны ішлі ў хату, з гаспадарамі якой былі ў сяброўстве, і прывязвалі дарослым, але незамужнім дзецям на ноч “калодкі” – невялікія палкі ў дакор за тое, што яны не ўступілі ў брак наярэдадні паста, а тыя павінны былі “адкупіцца” святочнымі ласункамі* [1, с. 78–79]. “На Віцебшчыне на Масленіцу калодку цягалі па дварах маладых людзей і дзяўчат, складваючы такім чынам будучыя пары: *Качалі калоду малыцы и дзеўкі, апрадзялялі каго з ким пажэняць у гэты год, смеяліся так. А тады дзе клалі калоду да другога разу. На поўдні Гомельшчыны на Масленіцу жанчыны збіралі па вёсцы калоды для таго, каб пасекчы дровы, а затым нагрувашчвалі іх адна на адну, як бы “строілі хату парню или дзевушке на выданье”* [3, с. 544].

Звычай **вешаць (цягаць) калодку** ў в. Карма Добрушкага р-на, як пацвердзілі жыхары, быў вядомы пад назвай **ступу цягаць**: *На Масленіцу быў такі абычай “ступу*

цягаць”. *Бліжэй к вечару на вуліцы сабіралася маладзёж, яна пела песні, гуляла, у тым ліку і ступу цягала* (запісана ад Шуставай Марыі Трафімаўны, 1927 г. н.) [6, с. 171].

“Сімволіка ступы, як і таўкача, заснаваная на іх антрапамарфізацыі, пры якой акцэнтуюцца адпаведныя полавыя прыкметы... Адна ступа, без таўкача, сімвалізавала шлюбную пасіўнасць і таму знайшла рытуальнае выкарыстанне ў масленкавых звычаях пакарання нежанатай моладзі – на Масленіцу хлопцам, што не жэняцца, прывязвалі ступу да нагі і патрабавалі магарыч” [7, с. 494]. Т. А. Агапкіна звяртае ўвагу на той факт, што “ва ўсходніх славян і ўсходняй Польшчы замест “калодкі” выкарыстоўваецца ступа (ступай да таго ж дражнілі нязграбную дзяўчыну)” [3, с. 544].

Як бачым, разгледжаныя намі ўстойлівыя словазлучэнні выступаюць у абрадавых кантэкстах назвамі абрадаў і іх асобных кампанентаў, выяўляюць агульныя заканамернасці ўстойлівасці іх выкарыстання ў каляндарнай абраднасці розных раёнаў Гомельшчыны, сведчаць аб глыбіні і багаці мыслення нашых продкаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Хойнікшчыны спеўная душа : Народная духоўная культура Хойніцкага краю: фальклор.-этнаграф. зб. / пад агул. рэд. В. С. Новак. – Мінск: Выд. Цэнтр БДУ, 2010. – 303 с.: іл.

2 Толстая, С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.

3 Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2 : Д – К (Крошки). – М. : Междунар. отношения, 1999. – 704 с.

4 Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.

5 Юдин, А. В. Русская народная духовная культура / А. В. Юдин. – М. : Высш. Школа, 1999. – 331 с.

6 Зямля чароўная добра: Добрушскі край: гісторыя і сучаснасць / пад агульнай рэдакцыяй А. А. Станкевіч. – Гомель: ААТ “Полеспечать”, 2008. – 261 с.

7 Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2 выд; дап. – Мн. : Беларусь, 2006. – 599 с.

УДК [81’373:398.9]:303.446.2

О. С. Пальчевська

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ У СИСТЕМІ КУЛЬТУРНИХ КОДІВ

Характеризуются фразеологические единицы украинского, русского и английского языков как языковые знаки, вербализующие биоморфный и антропоморфный культурные коды. Внутренняя форма фразеологизмов анализируется с учетом сведений о поверьях, обычаях и традиционных представлениях. Определяется символика имен собственных, ставших компонентами фразеологических единиц.

Катэгорыі культурнага коду та культурнага тэксту відносяцца да асноўных структурных вымярэнняў сімвалічнай мовы культуры – парадыгматычнага та сінтагматычнага [2, с. 340]. З точки зору сучаснай семасіялогіі, взаємодія культур – це перакодування інфармацыі з мовы культуры аднаго народу на мову культуры іншаго. Це стосуецца усіх мовных сістэм, сімвалічных абразів, вторинных моделюючых сістэм і т. д. Щодо

розуміння самого терміну культурний код існують різні підходи. Так, Ю. М. Лотман під культурним кодом розуміє систему образів, що відноситься до певної культурної сфери або ж артефакти культури, що виступають у знаковій функції. У термінах Тетяни Щепанської система культурних кодів лежить в основі надгрупової спільноти та використовує для самоідентифікації різні символи [10, с. 59]. Науковець розділяє невербальні коди (просторовий, часовий, предметний, тілесний) та вербальні стереотипи. С. М. Толстая твердить, що суттєві для культури смисли можуть виражатись засобами різноманітних кодів, кожний з яких пропонує свою структуру та концептуалізацію кожного конкретного смислу. На думку дослідниці, коди поділяються на субстанціональні та концептуальні [8, с. 333]. Представниця тієї ж самої лінгвістичної школи О. Л. Березович, досліджуючи дискурс гри, називає культурними кодами мотиваційні сфери (тварини, рослини, побутовий інвентар, ремесла та ін.), з яких походять мовні одиниці [2, с. 340]. В. В. Красних зазначає, що культурний код – це інформація, закодована в певній формі, яка дозволяє ідентифікувати культуру, це «мета-рівень» для семіотичного простору (сукупність символів і знаків культури), універсальний за своєю природою, але такий, що детермінується суб'єктивним чинником. Кодування культурного простору носить національний характер, тобто воно специфічне для кожної національно-культурної спільноти. Між кодами культури не існує чітких меж. Вони зумовлюють і обумовлюють один одного. Базовими для російської культури вчений вважає наступні: соматичний, просторовий, часовий, предметний, біоморфний, духовний [4, с. 297]. Одиниці культурного коду мають змінний план вираження: один і той же образ може втілюватися, як в різних субстанціях, так і в слові. Виражені у вербальній формі культурні коди виникають в усній народній творчості, в художній літературі, частково проникають в природну мову і залишаються там у вигляді образної лексики, одиниць фразеологізмів, паремій, крилатих виразів і тому подібне. Відбувається часткове злиття природної мови з образними кодами культури. Фактично будь-яка сфера, що має конкретно-чуттєву наочність, може стати когнітивною основою для виникнення культурного коду. Універсальні культурні коди завжди національно детерміновані та обумовлені культурними реаліями певного народу [7]. Перехід номінації в інші культурні коди супроводжується появою в її семантичній структурі культурних конотацій. Адже як слушно зауважує М. Ф. Аліференко конотація – це той аспект значення номінативних одиниць, який є сукупністю емотивних, асоціативно-образних та стилістичних сем, які відображають не скільки ознаки означуваних об'єктів, скільки відношення мовця до означуваного або ж до умов мовлення [1, с. 169].

У термінах В.Н. Теля культурна конотація це в загальному вигляді інтерпретація денотативного чи образно мотивованого, квазиденотативного аспектів значення в категоріях культури з домінуванням образної основи. Система образів акумулює світогляд та пов'язується з матеріальною, соціальною чи духовною культурою певної мовної спільноти, а тому може свідчити про її культурно-національний досвід та традиції [6, с. 214]. В якості основних ознак конотації називають: ознаку додатковості до денотативного значення; вторинність конотації у стосунку до денотації; вираження емоційної, експресивної та оцінної інформації [6, с. 214].

Біоморфний код реконструює образи тварин та рослин, які виступають в якості культурних еталонів. Прикладом застосування біоморфного коду в народній мові можна вважати специфіку втілення образу осики. Одна із назв *Populus tremula*, осики чи тополі тремтячої, в діалектах – *apse*, спотворене *apsen-tree, the aspen* [11 (1, с. 66)], утворене шляхом додавання суфікса із староанглійського *æspe* “осика“, з P.Gmc. **aspo* (O.N. *ösp*, M.Du. *espe*, O.H.G. *aspa*, Ger. *espe*), з PIE **apsa* “осика“. За переказами хрест Ісуса було зроблено саме із цього дерева, внаслідок чого його листя тремтить із сорому [14, с. 34].

Шотландські легенди додають, що Іуда після зради повісився на осиці [13, с. 124]. Ті ж мотиви зафіксовано і в слов'янських віруваннях [5, с. 570]. В англійській мові

лексема *apse* зустрічається у вербальній формулі, що виражає незадоволення *Apse upon thee!* [11 (1, с. 66)]. В російській мові *Быть на осине (кому-либо)* – побажання загибелі, пов'язано із давніми уявленнями. Осиковий кілок вбивали в могилу вампірів, для того щоб утримати їх від виходу. На осіку вішали вбиту змію – щоб не ожила. Так само вчиняли з собаками, які були нездатні до полювання [3, с. 502]. У слов'ян осика часто асоціюється з демонічними персонажами: укр. *ТЬфу на тебе, пек ти осина!(так говорять тому, хто згадав чорта), Щоб ти згорів на осиковому дереві! Осика тобі в очі! (адресується відьмі); рос. Кол тебе осиновый на том свете, не прими тебя земля! Чтоб ей век на осине трястись, да деток своих не выдывать!(так кажуть батьки про доньку, яка вийшла заміж без батьківського благословення).* З іншого боку осика згадується в замовляннях, у складі формул вигнання хвороби на дерево: *Иди, вывих, на осину!; Поди прочь испуг на горькую осину!* В гуцульському замовлянні, яке читається «на охорону худоби», Михайло Архангел сидить на воротах з осинових кілків [5, с. 573–574].

Антропоморфний код, представлений у всіх мовах та культурах, втілює, надає людських рис предметам навколишнього середовища, явищам природи, різноманітним процесам та діям. Одним з способів його втілення вважаємо номінації з власною назвою, адже людина через призму себе номінує оточуючий світ, класифікує його. Продемонструємо маркування інтелекту шляхом використання власної назви як основного кодифікатора. На позначення дурної людини використовується номінація: *a daft Watty* (буквально нерозумний Уотті) [11 (2, с. 9)], де Уотті пестливе від імені Уолтер, зустрічається також у композиті *Watty-handed*, зі значенням лівша [11 (6, с. 404)] та ФО *to look like Watty to the worm* (дивитися як Уотті на черв'яка) – мати вигляд, який висловлює огиду [11 (6, с. 404)], що підтверджує використання антропоніма у номінаціях, які відносяться до низу оцінної шкали. Номінація також зустрічається у формі *a dafty Whatty*, дурень, незграбна людина [11 (2, с. 9)]. В ФО *Duke's-headed fool* (дурень з герцогською головою) «дурна людина» відбувається антропонімізація компонента *Duke* – Герцог, який позначає соціальний статус [11 (2, с. 203)]. *Tom boy* (хлопець Том) – «людина, яка поводить себе по-дурному», друге значення ФО – «розпусник» [11(6, с. 184)]. Говорячи про дуже дурну людину, вживають також паремію *as wise as Walton's calf who ran nine mile to suck a bull* (такий же мудрий як теля з Уолтона, яке пробігло дев'ять миль, щоб посмоктати бичка) [11 (6, с. 373)]. Номінація виникла в районі Есекса та часто використовується в інших місцевостях у контексті селищ з назвою *Waltham*. Свартенгрэн Т. Хілдінг вважає, що оригінальне значення паремії було спотворене – теля належало Уолтонському абатству, а сама приказка висміювала монахів за нерозумні проповіді [12, с. 49].

Також звернемо увагу на номінації: укр. *Альоша приморожений* – “людина з вадами в характері”; укр. *Дунька з Кацапетівки* – “дурна жінка”; пол. *Śmieje się jak Filip na jelito* – “особа дурна, бездумна” (польське слово *filip* має значення ‘розум’, однак у фразеологізмах ім'я має негативні асоціації); укр. *То це дурна Гапка* – “дурна жінка”, *Гапка-лапка, пішла Гапка-лапка, козина головка: не боїться ні собак, ні сірого вовка*, (дражнять Гапку). *на долинку, принесла дитинку* [9, с. 617] (негативна конотативність імені *Gana* пов'язана з впливом польського слова *gar* – ‘дурень’); *Мартин – головою об тин* [9, с. 615].

Отже, фрагментарно розглянувши номінації, які репрезентують два культурні коди (біоморфний та антропоморфний) у різних мовах, можемо постулювати, що під культурним кодом розуміємо систему символічних образів, які маркують народну мову, мають свій план вираження (вербальний / невербальний), відносяться до різних концептуальних мотиваційних сфер, наділені одночасно універсальними та специфічними рисами в співвідношенні однієї культури з іншою. Перехід номінації в інші культурні коди супроводжується появою в її семантичній структурі культурних конотацій.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
- 2 Березович, Е. Л. Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 599 с.
- 3 Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 926 с.
- 4 Красных, В. В. Свой среди чужих: Миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- 5 Славянские древности : Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995, Т. 1. – 577 с., Т. 3 – 697 с.
- 6 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- 7 Телия, В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ-Пресс, 2006. – С. 776–782.
- 8 Толстая, С. М. Слово в контексте культуры / С. М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – 527 с.
- 9 Номис, М. Українські приказки, прислів'я і таке інше / М. Номис. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
- 10 Щепанська, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанська. – М.: ОГИ, 2004. – 288 с.
- 11 Wright, J. The English Dialect Dictionary Volumes I–VI. / J. Wright. – Oxford: University Press, 1898–1905.
- 12 Hilding, T. Svartengren Intensifying Similes in English / T. Hilding Svartengren. – Lund : Aktiebolaget Skanska Ckntaltryckkriiet, 1918. – 512 p.
- 13 Napier, J. Folkore Superstitious Beliefs in the West of Scotland within This Century / J. Napier. – Paisley: Alex. Gardner, 1879. – 185 p.
- 14 Thiselton, Dyer T. F. Oxon M.A. English folk-lore / T. F. Thiselton Dyer M. A. Oxon. – London : Hardwicke & Bogue, 1878. – 344p.

УДК 81'373:398.9:130.123:17.023.362

Л. В. Савченко

ФРАЗЕОЛОГІЯ ЯК РЕПРЕЗЕНТАНТ МІФОЛОГІЧНОГО КОДУ КУЛЬТУРИ

В статтє рассматривается отражение в украинской фразеологии архаичных мифологических представлений, связанных с анимическим, фетишиным, тотемическим, космогоническим, астральным и эсхатологическим субкодами. Устанавливается соотношение между мифонимами и культурно маркированными фразеологическими оборотами украинского языка.

Відображення міфологічного мислення у фразеології привертало увагу багатьох вчених (В. М. Мокієнко, С. М. Толстая, М. І. Толстой, В. А. Маслова, В. І. Коваль).

У міфології використовувалися різні типи знаків, які наділені характерними особливостями, формувалися за правилами міфологічного культурного коду, у якому розрізнявся знак і об'єкт, знак і модель. Модель була наділена релігійним смислом, вбирала в себе магичні ритуальні сили. Зв'язок між речами і назвами, людиною та іменем

вважався реальним: дії з предметами мали силу як і дії зі словами. Міфологія закодувала природні явища та стихії, символи світотворення та загибелі планети.

Мова дає можливість розгадати складну семантику культури, зокрема міфології. Парадигма цього питання закладена в системі: «смісловий простір має цілу низку співвідносних понять і концептів: міф – культура, міф – мова, фразеологізм – міфологема» [3, с. 159]. Визначальною одиницею у з'ясуванні основних рис міфологічного кодування виступає міфологема. Поняття міфологеми пов'язане з конкретно-образним, символічним засобом зображення реальності, що виникає в тих випадках, коли вона не вкладається в межі формально-логічного й абстрактного зображень. Міфологема спрямовує й корегує семантику фразеологізмів, їх сучасне функціонування. Низка фразеологічних одиниць співвідноситься з міфологічним культурним кодом, який репрезентує образи архаїчних первіснорелігійних уявлень людини, що постають із загальних положень, покладених в основу теоретичної міфології. На підставі міфологічних уявлень людини про всесвіт і буття людини в ньому, закономірним є в міфологічному коді культури виділення системи субкодів, які через фразеологічні одиниці (ФО) репрезентують міфологічне мислення.

1. Анімістичний субкод полягає у відображенні віри в наявність душі чи духу у явищах природи, предметах навколишнього світу, тваринах, рослинах. Наприклад, зооморфізм як наділення рисами тварин образів реальних чи уявних об'єктів втілюється у ФО *дивитися вовком, вовчий погляд, витися вужем, як баран на нові ворота*. На основі зооморфізму виникли уявлення про можливість метаморфоз – оборотність як зміна оболонки душі (*залізити (влізити, вкласти) в душу, лізити змією в душу*). На основі анімістичних вірувань люди пояснювали етіологію фізичного стану – хвороби, сон, явище тіні, яку уявляли двійником людини. У міфологічному мисленні уособлювалися всі хвороби: *лихоманка, фрибра, тряся, пропасниця, гостець, колька, грець, завійна*. Наприклад, ФО як *(мов, неначе) лихоманка стрепехнула, Щоб вчепилася би тебе фрибра*. До анімістичних вірувань належить і сон, який в уяві постає в образі кудлатого чоловіка з чотирма очима. На основі міфологізованої етіології і сформувалися ФО *сон не бере / не взяв, сон хилить (зломив, клонить, поборов)*. Тінь – символ душі людини, тривоги, підозри, саме тому у ФО тінь одухотворена: *боятися власної тіні, одна тінь залишилася (зосталася)*.

2. Фетишний субкод інтерпретується через віру в надприродні властивості предметів і речей, їх культ і поклоніння їм. Світ матеріального та нематеріального, людини та природи, дій і предметів не розмежовувався. У міфологічних уявленнях предмет із дерева зберігав дух лісу, на витвір людини переходив дух її творця. В українській релігійно-міфологічній традиції фетишами – об'єктами релігійного поклоніння – вважалися різноманітні амулети й талісмани, кістки, дерев'яні чи камінні стовпи, образ неба, стіл як лінія горизонту, посуд. Наприклад, Атлант у давньогрецькому міфі тримав на своїх плечах небесний схил. Відповідно ФО *лежати на плечах* стала виразником фетишного субкоду через соматизм *плечі*. Розкриваючи антропоморфну модель світу, де людина виступає мірою всього, ФО передає також архетипну опозицію *верх/низ*, що корелює з протиставленням *важкий/легкий*. ФО *скидати / скинути з плечей* базується на явищі синекдохі: частина тіла замінила людину в цілому, а плечі стали втіленням важкої ноші. Поклоніння предметам із надприродною силою відбилося у ФО *вибивати / вибити клин клином*. Компонент *клин* – шматок дерева чи заліза – співвідноситься з предметним кодом і є елементом культу з сакралізованим значенням. ФО побудована на реальній ситуації, що пов'язується з процесом рубання дров за допомогою клина і містить метафору як уподібнення позбавленню від складної ситуації чи стану, що супроводжується різким поштовхом.

3. Тотемічний субкод співвідноситься з віруванням в існування надприродних зв'язків між родовою групою людей і певним видом рослин, птахів, звірів, явищ природи, неживих

предметів. Мотивація святкового обряду *водіння кози* проявлялася в сакральному ставленні до тварини-тотема через образ особи, переодягненої в козу з метою магічного впливу. Це дійство стало базою для виникнення ФО *водити козу* з семантикою 'довготривалий процес пиття спиртних напоїв'. В основі ФО *зламати калину; почесати березовим віником; дати (всипати) березової каші (припарки)* лежить давній архетип дерева-тотема, який і закріпився в українських стійких висловах. Тотемічне кодування проявляється й у ФО *вбити / забити осиковий кілок*. Символом ритуального співжиття з предком-тотемом можна вважати весільну обрядодію, де головним атрибутом виступає кожух, наділений символічним значенням плодovitості для молодої пари. За традицією родовід ведеться від тотему роду – запліднювача, опікуна, душа якого сидить у шкірі, а через тактильне спілкування з весільним атрибутом молодим передається сила й добро (*сісти на кожух; вивернути кожух*).

4. Космогонічний субкод реалізується через розвинуту систему народних міфологічних вірувань і поглядів, спрямованих на процес загальної світобудови: перехід від початкового хаосу до впорядкованого всесвіту, на сутність і походження Сонячної системи та Землі, яка створена з ґрунту морського дна і прикрита небесним дахом. Серед традиційних космогонічних уявлень знаходимо залишки давнього поділу Всесвіту на три зони: небо, землю, підземний світ. Із верхнім виміром пов'язані ФО *на сьомому небі, іти / піти на небо, оскільки за стародавніми уявленнями небо має сім оболонок*. Давні слов'яни вірили, ніби вночі видиме небо розкривається, а за ним видніється справжнє – восьме, де перебуває Бог. Із нижнім світом співвідносяться ФО *хоч крізь землю йти, пройти крізь чистилище*. Походження ФО *на чому світ стоїть* знаходимо в язичницьких віруваннях [5, с. 284–298]. У східнослов'янській міфології відомо, що світ розташований на трьох китах і може рухатися, значить він перебуває в динамічному стані: *аж світ крутиться (вертиться, макітриться, коливається, іде), аж світ іде ходором / закрутився (завертівся, замакітрився, заколихався, пішов) обертотом (перекидом, перекидьки, ходором)*.

5. Астральний субкод співвідноситься з міфологічними віруваннями, що базуються на уявленнях про зірки та планети, сонце та місяць і їх міфологічну персоніфікацію. Астральний код за смисловим навантаженням корелює з космогонічним кодуванням. Різновидом астрального субкоду є *солярний і лунарний мікрокоди*. Відповідно образно-метафоричного значення в культурі набули космоніми *сонце / місяць*. В архаїчних міфологіях союз неба і землі трактувався як шлюб Сонця і Місяця. За протиставленням міфологічних символів Сонце наділене позитивними характеристиками, Місяць – негативними. Величність Сонця підтверджується ФО *під сонцем, місце під сонцем, хай ніколи сонце на мене не засвітить*. Лунарний культ проявляється в поклонінні Місяцю: *як з неба (місяця) звалитися (упасти), як місяць у небі, на місяць вити*. Астрологічний субкод пов'язаний із вірою у вплив небесних світил на долю людини: *провідна зоря (зірка), діставати / дістати зорі (зірки) [з неба], народитися під щасливою зіркою*.

6. Есхатологічний субкод відображає систему релігійних поглядів і уявлень про кінець світу та його подальшу долю, спокуту й потойбічне життя, про долю Всесвіту чи його перехід у якісно новий стан. В архаїчній міфології есхатологія розвинута мало, оскільки про початок світу описується достатньо, а про його кінець – мало. Мотиви мандрівки в пекло є однією з провідних тем у фольклорі. У міфологічних системах кінця світу особливо рельєфно поданий в описі пекла судний день. Зазначені уявлення відобразилися у ФО: *до самого судного дня, Страшний суд, до страшного суду, до суду, до віку, доки (поки) світа й сонця*. За віруванням, під час Страшного суду земля горітиме, вода кипітиме, а небо скотиться в клубочок і впаде додолу ([див.: 1, с. 508]). Есхатолічні уявлення проявляються й у ФО *як після потопу, від потопу і до потопу*, які відображають страшну глобальну подію – всесвітній потоп.

7. Міфонімічний субкод співвідноситься з власними назвами та уявленнями про них у сфері міфолого-ономастичного простору через міфи, епопеї, казки, билини. Міфонім відіграє важливу роль у системі мови та культури. Входячи до складу художнього тексту, міфонім, як зазначає В. В. Катерміна, «сприяє виявленню національно-культурних особливостей окремого етносу» [2, с. 49]. Виділяються такі мікрокоди міфонімічного субкоду: 1) міфоантропонімічний мікрокод – співвідносний із власним ім'ям людини, істоти в міфах, фольклорі, яку людина уявляє собі як реальну. Одним із найвідоміших міфолого-казкових царів є Горох, що виступає базовим компонентом у структурі ФО за *царя Гороха (Панька, Тимка, Хмеля)*. У фольклорних працях згадуються ще вигадані імена *Томко (Темко), Собко, Омелько*. На думку В. М. Мокиєнка, лексема *горох* не випадково виявилася «найпопулярнішим іменем у низці російських, українських і білоруських фразеологізмів, що свідчать про допотопні часи» [4, с. 213]. Рослинна лексема *горох*, що має в архаїчній культурі глибокий символічний сенс, належить до атрибутів із виразною еротичною та продукуючою семантикою; 2) міфоперсонімічний мікрокод – співвідносний із власним ім'ям персонажа, що діє в міфах, билинах, казках: Ілля Муромець, Змій Горинич, Кошій Безсмертний, Прометей та ін. Наприклад, ФО як *кошій безсмертний, прометей вогонь, геркулесові стовпи, ариаднина нитка, танталові муки, дамоклів меч, сізифова праця*; 3) міфотеонімічний мікрокод – співвідносний із власною назвою богів, що є дійовими особами в міфах: Афродита, Перун, Велес, Сварог, Див та ін. Наприклад, стійке сполучення слів *велесова борода* (Велес – бог краси, щастя, любові; опікун небесних стад); *Щоб на тебе Див прийшов* (Див – божество страху і смерті); *Перун би тебе збив з ясного сонця*; *Щоб тебе Перун забив* (Перун – бог блискавки та грому); *Колодієва смерть, Колодієві похрестини (похорони)* (Колодій – сонячний бог, бог шлюбу). Деякі ФО походять із римської міфології: *стріла Амура (Купідона)*; 4) міфотопонімічний мікрокод – співвідносний із власною назвою географічного об'єкту, який людина уявляє собі як реальну істоту: Буян-острів, Лукомор'я, ріка Лета. Наприклад, ФО із міфотопонімом *канути в Лету*; 5) міфозоонімічний мікрокод – співвідносний із власними іменами міфічних тварин, людиноподібних істот, які фактично не існують, але уявляються реальними: Жар-птиця, Царівна-жаба, Соловей-розбійник, Кентавр, Пегас, Мінотавр, Химера, Фенікс. Наприклад, ФО з компонентом-міфозоонімом у структурі: *як царівна-жаба, між Сциллою та Харибдою, осідлати Пегаса*.

Отже, міфологічне кодування відобразилося в багатьох культурно маркованих ФО української мови. Відповідно архаїчні уявлення впливали на замкненість культури, оскільки стереотипи зберігалися, традиції та обряди, ритуали і магичні дії здійснювалися регулярно. На відміну від міфонімів, які легко розпізнати у фразеоконструкції, міфологічне мислення – анімізм, тотемізм, фетишизм – наділені завуальованими рисами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.
- 2 Катерміна, В. В. О национально-культурном компоненте имен собственных (на материале английской фразеологии) / В. В. Катермина // Духовные ценности современной российской молодежи. Материалы межвузовской конференции. – Орел, 1997.
- 3 Маслова, В. А Фразеология в контексте культуры / В. А. Маслова. – М.: Язык русской культуры, 1999. – С. 159.
- 4 Мокиєнко, В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиєнко. – СПб, 2007. – 256 с.
- 5 Мокиєнко, В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиєнко; 2 изд. – М., Флинта, 2007. – 464 с.

А. А. Станкевіч

РАСЛІННЫ КОД ВЯСЕЛЬНОЙ АБРАДНАСЦІ: НАЗВЫ ВЯСЕЛЬНОГА ДРЭЎЦА Ў ГАВОРКАХ ВЕТКАЎСКАГА І ДОБРУШСКАГА РАЁНАЎ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

У артыкуле разглядаюцца назвы вясельнага дрэўца, якія ўжываюцца на тэрыторыі беларуска-рускага памежжа – ў гаворках Веткаўскага і Добрушскага раёнаў. Назвы абрадавага дрэўца разглядаюцца ў кантэксце вясельнага рытуалу: указваюцца час, калі ладзілі дрэўца, асаблівасці яго ўпрыгожвання, месца размяшчэння ў хаце, абрадавыя дзеянні, накіраваныя на яго, сімваліка гэтых дзеянняў.

Лексічная сістэма народна-дыялектнай мовы, у якую ўваходзяць розныя паходжанні, семантыцы і сферы выкарыстання словы, з’яўляецца важнай часткай духоўнай культуры. Яна адлюстроўвае народныя традыцыі, вопыт, светапогляд і ўяўленні аб найбольш значных сацыяльных і маральна-этычных каштоўнасцях і таму ўяўляе асаблівую цікавасць для даследавання. Вывучэнне традыцыйнай культуры Гомельшчыны, у тым ліку і яе народна-дыялектнай мовы, будзе садзейнічаць апісанню спецыфічных асаблівасцей усходнепалескай культурнай прасторы, якія вызначаюць яе месца ў адзіным усходнеславянскім кантэксце. Аксіялагічна значным састаўным кампанентам лексічнай сістэмы народнай мовы з’яўляюцца сямейна-абрадавыя назвы, што адлюстроўваюць увесь жыццёвы шлях чалавека ад нараджэння да “бярозкі”. Сістэма сямейна-абрадавых намінацый засноўваецца на апазіцыі “чалавек – сям’я” як адной з галоўных карэляцый канцэптасферы духоўнай культуры. Значную цікавасць уяўляе вывучэнне лексікі вясельнага абраду як аднаго з найбольш важных комплексаў сямейнай абраднасці, якая мае даўнія развітыя традыцыі бытавой культуры. Абрадавая лексіка “адначасова належыць і мове, і культуры і таму заслугоўвае сістэматычнага вывучэння з пазіцыі комплекснага этналінгвістычнага падыходу” [1, с. 216].

Матэрыялам для даследавання паслужыў дыялекталагічны архіў кафедры беларускай мовы Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, складзены па выніках дыялекталагічных практык студэнтаў філалагічнага факультэта ў розных раёнах Гомельскай вобласці, а таксама выданні фальклорна-этнаграфічных зборнікаў, прысвечаных сямейнай абраднасці нашага рэгіёна [2].

Вясельны абрад мае некалькі этапаў, значную прасторава-часавую працягласць і складаную структуру, якая ўключае акцыянальны, вербальны і рэчыўны кампаненты, што патрабуе комплекснага падыходу пры яго апісанні. У сувязі з гэтым аналіз вясельнай лексікі неабходна праводзіць з улікам напоўненасці, знакавай сутнасці і зместу самога вясельнага абраду.

Як адзначаюць даследчыкі, вясельная абраднасць на ўсёй тэрыторыі Беларусі ў аснове сваёй аднародная, галоўныя вясельныя абрады з некаторымі адхіленнямі ў розных мясцовасцях супадаюць [3, с. 11].

Рэчыўны (прадметны) код вясельнай абраднасці з’яўляецца важнай састаўной часткай рытуалу. У яго склад уваходзяць розныя матэрыяльныя кампаненты абрада, найчасцей прадметы паўсядзённага ўжытку, якім надаецца магічны сэнс, сімвалічнае значэнне.

Абавязковым атрыбутам вясельнай абраднасці з’яўлялася вясельнае дрэўца, якое ўпрыгожвалі перад вяселлем. Вясельнае дрэўца адлюстроўвала раслінны код абраду. яно сімвалізавала маладосць і прыгажосць, здароўе і ўрадлівасць, пладавітасць. І ў гэтым адлюстроўваўся раслінны код вясельнага рытуала.

Вясельнае дрэўца ў гаворках Веткаўскага і Добрушкага раёнаў Гомельскай мела розныя назвы: *велка, велца, вельцэ, вельца, велечка, елец, ельца, ёлка, елка, ёўка, ёлачка, яліца*.

Рытуал прыгатавання і ўпрыгожвання вясельнага дрэўца ў розных раёнах Гомельшчыны мае як агульныя, так і адметныя ўласцівасці. Адрозненні звязаны з выбарам дрэва, характарам яго упрыгожвання, месцам размяшчэння, умовамі выкарыстання.

Найчасцей у ролі вясельнага дрэўца ў даследуемым рэгіёне выступала *ёлка*: *На вяселле ёлку стаўлялі* (в. Хальч, Ветк.); *На свадзьбу ставілі і ўкрашалі ёлку* (в. Старое Сяло, Ветк.). Ёлка, паводле меркаванняў інфарматараў, сімвалізавала нявесту, яе маладосць і прыгажосць: *Ёлка – эта нявеста* (в. Барталамееўка, Ветк.). Як правіла, у населеных пунктах Веткаўскага і Добрушкага раёнаў ёлку прыносілі з лесу сяброўкі нявесты: *Дзеўкі ідуць у суботу, адсякаюць ёлку* (Рэчкі, Ветк.); *Вот у падругі свадзьба. Ана збірае нас, вырубліваем у лесе ёлку* (в. Барталамееўка, Ветк.); *У суботу перад свадзьбай збіраліся дружкі нявесты і нявеста, хадзілі па ёлку. Прыходзілі ў лес.. і выбіралі ёлку, каб была добрая, не крывая, пушыстая* (Данілавічы, Ветк. – ВНГ, с. 108). Цікава, што ў Нараўлянскім раёне ўдзел у гэтым рытуале прымаў і малады са сваімі сябрамі: *Свідзецель з маладым ідуць шукаць гарну ёлку. Вырубаюць, робяць крэст, пратыкаюць і замацоўваюць* (в. Белая Сарока, Нараўл. – С., с. 102).

Акрамя ёлкі, у якасці вясельнага дрэўца выкарыстоўвалі таксама вярбу, якую называлі *велка, велца, вельца, велечка*: *Свадзьбу гулялі красіва. Яшчэ на свадзьбу ставілі такую, як называюць велца, велечка з вярбы, кучаравую такую* (г.п. Церахоўка, Добр.); У некаторых вёсках вясельнае дрэва замяняла галінка або букет, кветкі: *Ельца – цвяты, прыделаныя к палцы з рагуліны. Ельца стаяла ўсю свадзьбу* (в. Насовічы, Добр.); *Сяброўкі дзелалі букецікі з яліцы. Кветкі адсявалі на яловую ветку* (в. Жгунь, Добр. – ЗЧД, с. 252); *Вясельнае вельца ў нас было такое – булку хлеба должен прінесці дружок, у цэнтры ставілі цвяты* (г.п. Церахоўка, Добр.). У наш час ролю вясельнага дрэўца ў некаторай ступені выконвае “букет нявесты”, які спецыяльна падбіраюць, упрыгожваюць да вяселля, які захоўвае нявеста ў час вячання або распісі ў загсе, а пасля кідае сваім незамужнім сяброўкам. Якая з іх падхопіць букет, тая ў хуткім часе замуж выйдзе.

Упрыгожвалі вясельнае дрэўца ў асноўным свечкамі, стужкамі, папяровымі кветкамі, у некаторых выпадках – і цацкамі: *Мы приходзім к нівесце, ставім на стол, дзелаем кіціцы з бумагі, упрыгожваем ёлку* (в. Барталамееўка, Ветк.); *Ёлку ўюць. На бумаге выразаюць усякія ігрушкі. І на ёлку вешаюць, ёлка настаяшчая* (в. Барталамееўка, Ветк.); *На свадзьбу раней гаварылі прынята было ёлку ўкрашаць. Лентачкамі всякімі разнацветнымі* (г. Ветка); *Дажэ еслі і летам свадзьба – всё равно, ілі вербу, ілі ёлку украшалі банцікамі* (в. Старое Сяло, Ветк.); *На свадзьбу ставілі і ўкрашалі ёлку разнымі фігуркамі з бумагі* (в. Старое Сяло); *Ёлку ўпрыгожвалі разнымі такімі ігрушкамі, хлапушкамі* (г. Ветка.).

Сам працэс упрыгожвання дрэўца называўся найчасцей *віць ёлку* (*вельца, велечка*): *Ёлку ўюць настаяшчую, вешаюць розныя бумажкі, цацкі* (в. Старое Сяло, Ветк.); *З самога рання дзяўчаты .. вілі велечка і пелі песні* (Баршчоўка, Добр. С. 249); *ставіць (стаўляць) ёлку. На вяселле ёлку стаўлялі* (в. Хальч, Ветк.); *украшаць ёлку: Дружкі ўкрашалі ёлку, красілі бумагу і з ёй рабілі кветкі і імі ўкрашалі* (в. Данілавічы, Ветк. – ВНГ, с.108). Упрыгожванню дрэўца надавалася такая ўвага, таму што яно таксама мела сімвалічны характар, у ім перадавалася пажаданне добрага, шчаслівага жыцця: *Калі маладую на пасад заводзілі, сват ельца дзержаў. Яно нада, штоб маладыя, сям'я іх цвяла. Яно, штоб мір быў у сям'і* (г. п. Церахоўка, Добр.).

Важным было і месца, куды стаўлялі вясельнае дрэўца: *на кут – Ёлку, якую вілі дзеўкі .. становяць на кут. Маладая стаіць пад ёлкай* (Данілавічы, Ветк. – ВНГ, с. 105); *на стол: Стаўляюць на стол ёлку, куды маладую садзяць* (в. Хальч, Ветк.); *Дрэўца ў хаце на стол стаўлялі* (г. Ветка); *у хлеб: Прыносілі нявесце ў хату ёлку, станавілі на стол у булку хлеба, каб не абярнулася* (в. Данілавічы, Ветк. – ВНГ, с. 108). *Кветкі адзявалі на яловую ветку. Саму гэту кветку тыркалі ў хлеб, які ставілі на стол* (в. Жгунь, Добр. – ЗЧД с. 252). У гэтым таксама праяўляўся сімвалічны сэнс – праекцыя на дабрабыт, багацце, ураджайнасць і пладавітасць.

Вызначана было месца, дзе сядзела маладая ў гэты час: *пад ёлкай : На свадзьбе маладая сядзіць пад ёлкай* (в. Рэчкі, Ветк. – ВНГ, с. 100); *за ёлкай: Дрэўца ў хаце на стол стаўлялі, нявеста за ёлкай сядзіць* (г. Ветка); *перад ёлкай: Касу распляталі нявесце, калі яна сядзела перад ёлкай* (в. Хальч, Ветк.). Вакол ёлкі вадзілі карагод, спявалі вясельныя песні: *На свадзьбу ставілі вельца з вярбы.., кругом хадзілі, песні пелі, штоб красіва жылі маладыя* (г. п. Церахоўка, Добр.).

Час, калі “вілі ёлку” таксама быў рэгламентаваны. Гэта найчасцей зборная субота перад вяселлем: *Вельца вілі ў зборную суботу* (г. п. Церахоўка, Добр.) *перад пасадам: Ёлку ставяць падчас пасаду на вяселлі* (в. Старое Сяло, Ветк.).

Такім чынам, вясельнае дрэўца, як і нявеста, было цэнтрам шлюбных падзей. Перад выездам на вячанне дружка або жаніх, у некаторых маясцовасцях сват павінны былі *выкупіць дрэўца, даць за яго выкуп: Дзяўчаты хочуць, штоб за ёлку ім далі пірог ды больш грошай* (в. Жгунь, Добр., с. 252); *На вяселле ёлку стаўлялі.. Сваты прыходзяць, выкуплююць* (в. Барталамееўка, Ветк.); *І вот маладзёж ёлку ету прадала, ім далі грошы на рукі, гасцінцы далі на рукі* (в. Рэчкі, Ветк.).

Заклучным этапам ёлачнага рытуалу было ламанне ёлкі: *Дружок прыходзе ўжо выкупляе нас.. і мы ўжо з-за стала выходзім, ёлку тую бурым, госці садзяцца за стол і гуляюць свадзьбу* (в. Барталамееўка, Ветк.). Пры гэтым жаніх імкнуўся зламаць вярхушачку ёлкі, сяброўкі нявесты не давалі яму гэта зрабіць. Тое ж рабілі і дружка маладога або сваты, калі нявеста спрабавала зламаць вярхушку: *Ёлку, як нявеста зламае, то будзе верх імець над мужыком. Дык сваты стараюцца, каб маладая не зламала верх, а яна тады стараецца, штоб зламіць верх* (в. Казацкія Балсуны, Ветк. – В., с. 233).

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Толстая, С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 215–224.

2 Вечнае: Фальклорна-этнаграфічная спадчына Веткаўскага раёна / аўт. уклад.: І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 362 с. – В.; Вяселле на Гомельшчыне: фальклорна-этнаграфічны зборнік. – Мінск: ЛМФ “Нёман”, 2003. – 472 с. – ВНГ; Зямля чароўная добра: Добрушскі край: гісторыя і сучаснасць / пад аг. рэд. А. А. Станкевіч. – Гомель: ААТ “Полеспечать”, 2008. – 280 с. – ЗЧД; Спрадвечнае: Фальклорны зборнік ліквідаваных у выніку катастрофы на Чарнобыльскай АЭС населеных пунктаў / аўт. укл.: І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2005. – 230 с.

3 Варфоломеева, Т. Б. Северобелорусская свадьба: обряд, песенно-мелодические типы / Т. Б. Варфоломеева. – Минск: “Наука и техника”, 1988. – 156 с.

І. В. Царьова

ОБРЯДОВА ФРАЗЕОЛОГІЯ СХІДНОСЛОБОЖАНСЬКИХ ГОВІРОК (Родильний цикл)

В статтє анализируются фразеологизм, относящиеся к фразеосемантическому полю «беременность, роды», зафиксированные в конце XIX века на территории Восточной Украины. При характеристике региональных фразеологических единиц используются материалы народной духовной культуры: обряды, обычаи, поверья и приметы.

Процес розуміння й аналізу фразеологічного складу мови – це шлях до пізнання ментальності народу, його уявлень про світ і сприйняття себе у цьому світі. Активний процес ренесансу обрядових традицій, які довгий час зберігались лише на рівні колективної пам'яті, створив передумови для виникнення нового напрямку сучасної лінгвістики – *обрядової фразеології*, у центрі якої акціонально-ментальний простір репрезентований фразеологічними одиницями (ФО), підґрунтям для виникнення яких стали обряди, традиції, вірування, ворожіння, замовляння, тобто певні фізичні дії чи словесні магичні форми, виконувані з метою, спрямованою на добробут людини, рідше на накликання лиха. Відображення етнографічної сторони обряду, а також вивчення впливу системи номінацій на структурування обрядової церемонії є одним з важливих завдань дослідження обряду як комплексної структури, що поєднує в собі мовну й позамовну реальності.

На нашу думку, саме обрядові фразеологізми є складовими етнофразем (В. Коваль), вербальними відшаруваннями-номенами (В. Ужченко), мовленнєвими продуктами (О. Селіванова), фразеологічними знаками (О. Левченко), етнокультурними смислами (В. Жайворонок), які несуть специфічну, національно-культурну інформацію певного ареалу.

Дослідження семантичних процесів у лексико-фразеологічній системі мови з погляду принципів етнолінгвістики та на основі її методик виявляє свою вищу продуктивність у порівнянні з традиційними діахронними дослідженнями мовних одиниць, оскільки залучення широкого світоглядно-культурного тла дає надійні підстави для реконструкцій процесів номінації, що відбувалися в минулому [2, с. 4]. Понад сто років (1898) була опублікована значна за обсягом 1008-сторінкова пам'ятка „Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края” за редакцією начальника Харківського губернського статистичного комітету Василя Іванова, яка і стала джерелом нашої розвідки (далі – Пам'ятка). Пам'ятка – багатюще етнологічне дослідження; вона значною мірою відтворює цілісну традиційну „картину світу”, складовою якої є фразеологічна картина світу. Практика вивчення обряду показала недостатню ефективність її дослідження винятково лінгвістичними методами: номінацію явища народної культури (зокрема обряду) „необхідно досліджувати як *компонент певної цілісності*” [4, с. 32]. Звичай – загальноприйнятий порядок, спосіб дій, загальноприйнята норма поведінки: те що стало звичним, засвоєним, визнаним, що увійшло у вжиток.

Метою роботи є експлікація етнографічного матеріалу й витоків деяких лексем та ФО (що постали на основі обряду, звичаю та вірування) делікатної сфери вагітної жінки, її поведінки та народження дитини у Східній Слобожанщині в кінці XIX ст.

Породильні обряди, звичайно розлогі й широкі, дуже давні і, як усі обряди, міцно пов'язані з віруванням народу. Краштим зачаттям вважалося 9/22 грудня – *на Аннино Зачаття*. Уся сфера значною мірою евфемізована. Наприклад, *найти дитину*, замість

прямого „народити” (І найшла собі попадя от того видмєдя дитину) (Новпск) [3, с. 775], *привести дитину, пригецати дитину, приперти дитину* (Тим).

Образними конкретизаторами змісту аналізованих фразеологізмів семантичного ряду „бути вагітною” є лексеми певної поняттєвої сфери, що мають круглу форму, а за Юнгом, магічне коло, або мандала, через його захисні функції може бути формою материнського архетипу [5, с. 119]: *гарбуз, глобус, живіт, кавун, шар* тощо: *гарбуза проковтнути (з'їсти)* (Св), *глобус носити (проковтнути)* (Осин), *з животом, з колобком* (Луган), *у положенні* (Білк), *надута на життя* (Луган), *кавуна з'їсти (проковтнути)* (Білк), *колобка носити* (Луган), *шар ковтнути* (Кір), *м'яч (м'ячик) з'їсти (проковтнути)* (Біллуц) [1; 6]. У Пам'ятці фіксуємо *важка баба* (Важкій бабі, як ще половини нема, не слід ходити дивисьця на мертвих, а то неживе найдецьця (родицьця) [5, с. 459].

Бабу сповитуху до жінки звичайно кликав чоловік – *кликаць на родини* (Ман). Йшов до неї з хлібом, символом багатства та щастя. Баба не може відмовитись, бо це праця Божа. Прийшовши до хати, де лежить породілля, баба кладе тридцять поклонів і виконує вступний обряд, читаючи свої молитви. Коли породілля не може породити, і роди йдуть тяжко, тоді в хаті відчинялось усе, що відчиняється, розв'язують усі вузли, – щоб так само розв'язався й відчинився вихід дитини, або *дитину прижити* (народити).

Найпродуктивнішим у фразеосемантичній групі „Період власнепологових звичаїв, народження дитини” виділяємо семантичний ряд ‘народження в розмові з дітьми’. До його складу входять лексеми різної поняттєвої сфери: *баштан, Бог, буряк, голуби, город, Дід Мороз, картопля, любисток* тощо: *знайшли на баштані* (Кр), *нашли в бакші* (Нещер), *Бог послав* (Брян), *Бог подарив (подарував)*, *купили в лікарниці, подарували на день народження, злий дядя підкинув* (Луган), *у будяках найшли (знайшли)* (Тит), *у журавкі нашли* (Ман), *найшли (знайшли) в гарбузах* (Марк), *голуби принесли* (Крем), *найшли (знайшли, відкопали) в городі* (Білк), *найшли на городі в картоплі, на грядці найшли (знайшли)* (КрЛ), *на городі зловили* (Тим), *Дід Мороз подарував (подарив)* (Зак), *жаби наквакали* (Новоайд), *у вишнях найшли* (Лиз), *у гарбузах нашли* (Осин), *у любистку знашли* (Чмир), *на Айдарі ввіймали* (Старб), *у Дитичном вловили* (Білк) [1; 3].

Післяпологовий період розкриває перед нами цілий ряд звичаїв, традицій, обрядів. За ССМ „[святим] + ймення (іменем, ім'я) + дієслово = дати ім'я” утворився фразеосемантичний ряд ‘дати ім'я’: *ймення подарувати* (Старб), *іменем назвати* (Луб), *ім'я (імя) дати* (Луган), *святим іменем хрестить* (Тим), *ім'ям нарекли (нарекати)* (Сват), *меньнем крестити* (Білк).

У східнословобожанському ареалі поведінку жінки в період вагітності ми можемо кодифікувати культурологічною бінарною опозицією *дозвіл – заборона*. Дії негативного характеру по відношенню до жінки забороняли: *обрізати (фарбувати) волосся чи заплітати його в косу, переступати через мотузку, працювати у релігійні свята, а особливо в'язати, вишивати, бо дитина заплутається в пуповині* (Нещер); *не можна дивитись на калік, пожежі* (Сват), *уникати переляку* (Тр) [ВК], а сприятливі для породілля та майбутньої дитини – *вирішували: носити шпильку (булавку), уникати сварок* (Сол). Поведінка *правильно – неправильно* вагітної жінки може позначитися на долі дитини, тому строго регламентували: *відпочивати, щоб дитина була спокійна; не сваритись, а то родицьця з зубами* – про дитину, яка буде зла [3, с. 470], *не мити голову по п'ятницям (п'ятниця – жіночий день) – родицьця з косою* – про дитину, яка буде красивою [3, с. 470]. Зафіксований цілий ряд заборон і розпоряджень для вагітної. Частково вони носять символічний характер, пов'язані з реальною побутовою практикою. Так, вагітна повинна була уникати різного роду меж: *поріг, вікно, криві предмети*. До коду *заборона* відносимо також назви ритуальних дій: *не можна дивитися, як проводжають небіжчика, інакше, на думку інформаторів, дитина може народитися мертвою* (Старб) [ВК].

Про сучасний „аборт” казали *протягти понід брюхом. Перерубати місто навхрест* – щоб більше не народжувати дітей [3, с. 450–459]. У сьогочаснім ареалі: *піти почиститись* (Сват), *скинути дитину* (Біллуц, Стах), *спалити місто* (Білк) [ВК].

Фразеологія фактично II пол. XIX ст. (хоча публікація датована 1898 р.) – основа східнослобожанських говірок може бути зіставлена із живою сучасною мовнофразеологічною картиною. Дописувач зі сл. Білокуракине П. Шинкарьов справедливо висновок: „... Місцеві слова і речення, приказки і загадки надто можуть дати матеріал і основу для характеристики мови місцевих жителів з її словотворенням і вимовою слів” [3, с. 367].

Отже, у східнослобожанських говірках функціонують фразеологічні обрядові арعалізми, що мають місцеву прив’язку, коли мотивація їх внутрішньої форми здійснена з опорою на реалії східноукраїнського регіону або особливості світобачення його мешканців. Ці стійкі словесні комплекси репрезентують своєрідність обрядофразеологізмів східнослобожанських говірок. Фразеологічно насичена Пам’ятка – вичерпний матеріал для дослідження динамічних процесів за умови досить повного фразеологічного опису сучасного стану ареалу, який ми знаходимо в УВДСл (2005), у розробках окремих лексико-семантичних груп луганських дослідників.

Список скорочень назв населених пунктів:

Білк – Білокуракине Луганської обл.; Біллуц – Білолуцьк Новопсковського р-ну Луганської обл.; Брян – Брянка Луганської обл.; Зак – Закітне Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Кр – Краснодон Луганської обл.; Кір – Кіровськ Луганської обл.; Крем – Кремінна Луганськ. обл.; КрЛ – Красний Луч Луганської обл.; Лиз – Лизине Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Луб – Луб’янка Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Луган – Луганськ Луганської обл.; Ман – Маньківка Сватівськ. р-ну Луганської обл.; Марк – Марківка Луганської обл.; Нещер – Нещеретове Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Новоайд – Новоайдар Луганської обл.; Новпск – Новопсков Луганської обл.; Осин – Осинове Новопсковськ. р-ну Луганської обл.; Сват – Сватове Луганської обл.; Сол – Солідарне Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Старб – Старобільськ Луганської обл.; Стах – Стаханов Луганської обл.; Тим – Тимошине Білокуракинськ. р-ну Луганської обл.; Тит – Титарівка Старобільськ. р-ну Луганської обл.; Тр – Троїцьк Луганської обл.; Чмир – Чмирівка Старобільськ. р-ну Луганської обл.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ ТА ДЖЕРЕЛ

- 1 Власна картотека І. В. Царьової.
- 2 Жуйкова, М. Генеза образної предикації в етнолінгвістичному аспекті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.01 – „Укр. мова”, спец. 10.02.02 – „Рос. мова” / М. В. Жуйкова. – К., 2009. – 34 с.
- 3 Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии : очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. – Х.: Харьк. губ. стат. ком., 1898. – 1012 с.
- 4 Конобродська, В. Курсова і дипломна роботи з етнолінгвістики / Валентина Конобродська. – Житомир: Полісся, 2003. – 236 с.
- 5 Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу. –5-е вид. / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ : Альма-матер, 2005. – 348 с.
- 6 Юнг, К. Г. Душа і міф : шість архетипів / К. Г. Юнг; пер. з англ. – К. : Державна бібліотека України для юнацтва, 1996. – 384 с.

О. І. Чайка

ШЛЮБНІ ФРАЗЕМИ УКРАЇНСЬКОЇ, АНГЛІЙСЬКОЇ ТА ПОРТУГАЛЬСЬКОЇ МОВ

В статтє в сравнительно-сопоставительном аспекте характеризуются свадебные фразеологизмы украинского, английского и португальского языков. В ходе диахронического анализа фразеологических единиц активно используются экстралингвистические сведения: исторические факты, обряды, обычаи, поверья и приметы.

Проблема перекладу фразеологічних одиниць різноструктурних мов та укладання перекладних фразеологічних словників є фокусом учених упродовж декількох десятиліть, а зіставно-контрастивна інтерпретація фразеологізмів декількох слов'янських, германських і романських мов постає досить актуальною на сучасному етапі розвитку мовознавчої науки. Контрастивне вивчення української фразеології у зіставленні з іншими мовами було ще започатковано М. В. Закревським, О. П. Павловським, І. Я. Франко. Більш того, надзвичайним джерелом фразеологічної матеріальної бази слугують обрядові фраземи (ОФ), пов'язані з весільно-шлюбним обрядодійством.

Так, ряд обрядових номінатем (далі – ОН) на позначення одруження в зіставлюваних мовах означає здійснення церковного шлюбного ритуалу. В українській мові такі ОН утворюються переважно із залученням слів *вінчати* 'прикрашати що-небудь вінком; виконувати шлюбний церковний обряд' і *вінець* 'корона, яку тримають над головами наречених під час обряду вінчання'. Ще одна укр. ОН *вінчання* 'здійснення церковного шлюбного ритуалу', *вінець*, *звінчати* 'т.с.' та ОФ *до вінця (під вінець) везти* 'везти до вінчання', *вести до вінця* 'одружуватися з ким-небудь' [3, I, с. 75], *стояти під вінцем* [3, II, с. 865], *ставати / стати під вінець* 'т.с.' [3, II, с. 860], *вінець і чінець* 'шлюб і весілля' пов'язані з *вінчати* 'прикрашати що-небудь вінком; виконувати шлюбний церковний обряд' та *вінець* 'корона, яку тримають над головами наречених під час обряду вінчання'. Практично, церковне вінчання не набуло головної санкції шлюбу. Поступово вростаючи в традиційний обряд, вінчання з часом обростає специфічними елементами магічного, символічного, побутового характеру. Це повністю суперечить церковному вінчанню у Великобританії. В англійській і португальській мовах внутрішня форма таких ОФ виявляє зв'язок з поняттям „церква”, „вівтар”: англ. *to go to church* 'одружуватися' [1, с. 433, 1830], *to go to the altar* 'т.с.' [1, с. 435, 1878], *to lead to the altar* 'вести до вівтаря; одружуватися' [1, с. 591, 368]; порт. *ir à igreja* 'одружуватися; брати шлюб у церкві' [7, с. 373].

Можна порівняти також укр. ОН *брати (приймати) / взяти (прийняти) закон* 'одружуватися; вінчатися' [3, I, с. 53], англ. ОН *shot-gun marriage, shot-gun wedding* 'вимушений шлюб' (особливо тоді, коли чоловік змушений одружитися зі скомпрометованою ним жінкою) і порт. *casar na polícia* 'бути змушеним одружитися по закону; одружитися в дуже короткий проміжок часу' [7, с. 315]. Ці ОН є культурними еквівалентами у трьох зіставлюваних мовах, мотиваційні ознаки їх відмінні, але вони співвідносяться з одним обрядовим денотатом. Синонімічною порт. ОН є *casar na capelinha verde* 'швидко одружитися; стати чоловіком і дружиною' [7, с. 315], що буквально означає 'одружитися в зеленій церкві', тобто не так, як усі, чим протиставляється укр. ОН *зрівнятися з людьми* 'одружитися'.

До поширених ОН на позначення одруження належать також ОФ з компонентом 'рука', як: з боку жінки – укр. *віддавати / віддати [i] руку [i] серце*, англ. *to give one's*

hand to one, to bestow one's hand upon one [1, с. 122, 1594], *to seek someone's hand in marriage* 'просити одружитися', порт. *pedir a mão de alguém* 'просити чиєсь руки; просити вийти заміж', а також низка безеквівалентних ОФ – таких, як англ. *to step off the carpet* 'одружитися' (букв. 'зійти з килима'), *to write one's wedding vows* 'писати шлюбні клятви; одружитися', порт. *juntar os trapinhas* 'одружитися; поєднати долі' (букв. 'поєднати стежки'), *fazer vida com alguém* 'одружитися з кимось', *fazer vida de casados* 'одружитися' [7, с. 373], з боку чоловіка: укр. *брати / взяти за себе* [3, I, с. 50], але особливо з боку жінки: укр. *покривати / покрити голову (косу)* 'одружуватися з ким-небудь (про дівчину, жінку)' [3, II, с. 667], *покрити голівоньку, зав'язати голову (голівоньку)* [3, I, с. 301], *зав'язати косу (хустку)* 'т.с.' [3, I, с. 301], *зав'язати / зав'язувати світ (вік, віку)* 'видати заміж, одружити кого-небудь (переважно нещасливо)' [3, I, с. 302], *зав'язано [білий] світ [китайкою]* 'т.с.'

Англ. ОН *to leap the broomstick* 'одружитися без дотримання всіх законів' (букв. 'перестрибнути через мітлу') [5, с. 50 – 51], *to jump over the broomstick, to marry over the broomstick* 'т.с.' [1, с. 559, 146] означають обряд одруження циганських пар. Для офіційності шлюбу вони зобов'язувалися перестрибнути через гілку зеленого рокитника (мітли) з жовтими квітами, що забезпечувало народження дітей у майбутньому. Якщо дівчина спідницею торкалася гілки, вона давно вже втратила цнотливість або була вагітною на момент одруження; якщо наречений штаниною торкався гілочки, на все життя залишиться невірним їй, – тому обоє стрибали високо [5, с. 50–51]. Ця ОН є безеквівалентною на лінгвальному й національно-культурному рівнях. Серед безеквівалентних субстантивних ОН це, насамперед, кілька англійських ОФ: *stolen match, stolen marriage, stolen wedding, Fleet marriage* 'одруження наречених без дотримання церковних канонів' [5, с. 47; 1, с. 892, 2193], *Gretna Green marriage* 'швидкий шлюб без попередніх домовленостей зі священником' [5, с. 49; 1, с. 442, 2109], *Flagg marriage* 'шлюб без оголошення заповідей у церкві' [5, с. 49]. Англ. ОН *Fleet marriage* походить від назви лондонської в'язниці *Fleet debtors' prison*, де в'язні-священнослужителі одружували всіх охочих за незначну винагороду без зайвих запитань. Після Акта 1742 року такі шлюби вважалися незаконними. Тоді з'явилися шлюби, які відбувалися в англо-шотландському прикордонному містечку Гретна Грін (*Gretna Green marriage*). У ролі священника міг виступити кожен: рибалка, студент, коваль і т.д. Пари, що не отримували батьківської згоди й благословення на шлюб, без церковних заповідей і англійських законів одружувалися за взаємним бажанням і при свідках [5, с. 49]. У XVIII столітті англійський уряд видавав свідоцтва про одруження всього за дві гінеї для збільшення державних доходів у скарбницю. Англ. ОН *Flagg marriage* походить від власної назви *Flagg*, імені парафіяльного священника, й загальної назви *marriage* 'шлюб'. Ще одна англ. ОН, *Yankee Gretna Green*, означала будинок цього парафіяльного священника Флагга, де він одружував наречених і завжди мав під рукою державні свідоцтва про шлюб, але за значно вищою ціною [5, с. 49].

Укр. ОН *зводини* 'весілля; відвідини батьком нареченого дівчини з метою з'ясування кількості посагу', імовірно, пов'язана із *зводити* 'об'єднувати що-небудь, утворювати одне ціле; наближати одне до одного; з'єднувати одне з одним'. Укр. ОН *малженський стан* 'подружжя; подружнє життя' пов'язана з п. *stan małżeński* 'т.с.'. Укр. *вкрастися (украстися)* 'таємно піти заміж, вийти заміж без весілля' пов'язані з псл. **krasti (<*kradti)* [2]. В англійській мові маємо дієслівні ОН *to tie a knot* 'одружитися', *to tie a marriage knot* 'т.с.', що буквально означає 'об'єднатися узами шлюбу'. Англ. ОН *to tie* 'прив'язувати; пов'язувати' утворилася від іменника *a tie* 'стрічка; зобов'язання'. Субстантивна форма ОН походить від ст.-англ. *tēh*, сер.-англ. *tien* з варіантом *teyen*, що відповідає таким формам, як ст.-англ. *tīgan* первинно з *tēah, tēag* 'шнурок' [6, с. 720, 730]. Англ. ОН *to knot* походить від субстантивної – *a knot*. Форма сер.-англ. *knot*, первинно *knotte*, є спорідненою з ст.-англ. *cnotta*, ст.-фриз. *knotta*, ст.-в.-нім.

knoto, knodo. Слід зауважити, що, за даними етимологічного словника англійської мови, ціла низка слів з компонентом *kno-* в корені вказує на сигніфікативне навантаження ОН на позначення чогось твердого, досить великого й грудкуватого [6, с. 330]. Екстралінгвальний план обряду у трьох зіставлюваних мовах указує на пов'язування рук наречених стрічкою, хусткою, рушником для впевненості, що молодих уже ніщо не розлучить.

Існують також НО на позначення річниць весілля: укр. *золоте весілля*, англ. *the golden wedding* [1, с. 422, 1466], порт. *bodas de ouro* [7, с. 58] 'урочистий бенкет, присвячений 50-літтю спільного подружнього життя чоловіка й дружини'; укр. *срібне весілля*, англ. *the silver wedding* [1, с. 858, 1092], порт. *bodas de prata* [7, с. 58] 'урочистий бенкет, присвячений 25-літтю спільного подружнього життя чоловіка й дружини'; укр. *діамантове весілля*, англ. *the diamond wedding* [1, с. 275, 336], порт. *bodas de brilhante / diamante* [7, с. 58] 'святкування 60 або 75 років з дня одруження'; укр. заст. *червоне весілля* 'весілля, під час якого молода виявляється чесною', англ. *the white wedding* 'т.с.' (букв. 'біле весілля'). Отже, при типологічному зіставленні ОН української, англійської і португальської мов на позначення річниць весіль є повними відповідниками на внутрішньомовному й культурно-семантичними відповідниками на міжмовному рівнях.

Відзначимо інші, дієслівні ОФ: укр. *зрівнятися з людьми* 'одружитися', *правити весілля* 'справляти весілля', *зв'язувати / зв'язати руки* 'здійснювати обряд шлюбу; вінчати', *зв'язувати / зв'язати своє життя (себе, свою долю) з ким-небудь* 'вступати в близькі стосунки; одружуватися з ким-небудь', *брати / взяти за себе* 'одружуватися з ким-небудь (про чоловіка)' [3, I, с. 50], *брати / взяти шлюб* [3, I, с. 54], *брати / взяти (прийняти) закон* 'т.с.; вінчатися з ким-небудь', *виряджати до шлюбу* 'одружувати', *віддавати / віддати [і] руку [і] серце* 'одружуватися з ким-небудь', *покривати / покрити голову (косу)* 'одружуватися з ким-небудь (про дівчину, жінку)' [3, II, с. 667], *покрити голівоньку, зав'язати голову (голівоньку)* [3, I, с. 301], *зав'язати косу (хустку)* 'т.с.' [3, I, с. 301], *зав'язати / зав'язувати світ (вік, віку)* 'видати заміж, одружити когонебудь (переважно нещасливо)' [3, I, с. 302], *зав'язано [білий] світ [китайкою]* 'т.с.'. Окремо можна виділити англ. ОН на позначення весілля і різних видів шлюбу, які виступають безеквівалентними номінатами. Так, першою з них є англ. *smock wedding* – букв. 'весілля в нічній сорочці' [5, с. 46–47], що походить від іменників *smock* 'блуза; нічна / спідня сорочка; халат' і *wedding* 'весілля'. Семантика цієї ОН залишилася б незрозумілою без пояснення екстралінгвального плану такої обрядодії. Ще минулого століття вірили, що наречений не міг відповідати за борги дружини, якщо заміж вона виходила оголеною (одягненою лише в білизну) і босоніж.

Порівняймо укр. ОН *брати / взяти (прийняти) закон* 'одружитися', англ. ОН *shot-gun marriage, shot-gun wedding* 'вимушений шлюб' (особливо одружитися зі скомпрометованою ним жінкою) і порт. *casar na policia* 'бути змушеним одружитися по закону; одружитися в дуже короткий проміжок часу' [7, с. 315]. Ці ОН є культурними еквівалентами у трьох зіставлюваних мовах, мотиваційні ознаки їх відмінні, але вони співвідносяться з одним обрядовим денотатом. Синонімічною порт. ОН є *casar na capelinha verde* 'швидко одружитися; стати чоловіком і дружиною' [7, с. 315], що буквально означає 'одружитися у зеленій церкві', тобто не так, як усі, чим протиставляється укр. ОН *зрівнятися з людьми* 'одружитися'.

Таким чином, визначення етимології, подання зіставно-типологічної інтерпретації фразем української, англійської та португальської мов, як і інших індоєвропейських, може стати вагомою складовою при створенні перекладних фразеологічних словників, причому за принципом перекладу варто розрізняти фраземи з тотожним лексичним наповненням, синтаксичною структурою та значенням й еквівалентні фраземи-синоніми.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Баранцев, К. Т. Англо-український фразеологічний словник / К. Т. Баранцев. – Київ: „Рад. школа”, 1969. – 1052 с.
- 2 Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Э. Бенвенист; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
- 3 Фразеологічний словник української мови в 2-х томах. – К.: Наукова думка, 1993.
- 4 Benedita Araújo Superstições populares portuguesas. Edições Colibri. – Lisboa, 1997.
- 5 Dictionary of Superstitions / edited by Iona Opie and Moira Tatem. – Oxford University Press, 1989.
- 6 Dictionary of Superstitions / by David Pickering. – L.: Cassell, 1995.
- 7 Oliveira do Bairro Chão de memórias usos e costumes. – Oliveira do Bairro, 1996.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

УДК 82-1'06:[398.9:159.954.4]

Е. Ф. Асенчик

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *НОЕВ КОВЧЕГ* В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

*В статье рассматривается репрезентация фразеологизма **ноев ковчег** в поэтических текстах. Описывается история возникновения фразеологизма, отмечаются процессы актуализации первичного и переносного значений, оживление стертых метафорических моделей, создание новых метафорических образов.*

Одним из богатейших источников фразеологии является Библия: к Библии восходит целый ряд фразеологических оборотов, самых разных по значению и структуре.

Русский язык активно заимствует из Библии выражения, независимо от того, в прямом или метафорическом смысле они употреблены. Важной особенностью, присущей фразеологизмам библейского происхождения, является способность этих единиц к символическому переосмыслению, «которое занимает промежуточное положение между метафорой и метонимией». [1, с. 15] В качестве примера подобного переосмысления можно привести фразеологизм *ноев ковчег*.

Ноев ковчег (в Библии תִּבְתָּן תֵּוָה; в современном иврите תִּבְתָּן נֹחַ, *теват Ноах*), судно, построенное Ноем по велению Бога, пожелавшего спасти Ноя с семьей и по одной (или более) паре каждого вида животных от потопа (Быт. 6:13–8:19). Когда воды потопа начали убывать, неуправляемый Ноев ковчег прибило к горам Арарата (Быт. 8:4). Ноев ковчег был построен из дерева *гофер* и просмолен изнутри и снаружи; он состоял из отдельных ячеек («гнезд») и имел три яруса (наподобие крытых палуб), в крыше верхнего из которых было проделано световое окно, а сбоку одного из них – дверь и, может быть, другие отверстия (Быт. 6:14–16; ср. 8:6, 13). Размер судна (там же 6:15) – локтей в длину, 50 локтей в ширину и 30 локтей в высоту (приблизительно 134 × 22 × 14 м; водоизмещение около 43 тыс. тонн); согласно этому описанию Ноев ковчег имел вид прямоугольного ящика. Слово *тева*, по всей видимости, несемитского происхождения (ср. египетское – `сундук`, `ящик`, `гроб`) и встречается в Библии еще один раз, там оно относится к корзине, также просмоленной и способной плавать, в которой был найден младенец Моисей (Исх. 2:3–5).

В более древних месопотамских мифах о потопе такое судно описывается как огромный корабль, которым можно управлять. В эпосе о Гильгамеше (11: 60–62) говорится о судне, имеющем форму куба со стороной в 120 локтей (около 54 м) с «крепкой крышей», дверью и окном, разделенном на семь помещений, в каждом из которых – девять отделений. Как и в Библии, в месопотамских мифах строительство судна осуществляется в соответствии с детальным планом, указанным богами [2].

Современные словари отражают следующие значения рассматриваемого нами фразеологизма: *Ноев ковчег* – 1. Ирон. *Переполненное обитателями помещение*. 2. Устар. *Старинное большое и ветхое средство передвижения* (дилижанс, карета и т. п.). По библейской легенде о праведнике Ное, который со всеми своими родственниками, а также животными и птицами спасся во время всемирного потопа. Быт. 6:13-14. *И сказал [Бог] Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля*

наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева. (Ковчег (ц.-сл.) здесь – корабль). 3. Перен. Символ средства спасения (поэт., высок.). Ковчег спасения. Ковчег надежды [3].

Ноев ковчег относится к тем фразеологизмам, которые в соответствующей форме в Библии не упоминаются, однако они репрезентируют определенную ситуацию, описание которой в Священном Писании может занимать не одну страницу. Выражение **Ноев ковчег** в привычном нам виде не встречается в Ветхом Завете, однако «заключает» в себе, обобщает ситуацию, описанную в шестой и седьмой главах Бытия.

Таким образом, оборот **ковчег, построенный Ноем**, с течением времени приобретает в речи форму словосочетания **Ноев ковчег**, семантически трансформируется от прямого до переносных значений, что и способствует его фразеологизации.

Поэтические тексты отображают все переносные значения рассматриваемого фразеологического сочетания: • символ средства спасения (*Как **Ноев ковчег** на волнах каравелл а/, Доносится из темноты о спасении крик.* (А. П. Ладинский «О первые знаки прекрасной и страшной эпохи...»); *Жена и мать, умела ты свой дом / среди бури сделать **Ноевым ковчегом** /, Деля свой день меж песней и трудом* (С. М. Соловьев «Итак, свершилось. Вихорь налетел...» [Октябрь]); *Сердце неволью взяло разбег./ Как многолико молчанье! / Есть ли от правды – **Ноев ковчег**: / не утонуть в ожиданье?..* (Л. Фогель «Ноев ковчег»); • переполненное обитателями пространство (*Когда еще был жив тот «город», где героев / Островский выбирал: мир скученных домов,/ Промозглых, сумрачных, сырых, – какой-то **Ноев/ Ковчег**, вмещающий все образы скотов.* (В. Я. Брюсов «Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной...»); *Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной / В таком ладу, какого не бывало/ И в самом **Ноевом ковчеге** никогда!* (В. А. Жуковский. «Жил муж в согласии с женой...») [4].

Некоторые тексты содержат явную аллюзию к библейской легенде, т. е. в сочетании **Ноев ковчег** актуализируется значение *средство передвижения*: *А в хвосте на тяжелых горбатых колесах – / будто **Ноев ковчег** — колымага с гербами: / точно в гроб поглощает и владыку и посох, / и внутри ее пахнет сухими грибами* (В.И. Нарбут «Архиерей»); *А там, переплыв Неву, у радостного берега / Явилась ладия – род **ноева ковчег**а – / И высадку творит* (В. Г. Бенедиктов «Уж май. Весь Петербург собирается на дачу...»); *По соседству с забытой Колхидою, / Где так долго стонал Прометей; / Там, где **Ноев ковчег** с Арарата / Виден изредка в блеске ночей* (К. К. Случевский «В Кутаисе и подле, в окрестностях...») [4]. Фраза «*виден с Арарата*» отсылает нас к истории поиска легендарного ковчег: примерно с начала IV века время от времени предпринимались попытки найти остатки Ноева ковчег в районе горы Арарат – там, где, согласно Библии, ковчег пристал к земле по окончании потопа. Ноев Ковчег изображён на государственном гербе Армении.

Ещё одну аллюзию к Библии наблюдаем в следующем примере: *Сияет древний русский храм, / Как голубь **Ноева ковчег**а, / И Холм восходит к облакам, / В покрове девственного снега /* (С. М. Соловьев «Покрыла белая зима...»). В Библии сказано, что когда ковчег остановился на вершине одной горы в Армении, Ной, увидев около ковчег немного суши, стал надеяться на лучшее. Несколько дней спустя, когда вода ещё более убыла, он выпустил ворона, желая узнать, нет ли ещё где-нибудь свободной от воды и уже доступной для высадки земли. Однако тот вернулся к Ною ни с чем. Через семь дней Ной выпустил с той же целью **голубя**. Когда же последний вернулся к нему, неся лист маслины, то Ной увидел, что земля освободилась от воды, и, прождав ещё семь дней, выпустил из ковчег животных и сам вышел со своими домочадцами.

Актуальность, современность любого слова или выражения всегда проверяется на практике, то есть реальным бытованием в речи людей. Это в полной мере справедливо

и по отношению к фразеологическим оборотам, восходящим к библейским текстам. Семантика переполненного обитателями пространства или символа средства спасения обусловила существование фразеологизма *Ноев ковчег* и в экстралингвистическом пространстве: так *Ноев ковчег* – независимая информационно-аналитическая международная газета армянской диаспоры; *Ноев ковчег* – международный кинофестиваль, организованный как ежегодный форум кинематографистов; *Ноев ковчег* – христианский журнал для семейного чтения (во всех примерах актуальным является значение *объединения, общности* с явной положительной коннотацией); *Ноев ковчег* – зоомагазин (Украина, г. Харьков); *Ноев ковчег* – зоопарк в Раксолле (Англия), рассказывающий детям о связи веры и науки (аллюзия к библейскому «каждой твари по паре») и др.

Важной особенностью, присущей фразеологизмам библейского происхождения, является способность этих единиц к символическому переосмыслению, что отражается в текстах современной поэзии:

*Нелепый, как в террариуме - сом,
как Бах на дискотеке в стиле регги,
он был в телеге пятым колесом
для вящего спокойствия телеги.
Неслышен, незаметен, невесом...*

Но если сел в ковчег – не ной в ковчеге. (А. Габриэль «Пятое колесо») [5].

Художественный эффект достигается дистантным расположением компонентов фразеологизма и использованием омонимичных форм (обыгрыванием библейского имени *Ной* и формы повелительного наклонения единственного числа глагола *ныть*).

Таким образом, в употреблении рассматриваемого фразеологизма сочетаются: актуализация первичного значения, актуализация переносного значения, оживление стершихся метафорических моделей, создание новых метафорических образов. Именно совокупность всех названных процессов делает библейские фразеологизмы фактами живого языкового употребления, обеспечивая им прочное место во фразеологической системе современного русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гак, В. Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) / В. Г. Гак // Научные труды МПГУ. – М., 1994. С. 14–20.

2 Ноев ковчег: материал из Википедии (свободной энциклопедии). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ноев_ковчег.

3 Мокиенко, В. М., Большой словарь русских поговорок. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп». 2007. – 785 с.

4 Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

5 Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/>.

УДК 82-192:398.9

И. А. Бароўская

ФУНКЦЫЯ НАВАННЕ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК У ПЕСЕННА-ПАЭТЫЧНЫХ ТЭКСТАХ

У артыкуле сцвярджаецца, што трапна ўжыты фразеалагізм надае мове непаўторную своеасаблівасць, адметную выразнасць, вобразнасць. У вершах Купалы, Коласа, Багдановіча, Ставера, Русака, Гілевіча і іншых паэтаў, якія сталі песеннымі творамі, даволі шырока выкарыстоўваюцца гэтыя моўныя адзінкі, што выяўляе глыбіню паэтычнага майстэрства пры стварэнні пэўных сітуацый або апісанні з’яў і дзеянняў.

Шырокай разнастайнасцю выразных моўных сродкаў, якія дапамагаюць ствараць і яркая развітаць мастацкі вобраз, характарызуецца песенна-паэтычная творчасць беларускіх аўтараў. Адным з такіх сродкаў з’яўляецца фразеалагізм, які адлюстроўвае спосаб жыцця і характар народа, яго гісторыю, духоўнае жыццё, нацыянальныя звычкі, тэмперамент, этнічны быт і г. д. Наша мова багатая на фразеалагізмы, што даказваюць нам і звычайныя моўныя адносіны, і творы мастацкай літаратуры. Так, вершы Купалы, Коласа, Багдановіча, Ставера, Русака, Гілевіча і іншых, якія сталі песеннымі творамі, насычаны гэтымі моўнымі адзінкамі, што выяўляе глыбіню паэтычнага майстэрства пры стварэнні пэўных сітуацый або апісанні з’яў і дзеянняў.

Аўтары звяртаюцца да фразеалагічных адзінак з пэўнымі стылістычнымі мэтамі, адной з якіх з’яўляецца абуджэнне пэўных эмоцый, што адпавядае аўтарскай задуме. Так, фразеалагізм *трубою віцца* выражае пажаданне аўтара багатага ўраджаю, што заснавана на вобразнасці, якая характарызуе пэўны спосаб дзеяння ('вельмі добра расці (пра расліны)'): *Каб жыта ў полі трубою вілося* (А. Русак. Бывайце здаровы). Падобнае назіраецца і ў наступным прыкладзе: *І Тася з хлопцаў лоўка Вяроўкі можа віць* (У. Карызна. Вясковая красуня), дзе фразеалагізм *віць вяроўкі* выражае значэнне 'праяўляць уладу над кім-небудзь, падпарадкоўваць каго-небудзь сваёй волі'.

У беларускай песеннай лірыцы ў выніку яркага вобразнага асацыяцыі даволі шырока сустракаюцца фразеалагізмы, заснаваныя на гіпербалічных уяўленнях. Б. В. Тамашэўскі лічыў гіпербалу блізкай да "ідэалізаванага эпітэта... Яна ўзмацняе якасць, выводзіць за межы сапраўднага" [3, с. 236]. У даследуемым матэрыяле гіпербалізацыя сустракаецца шырока ў творах грамадзянскага гучання: *А поле – вокам не абняць, І гэта ўсё мой край* (А. Русак. Мой край) 'вельмі далёка, як толькі можна ўбачыць'; *Табе, Беларусь, расцвітаць у вяках!* (А. Русак. Прывітальная) – 'назаўсёды'; *Беларусь-Радзіма, вольная старонка, Вольным тваім далям краю не відаць* (А. Русак. Беларусь-Радзіма) – 'пра тое, чаго вельмі многа, што цягнецца без канца'; *Пианіца – краю не відаць – Ля сцежкі густа сцецеца* (А. Ставер. А мне ў шчасце верыцца).

Вядомы даследчык беларускай фразеалогіі І. Я. Лепешаў выдзеліў два кампаненты стылістычных значэнняў фразеалагізмаў: "1) экспрэсіўна-ацэначную афарбоўку, якая надае фразеалагізму ацэначнае і іншыя адценні; 2) функцыянальна-стылявую афарбоўку, якая паказвае на прыналежнасць фразеалагізма да пэўнага стылю" [1, с. 15]. Пры гэтым, у другім кампаненце ён адзначае 3 састаўныя часткі: ацэначнасць, эмацыянальнасць і экспрэсіўнасць. І сапраўды, многія фразеалагізмы надаюць станоўчую або адмоўную ацэнку асобе, прадметам, з’явам: *Здароў будзь, зямляча!* (М. Багдановіч. Вакол мяне кветкі); *Бывайце здаровы, Жывіце багата!* (А. Русак. Бывайце здаровы) – 'развітальнае пажаданне заставацца здаровым' (адабрэнне); *Зап’яеш па душы, Дасі ўцехі гасцям – Поўны гуслі насыплю дукатаў* (Я. Купала. Курган) – 'па густу, падабаецца' (адабрэнне); *Мы б’ем, Вясна, табе чалом* (П. Броўка. Вясной птушыны звонкі лёт) – 'пачціва кланяцца каму-небудзь, вітаць каго-небудзь'; *Ты сама ўсё на славу Робіш вельмі спрытна і рухава* (А. Русак. Сярожка) – 'вельмі добра'.

Выкарыстанне ў адным песенным творы адразу некалькіх фразеалагічных адзінак скіравана, напрыклад, іншы раз на стварэнне камічнага, як гэта назіраецца ў творы Коласа "Ганульцы": *Драў горла у лозах За рэчкаю драч*, дзе прастамоўны фразеалагізм са значэннем 'вельмі моцна гаварыць, крычаць, спяваць' мае неадабральную экс-

прэсіўную афарбоўку. *Язык мне адняўся, -- Я сліну глытаў*, фразеалагізм са значэннем ‘нехта раптоўна змоўк, не можа нічога сказаць’ надае іранічную афарбоўку, а таксама – *Люблю, -- ты сказала, -- Аж сэрца мне схне*, дзе тая ж іранічная афарбоўка прысутнічае ў фразеалагізме *сэрца схне* (‘азнаваць радасць’). Увогуле, ужыванне Якубам Коласам у сваіх творах фразеалагічных адзінак рознай стылёвай прыналежнасці, створаных у розныя адрэзкі часу (пісьменнік ужывае разам з фразеалагізмамі сучаснай беларускай мовы, адзінкі, характэрныя для мовы 19 і пачатку 20 стагоддзяў), дазваляе ўявіць поўную карціну ўжывання фразеалагічных адзінак у мове. Абапіраючыся на дасягненні беларускай літаратуры мінулых дзесяцігоддзяў, Якуб Колас значна пашырыў межы беларускай фразеалогіі, развіў і абагаціў стылістычныя функцыі фразеалагізмаў.

Пэўныя фразеалагізмы могуць характарызавацца “незвычайнасцю ў лагічных ці сэнсавых адносінах, у адносінах счাপлення слоў-кампанентаў” [4, с. 209]. Так, у вершаваным творы Купалы “Вечарынка” сустракаем наступнае: *Захапіўшы ў першай пары Янка Маньку, Юрка Раю, Даюць дыхту, Даюць жару («Ах! ух! Давай жару, Давай боли, давай пару!») - Крычыць Гапон дыў гуляець, Пад скрыпачку падпяваець*. Сустракаем мы, напрыклад, у Дуніна-Марцінкевіча (“Гапон”). Дыхт – ‘гонты’, даць гонтаў (гонты), як бачым, размоўны фразеалагізм не мае сувязі паміж *даць* і *дыхту*, ён страціў матывіроўку свайго вобразнага значэння. Даследчык фразеалагічных адзінак у мове Купалы В. А. Ляшчынская слухна заўважае, што паэт “ужывае ФА, улічваючы іх экспрэсіўна-стылістычныя функцыі, выкарыстоўваючы розныя спосабы і прыёмы іх увядзення ў кантэкст твораў, і яны, падпарадкоўваючыся аўтарскай мэце, выконваюць шматлікія і разнастайныя стылістычныя функцыі ў мове яго твораў” [2, с. 81].

Правільна і да месца ўжыты фразеалагізм надае мове непаўторную своеасабліваць, адметную выразнасць, трапнасць, вобразнасць. Фразеалагізмы разглядаюцца як знакі другаснай намінацыі, якія валодаюць вобразна-экспрэсіўным, абагульняючым, характарызуючым значэннем. Пры дапамозе фразеалагізмаў гаворачы перадае свае адносіны, эмоцыі да прадмета намінацыі. Эмацыянальнасць і ацэнка неразрыўна звязаны.

Часам дасягненне экспрэсіўнага эфекту адбываецца за кошт перабудовы фразеалагічных кампанентаў, што, безумоўна, робіць радок незвычайным, а вобраз узмоцненым і яскравым: *За свабоду сваю Усёй душой пастаю; У агонь у вадугу Я за ёю пайду* (Я. Купала. За свабоду сваю). *У агонь у вадугу* – трансфармаваны фразеалагізм *прайсці агонь, вадугу і медныя трубы* са значэннем ‘шмат зведаць у жыцці, з поспехам пераадолець цяжкасці’. Фразеалагізм перадае антанімічныя адносіны і выражае значэнне ‘усюды’. *На яго, бы тая матка, сонца кідае свой зрок* (Я. Колас. Уцякай, Мароздзядуля). У радку назіраецца аўтарская замена кампанента: *кінуць вокам* – ‘зірнуць, глянуць’. *Дрэме памятка дзён, што ў нябыт уцяклі, Удзірванелы курган векавечны* (Я. Купала. Курган). Цікавая замена кампанента *адысці (адышлі ў нябыт)* на *ўцяклі*, што перадае паскораны, хуткаплынны бег часу. *Гора ў бездань нябыту сплыло, Доляй цешацца дзеці* (Н. Гілевіч. Думы маці): *адысці ў нябыт* – ‘знікнуць назаўсёды’. Фразеалагічнае значэнне ўзмацняецца аўтарам праз лексему *бездань (бездань нябыту)*, што перадае эмацыянальныя адносіны паэта да асноўнай ідэі верша: дум маці, той жанчыны, што заўсёды жадае, каб усё гора свету знікла назаўжды.

Такім чынам, песенна-паэтычныя творы ўключаюць у сабе фразеалагічныя адзінкі як у нязменным выглядзе, так і за кошт перабудовы кампанентаў, што садзейнічае пашырэнню шматлікіх стылістычных функцый і стварэнню яскравага, незабыўнага вобраза.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Лепешаў, І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы / І. Я. Лепешаў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1984. – 264 с.

2 Ляшчынская, В. А. Фразеалагічныя адзінкі ў мове Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2008. – 186 с.

- 3 Томашевский, Б. В. Поэтика русской литературы : Б. В. Томашевский / Избр. труды – М. : Наука, 1976 – 511 с.
- 4 Янкоўскі, Ф. Беларуская мова / Ф. Янкоўскі. – Мн. : Вышэйшая школа, 1978. – 336 с. УДК 821.161.2:82-31:[81'364:398.9]

В. М. Бережняк

ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКА ТРАНСФОРМАЦІЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ В УКРАЇНСЬКОМУ ХИМЕРНОМУ РОМАНІ

Статья посвящена рассмотрению индивидуально-авторских трансформаций фразеологических единиц в художественном тексте – «химерном» романе. Описываются основные способы окказионального использования фразеологизмов: замена компонентов, трансформация семантики и грамматической структуры. Указываются особенности взаимодействия трансформированных фразеологизмов с содержанием текста.

Як відомо, фразеологізми – це стійкі словосполучення, за якими закріплено не пряме, а образно-переносне значення. Найчастіше їх значення можна з'ясувати з контексту, але не завжди. При з'ясуванні їх значення слід запам'ятати, що значення фразеологічної одиниці не дорівнює сумі сучасних значень її компонентів. Щоб не помилитися, краще звернутися до етимології виразу.

Комунікативне призначення тексту, або його прагматична сутність, полягає в передачі через художню літературу предметно-логічної, естетичної, образної, емоційної та оцінної інформації, об'єднаної в ідейно-художньому змісті тексту в єдине складне ціле [2, с. 21]. Саме емоційну та образну сторони найкраще передають влучні фразеологічні одиниці.

Н. Пасік вважає, що контекст – це змістово закінчений відрізок усного або писемного мовлення, достатній для визначення семантичного наповнення та особливостей лінгвістичного функціонування мовної одиниці. Іноді в науковій літературі контекст називають словесним оточенням, конситуацією мовлення [1, с. 39]. Н. Пасік зазначає, що прийнято розрізняти лінгвістичний та стилістичний контекст. У своєму дослідженні спираємося на лінгвістичний контекст, який “аналізує зміст і граматичні функції конкретної мовної одиниці” [1, с. 39]. Контекст важливий і для з'ясування стилістичних функцій окремих мовних одиниць у творі.

А. Пономаренко переконана, що фразеологізми можна віднести до прагматично маркованих одиниць мови завдяки провідній ролі конотації в їх семантиці. Конотація – це та частина значення стійкого звороту, що виражає ставлення адресата до адресанта, до дійсності і до самого висловлювання. Будь-який із традиційно перелічуваних мікрокомпонентів конотації – експресивний, оцінний, емотивний – пов'язаний із різними прагматичними факторами. У фразеологічних одиницях (ФО) слова набувають метафоричності, образності та художньо-естетичної вартості. Їх експресивність досягається численними мовними засобами, серед яких велику роль відіграють словотвірні компоненти, емоційність яких зумовлена суфіксами суб'єктивної оцінки, набувають додаткової експресивності в контексті фразеологічних одиниць [2, с. 23]. Фразеологізми належать до текстотворчих стильових засобів.

На основі дослідженого матеріалу розмежовуємо два шляхи використання фразеологічних одиниць письменником:

1) узуальне використання (уживання стійкого звороту в традиційній формі та значенні, яке фіксується у фразеологічних словниках, тобто вся сукупність уявлень, які складають зміст даного слова);

2) okazionalne vykorystannya (cilspravmovana zamina, transformatsiia struktury, semantyki abo formy frazeologichnoyi odynitsi, ti uvylennya, yakі movetsь vkladatsya v ce slovo u moment movlennya).

U romanі Valeriya Shevchuka dosytb bagato frazeologichnykh odynits, iz nykh переважають дієслівні ФО, значно менше іменних. Враховуючи специфіку стійких зворотів, автор свідомо використовує їх для досягнення комунікативної мети. Автор уживає frazeologizmi yak v uzualnomu, tak і v transformovanomu vyglyadi, abo sposterigatsmo okazionalne vykorystannya frazeologichnykh odynits. Zvedennya v romanі v odyn synonimichnyy ryad frazeologichnykh ta leksichnykh odynits spriyaє posilenню emociynosti ta ekspresyvnosti. Transformatsiia stiykykh zvyotyv vykorystovutsya avtorom dlya vyrazhennya dodatkovykh znacheny, stilistichnykh funktsiy, poglyblennya psichologizmu, mifologizatsiy.

Okremo zupynimotsya na strukturno-semantichnykh transformatsiyakh frazeologichnykh odynits u romanі Valeriya Shevchuka "Dim na hori". Avtor maysterно пристоcовує стійкі вирази до конкретних мовленнєвих ситуацій, це засвідчують граматичні та інші зміни у складі frazeologizmiv. Valeriy Shevchuk chasto rekonstruoye neoznachenу форму стійкого звороту на особову (*спекла кілька разів раків, стрільнув очима, лупила на нього баньки, ловив дрижаки, ковтав слину, гралася з вогнем тощо*), іноді додає до традиційного словотвірні, а то й взагалі нові елементи, тим самим гармонійно вплітаючи їх у художню тканину твору; використовує frazeologichni aluziyi, коли в реченні репрезентовано лише загальний зміст frazeologichnoyi odynitsi, abo ж odin komponent z ney; zvertaetsya takozh V.Shevchuk do frazeologichnogo elipsisu, navmysno opuskayuchi odin z komponentiv frazeologichnoyi odynitsi (*наговорила сім мішків вовни*) та ін. Rozglyanemo detalynshe deyakі z nykh.

Uzualna FO *пекти раків* 'червоніти від сорому' [3, с. 611], okrim zminy neoznachenoy formy na osobovu, maє u svoiy osnovi ще odnu transformatsiyu – distantne roztaшuvannya z metoy posilennya ekspresyvnosti: Mariya musyla stoyati v zarostyakh kushiv і *спекла кілька разів раків*, bo povz ney prohodили люди і здивовано на ney ozirалися – місце було не з тих, щоб годилося стояти тут без діла [5, с. 121].

Do podobnykh transformatsiy FO u romanі можна віднести і наступний frazeologizm *гратися з вогнем* 'поводитися необережно, робити що-небудь небезпечно, не думаючи про наслідки' [3, 196]: Я не хотіла б, щоб ти *гралася з вогнем* [5, с. 221].

Stiykiy zvyotyv *лупити очі* 'пильно дивитися на кого-, що-небудь, розглядати когось, щось' [4, 84] u danomu romanі maє ще й vulьgarniy vidtynok, unaslodyk zaminy traditsiyonnoho komponentu ochi na banyki: *Лупила на нього баньки*, namagayuchisya zbagnutи, sho ce za proyava zalizla pid mist, a коли zrozumila, virishila, sho kраще сховатися pid vodu [5, с. 257]. Leksichna zamina odnogo чи кількох komponentiv FO є odnim z chasto vживаних прийомів transformatsiyi frazeologichnykh odynits.

FO *води в рот набрати* 'мовчати' [3, с. 142]: Вони змовкли всі троє, наче *води в рот понабирали*, і стояли так, надчікуючи суддю свого і громовержця [5, с. 395] є лише образним поясненням уже сказаного раніше в контексті – замовкли. Vona репрезентує nam zaminy neoznachenoy formy na osobovu.

Frazeologizm *ловити дрижаки* 'мерзнути' [3, с. 445]: *Ловив дрижаки*, і його вуста vorushилися, viyv na нього легіт, а руки зводилися [5, с. 407] vживaetsya v traditsiyonnomu vyglyadi, vin, okrim zaminy neoznachenoy formy na osobovu, osoblivykh transformatsiy u tvorі ne zaznav.

Uzualna FO *ковтати слинку* 'із жадобою дивитися на щось, бажаючи чогось спокливого' [3, с. 383]: За спиною стояв його слуга й *ковтав слину* [5, с. 295] predstavlyaє slovotvirnu transformatsiyu odnogo z komponentiv: slinku – slinu.

U stiykomu zvyotyvi *наговорити сім мішків гречаної вовни*, abo *намолоти сім кін гречаної вовни* 'говорити щось беззмістовне' [4, с. 91]: *Наговорила тобі баба сім мішків*

вовни? [5, с. 166] ми можемо спостерігати фразеологічний еліпсис, автор навмисне опустив один з компонентів ФО, крім того деякі елементи звороту є факультативними, звідси й часті її трансформації.

І. Матвіяс зазначає, що фразеологізми в різних говорах виступають у відповідних фонетичних, граматичних і лексичних варіантах, звідси варіативність фразеологізмів у літературній мові.

Цілий ряд перетворень фразеологічних одиниць пов'язаний із розширенням їх традиційного кількісного складу. Поширення фразеологічної одиниці відбувається за рахунок «включення нових перемінних компонентів, тобто слів вільного використання» до її структури. Здатність фразеологічної одиниці до поширення свідчить, що її компоненти зберігають самостійну лексико-граматичну валентність, нагадуючи цим звичайні слова. Наприклад, *хоч око виколи* 'темно, зовсім не видно' [3, с. 157]: Сівна полу, в хаті було *темно, хоч в око стрель*, йому навіть здалося, що осліп, – чорна вовна, морочна хвиля, задуха, запах кожуха, несвіжої постелі, неприбраного мешкання, відваленої від стін глини, горщиків, попелу від печі, трухлявого дерева, трав, розтиканих попід стелею, запах сіна з розчинених у сіни дверей [5, с. 467].

У конкретному мовному оточенні словесний вміст фразеологічної одиниці іноді виявляється недостатнім. З'являється потреба певним чином поповнити його, пов'язавши з тематикою художнього тексту, з характеристикою окремих його персонажів, оптимізувати. Тому поширення фразеологізму іноді називають оптимізацією. В ідіостилі В.Шевчука натрапляємо на приклади поширення фразеологічної одиниці обставиною або ж її пропуском у структурі стійкого звороту: *плескати язиком* 'багато говорити про щось неістотне' [3, с. 645]: Я ваш вірний слуга й *не плескатиму даремно язиком* [5, с. 303]; *випити ківш лиха* 'зазнати горя' [3, с. 374]: Його виходили селяни, і після того йому довелося *випити не один ківш лиха* [5, с. 160]; *яблуку ніде впасти* 'дуже багато людей, людно' [3, с. 974]: Людей це зацікавлювало, то й у шинок їх набилося, що й *яблуку не впасти* [5, с. 364].

Зустрічаємо в романі і лексичні трансформації фразеологізмів. Лексичні трансформації фразеологічних одиниць використовують у художньому мовленні з метою увиразнення, оновлення традиційного значення фразеологізму.

Лексичні трансформації зумовлюються, перш за все, контекстом. Залучаючи змінений фразеологізм у мовну канву художнього твору, прагнучи до органічного поєднання фразеологічної одиниці з кожною мовленнєвою ситуацією, письменник здебільшого вдається до заміни традиційних компонентів звороту словами, які утворюють з контекстом одне тематичне ціле... Обов'язковою умовою лексичних трансформацій є їх цілеспрямований характер, те, що вони здійснюються з цілком визначеною метою. Наприклад, "Брався за живіт і *тицькав пальцем* у співтрапезника..." [5, с. 299] (пор.: *тикати пальцем* [3, с. 882]).

У досліджених художніх текстах натрапляємо на поодинокі трансформації фразеологічних одиниць, що засвідчують процес фразеологічного натяку, тобто відбувається не поширення ФО додатковими компонентами для кращої передачі змісту, а навпаки – випускання одного з них: "Ой, дуже, Маріє Яківно! – заплум'яніла Неоніла. – Воно на мене як *сніг звалилося*" [5, с. 228]. Подібними словесними виразами митець натякає на відому фразеологічну одиницю (звалився як сніг на голову), створюючи тим самим ефект недомовляння, залучення читача до розумової діяльності.

Окрім оказіонального, у романі зустрічаємо ряд фразеологізмів узуального вживання: *ні за цапову душу* 'пропасти ні за що' [4, с. 108]: Скільки вже нашого брата переставилося *ні за цапову душу*... [5, с. 260].

Окрім названих, можемо зустріти й інші стійкі сполучення на зразок: *голова на плечах, набратися духу, гадки не мати, як кішка пробігла, танути на очах, світ за очі, мозолити очі, немає ні душі, аж у вухах ляцало, засівалася їй душа, з однієї ноги на другу, тицькав пальцем та ін.*

Отже, оказіональні зміни фразеологічних одиниць відображають майстерність письменника у створенні різноманітних образів, сприяють глибшій характеристиці персонажа чи ситуації, створюють яскраву експресивність та емоційність мови роману.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1 Пасік, Н. Лінгвістичний аналіз художнього тексту : навч. посіб. для студ. філолог. факультету / Н. Пасік. – Ніжин, 2003. – 206 с.

2 Пономаренко, А. Ю. Фразеологізми з демінутивним та аугментативним компонентом у художніх текстах (на матеріалі творів В. Шевчука) / А. Ю. Пономаренко // Література та культура Полісся. Вип. 21. Забуті та воскреслі імена в історії та культурі України, спірні історичні питання [відп. ред. та упоряд. Г. В. Самійленко]. – Ніжин: НДПУ ім. М. Гоголя, 2002. – 370 с.

3 Фразеологічний словник української мови: у 2 кн. [укл.: В. М. Білоноженко та ін.]. – К., 1999.

4 Фразеологічний словник [упор. Ю. Григор'єв]. – К., 2009. – 176 с.

5 Шевчук, В. Дім на горі: вибрані твори / В. Шевчук. – К.: Дніпро, 1983. – С. 4–467.

УДК 821.161.3Дубоўка.06-1

Н. А. Богдан

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК СРОДАК ГРАДАЦЫІ Ё МОВЕ ПАЭЗІІ У. ДУБОЎКІ

У артыкуле на матэрыяле мовы паэтычных твораў У. Дубоўкі аналізуюцца фразеалагізмы, якія вызначаюцца як адзін з самых актыўных сродкаў градацыі. Сцвярджаецца, што ўжыванне фразеалагічных адзінак з'яўляецца адным з паказчыкаў ідыястылю вядомага мастака паэтычнага слова.

Фразеалагізмы – не толькі будаўнічы матэрыял для сказаў, але і яркія выяўленчыя сродкі мовы, яе багацце і ўпрыгожанне, а таксама прыдатны матэрыял для творчай перапрацоўкі ў мастацкай літаратуры, дзе яны даволі часта адыгрываюць істотную ролю ў стварэнні вобразаў і стылістычных эфектаў.

Мэта даследавання – выявіць і акрэсліць індывідуальна-аўтарскае ўжыванне фразеалагічных адзінак (ФА) у мове паэзіі У. Дубоўкі для цэласнага ўяўлення ідыястылю мастака. Мова для паэта была «не толькі інструментам для напісання твораў, але і самакаштоўнай рэччу, з'явай асаблівага парадку...», ён «настойліва працаваў над мовай сваіх твораў, а праз іх над развіццём і ўдасканаленнем беларускай літаратурнай мовы» [1, с. 6].

Аб'ектам даследавання абрана мова паэзіі У. Дубоўкі, прадметам – прыём градацыі, таму што, як заўважае А. І. Яфімаў, «фраза не з'яўляецца для аўтара якойсьці застылай і нераскладальнай адзінкай, ён знаходзіць у ёй невычарпальныя магчымасці семантычнага і стылістычна-сінтаксічнага характару» [2, с. 38].

Характар функцыянавання ФА ў мастацкім кантэксце аўтара шчыльна звязаны з актуалізацыяй іх значэнняў у працэсе ўзаемадзеяння з лексічным акружэннем. Пры ўзаемадзеянні гэтых моўных адзінак асабліва выразна выступае функцыянальна-семантычны бок фразеалагізмаў, г. зн. іх уласна семантыка і семантычная функцыя. Так, у мове паэзіі У. Дубоўкі ФА выступаюць у сваіх аказіянальных эквівалентах, якія да таго ж набываюць здольнасць выяўляць унутраны вобраз, раскрываць унутраную форму, дзякуючы чаму ў чытача ўзнікае некалькі асацыятыўных сувязяў.

Аказіянальны характар ФА, іх своеасаблівае роля, мэтанакіраванасць, пэўнае прызначэнне ў мове паэзіі У. Дубоўкі самыя разнастайныя.

ФА можа выступаць у якасці аднароднага члена сказа ў адным радзе з другімі членамі, выражанымі словам. Тут маюцца на ўвазе толькі такія выпадкі, калі ўслед за сэнсавымі бліжэйшымі словам ідзе ФА, багацейшая ў семантычных і стылістычных адносінах за папярэднія слова, звычайна нейтральнае. У выніку ствараецца ўзыходная градацыя, пры якой наступная частка выказвання больш ёмістая і выразная, чым папярэдняя. Напрыклад, семантычна і стылістычна адрозніваюцца нейтральнае слова **не позна** і фразеалагізм **у самы раз** 'акурат у час, тады, калі трэба' (*Пакуль не позна, у самы раз, – / табе адну параду даў бы: / ідзі, юначка, у добры час, – / згарыш на попел ты ад праўды...* [3, с. 23]). Або: **побач і вуха к вуху** 'зусім побач, у непасрэднай блізкасці, адзін каля аднаго (ісці, ехаць, стаяць, сядзець і пад.)' (*Пазбіраюцца наўкола / і авечкі, і каровы, / стануць побач, вуха к вуху, / і датуль не кінуць слухаць, / покуль ён іграць не кіне, – / вось цікаўныя якія!..* [3, с. 30]), **якраз і як на тое** 'быццам кімсьці падстроена, нібы знарок' (*Праз разложысты стэп ехаў сам падзішах, / і якраз, як на тое, озьяўчына прайшла* [3, с. 84]) і інш.

Асабліва часта ў мове паэзіі пісьменніка градацыйную функцыю выконваюць ФА, значэнне якіх ускладнена ацэнным элементам. Маючы ярка выражанае значэнне якаснай ацэнкі, станоўчай ці адмоўнай, яны ўжываюцца ў ролі іменнага выказніка, часта выкарыстоўваюцца побач з другім выказнікам – прыметнікам ці назоўнікам, узмацняюць яго сэнс, трансфармуюць нейтральную танальнасць у экспрэсіўна-ацэнную: **без ліку** 'вельмі многа' (*У нашай Айчыне, магутнай, вялікай, / і рэк і паселішч багата, без ліку* [4, с. 173]) і пад. Градацыя часам ствараецца мастаком, калі побач ужыты дзве ФА, якія або ўваходзяць у адзін сінанімічны рад: **крок у крок** 'нароўні з кім-н., у адпаведнасці з кім-н.', **след у след** 'неадступна, неадстаючы' (*Захапіла навальніцаю – / крок у крок і след у след...* [4, с. 12]) і інш. Або належаць да аднаго поля, да суадносных сінанімічных радоў: **без ліку, без меры** 'вельмі многа' (*Глядзяць усе праз вокны, дзверы, / як неба ідзе людзям дары / без ліку, без ніякай меры* [4, с. 240]), **плача сэрца, грудзі сціскаюцца** 'хто-н. гаруе, бядуе, зазнае трывогу' (*Плача сэрца, сціскаюцца грудзі, / дзесь празрыста свіргочуць цыкады* [4, с. 23]) і інш.

Такім чынам, прыём градацыі найбольш пашыраны ў мове паэзіі У. Дубоўкі і здольны рэалізавацца толькі ў спецыяльна арганізаваным кантэксце адпаведна з ідэйна-мастацкай задачай мастака. Найчасцей ФА выступаюць актыўным сродкам стварэння градацыі тады, калі пісьменнік не абмяжоўваецца традыцыйным ужываннем гэтых выразаў, а абнаўляе, асвятляе іх, творча выкарыстоўвае іх багатыя патэнцыяльныя магчымасці.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Бубновіч, І. Роля Уладзіміра Дубоўкі ў фарміраванні беларускай літаратурнай мовы / І. Бубновіч // Роднае слова. – 2000. – №7. – С. 6–8.
- 2 Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – Москва: МГУ, 1961. – 519 с.
- 3 Дубоўка, У. Залатыя зярняты: казкі / У. Дубоўка. – Мінск: Мастац. літ., 1975. – 351 с.
- 4 Дубоўка, У. О Беларусь, мая шыршына...: Выбранае / У. Дубоўка. – Мінск: Мастац. літ., 2002. – 318 с.

УДК 81'373:[398.9:398.8=163.3]

С. Велковска

ФРАЗЕОЛОГИЗМИТЕ ВО МАКЕДОНСКИТЕ НАРОДНИ ПЕСНИ

В данной статье представлены семантические группы фразеологических единиц, функционирующих в текстах македонской народной поэзии, которые, в свою очередь,

являются богатым источником возникновения фразеологизмов. Выявляются типы фольклорных фразеологизмов: приветствия, благословения и пожелания, проклятия, а также архаичные устойчивые словосочетания.

Општо е прифатено дека фразеологијата и фолклорот, сфатен во најширока смисла, се нераскинливо поврзани. Народното творештво изобилува со ФЕ (фразеолошките единици) токму затоа што тие го одразуваат живиот народен говор. Најчесто се поврзува со прозните жанрови како што се народните приказни, басните, легендите итн. Секогаш кога се зборува за врската меѓу фолклорот и фразеологијата, се зборува воопштено, без да се разгледува тоа по жанрови. Народната песна, по својата природа е подведена на посебни правила на своето устројство и ФЕ се среќаваат во помал обем. Сепак и тука ги има многу, дури и такви како што во „обичниот“ говор веќе се помалку се слушаат. Тука ќе направиме обид да ја изделиме народната песна како извор на ФЕ.

1. Ликови на опеани јунаци во народните песни. Најчесто употребувани ФЕ во македонскиот јазик се со Марко Крале, Болен Дојчин и Ѓорѓи Сугаре. Ликот на Марко Крале се среќава во многу епски песни, „кралски“ како што ги вика народот. Неговите подвизи и заштитата на населението од османлискиот поробувач оставила трага и во фразеологијата. Познати се ФЕ: *Марково колено е* -многу е силен, јак, непобедлив, јунак е како Марко Крале. Ова се ФЕ поттикнати, инспирирани од народната песна. Таков е случајот и со песната за Болен Дојчин. Главниот јунак, Болен Дојчин лежи болен девет години време и сепак прави големи јунаштва во одбрана на честа на сестра си Ангелина. Аналогно на песната, создадена е ФЕ *Болен Дојчин* со можните варијанти: *Иде Болен Дојчин, Еве го Болен Дојчин, Каде си, бре, Болен Дојчин* и сл. и се употребува при средба со болен човек, обично во шеговита смисла. ФЕ со компонентата *Ѓорѓи Сугаре* е директно преземен стих од народната песна за овој македонски херој. Имено, тој бил опколен (сардисан) и бил ставен во безизлезна положба какво што значење има и самата ФЕ: *Од сите страни Ѓорѓи сардисан. (Кога ќе види, што ќе види, / од сите страни Ѓорѓи сардисан...)*.

2. Поздрави. Повеќето автори и поздравите како готови формули, изрази што се употребуваат ситуациски, при поздравување, при разни средби, ги сметаат за ФЕ. Тие имаат постојан состав, не ги менуваат своите компоненти, а променливи делови се имињата на тие што се обраќаат еден на друг, нивниот квалификатив или збор што го означува односот меѓу единките во говорната комуникација, односно степенот на нивната блискост. Во народната поезија се јавуваат таму каде што имаме дијалоска форма. Пр.: *Добро утро бабо ле, / дал бог добро либе ле...; Јас ти реков добро вечер, / ти само ме погледна...итн.*

3. Благослови и желби. Кај благословите и желбите, од јазичен аспект, се работи за желбени реченици кон донесуваат дејства што не се извршени, содржини што се во согласност со желбите на говорното лице. Овие реченици спаѓаат во извичните реченици. Од глаголските форми најчеста е да-конструкцијата во сегашно време (3, с. 30; 4, с. 150). Многу често се среќава и заповедниот начин (1, с. 51). Од фразеолошки аспект, благословите и клетвите имаат постојан компонентен состав, најчесто се проследени со посебен магичен ритуал при нивното изведување. Првиот дел од изразот е постојаниот дел на ФЕ, а вториот е променливиот од кој всушност се гледа што е желбата на тој што ја изрекува. Пр.: *Богу се је Димка помолела / -Ој ле, боже, ој ле мили боже / дај ми, боже, пролетни дождове / дај ми боже, есени громове, да дотечат тие суви долја... / да излезе на бело бидело; дај ми, боже очи соколови, / дај ми боже, крилја лабудови, / да прелетам тридевет планини, / та да падна ју голема војска / да изберам либе спроти мене.*

4. Клетви. Клетвите се, всушност, обратно од желбите. Основна компонента како и кај благословите е синтагмата *да даде Господ* со сите можни варијанти. Пр.: *Ем го е лулела / ем го луто клепа / - Да даде господ / булино детенце / денес те лулеа /*

утре да жалеа.

Бидејќи клетвите се проследени со некој вид магиско дејство имаме утврдена формула како тоа се изведува. Најчесто ја имаме опозицијата колку: толку. Пр.: *Љута клетва го проколна / - Да би дал бог - колку гиски на венецот / толку градје да обидиш / нигде мома да не најдиш / опет назад да се вратиш / пак в момини рамни дворје / пак со мене да се ставиш!*

Честопати, само од поширокиот контекст зависи дали се тоа благослови или клетви. На пр.: *бог да даде, / драги да ми умре* (при клетва) и *бог да ти даде, и друга века* (при благослов); *ај ти, горо, зелена горице, / да би дал бог оган да т'изгори* (клетва) и *ако си, ќерко, од бога, / да би дал бог да станеш...*(благослов).

Во клетвите се среќаваат и други ФЕ. Пр.: *Овчар овци паси, овците к'лни: / Овци, пусти, овци, в'кот да ве јади; Љуто проколна девојче / капнала рака десница / тој што го скина цвеќето.* Таволошките обрати, карактеристични за ФЕ (5, с. 146) особено се јавуваат кај клетвите. Пр.: *Јас не сум ти мајка, мак да те опали, / туку сум ти жена, / желки ти на мевот!* (мајка – мак; жена – желка).

5. Архаични ФЕ. Во народната поезија се засведочени доста архаични или ФЕ со архаизирани елементи (2, с. 37). Такви се следните примери: *фрла пушка – пука: ...што не фрљат пушка во с'бота...; ласно ќе минеме таја Шар Планина / песме поејќи, песме поејќи, пушке фрљајќи...; за братата ти тенка пушка / нека фрла нег не гледа...тие тутун – пуши: ...не земај го Дино, / многу тутун пие...; за татка ти ока тутун / нека пие нег не гледа...6.* Семантиката на невозможното – никогаш. Ќе се задржиме само на уште еден тип на ФЕ, за жал многу ќе останат надвор од нашиот опсег, а тоа се ФЕ со значење 'никогаш'(1, с. 70), или како што вели Д. Мршевиќ-Радовиќ (7, с. 45) „парадоксални“ ФЕ. Оваа група ФЕ е позната во сите словенски и балкански несловенски јазици (5, с. 94), а македонската народна песна се покажа како одличен извор, дури и на такви како што веќе во живиот говор ретко се употребуваат. Во современиот македонски јазик најчесто се среќава ФЕ *кога врбата ќе роди грозје* со сите разновидности. Пр.: *Ќе дојда сестро, ќе дојда, / ага роди врба грозде, / а ракита - ж'ти дуни* (ракита – вид врба). *В'рни ми се в'рни, леле, мое мило братче / ќе се вратам моја мила сестро.../ тој ќе биде кога гламња ластар ќе пушти, / кога врбата сестро леле, грозје ќе роде!* Следните неколку примери претставуваат клетви: *та не видела чедо од срце, / дори не идеш крај Црното Море, / дори не чуеш камен да дума, / камен да дума, риба да пее, / тога да видиш чедо од срце; Кога ќе засвирит риба летница, / риба летница по Црното Море, / ко ќе запеит камен стеноит / камен стеноит од Нико Поле / ти тога чедо да си добиеш; Поп 'и венчат, нунко љуто к'лнит: / - Венчаќи се, не се ќердосале, / кука збрале како прав на тапан, / чеда стекле како врба грозје, / цут цутиле како јасеник, / заврзале како врбино грозје!; Јас не диша, душата ми диша, / јас не к'на, срцето ми к'не: / вековита како агличица, / омњазита како качуница, / род родила како врба грозје, / кука збрала како прах на тапан!* Кон семантиката на невозможното го приклучуваме и тоа што не може да се изброи, да се измери итн. Пр.: *високо дрво лад нема, / длабоко море дно нема, / ситнана песок број нема / убава мома род нема.*

На крајот, ќе споменеме уште една ФЕ карактеристична за народната песна, израз кој се среќава единствено тука. Тоа е ФЕ *над глава му стои (седи)* со значење 'негува болен'. Во речиси нераскинлива врска со оваа ФЕ е и изразот: *болен (ми) лежи; и болен(а) паднал(а)*. Пр.: *Болен ми лежи Миле Поп-Јорданов, / над глава му стои стара му мајка... Болна паднала Ленка Пингова / над глава и седи стара и мајка...*

Македонската народна поезија е вистинска ризница на ФЕ. Тука пренесовме еден мал дел од тоа богатство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Велковска, С. Белешки за македонската фразеологија / С. Велковска // ИМЈ, –

Скопје, 2002.

2 Велковска, С. Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник. / С. Велковска. – Скопје, 2008.

3 Минова-Ѓуркова, Л., Македонските благослови клетви / Л. Минова-Ѓуркова // Предавања на 31. меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид 1998. – Скопје, 1999. – С. 19–30.

4 Минова-Ѓуркова, Л., Синтакса на македонскиот стандарден јазик / Л. Минова-Ѓуркова. – Скопје, 1994.

5 Мирчевска-Бошева, Б. Фраземи со значење време во македонскиот и во рускиот јазик / Б. Мирчевска-Бошева // Магистерски труд, Филолошки факултет „Б. Конески“. – Скопје, 2008.

6 Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. В. М. Мокиенко. – М., 1980.

7 Мршевић-Радовић, Д. Фразеологија и национална култура / Д. Мршевић-Радовић. – Београд, 2008.

ИЗВОРИ:

1 Речник на македонската народна поезија том 1–4, ИМЈ, Скопје.

2 М. Китевски, Македонски народни клетви, Скопје 1997.

УДК [821.161.3Барадулин.06-1:821.161.3Караткевич.06]:81'373

К. С. Винакурава

ФУНКЦИЈА НА ВАНЕ ФРАЗЕАЛАГИЗМАЎ У ПАЭЗИИ Р. БАРАДУЛИНА И У. КАРАТКЕВИЧА

Характеризуюцца асаблівасці функцыянавання фразеалагізмаў у паэтычных творах Р. Барадуліна і У. Караткевіча. Адзначаецца роля фразеалагічных і парэміялагічных адзінак у захаванні і выяўленні нацыянальна-культурнай інфармацыі, у выяўленні менталітэту беларускага народа. Апісваецца вобразнае пераасэнсаванне фразеалагічных адзінак у моўнай тканіне мастацкіх твораў.

Агульнапрызнана, што фразеалагічны фонд мовы найбольш поўна і выразна адлюстроўвае нацыянальную самабытнасць народа – носбіта мовы. “Падыход да фразеалагічных адзінак як да моўнага матэрыялу, непасрэдна звязанага з традыцыйным светапоглядам, мае ў славістыцы даўнюю і трывалую традыцыю. Актуальнасць такога даследавання абумоўлена ў першую чаргу характэрнай для сучаснай лінгвістыкі тэндэнцыяй да ўсебаковага вывучэння моўных адзінак у этнакультурным аспекце” [4, с. 5]. Таму сістэма вобразаў, замацаваных у фразеалагізмах, звязана з матэрыяльнай і духоўнай культурай пэўнага моўнага калектыву і можа служыць паказчыкам яго культурна-нацыянальнага вопыту і традыцый. У мове паэзіі Р. Барадуліна намі вылучаны наступныя нацыянальна-маркіраваныя фразеалагізмы: **даць драла** ‘хутка уцякаць’: *і панічок даў драла, / Знік, як дымок з карчоў* [1, т. III, с. 129]; **пазычаць вочы у сабакі** ‘падманваць’: *у бяздомных сабак/ прыйшлося пазычаць вочы* [1, т. III, с. 61]; **хварэць на пана** ‘паводзіць сябе фанабэрыста’: *усміхнуўся бацька рахмана: абы сын не хварэў на пана* [1, т. III, с. 168]; **неба** з аўчынку ‘пра таго, хто вельмі спужаўся’: *неба мядзведзю – з аўчынку* [1, т. III, с. 96].

У фразеалагічных і парэміялагічных адзінках, што скарыстоўвае Р. Барадулін у сваіх творах, найбольш важнымі і статуснымі структурнымі кампанентамі, у якім заключана нацыянальна-культурная інфармацыя, выступаюць словы-назвы

прадметаў побыту і рэалій паўсядзённага жыцця беларусаў, напрыклад, *каса: Ну а ў бары на верасу / Грыбоў – хоць закладай касу* [1, т. I, с. 19]; *кол: Хоць кол на галаве чашы, / не разумею, каму мае вераб'і перашкаджалі* [1, т. III, с. 260]; *клін: Клін выбіваюць клінам, / Ну, а калі зацята / Пад сэрца зойдзе скруха, / Клін гэты выбіць чым?* [1, т. II, с. 55]. Як прыгадвалася вышэй, найменні з побытавым значэннем у прыказках і прымаўках з'яўляюцца тымі лексічнымі кампанентамі, якія найбольш выразна рэпрэзентуюць асаблівасці ўспрымання свету беларусамі. Пра гэта сведчаць наступныя паэтычныя радкі: *Хіба што прыказка / І суцяшала: / – Добраму чалавечку / Добра і ў запечку, / А якой благаце / Блага і на куце* [1, т. I, с. 221]. Думаецца, што сэнс гэтай прыказкі зразумелы кожнаму беларусу, бо здаўна лічылася, што кут – гэта самае пачэснае месца ў хаце за сталом пад абразамі, а ў запечку – цёмным месцы паміж сцяной і печку – трымаюць непатрэбныя хатнія рэчы.

Для Р. Барадзіліна ўжыванне ў сваіх творах фразем, прыказак і прымавак з нацыянальна-культурнай семантыкай – гэта спосаб выяўлення светабачання і менталітэту свайго народа. Як вядома, Дзяды – адна з рытуальных формаў народнай культуры беларусаў, старажытны абрад памінання нябожчыкаў, а таксама дзень, калі адбываўся гэты абрад. Такім чынам, фразеалагізм *як на дзяды* можна разглядаць як “водгалас” старажытнага памінальнага абраду. Сапраўды, рознай смачнай ежы ў гэты дзень на стале ў нашых продкаў было доволі, што і знайшло адлюстраванне ў семантыцы дадзенай этнафраземы, ужытай Р. Барадзіліным: *Каб ты варыў / Заўсягды, / Як на Дзяды* [1, т. II, с. 8].

Семантыка фразеалагічных і парэміялагічных адзінак можа ўказваць на прыярытэтны род заняткаў пэўнай нацыі. У паэзіі Р. Барадзіліна найбольш частотнымі з'яўляюцца фраземы і парэміі, якія семантызуюць асноўны земляробчы занятак беларусаў – вырошчванне жыта: *Бо дурных – не аруць, не сеюць – нараджаюцца самі, / Каб не сумна на свеце было мудрацам* [1, т. III, с. 193]; *Паміраць сабірайся, а жыта сей – / Крывічы спрадвеку казалі* [1, т. I, с. 227]; *Хто скупа сее, той скупа жне, / Хто шчодрася сее, шчодрася збірае* [1, т. III, с. 198]. Прыведзеныя радкі яшчэ раз пацвярджаюць, што беларусы здаўна былі ратаямі, таму асноўным іх заняткам, як вядома, была праца на зямлі. Працавітасць, адказнасць за вынікі сваёй працы ва ўсе часы высока цаніліся ў беларусаў, што таксама адлюстравалася ў прааналізаваных намі фраземах. Так, у вершы “Веды” аўтар пры дапамозе фразеалагічных адзінак, пшчотна і ласкава апісвае сваю маці-працаўніцу: *Яшчэ не ўмела ў горы хіліцца, / Яшчэ не ўмела / Маці хваліцца. / Так і не спасцігла / Цяжкой навукі – / Стаяць рукі ў бокі / Сядзець склаўшы рукі* [1, т. II, с. 9].

У некаторых фразеалагічных адзінках структурныя кампаненты адлюстроўваюць сваёй семантыкай гістарычныя звесткі, напрыклад, фразема *Ты не першы, не другі / З хітрай воласці* [1, т. II, с. 113] утрымлівае ў сабе лексему воласць, якая старажытнай Русі абазначала мясцовасць, падпарадкаваную адной уладзе.

Этнафраземы, ужытыя Р. Барадзіліным, нясуць у сабе інфармацыю пра традыцыі і звычай беларускага народа і маюць глыбінны рытуальны сэнс. Так, напрыклад, у вершы, прысвечаным першаму няўдаламу каханню самога ж аўтара, у радках: *Кажуць, трэці дзень / Грыміць тваё вяселле (я ж не веру). / Вянок з гароху хочуць мне надзець / Сябры, як адстаўнаму кавалеру* [1, т. I, с. 15] – адлюстравана абрад надзявання гарохавага вянка хлопцу, якому дзяўчына адмовіла ў шлюбе [гл. 4]. Аўтар шматлікіх наватвораў, паэт нярэдка змяняе структурны склад фразеалагізмаў: *Не так чорт страшны, Як яго малюцькі* [1, т. III, с. 141] – *малюцькі* замест *малюць*; *Богу – Богава, / Бульдогу – бульдогава* [1, т. III, с. 78].

У барадулінскай паэзіі нярэдка фразеалагізмы з'яўляюцца арганічнай часткай кантэксту, ужываючыся ў прамым значэнні. Так, у “Паэме-падарожніцы” ідзе размова пра высяленне беларусаў-“кулакоў” у Сібір: *пазбаўлены ўсіх комплексаў, у тым ліку,*

дробнаўласніцкага, аднаасобніцкага, бо за гэтыя перажыткі дзяды і бацькі / цялят адпасвілі там, / дзе Макар іх не пасвіў [1, т. III, с. 257]; Мядзвезжая паслуга / цыгану ручыць [1, т. III, с. 86]. Нагадаем, што ў паэме “Смаргонская акадэмія” ідзе гаворка пра дрэсіраваных мядзвездзяў, якія сваімі выступленнямі прыносілі даход цыганам. *Выскачыў з канпель / Піліп-пашлапень* [1, т. III, с. 394], дзе Піліп – галоўны герой верша; *І ў каго болей скрыту, / Дакладна ведае, Дзе сабака зарыты* [1, т. III, с. 76] – у паэме “Смаргонская акадэмія” ідзе гаворка пра сабаку, зарытага ў зямлю; *Не святыя лепяць гаршкі, / Бо святыя бруды баяцца, / Круг ганчарны / Ім надта цяжкі, / Не з рукі / Ім за працу брацца* [1, т. II, с. 51]. У апошнім прыкладзе Р. Барадулін “дадумвае” паводзіны святых з прыказкі, у яго паэтычным радку яны таксама “баяцца бруду”, “ганчарны круг ім цяжкі”.

Пераасэнсаванне фразеалагізмаў характэрна і для У. Караткевіча. Так, пра надвор’е, калі над зямлёй цягнецца туман, беларусы спрадвеку казалі: “заяц варыць піва”. Кемлівы розум і фантазія паэта дазволілі пераўсвядоміць народную прыкмету ў гумарыстычны верш: *Туман плыве з нізіны сівы / Над нівай голай і пустой. / “Глядзіце, заяц варыць піва”, - жартуюць людзі між сабой. / А я відушчым бачу зрокам, / Як ён прысеў каля агню, / Тыгубы, шэры, касавокі, / І піва варыць ля агню...* [2, с. 18].

Яшчэ адзін беларускі фразеалагізм “пайсці да Абрама на піва”, які значыць ‘памерці’ таксама знайшоў пераасэнсаванне ў творчасці У. Караткевіча. Так, у выдатнай аповесці “Ладдзя распачы” галоўны герой Гервасій Выліваха разам з асуджанымі на смерць спявае аптымістычную песню, сэнс якой без ведання названага вышэй фразеалагізма складана цалкам усвядоміць: *Роснымі лугамі / полечкам траўлівым / іду да Абрама на моцнае піва...* [3, с. 46]. У песні-вершы адчуваецца тужлівая любоў да Радзімы (гэты вобраз увасоблены ў кветцы шыпшыны, якую прышпіліў да кашулі каля сэрца): *Калі памру я, / Згіну са свету. / Дай на тым свеце, / Што і на гэтым / Не алікую / Не ладан божы: / А каля тына / Дзікую ружу* [3, с. 46]. Такім чынам Радзіма – гэта тое, без чаго чалавек не можа абысціся і пасля смерці. Думаецца, ў вобразе Гервасія Вылівахі, бясстрашнага жыццялюбца, які не баіцца барацьбы нават з самой Смерцю, У. Караткевіч хацеў бачыць рысы беларускага народнага характару. Калі гаварыць пра ужыванне У. Караткевічам фразеалагічнага фонду мовы, неабходна адзначыць, што ён радзей за Р. Барадуліна змяшчае фраземы і парэміі ў свае паэтычныя тэксты.

Такім чынам, даследаваны матэрыял дазваляе сцвярджаць, што ў фразеалагічных і парэміялагічных адзінках, ужытых Р. Барадуліным і У. Караткевічам у моўнай тканіне сваіх твораў, захаваны багаты гістарычны вопыт народа, адлюстраваны міфалагічныя ўяўленні і павер’і, звязаныя з працоўнай дзейнасцю, калектыўным вопытам, культурай беларусаў, іх каштоўнасцямі і маральнымі арыенцірамі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Барадулін, Р. Збор твораў: у 5 т. / Р. І. Барадулін; [прадм. В. Сёмуха]. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1996–2002. – Т. 1–3.
- 2 Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. Т. 1 / У. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. – 431 с.
- 3 Караткевіч, У. С. Ладдзя распачы: навела: Першае непадцэнзурнае выданне / У. С. Караткевіч. – Мінск: Медысонт, 2010. – 148 с.
- 4 Коваль, У. І. Славянская этнафразеалогія ў дэрывацыйна-дыяхранічным аспекце / У. І. Коваль. – Гомель, 1998. – 43 с.
- 5 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск, 2008.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф СКОРИНЫ

ПАРЕМИЯ В КОРПУСЕ ТЕКСТОВ

В статье говорится о применении корпусных методов в паремиологических исследованиях. На примере контекстов из НКРЯ, включающих одну паремиологическую единицу, характеризуются особенности и перспективы использования корпусных данных.

Целесообразность (а во многих случаях и необходимость) использования корпусных методов в исследованиях по лексикографии, грамматике и семантике в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений. Корпусная лингвистика является своего рода методологией, которую «можно применить ко многим аспектам языковых исследований» [1, с. 94].

Чем же могут корпусные данные помочь паремиологу? Прежде всего, богатым репрезентативным эмпирическим материалом, реальными контекстами со «встроенными» в них паремиологическими единицами.

Материал, предоставляемый исследователю паремий лингвистическим корпусом, помогает в решении самых разнообразных задач – общих и частных. Так, например, фактически невозможно решить в абстрактной форме, без учета конкретных факторов реализации паремии, вопрос о том, какие именно функции являются типичными для тех или иных пословичных изречений. Несомненный интерес вызывают также способы и средства включения паремий в контекст. Кроме того, в корпусе можно найти материал, позволяющий сделать выводы о представленности определенной паремиологической единицы в текстах разной стилистической, жанровой, хронологической, наконец, при желании, гендерной маркированности.

Как уже было сказано выше, корпус оказывает паремиологу прежде всего эмпирическую поддержку, но применение корпусных методов позволяет получить также количественные данные (которые, конечно, часто основываются на качественном анализе) и экстралингвистическую информацию (метаинформацию) о текстах, включающих в себя паремии в качестве интертекстем.

Конечно же, самые впечатляющие результаты мы получаем, когда оформляем в корпусе запрос на пословицы и поговорки, входящие в активный паремиологический фонд. Если такая паремия включает в себя компонент, являющийся основой для формирования ее образной составляющей, представляющий собой «своеобразный пословичный код» [2, с. 137], целесообразно осуществлять поиск материала в корпусе именно по данному компоненту.

Так, оформив на странице поиска Национального корпуса русского языка [3] запрос на компонент *хата / изба с краю*, узнаваемость которого как компонента паремии *Моя хата (изба) с краю <(я) ничего не знаю>* не вызывает сомнений, получаем более 80 контекстов, иллюстрирующих употребление данного выражения. Такой обширный языковой материал позволяет сделать достоверные выводы об особенностях функционирования этой паремиологической единицы (тем более что НКРЯ содержит тексты разных стилей, жанров, времени создания, разной формы реализации и т.д., а его размер в настоящее время составляет более 340 миллионов словоупотреблений).

Данные корпуса подтверждают, в частности, гораздо более активную представленность в паремии компонента *хата*, свидетельствующую «об украинско-белорусском или южнорусском ее происхождении» [4, с. 759]. Исследуемый материал содержит только 7 контекстов, включающих паремию с компонентом *изба*. Например: – *Я с своей стороны готов это дозволить господину Звереву, но как вот другие! – произнес он и обратился к*

Батеневу, Углакову и Павлу Петровичу: – Как вы, господа, полагаете? Последние двое прямо объявили, что они согласны, но Батенев, злобно усмехнувшись, сказал: – **Моя-с изба с краю, и я ничего не знаю** (А. Ф. Писемский. Масоны).

Не включая в запрос посессив, на полученном материале можно наблюдать варианты заполнения его позиции в паремии. Примерно в 75 % вхождений анализируемой единицы в корпус посессивный компонент представлен местоимением *моя*. В восьми контекстах употребляется паремия с посессивом *наша*. Например: – *В военной среде была исключительная обстановка, – словно извиняясь, вставил Меркулов, – мы все как-то в стороне стояли от политики, **наша хата с краю*** (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая). Кроме того, в НКРЯ представлены два случая заполнения посессивной позиции лично-притяжательными местоимениями, указывающими на принадлежность 3-му лицу (*его, их*): *Но когда инициативные граждане обращаются к людям с таким предложением, вдруг выясняется, что одним некогда. Другие на всякий случай не хотят с председателем связываться. Третьи откровенно признают, что **их хата с краю*** (А. Наумов. Монархи не любят прозрачных бюджетов // «Петербургский Час пик»), а также по одному контексту с возвратно-притяжательным и относительно-притяжательным местоимениями: *Призовем ли к барьеру так называемых лиц гражданской наружности, без стыда и без совести, без страха и тени упрёка? Или опять, одномоментно подивившись: «о ужас!», уткнемся сытыми носами в цивильные телевизоры? **В своей** любовно обустроенной, показушно-благополучной и якобы уютной **хате с краю*** (О. Гаврилова. Если тебе плохо, ищи того, кому еще хуже // «Сургутская трибуна»); – *За шкуру свою боится... – Может, и не трус, а просто **хатоскрайник**. Из тех, чья хата всегда с краю. Благодаря **хатоскрайникам** дурак или какой-нибудь чиновный маклак и орудует безнаказанно* (Н. Дубов. Небо с овчинку). В следующем контексте посессивное значение выражает относительное местоимение *который* в форме Р.п. с предлогом *у*, замещающее существительное из главной части: *Спрашивают действительно дети, самые чистые существа, растущие организмы, не спесивые, не ослепленные собственным невежеством и трусостью **мещанина, у которого хата с краю*** (М. Шелехов. Я изменю мир! // «Наш современник»). Наконец, в шести случаях посессивный компонент отсутствует, его позиция заполнена местоимениями другого разряда (указательным, определительным): *Вроде бы России, которая за 6 лет увеличила экспорт нефти в 1,5 раза, а газа – в 1,2 раза, с ее энергетическим изобилием в последнюю очередь надо беспокоиться о подобной безопасности – можно запереться **в той хате, что с краю**, а мы тревожимся...* (С. Лесков. Лошадина сила человека // Известия) или не замещена, в случае актуализированного вычленения из паремии компонента *хата с краю*: *Состоятся выборы, президент будет избран, и это деление по цветам, если всё будет делаться грамотно, станет неактуальным. Но в массовом сознании уже не будет абсолютно доминировать прежний украинский «минималистский» поведенческий стереотип – стереотип хуторян, живущих **в «хате с краю»*** (А. Окара. Распад Украины сейчас нереален // РБК Daily); *Но на селе больше «свят», и «свята» эти, праздники, отмечаются всем селом, **ни одной хаты с краю не остается*** (В. Некрасов. Взгляд и Нечто).

Таким образом, анализируя реальные контексты, можно сделать вывод о том, что посессив в данной паремии входит в состав ее ключевого компонента и его позиция может подвергаться семантическим трансформациям. В то же время в результате структурно-семантических трансформаций, связанных с актуализацией в контексте компонента *хата с краю*, позиция посессива может быть не представлена.

Корпусные данные позволяют также определить, что примерно в 20 % случаев анализируемая паремия употребляется в виде сложного предложения, включающего часть (*я*) *ничего не знаю*, причем в двух контекстах в ее составе отрицательное местоимение,

которое указывает на одушевленный объект. Такая особенность связана с содержанием контекста, в который встраивается паремия: *В жизни это были благоразумные люди, они не делали ни добра, ни зла, не принимали участия ни в каких общественных делах. Кроме своих собственных житейских интересов, они не интересовались ничем. Пусть, например, грабят на улице слабого человека разбойники: они покрепче запирают окно. «Моя хата с краю, никого не знаю», – говорит про них пословица* (И. Е. Репин. Далекое близкое).

Интересной особенностью употребления данной паремии является также включение ее в ряд синонимичных выражений, содержанием которых является эгоистичное поведение человека, стремление подчеркнуть свою непричастность к чему-либо, нарочитое нежелание вмешиваться во что-либо: *А убеждения, то есть суть мещанской идеологии, просты и надежны: дают – бери, бьют – беги; моя хата с краю; не пойман – не вор; своя рубашка ближе к телу. Эта нехитрая мудрость всегда помогала мещанину выйти сухим из воды* (А. Гладилин. Большой беговой день); – *Только вот ты што скажи, чью сторону держать нам: государя альбо государыни? – Нам в их дела вступать нечего, они промеж собой как хотят, так пусть и делят. Наше дело маленькое... Наша хата с краю... как говорится* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая).

Материал, полученный из корпуса, дает возможность сделать интересные наблюдения и о способах встраивания паремиологической единицы в контекст. По данным НКРЯ, анализируемая паремия может использоваться в виде автономного предложения, которое у ряда авторов является эмоционально и интонационно окрашенным: *Что мне было мешаться в это дело? Моя хата с краю, я ничего не знаю. Ешь пирог с грибами, а держи язык за зубами; дурень кричит, а разумный молчит... Вот и я себе молчал!..* (В. Г. Короленко. Судный день); *С какой он стати будет вмешиваться в чужие дела? Да и доказать это трудно, а он может остаться в дураках. «Э, моя хата с краю! – решил писарь и махнул рукой. – Сказанное слово – серебряное, а несказанное – золотое»* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб). В следующем контексте паремия входит в ряд вопросительных предложений, с помощью которых автор показывает метания и сомнения своего героя: – *Терпеть? – спрашивает Лихонин с возрастающим волнением. – Глядеть сложа ручки? Моя хата с краю? Терпеть, как неизбежное зло? Мириться, махнуть рукой? Благословить?* (А. И. Куприн. Яма).

В то же время более активно анализируемая паремия представлена в сопровождении «метаоператоров» – показателей ее интертекстуальности [см. об этом: 5, с. 47–51], подтверждающих мысль о том, что «говорящему необходимо ввести в речь пословицу, чтобы подчеркнуть, что его мнение основывается не на оторванных от человеческой жизни представлениях» [5, с. 49], «чтобы создать иллюзию стоящего за ним плотного и гомогенного социального пространства» [6, с. 312]. Для анализируемой паремии характерны прежде всего лексические метаоператоры *девиз, позиция, понятие, правило, закон, принцип* (представлен наиболее активно) и др.: *Уже который век россияне маются одним и тем же вопросом: «Что делать, чтобы на Руси жилось хорошо?» И хотя ответ вроде бы банален: «Думай сначала о Родине, а потом о себе», – персоны, от которых зависит судьба страны, как назло, живут по принципу «моя хата с краю»* (Н. Морозов. Двенадцать лет, чтобы обустроить Россию // Комсомольская правда); *Да, русская общественность скрывается в тайниках личностей... Нигде в мире нет, вероятно, такого числа артистов, придумщиков, чудаков, оригиналов всякого рода, в общественном отношении исповедующих закон «моя хата с краю»* (М. М. Пришвин. Дневники). В некоторых случаях метаоператоры включают в свой состав оценочные прилагательные (*мудрое правило, прекрасная поговорка*), которые, сопровождая анализируемое выражение, имеют иронический характер: *Обыватель все*

терпит и все сносит, что не касается интересов его живота. Самые возвышенные лозунги бессильны возбудить его энтузиазм. Самые отвратительные преступления не в состоянии вывести его из равновесия, если только они не затрагивают его благополучия. В этих случаях он для приличия скажет пару слов, зевнет и успокоится на мудром правиле: «Моя хата с краю, ничего не знаю», «Меня это не касается» (П. А. Сорокин. Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине // «Воля народа»).

Изложенные наблюдения не исчерпывают все направления исследования особенностей употребления паремиологической единицы в реальных контекстах. Корпусные данные дают возможность выявить характерные для данной паремии типы трансформаций (кроме упомянутых выше, это еще расширение состава, переход утвердительной формы в отрицательную, инверсированный порядок компонентов: *моя изба совсем не с краю; моя хата с краю, больше ничего знать не знаю; ничего не знаю, моя хата с краю* и др.), определить, какая речевая установка лежит в основе употребления паремиологической единицы в тексте (для анализируемой единицы это прежде всего функции осуждения и самооправдания), решить другие более частные задачи. Таким образом, использование корпусных методов позволяет проводить исследование паремиологических единиц, которое основано на большом количестве реальных контекстов и дает возможность учитывать то, в какой речевой ситуации они были созданы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Захаров, В. П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
- 2 Селиверстова, Е. И. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е. И. Селиверстова // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 135–142.
- 3 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru – Дата доступа: 05.09.2011.
- 4 Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
- 5 Даниленко, Л. П. Интертекстуальные реляции паремий / Л. П. Даниленко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 47–51.
- 6 Николаева, Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т. М. Николаева // Малые жанры фольклора: сб. ст. памяти Г. Л. Пермякова. – М., 1995. – С. 311–324.

УДК 81'373.2:398.9:821.161.3-93

М. М. Дзядок

ОНИМЫ Ё СКЛАДЗЕ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У ТВОРАХ БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ ДЛІ ДЗІЦЕЙ

Аналізуюцца структурна-семантычныя асаблівасці фразеалагізмаў, у склад якіх уваходзяць паэтонімы – кампаненты-імёны ўласныя, на прыкладзе твораў беларускай дзіцячай літаратуры. Выяўляюцца тыпы фразеалагічных адзінак у залежнасці ад характару кампанентаў-онімаў. Вызначаецца роля разглядаемых фразеалагізмаў у далучэнні дзіцей да культуры беларускага народа.

У артыкуле зроблена спроба прааналізаваць структурна-семантычныя асаблівасці фразеалагізмаў, у склад якіх уваходзяць паэтонімы (любых ўласных імёны ў мастацкім тэксе). Намі прааналізаваны некаторыя творы для дзяцей З. Бядулі, Я. Коласа, У. Караткевіча, В. Віткі. Крыніцай тлумачэння часткі фразеалагізмаў паслужыў “Слоўнік фразеалагізмаў” у двух тамах І. Я. Лепешава [Леп. I, II].

Фразеалагізмы перадаюць нацыянальную спецыфіку беларускай мовы, яе самабытнасць і разам з тым універсальнасць. У мовазнаўстве навукоўцамі засведчана, што адзінкі такога тыпу ўяўляюць вельмі складаную з’яву, адлюстроўваюць спосаб жыцця і характар народа, яго гісторыю, духоўнае жыццё і псіхалогію, нацыянальныя традыцыі і звычаі, этнічны побыт, тэмперамент народа. Правільна і да месца ўжыты фразеалагізм надае мове непаўторную асаблівасць, адметную выразнасць, трапнасць, вобразнасць. Вядома, вывучэнне фразеалогіі з’яўляецца важнай і неад’емнай часткай не толькі ў засваенні мовы твораў пэўнага пісьменніка, а і ў вывучэнні мовы мастацкай літаратуры ў цэлым [1, с. 3]. Сучасная лінгвістыка дасканала вывучае гісторыю ўзнікнення гэтых адзінак, сувязь з грамадствам, светапоглядамі, павер’ямі людзей з акаляючым асяроддзем. Вывучэннем фразеалагізмаў з кампанентам онімам займаліся С. А. Атанасава (параўнала семантыку і структуру фразеалагізмаў, якія змяшчаюць у сваім складзе ўласнае імя або яго дэрываты) [2], В. П. Трайкоўская (прасачыла стылістычнае выкарыстанне фразем з кампанентамі заонімамі ў творах Я. Коласа) [3], В. А. Ляшчынская, М. У. Буракова (падрабязна разгледзелі ўласныя імёны як кампаненты фразеалагізмаў і прасачылі вытокі іх ўзнікнення) [4, с. 73–105]. Але асобнае даследаванне фразеалагічных адзінак з кампанентам онімам на матэрыяле беларускіх мастацкіх твораў для дзяцей не праводзілася.

У малодшым школьным узросце складваецца асноўнае ядро слоўніка [5, с. 5], таму неабходнай з’яўляецца магчымасць засваення дзіцём усяго багацця роднай мовы, што адбываецца ў тым ліку і праз знаёмства з творамі розных жанраў мастацкай літаратуры для дзяцей. Даследчыкі дзіцячай мовы адзначаюць вялікую цікавасць дзяцей да фразеалагізмаў, падкрэсліваюць іх дабратворнае ўздзеянне на моўнае і агульнае развіццё дзіцяці. Ва ўстойлівых зваротах іх прыцягвае незвычайнае спалучэнне слоў, яркасць гучання [5, с. 10]. Фразеалагічныя адзінкі, ужытыя пісьменнікам у мастацкіх творах для дзяцей, маюць асаблівую значнасць, бо знаёмяць маленькага чытача з сакавітай народнай мовай і дэманструюць, майстэрства пісьменніка, магчымасці беларускага слова. Я. Колас і У. Караткевіч шырока ўжываюць фразеалагізмы ў сваіх творах для дзяцей: *абрус кужэльны, знікаць з воч, вабіць вока, ніці з хмарных кросен, задаць пытлю* і інш. [К-с. “Рак-вусач”]; *на ўсе лады, з першага погляду, сэрца зашчымела, чуб трашчыць, хоць ты што* і інш. [К-с. “Сірата Юрка”]; *задаць ла-та-та* [К-с. “Дзед і мядзведзь”]; *адбіваць паклоны, даць чосу, варон страляць* і інш. [К-с. “Міхасёвы прыгоды”]; *сем пятніц на тыдні* [К-с. “Адзінокае дрэва”]; *за свет, як нажом адрэзала, як цуцык пад залевай* [Каратк. “Чортаў скарб”] і інш.), якія “генетычна звязаны са сферай народнай духоўнай культуры” [6, с. 41]. З. Бядуля ў межах аднаго толькі апавядання “Летапісцы” выкарыстаў вялікую колькасць фразеалагізмаў: *вочы казельць, як бы хрэну налыпаўся, з козамі на торг, якога поля ягадка, якога гнязда птушка* і інш.). У склад некаторых такіх адзінак уваходзяць антрапонімы: як *Халімон за бога; абадраць як Сідараву казу; не па Юрку шапка; які чорт Хомка, такая і яго жонка* і т.п. Такія адзінкі робяць мову вобразнай і натуральнай, паказваюць дзіцяці багацце і “музыку” народнага слова. “Пры дапамозе іх пісьменнік стварае мастацкія вобразы, маляўніча характарызуе, аздабляе мову персанажаў і ўсяго твора, робіць яе больш выразнай і даходлівай” [3, с. 176].

Даследчыкі выдзяляюць тры асноўныя структурныя тыпы фразеалагізмаў: а) фразеалагізмы са структурай словазлучэння; б) фразеалагізмы са структурай

спалучэння слоў; в) фразеалагізмы са структурай сказа. У прааналізаваных намі творах для дзяцей вылучана два тыпы: 1) фразеалагізмы, якія маюць граматычную структуру словазлучэння (*каінавы душы, Чортаў камень і інш.*); 2) фразеалагізмы, якія маюць граматычную структуру сказа (*паехаў да Абрама на піва, адзін бог ведае, Андрэй Кузьме родны Хведар, святы Ілья нарабіў гнілля*).

У аснове вобразнага зместу некаторых фразеалагізмаў ляжыць параўнанне. Такія адзінкі маюць форму даданай часткі складанага сказа са злучнікамі ці злучальнымі словам: *як з перуна, як сідараву казу, як Піліп з кананель, як Халімон за бога і інш.*

У залежнасці ад онімаў, ужытых у складзе фразеалагізма, адзінкі можна падзяліць на наступныя разрады:

1) фразеалагізмы з кампанентамі-антрапонімамі: а) характэрнымі беларускаму нацыянальнаму іменніку: **як Халімон за бога** ('сур'ёзна, грунтоўна брацца за справу': – *Ну, а цяпер, каток ты мой, – казаў дзед да Андрэйкі, – аддасі мне свіццёлачку на той час, пакуль ліст напішаеш, а пасля я табе вярну. Бярыся, як Халімон за бога, казаў той!* [Бяд. "Летапісцы"]); **Андрэй Кузьме родны Хведар** ('той, хто важнічае, хваліцца блізкасцю ці сваяцтвам з нераўнёй': [Малы] *расце сабе, у вус не дзьме, наказ шануе дзед: на Случчыне Андрэй Кузьме – заўсёды родны Хведар.* [Леп. I, с. 87]); **не па Юрку шапка** ('зусім немагчыма, вельмі цяжка (рабіць што-небудзь)': [Дед Мірон] *Што мне рабіць? Хіба торбу надзець і пайсці жабраваць? Не па Юрку шапка, казаў той... Ды торбы не маю...* [Бяд. "Летапісцы"]); **як Сідараву казу** ('вельмі жорстка, бязлітасна' (абадраць): – *Згроб чорта ў ахапак, сцягнуў з прыпечка і давай яго мяць, давай яго прасаваць, давай яго лапамі валтузіць ды калашмаціць, давай абходжваць, лупцаваць, малаціць ды дубасіць, давай яго за рогі круціць як сідараву казу ды дзерці смяротным боем* [Каратк. "Чортаў скарб"]; *А Мікіцёнак учора каня купіў у Даўгінаве, але кульгавы... Мікіцёнак усунуў сорок рублёў цыгану, чорту лысаму. Абадралі, як Сідараву казу* [Бяд. "Летапісцы"]); **як Піліп з кананель** ('нечакана, хутка, знянацку': *Выскачыў журавель, / Як Піліп з кананель, / Напалохаў жабку, / Адтантаў ёй лапку* [К-с. "Рак-вусач"]);

б) антрапонімы тэанімічнага і міфічнага паходжання: **каінавы душы** (ужываецца як лаянкавы выраз на тых, хто перашкаджае чаму-н. 'падобны да злачынцы': *За вамі не паспелі / Ні гарох, ні грушы... / А каб вы папруцянелі, / Каінавы душы!* [К-с. "Грушы-сапяжанкі"]); **паехаў да Абрама на піва** ('памёр': *Сёмка Халімона Бурага на вечарыны гэтак галаву пабіў, што праз тры дні паехаў да Абрама на піва* [Бяд. "Летапісцы"]); **як з перуна** ('хутка, імгненна': *І кажэ сом: "Заклікаць гаруна! / Шчупак пазавіхайся!" / – У момант я спялю, як за перуна! / А ты, карась, трымайся!* [К-с. "Рак-вусач"]);

2) з кампанентамі-міфонімамі, ужытымі ў беларускім фальклоры: **Чортаў камень** (буйны валун, аб якім складзена многа легенд: *Змянялася нават само аблічча Зямлі: лясы змяняліся палямі, на палях зноў раслі дрэвы; толькі Чортаў камень ляжаў і ляжаў такі ж вялікі, такі ж маўклівы, дзікі, непрытульны, абросшы густым мохам* [К-с. "Чортаў камень"]); **Мароз Сіні нос, Мароз Чырвоны нос** ('моцная сцюжа, вельмі халоднае надвор'е'. Нацыянальна-спецыфічная фразеалагічная адзінка, якая ўзнікла на моўным матэрыяле народных казак. *Гулялі на полі два маразы, два родныя браты: Мароз – Сіні нос і Мароз Чырвоны нос* [К-с. "Два маразы"]). Дарэчы, у казцы вобраз мароза персаніфікаваны і звязаны з народнай міфалогіяй. Ва ўяўленні беларусаў "мароз" – сівы старэнькі мужчына з сінім або чырвоным носам, галава якога пакрыта белым інеем. Каб дзед не злаваўся, існуе звычай запрашаць яго на калядную куццю [7]. Я. Колас у казцы апавядае малым чытачам, чаму мароз сярдзіты на селяніна, расказвае як два вясёлыя гарэзы маразы сваволілі: – *Стоі жэ, брат, – казаў Мароз Чырвоны нос. – Пабяжым жэ мы на дарогу ў поле... Ты пабяжы за мужыком, а я за панам паганюся* [К-с. "Два маразы"].

Своеасаблівым мастацкім прыёмам з'яўляецца аўтарскае абнаўленне фразеалагізма ў кантэксте твора. Так, каб ажывіць вобразны сэнс фразеалагізма *каінавы душы*, надаць яму мастацкую выразнасць, Я. Колас у апавяданні “Грушы-сапяжанкі” замяняе ў лексічным складзе фразеалагізма *каінава пячаць* (у І. Я. Лепешава – ‘след злачыннасці’) [Леп. II, с. 289] назоўнік *пячаць* на лексічную адзінку ў форме множнага ліку – *душы*. Выраз *Каінавы душы* набывае значэнне ‘падобны да злачынцы’: *За вамі не настелі / Ні гарох, ні грушы... / А каб вы папруцянелі, / Каінавы душы!* [К-с. “Грушы-сапяжанкі”]. Выбар фразеалагізма можна растлумачыць гукавым, афармленнем, сугучнасцю з моўнымі сродкамі вершаванага твора: *грушы – душы* (дакладная перакрываючая рыфма). Крыніцай ўзнікнення стала Біблія. Кампанентам фразеалагізма выступае вытворны ад уласнага імені прыметнік: *каінавы* ← *Каін*. Паводле біблейскага падання, гэта быў сын *Адама*, які з зайздрасці ў час ахвяравання забіў свайго брата *Авеля*. “Гэта імя абазначае чалавека, які здзейсніў цяжкае злачынства” [4, с. 89]. Я. Колас з мяккім гумарам паказаў у творы эпізод, калі дзеці лазілі ў суседскія грушы.

Фразеалагічныя адзінкі спрыяюць утрыманню ўвагі маленькага чытача, выклікаюць зацікаўленасць творам. Так, фразеалагізм *Чортаў камень* у аднаіменным апавяданні Я. Коласа стварае пачуццё таямнічасці: *Змянялася нават само аблічча Зямлі: лясы змяняліся палямі, на палях зноў раслі дрэвы; толькі Чортаў камень ляжаў і ляжаў такі ж вялікі, такі ж маўклівы, дзікі, непрытульны, абросшы густым мохам* [К-с. “Чортаў камень”], што захапляе дзіця, абуджае фантазію, выклікае багатыя асацыяцыі.

На жаль межы дадзенага артыкула не дазваляюць падрабязна разгледзець ужыванне кожнага фразеалагізма асобна, што з'яўляецца значным пры аналізе майстэрства пісьменніка, якое праяўляецца ў стварэнні мастацкіх вобразаў, і выяўленні этнакультурнай інфармацыі, закладзенай ў оніме. Дадзеная акалічнасць будзе адлюстравана ў межах асобнага артыкула.

Такім чынам, онімы ў складзе фразеалагічных адзінак у прааналізаваных творах для дзяцей складаюць дзве групы: 1) фразеалагізмы з кампанентамі антрапонімамі, характэрнымі беларускаму нацыянальнаму іменніку і з антрапонімамі тэанімічнага і міфічнага паходжання; 2) фразеалагізмы з кампанентамі міфонімамі, ужытымі ў беларускім фальклоры. Такія адзінкі выклікаюць цікавасць да твора, абуджаюць фантазію, выклікаюць багатыя асацыяцыі, знаёмяць з беларускім нацыянальным антрапаніміконам, спрыяюць далучэнню дзіцяці да агульнамоўнай культуры народа.

УМОЎНЫЯ СКАРАЧЭННІ

Бяд. – Бядуля, З. Дзень добры! Вершы, казкі, апавяданні / З. Бядуля. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 160 с.

Каратк. – Караткевіч, У. С. Чортаў скарб // Лебядзіны скіт: казкі / Уладзімір Караткевіч; маст. Мікола Купава. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 110 с.

К-с – Колас, Я. Збор твораў у 14 тамах / Я. Колас. – Мінск: Маст. літ., 1974. – Т. 1–14. – 624 с.

Леп. – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Т. 1–2. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: Звыш 6000 слоўн. арт. / уклад. А. С. Аксамітаў і інш.; пад. рэд. А. С. Аксамітава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.

2 Атанасова, С. А. Онимы и их дериваты в составе русских и болгарских фразеологических единиц / С. А. Атанасова // Проблемы когнитивного и функционального

описания русского и болгарского языков. Вып. 2. / под ред. Д. Митева, А. Николовой. – Шумен: Университетское “Епископ Константин Преславски”, 2003. – [Электронный ресурс: www.russian.slavica.org/article1012.html].

3 Трайкоўская, В. П. Стылістычная характарыстыка фразеалагізмаў з заонімамі ў творах Я. Коласа / В. П. Трайкоўская // Фальклор і сучасная культура: Матэрыялы міжнароднай навук.-практычнай канферэнцыі. Ч. 1 (22–23 красавіка 2008 г., г. Мінск). – Мінск, 2008. – С. 176–177.

4 Буракова, М. У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія: вучэб.-метада. дапам. / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск: РІВШ, 2011. – 166 с.

5 Митькина, И. Н. Особенности овладения фразеологизмами детьми седьмого года жизни: Дис. канд. пед. наук: 13.00.07 / И. Н. Митькина. – Москва, 2001. – 173 с.

6 Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: монография / В. И. Коваль; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.

7 Міфы Бацькаўшчыны: Літаратурна-мастацкае выданне / уклад. У. Васілевіч. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – [Электроннае выданне]: <http://slounik.org/e/16>.

УДК 398.92:82-821 Гоголь

Л. П. Дядечко, Ю. Ф. Прадід

ГОГОЛІВСЬКІ КРИЛАТІ СЛОВА І ЗВОРОТИ В ЕПТОГРАФІЧНИХ ЗБІРКАХ (Історія та сучасність)

Приводятся сведения об основных лексикографических источниках, содержащих «крылатые слова», автором которых является Н. В. Гоголь. Излагаются принципы отбора материала при составлении русско-украинского и украинско-русского словаря «250 крылатых слов и оборотов Н.В. Гоголя». Уточняется понятие «потенциально крылатые единицы».

Творчість М. В. Гоголя, без сумніву, мала великий вплив на розвиток мовних ресурсів російської літературної мови у другій половині XIX ст. Окремі слова і звороти з творів М. В. Гоголя одразу ставали крилатими. Так, уже в 1883 р. у «Сборнике замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времён и народов с историческим и сравнительным объяснением» І. І. Реднікова [16] – першому в Росії спеціальному довіднику – зафіксовано понад півсотні крилатих гоголівських зворотів та імен персонажів (в основному з «Ревізора» і «Мертвих душ»).

У російській лексикографії слідом за книгою І. І. Реднікова етапними стали:

– видання М. І. Міхельсона [13, 14], у яких автор витлумачив понад 70 гоголівських зворотів, із них більше половини вперше;

– енциклопедія С. Г. Займовського «Крылатое слово» [8], автор якої включив 26 не зафіксованих раніше зворотів із творів письменника;

– посібник З. Овсяннікова [15], який чимало уваги приділив іменам літературних персонажів і вперше представив такі гоголівські оніми, як, наприклад, *Ляпкин-Тяпкин*, *Подколёсин*, *Чичиков*;

– спеціалізований збірник М. С. та М. Г. Ашукіних [1, 2, 3, 4], який починаючи з середини 50-х років XX ст. до початку XXI ст. вважався найавторитетнішим у науковому світі та який найбільш повно відображав корпус одиниць із «печаткою авторства» в російській мові, у т. ч. і тих, що належать М. В. Гоголю, близько десятка з яких були відсутні в попередніх працях;

– «Большой словарь крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокієнка і С. Г. Шулежкової [5, 6], який відкриває у своєму жанрі новий напрям робіт академічного типу й уміщує всю необхідну, з погляду сучасної лексикографії, лінгвістичну характеристику крилатих одиниць, серед яких 75 гоголівських;

– і, нарешті, спеціально присвячений описанню крилатих слів і зворотів М. В. Гоголя довідник В. В. Прозорова [11, 12], де автор фіксує понад 60 нових із погляду «презупції новизни» висловів письменника, частина з яких, правда, визнається лише потенційно крилатими.

В українській лексикографії єдиним словником крилатих слів і зворотів майже півстоліття залишається праця А. П. Коваль і В. В. Коптілова «Крилаті вислови в українській літературній мові» [10], у якій фіксується 21 гоголізм.

Якщо не враховувати реєстрацію трьох гоголівських зворотів Л. П. Дядечко у словникових матеріалах «Новое в русской и украинской речи» [7], то перегляд їх складу в українській мові не здійснювався понад 30 років.

Всі ці міркування дозволяють зробити висновок, що навіть раніше зафіксовані лексикографами гоголівські крилаті слова і звороти вимагають, в одному випадку, більш точної атрибуції, у другому – аргументації їхнього статусу шляхом підбору додаткових прикладів, а в третьому – і їхнього тлумачення, розкриття акцентологічних і граматичних властивостей, меж формально-змістового варіювання, уточнення особливостей функціонування в російській та українській мовах.

Отже, ініціювання створення лексикографічного проекту «250 крилатих слів і зворотів М. В. Гоголя (російсько-український та українсько-російський тлумачний словник)» [8] має об'єктивні підстави. Окрім того, на тлі, з одного боку, жанру перекладних словників крилатих слів і зворотів, що активно розвивається в сучасній славістиці, з іншого – актуальних для сьогодення видань російсько-українських та українсько-російських словників різних типів, відсутність у вітчизняній лексикографії перекладного словника крилатих слів і зворотів узагалі та з печаткою авторства М. В. Гоголя зокрема відчувається особливо гостро.

Розпочавши виконання задуманого, упорядники, знаючи в загальних рисах, яка велика увага крилатим словам і зворотам сатирика приділялася лексикографами, були, однак, здивовані й захоплені справжніми розмірами цього вкладу і водночас поставлені перед необхідністю розв'язання низки питань прикладного і теоретичного характеру.

Труднощі виникли вже на етапі формування словника, коли виявилось неможливим просте зведення описаних у наявних словниках крилатих слів і зворотів гоголівських висловів через різне розуміння авторами цих праць самого поняття, мищо дало назву лексикографічному жанру.

Укладачі переконані, що на відміну від прямих і непрямих цитат крилаті звороти мають власну семантику, яка не збігається з тією, що була в їх текстових прототипах, а в кількісному відношенні відтворюваність таких мовних одиниць має бути регулярною, що в сучасній лексикографічній практиці підтверджується фіксацією в контекстах, кількість яких варіюється в різних словниках від 3 до 10.

Самостійність крилатих висловів, утрата ними безпосередньо цитатних ознак визначалася за розвитком у зворотів власного значення і стабілізації в них компонентного складу, що не виключає варіантності, яка, навпаки, підкреслює високий ступінь освоеності мовою, виступаючи результатом, з одного боку, активного використання в мові, а з іншого – тиску мовної системи.

Ептонімічність, або «крилатість», утворень, які походять із гоголівських текстів, розуміється авторами словника насамперед як асоціативна співвіднесеність із першоджерелом у свідомості носіїв російської та української мов. Слова і звороти з творів М. В. Гоголя визнавалися крилатими лише за умови, що ці одиниці фіксувалися в контекстах як звичайні цитати з прямим або непрямим посиланням на джерело.

Відсутність таких указівок засвідчує забуття народом їх походження, стирання «печатки авторства» і, як результат, перетворення їх у звичайні, «безіменні» слова і звороти.

Таким чином, у російській ептографії майже 90 гоголізмів вперше здобули словникове описання, в українській – понад 100, що в 5 разів перевищує кількість зафіксованих раніше. При цьому зрозуміло, що якщо в російсько-українській частині всі 250 одиниць виступають крилатими у прийнятому авторами розумінні, то в українсько-російській – лише половина, інша ж – може бути визнана для української мови лише потенційно крилатою, а отже, наведена в словнику як довідковий матеріал.

До потенційно крилатих одиниць, на нашу думку, належать такі, що пройшли початковий етап засвоєння українською лінгвокультурою, оскільки вони, по-перше, фіксуються в перекладах російської класики або сучасної періодики (в Україні є кілька двомовних газет, що видаються російською та українською мовами); по-друге, наявні в українських оригінальних текстах, але їх використання не набуло масового характеру. Відрізнити такі звороти від власне крилатих не становитиме труднощів для читача: в українсько-російській частині в таких статтях відсутні тлумачення, а ілюстрації, якщо і є, то не більше одного-двох прикладів.

Пропонований словник побудований на основі створеної упорядниками картотеки крилатих слів і зворотів, маркованих гоголівським авторством, дібраних із художньої літератури, сучасної періодики, фрагментів записів розмов, телепередач тощо.

Двоєдина мета словника, перекладного і тлумачного, а також багатоаспектність та обсяг матеріалу зумовили новаторський характер видання. Серед перекладних словників крилатих слів і зворотів – це перший двосторонній перекладний словник і перший перекладний письменницький словник, серед російсько-українських й українсько-російських словників – це перший російсько-український і українсько-російський словник крилатих слів і зворотів. Тому, сподіваємося, наш словник стане надійним помічником перекладачам і журналістам, ученим і письменникам, викладачам і студентам, усім пошанувачам російської й української словесності.

Словник за характером виконання є динамічним, надає можливість спостерігати життя кожного імені гоголівського персонажа, яке стало крилатим, і кожного вилученого з гоголівського тексту вислову на прикладах, що у великій кількості представлені в словникових статтях і що відображають гру нинішнього і минулих поколінь зі словом великого сатирика, за узуальними, закріпленими в мові, і оказіональними, контекстуальними похідними, що з'являються як наслідок цієї гри.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / М. Г. Ашукина. – М., 1955.
- 2 Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Аукшин, М. Г. Ашукина. – 2-е изд., доп. – М., 1960.
- 3 Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Аукшин, М. Г. Ашукина. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1966.
- 4 Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Аукшин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М., 1987.
- 5 Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова. – М., 2000.
- 6 Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова; под ред. С. Г. Шулержковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 1–2. – Магнитогорск; Greifswald, 2008–2009.
- 7 Дядечко, Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (матеріали для словаря). Уч. посібник: в 4 частих. Л. П. Дядечко // – К., 2001–2003.

8 Дядечко, Л. П. 250 крылатых слов и выражений Н. В. Гоголя (русско-украинский толковый словарь) / Л. П. Дядечко, О. В. Петренко, Ю. Ф. Прадид // 250 крилатих слів і зворотів М. В. Гоголя (українсько-російський тлумачний словник). – Сімферополь, 2011.

9 Займовский, С. Г. Крылатые слова: Справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М.; Л., 1930.

10 Коваль, А. П. Крилаті вислови в українській літературній мові / А. П. Коваль, В. В. Коптілов. – 2-е вид., перероб. і доп. – К., 1975.

11 Крылатые слова и выражения из сочинений Н. В. Гоголя / сост. и авт. предисл. В. В. Прозоров. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/node/18878>.

12 Крылатые слова и выражения из сочинений Н. В. Гоголя: Словарь-справочник любителям русского слова / сост. и авт. предисл. В. В. Прозоров. – Саратов, 2005.

13 Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова: сб. русских и иностранных цитат, поговорок, пословиц, поговорок, пословицных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – 2-е изд. – СПб., 1896.

14 Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое / М. И. Михельсон // Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – СПб., 1902–1903.

15 Овсянников, В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии / В. З. Овсянников. – М., 1933.

16 Редников, И. И. Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением / И. И. Редников. – Вятка, 1883.

УДК 81'37:398.91

І. С. Канавалава

СТРУКТУРНА-СЕМАНТИЧНІЯ ТРАНСФАРМАЦІЯ ПРЫКАЗАК ЯК СРОДАК ВЫРАЖЭННЯ КАМІЧНАГА Ў АНТЫПРЫКАЗКАХ

Разглядаюцца спосабы структурна-семантычнай трансфармацыі прыказак я сродак стварэння камічнага эфекту ў так званых антыпрыказках: субстытуцыя розных відаў і ўстаўка новых кампанентаў. Адзначаецца актыўнасць паранамастычнага, антанімічнага і полісемантычнага каламбура ў працэсе стварэння антыпрыказак, а таксама розныя прыёмы ўвядзення зыходнай прыказкі ў стандартны кантэкст.

Спосабы пераўтварэння прыказак з мэтай стварэння камічнага ў мове беларускай мастацкай літаратуры былі грунтоўна даследаваны І. Я. Лепешавым і М. А. Якалцэвіч [2], а ў мове беларускай драматургіі В. І. Рагаўцовым [3].

Трансфармацыя прыказак з мэтай стварэння антыпрыказак – камічных, парадыйных адзінак, мае свае асаблівасці. Для ўтварэння антыпрыказак характэрны спецыфічныя спосабы і прыёмы. Найбольш прадуктыўнымі спосабамі пераўтварэння зыходных адзінак з'яўляюцца: трансфармацыі на лексічным, фанетычным і сінтаксічным ўзроўнях, далучэнне да зыходнай адзінкі новага тэксту з мэтай яе жартаўлівага, іранічнага каментарыя, увядзенне парэміялагічнай адзінкі (або яе трансфармаванай формы) ў стандартны кантэкст велерызма і аўтарызаваны кантэкст, кантамінацыя зыходных тэкстаў. Асноўнымі прыёмамі з'яўляюцца: субстытуцыя розных відаў, устаўка новага кампанента або новай прэдыкатыўнай часткі ў зыходны тэкст.

1 Рознаўзроўневыя трансфармацыі – субстытуцыя і ўстаўка кампанентаў зыходнай прыказкі.

1.1 Субстытуцыя. Асноўным маўленчым сродкам стварэння камічнага эфекту шляхам рознаўзроўневай трансфармацыі прыказак з мэтай стварэння антыпрыказак з'яўляецца субстытуцыя.

1.1.1 Субстытуцыі аднаго кампанента або групы кампанентаў. Большая частка антыпрыказак, утвораных шляхам субстытуцыі (лексічнай ці фанетычнай), пабудавана на моўнай гульні, у аснове якой ляжыць стварэнне лексічнага каламбура. На падставе розных лексічных сродкаў (полісемантаў, паронімаў, амонімаў, антонімаў) ўтвараюцца полісемантычныя паранамастычныя, аманімічныя і антанімічныя каламбуры.

1.1.1.1 Паранамастычны каламбур. Адметным стылістычным прыёмам для пабудовы паранамастычных каламбураў з'яўляецца паранамазія – супастаўленне роднасных (аднакаранёвых) і няроднасных (рознакаранёвых) слоў, гукавое падабенства ў якіх зусім выпадковае [3, с. 19].

Для беларускіх антыпрыказак характэрны наступныя віды паранамазіі: імпліцытная, экспліцытная, змешаная.

1. Паранамазія экспліцытная – абодва паранамастычныя кампаненты прысутнічаюць у тэксце. Выбар пераменнага лексічнага кампанента паранамастычнай пары пры ўтварэнні антыпрыказкі ў такіх выпадках абумоўлены фанетычным падабенствам аднаго з непераменных лексічных кампанентаў зыходнай прыказкі: *Не кажы **гон**, пакуль не **гоннешся** ← Не кажы **гон**, пакуль не пераскочыў (не пераскочыш).*

Пры экспліцытнай паранамазіі пераменныя і непераменныя кампаненты, якія выражаны аднакаранёвымі словамі, могуць адрознівацца формамі роду (*Або **пан**, або **пані** ← Або **пан**, або **прапаў***), формамі роду і склону (*У **гарбатага** і **магіла гарбатыя** ← **Гарбатага магіла выправіць***), быць з суфіксамі і без суфіксаў (*Не **сорам маўчаць**, калі **сорамна сказаць** ← Не **сорам маўчаць**, калі **нечага сказаць***), быць з прэфіксамі і без прэфіксаў, але з рознымі суфіксамі (***Спазніцца ніколі не позна** ← **Вучыцца ніколі не позна***), быць з прэфіксамі і без прэфіксаў, з суфіксамі і без суфіксаў (***Хто шукае, той і ашукваецца** ← **Хто шукае, той знаходзіць***).

2. Паранамазія імпліцытная – адзін з кампанентаў паранамастычнай пары непасрэдна прысутнічае ў тэксце, а другі падразумяецца: *Пазнаюць птушку на **памёце** ← Пазнаюць птушку на **палёце**.* Пры такой трансфармацыі наўмыснае збліжэнне сугучных лексем, сходных звонку, але семантычна розных, утвараюць нерэальную, часам абсурдную, камічную сітуацыю. Субстытуцыя на фанетычным узроўні, заснаваная на імпліцытнай паранамазіі садзейнічае ўтварэнню каламбура.

3. Паранамазія змешаная – адначасовае выкарыстанне двух відаў паранамазіі: імпліцытнай і экспліцытнай: *Лепш **пагана ехаць**, чым **паганкі есці** ← Лепш (**лепей**) **дрэнна ехаць**, чым **добра ісці**.* Замена *пагана* → *паганкі* – прыклад экспліцытнай паранамазіі, замена *ісці* → *есці* – імпліцытнай.

У беларускіх антыпрыказках для ўтварэння камічнага эфекту ў якасці пераменных кампанентаў выкарыстоўваюцца аднакаранёвыя і рознакаранёвыя словы, выражаныя рознымі граматычнымі формамі слоў, і словамі розных лексічна-граматычных разрадаў.

Субстытуцыя пераменнага кампанента на аснове фанетычнай сугучнасці можа адбывацца двума спосабамі: словамі адной часціны мовы (***Клан кланам выбіваюць** ← **Клін клінам выбіваюць*** – замена назоўніка назоўнікам), словамі розных часцін мовы (*Ці **пан**, ці **пралетарый** ← **Пан** ці **прапаў*** – замена дзеяслова назоўнікам).

1.1.1.2 Антанімічны каламбур. Адметным стылістычным прыёмам для пабудовы антанімічных каламбураў з'яўляецца выкарыстанне ў якасці пераменных кампанентаў антонімаў (узуальных і аказіянальных), што садзейнічае стварэнню камічнага эфекту. Усяго 35 (5,2 %) беларускіх антыпрыказак утвораны пры дапамозе замены кампанента зыходнай прыказкі на антанімічны кампанент.

Пры ўтварэнні антыпрыказак замяняцца на антанімічныя могуць наступныя кампаненты зыходных прыказак (паводле памяншэння ступені прадуктыўнасці):

а) дзеясловы: *Клін клінам **заганяюць** ← Клін клінам выбіваюць (**выганяюць**); **Крывое дрэва не скрывіш** ← **Крывое дрэва не выпрастаеш**; **Куранят па восені страляюць** ← **Куранят увосень (восенню) лічаць**;*

б) назоўнікі: *Муж і жонка – адна сатана. А калі жонка – анёл?* ← *Муж і жана – адна сатана* (лакалізацыя антонімаў *анёл – сатана* ў розных рэпліках);

в) прыметнікі: *Добраму спеваку “фанера” не перашкаджае* ← *Дрэннаму танцору заўсёды што-небудзь перашкаджае*; *У здаровым целе – нездаровы дух...* ← *У здаровым целе – здаровы дух*;

г) прыслоўі: *Лепш дрэнна ехаць, чым дрэнна ісці* ← *Лепш (лепей) дрэнна ехаць, чым добра ісці*;

д) займеннікі: *Язык мой – вораг твой* ← *Язык мой – вораг мой*; *Як вы нам, так і мы ім* *Як вы нам, так і мы вам*.

1.1.1.3 Полісемантычныя каламбуры. Полісемантычныя каламбуры ўтвараюцца пры наўмысным і нечаканым сутыкненні (абыгрыванні) у кантэксце розных значэнняў полісемантаў (прамых, прамых і пераносных, агульнаўжывальных і абмежаванага выкарыстання, узуальных і аказіянальных) [3, с. 12].

Кантралёрам: не ганіцеся за двума зайцамі ← *За двума зайцамі пагонішся, ніводнага (ні аднаго) не зловіш*. Камічны эфект ствараецца за кошт абыгрывання розных значэнняў полісеманта *заяц*: у прыказцы рэалізуецца значэнне “жывёла”, а ў антыпрыказцы – “безбілетны пасажыр”.

1.1.2 Субстытуцыя часткі выказвання. Многія прыказкі маюць бінарную структуру. Пры ўтварэнні на іх аснове антыпрыказак першая частка парэміі захоўваецца нязменнай, а другая запаўняецца новым матэрыялам. У выніку ўзнікае эфект падманутага чакання: пачатак прыказкі прадказвае яе канцоўку, а яна аказваецца зусім іншай, нечаканай. Назіраецца кантраст паміж чаканнямі суб’екта, заснаванымі на яго веданні прыказак (якія абавязкова павінны агульнавядомымі, уваходзіць у парэміялагічны мінімум сучаснай беларускай мовы), і тым, што ён сустракае. Дарэчы, менавіта па такому прынцыпу ствараецца большасць моўных жартаў. Новая (другая) частка прыказкі, па-першае, абавязкова не сінанімічная зыходнай (першай), па-другое, з’яўляецца ў адносінах да яе парадаксальнай, нечаканым вывадам, што і стварае камічны эфект: *Баба з воза – конь за ёю* ← *Баба з воза – каню (кабыле) лягчэй*.

Замена другой часткі прыказкі можа прыводзіць да асмяяння зместу канкрэтнай прыказкі: *Беражонага каня і звер беражліва з’есць* ← *Беражонага <i>бог беражэ*.

1.2 Устаўка кампанентаў зыходнай прыказкі менш прадуктыўны спосаб стварэння камічнага эфекту, чым субстытуцыя.

1.2.1 Устаўка лексічнага кампанента: *Мілья сварацца – толькі суседзі цешацца* ← *Мілья сварацца – толькі цешацца* (устаўка назоўнікавага кампанента ў сярэдзіне сказа стварае камічную сітуацыю на аснове разумення зыходнай прыказкі ў яе прамым значэнні); *Смеласць гарады бярэ і... халадзільнікі* ← *Смеласць (храбрасць, адвага) гарады бярэ* (устаўка назоўнікавага кампанента ў канцы сказа стварае парадокс, які ўспрымаецца камічна на аснове алагізму). *Той свет не без добрых людзей* ← *Свет не без добрых людзей* (устаўка займеннікавага кампанента ў пачатку сказа).

1.2.2 Устаўка прэдыкатыўнай часткі: *Гусь свінні не таварыш... накуль не апарыш* ці *Камп’ютэр камп’ютэру не таварыш, а вірусаносьбіт* ← *Гусь свінні не таварыш* (выражэнне камічнага тут заснавана на акратэзе).

2 Далучэнне новага тэксту да зыходнай адзінкі з мэтай іранічнага або жартаўлівага каментарыя зместу прыказкі часта адбываецца ў форме парады: *Адна галава – добра, а дзве – яшчэ лепш. Абы сядзець на чужой шыі* ← *Адна галава добра, а дзве <яшчэ> лепш (лепей)*.

3 Увядзенне ў стандартны кантэкст размяжоўваецца на ўвядзенне зыходнай прыказкі ў кантэкст велерызма і яе ўвядзенне ў аўтарызаваны кантэкст.

3.1 Увядзенне парэміялагічнай адзінкі ў стандартны кантэкст велерызма. Крыніца камічнага ў велерызмах – эфект падманутага чакання, які выклікаецца незвычайнасцю прычынна-выніковых сувязей паміж выказваннем і сітуацыяй, якая яго актуалізуе. “Эта

необычная связь в велеризмах клиширована, она носит неречевой характер, она обязательна, ее не создают условия узуса, наоборот, употребление, узус, выбор подходящей ситуации зависят уже от этой связи” [1, с. 276]: – *Беражонага і бог беражэ, – сказаў бацюшка, застрахаваўшы сваё жыццё* ← *Беражонага <i> бог беражэ.*

3.2 Увядзенне парэміялагічнай адзінкі ў аўтарызаваны кантэкст. Увядзенне вядомай прыказкі (у тым ліку і ў перафразаванай форме) у аўтарызаваны кантэкст выклікае дадатковыя асацыяцыі, што стварае камічны эфект: *Куды не кінь – усюды Клінтан. Моніка Левінскі* ← *Куды ні кінь, усюды клін* (камічны эфект ствараецца ў выніку камбінавання аўтарызацыі і фанетычнай субстытуцыі назоўнікавага кампанента зыходнай парэміі); *Праца не воўк – з фазэнды не ўцячэ. Рабыня Ізаўра* ← *Работа (праца, справа) не воўк, у лес не ўцячэ (не збяжыць, не пабяжыць)* (камічны эфект ствараецца ў выніку камбінавання аўтарызацыі і лексічнай субстытуцыі назоўнікавага кампанента зыходнай парэміі).

4 Кантамінацыя прыказак. У выніку кантамінацыі прыказак або іх частак утвараюцца выслоўі, якія змяшчаюць жартоўныя жыццёвыя назіранні, павучанні, часцей у выніку ўспрымання зыходных прыказак у іх прамым значэнні: *Мы з табой адной сракі ягадзіцы* ← *Мы з табой адной крыві + аднаго поля ягады*. Выраз *Мы з табой адной крыві, ты і я* паходзіць з казачнай аповесці “Маўтлі” Дж. Р. Кіплінга. Выраз ужываецца ў жартоўным значэнні, калі гавораць пра роднасць душ, светапоглядаў. Фразеалагізм *аднаго поля ягады* ўжываецца звычайна з неадабрэннем пра таго, хто падобны да каго-небудзь сваімі паводзінамі, поглядамі і іншым. Кантамінацыя адзінак суправаджаецца субстытуцыяй у фразеалагізме двух лексічных кампанентаў *поля і ягады*. Пераменныя кампаненты *срака – ягадзіцы* звязаны асацыятыўна, на аснове ўяўлення пра суаднасць прадметаў рэчаіснасці як “частка – цэлае”. Кампанент *адной (аднаго)* у значэнні “аднолькавы” ўваходзіць у склад абодвух кантамінаваных выказаў. Наяўнасць агульнага кампанента з аднолькавым лексічным значэннем спрыяе кантамінацыі гэтых адзінак. Сугучнасць пераменных кампанентаў *ягады і ягадзіцы* ўтвараюць паранамастычны каламбур. Стварэнню камічнага эфекту антыпрыказкі спрыяе і выкарыстанне грубай, зніжанай лексікі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Быкова, А. А. Семиотическая структура велеризмов / А. А. Быкова // Паремнологические исследования: сб. статей / сост. Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1984. – С. 274–293.
- 2 Лепешаў, І. Я. Прыказкі як моўныя адзінкі і іх стылістычнае выкарыстанне / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна: УА «ГДУ імя Я. Купалы», 1995. – 130 с.
- 3 Рагаўцоў, В. І. Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі / В. І. Рагаўцоў. – Магілёў: УА “МДУ імя А. А. Куляшова”. – 2002. – 304 с.

УДК 005.57-028.27:398.9

С. Б. Кураш

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ НЕОФРАЗЕОЛОГИИ

Анализируются фразеологические неологизмы, возникшие и функционирующие в сфере электронной коммуникации (научные термины, разговорная лексика, компьютерный сленг) в аспекте создания и использования электронных и онлайн-словарей компьютерной лексики и фразеологии. Подробно описываются наиболее употребительные неологизмы, относящиеся к способам осуществления контакта коммуникантов.

Стремительное вхождение электронной коммуникации в нашу повседневную жизнь обуславливает необходимость изучать её дискурсивные, лингвопрагматические, лингвокультурологические и иные аспекты.

«Компьютерные коммуникации за очень короткий срок (середина-конец 90-х годов) создали огромное число речевых объектов, возникновение которых обусловлено потребностями коммуникации в условиях сверхбыстрой передачи больших объемов разнообразной информации» [1, с. 246]. Известно, что сверхактуальные на данном временном промежутке сферы человеческой деятельности обуславливают появление в лексиконе любого национального языка массы номинативных единиц, покрывающих соответствующие тематические поля.

«Динамизм и открытость – сущностные признаки лексической системы любого языка – всегда интересовали лингвистов, но лавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве, образно определяемую как «праздник вербальной свободы», обусловили актуализацию проблем, связанных с анализом языковых инноваций» [2, с. 2].

В полной мере проблема языковых инноваций относится и к дискурсу электронной коммуникации, распадающейся на две основные сферы – сферу интернет-коммуникации и сферу коммуникации посредством мобильной телефонии. Более того, две эти сферы технически взаимосвязаны (в таких, например, решениях, как мобильный интернет, интернет-сервис СМС и пр.), что позволяет их в совокупности рассматривать как две подсферы в сфере электронной коммуникации.

Номинативное поле электронной коммуникации чрезвычайно разнообразно. Это официальная, в том числе научно-техническая терминология; это соответствующая разговорная лексика; это и специфический сленг, относящийся к компьютерной сфере, к сфере интернет-коммуникации и общению посредством мобильной телефонии.

На данный момент известны и попытки лексикографического представления данных номинативных единиц, в том числе в многочисленных электронных и онлайн-словарях компьютерной лексики и компьютерного жаргона.

Среди подобного рода номинативных единиц в последние годы фиксируются устойчивые словосочетания, формирующие специфическую компьютерную фразеологию (в том числе интернет-фразеологию) и – шире – фразеологию электронной коммуникации, которая, к слову, не получила до сих пор должного внимания специалистов, в отличие, в частности, от соответствующей лексики, и может быть квалифицирована в системе современного русского языка как неофразеология.

Под неофразеологизмами (неофразами) нами понимаются «новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, по терминологии Н.З. Котеловой» [2, с. 30].

Из достаточно обширного спектра представленных здесь единиц можно особо выделить группу неофразеологизмов, соответствующих тематическому полю «электронная коммуникация».

В данную группу мы включаем лишь те фразеологизированные словосочетания, которые характеризуют всевозможные способы установления и осуществления контакта коммуникантов посредством электронных средств связи. Наиболее популярные из них – это электронная почта, скайп, ICQ, мобильная телефония.

Рассмотрим ряд наиболее употребительных фразеологических единиц, соответствующих очерченному тематическому полю.

Скинуть (сбросить, отправить) на мыло ‘отправить информацию по электронной почте (e-mail)’. В основе данного выражения лежит распространённое во фразеологической деривации явление созвучия: *мыло* от *e-mail*. Менее распространён синонимичный фразеологизм **послать (отправить) Емелю**, образованный аналогично –

по созвучию сокращения *e-mail* и имени собственного *Емеля*. На одном из интернет-форумов нами обнаружен примечательный комментарий относительно двух названных неофразем: *Требуется более короткий термин, чем «электронное письмо», и распространенное «мыло» автору решительно не нравится – в первую очередь своей неуважительностью. Ниже для обозначения послания по интернету используется термин «емеля» – как калька с английского «e-mail» и как ссылка на Емелю, героя сказки про волшебную щуку, сидевшего на печи и оттуда повелевавшего всеми жизненными процессами – хорошая позиция для современного программиста. В ситуации обсуждения данного электронного письма (емели) мы называем его автора емельяном. Человек, которому емельян направляет свое письмо, называется его адресатом. В более широком смысле слово емеля будет использоваться как синоним для «электронной переписки», а также в значении «адрес электронного почтового ящика» (например, емеля автора этих строк – *rodvodny@online.ru*). Вообще емельяном называется человек, регулярно пишущий и получающий электронные письма, а слово емелер означает партнера по электронной переписке.*

Как видно, данные фразеологические обороты функционируют в речи в составе соответствующей тематической группы наряду с рядом лексических и семантических новаций, относящихся к сфере компьютерного жаргона.

Стукнуть (стучать) в аську ‘отправить сообщение по ICQ’. Данная неофразаема также образована по принципу эвфонии: *ICQ* (читается *ай-си-кью*) – *аська*. Глагол *стучать* означает в данном выражении ‘набирать сообщение на клавиатуре’, т. е. реализует основное из своих словарных значений – ‘производить стук, шум ударами’ [3, с. 776] по метонимической модели.

Бросить (отправить, послать, кинуть) маячок ‘сделать звонок на мобильный телефон, прерванный звонящим до ответа абонента для того, чтобы абонент перезвонил’. Данное выражение опирается на расширение семантики лексемы *маячок*, имеющей значение ‘мигающий световой фонарь на специальных автомашинах’ [3, с. 347]. Также существует и синонимичная фразаема **кинуть (послать, отправить) глухаря**, опирающаяся на переносное значение слова *глухарь* ‘глухой человек’ [3, с. 133], также подвергающееся семантическому, в данном случае, метафорическому преобразованию.

Доброго времени суток! – этикетная устойчивая словесная формула, которая получила широкое распространение в Интернет-общении, в частности, при написании электронных писем, и достаточно быстро стала популярной. Появление этого выражения взамен принятых в обычном устном либо письменном общении этикетных формул типа *Добрый день!*, *Добрый вечер!* и т.п. обусловлено тем, что отправитель электронного сообщения может не знать, в какое именно время данное сообщение сможет прочесть получатель. Более того, подобное приветствие в последнее время можно услышать или прочитать и вне сферы электронной коммуникации. В интернет-общении сосуществует два варианта данного приветствия: *Доброго времени суток!* и *Доброе время суток!* Ср.: *Привет и доброго времени суток!*; *Доброе время суток, дорогие друзья!*; *Доброе время суток, заглянувший сюда!* и т. п.

Вне зоны доступа – ‘выражение, входящее в сообщение мобильного оператора о том, что с телефоном вызываемого абонента не может быть установлена связь по причине его нахождения вне зоны покрытия данной мобильной сети’. Данная неофразаема также получила широкое распространение в современной коммуникации, в том числе и за пределами сферы электронного общения, расширив тем самым своё значение. Этому, очевидно, способствовала и популярная песня известной российской группы «Город 312», для которой данное выражение стало заглавным и вошло в текст песни в качестве рефрена.

К приведённым примерам, разумеется, не сводится вся неофразаология, тематически связанная со сферой электронной коммуникации, однако и данного материала

достаточно, на наш взгляд, чтобы отнести рассматриваемую сферу общения в современном социуме к числу наиболее перспективных для пополнения лексикона новыми номинативными единицами, в том числе фразеологического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Капанадзе, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // Жизнь языка: сборник к 80-летию М. В. Панова. – М.: ЯСК, 2001. – С. 246–255.

2 Попова, Т. В. Русская неология и неография / Т. В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. – 96 с.

3 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2003. – 944 с.

УДК [81'373:398.9]:27-277.2:81'364

А. Ю. Крохмальник

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ*: БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

*В статье анализируются примеры употребления фразеологизма **поцелуй Иуды** в библейских и художественных контекстах, описываются способы трансформации данной фраземы в текстах небиблейского содержания. Выявляются функциональные особенности рассматриваемого фразеологизма в дореволюционных, советских и современных текстах.*

По словам К. Каутского, «*Поцелуй Иуды* – сюжет, придуманный евангелистами и невозможный в действительности» [1, с. 18]. Между тем данный образ получил широкое освещение не только в библейских контекстах, но и во многих литературных произведениях. Интересно также, что, например, в традициях сицилийской мафии «*поцелуй босса* означает, что целуемому осталось жить очень недолго» [2, с. 766]. По восточному обычаю «при встрече друзья-мужчины приветствуют друг друга поцелуем в щеку» [3, с. 55], а К. Душенко в «Словаре современных цитат» отмечает ассоциативную связь между словосочетаниями *поцелуй Иуды* и *поцелуй смерти* [4, с. 436]. Как известно, поцелуй Иуды является одним из испытаний, выпавших на долю Иисуса Христа: *Готовы ли вы погрузиться в тот ужас, который будет ужасом Моей судьбы: предательство, поцелуй Иуды, бегство апостолов, одиночество, незаконный суд, лжесвидетельство и, наконец, осуждение на смерть, и путь на Голгофу под тяжестью креста, на котором Мне надлежит быть распяту и умереть?* (митрополит Антоний (Блум). Прости им, Отче!). Фактически Иисус Христос был предан еще до его распятия, а «братский» поцелуй Иуды послужил лишь закреплением этого предательства.

При передаче в художественном тексте кинесическое речение *поцелуй Иуды* отражено в различных словосочетаниях, зачастую репрезентирующих не столько невербальный коммуникативный акт, сколько его смысл, значение. Например, в одном из отрывков синоидального библейского перевода трижды употребляются лексемы со значением *поцелуя*: *Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Евангелие от Луки: синодальный перевод).

Как видим, контекстуальное употребление слов *поцеловать* и *целование* передает ритуально значимые действия при помощи поцелуя. С одной стороны, поцелуй является опознавательным знаком и передается при помощи сложноподчиненного предложения (*Кого я поцелую, Тот и есть*), а с другой стороны, Иудин поцелуй символизирует предательство и передается при помощи словосочетания с зависимым компонентом в форме творительного падежа с инструментальным значением (*целованием ли предаешь Сына Человеческого?*).

Практически дословно данный фрагмент Библии воспроизводится и в одном из художественных текстов: – *Так вот об Иуде. – О! Вот это очень интересно! я ведь знаю только то, что он предатель и вот говорят ещё «поцелуй Иуды».* Это что же, он подал такой знак при обыске и аресте? – *совершенно точно, Согласно Матфею он сказал воинам так: «Кого поцелую, тот он и есть. Возьмите его»* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Несколько иначе воссоздается предательство Христа Иудой в тексте Л. Н. Толстого: *Тот, кто выдал его, уговорился с ними вперед, он им сказал: когда я поцелую, как пойду, то это он самый, и хватайте его. И тотчас же, подойдя к Иисусу, сказал: здорово, учитель, и поцеловал его* (Л. Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий). В данном случае глагол *поцеловать* символизирует опознавательный знак и следующее за ним действие. В тексте Л. Н. Толстого довольно точно показана двуличность Иуды: с одной стороны, сложноподчиненное предложение с придаточной времени отражает последовательность действий, необходимых для поимки Иисуса, а последовательность однородных сказуемых (*сказал и поцеловал*) передает значимое для обеих сторон действие. Рассмотрение поцелуя Иуды лишь как предательства отражено в тексте А. П. Чехова: *Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям* (А. П. Чехов. Студент).

В романе «Иуда Искариот» запечатлен сам момент поцелуя. При этом, по всей видимости, он изолирован от библейского контекста и времени и подан как эстетическое целое: *Вытянувшись в сотню громко звенящих, рыдающих струн, он быстро рванулся к Иисусу и нежно поцеловал его холодную щеку. Так тихо, так нежно, с такой мучительной любовью и тоской, что, будь Иисус цветком на тоненьком стебельке, он не колыхнул бы его этим поцелуем и жемчужной росы не сронил бы с чистых лепестков* (Л. Н. Андреев. Иуда Искариот). При помощи наречия *нежно* и парцелированной конструкции передается моментный, недолговечный характер прикосновения. Как видим из контекста, не исключено, что уже во время поцелуя Иуда раскаивался в своем поступке.

В ряде контекстов *поцелуй Иуды* репрезентируется как *иудин поцелуй* и переосмысливается с точки зрения современных реалий. Очевидно, что словосочетания *поцелуй Иуды* и *иудин поцелуй* являются неравнозначными. Если в первом случае прослеживается явная связь с библейскими событиями либо действие героя чем-то напоминает действия Иуды, то во втором случае наблюдается лишь определенное соотнесение с библейским контекстом: – *Невеста из сдобного теста, жених – на свободе псих... Регистрация, цветы, кольца, тещин иудин поцелуй, прочая фигня... Ну, пьянка, естественно, застолье как в период застоя... Свидетели наставляют в добродетели... Тамада над столами реет...* (А. Иванов. Географ глобус пропил). Как видим, действие тещи на свадьбе является фальшивым и неискренним, лишенным внутренней радости и ритуально обусловленным.

Комментарий к «иудину» поцелую может быть приведен прямо в контексте: *Тут господину Голядкину-старшему показалось, что вероломный друг его улыбается, что бегло и плутовски мигнул всей окружавшей их толпе, что есть что-то злое в лице неблагопристойного господина Голядкина-младшего, что даже он отпустил гримасу какую-то в минуту иудина своего поцелуя... В голове зазвонило у господина Голядкина, в глазах потемнело; ему показалось, что бездна, целая вереница совершенно подобных Голядкиных с шумом вламываются во все двери комна-*

ты; но было поздно... Звонкий предательский поцелуй раздался, и... Тут случилось совсем неожиданное обстоятельство... (Ф. М. Достоевский. Двойник). Помимо определения предательский в контексте.

В текстах дореволюционного времени словосочетание иудин поцелуй используется, по всей видимости, для обозначения предательского действия в целом: *Пришлось пережить самое, самое отвратительное, что только может испытать революционер: **Иудины поцелуи** и объятия агентов, которые, пользуясь моей беспомощностью и тем, что повязка лишила меня зрения, являлись ко мне под нейтральным флагом медицины и, как голодные волки, ходили вокруг меня* (Б. В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста). Следует отметить, что агенты в данном случае в чем-то напоминают Иуду, так как, представляя перед героем контекста в одном облике, они фактически действуют исключительно в своих целях и интересах.

Аналогичное значение носит поцелуй Иуды в текстах довоенного советского времени, где словосочетание иудин поцелуй могло относиться к потенциальным предателям: *Я старался его рассеять, но и у меня было невесело на душе... Затем он уехал в Москву. Я, конечно, провожал его на вокзал. Был и Литвинов, **полезший к нему со своими иудинными поцелуями**. Прощаясь со мной и отойдя немного от Литвинова, Красин, целуя меня, шепотом, тревожно спросил меня еще раз: «Так ты думаешь, не арестуют?» (Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей). Возможное предательское значение поцелуя обозначено в последнем предложении контекста, где персонаж выражает как недоверие к «иудину» поцелую одного из героев (*отойдя немного от Литвинова*), так и опасение за свою безопасность («*Так ты думаешь, не арестуют?*»).*

Словосочетание иудин поцелуй может также относиться к описанию межличностных отношений: *Тренев улыбнулся. Это была кривая улыбка нежности, скуки и недоверия. Он знал, что это примирение ненадолго, ему надоели эти вечные примирения. «Сначала расстроит, измучает, а потом целует... **иудины поцелуи!**» – подумал он. Она снизу посмотрела ему в глаза, потом взглянула на голубую ямочку на сгибе своей полной розовой руки и опять на его глаза и губы* (М. П. Арцыбашев. У последней черты). Очевидно, что «иудин поцелуй» может являться обозначением переменчивого женского характера и женской «игры» во время любовных отношений. В данном контексте практически отсутствует связь с библейской историей, и «иудин» поцелуй понимается в самом широком смысле, т. е. как воплощение неискренности, нечестности, обмана.

Будучи связанным с любовными отношениями, «иудин поцелуй» может представлять не элементом любовной игры, а временным притворством: *Граф притворился, будто разнежился до слез, и, трепеща, чтобы его не подслушали, дал **Иудин поцелуй примирения** обманутой итальянке. Все, все обещал он: развестись с первой женою, признать ее, любить верно и горячо, и между тем как Бианка всему верила (влюбленное сердце так доверчиво), он вращал в голове кровавые замыслы: сжить с рук опасного свидетеля и увядающую, постылую любовницу* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году).

Наконец, поцелуй Иуды участвует в создании образа «чужого» общества, что передается при помощи противопоставлений: *В какой свет, в какое общество сбросил ты княгиню? Отныне в каждом поклоне будет она видеть обиду, в каждой улыбке – насмешку, в родном поцелуе – **лобзанье Иудино**; везде будут казаться ей качание головою, и перемигивание, и лукавый шепот; самый невинный разговор будет колоть ее шипами, самую дружескую откровенность вообразит она вызваньем, вся жизнь ее будет горечь сомненья, и подавленные вздохи, и слезы, снедаемые сердцем!..» (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»).*

Таким образом, словосочетания поцелуй Иуды и иудин поцелуй являются несколько разными по своей семантике: если поцелуй Иуды отсылает напрямую к библейскому контексту, то иудин поцелуй указывает лишь на определенное сходство с текстом

Евангелия. Обычно в подобных случаях иудин поцелуй символизирует лицемерие. Библейский сюжет воссоздается как в религиозных, так и в художественных текстах с разной степенью полноты и выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Четина, Е. М. Евангельские образы, сюжеты, мотивы в художественной культуре: проблемы интерпретации / Е. М. Четина. – М., «Флинта», 1998. – 101 с.

2 Еремеев, Ф. А. Энциклопедия читателя: литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии. Т. 4 (Н-П) / Ф. А. Еремеев. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1999. – 927 с.

3 Верещагин, Е. М. Христианская книжность Древней Руси. Серия «Литературоведение и языкознание» / Е. М. Верещагин, О. Н. Трубачев, Общество любителей российской словесности, под общ. ред. О. Н. Трубачева. – М., Наука, 1996. – 207 с.

4 Душенко, К. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы / К. Душенко. – М., ЭКСМО, 2006. – 830 с.

УДК 81'373.233:398.9

А. С. Лашкевич

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ СТАТУСНЫХ ЕДИНИЦ

В статье рассматриваются фразеологические единицы, использующиеся в роли статусных единиц, применяемых в молодежном интернет-общении. Отмечаются наиболее распространенные способы фразеологической трансформации статусных единиц: дефразеологизация и субституция компонентов фразеологизмов.

В связи со стремительным развитием компьютерных технологий и интернета наряду с классическими функциональными стилями речи формируется новый стиль – компьютерный, который используют участники интернет-общения в социальных сетях, чатах и различных программах. Одной из тематических групп лексики, специфической для компьютерного стиля, являются так называемые статусные единицы – неотъемлемая составляющая социальных сетей.

При анализе статусных единиц термин *статус* нельзя рассматривать в его прямом значении. В компьютерном стиле *статусом* называется иконка и текст к ней, которые видят общающиеся с вами ваши собеседники. Такое переносное значение слова *статус* вполне закономерно, поскольку оно отражает универсальный закон языковой экономии, заключающийся в употреблении уже известного слова для обозначения нового явления.

Достаточно часто в качестве статусных единиц используются фразеологизмы и различные устойчивые сочетания, подвергшиеся всевозможным трансформациям. Наиболее распространёнными явлениями стали дефразеологизация (разрушение, аллюзия, распад) и субституция компонентов.

Дефразеологизация – это «явление, при котором фразеологизм, в результате возникновения новых самостоятельных значений в его компонентах утрачивает основной признак фразеологичности». При данном процессе наблюдается утрата постоянных признаков фразеологизма, т. е. устойчивости и общеизвестности. Дефразеологизация неизбежно ведёт к распаду фразеологического оборота.

В данных статусных единицах фразеологические сочетания, оказавшись в подходящем для запуска процесса дефразеологизации контекстном окружении, приобретают

совершенно новое значение, нехарактерное для них.

Ну и что, что ветер в голове, зато мысли всегда свежие и волосы красиво развеваются... Фразеологизм *ветер в голове*, в привычном толковании обозначающий природу человека 'легкомысленного, несерьёзного' [1, с. 62], оказавшись в составе статусной единицы, начинает толковаться в прямом значении, вторая часть высказывания является как бы физическим результатом того, о чём говорится в первой части. То есть слово *ветер* здесь употребляется в значении 'движение, поток воздуха в горизонтальном направлении'. Частица *ну и* в структуре статусной единицы указывает на пренебрежительное отношение говорящего к предмету речи.

Самое большое счастье для меня – моя сестра!! Мы с ней живём душа в душу, кулак в глаз, пятка в ухо!!:) Фразеологизм *душа в душу*, имеющий традиционное значение 'в полном согласии, дружно' [1, с. 149], также подвергается влиянию процесса дефразеологизации, и, оказавшись в составе статусной единицы в одном ряду с сочетаниями *кулак в глаз, пятка в ухо*, используется совершенно в ином значении 'бить', 'ударять'. Это становится возможным ещё и благодаря употреблению многозначного предлога *в* в значении 'указание места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь'.

Таким образом, влияние дефразеологизации на устойчивые сочетания в составе статусных единиц приводит к возникновению комической окрашенности всей конструкции.

Кроме того, примерами фразеологических сочетаний, подвергшихся влиянию дефразеологизации, являются следующие: *Если вы идёте не в ногу с остальными, значит – слышите другой барабан; Проснулась совесть. Эгоизм в панике; Не нашли ко мне подход? Найдите обход; Даришь людям тепло, надеясь согреть им душу. Но многие просто греют руки...*

Вторым распространённым процессом, оказывающим влияние на фразеологические сочетания, входящие в структуру статусных единиц, является субституция компонентов. Это явление заключается в замене привычных для фразеологического сочетания компонентов на иные. В результате фразеологические сочетания приобретают нетрадиционные, непривычные значения.

Так, в статусной единице *Крутишься как белка в мясорубке...* фразеологизм *вертеться (крутиться) как белка в колесе*, имеющий значение 'быть в беспрестанных хлопотах, занятиях, заботах' [1, с. 60], подвергается влиянию вышеназванного явления, и происходит трансформация не только структуры фразеологизма, но и его значения. Если первоначально фразеологизм *крутиться как белка в колесе* обозначает нечто совершенно безопасное, невинное, то в результате замены слова *колесо* на слово *мясорубка*, статусная единица приобретает оттенок чего-то опасного для жизни, крайне негативного. Это становится возможным благодаря использованию многозначного слова *мясорубка* в значении 'бессмысленное кровопролитие, уничтожение людей'. Сравним: мясорубка войны, кровавая мясорубка. По этой причине возникает ощущение трагического исхода при условии невыполнения навалившихся на автора данной статусной единицы забот.

Явлению субституции компонентов подвергаются не только фразеологические сочетания, но и афоризмы, известные строчки поэтических сочинений и тому подобное: *Пришел. Увидел. И ушел; Птица счастья завтрашнего дня улетела зимовать на юг; НИКОГДА не говори ВСЕГДА; ЛУЧШЕ ПИВО В РУКЕ, ЧЕМ СИНИЦА ВДАЛЕКЕ; Ночь. Улица. Фонарь под глазом...; Зима! Наташа торжествует!*

Так, трансформации в статусной единице *Ночь. Улица. Фонарь под глазом...* подверглась заглавная строка стихотворения А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...». Слово *фонарь* в русском языке употребляется в следующих значениях: осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которой помещается источник света; стеклянный просвет на крыше, а также остекленный выступ в здании, в кабине;

синяк под глазом от побоев, от ушиба.

Если у Александра Блока слово *фонарь* употреблено в значении 'осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которой помещается источник света', то в статусной единице данное слово употребляется в неодобрительном, разговорном значении 'синяк под глазом от побоев, от ушиба'. На это указывает использование сочетания слов *под глазом*, которое отсутствует в исходном варианте.

В результате влияния процесса субституции компонентов статусные единицы приобретают комическую окрашенность, как и в случае с явлением дефразеологизации.

Таким образом, можно говорить о том, что использование фразеологизмов в статусных единицах – явление весьма распространённое. Но фразеологизмы и устойчивые сочетания почти не употребляются в своём традиционном виде, а чаще всего подвергаются влиянию дефразеологизации и субституции компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 544 с.

УДК 821.161.1:[398.9:395.5]

Н. А. Михальчук, Т. Г. Михальчук

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЭТИКЕТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается функционирование этикетных выражений приветствия в произведениях писателей 19 – начала 20 вв. и в современной литературе. Отмечается национальная, профессиональная специфика, ситуативность употребления, частотность и повторяемость на разных временных срезах этикетных выражений.

При приветствии знакомых на Руси или обращении к ним с почтительной просьбой использовался этикетный фразеологизм *бить челом* – буквально низко кланяться, касаясь лбом земли, пола: *Казакки оказывали Пугачеву наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом, но наедине обходились с ним как с товарищем* (А. Пушкин. История Пугачева).

Ломать шапку – первоначально значило «приветствовать с поклоном и снятием головного убора». Обычно так приветствовал в знак уважения младший старшего или низший по чину или социальному положению – высшего: *Его братья ... только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им* (И. Тургенев. Одноворец Овсянников).

Широко использовались ситуативные приветствия и соответствующие ответные реплики, например, работающим: – *Бог на помощь*, – *проговорил я*. – *Спасибо на добром слове*, – *отозвался старик* (Д. Мамин-Сибиряк. Золотуха). – *Бог на помощь!* – *поздоровался со стариком, который рукавом старой пестрядной рубахи вытирал свое красивое широкое лицо, покрытое каплями крупного пота*. – *Мир дорогой!* – *весело отозвался старик* (Д. Мамин-Сибиряк. Золотуха). – *Мир на привале...* – *здоровался Савка, входя в полосу света, падавшего от огня*. – *Мир дорогой*, – *отозвался один из объездчиков*. – *Да это ты, Савка?* (Д. Мамин-Сибиряк. На Тихане). *Я сказал*: – *Хлеб-соль, здравствуйте!* *Косцы приветливо ответили*: – *Доброго здоровья, милости просим!* (И. Бунин. Косцы). – *Милости просим!* – *ответил Зыков, не особенно дружелюбно оглядывая*

нежданного гостя (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).

Ср.: ситуативное, национально-специфическое приветствие в Пасху: *Моя супруга, бабушка, Сынишка, даже барышни не брезгают, целуются с последним мужиком: – «Христос воскрес!» – «Воистину!»* (А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

В произведениях писателей 19 века употреблялись этикетные фразеологизмы «Приветствия»: *наше (мое) почтение-(с); наше вам-(с) сорок одно с кисточкой; доброго дня желаю; желаю здравствовать; многия лета*: (Подхалюзин:) *Тянька, здравствуйте, наше почтение!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся). – *Мое почтение, Василий Иванович!* (А. Островский. Волки и овцы). [Городничий:] (немного оправившись и протянув руки по швам) *Желаю здравствовать!* [Хлестаков:] (кланяется) *Мое почтение* (Н. Гоголь. Ревизор). – *Здравствуй, Петрович!* – *Здравствовать желаю, сударь,* – *сказал Петрович...* (Н. Гоголь. Шинель). – *Родиону Потапычу сорок одно с кисточкой...* – *весело ответила голова Тараса из ямы.* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото). (Подхалюзин:) *А, наше вам-с!* (А. Островский. Свои люди – сочтемся). – *Устинье Марковне, любезной нашей теще, многия лета...* – *заговорил Мельников с пьяной развязностью* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото). (Восьмибратов:) *Желаю здравствовать, ваше благородие!* (А. Островский. Лес). – *Доброго дня желаю любезному другу и благодетелю Ивану Ивановичу!* – *отвечал городничий* (Н. Гоголь. Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

Употреблялись и другие фразеологизированные этикетные выражения при приветствии: [Старик:] (кланяется). *Всей честной беседе поклон* (А. Островский. Бедность не порок). [Анна Ивановна:] *Мир честной компании!* [Размоляев:] *Милости прошу к нашему шалашу.* [Митя:] *Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими судьбами?* (А. Островский. Бедность не порок).

В произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка вводятся фразеологизированные этикетные приветствия, свойственные жителям Сибири: *Ворота у Кожиных всегда были, по раскольничьему обычаю, на запоре, и гостям пришлось стучаться в окно. Показалось старушечье лицо. – Летела жар-птица, уронила золотое перо, а мы по следу и приехали к тебе, бабушка Маремьяна, – заговорил Мельников, когда отодвинулось волоковое окно. – Заходите, гости будете, – пригласила старуха, дергая шнурок, проведенный к воротной щеколде. – Коли с добром, так и милости просим* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).

Ср.: два диалога из произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка в плане вежливости-грубости: ответное искреннее приглашение на приветствие и недобрый отказ в гостеприимстве: (1) – *Здравствуй, Матвеевна... – разбитым, выцветшим голосом обратилась она к Зайчихе. – Садись, Митревна, ...гостья будешь* (Золотуха). (2) – *Кого там черт принес? – отозвался Матюшка с деланной грубостью... – Так богоданных родителей принимаете? – обиделся Мельников, просовывая свою голову в дверь. – В гости пришел, зятек... – Милости просим... Проходите почаще мимо-то, тянька* (Золото).

В произведениях писателей 19 века часто употреблялись ФЭВ приветствия с компонентом «мир»: *мир дому сему; мир дорогой* (путнику); *мир на стану* (работающему); *хозяину и дому благодати мир*. Это говорит о такой национальной черте русского человека, как миролюбие: – *Мир дому сему, – крикнул поп Савел еще под окошком* (Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). – *Здравствуйте!* – *проговорил я, вступая в полосу яркого света, падавшего с костра. – Мир дорогой!* – *невуче ответила женщина. – Садись, так гостем будешь* (Д. Мамин-Сибиряк. В горах). – *Мир на стану!* – *Крикнул весело Кишкин, подходя к огоньку. – Милости просим, – ответил Зыков* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото). [Клушин:] *Хозяину и дому благодать и мир.* [Кочетов:] *Добро пожаловать, приятель особенный, Василий Фалалеч!* (А. Островский. Комик XVII столетия). В речи военных, среди штатских мужчин обычно употреблялось приветствие «Здравие желаю!» – *Здорово, шестая!* – *послышался густой, спокойный голос полковника. Солдаты громко и нестройно закричали: – Здравие желаем, ваш – о-о-о!*

(А. Куприн. Ночлег). – *Здравие желаю!* – *Иван Алексеич! Зачем вы шапку бросаете? – Оставьте без внимания, – мрачно говорил Хрипушин. – Это мое дело...* (Г. Успенский. Нравы растеряевой улицы). В простонародной среде использовались ФЭВ приветствия «Здорово живешь!», «Здорово дневали!» – *Здорово живешь, Домаха! – горожане в один голос сказали* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города). – *Здорово дневали, добрые люди!* (Л. Толстой. Казаки).

В 20-е годы распространенными были фразеологизированные приветствия, которые зафиксировала художественная литература тех лет: *Бог в помощь* (работающим); *мир вам* (одновременно приветствие и пожелание); *здравие желаем* (военным и невоенным); *наше вам с кисточкой* (и сокращенный вариант – наше вам!); *мое нижайшее* (как усечение формулы «Мое нижайшее почтение»): *Мужик опять заробел и, пока не было поздно, решил объясниться: – Бог помочь, – сказал он, кашлянув* (К. Федин. Трансвааль). *И в этот самый момент послышался носовой голос: – Мир вам* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). – *Ну, здравствуйте! – Наше вам с кисточкой! – крикнул Янкель* (Л. Пантелеев. Магнолии). – *Марку Кузьмичу, на-ше ва-ам!.. – Варлам Егорычу, пожалста, здравствова-ать...* (Л. Леонов. Гибель Егорушки). [Берсенев.] *Доброго утра, товарищи матросы.* [Все:] *Здравия желаем, господин капитан первого ранга* (Б. Лавренев. Разлом). – *Симпатичному Родиону мое нижайшее, – тоненьким голосом произнес мсье Пьер и, не меняя шага, дрыгая, шлепая, вошел в камеру* (В. Набоков. Приглашение на казнь).

И. Ильф и Е. Петров используют приветствие «Почет дорогому гостю»: – *Почет дорогому гостю, – улыбнулся Ипполит Матвеевич. – Что скажешь!* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

У Андрея Белого встречаются индивидуализированные приветствия: *Чай да рай* (пьющим чай) – ср.: в 19 веке: *Чай да сахар: У попа сидит урядник, Иван Степанов, лавочник и уткинская барышня. – Здрасте, отец Вукол: Чай да рай!* (А. Белый. Серебряный голубь). Здесь, по-видимому, слово «сахар» заменено на «рай» в соответствии с тем, к кому обращаются (к священнику, которому ближе «рай»).

В произведениях современных писателей часто употребляются ФЭВ, встречающиеся у писателей 20-х годов: *Хлеб да соль* (обедающим), *Чай с сахаром!*; *Чай пить с нами!* (пьющим чай); *Бог помочь!* (работающим). *Здравие желаю!*; *Мир вам!*; *Наше вам с кисточкой!*; *Наше вам!*; *Здорово живешь!*; *Здорово ночевали!*; *Здоров, коли не шутишь: – Хлеб да соль!* – сказал Иван, подходя к тем, которые выпивали. *Его оглядели с ног до головы и отвернулись* (В. Шукшин. До третьих петухов).

Старый вариант «*Бог помочь!*» употребляется и сейчас, но чаще – «*Бог в помощь!*, «*Бог помощь!*». *Карько опытным поворотом, экономя силу, вывез дерево на дорогу. Евграф запрыгнул на воз. – Бог помочь, Евграша! – крикнул ему, возвратившись в лес, Судейкин. – Бог помочь, Акиндин!* (В. Белов. Кануны). *Сбрасывая вилами с копны пласты снега, она и не заметила, как подкатил на санях Демьян. – Бог в помощь! – крикнул издали* (Г. Марков. Строговы). – *Бог помощь, земляк! Егор выпрямился с топором в руках, прищурился ... Долго не отвечал на приветствие. Потом кинул топор в пень, буркнул: – Спасибо* (В. Шукшин. Любавины). *Вдруг в избу Егорка Гилев явился. Через порог еще не ступил, очень уж весело сказал: – Здорово, Стеша! Чай с сахаром! – Здорово, садись!* (С. Залыгин. На Иртыше). – *Здравие желаю!* – сказал приезжий и стрельнул приметливым глазом в котел. – *Приятно кушать!* (В. Астафьев. Царь-рыба). *Увидев Маню с Дуняшкой, он заулыбался и крикнул весело: – Наше вам с кисточкой!* (Г. Марков. Строговы). – *А это кто? – глядяваясь, юлил сторож. – Зачинино. Господи, да это же Мирон Абрамыч! Здрасьте, Мирон Абрамыч, наше вам!* (Б. Васильев. Завтра была война). – *Это ваш муж пришел? – Галина Петровна смотрела на Егора большими сонными глазами. – Здравствуйте. – Здорово живешь, – откликнулся Егор и повернулся к жене* (В. Шукшин. Любавины). Ср.: – *Здорово живем, – сказал я, отыски-*

вая взглядом Полину (В. Астафьев. Последний поклон). – Ночевали здорово. – Авинеру Павловичу, товарищу Козонкову, – сказал Алеша, – наше почтение (В. Белов. Плотницкие рассказы). Как видим из последнего примера, устаревшее приветствие *наше почтение* сочетается с советской формой обращения *товарищ*.

Наиболее распространенной формой приветствия в произведениях В. Белова, В. Тендрякова, В. Шукшина и других писателей является ФЭВ «Доброго здоровьица» (доброго здоровья): – *Привет, дед! – Тпррры! Стой, хромоногая. Доброго здоровьица. Не Митрей? Вроде Митрей, Катеринин брат* (В. Белов. Привычная тема). – *Доброго здоровья, – приветствовал старик в шляпе. – Увидел – человек присел отдохнуть. Возражений нет?* (В. Шукшин. Земляки).

Часто употребляются: *Здоровы будем; Здорово бывал; – Здоровы будем, мир честной, – приветствовал он. – Здоров, коли не шутишь, – отозвался Доброхот* (В. Тендряков. Пара гнедых). *В дверях показался дед Фишка. – О, сваток! Здорово бывал! – проговорил он, крепко пожимая Денискину руку* (Г. Марков. Строговы).

В современных произведениях встречается ФЭВ *Мир дому сему!*: *Гости ввалились в дом в шубах, в дохах. Кузьмин забасил: – Мир дому сему! – Милости просим, – в один голос ответили Агафья и дед Фишка* (Г. Марков. Строговы).

При встрече нежданных (и нежеланных) гостей употреблялось выражение «*Кого бог несет?*»: *...Иван постучал в следующую дверь – такую же тяжелую, срубленную, вероятно, еще в прошлом веке. – Кого бог несет? – донесся из-за двери скрипучий старушечий голос, показавшийся Сергею неприветливым* (Б. Васильев. Иванов катер).

Если о человеке только вспоминали, а он вдруг появляется, о нем говорят «*На помин, как сноп на овин*»: *Иван Африканович уходил в это время из проулка загонять своих овец во двор и как раз возвращался. Он увидел мужиков, поздоровался со стариками. Присел на бревно. – На помин, как сноп на овин, – сказал Куров. – Ивану Африкановичу наше почтение. Вон про тебя чего Петров-то говорит* (В. Белов. Привычное дело).

Итак, русская художественная литература отразила языковое богатство средств выражения речевого этикета, в том числе и фразеологических, их национальную специфику.

УДК 821.161.3Колас.06-1:[81*373:398.9]

Л. В. Паплаўная

КАМПАРАТЫЎНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК СРОДАК СТВАРЭННЯ ВОБРАЗНАСЦІ Ў ПАЭТЫЧНАЙ МОВЕ ЯКУБА КОЛАСА

У артыкуле аналізуецца структура кампаратыўных фразеалагізмаў і іх стылістычная роля ў паэтычнай мове Якуба Коласа. Вызначаюцца групы фразеалагізмаў у залежнасці ад тыпу злучніка, а таксама бяззлучнікавыя кампаратыўныя фразеалагізмы

Фразеалагізмы са структурай параўнальнага звароту або кампаратыўныя фразеалагізмы складаюць асобную групу сярод фразеалагічных адзінак у паэзіі Якуба Коласа. Аўтар выкарыстоўвае разнастайныя паводле спосабу сінтаксічнага афармлення і ўвядзення ў мастацкі тэкст ўстойлівыя кампаратыўныя адзінкі, якія традыцыйна падзяляюцца на злучнікавыя і бяззлучнікавыя.

Злучнікавыя кампаратыўныя фразеалагізмы найбольш пашыраны ў паэтычнай мове Я. Коласа. Сярод іх у колькасных адносінах пераважаюць фразеалагізмы са злучнікам **як**. Напрыклад: **як бы апушчаны ў воду** ‘расстроены, маркотны, засмучаны’ [2, с. 82] – *І вось, вярнуўшыся з абходу, Як бы апушчаны ў воду, Міхал павёў апавяданне, Як выйшла першае спатканне* [1, т. 6, с. 77]; **як скінуць вокам** ‘наколькі даступна зроку,

колькі можна ўбачыць? [2, с. 89] – *І што за Ліпава такое? А гэта – поле маладое Сярод лясоў, як скінучь вокам* [1, т. 11, с.89]; **як бабе старой сесці** ‘вельмі мала месца, зямлі’ – *Антось пытае ўжо сярдзіта: – А колькі там пасеем жыта? Зямлі, як бабе старой сесці* [1, т. 6, с. 41]; **як на дражджах** ‘вельмі хутка, надта добра (расці, развівацца)’ – *Усяго, усяго, ну, проста – страх! Усё там расце, як на дражджах* [1, т. 6, с. 26]; **як з маслам першая аладка** ‘без замінак, без затрымкі, без цяжкасцей і ўскладненняў’ – *Калёсы лёгка закруцілісь, З вясёлым грукам пакацілісь. Пайшлі ў хаду раўнютка, гладка Як з маслам першая аладка* [1, т. 6, с. 199] і інш.

Другую па колькасці групу складаюць кампаратыўныя фразеалагізмы са злучнікам **бы**. Напрыклад: **бы гару з плячэй сапхнуў** ‘збавіўся хто-небудзь ад вялікіх клопатаў, цяжкіх душэўных перажыванняў’ – *А дзядзька, стоячы, паволі Памешваў клёцкі. – Ну, даволі! – Сказаў Антось, і ўсе ўздыхнулі, Бы гару з плячэй сапхнулі* [1, т. 6, с. 61]; **бы пры сцезцы той гарох** ‘адзінока (жыць)’ – *Так і жыў ён, гадаваўся, Бы пры сцезцы той гарох* [1, т. 6, с. 290]; **бы ў мацеры калыска** ‘блізка, побач’ – *А пацікуеця: тут блізка; Зямля бы ў мацеры калыска, На відавоку, пад рукамі* [1, т. 6, с. 237] і інш.

Сустракаюцца ў паэзіі Якуба Коласа, але значна радзей, устойлівыя кампаратыўныя адзінкі са злучнікам **нібы**: **нібы праз сон** ‘няясна, невыразна, цьмяна’ – *Так ўзрушыцца хлапчынка, І тады нібы праз сон Штось мільгнецца на хвілінку. Але што – не ўцяміць ён* [1, т. 6, с. 288]; **нібы птушка** ‘хутка, імгненна, імкліва’ – *А сам пан Богут, нібы птушка, З свяцёлкі вылецеў на двор* [1, т. 8, с. 31]; **нібы мыла з’еўшы** ‘вельмі незадаволены, моцна абняслаўлены, з убогім відам’ – *Не, не лезе далей клін, Чэша Гітлер у Берлін Нібы мыла з’еўшы* [1, т. 2, с. 338] і інш.

Некаторыя кампаратыўныя фразеалагічныя адзінкі пры паўторным ужыванні ў паэтычнай мове аўтара характарызуюцца заменай або варыянтнасцю злучніка, напрыклад: **нібы ў воду кануў** ‘бясследна знік, прапаў’ – *Агледзелі ўсе куты, ходы, зірнулі пад цёмныя елі, -- Цімох нібы кануў ў воду* [1, т. 8, с. 391] і **бы ў воду кануў** – *Дзе ж то, бацька, наша дочка? І Якім бы ў воду кануў* [1, т. 3, с. 66]; **бы ў агні** ‘у душэўным парыве, страсна’ – *І ён разам тут памкнуўся У натхненні, бы ў агні, І дзяўчыны дакрануўся: – Ганна! Ганначка! Зірні!* [1, т. 6, с. 479] і **як бы ў агні** ‘у стане моцнага хвалявання’ – *Ён не плача, не галосіць, Ёг глядзіць як бы ў агні* [1, т. 6, с. 477].

Значна менш у паэтычнай мове Якуба Коласа выяўлена бяззлучнікавых кампаратыўных фразеалагізмаў. Сярод іх пераважаюць фразеалагізмы, у якіх аб’ект параўнання выражаны **назоўнікам ў творным склоне**. Напрыклад: **ваўком пазіраць** ‘выяўляць злосць у позірку’ – *Вярыга вочы апускае, Ляснічы воўкам пазірае і Плясь у морду нечакана* [1, т. 6, с. 192]; **легчы каменем** ‘супакоіцца, моцна заснуць’ – *Чаго да хлопца прывязаўся? Лепш лёг бы каменем. Набраўся!* [1, т. 6, с. 90]; **сляпіцай лезці** ‘назойліва прыставаць да каго-небудзь, дакучаць каму-небудзь’ – *Чаго маўчаць, чаго цярпець Ды пазіраць, як гэта зграя Сляпіцай лезе к табе ў клець* [1, т. 8, с. 85]; **сесці макам** ‘пацярпеўшы няўдачу, аказацца ў няёмкім, смешным становішчы’ – *Адно Алеся суцяшала – І Кастуся бяда спаткала: Кастусь на “веруі” сеў макам, – Абодвум кепска, небаракам!* [1, т. 6, с. 132]; **сядзець козырам** ‘трымацца малайцавата, зухавата, мець бравы выгляд’ – *Кашуля зрэбна, але бела, А шапка козырам сядзела, Хоць і зналася добра з горам* [1, т. 6, с. 244] і інш.

Аб’ект параўнання можа выражацца канструкцыяй **“прыназоўнік + назоўнік у вінавальным склоне”**. Напрыклад: **з вузел** ‘вельмі малы, невысокі’ – *А сам дарэктар з вузел ростам, У сваім уборы бедным, простым, У зрэбных портках і кашулі, Стаяў, як бы яго прыгнулі* [1, т. 6, с. 121]; **з арэх** ‘маленькі’ – *Грыбок малады, Ростам з арэх – Браць такі грэх* [1, т. 3, с. 226]; **з копу** ‘перабольшыць незнарок, падаць што-небудзь у большых у параўнанні з рэчаіснасцю памерах’ – *Другі зусім саб’еца з тропу, А іншы сам насыпле з копу, І дзед не возьме ў сэрца зла* [1, т. 8, с. 90].

У паэтычнай мове Якуба Коласа зафіксаваны толькі два прыклады, у якіх аб’ект

параўнання выражаны **назоўнікам у форме роднага склону**, што ўведзены з дапамогай ступені параўнання прыметніка: **бялей ад палатна** ‘вельмі бледны, змораны’ – *А як пакутуе яна! Як цяжка гэта ёй прыгода! Сама бялей ад палатна* [1, т. 8, с. 131]; **бацькаў хлеб смачней віна** ‘блізкае лепш за чужое’ – *Цяжка жыць з чужой папаскі, Лепш ідзі к бацькам сваім. Сэрца бацькава не камень, Бацькаў хлеб смачней віна* [1, т. 6, с. 385].

Сярод кампаратыўных фразеалагічных адзінак, выяўленых у паэзіі Якуба Коласа, найбольш колькасна прадстаўлены фразеалагізмы, у якіх аб’ектамі параўнання з’яўляюцца:

1) **назвы свойскіх і дзікіх жывёл** – бык, баран, авечка, вол, конь, сабака, ліс, воўк, леў і інш. Напрыклад: **як бык** ‘рашуча, настойліва’ – *А пан сваё цвердзіць упарта, як бык: – Можэ і праўда, свет жа вялік* [1, т. 3, с. 145]; **як баран** ‘разгублена, з непаразуменнем’ – *Іх тут годзяць і разводзяць, А яны, як бараны, Паішчапляліся і квіта, Толькі пыхкаюць сярдзіта* [1, т. 3, с. 35]; **як авечка** ‘маўклівы, ціхі, пакорлівы’ – *Засмуціўся рак, Стаў ён, небарак, Ціхі, як авечка* [1, т. 3, с. 199]; **як вол** ‘цярпліва’ – *А ты маўчы такой паскудзе, Цягні ярмо сваё, як вол!* [1, т. 8, с. 85]; **як конь на току** ‘гучна, моцна грымець’ – *А боты, падлы, ну, відавочна, Не так, як людзі, йдуць нарочна: На ўвесь вакзал грымяць нагамі Як конь на току капытамі* [1, т. 6, с. 254]; **як той сабака на разніцы** ‘празмерна, залішне выпіць’ – *Ото брыда, ото завала: Яшчэ каб панам называла! Ці чулі людзі? Налізаўся, Як той сабака на разніцы!* [1, т. 6, с. 68]; **бегаць лісам** ‘падманам, хітрасцю старацца выйсці з цяжкага становішча’ – *Дрэнна і з Тунісам, І ён лясне, браце, Як ні бегай лісам – Крута ў нашай хаце* [1, т. 2, с. 340]; **як люты воўк сярод ваўкоў** ‘жорсткі, бязлітасны’ – *З пустых куткоў паны глядзяць, Глядзяць на іх з усіх бакоў, А між панамі Богут злодзея, Як люты воўк сярод ваўкоў* [1, т. 8, с. 83];

2) **назвы птушак** – арол, сокал, варона, качка. Напрыклад: **як арол** ‘вольна, свабодна’ – *Будзь пілотам, з самалётам. Як арол, у небе лётай* [1, т. 3, с. 189]; **бы сокал** ‘горда, незалежна’ – *Генерал ідзе, бы сокал, І арлом глядзіць навокал* [1, т. 10, с. 191]; **бы прыбілася варона ў лебядзіны стан** ‘знешнім выглядам, адзеннем кантраставаць раскошы багатага ўбрання і інтэр’ера’ – *Так сустрэлі там Сымона Хлапчукі і гэты пан, Бы прыбілася варона Ў лебядзіны панскі стан* [1, т. 6, с. 418]; **як качка** ‘перавальваючыся хадзіць’ – *Упервалку як бы качка У хату ідзе кума-сваячка* [1, т. 6, с. 112];

3) **назвы дрэў і раслін** – асіна, дуб, арэх, боб, гарох, рэпа, мак. Напрыклад: **як горкія асіны** ‘калаціцца, трэсіцца ад страху’ – *Бо дні іх злічаны, І сходзяць іх часіны – Калоцяцца паны, Як горкія асіны* [1, т. 2, с. 25]; **як дуб** ‘пра здоровага, вялікай фізічнай сілы чалавека’ – *Крэпак ты, Якім, як дуб. Ці ж палыхацца работы?* [1, т. 3, с. 60]; **як арэхі** ‘спрытна, умела рабіць што-небудзь’ – *Ты ў Янчура пра іх спытайся: Янчур іх лужа, як арэхі, Іх знае прожары-прарэхі* [1, т. 6, с. 19]; **сыпаць як бобам** ‘гаварыць вельмі хутка’ – *А Тарэся – вось хвароба! – Сыпле словамі як бобам* [1, т. 3, с. 32]; **бы пры сцежцы гарох** ‘адзінока’ – *Так і жыў ён, гадаваўся, Бы пры сцежцы той гарох* [1, т. 6, с. 290]; **як рэпу грызці** ‘бойка, гладка, без запінкі чытаць, маліцца’ – *А покі кончыць ён маліцца, То можна ў Сверхні апыніцца: Псалмоў адкоціць з паўдзсятка, Ды так выразна, Ды так гладка, Што дзяк і той не ўсякі зможа, Як рэпу грыз, – даруй грэх, божа!* [1, т. 6, с. 18]; **на мак** ‘ушчэнт, поўнасьцю, дарэшты разбіць’ – *Пілот-камсамалец, Танкіст і стралок – Нястрымная лава, Вясенні паток, Што орды тэўтонаў, Фашысцкіх сабак, Развее, расее, Раскрышыць на мак* [1, т. 2, с. 175] і інш.;

4) **назвы насякомых, грызуноў, земнаводных** – мыш, муха, пчала, мурашка, змей, рыба, рак. Напрыклад: **як мыш** ‘марна, нізашто прапасці’ – *І, нават, каеца, наш Яська, Нашто даваў ён сваю згоду. Каб знаў – не ехаў бы ён зроду, Бо прападзе ён тут як мыш* [1, т. 6, с. 122]; **як мухі** ‘хаатычна, бязладна’ – *Усё там кіпіць, бы ў час разрухі, Снуюць служачыя як мухі* [1, т. 6, с. 246]; **бы ў вуллі пчалы** ‘бязладна, гулка’ – *Гудуць,*

шумяць, бы ў вулі пчолы [1, т. 6, с. 246]; **як мурашка** ‘павольна, марудна’ – *Ды дзядзька страх перамагае, Ён шапку загадзя здымае, Па ўсходах чыстых як мурашка Паўзе ў гару, ступае цяжка* [1, т. 6, с. 253]; **як змей** ‘страшна глядзець’ – *Бо хмара сіваю градою ўжо звісла нізка над зямлёю, Блішчыць – гарыць яе кудзеля І пакручастымі жмутама Стрыжэ-глядзіць, як змей, вачамі* [1, т. 6, с. 218]; **як рыба тая ў сеці** ‘несамастойны, пазбаўлены волі’ – *Бо пан не мае спагадання, Што трэба жыць з сям’ёй на свеце, Што ты, як тая рыба ў сеці, Не маеш волі, ні разгону, Што ты не чуеш жыцця звону* [1, т. 6, с. 223];

5) **назвы міфічных істот** – лесавік, ваўкалак. Напрыклад: **нібы лесавік кашлаты** ‘абросшы, агрубелы, нехайна апрануты чалавек’ – *Сядзіць чалавек невядомы! Сядзіць ён глухі, скамянелы, Нібы лесавік той кашлаты* [1, т. 7, с. 372]; **як ваўкалак** ‘схвапна, прагна’ – *А потым пальцам ён ківае І робіць нейкі яшчэ знак, Яна стаіць як нежывая, А ён глядзіць як ваўкалак* [1, т. 8, 171].

Сярод выяўленых у паэзіі Якуба Коласа кампаратыўных фразеалагізмаў значную групу складаюць фразеалагізмы, у складзе якіх прысутнічаюць лексемы, што адлюстроўваюць тагачасны быт беларусаў. Напрыклад: **як рэшата** ‘на дзірках, не такі, як трэба’ [1, т. 6, с. 93]; **як пугай сцебанулі** ‘быццам па чыёй-небудзь камандзе, указанню, хутка, не марудзячы пачаць што-небудзь рабіць’ [1, т. 6, с. 209]; **як цэпам па снопу** ‘не шкадуючы ўводзіць у зман’ [1, т. 6, с. 304]; **як палатно** ‘вельмі моцна пабялець ад страху’ [1, т. 6, с. 463]; **як тычка** ‘адзінока стаяць’ [1, т. 8, с. 283]; **як з маслам першая аладка** ‘без замінак, без затрымкі, без цяжкасцей і ўскладненняў’ [1, т. 6, с. 204] і інш. Некаторыя рэаліі быту ўжо выйшлі з ужытку, але захаваліся ў кампаратыўных фразеалагізмах.

Такім чынам, большасць кампаратыўных фразеалагічных адзінак, ужытых у паэтычнай мове Якуба Коласа, з’яўляецца нацыянальна-маркіраванымі і адлюстроўвае вобразную карціну свету мастака слова. Праз моўныя вобразы, зафіксаваныя ў кампаратыўных фразеалагізмах, аўтар паказвае сваё бачанне навакольнага свету, выяўляе сваю творчую індывідуальнасць.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Колас, Я. Збор твораў: у 12 т. / Я. Колас. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1961–1964.

2 Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / уклад. А. С. Аксамітаў [і інш.]; пад рэд. А. С. Аксамітава. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 665 с.

УДК 82.161.3-2:398.9

В. І. Рагаўцоў

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ЯК СРОДАК СТВАРЭННЯ КАМІЧНАГА ЭФЕКТУ

(На матэрыяле беларускай драматургіі)

У артыкуле разглядаюцца фразеалагічныя сродкі стварэння камізму ў творах беларускай прафесійнай драматургіі на пачатковым этапе яе развіцця (інтэрмедый, п’еса «Доктар па прымусе» М. Цяцёрскага, народныя драмы). Звяртаецца ўвага на тое, што для стварэння камічнага эфекту фразеалагізмы ўжываюцца як ў «чыстым» выглядзе, так і як сродак каламбурнага абыгрывання.

Да інтэрмедый адносяцца кароткія п’есы або сцэнка, найчасцей камедыйнага зместу, што выконваліся ў перапынках паміж асноўнымі дзеямі школьнай драмы.

Уключэнне інтэрмедый у драму ажыўляла прадстаўленне, рабіла яго больш цікавым, паколькі змест іх звычайна складалі народныя анекдоты, жарты, а таксама забаўныя гісторыі, апавяданні.

Галоўны герой інтэрмедый – селянін-беларус, які паказваўся пераважна ў карыкатурным выглядзе (цёмным, абмежаваным), а пазней, у XVIII ст., становіўся ўвасабленнем народнага досціпу, чалавекам разумным, разважлівым [1, с. 166].

На Беларусі інтэрмедый з'явіліся з канца XVI ст. і былі асноўным жанрам беларускай драматургіі XVII ст. З часоў барока захавалася больш за 20 беларускіх інтэрмедый* [2, с. 590] (рукапісы большасці з іх да нас не дайшлі), якія «ўключаліся ў лацінскія або польскія драмы, што ставіліся на езуіцкіх сцэнах Беларусі і Літвы. Беларускімі гэтыя інтэрмедый можна назваць з пэўнай доляй умоўнасці» [1, с. 162].

Адным з дзейсных вербальных сродкаў, якія выкарыстоўваюцца ў інтэрмедыях для дасягнення камічнага эфекту, з'яўляюцца фразеалагізмы.

Можна выдзеліць два спосабы ўжывання фразеалагізмаў – каламбурнае і некаламбурнае.

1. Каламбурнае ўжыванне фразеалагізмаў. Яно служыць асновай стварэння фразеалагічных каламбураў. Адзін з пашыраных спосабаў іх пабудовы – дэфразеалагізацыя фразеалагізма, што дасягаецца шляхам абыгрывання ўстойлівай адзінкі. У выніку той самы выраз па-рознаму ўспрымаецца персанажамі: адным – як фразеалагізм (з ідыяматычным значэннем), другім – як свабоднае спалучэнне слоў (з прамым значэннем). Так, у інтэрмедый «Селянін і вучань-уцякач» адбываецца такі дыялог: [Вучань:] *Але душа зэ мне вылезе.* [Селянін:] *Што гэто плячеш, я завязаў добра, а мех усюды цэлы, нігдзе дзіркі нет. Не вылезе душа, не вылезе! Сядзі гэтак. Утай духа: ідзець хтось!* Выраз *душа вылезе* Вучнем ужываецца як фразеалагізм 'памру', а Селянінам успрымаецца як свабоднае словазлучэнне (актуалізатар – вербальны кантэкст *мех усюды цэлы, нігдзе дзіркі нет, не вылезе душа, не вылезе*).

Такім жа спосабам утвораны каламбур і ў інтэрмедый «Літарат, селянін і Самахвальскі»: [Літарат:] *Овозь маце, вырвал сен Філіп з конопі.* [Селянін:] *Не знаеш, маспане, не ўмееш, хоць ты, вайцэць, мудрэць, не Піліп я, да Гаўрыла.* Пачуўшы з вуснаў літарата «Філіп», Селянін удакладняе, што ён не Піліп, а Гаўрыла. У аснове каламбура – абыгрыванне назоўнікавага кампанента (уласнага імя *Філіп*) фразеалагізма як *Філіп з конопі* ('зусім нечакана, знянацку, раптоўна') з антрапонімам *Піліп*. У польскай мове, з якой запазычаны гэты фразеалагізм (*jak filip z konopi*) слова *filip* (*філіп*) і сёння – другая, народная назва зайца. Як лічыць І. Я. Лепешаў, гэты «выраз склаўся ў асяроддзі паляўнічых, якія не раз бачылі ў часе палявання, як, забегшы ў каноплі ў перыяд іх цвіцення, заяц-піліп не вытрымліваў іх цяжкага, дурманнага паху і стрымгалоў выскокваў адтуль», аднак «забыццё першапачатковай вобразнасці прывяло да пераасэнсавання слова *піліп*, якое нярэдка ўспрымаецца як уласнае імя і беспадстаўна пішацца з вялікай літары» [4, с. 436].

2. Некаламбурнае ўжыванне фразеалагізмаў. У інтэрмедый «Селянін і вучань-уцякач» камічны эфект выклікае поліафектыўны выклічнікавы фразеалагізм *ахці мне* ('выказванне абурэння'), напрыклад: [Селянін:] *З чым я прыду? Ахці мне ж... Южэш, Маспане, калі хочэш, то бі мене, а шкло няруш!* <...> *Ах, зубы мне выбіў! Ах, ліхенько... ах ахці мне ліхо!* Камізм узмацняецца канцэнтраваным ужываннем выклічнікаў у рэпліцы персанажа (як выклічнікавага фразеалагізма, так і тройчы паўторанага выклічніка *ах*).

У згаданай вышэй інтэрмедый «Літарат, селянін і Самахвальскі» камічны эфект дасягаецца ўжываннем экспрэсіўна зніжанага фразеалагізма: [Селянін:] *Не гутары да*

* Паводле найноўшых звестак [3, с. 79], на сённяшні дзень вядома 36 беларускіх інтэрмедый [з іх 8 ніколі яшчэ цалкам не друкаваліся; шэсць знаходзяцца ў Вроцлаве (Польшча) і дзве – у Львове].

трэцяго: як што скажэць Гаўрыло, аж **кішкі** табе, маспане, ад смеху **парвуцца**. Тут **кішкі парвуцца** – праст. ‘вельмі моцна і доўга, да знямогі смяцца’; параўн. з фразеалагізмам *парваць жываты* <ад смеху>.

У інтэрмедыі «Мужык» камізм ствараецца ўжываннем прастамоўнага фразеалагізма *пуза развяжыць* [‘уволю, колькі хоча (наесца)’]: [Селянін:] *Ажну і папа не відна еўшы, да і пуза развяжыць*. З дапамогай устойлівага словазлучэння са зніжанай экспрэсіяй выяўляецца негатыўнае стаўленне простага Селяніна да прадстаўніка праваслаўнай царквы, для якога галоўнае – не «боскі промысел», а ўласны трыбух.

П’еса «Доктар па прымусе» Міхала Цяцёрскага была напісана і пастаўлена ў 1787 г. Гэта перапрацаваны варыянт камедыі Ж. Б. Мальера «Лекар паняволі»: з трох актаў М. Цяцёрскі зрабіў пяць, апусціў жаночыя вобразы, увёў вобразы беларускіх сялян Хведара і Апанаса, сцэны з якімі нагадваюць традыцыйныя беларускія інтэрмедыі, уключыў у маўленне галоўнага героя Савалона бессэнсоўныя лацінскія выразы, замяніў імёны некаторых дзейных асоб, зрабіў дыдактычна-маралізатарскім канец твора. Усё гэта разам узятае «дае падставу лічыць М. Цяцёрскага не перакладчыкам п’есы Мальера, а аўтарам, які напісаў самастойны твор паводле мальераўскіх матываў і сюжэта» [5, с. 532]. Як адзначаюць С. Л. Гаранін і С. В. Кавалёў, «фактычна М. Цяцёрскі выкарыстоўвае толькі агульны абрыс мальераўскай камедыі, часткова ўзнаўляе сюжэт, але ідэйная аснова раскрываецца пераважна з выкарыстаннем новага арыгінальнага матэрыялу» [6, с. 776].

У п’есе шмат камічных сцэн, «недарэчных празмернасцей, якія зусім натуральна выклікаюць усмешку чытача ці глядача» [7, с. 136–137].

Адзін з дзейсных сродкаў стварэння камічнага эфекту – фразеалагічныя каламбуры. Яны ўтвараюцца ў выніку абыгрывання ўсяго фразеалагізма: [Савалон:] *Але, што да нас, дык мы і **зубы** на тым з’елі*. [Апанас:] *Як жа ты, ваша, ужэ хлеб ясі без зубоў, з’еўшы **зубы** на леках?* Словазлучэнне *зубы з’елі* ў першай рэпліцы ўжываецца як устойлівае (‘набылі вялікі вопыт, навык у якой-н. справе’), а ў другой (у форме *з’еўшы зубы*) – як свабоднае, з прамым значэннем (актуалізатар – *Як жа ты, ваша, ужэ хлеб ясі без зубоў*). Такім жа спосабам пабудаваны каламбур і ў наступным прыкладзе: [Валерый:] *Ёсць тут адна хворая жанчына, якая **згубіла мову***. [Савалон:] *Калі сумленна, дык я нідзе не знайшоў гэтай згубленай мовы*. Той самы выраз *згубіць мову* Валерый ужывае як устойлівы (‘здольнасць гаварыць’), а Савалон успрымае як звычайны (пра гэта сведчыць дзеяслоў *не знайшоў*).

Народныя драмы ў Беларусі яны шырока бытавалі ў 2-й палове XIX – 1-й трэці XX ст. Сярод іх найбольш вядомыя «Цар Ірад», «Цар Максімілян» (самая папулярная), «Трон» (спалучаў сюжэты дзвюх першых), «Цар Мамай» і інш.

Першыя запісы тэкстаў беларускай народнай драмы зроблены ў 2-й палове XIX ст. этнографамі Е. Раманавым, А. Грузінскім, М. Васільевым, М. Федароўскім, у пачатку XX ст. – Е. Іваноўскім, пазней – Я. Дылам, Ф. Дзядзенкам, М. Грынבלатам, І. Кабаннікавым, Г. Барташэвіч, В. Захаравай, а таксама былымі ўдзельнікамі паказаў І. Здрокам, М. Ганчаровым [8, с. 18].

У народных драмах зрэдку сустракаюцца фразеалагічныя каламбуры. Напрыклад: [Максімілян:] *Старык, пастаў яго на часы!* [Стары:] *Станавісь **на часы!*** [Яўрэй:] *Сто! Палож мне часы, то я стану на часы* («Трон»). Выраз (станавісь) *на часы*, ужыты Максіміліянам як фразеалагізм (стань ‘на варту’), другім персанажам (Яўрэем) успрымаецца ў прамым сэнсе, пра што сведчыць актуалізатар – сугучнае сінтаксічнае словазлучэнне *стану на часы*.

З ужыванне фразеалагічных каламбураў сустракаемся таксама ў двух варыянтах (вядома шэсць) драмы «Цар Максімілян»: [Цар (выходзіць з натоўпу):] *Здрастуйце, дзеці! Здарова. дзеці! Што вы стаіце, нічога не гаворыце, разве вам **языкі прысохлі?*** [Усе:] *Так точна...* [Цар:] *Так нада іх прамачыць*. [Усе (крычаць):] *Пастарайцеся, цар*

Максімілян («Цар Максімілян»). Выраз *языкі прысохлі ў першай рэпліцы цара ўжыты як фразеалагізм – разм. ‘раптоўна страцілі здольнасць гаварыць’* (актуалізатар – *Што вы... нічога не гаворыце?*). Рэпліка дзяцей (*Усіх*) сведчыць, што гэты выраз яны ўспрымаюць як свабоднае словазлучэнне (паказчык – *Так точна*). Другая рэпліка цара (*Так нада іх прамачыць*) дае падставы меркаваць, што ён пераасэнсоўвае выраз *языкі прысохлі* і ўкладвае ў яго, як і дзеці, прамы сэнс. Гэта можна растлумачыць тым, што цар, зразумеўшы, што дзеці ўспрынялі выраз *языкі прысохлі ў прамым значэнні*, вырашыў «падтрымаць» іх. Рэалізацыя тым самым выразам у рэпліках цара рознага сэнсу (ідэяматычнага і прамога) садзейнічае ўзмацненню камізму. Аналагічна абыгрываецца фразеалагізм *языкі напрысохлі* і ў варыянце «Цар Максіміліан»: [Максіміліан:] *А, здрастуйце, дзеці! Здарова, дзеці! Чаго вы сядзіце, нічога не гаворыце? Алі **языкі напрысохлі?*** [Усе:] *Папрысохлі!* [Максіміліан:] *Нада прамачыць.*

Такім чынам, для стварэння камічнага эфекту ў творах беларускай прафесійнай драматургіі на пачатковым этапе яе развіцця фразеалагізмы ўжываюцца ў «чыстым» выглядзе (у некаторых інтэрмедыях) і як сродак каламбурнага абыгрывання (у асобных інтэрмедыях, п’есе М. Цяцёрскага «Доктар па прымусе», народнай драме «Трон» і двух варыянтах драмы «Цар Максімілян»).

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Мальдзіс, А. І. На скрыжаванні славянскіх традыцый: літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII–XVIII ст.) / А. І. Мальдзіс. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.

2 Саннікаў, А. К. Інтэрмедыя / А. К. Саннікаў, А. А. Семяновіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1985. – Т. 2. – С. 590.

3 Міско, С. М. Школьны тэатр Беларусі XVI–XVIII стст.: вучэб. дапам. / С. М. Міско. – Мінск: Тэсей, 2000. – 168 с.

4 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

5 Лаўшук, А. С. Каментарыі / А. С. Лаўшук // Беларуская дакастрычніцкая драматургія / [уклад., падрыхт. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. С. С. Лаўшука; рэд. Ю. С. Пшыркоў]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – С. 531–534.

6 Гаранін, С. Л. Драматургія / С. Л. Гаранін, С. В. Кавалёў // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2007. – Т. 1: Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя; навук. рэд. тома В. А. Чамярыцкі. – С. 748–784.

7 Усікаў, Я. Беларуская камедыя: (ля вытокаў жанру) / Я. Усікаў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1964. – 199 с.

8 Стэльмах, Дз. У. Народная драма / Дз. У. Стэльмах // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: БелСЭ, 1987. – Т. 4. – С. 18–19.

УДК 81’373:398.9:659.158.232:[159.92335:159.928.234-043.7]

Н. Н. Саппа

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПЛАКАТНЫХ ТЕКСТОВ В МЕХАНИЗМЕ КОРРЕКЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье исследуются механизмы и инструменты формирования фразеологических

единиц в тоталитарном государстве на примере группы плакатов 30-х годов 20 века. Рассматриваются отдельные типы плакатных текстов, ставшие устойчивыми словосочетаниями, служившие средством идеологического воздействия и воспитания советских граждан.

В работе [1] нами рассматривалось представление о фраземах как об элементарных частицах в структуре ментальности. Отметим, что в традиционном значении «ментальность» – это способ видения мира, аналитический и эмоциональный одновременно. В широком ряде случаев ментальность синонимична «менталитету» и подразумевает тот или иной «склад ума», то есть устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду (обычно как представителю некоторой социальной группы). С социологических позиций в менталитете, как полагает социолог Н. Победа, «соединены вместе способ мышления и способ действия, коллективное и индивидуальное сознание, логические, рациональные структуры и бессознательное, интуитивное восприятие мира и общества через привычки, стереотипы». Основными структурными составляющими ментальности, представляющими интерес в социологическом измерении, социолог видит систему ценностей, личные свойства и качества, характеризующие способ мышления и способ действия в их целостности, а также систему стереотипов [2, с. 44]. Такой взгляд позволяет представить фразеологические единицы как лингвистические средства, способствующие восприятию и оценке людьми окружающего мира, передаче социального опыта и социальных установок, т. е. социализации людей и, следовательно, формированию их менталитета.

Безусловно, различным этносам и обширным социальным группам присущи свои отличные ментальности, неотъемлемой характеристикой и частью которых являются присущие им фразеологические блоки. Они, в свойственной им лингвистической форме, выражают собой соответствующие установки мыслительной и поведенческой деятельности. Бытует мнение, что ментальность крайне инерционна и многие факты подтверждают это. Но, по-видимому, какие-то части её более подвижны и способны к динамическим изменениям. Примером этому может служить особая мыслительная и поведенческая культура, сформировавшаяся в СССР и называемая «совок», с порождённым ею словарём «советизмов», включающим и фразеологические единицы [3]. В то время социальные изменения в обществе и новые социальные условия вели к возникновению соответствующих новым реалиям фразеологизмам, которые соответственно отображались в ментальности людей.

Вместе с тем проведение крупномасштабных социальных изменений происходит более эффективно при соответствующей изменением коррекции ментальности социальной общности. Разумеется, возможно это лишь в тоталитарном обществе. Определённую роль в этой коррекции играет и создание соответствующего ей ансамбля фразеологических единиц. Целью работы является поиск механизмов и инструментов формирования фразеологических единиц в тоталитарном государстве.

Наиболее интересным для исследования нам представляется период 30-х годов XX в. в СССР, связанный с началом активного формирования тоталитарного режима. Для нашего анализа существенным является то, что в указанное время самой природой тоталитарного режима исключалось произвольное возникновение фразеологических единиц, отражающих критическую оценку политических и социальных событий в государстве. Возможно, они и появлялись в некоторых замкнутых сообществах инакомыслящих, но в тогдашней атмосфере всеобщего доноительства не приобрели устойчивый характер. Поиск нами таких фразеологических единиц в воспоминаниях современников или художественных произведениях о том времени, подобных романам «Дети Арбата» А. Рыбакова и «Белые одежды» В. Дудинцева, не

принёс значительных результатов.

Укажем, что широкомасштабная коррекция ментальности населения как социальная технология в условиях социальных изменений первых десятилетий советской власти проводилась также и путём массированного информационного воздействия, которым людям навязывались соответствующие тоталитарной идеологии ценности, установки, стереотипы мышления и поведения [4]. Информационными каналами выступали все существовавшие в то время средства массовой информации, включая выступления на митингах и собраниях. Как было показано славистом А. М. Селищевым в монографии «Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)»^{##}, материалы из газет, радиопередач, выступлений на собраниях способствовали интеграции в обиходную речь населения слов и выражений из военной, политической и бюрократической сфер, формированию устойчивых словосочетаний, соответствующих социальным изменениям того времени.

На наш взгляд, в то время, когда не во всех регионах страны газетная продукция и радио были массово доступны населению, а его грамотность не была достаточно высокой, наиболее эффективным инструментом влияния на поведение людей были плакаты. Удобство использования плакатов и листовок, простота их понимания и доступность, а также относительно дешёвое производство делали плакаты одним из наиболее популярных методов ведения пропагандистской деятельности. Спецификой плакатов было то, что они состояли из небольших текстов, использовались многократно, охватывали значительную, в сравнении с митингами и собраниями, аудиторию, а их распространение было более простым, чем любой иной печатной продукцией. (Применение плакатов как социальной технологии влияния на социальный объект рассматривалось нами в работе [6]).

Заметим также, что и в современных психологических тренингах создание определённых установок личности осуществляется повторением устойчивых словосочетаний-команд, направленных на закрепление в сознании необходимых стереотипов мышления и поведения. В плакатах же устойчивые словосочетания сопровождаются зрительными образами, способствующими усвоению установки. В отличие от классической живописи, плакаты не были элитарным искусством, они были специально созданы как элемент массовой культуры для усиления понимания их текстов широкими слоями малообразованного населения. Благодаря своей простоте и выразительности (чаще всего использовалась символика цвета, так называемая «трёхцветка» – белый, чёрный и красный цвета), плакатное творчество побуждало к принятию активной позиции и решительным действиям значительно эффективней, чем любые другие виды СМИ.

Анализ группы плакатов 30-х годов минувшего столетия показывает, что одна из основных функций плакатов того времени – регулятивная. Их краткие тексты, состоят преимущественно из одного предложения или фразы, которые легко запоминаются, носят убеждающий характер и состоят из слов, содержащих в своем лексическом значении эмоционально-экспрессивные, оценочные и т. д. компоненты, предназначенные для регуляции поведения человека. Эти тексты, могут быть позднее самостоятельно воспроизведены читателем и стать устойчивым в воспроизведении словосочетанием.

Известно, что при тоталитарном режиме всё население государства мобилизуется для поддержки правящей партии. На советских плакатах, относящихся к политической сфере, довольно часто использовались цитаты из выступлений политических и государственных деятелей страны. Так, ставшее крылатым выражение «*Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство*» (1936 г.) было воспроизведено на плакатах и спровоцировало появление устойчивых выражений «*Спасибо товарищу ...*» (с соответствующей заменой имени) и «*счастливое детство*». Такова же примерно и судьба фраз из выступлений И. Сталина, растиражированных в прессе и на плакатах и ставших

^{##}Отрывки из книги приведены в [5].

затем крылатыми: «*кадры решают всё*», «*самый ценный капитал — это люди*», «*жить стало лучше, жить стало веселей*», «*нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять*». К вступлению советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию распространялись плакаты с фразой И. Сталина: «*...Наша армия есть армия освобождения трудящихся*». Для пропагандистских целей в плакатах использовались и непосредственные политические лозунги: «*выполним заветы Ильича*», «*выше знамя Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина!*», «*О каждом из нас заботится Сталин в Кремле*», «*Поезд идёт от ст. Социализм до ст. Коммунизм. Испытанный машинист локомотива революции т. Сталин*», «*Сталин — счастье народное!*», «*Без революционной теории не может быть революционного движения!*» (о системе партийного просвещения).

Проявления оппозиции в любой форме в тоталитарном государстве подавляются или пресекаются государством, а упоминание о врагах обычно служит консолидации населения. Этой задаче отвечали такие, в частности, тексты плакатов: «*Будь бдителен! Разоблачай врага под любой маской!*», «*Болтун — находка для шпиона!*», «*Уничтожим кулака как класс*», «*Выбирай в туземный совет трудящихся! Не пускай шамана и кулака!*» (Якутия), «*15 років боротьби за генеральну лінію партії*», «*Ставка интервентов бита!*» (о деле Промпартии), «*Искореним шпионов и диверсантов, троцкистско-бухаринских агентов фашизма!*», «*Фашизм это голод, фашизм — это террор, фашизм — это война!*».

Обычно целью тоталитарного контроля над экономикой и обществом является их организация по единому плану. Инструментально эта задача осуществлялась также и с помощью плакатов, которые утверждали необходимость индустриализации страны и коллективизации на селе: «*Под знаменем Ленина за вторую пятилетку!*», «*Выполним план великих работ!*», «*Ударную уборку — большевистскому урожаю*», «*Колхозники и единоличники! Сдадим хлеб государству*», «*Ударники полей, в бой за социалистическую реконструкцию*». Поддержка военного строительства в СССР населением декларировалась в плакатах текстами: «*Опановуй військову техніку*», «*Даёшь советский дирижабль!*», «*Молодёжь — на самолёты*», «*Пролетарська молодь — готуйся боронити радянську країну*».

В тоталитарном государстве, где всё население государства мобилизуется для поддержки правящей партии и его идеологии, утверждается приоритет общественных интересов над частными. Значительный ресурс в этом виделся в перемене мировоззрения женщин. Они отрывались от частной жизни («*8 марта — день восстания работниц против кухонного рабства*»), вовлекались партийную и общественную работу («*Ударницы заводов и совхозов, вступайте в ряды ВКП(б)*», «*Каждая кухарка должна научиться управлять государством. Ленин*»), должны были принимать также активное участие в подготовке к обороне страны («*Каждая комсомолка должна овладеть боевой техникой обороны СССР*»).

Разумеется, направлений информационного давления и соответствующих им плакатных текстов было гораздо больше, чем представлено в работе. Мы полагаем, что одним из механизмов коррекции ментальности населения СССР в то время было создание и распространение подобных текстов плакатов и других СМИ как материала, на базе которого формировалось всё многообразие устойчивых выражений, выполнявших роль психологических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Саппа, М. М. Історичні фраземи як елементи структури ментальності / М. Саппа // Мова і культура. — К.: Вид. Дім. Д. Бураго, 2010. — Т. IX (145), — В. 13. — С. 35–40.
- 2 Победа, Н. А. Возрождение духовности как предмет социологического анализа / Н. А. Победа // зб. наук. праць «Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства». — Х.: Вид. центр Харківського національного ун-ту, 1999. — С. 43–49.
- 3 Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Ники-

тина // СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

4 Чернова, О. Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния / О. Е. Чернова // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 28. – С. 192–198.

5 Селищев, А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 88–102.

6 Саппа, Н. Н. Искусство плаката как социальная технология / Н. Н. Саппа // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. – №1. – С.114–118.

УДК [81'373:398.9]:655.535.52

И. В. Серикова

О НОВЫХ СПОСОБАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЗИЦИИ ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА

(На материале русскоязычных газет начала XXI века)

В статье анализируются нетрадиционные способы графической репрезентации фразеологических единиц, в результате которых возникают поликодовые образования, функционирующие в заголовочном комплексе русскоязычной прессы Беларуси.

В лингвистической литературе, посвящённой исследованию стилистического использования фразеологических единиц (ФЕ) в публицистике, детально описаны основные виды и разновидности их индивидуально-авторских преобразований [1]. В начале XXI века «само по себе использование фразеологизмов в газете и их трансформация – приёмы достаточно традиционные и вследствие этого уже утратившие эффект неожиданности» [2, с. 217]. Для привлечения внимания и воздействия газетных текстов авторы вынуждены прибегать к поиску новых способов трансформации ФЕ в позиции заголовочного комплекса (ЗК).

Новаторские традиции модификации ФЕ в ЗК проявляются в том, что утверждаются на роль основных нетрадиционные способы графической репрезентации ФЕ. Это приводит «к усилению игрового начала, к так называемой «игре с игрой» [2, с. 217], графической игре.

В работе С. В. Ильясовой и Л. П. Амири «Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы» [3] представлен терминологический аппарат графической игры, предложенный Т.В. Поповой [4, с. 231]: «*дефисация* – разбиение слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения; *парентезис* (ср. англ. parenthesis ‘брать в скобки’); *квотация* (ср. англ. quotation marks ‘кавычки’); *слешинг* (ср. англ. Slash ‘наклонная черта’); *полипунктуализация* (ср. punctum ‘точка’, poly ‘много’); *апострофизация*; *курсивизация* – выделение курсивом одной из частей слова, которая совпадает с реально существующим словом; *эксclamация* (от англ. exclamation ‘восклицание’) – использование восклицательного знака для разбиения узуального слова на две и более лексемы, обладающие прагматической значимостью; *графоморфоактуализация* – разбивка строки, приводящая к нетрадиционному делению слова на морфемы и актуализации его внутренней формы; *слияние*, или *голофразис*, или *интеграция* – написание сочетания слов целого предложения без пробелов; неузуальное слабо мотивированное или немотивированное чередование строчных и прописных букв; *гамма-редупликация* – повтор буквы; *поликодификация*, или *графогибридизация* – оформление новообразований с помощью графических средств разных языков».

Данная классификация объединяет разновидности такого способа как графикация, который высокопродуктивен при создании лексических поликодовых новообразований

авторами газетных текстов.

Графиксация в качестве самостоятельного способа русского словообразования была выделена В. П. Изотовым. Автор определяет графиксацию как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)», причем только одного языка [5, с. 45].

Однако словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе, посвящённой исследованию языка газет, и раньше. В. Г. Костомаров в работе «Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики» [6], рассматривая источники газетно-языковой экспрессии, указывает на собственно языковые, несобственно языковые (вроде графических каламбуров) и внеязыковые (иллюстрации, оформление и т. д.) источники.

На наш взгляд, термин «графическая игра» по отношению к газетному тексту можно рассматривать в узком и широком смысле. Необходимо учитывать, что газете как сложному феноменологическому объекту присуща «совокупная газетная экстралингвистика», которая «предъявляет к языку каждого материала, оказавшегося на газетной полосе, внутренне противоречивые, но единые требования», поэтому «то или иное явление газеты как социально-культурного факта отражается в газетном языке не само по себе, а поскольку сопряжено со всей газетной экстралингвистикой, и не одной какой-либо языковой чертой, а всей газетной лингвистикой» [6, с. 57]. Таким образом, «графическая игра» в широком понимании данного термина может трактоваться как игра на газетной полосе со всеми несобственно языковыми и внеязыковыми средствами. В узком значении «графическая игра» связана с полиграфическим варьированием. Однако на страницах современных газет полиграфическое варьирование может быть разных видов, например, представлять игру с цветом, со шрифтом и т. п.

Анализ фактического материала (около 4000 тысяч ФЕ, фразеология рассматривается в широком смысле), извлечённого из общественных массово-политических русскоязычных газет Беларуси («Советская Беларусь» – далее СБ; «Аргументы и факты» – далее АиФ; «Обозреватель» – далее О;) начала XXI века, позволил сделать следующие выводы:

1. В первые годы XXI века (2001–2004гг.) для реализации воздействующей функции газетного текста журналисты использовали излюбленные и распространённые способы трансформации ФЕ в позиции ЗК (субституция, расширение, сокращение компонентного состава и другие). Применение несобственно языковых приёмов модификации ФЕ начинается с 2004 года;

2. В данном типе прессы при полиграфическом варьировании, которое используется для оформления заголовков, применяются те приёмы графической трансформации фразеологизмов, в результате которых получается супраграфема, предполагающая возможность двойного прочтения ФЕ. Примеры с использованием супраграфем представляют собой контаминации с графически выделенным сегментом, в результате которых происходит структурно-семантическое объединение слов, причём выделенный элемент может относиться к различным семиотическим системам;

3. Фразеологические поликодовые образования в позиции заголовочного комплекса общественных массово-политических газет встречаются весьма редко по сравнению с лексическими новообразованиями подобного типа (это объясняется, прежде всего, языковой политикой данных периодических изданий, а также использованием на страницах газет широкого «спектра» внеязыковых (изохудожественных) средств);

4. «Креолизованные фразеологизмы» употребляются только в собственно заголовке как «наиболее независимом, самостоятельном элементе, передающим определенное текстовое содержание. Значение текстового заголовка должно быть индивидуально, оригинально и обусловлено непосредственными содержательными соотношениями с

называемым им текстом» [7].

5. Базой для фразеологических поликодовых заголовков служат различные в генетическом, содержательном, структурном и стилистическом планах устойчивые единицы, зафиксированные или не отмеченные фразеологическими словарями: лебединая песня [8, т. 2, с. 86] < *СОКОЛ*иная песня (о различных амплуа телеведущего Максима Сокола) [АиФ, № 25, 2008]; читать нотацию [9, с. 583] < *Запад* читает славянам *НАТА*ции (о расширении военного альянса НАТО) [АиФ, № 15, 2008]; не по зубам кому кто [8, т. 1, с. 268] < *Рак* ему по *ЗУБ*кам (о пользе чеснока) [АиФ, № 7, 2008]; на нет и суда нет < *На нет* и суда нет? (об Интернет-мошенниках) [АиФ, № 28, 2008]; закрома Родины < *заКРЫ*Ма бывшей родины (о том, как мало изменился Крым) [АиФ, № 29, 2004]; Геркулесовы столпы (столбы) [10, с. 118] < *Геркулес*овы столбы (о происхождении знака «доллар») [СБ, 13.10.2006]; пушечное мясо [10, с. 416] < *БУШ*ечное мясо (о военных потерях США в Ираке) [АиФ, № 37, 2004]; Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях [11, с. 550] < *Сказка* о *МЭРТ*вом царевиче (об отставке министра экономического развития и торговли Г. Грефа) [АиФ, № 24, 2006]; Сезам (Сим-Сим), откройся [12, с. 651] < *Sim-Sim*, откройся [СБ, 6.10.2004; О, № 41, 2006], *Sim-Sim*, закройся (о различных махинациях с сим-картами) [О, № 46, 2004]; Полосатый рейс < *ПолОС*Атый рейд» (о нашествии ос в жаркий период) [АиФ, № 26, 2006]; Семь стариков и одна девушка < 7 «*кОзО*нов» и одна девушка (об особенностях знакомств по объявлению) [АиФ, №1-2, 2005]; Белые росы < *Белые SOS*ы (о помощи жителям района белые Досы) [СБ, 3.03.05]; Хлеба и зрелищ [10, с. 525] < *Хлеб* и *зрелищ*е (о белорусском полузащитнике «Штутгарта» А. Глебе) [СБ, 24.06. 2005]; Pro et contra (За и против) [13, с. 798] < *ПРО* и *контра* (о размещении ПРО США в Европе) [СБ, 24.01.07]; Берегите родину! < *Берегите РОДИН*ку (о здоровье) [АиФ, № 43, 2006]; белорусская марка < *Антонио Венече: Верю* в *BELL*Орусскую марку (о перспективах белорусского фэшн-рынка) [АиФ, № 20, 2005]; дипломатический советник, титулярный (надворный, тайный) [14, с. 126] < *Вирту@льный советник* (как Интернет помогает решить многие проблемы и сэкономить время) [СБ, 7.10.2006]; лобовая атака < *ЛОБ*овая реклама (о продаже своего лба американкой) [АиФ, № 27, 2005]; трудное детство < *ТРУД*ное детство (о том, как дети зарабатывают собственные деньги) [СБ, 13.08.2004]; всё будет окей! < *Всё* будет *хОККЕЙ!* (об ответственности за чемпионат мира по хоккею нового президента Федерации хоккея Владислава Третьяка) [АиФ, № 18, 2006]; лётная погода, улётное что-либо < *ЛОТ*ная погода по *уЛОТ*ным ценам (о ценах на авиабилеты) [АиФ, № 13, 2009].

Таким образом, несобственно языковые средства, в данном случае, полиграфические, служат материалом для воплощения конструктивного принципа газетного языка, диктуются характером газетной экспрессии. Однако журналисты отдают предпочтение собственно языковым источникам экспрессии при трансформации ФЕ в позиции ЗК, «хоть они и не столь могучи» [6, с. 175].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. // А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.

2 Ильясова, С. В. Словообразовательная игра: аспекты исследования (на материале языка СМИ нач. XXI в.) / С. В. Ильясова // Русский язык: исторические судьбы и современность. 111 Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2007. – С. 216–217.

3 Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М.: Флинта: наука, 2009. – 296 с.

4 Попова, Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начале

XXI вв. / Т. В. Попова // Русский язык: исторические судьбы и современность. 111 Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2007. – С. 230–231.

5 Изотов, В. П. Параметры описания системы русского словообразования: монография / В. П. Изотов. – Орел, 1998.

6 Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров // Издательство Московского университета. – М.: 1971. – 268 с.

7 Лид как часть заголовочного комплекса печатных СМИ: материалы Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pws-conf.ru/studentam/rol-i-vidi-gazetnih-zagolovkov/7653-lid-kak-chast-zagolovchnogo-kompleksa-pechatnih-smi.html>. – Дата доступа: 25.04.2011.

8 Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

9 Фразеологический словарь русского языка. – ООО «Полиграф услуги», 2005. – 608 с.

10 Берков, В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО Изд-во «Астрель», 2000. – 624 с.

11 Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

12 Крылатые слова: Энциклопедия / Авт.-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 831 с.

13 Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник; худож.-оформители Б. Ф. Бублик, В. А. Мурлыкин. – Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2006. – 992 с.

14 Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

УДК [81.161.2:81'367.625]:004.522

В. С. Сидорец

О СООТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ УКРАИНСКОГО ГЛАГОЛА ЗАВДАВАТИ В КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОМ АСПЕКТЕ

*С учетом семантической структуры украинского глагола **завдавати** исследуются номинативно-деривационные, связанные (фразеологические) и номинативные (прямые) значения, анализируются факты, иллюстрирующие подверженность вербоидов различным трансформациям.*

В семантической структуре украинского глагола *завдавати*, как свидетельствует «Словник української мови» [1: Т. 3, с. 40] и наши материалы, представлены номинативно-деривационные, связанные (фразеологические) и номинативные (прямые) значения.

Не случайно прямые, номинативные значения в словарной статье на третьем месте: они зафиксированы после связанных (фразеологических) значений во втором пункте и частично в пунктах пятом и шестом. Основное прямое значение «піднімати, брати тягар, ношу на плечі, спину» – во втором пункте и является широким, общеукраинским по употреблению, хотя и с разговорным оттенком, а в пятом и шестом пунктах со значениями «додаючи якийсь продукт готувати тісто, ряжанку», «давати» – более узкими: «Поцілуйко стягує з воза мішок з мукою, **завдає** собі на плечі й, пригинаючись,

несе свій подарунок»; «Жінки тим часом обдивлялися запаси, дивувалися хлібові святому, що він у Олени Іванівни завжди і пухкий і високий; розпитувалися – у кого брала борошно, як учиняла, чим **завдавала**»; «Яких вже мені ліків не **завдавали!** Лукаш мене напував листом од чорних порічок».

Всього в статті шість обзначених цифрами значень і особливо виділені фразеологічні значення.

Номинативно-дериваційні значення, отримані в науково-практичному освітленні в різних по характеру і об'єму наукових працях [2; 3; 4;], розглядаються в аспекті перетворення однозначних значень слів через визначені ступені десемантизації в неоднозначні, виконуючі дериваційні (словообразовательні) функції. В семантичній структурі глагола *завдавати* переважають значення, функціонуючі в якості деривантів (функціональних формантів) неоднословних найменувань предикатного признака. Ця фактично *стробова* функція основательно «востребована» українською мовою і представлена в словниковій статті во всіх пунктах, крім другого, в якому приводяться прямі, номинативні значення: «Я ще не пробула й півмісяця в баронеси, а скільки **прикрас** завдала вона мені!»; «Яресько згоряв від сорому. Він бачив, що своїм запізненням **завдав образи командирові**»; «Рана від тавра **завдавала** їм (невільникам) **невимовних страждань**»; «Він **завдавав собі питання** від старшини й **відповідав на ті питання**».

Іноді деривантні значення зустрічаються в статті і серед фразеологічних значень: *завдавати втрати* (*втрат*), *завдавати поразки*, *завдавати удару* і нек. др. Наприклад: «Танк Шишла, напевно, був останнім у групі військ, які, **завдаючи** німцям великих **втрат**, відходили на схід» [1: Т. 3, с. 40]; «Він (Богдан Хмельницький) розбив ущент польське військо під Жовтими Водами й Корсунем, а потім, після кількох битв, **завдав** нищівної **поразки** під Пилявцями і обложив Львів і Замостя» [1: Т. 7, с. 247]; «Загарбання турками узбережжя Чорного моря в кінці XV ст. **завдало** торгівлі між Заходом і Сходом (через Україну) **сильного удару**» [1: Т. 10, с. 385].

Широко представлені ці значення в сучасній українській мові: «Саме десь тут, між Тендрою і Хаджибаєм, як пише Морська історія, контр-адмірал Ушаков **завдав поразки** турецькій флотилії 28 серпня 1790 року» [Радянська Україна, 11.06.80 г.]; «Молодий марксист Володимир Ульянов **завдав** нищівного **удару** як по народництву, так і «легальному» марксизму» [Літературна Україна, 08.04.80 г.]; «Ці зміни **завдають** великої **шкоди** державі і суспільству» [Вісник АН УРСР. 1981, № 8, с. !8]; «Це **завдасть збитків** американській економіці» [Радио, 29.10.01]; «Землетрус **завдав** їй (країні) **смертельних ушкоджень**» [Радио, 13.04.02 г.].

Широке розповсюдження отримали в українській мові і фразеологізми з компонентом *завдавати*: *завдавати брехню* (звинувачувати кого-небудь у неправді), *завдавати гарту* (нівечити або знищувати що-небудь), *завдавати дурня* (виставляти, робити кого-небудь дурним), *завдавати духу* (побити, покарати кого-небудь, заподіяти неприємності комусь), *завдавати жару* (провчати кого-небудь, сварити і т. ін.), *завдавати перцю* (добре вилаяти; висміювати або карати кого-небудь), *завдавати чосу* (завдавати нищівного удару, давати належну відсіч ворогові), *завдати бані* (сильно побити когось, дати прочуханки кому-небудь), *завдати веремії* (викликати замішання, зчинити колотнечу) і др. Наприклад: «– Брешеш! – стрибнувши до Супруненка, не своїм голосом крикнула вона... – Хе-е! Ще й **брехню завдає!** – сказав Грицько» [1: Т. 1, с. 233], «– Ми з Томкою **завдали** таки доброго **гарту** Генці Климовському» [1: Т. 2, с. 35], «Оникій тобі заробити дає, а цей [Вустимко] ... **дурня** йому **завдає**. У власній хаті хазяїна ображають» [1: Т. 2, с. 438], «– Приляж к землі ти для підслуху, а я **завдам** рутульцям **духу**» [1: Т. 2, с. 444], «Чутно голоси з народу: – Ага! піймалися! **Завдасть** тепер вам **жару!**» [1: Т. 2, с. 509], «– А побратим же твій де? – спитав Петро. – Побратимові, каже, – моєму доволі діла. Хочемо **задати** (**завдати**) **перцю** городовій старшині, так

шатається тепер по всіх усядах» [1: Т. 6, с. 318], *«Учора якийсь панок біля Митьчиної лавки розказував, як наші завдали японам [японцям] такого чосу, що довго чухатимуться»* [1: Т. 11, с. 366], *«Тут шаблюю шукать, а не судами прав належить. Ножиком завдам їм веремії»* [1: Т. 2, с. 328].

То, что в статье сочетания с глаголом *завдавати* в функции дериванта выходят за пределы первого пункта и оказываются среди других значений, особенно фразеологических, свидетельствует о недостаточно чётком определении статуса этих дискретных единиц, в нашей терминологии – вербоидов.

В сочетаниях типа *завдавати брехню* слова семантически сливаются, подвергаются идиоматизации, а в сочетаниях типа *завдавати питания* «опорные наименования (в роли которых всегда выступают семантически ключевые слова) как бы снижают свой ранг, выполняя знаковую функцию, сходную с той, которую выполняют основы слов, а слова в их связанном значении либо понижают свой ранг до знаковой функции, характерной для служебных слов... либо выполняют нагрузку, присущую аффиксальным средствам языка, придавая опорным наименованиям то или иное категориально-признаковое осмысление» [5, с. 10].

«Важным критерием отграничения фразеологических единиц от нефразеологизмов... – как отмечает В. М. Мокиенко, – является экспрессивность (разрядка наша. – В. С.)» [6, с. 145], которая усиливает «восприятие за счёт эмоциональной реакции, вызванной образностью, в том числе и звуковой» [5, с. 112]. Отмеченная черта – образность – представляется не просто важной, а онтологической, вытекающей из назначения фразеологизмов – выражать проявляемое через чувства отношение к фактам окружающей действительности, давать им оценку, ибо фразеологизмы составляют часть той функционально-семантической категории, которая обусловлена категорией эмоционально-психической сферы человеческой деятельности. В связи с этим «интересно отметить, что с усилением оценочного значения соответственно ослабляется номинативное значение, и наоборот... возникновение фразеологизма связано с выражением всякого рода модальных оценок и отношений говорящего к высказываемому. Модальная окраска является одним из существенных элементов значения фразеологизма» [7, с. 25].

В отличие от фразеологизмов назначение номинативно-деривационных сочетаний (в нашей терминологии – вербоидов), порождённых понятийной категорией процессуальности, называть акционально-неакциональный признак (термин Г. А. Золотовой), что определяет особенности семантики, структуры, употребления и образования этих дискретных единиц. Естественно, возникновение, существование и распространение вербоидов принципиально отличается от фразеологических единиц, несмотря на наличие общих черт – воспроизводимости и устойчивости. Однако устойчивость вербоидов, порождающая их воспроизводимость в речи, обусловлена свойствами модели, которая «арендована» деривационным, по существу словообразовательным, механизмом у синтаксиса. Она функционально напоминает деривационную устойчивость производного слова. Вербоиды характеризуются чёткой бинарной деривационной структурой: одна часть представлена десемантизированным глаголом, деривантом – функциональным формантом, а другая, концентрирующая лексическое значение вербоида, – абстрактным существительным с предикатно-признаковой семантикой.

В научной литературе отмечается, что «для подавляющего большинства фразеологизмов характерно также и такое свойство, как непроницаемость структуры. Основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных языковых единиц, вставки в которые обычно невозможны» [8, с. 23]. Кроме того, фразеологизмы отличаются постоянством расположения составляющих частей: «Любая модификация в составе фразеологизмов, любое – пусть самое небольшое – изменение порядка следования компонентов осознаётся говорящими как новообразование, лежащее за пределами системы языка» [8, с. 22].

Вербоиды проницаемы по структуре, подвержены различным трансформациям.

Приведём некоторые трансформации вербоида *завдавати питання*: *Він завдавав собі питання від старшини й відповідав на ті питання; Він, завдаючи собі питання від старшини, й відповідав на ті питання; Питання від старшини, які він собі завдавав, на ті питання й відповідав; Завдані йому старшиною питання одержували у нього відповіді.*

Дальнейшее исследование вербоидов и фразеологизмов по разным параметрам позволит определить их статус в языке и речи, что, в свою очередь, даст возможность более чётко разграничить функционально-коммуникативную направленность различных значений в семантической структуре слов, в том числе и в семантической структуре украинского глагола *завдавати*.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 Словник української мови: в 11 т. / редкол. И. К. Белодед (председатель) [и др.] – Київ: Наукова думка, 1970 – 1978. – Т. 1–11.
- 2 Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Мн.: Вышэйшая школа, 1985. – 157 с.
- 3 Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно: Изд. центр ГрГУ, 2004. – 348 с.
- 4 Сидорец, В. С. Неоднословное наименование действия у восточных славян – избыточность или необходимость / В. С. Сидорец. – Мозырь: Изд-во МозГПИ, 1993. – 93 с.
- 5 Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- 6 Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
- 7 Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
- 8 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК 800.7:61-054.68

Т. А. Скрыбина, А. Ю. Гречанова., Л. А. Кошляк, И. А. Луговскова

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ, ИХ СЕМАТИЗАЦИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена идиоматическим выражениям, используемым в медицинских текстах. Определяется статус «медицинских фразеологизмов», их возникновение и роль в формировании терминологической компетенции студентов-медиков. Рассматриваются вопросы функционирования и семантизации фразеологизмов, относящихся к медицинской тематике, в иностранной аудитории.

В современном информационном обществе повышается интерес к прагматически ориентированному способу вербализации научного знания, поэтому рассмотрение языка, в частности его фразеологизмов, в лингвокогнитивном аспекте является актуальным и имеет прикладной характер. Несмотря на давний интерес лингвистов к фразеологии, в науке остаются неописанными многие вопросы функционирования устойчивых выражений. Так на сегодня отсутствует всесторонне описание свойств, специфики и функционирования терминов-фразеологизмов в медицинских текстах. А

ведь ещё В. В. Виноградов писал: «Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия» [1, с. 27]. Когнитивный анализ фразеологизмов отражает номинацию того или иного явления (органа), а также выражает отношение, раскрывает информацию (в том числе и коннотативную), формирующую содержание фразеологизма. Лингвокогнитивное исследование устойчивых единиц языка имеет большую практическую ценность для преподавания русского языка как иностранного.

Одним из признаков владения иностранным языком является активное и правильное использование фразеологизмов в речи. Поскольку базовым принципом создания фразеологических единиц является метафоричность, адекватное декодирование его иностранцем и уместное воспроизведение в речи требует серьезной языковой подготовки, направленной на пополнение словарного состава языка, развитие речевой догадки, навыков употребления ФЕ.

Обычно фразеологизмы активно используются в художественных текстах и разговорной речи как средство создания экспрессивности и образности. В научном стиле ФЕ встречаются значительно реже, однако в текстах медицинской направленности идиоматические выражения представлены достаточно широко. Заметим, что Н. М. Шанский настаивает на том, что «составные термины как особую группу фразеологических оборотов можно выделять лишь тогда, когда фразеологизмы рассматриваются с экспрессивно-стилистической точки зрения» [4, с. 64] Мы же определяющим признаком фразеологизмов считаем их метафоричность. Медики широко используют метафоры, проявляя творческую активность, для объяснения и номинации медицинских явлений «путём переноса в область медицины конкретных фрагментов образа мира на основании их тождества» [2, с. 61].

Группа фразеологизмов-терминов медицинской направленности достаточно многочисленна и многообразна. Так называемые «медицинские фразеологизмы» обозначают

- анатомическую структуру (*конский хвост, евстахиева труба, адамово яблоко и др.*);
- патологические изменения (*паучья кисть, барабанные палочки, клевки аиста, грудь сапожника, голова медузы, куриная грудь, козлиный нос, бычье сердце, заячья губа и др.*);
- заболевания (*грудная жаба, пляска святого Витта (и виттова пляска), медвежья болезнь, красная волчанка и др.*);
- внешние признаки: *синдром Петрушки (он же синдром смеющейся куклы), винные пятна, львиное лицо, лицо восковой куклы, лицо Гиппократа, маска Паркинсона, симптом кошачьего мурлыканья, пляска каротид, колено священника, горло священника, Стокса воротник*);
- особенности звука и ритма (*ритм галоп, пушечный ритм, звук треснувшего горшка*);
- вид боли (*музыкальный синдром, расколота голень*);
- результат выполнения хирургического приёма (*желудок формы песочных часов*).

Как правило, медицинские фразеологизмы образованы на основе метафорического или метонимического переосмысления. Метонимическое переосмысление основано

- на внешнем сходстве (*грудь сапожника, заячья губа, куриная грудь, львиное лицо и др.*);
- сходстве состояния (*расколота голень и др.*);
- сходстве поведения, действия (*пляска святого Витта, грудная жаба и др.*);
- сходстве звука (*симптом кошачьего мурлыканья, музыкальный синдром и др.*). На основе метонимии образованы термины-эпонимы: *лицо Гиппократа, маска Паркинсона, воротник Стокса и др.*

Сравнение фразеологизмов-терминов и общеупотребительных устойчивых единиц позволяет сделать вывод: отличительной особенностью фразеологизмов-терминов является отсутствие у них эквивалента-синонима, выраженного одним словом; терми-

ны-фразеологизмы являются единственным средством номинации.

По всем остальным признакам медицинские фразеологизмы соответствуют фразеологизмам не-терминам: они ёмки, выразительны, устойчивы, синтаксически нечленимы, семантически целостны. Стоит подчеркнуть ещё одну особенность медицинских фразеологизмов: их образность не только помогает создать представление о сути называемого явления, но и может вызывать нежелательные ассоциации, что «перегружает» познавательный процесс. Причём эти ассоциации могут возникать как у носителя языка, так и у иностранца, частично знакомого с русской лексикой. Впрочем, здесь уже можно говорить и об индивидуальных особенностях восприятия студентов: кому-то «ненужная» ассоциация поможет быстрее запомнить новый термин (по Адлеру).

«Единицей знания в когнитивном подходе является не отдельное слово, а системно организованное семантическое поле, которое структурировано соответственно лингвистическому фрейму» [3]. Для нашего исследования это замечание чрезвычайно важно, так оно подтверждает наше наблюдение о частом совпадении (кальки и полукальки) фразеологизмов-терминов в медицинской литературе в разных языках: *адамово яблоко* – *Adam's apple*; *львиное лицо* – *facies leonine (lat.)*; *желудок формы песочных часов* – *hourglass stomach*; *грудная жаба* – *breast pang*; *заячья губа* – *cleft lip*; *красная волчанка* – *lupus erythematosus*; *паучья кисть* – *spider fingers*; *клевки аиста* – *stork bites*; *грудь сапожника* – *pectus excavatum (lat.)*; *голова медузы* – *caput medusae (lat.)*; *бычье сердце* – *cor bovinum*; *винные пятна* – *port-wine stain*; *расколота голень* – *shin splints*; *музыкальный синдром* – *musicians' overuse syndrome*.

Некоторые из них исключительно терминологичны (без эмоционально-экспрессивной окраски) и сохраняют латинский облик слова, схожесть образности других фразеологических единиц свидетельствует об универсальности познавательных механизмов и наличии межъязыкового метафорического пространства в сфере медицины.

Принимая во внимание принцип традиционной методики РКИ неиспользования языка-посредника при семантизации новой лексики (метод перевода), отметим, что самым простым и доступным способом объяснения (семантизации) вышеперечисленных ФЕ является наглядность (рисунок, фотография, аудиозапись). Однако добиваясь абсолютно адекватного восприятия новой информации как языкового характера, так и медицинской, считаем целесообразным, опираясь на изображение, предложить студентам вопросы, ответы на которые могут составить описание симптома (заболевания, характеристики и т. п.). Например, семантизируя медицинский термин *сосудистые звездочки*, преподаватель акцентирует внимание студента на вопросах:

- 1) Какого цвета кожа больного?
- 2) Однороден ли цвет кожи на всех участках?
- 3) Что вы видите на коже больного?
- 4) Какого цвета сосуды на коже?
- 5) Какой размер сосудов? (крупные-мелкие)
- 6) Какой характер сосудов? (извитые-неизвитые).

Подобные вопросы позволяют студенту составить максимально полную картину такого явления, как сосудистые звёздочки, которые являются симптомом не одного заболевания, понять значение фразеологической единицы, осознать ограниченность употребления данного фразеологизма. Опыт показывает, что восприятие студентами-иностранцами медицинской фразеологии практически не затруднено, в отличие от понимания «национальных» фразеологизмов: декодируя идиоматические выражения русского языка, иностранцы меняют языковое и когнитивное измерение, приспособляются к другой лингвокультурной реальности, знакомятся со славянским менталитетом. С медицинской же фразеологией иностранные студенты в ос-

новном знакомятся на II–III курсах, уже имея определённый лексический запас русского языка и базу медицинских знаний. Однако, несмотря на кажущуюся доступность медицинских фразеологизмов-терминов, работа с ними в иностранной аудитории в процессе изучения языка специальности чрезвычайно важна.

Понимание и уместное употребление медицинских фразеологических единиц иностранными студентами языка специальности значительно обогащает их профессиональную лексику, помогает расширить словарный запас, развивает навыки профессионального ассоциативного мышления. Использование медицинских фразеологизмов помогает активизировать у студентов навыки говорения и сформировать навыки понимания профессиональной речи коллег, которые необходимы студентам-медикам при прохождении клинической практики.

Полезным для изучения языка специальности может стать создание фразеологического терминологического компендиума для иностранных студентов в виде учебного словаря, специального справочника, практического пособия, что позволит формировать терминологическую компетенцию иностранных учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: 1972.
- 2 Емельянова, Т. А. Структурные и семантические особенности французских медицинских терминов-фразеологизмов латинского происхождения / Т. А. Емельянова // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 140. – С. 59–63.
- 3 Скитина, Н. А. Лингвокогнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом: на материале русского, английского и немецкого языков / Н. А. Скитина // автореф. дис. на соис. науч. степ. канд. фил. наук: спец. – 10.02.20. – М., 2007. – 20 с.
- 4 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК [81'373:398.9]:070.41

А. Л. Стрижак

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается специфика употребления фразеологизмов в так называемых креализованных газетных текстах, состоящих из вербальной и невербальной частей. Определяются типы взаимосвязи ключевых фразеологизмов с невербальными компонентами текстов (ассоциативная, денотативная и иллюстративная корреляция) и их роль в раскрытии аксиологического потенциала устойчивых словосочетаний.

Современная газета являет собой одну из наиболее мобильных сфер масс-медийной коммуникации, поистине неиссякаемый источник разного рода инноваций, что закономерно обуславливает интерес к исследованию газетного текста. В настоящее время внимание отечественных и зарубежных лингвистов всё чаще привлекает проблема визуализации текстовой информации, «эскалации изображения» [1, с. 53] в сфере речевой коммуникации: «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и элек-

тронных изданий весьма высок» [2, с. 162]. В качестве номинации такого рода гетерогенных образований нами используется термин *креолизованные тексты* (КТ): «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [3, с. 180–181].

Е. Е. Анисимова выделяет два типа КТ по степени связности между вербальным и изобразительным компонентами: тексты с частичной креолизацией, вербальная часть которых относительно автономна от иллюстрации, и тексты с полной креолизацией, когда вербальная часть не обладает смысловой самостоятельностью [4, с. 15].

Объектом рассмотрения данной статьи станут публикации в русскоязычных общественно-политических газетах Беларуси за период 2002–2010 гг., представляющие собой тексты с частичной креолизацией. Предмет рассмотрения составляют компоненты КТ: фраземы, расположенные в сильной позиции текста – заголовке или подзаголовке (вербальный компонент), и сопровождающие их фотоиллюстрации (невербальный или изобразительный компонент).

Анализ взаимосвязи названных выше компонентов семиотически осложнённого текста и содержания газетной публикации, проведённый с учётом уже существующих классификаций Е. Е. Анисимовой [4], В. Хлебды [5] и других исследователей данного феномена, выявил пять типов корреляций, в известной степени обусловленных структурно-семантической трансформацией фразем. Предваряя рассмотрение фактического материала, отметим следующую закономерность: все отмеченные типы связей компонентов КТ в большей или меньшей степени сопровождаются меной аксиологического потенциала фраземы – положительная оценка легко меняется на отрицательную и наоборот, в ряде случаев зафиксирована нейтрализация негативнооценочной коннотации.

Нами выявлен лишь один тип взаимосвязи компонентов КТ, общий для устойчивых единиц, подвергшихся как семантическим, так и структурно-семантическим преобразованиям:

1) Ассоциативная корреляция: невербальный компонент иллюстрирует содержание статьи, но не имеет прямой денотативной соотнесённости со значением фраземы: *Пар кости ломит. Я с огорчением узнал о нелепой смерти москвича Владимира Лодыженского, который несколько лет подряд участвует в т. н. чемпионате мира по... банному спорту* (СБ, авг. 2010). Узуальная семантика пословицы *пар костей не ломит* 'не вреден' в приведённом контексте меняется на противоположную, что сопровождается полярной сменой оценочного потенциала паремии. Фотография, сопровождающая публикацию, иллюстрирует момент переноса тела погибшего спортсмена (рис. 1).

Ассоциативная связь невербального компонента с фраземой может возникать и без формальной трансформации последней: *Грызём гранит науки: белорусские грызуны борются с раком, испытывают на себе действие мобильных телефонов и даже «изобретают» лекарство против алкоголизма...* (НГ, май 2009). Подобное употребление устойчивых единиц либо сопровождается актуализацией одного из компонентов фраземы, либо приводит к дефразеологизации идиомы. В настоящем контексте семантика фраземы подвергается актуализации посредством одного из элементов иллюстрации (изображённая на переднем плане мышь), который затем вербализуется в тексте (рис. 2).

Заметим, что причины мены аксиологического потенциала фраземы, механизм этих трансформаций в каждом конкретном случае требует отдельного комментария, в то время как рамки статьи вынуждают нас ограничиться лишь указанием на сам факт таких изменений.

Рис. 1

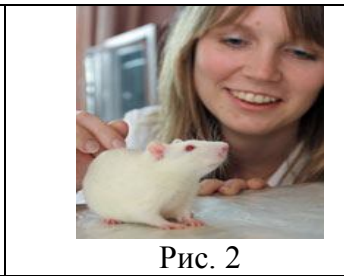

Рис. 2

2) Денотативная корреляция, сопровождающаяся семантической трансформацией ФЕ: невербальный компонент представляет собой прототип фраземы, выступающей в роли заголовка, между компонентами КТ существует прямая денотативная соотнесён-

ность. Характерной особенностью функционирования указанного типа взаимосвязи в собранном нами материале является смена негативной оценочной коннотации фразем на положительную либо нейтральную, в то время как случаи обратного перехода единичны: **Топорная работа**: *всю свою жизнь Иван Супрунчик из Столинского района делает скульптуры. Вырубает из дерева топором* (СБ, июль 2002); сравним также: **Ни рыба ни мясо** (о проблемах правильного питания вегетарианцев) (Р., окт. 2010). Очевидно, что изменение негативной оценочной семантики идиом *топорная работа* 'о грубой, неаккуратной работе'; *ни рыба ни мясо* 'посредственный, средний, ничем не выделяющийся человек' в рассмотренных контекстах (рис. 3; рис. 4) на положительную обусловлено прежде всего специфическим воздействием иллюстрации, предваряющим и программирующим дефразеологизацию устойчивого сочетания на вербальном уровне.

Примеры нейтрализации негативной оценочной коннотации фразем также являются весьма распространёнными: **Ехал как угорелый**: *лёгким испугом по дороге на работу отделились минчане, которые вчера утром ехали в маршрутке из Сухарево. Автомобиль сильно задымился на одной из остановок на улице Сурганова* (Р., апр. 2010). Внутренняя форма разговорного оборота *как угорелый* 'поспешно и беспорядочно делать что-либо' представлена на рис. 5; образ, положенный в основу фразеологизма **мышинная возня** 'мелочные хлопоты, заботы, занятия', иронично переосмысливается в следующем сопровождаемом фотографией (рис. 6) контексте: **Совсем не мышинная возня**: *компьютерные мышки, несмотря на свою невысокую стоимость, за последние годы сформировали в Беларуси особый рыночный сегмент* (БР, фев. 2010).

Можно предположить, что стилистический эффект, сопровождающий данный тип корреляции, основан на использовании приёма обманутого ожидания: вербальный компонент КТ, входящий в тезаурус реципиента, задаёт определённое «направление» восприятия текстового сообщения, а изобразительный компонент разрушает устойчивые ассоциации, предлагая новый аспект перцепции. Наиболее распространённый механизм семантической трансформации фраземы – дефразеологизация (рис. 3, 4, 5), которая может сопровождаться заменой референта одного из компонентов устойчивого сочетания (рис. 6).

рис. 3

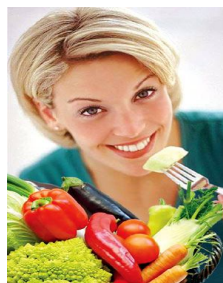

рис.4

рис. 5

рис. 6

3) Денотативная корреляция, сопровождающаяся структурной трансформацией ФЕ: изобразительный компонент визуализирует субститут фраземы; оба компонента КТ выполняют одну функцию – анонсируют основное содержание публикации. Данный

тип взаимосвязи, представленный на рис. 7, не затрагивает семантическую структуру фраземы и очень редко сопровождается изменениями оценочного компонента семантики идиомы: *Своя таблетка ближе телу... В Витебске приступает к работе новое предприятие – в перспективе одно из крупнейших подразделений фармацевтической отрасли страны* (Р., дек. 2010).

4) Денотативная корреляция, сопровождающаяся структурно-семантической трансформацией ФЕ: невербальный компонент визуализирует субститут фраземы, вступая в сложные семантические отношения с исходным значением устойчивой единицы, в ряде случаев способствуя нейтрализации негативной оценки идиомы: *«Красношапочное» знакомство: в знаменитом фильме Рина Зеленая могла быть в мини-юбке, Евгений Евстигнеев ездить на велосипеде, а песенка о «крокодилах-бегемотах» звучать по-иному* (Р., июнь 2010). Как видим, взаимодействие иллюстрации (рис. 8) и вербальной части КТ приводит к дешифрации авторского сообщения, облегчает его восприятие, что происходит параллельно с трансформацией узусальной семантики негативнооценочной фраземы *шапочное знакомство* 'поверхностное, случайное, непрочное знание кого-л. или чего-л.' и её нейтрализацией. Сравним также: *Соль зимы: каждую зиму у людей возникают два традиционных вопроса: не утонем ли в сугробах, и не придется ли снова мириться с въедливой солью на обуви?* (НГ, дек. 2008). Контекстуальное переосмысление «на злобу дня» значения фраземы *соль земли* 'наиболее активная, творческая сила народа' также сопровождается коренным преобразованием значения идиомы и вызывает ассоциации с одним из значений существительного *соль* 'в чём суть проблемы', чему не в последнюю очередь способствует удачно подобранное автором фото (рис. 9).

рис. 7

рис. 8

рис. 9

рис. 10

5) Иллюстративная корреляция: невербальный компонент всегда репрезентирован фотографией известного человека (учёного, писателя, артиста, чаще всего – политика или чиновника), деятельность которого так или иначе отражена в содержании публикации: *Военные базы преткновения: 28 августа прошел саммит Союза южноамериканских наций в Аргентине. Президент Венесуэлы Уго Чавес заявил, что Пентагон рассматривает колумбийские военные базы как плацдарм для высадки «экспедиционных войск»* (БР, сен. 2009). Очевидно, что вербальный (расположенный в позиции заголовка) и изобразительный компонент КТ при таком типе отношений будут иметь достаточно опосредованную, слабо выраженную связь (рис. 10). Представляется, что включение в газетную публикацию такого рода иллюстраций направлено прежде всего на актуализацию определённых пресуппозиционных знаний адресата. Можно говорить о том, что фото по отношению к тексту выполняет функцию моносемирования, предельно конкретизируя круг тех проблем, которые станут предметом обсуждения публикации.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволил выделить пять основных типов взаимосвязи вербального и изобразительного компонента в современном газетном креолизованном тексте, рассмотрение которых велось с учётом структурно-семантических трансформаций фразем. Характерной особенностью

всех типов корреляций (за исключением, пожалуй, лишь 4-го типа) является разного рода мена аксиологического потенциала устойчивых сочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Каменская, О. Л. Лингвистика на пороге XXI века / О. Л. Каменская // Лингвистические маргиналии: сб. науч. трудов МГЛУ. Вып. 432. – Москва, 1996. – 211 с.

2 Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин. – Москва, 2003. – 174 с.

3 Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия / редкол.: Р. Г. Котов (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1990. – 175 с.

4 Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – Москва: Academia, 2003. – 128 с.

5 Хлебда, В. Неисследованные контексты фразеологии. Визуальный контекст / В. Хлебда // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы международной научной конференции. – Гомель, 2001. – 300 с.

УДК [81'33:801]:398.9

Т. Е. Фоминых

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ*

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования фразеологизма кисейная барышня 'жеманная девушка с мещанским кругозором' в художественных текстах. Определяются направления дальнейшего развития семантики данного устойчивого словосочетания, в том числе – переосмысление первоначального значения в художественных текстах.

Не менее ярко, чем отдельные слова, отражают быт или понятия определенной социальной среды в известную эпоху фразеологические сочетания. Одни из них затем приспособляются к новой идеологии, приходящей на смену старых взглядов, и изменяют свои значения; другие – сдаются в архив за ненужностью при общей реформе быта или резком переломе культуры.

Фразеологизм *кисейная барышня* возник во второй половине двадцатого века, после выхода в свет повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1860). Провинциальная, ограниченная, жеманная, простодушная героиня Леночка получает прозвище *кисейной девушки* за ряд специфических черт своего характера и особенности поведения: *Кисейная девушка!... ведь жалко смотреть на подобных девушек – паразитальная, жалкая пустота! ... вечно мечтают, вечно играют... Ничто не оставит у них глубоких следов, потому что они неспособны к сильному чувству!* Именно с тех пор выражение *кисейная барышня* прочно вошло в язык литературы и в разговорную речь. По выражению академика В. В. Виноградова, это «едко-ироническая характеристика женского типа, взлелеянного старой дворянской культурой», и «постепенно, с изменениями общественного быта, экспрессивные краски в этом выражении тускнеют, и оно уже в начале текущего столетия отходит в архивный фонд русской литературной речи» [1].

Однако, несмотря на подобное «предсказание» В. Виноградовым смерти данному фразеологизму, в современных лексикографических изданиях мы обнаруживаем, что данное словосочетание не только не исчезло, оно активно используется, но, кроме того, с течением времени приобретает новые значения.

Очевидно, что данное выражение появилось на основе метафорического переноса от лексемы *кисея* 'тонкая, прозрачная ткань'. Особый интерес также представляет английская лексема *illusion*, которая кроме основных значений 'иллюзия', 'мираж', 'призрак' имеет ряд переносных: 'тюль', 'обман чувств', и интересующая нас лексема 'кисея'. Все эти значения, так или иначе, связаны между собой и могут характеризовать основные, наиболее яркие черты девушки, именуемой *кисейной барышней*: прозрачность, непостоянство, ветренность, обманчивость и другие.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова наиболее точно определено значение словосочетания *кисейная барышня*: 'жеманная девушка с мещанским кругозором' [2, с. 236].

Между тем в 60-х гг. девятнадцатого столетия, в которые появилось это выражение и для которых оно было типично, в него вкладывался совсем иной смысл. С. В. Пантелеева вспоминает такую сцену из своей жизни: «...гость подошел и, спокойно протирая очки, внимательно поглядев прищуренными, близорукими глазами, сказал: – «Если бы вы взяли себя хоть немного в руки, вы не решились бы на то, что назовете впоследствии поступком кисейных». В 60-х годах *кисейная барышня* были терминами презрения для передовой женской молодежи, подразумевая поверхностных, светских и неразвитых женщин» [1].

Жаль, невыносимо жаль стало ему эту бедную девушку, глупенькую, кисейную девушку... Суждено уж так, что из нее выйдет не человек-женщина, а баба-женщина. (Н. Помяловский. Мещанское счастье). Особый интерес в данном контексте вызывает противопоставление таких понятий как *человек* и *баба*. Первая лексема в словаре Ожегова определяется как 'живое существо, обладающее даром мышления и речи' [2, с. 763] и в данном контексте является положительно маркированной. В связи с тем, что выделенные лексемы являются контекстуальными антонимами, лексему *баба* можно по аналогии определить как существо, глупое, не способное мыслить, кисейное. Таким образом, нами определен синоним для фразеологизма *кисейная барышня, девушка* – глупая девушка.

В следующем контексте перед нами шире разворачивается значение рассматриваемого нами фразеологизма: *легкие, бойкие девушки, любят сентиментальничать, нарочно картавить, хохотать и кушать гостинцы... И сколько у нас этих бедных, кисейных созданий!* (Н. Помяловский. Мещанское счастье). Отсюда следует, что «*кисейные создания*» обладают такими чертами как сентиментальность, ветренность и жеманность.

Для более полной характеристики образа *кисейной барышни* рассмотрим такой пример: *Легкомыслие Зиночки было известно всем, и Бржозовский в глаза называл ее кисейной барышней* (Д. Мамин-Сибиряк. Кисейная барышня). Характеристикой *кисейной барышни* в данном контексте является такое понятие как легкомыслие. Таким образом, *кисейная барышня* – это барышня легкомысленная.

Я слишком слаба и, надо правду сказать, слишком кисейная барышня для борьбы и для самостоятельности... (А. Куприн. Молох). Здесь мы видим, что кроме всех ранее рассмотренных нами характеристик образа *кисейной барышни* добавляется еще такая черта, как несамостоятельность.

Таким образом, основными характеристиками и чертами *кисейной барышни*, установленными нами в процессе анализа художественных контекстов, являются следующие: глупость, сентиментальность, ветренность, жеманность, легкомысленность и несамостоятельность.

В настоящее время данный фразеологизм в своем исходном значении 'жеманная девушка с мещанским кругозором' практически не употребляется из-за отсутствия в наши дни таких понятий как мещанство, дворянство и прочих, связанных со старым укладом дореволюционной российской жизни. С течением времени из фразеологизма *кисейная барышня* уходят некоторые исторические ассоциации, но сам фразеологизм остается. В современной русской культуре данное словосочетание является устойчивым синонимом избалованности и жеманства. «Подумаешь, какая *кисейная барышня!*» – так

мы реагируем на чье-то жеманство, на то, что человек ведет себя как избалованное дитя. Однако это выражение распространяется не только на девушек и женщин. *Кисейной барышней* могут назвать даже мужчину в том случае, конечно, если он ведет себя соответственно и проявляет те черты характера, которые были выявлены нами ранее как составляющие образа *кисейной барышни*. Глупость, сентиментальность, ветреность, жеманность, легкомысленность, несамостоятельность – все эти черты, безусловно, не могут положительно характеризовать мужчину. Поэтому склонность мужчин к проявлению подобных свойств характера порицается, вызывает насмешку, а в текстах художественной литературы употребляется, преимущественно, с отрицательной коннотацией. Сравн.: *Теперь и узнаешь, есть ли у тебя настоящий характер, или просто ты тряпичка, кисейная барышня...* (В. Крестовский. Панургово стадо); *Петровский поставил стерляжий носочек в пенсне; заикаясь, вонзал в него шпильки; и тупился, и розовел, как кисейная барышня, ворот ехидно прикрывая, как шалью: подумаешь, – розочки!* (А. Белый. Начало века); *Каратист – это не «кисейная барышня», ему свойственно переносить тяготы, проявлять дух аскетизма и большой силы воли* (А. Яшкин. Питание каратиста). Из этих примеров мы видим противопоставление фразеологизма *кисейная барышня* таким понятиям и словосочетаниям, как *настоящий характер, громкое слово, прораб, каратист*.

Кроме этого, нами были зафиксированы два случая употребления фразеологизма *кисейная барышня* по отношению к абстрактным понятиям: *Русский язык – не кисейная барышня, он переварит и сленг, и рекламные слоганы, и мат* (Д. Шеваров. Было время: мы говорили по-русски // Труд-7, 2007.09.28). В качестве противопоставления автором был выбран фразеологизм *кисейная барышня*. И путем создания определенного контраста в тексте автор статьи намеренно подчеркивает стабильность, силу и самостоятельность русского языка; *Можете не напрягать память – до нас такого шоколада в России никто не делал. Пробую кусочек – вкус незнакомый, но очень интересный и такой нежный, как кисейная барышня...* (А. Журава. Русский шоколад – вкусно и полезно // Труд-7, 2006.12.21).

Несмотря на преимущественно отрицательную коннотацию, сопутствующую словосочетанию *кисейная барышня* в литературных и публицистических текстах, в данном контексте автор видел своей целью создание нежного образа утонченной девушки (*кисейной барышни*). Это совершалось с целью заинтересовать людей рекламируемым продуктом, используя при этом общеизвестные образы и понятия и делая ставку на ассоциации, возникающие в сознании широкого круга читателей.

Отмечено также употребление фразеологизма *кисейная барышня* в журнальных статьях, посвященных женской моде: *сегодня каждая девушка может почувствовать себя модной и современной, так называемой кисейной барышней, ведь кружево вновь на пике популярности* [3].

Таким образом, мы видим, что в современном русском языке происходит переосмысление первоначального значения фразеологизма *кисейная барышня*. Признак, положенный изначально в его основу утрачивается, снимается ряд исторических ассоциаций, и фразеологизм приобретает нейтральную либо положительную коннотацию. Таким образом, в современном обществе *кисейная барышня* является не только символом жеманной, избалованной девушки, это еще и символом женственности, что ярко демонстрируют нам современные литературные источники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Виноградов, В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных, (отв. редактор Н. Ю. Шведова) / В. В. Виноградов. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
- 2 Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. Русский язык, 1986. – 797 с.
- 3 «Она знает» – журнал для женщин // Кружевные платья – 50 моделей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les>. – Дата доступа: 02.10.2011.

А. Д. Цеплякова

МАДАЛЬНЫЯ ТРАНСФАРМАЦЫІ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ ПРЫ ІХ УЖЫВАННІ Ў МАЎЛЕННІ

Разглядаюцца асаблівасці ўжывання крылатых слоў у маўленні і асноўныя віды іх мадальнай трансфармацыі ў жывым маўленні – аўтарызацыя, канкрэтызацыя, змена модуса паведамлення, адмаўленне і камбінаваныя мадальныя трансфармацыйныя прыёмы.

У працэсе функцыянавання ў маўленні крылатыя словы могуць ужывацца ў змененай форме. Крылатыя словы адрознівае ад іншых фразеалагічных сродкаў мовы адсутнасць “уласных” мадэляваных структур. Аднак паколькі крылатыя выразы з’яўляюцца адным з відаў устойлівых спалучэнняў слоў і афармляюцца паводле сінтаксічнай структуры сказа ці словазлучэння, то яны змяняюцца ў маўленні па агульных правілах пераўтварэнняў усіх устойлівых адзінак. Вядома, што пэўны рэпертуар трансфармацыйных прыёмаў мае ўніверсальны характар, які выяўляецца найперш у тым, што асновай пераважнай большасці пераўтварэнняў любых адзінак у маўленні з’яўляюцца чатыры базавыя трансфармацыі знешняй формы моўнага знака – субстытуцыя, элімінацыя, інверсія, анексія (далучэнне нейкай новай часткі) [1, с. 467].

Па выніках аналізу ўжывання іншамоўных крылатых слоў ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (усяго зафіксавана 2645 выпадкаў на матэрыяле мастацкіх, драматургічных, публіцыстычных і інш. тэкстаў) у 1595 выпадках (больш за 60 %) крылатыя словы трансфармуюцца, а ў 1050 (каля 40 %) – не змяняюцца.

Крылатыя словы падпадаюць мадальным, сінтаксічным, марфалагічным трансфармацыям, а таксама кантамінацыі структурных змяненняў розных тыпаў. Мадальныя трансфармацыі ахоплваюць модусныя кампаненты выказвання: удзельнікаў апісваемай прагматычнай сітуацыі (таго, хто гаворыць або слухае і інш.), якая апісваецца, спосаб існавання (модус) або падзеі ў цэлым [2, с. 199] і размяжоўваюцца на наступныя.

На падставе аналізу ўжывання крылатых слоў у маўленні можна вылучыць наступныя віды іх мадальных трансфармацый.

1 Аўтарызацыя (0,3 %) – кваліфікацыя інфармацыі з пункту погляду крыніц яе паведамлення, што праяўляецца ў апазіцыі “сваё / чужое”, з дапамогай “увядзенне ў сітуацыю суб’ектаў, якія адсутнічаюць” [2, с. 199], у выніку чаго выраз знакамітай асобы прыпісваецца іншай асобе. Напр.: *“Чаму рынкавая прапаганда даходзіць толькі да паловы пенсіянераў і маладых людзей ва ўзросьце 24 гадоў?” Як кажучь швайцарцы ў Давосе: “Шэршэ ля фам”. Сярод прыгожай паловы на 30 % менш прыхільніц рынкавай эканомікі і больш аматараў плянавай эканомікі”. І гэта пры тым, што “амаль у два разы менш жанчын цікавяцца эканомікай увогуле”.* (Н-кі, 2001, № 2) – сапраўдным аўтарам гэтага выразу з’яўляецца французскі пісьменнік А. Дзюма-бацька, які ўжыў яго ў рамане “Магікане Парыжа” (1864).

Аднак аўтарызацыя не датычыцца тых выпадкаў, калі ў выказванні называецца сапраўдны аўтар выразу. Напр.: – *Я вось аб чым думаю, – супакойшыся крыху, сказала яна. – Тут жа вакол нас мусіць быць шляхта, а мо і досыць вяльможныя паньы. Трэба знайсці новых знаёмых. – Так, так! Княгіня Друцкая і павятовая або засцяноквая шляхта! Ну што ж, і Напалеон казаў, што ад вялікага да смешнага адзін крок... Урэшце, – дадаў, счакаўшы, князь, – як сабе хочаш: заводзь знаёмствы, склікай паноў, напаноў, толькі я застануся ў баку ад гэтай мясцовай чэлядзі.* (Я. Н.) – гэта выслоўе на самой справе

належць Наполеону Бонапарту, імператору Францыі ў 1804–1815 гг. і было сказана ім у снежні 1812 г. падчас уцекаў яго арміі з Расіі, пра што згадваецца ў кнізе французскага дыпламата і публіцыста Д. Д. дэ Прадта “Histoire de l’albassade dans le Grand-duché de Varsovie en 1812” (1816); *Па шчырасці, я ніколі не думаў, што табе захочацца слухаць пра чыста мужчынскія справы, пра забойствы і вайну, пра Шэкспірава “Быць ці не быць?”*, якое для мужчыны гучыць інакш... Забіваць альбо не забіваць? А для жанчыны... *Нараджаць ці не нараджаць?* (А. Г. 1) – параўн.: *Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>* – гэта выслоўе паходзіць з трагедыі “Hamlet” (1601) англійскага паэта і драматурга У. Шэкспіра.

2 Канкрэтызацыя (4,4 %) як мадальны прыём зместавага пераўтварэння крылатых слоў ужываецца абмежавана. Змест адных крылатых слоў можа быць канкрэтызаваны, а змест другіх не можа. Напр.: *“Быць ці не быць давыбарам”* [Назва артыкула]. (Св., 1996, № 7) – параўн.: *Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>*; *Мы зналі – Ў час пагрозы і суровы, Калі спытаем: Быць нам ці не быць? – Стратэг екацярыненскі Сувораў 3 гармат ва ўпор пачне Няшчадна біць.* (В. М. 1) – параўн.: *Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне>*; *Вялікі грэх забыць мову сваіх продкаў. Гэта пачатак канца сваёй нацыі, дзяржавы і краіны.* (Н. сл., 1999, № 34) – параўн. *пачатак канца і інш.*

Канкрэтызацыя зместу крылатых слоў у маўленні праяўляецца ў наступным.

2.1 Працэс адваротны генералізацыі (які выражаецца ў замене радавога імя або дзеяслова відавым або агульнага паняцця прыватным) [2, с. 205]. Напр.: *“Для яе час – грошы”*. (ЛіМ, 20.06.2003) – параўн.: *Час – грошы.*

2.2 Наданне агульных рыс, прымет і да т. п. канкрэтным асобам, прадметам і інш. Напр.: *Мільёны забітых і атручаных дзяцей, тысячы і тысячы спаленага жывымі мірнага насельніцтва, сотні разбураных гарадоў, тысячы знішчаных сёл, мільёны людзей, загнаных у нямецкую катаргу, патокі нявіннай крыві голасна сведчаць на ўсё свет, што такое Гітлер і што нясе народам яго “новы парадак”*. (Я. К. 1) – параўн.: *новы парадак; 3 густой імглы, празрыста падрумяненай усходам сонца, на мяне пазірала касуля. На мілай мордачцы вельмі выразна відно было недаўменне. Выйшла з лесу, а тут... Спыніся, маё першае ў жыцці, такое казачна прыгожае імгненне!... Нейкі момант, можа, нават адносна вельмі доўга, яна глядзела на мяне, бліжэйшага, маўклівага ды непарушнага, перажываючы і мой выгляд, і голас майго, менш бачнага ў імгле, суседа, не ведала, што ёй рабіць – ісці да вадапою ці вярнуцца... Вярнулася.* (Бр. 1) – параўн.: *Спыніся імгненне! <Ты цудоўнае!>*.

2.3 Канкрэтызацыя можа спалучацца з іншымі мадальнымі і не мадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: *Ад тваёй згоды залежыць мой лёс. – А мой – таксама? – ўжо трохі апамятаўшыся, спытала яна. – Безумоўна, Вераніка, – ён кіўнуў буйною галавою, усміхнуўся аднымі вуснамі, паказаўшы вялікія белыя зубы. Відаць, што іронія ў пытанні Веранікі ён не заўважыў. – Калі ты не скарыстаеш такога моманту, ты будзеш сабе вечным ворагам. Запомні!* (Дам. 1) – параўн.: *Лаві момант* (тут камбінуюцца канкрэтызацыя і адмаўленне ў спалучэнні з лексічнай субстытуцыяй і намінацыйнай і дзеяслоўнай марфалагічнымі трансфармацыямі); *XX стагоддзе ведае рэмаркаўскае “згубленнае пакаленне”, быкаўскае “забітае пакаленне”*. Апошняя яго трэць павінна была прайсці пад знакам “сямідзесятнікаў” якія, аднак, з-за сваёй малалікасці, абумоўленай ваеннай і паваеннай дэмаграфічнай сітуацыяй, не здолелі спраўдзіць чаканні. (ЛіМ, 2000, № 32) – параўн.: *згубленнае (страчанае) пакаленне* (тут канкрэтызацыя спалучаецца з лексічнай субстытуцыяй).

3 Змена модуса паведамлення (5,3 %) можа выражацца ў змяненні інтанацыі выказвання, у наданні выказванню імператывыўнасці, у змене сцвярдзальнага выказвання на пыральнае або пабудзальнае і наадварот. Напр.: *– І не такія разумнікі ад празмернага гонару галовы гублялі. Не нам раўня... Вось так вось! Як там французы гавораць? Кароль памёр, няхай жыве кароль? Так, ці што?* (М. М. 2) – параўн.: *Кароль*

памёр! Няхай жыве кароль!; Каб дбаць пра дэмакратыю, рынак і свабоды, беларусам цяпер жа трэба адрадзіць сваё быццё як нацыі, народа. Сёння перад імі ва ўсёй трагічнасці паўстала альтэрнатыва: **Быць альбо не быць?** Як пісаў Янка Купала ў пачатку ўжо далёкага ад нас “нашаніўскага” нацыянальнага Адраджэння: “Не да пацераў, калі хата гарыць”. (У. К.) – параўн.: *Быць або (ці) не быць* <вось у чым пытанне>.

Змена модуса паведамлення можа спалучацца з іншымі мадальнымі і не мадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: **Людзі, сапраўды будзьце пільнымі: па Менску разгульвае маньяк.** (Н-кі, 5-13.06.2002) – параўн.: *Людзі, <я любіў вас,> будзьце пільнымі!* (тут змена модуса паведамлення спалучаецца з канкрэтызацыяй і акалічнаснай ўстаўкай).

4 Адмаўленне (0,3%) выражаецца з дапамогай устаўкі адмоўнай часціцы *не*. А. М. Савіна адносіць устаўку адмаўлення да сінтаксічных трансфармацыйных прыёмаў [3, с. 9–10]. Аднак самі па сабе сінтаксічныя трансфармацыі мадальных значэнняў не выражаюць. У сваю чаргу, мадальныя трансфармацыі, наадварот, могуць знаходзіць сваё выразэнне ў пэўных сінтаксічных змяненнях.

4.1 Адмаўленне ўсяго выказвання. Напр.: **Не шукайце жанчыну, бо яна вас ашукае.** (Паг., 2000, № 6) – параўн.: *Шукайце жанчыну!* (тут адмаўленне спалучаецца са змай модуса паведамлення і анексіяй).

4.2 Адмаўленне ўнутры выказвання. Напр.: [Аліна:] – *Ніводная жывёліна спірт ужываць не будзе.* [Буслай:] – **Чалавек – не жывёла, дарагуша...** У яго ў гэтым кацялку (паляпаў па галаве) думкі розныя. (А. Д. 3) – параўн.: *Чалавек – жывёла (звер).*

4.3 Адмаўленне можа спалучацца з іншымі мадальнымі і не мадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: *Ад тваёй згоды залежыць мой лёс. – А мой – таксама? – ужо трохі апамятаўшыся, спытала яна. – Безумоўна, Вераніка, – ён кіўнуў буйною галавою, усміхнуўся аднымі вуснамі, паказаўшы вялікія белыя зубы. Відаць, што іронія ў пытанні Веранікі ён не заўважыў. – Калі ты не скарыстаеш такога моманту, ты будзеш сабе вечным ворагам. Запомні!* (Дам. 1) – параўн.: **Лаві момант** (тут камбінуюцца канкрэтызацыя і адмаўленне ў спалучэнні з лексічнай субстытуцыяй і намінацыйнай і дзеяслоўнай марфалагічнымі трансфармацыямі); *Мы асуджаем тэрарызм, лічым, што святая мэта не апраўдвае любых сродкаў.* (ЛіМ, 02.02.1996) – параўн.: *Мэта апраўдвае сродкі* (тут адмаўленне спалучаецца з атрыбутыўнай устаўкай); *Акурат перада мной стаялі кабеты далёка ўжо не бальзакаўскага веку й мужчына Бальзакавага выгляду.* (НН, 2000, № 51) – параўн.: **жанчына бальзакаўскага ўзросту** (тут адмаўленне спалучаецца з лексічнай субстытуцыяй і намінацыйнай марфалагічнай трансфармацыяй).

5 Камбінаваныя мадальныя трансфармацыйныя прыёмы складаюць 0,3 % ад усёй колькасці пераўтварэнняў крылатых слоў у маўленні.

Спалучэнне мадальных трансфармацыйных прыёмаў крылатых выразаў асобна (гэта значыць у “чыстым выглядзе”) не зафіксавана. Аднак сустракаецца іх камбінаванне з немадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: *Ад тваёй згоды залежыць мой лёс. – А мой – таксама? – ужо трохі апамятаўшыся, спытала яна. – Безумоўна, Вераніка, – ён кіўнуў буйною галавою, усміхнуўся аднымі вуснамі, паказаўшы вялікія белыя зубы. Відаць, што іронія ў пытанні Веранікі ён не заўважыў. – Калі ты не скарыстаеш такога моманту, ты будзеш сабе вечным ворагам. Запомні!* (Дам. 1) – параўн.: **Лаві момант** (тут камбінуюцца канкрэтызацыя і адмаўленне ў спалучэнні з субстытуцыяй і намінацыйнай і дзеяслоўнай марфалагічнымі трансфармацыямі).

Такім чынам, мадальныя трансфармацыі крылатых слоў у маўленні размяжоўваюцца на аўтарызацыю (0,3 %), канкрэтызацыю (4,4 %), змену модуса паведамлення (5,3 %), адмаўленне (ўсяго выказвання і ўнутры выказвання) (0,6 %). Камбінаваныя мадальныя прыёмы трансфармацыі крылатых выразаў (0,3 %) не існуюць асобна, а спалучаюцца з немадальнымі трансфармацыйнымі прыёмамі.

СПИС ЛІТАРАТУРЫ

1 Іваноў, Я. Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў / Я. Я. Іваноў // Грани слова: сб. науч. статей к 65-ю проф. В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во “ЭЛПИС”, 2005. – С. 463–468.

2 Крейдлин, Г. Е. Структура афоризма / Г. Е. Крейдлин // Проблемы структурной лингвистики (1985–1987) / отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1989. – С. 196–206.

3 Саввина, Е. Н. О трансформациях клишированных выражений в речи / Е. Н. Саввина // Паремнологические исследования: сб. статей / сост. Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1984. – С. 202–222.

УДК 811.161.2'373.48+811.161.2'242

Н. М. Шарманова

ПРАГМАЛІНГВІСТИЧНІ ЗАСАДИ ЕТИКЕТНИХ КЛІШЕ

В статье освещаются вопросы функционирования этикетных клише как регулярных стандартизированных лингвистических единиц; раскрываются прагмалингвистические основы этих языковых знаков, номинирующих стереотипные ситуации общения. Определяется статус интеръективных фразем, выражающих различные чувства, как особой разновидности этикетных клише.

У процесі міжкультурної комунікації етикетність спілкування розглядають як дотримання законів куртуазного спілкування, що визначають відповідно до мовленнєвої ситуації форми етикетності – вияви національного (етнічного) етикету залежно від типів комунікативної взаємодії членів певної лінгвокультури. Використання засобів мовного коду певної ідіоетнічної мови активізує систему “стійких формул і знаків спілкування, прийнятих у конкретній національній лінгвокультурній спільноті, скерованих на встановлення оптимального мовленнєвого контакту між співбесідниками” [6, с. 48]. Наукове зацікавлення цими мовними одиницями позначене тим, що нова парадигма розвитку сучасного суспільства характеризується процесами стереотипізації й економії мовних засобів у процесі інтеракції.

У вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці проблема етикетних кліше розв’язується в аспекті мовного клішування, представленого стандартизованими, стереотипними автономними лінгвістичними утвореннями із заданими за традицією значенням і формою – мовними кліше. Під етикетними кліше розуміємо регулярні (постійні) комбінації словесних знаків, які використовуються для встановлення, підтримки або припинення стереотипних комунікативних ситуацій (вітання, вибачення, прохання тощо).

У процесі спілкування етикетне кліше, знайшовши втілення у формі вербального знака, регулярно відтворюється комунікантами в незмінному вигляді. С. Сабліна окреслила коло проблемно-пошукових полів у вивченні вітчизняного мовного етикету. У центрі окреслених проблем невирішеним залишається питання щодо приналежності етикетних кліше до одного з рівнів мови: “проблема полягає насамперед у тому, що до етикетних одиниць належать різнорівневі мовні одиниці” [11, с. 115]. На підтвердження цього у мовознавчій науці є низка термінів для позначення етикетної одиниці: форма ввічливості, етикетні мовні формули, формули звертання, вибачення, подяки (Н. Плющ); етикетна одиниця (Г. Татаревич); стійкі формули спілкування, формули ввічливості (Ф. Бацевич, О. Мацько); стилістичні формули (М. Гудзій, С. Богуславський); постійні формули (А. Орлов); стилістичні трафарети (Д. Лихачов); стереотипні формули (І. Мансикка); стійке висловлювання, фразеологічне речення (Н. Формановська).

До поняття “етикетне кліше”, крім того, входять такі номени: мовні, рутинні, етикетні кліше чи формули, прагматичні формативи чи ідіоми, семіінтеракціональні одиниці, комунікативні фразеологізми, звороти ввічливості тощо [4, с. 6], під якими розуміють стереотипні фрази, що передають суспільні взаємини. Форми ввічливості як складову “категорії ввічливості” розглядають у дискурсивному, функціональному й етнокультурному аспектах А. Безноса, С. Богдан, В. Жайворонок, М. Телеки, В. Шинкарук та ін.

Останнім часом посилилася увага до теоретичного осмислення комунікативної діяльності людини. Свідченням цього є виникнення нових лінгвістичних парадигм і напрямків дослідження мовних фактів, пріоритетне місце серед яких на сьогодні посідає лінгвопрагматика. На думку Ф. Бацевича, “прагматичний (суб’єктивний) чинник – природний складник живих людських мов, їх лексичних і граматичних систем. Зароджуючись у живому спілкуванні носіїв ідіоетнічних мов, суб’єктивні елементи можуть залишатися неповторною його ознакою, але й можуть повторюватись у схожих ситуаціях спілкування, ставати постійними їх складниками, а з часом – фактами Мови, відкладаючись у лексичних і граматичних системах, стаючи фундаментом втілення їх комунікативних смислів” [5, с. 115]. Саме у світлі лінгвопрагматики найяскравіше розкриваються такі характерні ознаки етикетних кліше, як стереотипність функціонування (відтворювання одиниці у процесі мовленнєвої діяльності), національно-культурні особливості, ситуативна співвіднесеність і прагматичне призначення, що загалом визначають їх лінгвальну природу.

Зважаючи на ряд актуальних з позиції сучасного мовознавства підходів – лінгвопрагматичного, функціонально-комунікативного, когнітивного, – варто усвідомлювати, що формули етикету відтворюють “щось набагато ширше за механічний зв’язок між людьми, це – віддзеркалення свідомості людини, її культури, відображення належності людини до певного етносу” [12, с. 7].

У лінгвістичній літературі усталеними є два погляди на прагматичну значущість етикетних кліше, бо, по-перше, вони мають стандартний, типізований характер і “полегшують мовленнєве життя” [12, с. 42]. По-друге, установлення референційного відношення за допомогою мовних стереотипів є несуттєвим і позбавленим інформативності. Н. Баландіна зауважує з цього приводу: “Важливий лише факт «говоріння», установлення контакту, а не семіотична цінність... Їх уживання ґрунтується на традиції і служить для збереження соціальних норм, яких мовці дотримуються з причин емоційного характеру. Коли не вітаються в потрібних на те ситуаціях, відчувають не брак інформації, а появу негативних емоцій з приводу порушення правил поведінки” [4, с. 13]. Розглядаючи етикетні стосунки як універсалії з відповідними соціальними й психологічними ролями, особистісними взаєминами в офіційній і неофіційній сферах спілкування, В. Маслова поділяє висловлену вище думку вітчизняної дослідниці й зауважує: “Здавалося б, етикетна поведінка є стандартною і стереотипною, являє собою замкнену систему, проте порушення цієї поведінки може призвести до непередбачуваних наслідків для людини й людства” [9, с. 47].

Думку про специфіку функціонування етикетних кліше обстоює М. Алефіренко. З усіх різновидів ФО він виділяє в окрему групу інтер’єктивні фрази, які виражають різноманітні почуття і, “на відміну від інших ФО, вони не можуть виконувати номінативну функцію, адже основу їх смислової структури становлять немотивовані конотативні семи” [2, с. 67]. Основним семантико-синтаксичним призначенням інтер’єктивних фразем, на думку дослідника, є безпосереднє вираження розкутого почуття. Серед інтер’єктивних фразем виділяють: а) емоційні; б) імперативні; в) запевнення у достовірності; г) формули соціального етикету, які слугують у мовленні як засіб для встановлення комунікації та є індикаторами ввічливості. Дослідник говорить, що незважаючи на десемантизацію компонентного складу “аналізовані фрази не позбавлені інформативності й пізнавальності. Вони, як і лексичні вигуки, мають певний зміст, і як

виразники емоцій, почуттів, волевиявлень <...> дають інформацію не тільки про емоційно-чуттєвий стан людини, її реакцію на зовнішній світ, а й про мотиви поведінки особи, умови й ситуацію її активної діяльності і мовного спілкування” [2, с. 69]. Пресупозиція використання етикетних кліше розглядається як стереотипне уявлення про смисловий зв'язок між експліцитно вираженим значенням вітальної (бажальної, прощальної тощо) формули та імпліцитно наявним у мовній свідомості лінгвокультурним досвідом комунікантів, “їхнім загальним фондом екстралінгвістичних і лінгвістичних знань про денотативну й прагматичну ситуацію” [1, с. 224].

Д. Розенталь і М. Теленкова наголошують на тому, що мовне кліше “створює конструктивну одиницю, яка зберігає свою семантику, а в багатьох випадках і виразність” [10, с. 168]. Визначаючи з-посеред диференційних ознак кліше появу їх у конкретних умовах мовленнєвого акту (стереотипних ситуаціях-контекстах) і реалізацію семантики виключно в реальному контексті, В. Гвоздев стверджує думку про вигуківий характер мовних кліше, які можуть виражати реакції співбесідників і виражають емотивне значення [7, с. 168]. Н. Баландіна переконливо доводить, що саме “з витоків співпереживання й уважності з'явилося чимало мовних одиниць, у тому числі стереотипних, уживання яких дозволяє виражати однаковий із співрозмовником емоційний стан і тим самим впливати на його почуття, керуючись його ж (співрозмовника) інтересами” [3, с. 137]. До таких стереотипів дослідниця зараховує поздоровлення, привітання, побажання, благословення, здравиці, які служать посиленню позитивної емоції.

Л. Гнатюк у дослідженні “Перформативи у структурі мовленнєвого етикету” зазначає: “очевидним є те, що кліше ввічливості знаходяться у сфері висловлень-дій і <...> складають численну групу в структурі мовленнєвого етикету”, а саме групу перформативів [8]. До таких структур зараховано формули привітань, поздоровлень, прощання, перепрошення, висловлення вдячності аргументуючи це тим, що “в умовах щоденної міжособистісної комунікації нерідко трапляються випадки, коли слово як дія є єдиним інструментом передачі відповідного комунікативного змісту” [8]. Опис дібраного нами фактичного матеріалу засвідчує, що функції таких різновидів етикетних кліше, як привітання й побажання, пов'язані із їх прагматикою. Залежно від комунікативних намірів мовців реалізується низка їх основних і факультативних функцій (комунікативна, емоційна, когнітивна, репрезентативна, фатична, сугестивна, гедоністична, моделююча, психокорекційна, перформативна).

Отже, етикетні кліше як мовні знаки ситуації спілкування використовуються для встановлення, підтримки, завершення вербального контакту. Прагматика етикетних кліше полягає не лише в оптимізації процесу й ефективному спрямуванні інтеракції, а й у виявленні позитивного психологічного настрою комунікантів. Референційні потенційні смисли етикетних кліше становлять антропоцентрично орієнтований механізм, основним призначенням якого є реалізація комунікативно-прагматичних намірів мовців з урахуванням стереотипності мовлення. Інформаційною складовою цього механізму є вибір з когнітивної бази відповідного мовного комплексу, адекватного певним комунікативним умовам, та актуалізація самої мовної одиниці у процесі автоматичного відтворення ситуації спілкування.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1 Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая фразеология как лингвистическая проблема / Н. Ф. Алефиренко // Slavenska frazeologia i pragmatika / славянская фразеология и прагматика / Uredn. Zelika Fink, Anita Hrnjak. – Zagreb: KNJIGRA, 2007. – S. 219–225.

2 Алефиренко, М. Ф. Теоретичні питання фразеології : Монографія. / М. Ф. Алефиренко. – Х. : Вища школа, 1987. – 133с.

3 Баландіна, Н. Ф. Побажання в мові та в мовленні / Н. Баландіна // Мовознавство. – 2006 – № 2–3. – С. 137–147.

4 Баландіна, Н. Ф. Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті / Н. Ф. Баландіна / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – К.: АСМІ, 2002. – 332 с.

5 Бацевич, Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики: Монографія. / Ф. С. Бацевич. – Львів: ПАІС, 2010. – 336 с.

6 Бацевич, Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич. – К.: Довіра, 2007. – 205 с.

7 Гвоздев, В. В. Контекст и некоторые проблемы прагматики клише / В. В. Гвоздев // Роль контекста в реализации семантических особенностей языковых единиц. – Курск, 1987. – С. 14–22.

8 Гнатюк, Л. Перформативи у структурі мовленнєвого етикету / Л. Гнатюк // Лінгвістичні студії. – Вип. 17. – 2008. – С. 198–194. [Електронний ресурс]. Режим доступу до журналу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Ls/2008_17/gnatyuk.

9 Маслова, В. А. Лингвокультурология: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений]. / В. А. Маслова. – [3-е изд., испр.]. – М.: ИЦ „Академия”, 2007. – 208 с.

10 Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: АСТ, 2001. – 624 с.

11 Сабліна, С. В. Сучасні мовознавчі проблеми дослідження українського мовного етикету / С. В. Сабліна // Вісник Запорізького державного ун-ту. Філологічні науки. – 2002. – № 3. – С. 114–117.

12 Стахів, М. О. Український комунікативний етикет : [навч.-метод. посіб.]. / М. О. Стахів. – К.: Знання, 2008. – 245 с.

УДК 821.161.3Купала.06:[81'373:398.9]

Н. А. Шкаруба

ВЫКАРЫСТАННЕ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ ЯНКІ КУПАЛЫ

У артыкуле праведзены кароткі аналіз ужывання разнастайных змен формы і зместу фразеалагізмаў у мове публіцыстычных твораў класіка беларускай літаратуры Янкi Купалы і дадзена ацэнка гэтай моватворчай дзейнасці аўтара як наватарства для часу творчасці мастака і ўзор для пераймання наступнікам.

Янка Купала, знакаміты беларускі паэт і драматург, менш вядомы як публіцыст. Да публіцыстыкі ён найчасцей звяртаўся ў асабліва складаныя, пераломныя гады, калі з усёй вострынёй паўставала пытанне будучыні беларускага народа, лёсу Бацькаўшчыны. Публіцыстыка складае значную частку творчай спадчыны пісьменніка і ўяўляе вялікую цікавасць для даследчыкаў з боку вывучэння моўных асаблівасцей. У прыватнасці, наша ўвага звернута да выкарыстання фразеалагізмаў у мове публіцыстычных твораў Янкi Купалы, ужыванне якіх увогуле абумоўлена шэрагам адметнасцей – дадатковая канатацыя, экспрэсіўна-ацэначная характарыстыка, ацэнка, якая даецца амаль клжным фразеалагізмам, тая дадатковая інфармацыя, якую яны, фразеалагізмы, утрымліваюць, дзякуючы другаснасці свайго узнікнення і захаванню тако культурнага фону, што паслужыў іх вытоку.

Як вядома, фразеалагізмы ў маўленні могуць ужывацца ў нязменным выглядзе і са змяненнямі рознага характару. З вялікай колькасці фразеалагізмаў, якія адзначаны ў творах Янкi Купалы, на долю публіцыстыкі прыходзіцца толькі іх дзесятая частка – каля 300. Іх аналіз дазваляе адзначыць, што большасць фразеалагізмаў ужыта з уласцівым ім значэннем і ў нязменнай форме. Другая частка фразеалагізмаў характарызуецца рознымі

зменаі ў мове публіцыстыкі Янкі Купалы і выяўляе наватарскае для часу творчасці мастака выкарыстанне фразеалагізмаў праз замену кампанента, павелічэнне колькасці кампанентаў, абыгрыванне аднаго з кампанентаў, агаленне іх унутранай формы, што так ці інакш адбываецца на яго семантыцы: фразеалагізм або змяняе сваё значэнне, або атрымлівае сэнсавае прырашчэнне, узбагачаецца дадатковымі асацыятыўнымі ўяўленнямі.

Найбольш пашыраны прыём замены кампанента іншым словам, які найчасцей назіраецца сярод дзеяслоўных фразеалагізмаў. Напрыклад, у фразеалагізме *часаць асінавы кол у магілу* выкарыстоўваецца дзеяслоў *часаць* замест *збіваць*, як адзначана ў лексікаграфічнай крыніцы [1]. Звычайна замена кампанента выклікаецца пэўнай сітуацыяй, вызначаецца кантэкстам і амаль заўсёды дае значны эфект, бо ў свядомасці чытача на звычайнае значэнне фразеалагізма накладваецца яшчэ і значэнне слова, якое выціснула прывычны кампанент. У прыведзеным прыкладзе значэнне фразеалагізма ‘пазбаўляцца каго-, чаго-н., знішчаць каго-, што-н.’ дапаўняецца адценнем ‘падрыхтоўка, гартаванне сілы да ўдару’. Каб падкрэсліць аддаленасць і засяродзіць увагу чытача, Купала змяняе фразеалагізм *за трыдзесяць зямель*, добра знаёмы з фальклорных твораў, на *за трыдзесяць зямель*.

Прыём фразеалагічнай з’яўкі – аб’яднанне слова і фразеалагізма ці двух фразеалагізмаў у адной сінтаксічнай канструкцыі з фармальна аднароднымі, але лагічна неспалучальнымі, разнароднымі членамі – Купала выкарыстоўвае, аб’ядноўваючы фразеалагізмы *ламаць мазгі і ламаць ногі* ў адзін новы фразеалагізм *ламаць мазгі і ногі*, што ўзмацняе агульную семантыку кантэксту.

Яскравы прыклад аб’яднання слова свабоднага ўжывання з часткай фразеалагізма знаходзім у артыкуле “Торжышча”: *у мутнай вадзе рыбку лавіць* ‘карыстацца неразбярэхай, мець выгаду ад непаразумення’ [2]. Тут на значэнне рэалізаванага спачатку словазлучэння *рыбку лавіць* накладваецца значэнне фразеалагізма *лавіць рыбку ў мутнай вадзе*.

У публіцыстычным тэксце фразеалагізмы зазнаюць розныя змяненні сваёй традыцыйнай формы, але і ў дэфармаваным выглядзе яны з прычыны шырокай вядомасці іх звычайнага кампанентнага складу і структурнай арганізацыі не страчваюць сувязі з прататыпам – традыцыйнымі агульнамоўнымі выразамі. Аўтар нярэдка зыходзіць з агульнага вобразнага ўяўлення пра дзеянне, прадмет, з’яву, абазначаных пэўным фразеалагізмам, і на яго аснове будзе разгорнутую метафару, шырока выкарыстоўвае прыём вобразнай асновы фразеалагізма і інш. Пашырэнне метафарычнага кантэксту на вобразнай аснове фразеалагізма дапамагае стварэнню цэлага малюнка ў тым кірунку, які зададзены метафарычным сэнсам фразеалагічнай адзінкі, напрыклад: *...так называная “знаць”, каб заслужыцца на ласку ў польскім урадзе, ...пачалі скідаць з сябе свае родныя аўчынкi і напінаць чужую падробленую, нашываную скуру* [2].

Купала выкарыстоўвае прыём спалучэння фразеалагізма і свабоднага, але аднаструктурнага з ім словазлучэння, напрыклад, за фразеалагізмам *хвіміямы курыць* (літ. *курыць фіміям*) ‘надзвычай узвялічваць, лісліва, падлісліва праслаўляць каго-н.’ [2] аўтар ужывае аднаструктурнае словазлучэнне *хвалу разносіць*, у выніку чаго ў свядомасці чытача ўзнікае апазіцыя паміж вядомым, моўным і невядомым, маўленчым.

Такім чынам, адбор і аўтарскае пераўтварэнне агульнавядомых фразеалагічных адзінак – індывідуальная асаблівасць публіцыстыкі Я. Купалы. Апошняе рабілася мастаком яшчэ і для актуалізацыі ў фразеалагізмах тых сэнсаў, што абумоўлены мэтамі і задачамі мастацкага маўлення, тэматыкай і зместам твораў. Аўтар перадае сваё бачанне, адчуванне, эмацыянальныя адносіны да таго, пра што ён піша і што адлюстроўвае. А ў выніку Я. Купала прадвызначыў і практычна рэалізаваў магчымасці выкарыстання фразеалагізмаў, даўшы ўзоры і спосабы ўвядзення фразеалагічных адзінак ў публіцыстычны тэкст, раскрыў іх вялікі стылістычны патэнцыял.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – 312 с.
- 2 Купала, Я. Поўны збор твораў. Т. 9 / Я. Купала. – Мінск: Маст. літаратура, 2003.

УДК 821:81'373.2:398.9

В. В. Шур

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ-БІБЛІОНІМЫ Ў ТВОРАХ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Разглядаюцца агульнавядомыя фразеалагізмы, метафарызаваныя словазлучэнні, перафразы і г. д., якія выкарыстоўваюцца ў творах мастацкай літаратуры ў якасці загалоўкаў-анімаў і з'яўляюцца змястоўнымі, трапнымі выразамі з іншасказальным зместам. Абгрунтаваецца заканамерная сувязь сэнсу загалоўка з тэмай і ідэяй пэўнага твора.

Вядома, што онімам-загалоўкам пачынаецца любы мастацкі тэкст. Загалоўкам адмыкаецца мастацкі твор і замыкаецца яго апошнім сказам. Практычна няма мастацкіх тэкстаў без загалоўкаў. У мовазнаўстве ўсталяванымі прыкметамі гэтай спецыфічнай уласнай намінацыі з'яўляюцца наступныя вызначэнні, якія засведчаны ў працах вядомых лінгвістаў (С. Бут-Гусаім, В. Грыгор'еў, Л. Жураўская, Ю. Карпенка, В. Кухарэнка, Н. Кожына, І. Лепешаў, В. Ляшчынская, Б. Мацвееў, Т. Маракуліна, А. Рогалеў, В. Фанякова, С. Фамічоў і інш). Загалолак – гэта першы онім, які сустракаецца чытачу, прызначэнне якога матывуецца зместам усяго твора, гэта першае слова, словазлучэнне, з якім аўтар пачынае размову з чытачом. Яго лічаць першым парадыгматычным знакам (аўтаномным сегментам) тэксту, які мае ініцыяльную (пачатковую), заўсёды моцную пазіцыю, максімальна функцыянальную загрузанасць, якая ўплывае на ўсе катэгорыі тэксту – мадальнасць, канцэптэуальнасць, працягласць і інш. Гэты онім з'яўляецца ключавым, “галоўным кампанентам анамастычнай прасторы мастацкага твора”. На фоне ўсяго тэксту загалоўкі не столькі сродкі камунікацыі, колькі эстэтычныя кампаненты раскрыцця ідэі, тэмы, стварэння вобразаў; іх структурна-семантычныя асаблівасці вызначаюцца таксама літаратурным жанрам. Яны не толькі назвы твораў, а і сродкі аб'яднання складаных сінтаксічных цэлых, асобных частак, у структурна-семантычнае цэлае. Гэты галоўны онім з'яўляецца вянцом, зернем, з якога вырастае нараджаецца ідэя твора. Па сваёй сутнасці і галоўнай функцыі загалоўкі як асноўныя кампаненты тэксту абавязкова суадносяцца з усімі сюжэтнымі хадамі, з усімі вобразамі і элементамі мастацкага твора. Правільна зразумець онім-бібліонім – значыць пранікнуць у сутнасць аўтарскай ідэі. Назва мастацкага тэксту любога жанру – самая актуальная яго прыкмета, гэта славесны комплекс, значэнне якога імпліцытна праектуецца на змест усіх тэкставых узроўняў і яго частак, на яго агульную, скразную ідэю. На думку псіхолагаў, якія вывучалі ўздзеянне загалоўкаў на схільнасць чытача да ўспрыняцця ўсяго тэксту, прыблізна 80 % чытачоў наогул звяртаюць увагу толькі на загалолак, які, як прасочана і эксперыментальна пацверджана, дае магчымасць абудзіць цікавасць у чытача да ўсяго твора.

У загалоўку зашыфравана даволі важная і істотная інфармацыя, ён, безумоўна, уяўляе асаблівы код, асаблівую разнавіднасць уласных імёнаў. Тэкст мастацкага твора ў адносінах да яго загалоўка выступае як “*індыўдуальная распаўсюджаная перыфраза*”, а загалолак ў сваю чаргу ўяўляе “*жахліва ўшчыльненую абрэвіятуру тэксту*” (В. П. Грыгор'еў).

Будучы кампанентам тэксту, яго пачаткам, загаловак выконвае функцыю сказа, але як назва твора ён, безумоўна, успрымаецца як адзінка лексічнага ўзроўню, суадносная з онімам.

Па форме, у плане граматычнага афармлення, загатоўкі могуць уяўляць асобныя словаформы, найчасцей, у форме назоўнага склону адзіночнага або множнага ліку; напрыклад, у Я. Коласа: “Дрыгва”, “Адшчапенец”, “Батрак”, “Адплата”, “Зіма”, “Ігрышча”, “Кірыла”, “Палессе” і інш.;

словазлучэнні: “Разліў Нёмана”, “Пісаравы імяніны”, “Падарожжа ў Парыж”, “Паўлюковы думкі”;

поўныя і няпоўныя прэдыкатыўныя сказы: “Наша сяло, людзі і што робіцца ў сяле”, “Ой, скажы мне, вецер вольны...”, “Чаго я хачу ад з’езда пісьменнікаў”, “Чаму ў сенакос і ў жніво ідзе дождж” і інш.

У творах мастацкай літаратуры ў якасці спецыфічных загатоўкаў-онімаў могуць выкарыстоўвацца вядомыя фразеалагізмы, а таксама некаторыя метафарызаваныя словазлучэнні, перыфразы, якія патэнцыяльна збліжаюцца з фразеалагізмамі, выступаючы як вельмі змястоўныя і трапныя выразы з іншасказальным зместам, у якіх, гаворачы словамі Б. Ларына, “усе словы вядомыя, а сэнс цэлага застаецца няясным” і высвятляецца толькі пасля прачытання ўсяго тэксту. Такія загатоўкі з’яўляюцца аб’ектам даследавання ў гэтым артыкуле.

Звычайна сэнс загатоўка можа быць высветлены толькі пасля ідэйна-тэматычнага разгляду твора. Прычым вытлумачваюцца далёка не ўсе загатоўкі, а толькі тыя, якія атрымалі сэнсавае прырашчэнне або ў якіх суіснуюць два значэнні [1, с. 73]. Іменна ўсім кантэкстам трылогіі “На ростанях”, як лічыць І. Лепешаў, рэалізуецца канатацыйная функцыя фразеалагізма *на ростанях* (пра стан сумненняў, хістанняў, нерашучасці перад выбарам чаго-небудзь), якім Я. Колас назваў свой самы значны праявіны твор. І гэтая назва сапраўды цесна звязана з галоўным вобразам трылогіі, з яе тэмай, з адлюстраваннем тых складаных шляхоў, якімі ішла народная інтэлігенцыя ў пошуках праўды і сэнсу жыцця. Пра гэтую ж пісаў і сам пісьменнік у артыкуле “Роднаму краю і народу”: “Зараз я прадаўжаю працаваць над апавесцю “На ростанях”. Гэта працяг маіх апавесцей аб дарэвалюцыйным жыцці сялянства і вясковай інтэлігенцыі Палесся – “У палескай глушы” і “У глыбі Палесся”. Напісана ўжо 7 раздзелаў. Я хочу правесці майго галоўнага героя, настаўніка Лабановіча, праз цяжкія жыццёвыя выпрабаванні і паказаць, як ён стаў актыўным будаўніком новага ладу, сапраўдным савецкім чалавекам” [К-сХІІ, с. 38]. Назва-загатоўка “На ростанях” падабалася Я. Коласу. Ужо ў самы ранні перыяд яго творчасці вядомы вершы паэта “На раздарожжы” (“Пры шляху шырокім”), “На ростанках” (“Ты скажы мне, цьма глухая”), “На ростані” (“Апошні разочак з-за хмар вадзяністых”), пазней – праявіныя творы апавесць “На ростанях” і трылогія з такой жа назвай. У 1902 г. ён распачаў працу над вялікім па задуме праявіным творам на рускай мове “Адзін з сотні”, фрагменты з якога ў перапрацаваным варыянце былі выкарыстаны ў першай частцы трылогіі, у апавесці “У палескай глушы”, а першы варыянт апавесці “На ростанях” быў надрукавана пад загатоўкам “Верхань” (1949 г.). Аб прыхільнасці Я. Коласа да назвы “На ростанях” сведчаць і пісьмы пісьменніка, адрасаваныя Т. Замоцінай (695) і С. Гарадзецкаму (698). У перапісцы з імі Я. Колас паведамляў: “Сдал в печать свою трилогию “На росстанях”. Это название хочу сохранить в русском переводе... Такое слово есть в словаре Ушакова с оговоркой, что “на росстанях” – областное слово. Пусть это название остается и в переводе на русский язык – по крайней мере, буду настаивать на этом” [К-с XIV, с. 167]. Такім чынам, па задуме пісьменніка, у фразеалагізме-бібліоніме “На ростанях” у канцэнтраваным выглядзе адлюстраваны пошукі шляхоў жыцця беларускай вясковай інтэлігенцыі, частка якой, гаворачы словамі Я. Коласа, “штучна адарваная ад жывых крыніц жыцця асталася вернай казённым прынцыпам, часткаю, не бачачы прасветліны, апускалася на дно і

зацягвалася балотам. *Болей жа дзейная і жывая частка яе імкнулася зліцца з гэтымі крыніцамі і вобмацкам шукала дарог, каб пазнаць “корань рэчаў”.*

Такія загаловкі твораў Я. Коласа аказалі ўплыў на іншых пісьменнікаў. Так, А. Васілевіч у 1947 г. апублікавала невялікую аповесць “*У прасторах жыцця*”, у назве якой не толькі даследчыкі заўважылі пераклічку з добра вядомай аповесцю класіка, а таленавіты паэт і даследчык літаратуры У. Жылка напісаў верш “*На ростані*”, змясціўшы яго ў аднайменным зборніку, большасць твораў якога адлюстравала ваганні і душэўны стан беларускай нацыянальнай эліты пачатку ХХ ст., калі “*маладасведчанья радыкалы, падахвочанья палітыканамі, спрабавалі сханіцца “у рожкі са старымі”*” [2, с. 256]. У другога самага значнага вершаванага твора Я. Коласа – паэмы-энцыклапедыі “*Новая зямля*” заглавак таксама мае абагульнена-філасофскі характар і дапаўняе сімвалічна ўскладнены змест вобразаў паэмы, “*універсальнасць іх светабачання і светаразумення, манументальнасць праблематыкі і энцыклапедычнасць тэматычнага зместу*”. На думку М. Лазарука, “*вобраз новай зямлі ў паэме – гэта вялікая метафара, сэнс якой раскрываецца поўнасю толькі ў кантэксце ўсяго нацыянальна-вызваленчага руху беларускага народа*” [3, с. 22].

Некаторыя рэальныя тапанімічныя назвы Я. Колас умела абыгрывае, выяўляючы ў іх канатацыйны змест, заснаваны на другасных “прырашчэннях”, якія “ажываюць” у тапоніме пры яго супастаўленні з іншымі тапанімічнымі найменнямі, якія па задуме паэта таксама з’яўляюцца канатацыйна насычанымі. Так, вядома, што ў 1935 г. мастак слова адпачываў у невялікай вёсачцы *Загібелька* на Пухаўшчыне. У час адпачынку Я. Коласу нечакана выпала паездка ў *Парыж* на Суветны кангрэс міру, дзе прадстаўнікі народаў Еўропы і іншых частак планеты выступілі супроць праяўленняў фашызму. Вярнуўшыся з Францыі, як успаміналі сябры і родныя Я. Коласа, ён з вялікай радасцю акунуўся ў штодзённы побыт у *Загібельцы*: лавіў рыбу, збіраў грыбы, сустракаўся з таварышамі, любаваўся маляўнічай прыродай роднай зямлі. К. Крапіва, заўважыўшы такі ўзнёслы настрой Коласа, як сведчылі сябры пісьменніка, напісаў наступную эпіграму: *Быў я ў Парыжы на кангрэсе – / То ў Загібельцы, браце, лепш: / Грыбоў няма ў Булонскім лесе, / А ў Сене – хоць бы адзін лешч* [4, с. 175]. Такі жарт Я. Коласу спадабаўся, і ён адказаў наступнымі радкамі: *І гэты кут пазнаеш бліжай, / Збіраючы баравікі, / – То вывад я раблю такі: / Мне Загібелька лепш Парыжа* [К II, с. 84]. Гэтыя словы ў беларускай мове сталі крылатымі.

Такім чынам, у гэтым кантэксце падсвядома ажыўляецца ўнутраная сутнасць онімаў (тапонімаў): *Парыж* – як назва, якая сімвалізавала раскошу, багацце, усямерны дастатак, і кантрастны тапонім *Загібелька* – назва-характарыстыка, назва-сімвал, якой некалі ідэнтыфікавалі паселішчы, жыхары якіх *гібелі* – пакутавалі, мучыліся ад нястачы, голаду, цяжкай працы і інш.

Аднак для Я. Коласа гэтая назва на фоне урбанізаванага *Парыжа* ўспрымалася зусім па-іншаму: яна ўяўляла, сімвалізавала для яго малую, сціплую радзіму, дзе ён знаходзіў душэўны спакой і адпачынак. Выразы “*Грыбоў няма ў Булонскім лесе*” і “*Мне Загібелька лепш Парыжа*” сталі крылатымі [5, с. 69]. У гэтых творах тапонімы *Загібелька* і *Парыж* – кантэкстуальныя антонімы. Сталі афарызмам і наступныя радкі Я. Коласа, дзе паэт успамінае *Загібельку*: *Быць можа, крыху я дзівак, Але люблю я Загібельку, якія прыводзяць у вялікай падборцы “Выслоўі і афарызмы Якуба Коласа” А. Міхневіч і Ю. Назаранка* [6, с. 237]. Сімвалічнымі ў мове беларускага фальклору з’яўляюцца і некаторыя вельмі вядомыя рэальныя тапанімічныя назвы (*Нёман, Вільня, Бярэзіна, Дунай* і інш.). Так, пра назву *Вільня*, засведчаную ў шматлікіх народных песнях, прыказках, жартах і інш. (параўн.: *Рабі пільна, то і дома будзе Вільня*), Ф. Янкоўскі адзначаў: “Узнікла прыказка, трэба думаць, недалёка ад Вільні. *Вільня* – старадаўні горад, культурны цэнтр. Выражаецца павучанне: каб жыць культурна, трэба старанна і рупліва працаваць”

[7, с. 478]. Такім чынам, гэты онім у выніку метафарызацыі набыў канатацыйную ўскладненасць, стаўшы сімвалам культурнага жыцця.

У гісторыі беларускай літаратуры ёсць прыклады, калі бібліянімы не задавальнялі звышпільных цензараў, і тыя патрабавалі ад аўтараў замены ці карэкціроўкі такіх онімаў. Так, вядомую ўсім цяпер кнігу У. Караткевіча “*Зямля пад белымі крыламі*” пісьменнік здаў у друк пад назвай “*Краіна пад белымі крыламі*”. Загаловак, у склад якога ўвайшла і арыгінальная перыфраза, метафарычна-ўзнёсла называў нашу радзіму – краіна Беларусь. Аднак, як піша пра гэта М. Дубянецкі, некаму ў той час не спадабалася слова “краіна”, якое пашыралі і ўжывалі тады толькі ў адносінах да СССР. А дзяржавы, краіны, што ўваходзілі ў яго, маглі называцца толькі краем. Што Палессе – край, то і Беларусь – край! [8, с. 178].

Сімвалічны, іншасказальны сэнс набыў заглавак п’есы А. Макаёнка “*Лявоніха на арбіце*”. Лінгвісты сутнасць гэтага галоўнага оніма ў камедыі тлумачаць наступным чынам: лексема *арбіта* ў 60-я гады ХХ ст. стала актыўна выкарыстоўвацца са словамі *вывесці, выходзіць на арбіту*, паступова адбылася і фразеалагізацыя гэтага словазлучэння са значэннем “дабівацца высокага становішча ў жыцці, у грамадстве”, больш таго, высокая частотнасць ужывання яго ў вуснай і пісьмовай мове паспрыялі таму, што выраз набыў дадатковы падтэкст – стаў узнёсла сімвалізаваць новы напрамак дзейнасці [9, с. 171]. Драматург А. Макаёнак, свечасова рэагуючы на актуальныя падзеі часу, арыгінальна абыграў яго, спачатку ўжыўшы спалучэнне ў рэпліцы Лявона: “*Мая Лушка выходзіць на арбіту!*” (пра вылучэнне жонкі ў дэпутаты), а потым, часткова змяніўшы, зрабіў яго і заглаўкам-сімвалам камедыі – “*Лявоніха на арбіце*”. У ім кантрастна спалучаецца простамоўны онім *Лявоніха* (жонка Лявона) і слова-тэрмін з адценнем навізны *арбіта*, чым ствараецца камічны эфект, а такі заглавак, безумоўна, інтрыгуе, прыцягвае на сябе ўвагу.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора: вучэб. дапам.: у 2 ч. Ч. 2 / І. Я. Лепешаў. – Гродна, 2000. – 122 с.
- 2 Рагуля, А. “Адвечны шлях! Калі ж, калі!..” / А. Рагуля // *Полымя*. – 2002. – № 11–12. – С. 238–261.
- 3 Лазарук, М. Беларуская паэма ў другой палове ХІХ ст. – пачатку ХХ ст. / М. Лазарук. – Мінск: Выш. шк., 1970. – 240 с.
- 4 Жыгоцкі, М. Побач з Коласам. / М. Жыгоцкі – Мінск: Беларус. навука, 1996. – 195 с.
- 5 Янкоўскі, Ф. Крылатыя словы і афарызмы: з беларус. літ. крыніц. / Ф. Янкоўскі. – Мінск: Выд. АН БССР, 1960. – 136 с.
- 6 Міхневіч, А. Выслоўі і афарызмы Якуба Коласа / А. Міхневіч, Ю. Назаранка // *Полымя*. – 2001. – № 11. – С. 230–261.
- 7 Янкоўскі, Ф. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. – / Ф. Янкоўскі. – 3-е выд. дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
- 8 Дубянецкі, М. “Трэба рызыкаваць...” / М. Дубянецкі // *Полымя*. – 2002 – № 1. – С. 159–183.
- 9 Красней, В. П. Грані слова: Факультатывы курс “Лексіка і фразеалогія беларускай мовы” / В. П. Красней // Вучэб. дапам. для 10 кл. – 2-е выд. – Мінск: Нар. асвета, 1986. – 175 с.

УМОЎНЫЯ СКАРАЧЭННІ

К-с – Колас, Я. Збор твораў: у 14 т. / Я. Колас. – Мінск: Маст. літ., 1974. – Т. 1–14. – 624 с.

Л. В. Эглит

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СЛЕНГИЗМОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В МОЛОДЁЖНОЙ РЕЧИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В статье анализируются особенности словарного новаторства в молодёжной среде. Описываются источники фразеологизмов-сленгизмов, мотивы обращения молодёжи к словотворчеству, типичные модели образования фразеологизмов-сленгизмов, отмечаются явления синонимии, вариантности и дублетности рассматриваемых языковых единиц.

Исследования социально-детерминированных форм речи, функционирующих на рубеже веков показали, что социолекты, в том числе и сленг, проявляя жизнеспособность и оперативно реагируя на социальные инновации, активно обогащают систему средств и способов производства новых номинаций, а, следовательно, нуждаются в полиаспектном изучении, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта.

Особое место в молодёжной речи занимают фразеологические единицы, возникновение которых определяется свободной творческой деятельностью как индивидуумов, так и коллектива микросоциума в динамическом контексте, допускающем элементы случайного и нестандартного.

Отметим, что определённая часть ФЕ, функционирующих в молодёжной речи, – внутренние заимствования из различных социально детерминированных форм речи: сленга хиппи, компьютерного жаргона, сниженной речи музыкантов, – утратившие в связи с широкой известностью свою актуальность речевые единицы из жаргона преступного мира, арго наркоманов, например: *ковырять инетку* – ‘искать в интернете нужный сайт’; *забить стрелку* – ‘назначить встречу’; *быть (сидеть) на измене* – ‘испытывать сильный страх’.

Для сленга характерны ФЕ с неясной мотивировкой, отличающиеся искусственно завышенной экспрессией, в которых эксплицитно выражен протест современной молодёжи против архаичных, с их точки зрения, культурноречевых представлений, а также утверждение своих, “сегодняшних”, ценностей и приоритетов средствами языка. Например, у узувального наречия *жалко* в сленге существует два синонима-фразеологизма – *в крысу* и *жаба давит*, которые с трудом поддаются мотивировке, как и некоторые лексемно-сленгизмы, сравните также: *лохматить бабушку* – ‘говорить неправду’, *доить самовар* – ‘брать деньги у отца’, *выкупить весь базар* – ‘понять, о чём идёт речь, вникнуть в суть дела’, *бобик сдох* – ‘я устал, больше не могу’; *катать вату* – ‘заниматься бесполезным делом’, *драть ласты* – сбегать с занятий; *шевелить батонами* – ‘идти быстрее’, *в шары долбиться* – ‘ничего не видеть’ и т. п.

Словарное новаторство, проявляющееся в намеренном нарушении языкового стандарта, стремление выйти за рамки привычного, не получает в большинстве случаев общественного признания. В сленге же наблюдается обратный процесс: «нерафинированный» план выражения сленгизмов не препятствует их принятию и распространению микросоциумом, ибо этому не противостоит общественная необходимость. Чем неординарнее структурно-семантический облик созданной молодёжью коммуникативной единицы, тем больше у неё шансов закрепиться и, главное, как можно дольше задержаться в активном словаре исследуемого социолекта, ибо важнейшим качеством

сленгизмов является наличие в их смысловой структуре информации, сущность которой определяется актуальностью обозначаемых ими реалий. Это, прежде всего, информация об определённой временной маркированности единиц молодёжной речи, отличающейся необычной текучестью и изменчивостью на достаточно коротком временном отрезке.

Экспрессивность сленгизмов создаётся за счёт разрушения старых и установления новых синтагматических отношений, что вызывает эффект окказиональности, сверхобразности, необычности. Например, в роли междометий, передающих удивление, выступают в сленге такие единицы, как *Хаба-хаба! Святые сосиски! Ясный палтус!* Кстати, последнее междометие используется и в момент, когда сленгоноситель раздражён либо чем-то или кем-то восхищён. Эксплицитно проявляющаяся при образовании данных и подобных сленгизмов тенденция к экспрессивности заключается, прежде всего, в желании представителей микросоциума всеми возможными способами преодолеть языковой стандарт и автоматизм, основанный на регулярности между знаком и значением.

Итак, сленгизмы – это единицы с искусственно завышенной экспрессией, слованамёки, в основе которых лежит игра со звуком или смыслом. Так, зная семантику сленгизма *пассаж* – ‘туалет’, нетрудно догадаться, какой стилистически маркированный глагол стал мотивирующим для данного перла словотворчества сленгоносителей. Укажем, что данное слово входит в многочисленный синонимический ряд, регулярно пополняющийся новыми единицами: *звонилка, торчок, дума, резиденция, зал заседаний, белый дом, два нуля, КПЗ (комната приятных запахов)* и т. п. Определённый же физиологический процесс, напрямую связанный с выше перечисленными словами, именуется с помощью устойчивого в среде сленгоносителей перифрастического, эвфемистического обозначения, маскирующего, вуалирующего суть явления: *педаль проверить, коней привязать, пластилин давить, тубики сдавать, навестить белого друга, сходить ёжикам (сусликам, дяде Пете, Бобу Марли) позвонить, посмотреть на звёзды, сходить во втуда.*

Поскольку сленг вызван потребностями общения на ином, нежели общепринятый, уровне коммуникации, он зачастую не отвечает главным содержательно-речевым критериям – чистоте и эстетичности речи. Он связан с нравственной стороной сознания отдельных (а их немало!) представителей молодёжи. Отметим, что многие молодые люди сегодня либо не употребляют сленг, либо относятся к нему весьма избирательно, считая, что среди этих, по их словам, «прикольных» словечек и оборотов речи есть ряд функционально неоправданных. Так, не нуждаются в комментариях такие сленгизмы, как *трещать, пиццать, скалиться, щериться* – ‘смеяться’; *в шары долбиться* – ‘ничего не видеть’; *орать ласты* – ‘сбегать с занятий’; *свинья на лыжах* – ‘девушка, которая не умеет хорошо кататься на роликах’, *забодяжить котячий супчик* – ‘приготовить китайскую лапшу в пакетах’.

Исследователи сленга небезосновательно считают, что ироничность и эпотажность заложены в самой природе сленга, предполагающего отстранённый, новый взгляд, переосмысление расхожих слов и штампов.

Целый ряд современных сленгизмов возникли в результате усечения производящей основы узуального слова: *прич*(ёска), *вундерк*(инд), *интел*(лигент), *вел*(осипед), *сикьюр*(ити), *икскьюз*(ми), *5 сек*(унд). Особенностью же молодёжной речи является окказиональное усечение отдельных слов различной лексико-грамматической принадлежности в составе словосочетаний, предложений и фразеологических оборотов: Я хочу с тобой *побаза* – ‘Я хочу с тобой побазарить’ (поговорить); Ты *по?* – ‘Ты пойдёшь?’ или, в зависимости от ситуации, ‘Ты понял?’; без *Б* – ‘без базара’; *ТБ* – ‘туалетная бумага’.

Довольно широкое распространение приведённых образований и их высокая продуктивность в сленге объясняются, прежде всего, экстралингвистическими факторами

и, главным образом, тем, что информационный мир, в котором совершенно комфортно чувствует себя молодое поколение, основан на скорости передачи разнообразной информации. Отсюда современные носители языка отдают явное предпочтение лаконичным, коротким, но приковывающим к себе внимание единицам языка и речи, отражающим темп сегодняшней жизни, экономящим языковые усилия. Весьма важно и то, что рушатся стереотипы – открываются новые формально-семантические пространства, с новыми ассоциациями, в основе которых находятся уже привычные.

Употребление поликомпонентных устойчивых оборотов речи вместо одного знака, например: *кеды в угол поставить* – ‘удивиться’; *массировать (насиловать) мозги* – ‘зубрить’; *Хай всем нормальным пиплам!* – ‘Здравствуйте!’; *Ха-ха! Гараж!* – ‘Ура!’; *ясен перец* – ‘понятно, ясно’; *не железное очко* – ‘страшно’ и т. д. не является отличительной особенностью сленга на рубеже веков, в котором преобладают экономичные по своей форме слова, возникшие вследствие отбора наиболее рациональных для целей коммуникации языковых средств, способствующих оперативности изложения, например: *тарабанить* или синонимичное *трубить* – ‘безрезультатно ждать кого или что-либо’; *заскочить* – ‘попасть в полицию’; *задвинься* – ‘мне не интересно то, что ты говоришь’. В то же самое время, стремление к инновациям в любой сфере деятельности, в том числе и словотворчестве, желание создать оригинальную, одобренную другими сленгоносителями яркую маску для старой реалии приводит к тому, что наряду с усечённым вариантом узуального слова в сленге успешно соседствует синонимичная описательная конструкция: *кач – квадрат 2 X 2*; *хва* (‘хватит’) – *хватка тигра* и т. п. Большинство же подобных расчленённых сочетаний являются синонимами словам с тем же значением. Так, есть, поесть, наесться – *кинуть на кишку, ударить по кишке, карманы набить*, а также: *кишкануть(ся), муслять, мушлить, отталкиваться, свинушить, хавать, хомячить, харчеваться, чифанить, бакланить, берлять*; *Отстань! – Отдыхай ровно, Иди урюк косить, Уйди в память*, а также: *Упрись! Пасись! Стряхнись; Уйди! – Гребни ушами в камыши; Иди комаров тинай; Иди кибитки красить; Сотрись с экрана, Шнуруй отсюда*, а, кроме того, – *Сбрызни!* Устойчивое сочетание *Не пахни (жареной) рыбой* (или *салатом, селёдкой, щами*) также имеет значение ‘уйди, уйди’, оно же используется и в значении ‘молчи, замолчи’ наряду с фразеологизмом *Сиди в окопе и не вякай* и его дублетами: *Сиди в окопе и не чирикай, Сиди в окопе и не высказывайся, Сиди в окопе и не высовывайся*.

Значительное количество в словаре современного сленга вариантных, синонимичных фразеологизмов ещё раз подтверждает высказанную профессором А.И. Скворцовым мысль, что сленг – не только зона повышенной активности, но и зона повышенной вариантности [1, с. 30] что проявляется как на уровне лексем, так и фразеологических единиц: ‘человек, который много учится’ – *ботаник, ботан, заучка, зубрило, термит, кишка, очконос*; ‘следы за речью’ – *фильтруй (илифуй) базар, следы за базаром (метлой)*; ‘всё в порядке, всё хорошо’ – *всё пучком/фонтаном*; ‘очень хорошо, великолепно’ – *полный отпад/угар/балдёж*; ‘не обманывай’ – *по ушам не езди (не три) (не гони) (не тинай)*. В прошлом веке с этим значением использовался фразеологизм *не вешай лашу на уши*, сейчас же он устарел, как и целый ряд слов и оборотов, активно употреблявшихся ещё два десятилетия назад, а сегодня ушедших в пассив.

В связи с приведённым иллюстративным материалом нельзя не отметить, что синонимия, вариантность, дублетность – своеобразный маркер молодёжной речи, возможность из ряда альтернатив выбрать тот способ языкового обозначения, который адекватен данной коммуникативной ситуации.

Таким образом, фразеологический оборот в сленге является одним из средств, служащих таким аспектам коммуникации, как необходимость наглядного воспроизведения изображаемого явления, потребность самовыражения, проявляющаяся в субъективном освещении описываемого факта, стремление к эффективности воздействия, т. е.

установка на реципиента. Характерной особенностью данных устойчивых оборотов речи является способность нести наряду с предметно-логическим содержанием дополнительную информацию за счёт особой смысловой и эмоциональной нагрузки единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Сковорцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии / Л. И. Сковорцов // Литературная норма и просторечие. – М.: Наука, 1977. – С. 29–31.

УДК 81'276:82-2:82-1

І. Н. Юдкін-Ріпун

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ИДИОМОВ ДРАМЫ И ЛИРИКИ

В статье анализируются перифрастические обороты как источники идиоматических словосочетаний, использующихся в лирических и драматических произведениях. Определяется роль паремий как промежуточного звена на пути от мифа к лирическим и драматическим модусам. Выделяются идиомы-симптомы как особая разновидность идиом драматического текста.

Описание и кодификация поэтических идиомов позволяет высветить трудности, появляющиеся в ходе решения этих задач. Так, в словаре Н. В. Павлович [8] строки В.Петрова «Ты, зеркало, меня сугубяще ответом / Я в сердце зрюсь твоим, любовью согретом, / И в детях зрюсь моих; / Ты зришься во мне, и зришься также в них» дают повод только для семантического перехода [женщина → вещь (зеркало)], между тем как речь идет о взаимном отражении троих существ, мыслимом не как вещь, а как нечто органичное («сердце») и одушевленное («согретое любовью»). Игнорирование целостности поэтического образа приводит к неадекватности его представления. Для преодоления таких трудностей уместно напомнить парадокс Дж. фон Неймана, согласно которому «... описание функций автомата проще, чем сам автомат, но лишь до тех пор, пока этот автомат не очень сложный, а когда уровень сложности становится высоким, реальный объект проще, чем его литературное описание» [7, с. 67]. Тогда целесообразно прибегать не к особым искусственным дескрипторам (в частности, кодированию семантических переходов), а к средствам автодескрипции, скрыто присутствующим в самом описываемом тексте.

Свойства автодескрипции становятся особенно наглядными в паремиях (пословицах, загадках, заклинаниях) благодаря компрессии (сжатости) деривационных процессов порождения переносных значений, что давало основания в старых поэтиках объединять их с баснями и притчами как разновидности аллегорий. Пословицы, в частности, представляют свертки сюжетов развернутого повествования (басни о Лисице – *хорош виноград, да зелен; притчи об упрямстве – на сердитых воду возят*). Выделяются словосочетания, представляющие автодескрипцию аллегории (например, мотивы [дать рано вставшему → даяние раннему] в *кто рано встает, тому Бог дает* или [любить, терпнев → любовь от терпеливости] в *стерпится – слюбится*). В них фиксировано развертывание («распространение») ключевых слов (*vocabula* – в приведенных примерах это *даяние, любовь*). Основу фиксированных наращиваний вокабул составляют парные словосочетания – биномы (предикативные и комплетивные) как пресуппозиция («предзнание») текста [9, с. 266; 10] или допустимые из него выводы (*exponibilia*), т. е. устойчивые смысловые характеристики идиом. Свертывание

предполагает образование в идиоме сети ссылок (референций), позволяющих восстановить вариант текста.

Устойчивость как основное свойство идиомы, в противоположность коллоквиализмам (свободным сочетаниям), необходимо отличать прежде всего от повторяемости топосов (*loci communi*): фиксации может способствовать и уникальность высказывания в качестве гапакса (*loci raritati*), как это имеет место с цитатами (например, библеизмами). Еще одна линия демаркации проходит между фиксацией и деривацией: устойчивые сочетания могут быть терминологическими, тогда как коллоквиализм может быть тропом. Напротив, для идиом необходима устойчивость иносказания, когда термин обращается в троп (напр., термин *Производитель работ акционерной компании* (Н. А. Некрасов, «Современники») в качестве характеристики). Наконец, идиомы отграничиваются от афоризмов как оппозиция поговорки / пословицы (укр. приповідки / прислів'я, лат. *adagium* / *proverbium*, англ. *saying* / *proverb*): если афористичная паремия (пословица) предстает как предельная свертка повествования (притчи, басни) и является минимальной единицей текста, то идиоматическая паремия (поговорка), даже в форме предложения (*бабушка надвое гадала*), лишена самостоятельности единиц текста. Соответственно, если пословица соотносится с «гласом народа» (*vox populi*), то локация поговорки, как и лексической единицы, неопределенна. Можно сказать, пословица – реликт (свертка) нарратива, а поговорка – его рудимент (исток развертывания). Основанием устойчивости идиомы становится указание на характерную деталь (как в прозвище). Таким образом, две оппозиции – (коллоквиализм / идиома) и (поговорка / афоризм, в том числе в варьированной форме пословиц) – отграничиваются от еще двоих: (топос / гапакс) и (термин / троп). Основу для перехода от коллоквиализмов к идиомам составляет перифрастическое описание как частичная (партитивная) номинация, ограниченная обозначением отдельных подробностей образа без указания на целое. Она вызывает референции, ссылки на подразумеваемое содержание как источник переносного значения.

В качестве фиксированного иносказательного словосочетания идиомы пересекаются с так называемыми формулами в фольклоре и риторике. Необходимо отметить ошибочность упрощенного сведения формул к следствиям устной коммуникации в фольклоре (так называемая формульная теория А. Лорда). В частности, утверждения об отсутствии формул в «сложившейся литературной традиции» [4, с. 152] опровергаются самим существованием риторической системы; более того, признается «разработка деталей» в фольклоре где «одно слово начинает подсказывать другое» [4, с. 124, 45], что не согласуется с предположением об устной основе формул. Паремии в фольклоре в силу формульного характера либо неотличимы от песенных строк (напр., укр. *хіба б гора з піску буда, щоб полупалася* («Ой ти горо крем'яная», записи Дніпрової Чайки – Л. О. Василевської); *хто щаслив був хоч часочок, повік не забуде* («Віють вітри ...»), записи С. Руданського) либо варьируют известные пословицы (напр., *Подивимося в чистій воді, котра з нас краща в своїм роді* [2, № 169] соответствует пословице в записи К. Зіновієва *Поглянь козле в воду на свою уроду*). Общее свойство формульных, фиксированных словосочетаний составляет их выводимость из фундаментального свойства языка – табу, а потому и необходимость их существования как особой речевой формы. В частности, для объяснения происхождения поговорки (*adagium*) существенно, что «слово в фольклоре – это икона, и оно не столько сигнификативно, сколько ... онтологично» [5, с. 52], предполагая раскрытие возможностей своей внутренней формы в устойчивых словосочетаниях. Тогда основным источником формирования поговорок представляется перифрастическое описание, дающее частичную и косвенную характеристику предмета по принципу *pars pro parte*: упомянуть *чесать затылок*, *погреть руки* или *следовать курсом* – значит указать характерную частную деталь поведения (жесты, манера движения), отсылающую к иным деяниям.

Роль фиксации словосочетаний (формул) хорошо исследована в развитии повествования от мифа к эпосу, где они обращаются в представление ключевых деталей. Как отметил Е. М. Мелетинский, «можно сказать, что уже переход от “Илиады” к “Одиссее” ... есть первый шаг в сторону романа» [6, с. 131], а именно в “Одиссее”, как подчеркивал Э. Ауэрбах, «всякая вещь и всякое соединительное звено обретают совершенную законченность», так что «если вставка, замедляя действие, призвана усилить напряжение», то «ретардирующий, задерживающий момент» становится эпическим свойством в условиях, где «нет заднего плана ... , происходящее сейчас заполняет всю сцену действия» [1, с. 24–25]. Однако для лирики и драмы подобные аспекты генезиса не освещены. В частности, применительно к поэтическим идиомам представляется уместным говорить о масштабах устойчивости – в пределах одного текста, корпуса текстов или же целой традиции, соответственно тому, куда простирается сеть референций. Тем самым определяется и диахронический аспект идиоматики. Промежуточным звеном на пути от мифа к лирическим и драматическим модусам являются паремии, основанные на перифрастических описаниях характерных деталей.

Непосредственную связь лирики с особенностями паремий обосновывает локация слова, когда пословица представляется как изречения некоторого постороннего инкогнито, равносильного лирическому герою. От паремий лирика наследует мотивировку знака (в частности, средствами рифмы), а суггестия и фасцинация как эффекты табу в заклинаниях переходят в лирическую «магию слова». Особенно существенно, что «описание переходит ... в изречение-загадку (γρίφος)» [3, с. 305], когда в стихи непосредственно переносится один из жанров паремий благодаря перифрастическим заменам прямых обозначений, что соответствует проблемности лирического модуса. Формулы народной песни, особенно инициальные (инципиты), становятся крылатыми словами и пословичными изречениями, в частности, как эллипсисы, подразумевающие известное продолжение (напр., *Усі гори зеленіють* с подразумеваемым продолжением *тільки одна гора чорна* как намек на долю вдовы).

Перифрастика в литературной лирике определяется ссылками от частности к частности (*pars pro parte*). Таково перифрастическое описание пальцев пианиста, вырастающее в аллегорию во 2-м фортепианном сонете И. Анненского: *менады белою мятутся вереницей, / И десять реет их по клавишам мечты*. В свою очередь, эта картина высвечивает иные смыслы, передающие суть виртуозности: *своим властителем лишь улыбались девы*. Ряд вокабул-предикатов [мятущиеся – реющие – улыбающиеся] отсылает к подразумеваемым движениям рук, служащим выражению глубинного содержания – [мечты]. Такая частичность является источником «увекочивания» идиоматики (риторическая *perpetuatio*), когда пространственно-временные качества лирики продолжают отвлеченность образов пословиц. Напр., оксюморон *дождик ... бесшумно барабанит* в сонете «Дремотность» И. Анненского отсылает именно к безвременью. Именно вневременность выражена аллитерационной идиомой [миг мира], варьируемой строкой его сонета «Черный силуэт» с внутренней рифмой *тот миг, тот мир с его миражным раем*, где мотивирован переход к биному [миг рая].

Для драмы роль паремии (засвидетельствованная, в частности, существованием особого жанра импровизационных сценических миниатюр – «пословиц» как развертывания сюжетов, свернутых в афоризмах) определяется прежде всего локацией слова в «голосе постороннего» (*vox alterius*), создающей диалогическую ситуацию. Диалог отражает кумуляцию и градацию как принципы драматической композиции – так называемого постепенного прояснения обстоятельств через дискуссию, нацеленную на принятие решения. Смысл отдельных реплик определяется поэтому отнесением их как аргументов к целому, а не частностям, по принципу синекдохи (*pars pro toto*). Разгадывание загадок как прообраз диалога – катехизиса преобразуется в фольклоре в песенные диалоги (в частности, девушки с претендентом или соблазнителем уже в первых

записях украинского фольклора – «Дунаю, чему смутен течеш» и «Кулина»), где финальная фраза представляет целое, к которому направлены реплики-синекдохи. Таково завершение баллады «Немерівна» (образ украинской Лукреции): *«Подав милий, мій миленький, гострий ніж, / Як приклала до серденька, так і вліз»*.

Восстанавливаемое по репликам персонажей повествование о событиях (нарративная пресуппозиция) драмы предполагает, что в тексте заложена как раз частичная номинация, дополняемая до целостности. В драматической поэме А. Блока «Песня судьбы» слова Германа из 1-й сцены (*Поет ветер ... песня самой судьбы ... жутко и радостно*) находят отклик в реплике Фаины из последней, 7-й сцены (*Слышишь, ветер плачет? Это жена твоя плачет*). Идиома [поющий / плачущий ветер] предстает синекдохой рока, разоряющего пристанище героя. Особую разновидность идиом в драме можно определить как идиомы-симптомы, характеризующие персонаж устойчивыми словосочетаниями. В драме «Дни нашей жизни» Л. Андреева в устах героини Оля (дочь вдовы, которую мать заставляет торговать собой) несколько раз звучат реплики: *пожалей меня, не отталкивай меня, не торопи меня, я боюсь, не знаю*. Все эти частности указывают на слабость, беспомощность как ведущую черту характера.

Перифрастические замены позволяют очертить вокабулы драмы и лирики, принимающие идиоматическое значение в пределах текста или корпуса текстов. Так, во «Власти тьмы» Л. Н. Толстого реплики Никиты в кошмарной сцене убийства ребенка и раскаяния (*... как захрустит подо мной, ... как захрустят эти косточки, ... в нем косточки хрустели*) позволяет выделить ключевую вокабулу [хруст (костей)], которая в драме отсылает к душевным страданиям персонажа. Вокабула [любовь] в перифрастике И. Ф. Анненского действенна для образа автора, определяя *мечту моей тоскующей любви*. («Мелодия для арфы») и объединяясь с концептом [тоска]. Такая идиома становится ключом к миру переживаний, представленных в корпусе текстов поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ауэрбах, Э. Мимесис / Э. Ауэрбах – М.: Прогресс, 1976. – 556 с.
- 2 Єфремова, Л. Частотний каталог українського пісенного фольклору / Е. Єфремова. – Київ: Наукова думка. Ч. 1. Опис, 2009 – 720 с.; Ч. 2. Антологія-хрестоматія, 2010. – 480 с.
- 3 Курціус, Е. Р. Європейська література і латинське середньовіччя. / Е. Р. Курціус. – Львів: Літопис, 2007. – 750 с.
- 4 Лорд, А. Сказитель / А. Лорд – М.: Наука, 1994. – 370 с.
- 5 Мальцев, Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г. И. Мальцев – Л.: Наука, 1989. – 168 с.
- 6 Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский – М.: Наука, 1986. – 320 с.
- 7 Нейман, Дж. фон. Теория самовоспроизводящихся автоматов / Дж. Нейман. – М.: Мир, 1971. – 384 с.
- 8 Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов / Н. В. Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 1. – 798 с.; Т. 2. – 862 с.
- 9 Селиверстова, Е. И. Пословичный бином как элемент паремиологического пространства языка / Е. И. Селиверстова // Фразеология и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвокогнитивный аспекты) Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович. М.: – Кострома: Элпис, 2008. – С. 263–267.
- 10 Юдкін-Ріпун, І. М. Фоносемантика парних словосполучень у пареміології / І. М. Юдкін-Ріпун // Слов'янський збірник. Одеса, 2006, № 12 – С. 75–86.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 81'33:801.81

Ц. В. Авілін

СЕМАНТЫКА ФРАЗЕМЫ *ЛІЧЫЦЬ НА НЕБЕ ЗОРКІ*

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці семантыкі фразеалагізма *лічыць на небе зоркі*, які рэгулярна сустракаецца ў прыказках, прыслоўях, загадках і тэкстах народных песень. Вызначаюцца сувязь дадзенага фразеалагізма з уяўленнямі аб магчымасці/немагчымасці палічыць зоркі на небе, яго функцыі ў абзначэнні канцэпта “бяскончасць”, а таксама ў апісанні пэўнага стану чалавека.

Фразема *лічыць на небе зоркі* з’яўляецца цэнтральным кампанентам як у шэрагу розных парэмій (загадках, прыказак, выслоўяў і г. п.), народных абрадавых песень (напрыклад, веснавога і зімовага перыядаў), гэтак і дадатковым апісальным элементам, які з’яўляецца падчас развіцця сюжэту буйнейшых фальклорных жанраў (казак, легенд і г. п.). Вынікі аналізу корпуса фальклорна-этнаграфічных тэкстаў (пераважна сярэдзіна XIX–XX ст.ст.), якія ўключаюць гэтую фразему, дазваляюць прапанаваць некаторыя інтэрпрытацыі яе генэзісу, семантыкі і сацыяльнага значэння ў парэміях і іншых фальклорных і літаратурных тэкстах.

Структурна парэміяльныя адзінкі ўтвораны бінарна-апазіцыйнай ўніверсальнай “<суб’ект> можа падлічыць – не можа падлічыць <зоркі на небе>”. Выніковае “дзеянне”, пераважна, сустракаецца ў тэкстах народных песняў і іншых фальклорных і рэлігійных тэкстах, персанажы якіх валодаюць “звышнатуральнымі” здольнасцямі, магіяй і г.п., у народных песнях гэта, напрыклад, Месяц або Юр’еў конь. Як адзначаецца ў працах [7, с. 71–75], [8, с. 284–288], гэты конь можа належыць Месяцу ці з’яўляцца яго метафарай:

“*Ясен мясячык \ Па небу хадзіў, \ Па небу хадзіў \ Да зоркі лічыў.* \ – Ох, зоркі, зоркі, \ Хадзема за мною, \ Хадзема за мною \ Бога шукаці.” (зімовая песня), “*Вушкамі неба падапрэ \ Вочкамі зоры палічыць*” (веснавая, пра Юр’ева каня), “*А з поўначы зоркі палічу*” (Купальская песня, пра Месяц).

Падобныя звышнатуральныя здольнасці “лічэння” зорак ці аналагічнае *чытаць на зорах* [21] у традыцыйным грамадстве пераносіліся на рэальна існуючых людзей – ведзьмароў, калдуноў, павітух і г. п.: “*Паішчытае, шчытае зорачкі и скажэ: яго зорачкі нет*” [ibid.]. У сваёй працы [11] К. А. Багданаў прыводзіць аналагічныя ўяўленні аб тым, што чалавек абаронены ад хваробы, пакуль калдун ці злы чалавек не можа скончыць нейкі падлік, напрыклад зорак. У паўднёвазаходніх замовах хвароба асабіста лічыць зоркі – пакуль яна не скончыць падлік – не атрымаецца нашкодзіць. У дадзеным выпадку міфалагічным персанажам з’яўляецца *хвароба*. Цікава, што у беларускай замове ад каўтуна, сярод пералічэння яго відаў, сустракаецца і “*зорны*” каўтун [12, с. 836]^{§§}.

З іншага боку, функцыянальнае прызначэнне *падліку зорак/чытаць на зорах* і семантыка дзеяння, якое перадаецца праз фразему, простымі, то бок прафаннымі асобамі, можа азначаць арыентаванне ў прасторы: (ускосна.) польск. “*Zeglarz gwiazdy policzył i nadal imiona; Tamtym Baby, Dzdzone, te nazwal Wozami*” [13, с. 15]

^{§§} Для серыі БНТ другое чысло ў квадратных дужках – нумар запісу.

(стандартнае клішэ – “падлічыць <зоры> надаць імёны”, параўнайце з 146 Псалмом ніжэй); “*Принуждён он <Адам> был астрономом быть, звезды наименовать, и по них считать дни, недели, годы*” [14, с. 99]; *Stellae nautis viam monstrant* (лат. **Звезды морякам показываюць дарогу**). Такім чынам, праз накіраванасць дзеяння, супрацьстаўляецца “*простае*” дзеянне – арыентаванне (мараком, чумаком, селянінам), і *магічнае* – прапраканне лёсу (ведзьмай, павітухай і г. п.). Трэба пазначыць этымалогію слова астраномія\астраном (строн «зорка» + νόμος ‘звычай, закон’) і яго кніжных аналагаў XVIII–XIX ст.ст. (са слоўніка Б. Ліндэ) – *звездочетство, zvezdomerztvo, звездозорець* (старабеларускае). У літаратурных творах фразема, як правіла, выкарыстоўваецца для апісання лірычнага стану героя. У Пскоўскіх гаворках зафіксавана выкарыстоўванне фраземы для пазначэння выплаты фанта у гульні (пацалункам на вуліцы) [15, с. 41].

Важную ролю ва ў індывідуальным і калектыўным пераасэнсаванні фраземы ў традыцыйным грамадстве мелі хрысціянскія догмы, якія шырока распаўсюджваліся адпаведнымі інстытутамі (цэрквы, касцёлы і г. п.). Так, згодна 146 Псалму “*Ен <Бог> вызначае лік зорак, заве кожную імем сваім...*” (то бок зноўку пацверджанне аб магчымасці падлічыць зоркі толькі звышнатуральнай, найвышэйшай істоце), ці старазапаветным апокрыфе “Адкравенне Ездры”: “*І прамовіў Бог: “Падлічы зоркі і пясок марскі, а як здолееш падлічыць яго, можаш і са мной судзіцца”*. Знакаміты тэалаг Пётр Скарга у сваім “*Kazania na niedziele u święta calego roku*” (1618г.) пісаў: “*En <Бог> ktory gwiazdy u piasek morski policzył...*” [16, с. 6], [9, с. 23], што перагуківаецца з беларускім выслоўем – “*Тады ты мяне свірыдуеш, тады ты мяне счарадуеш, када пераішчытаеш на небе звезды, на дрэве ліст, выпнеш тры мора вады, пераішчытаеш дзве гары пяску*” [4, с. 241]. Адсюль, відаць, паходзіць адзін з фактараў забароны лічыць зоркі, каб не спакусіцца стаць падобным Богу, Найвышэйшай істоце.

Дадатковай функцыяй фраземы *лічыць зоркі* з’яўляецца абазначэнне канцэпта “*бясконцасць*”, праз немагчымасць завершыцца дзеянню “лічэння”: “*Колькі на небе зорачак, Столькі на ніве копачак. На небе зорачак – не злічу, На ніве копачак-не згляну*” (жніўная песня), “*на небе заблішчалі зоркі. да толькі там іх, што й ліку няма*” [2, с. 112]. Праз дадзеную фразему ўнутрана асэнсоўваецца і нейкае “*бясконцае*” чысло (напрыклад, у загадцы пра зоркі і Месяц “*Поле незмярона, быдла незлічона, адзін пастух пасе*” [8, с. 285]), і адрэзак часу: “*І не ўправіцца ён пералічыць, колькі на небе звёздаў, як будзець ляцець!*” [3, с. 17]. Польск. “*Nie wyliczam innych cudow w zyciu, u po smierci Antoniego S. uczynionych, boby to samo bylo, co nieprzejrzane na Niebe liczyc gwiazdy*” [17, с. 163].

Яшчэ адной функцыяй фраземы з’яўляецца перадача традыцыйнага апісання стану чалавека па-за працай у якасці сітуацыйнага кампанента: “*Сыты лічыць зоры у небе, а галодны мае думку аб хлебе*” [6, с. 1609], “*Сядзі да на неба глядзі*” [5, с. 939], “*Хто на неба пазірае, той без хлеба падыхае*” [5, с. 871] ці працэса марнавання часу: “*Прывяжыце іх <кабыліц-небыліц>, пушчай на небе звёзды лічаць, не падохнуць!*” [3, с. 44] (прычым, гэтыя *кабыліцы-небыліцы* былі схопленыя і прывязаныя пасля таго, як “забраліся на неба за балакі”); ягонія ментальныя якасці: “*Разумны гвяздоў з неба не збірае*” [5, с. 407], “*Калі не знае, дык на зоры пазірае*” [5, с. 471], “*Няхай тэй серадзіць, хто на неба глядзіць*” [5, с. 284]. Параўнайце з рускай прымаўкай XVIIст.: “*Всякий звездарь смотрит на небо, а упадёт в яму*” [10, с. 120]. Як бачна з прыведзенага вышэй шэрагу парэмій, “лічэнне зорак” ці “пазіранне на неба” у фальклорных тэкстах ў прагматычным кантэксце пераважна азначала знаходжанне чалавека ў вольным ад працы стане: дарэмную справу, задуменнасць ці марнаванне часу (напр. рус. “*звезды считают*” = *буть баклуши* [18, с. 125]; польск. “*O to pasterze i pasterki po calych dniach ... licza gwiazdy...*” [19, с. 270], “*...a ono (dziecko) zaczelo sobie gwiazdy liczyc na niebie*” [20, с. 146].

Асобна варта адзначыць выкарыстанне фраземы *лічыць зоркі* ў якасці адной з трох загадак у казках. Асноўны сюжэт: герой (поп Калістра [1, с. 194], настояцель манастыра [2, с. 305]) звычайна не можа падлічыць колькасць зорак (адна з трох загадак), і йдзе да дапамагатара (брат папа Калістро [1, с. 194], выгнаны манах [2, с. 305]), які, ўжо прыбгаючы да хітрыкаў, называе нейкае вялікае чысло (“пяцьмільёнаў” [1, с. 194], “столька-то кадрыльёнаў” [2, с. 305]), і кажа загадчыку (цар Пётр Вялікі [1, с. 194], [2, с. 305]), каб ён сам праверыў. Сам загадчык не можа зрабіць падлік, але адказ яму да спадобы, і ён пагаджаецца яго прыняць. Падобныя казкі і легенды маглі ўзнікнуць у тым ліку і пад уплывам распаўсюджання з XVIII ст. папулярных анекдотаў пра Хаджу Насрэдзіна, адзін з якіх (“Як падлічыць зоркі”) апавядае, што на пытанне падлічыць зоркі, Насрэдзін знайшоў дзве перагароды, якія яму замяняюць: удзень – шмат людзей і справаў, уначы – на небе складана знайсці свечку. У тэкстах з падобным сюжэтам фразема мае “нейтральны характар”, бо дзеянне і не адбылося, але і нейкі “станоўчы” адказ знойдзены.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Чарадзейныя казкі / Склад. К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч. Мн., 1978. – Ч. 2.
- 2 Легенды і паданні. – 2-е выд. – Мн.: Бел. навука, 2005.
- 3 Чарадзейныя казкі / Склад. К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч. Мн., 1973. – Ч. 1.
- 4 Выслоўі. – Мн., 1979.
- 5 Прыказкі і прымаўкі. У дзвюх кнігах. Кн. 2. – Мн., 1976.
- 6 Прыказкі і прымаўкі. У дзвюх кнігах. Кн. 1. – Мн., 1976.
- 7 Razauskas, D. The mythological Moon horse as reflected in Baltic archaeology, folklore and linguistics / D. Razauskas, V. Vaitkevicius // *Archaeologia BALTICA* 10. Klaipeda, 2008.
- 8 Авілін, Ц. В. Вобраз нябесных свяцілаў у загадках / Ц. В. Авілін // Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Мова-літаратура-культура”, Мінск, 2010 г.
- 9 Skarga, P. Na Czwartha Niedziele Adwentu, Ewangelia v Lukasza s.w III / P. Skarga. // “Kazania na niedziele y święta calego roku”, 1618.
- 10 Даркевич, В. П. Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. / В. П. Даркевич, С. А. Плетнева. – М.: “Наука”, 1992.
- 11 Богданов, К. А. Счет как текст в фольклоре / К. А. Богданов // <http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov3.htm>.
- 12 Заомы / Склад. Г. А. Барташэвіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992.
- 13 Tański, I. Ignacego Tańskiego wiersze i pisma różne, dzieło pogrobowe / I. Tański, 1808.
- 14 Францискус, М. Тайна творения, по видимым и невидимым чудесам его, из Божественнаго Магического Центрального Света / М. Францискус, 1785.
- 15 Мокиенко, В. М. Словарь псковских пословиц и поговорок: 13 000 единиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001.
- 16 Do ogroda panienskigo/Wespazyana Kochowskiego wojskiego krakowskiego Pisma wierszem i prozą: Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, Том 2, 1859.
- 17 Na tenze sam Fest. / Zbior z pola kazdmodzieyskiego. (Sammlung von Feiertagspredigten.) Pafnucyusz Brzezinski, 1761
- 18 Михельсон, М. И. Ходячія і меткія слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон // СПбТип. Имп. Академіи наук, 1896.
- 19 Felinska, E. Wspomnienia z podrozy do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie: Spisane przez Ewe Felinske / E. Felinska. – Том 2, 1852.
- 20 Baracz, S. Odwot. Bajki, fraszki, podania, prystowia i piesni na Rusi / S. Baracz. – 1866.
- 21 ПА (Палескі Архіў), в. Забужье; в. Мощенка; Зап. Авілін Ц. В. ад М. М. Нікалаенка (1929 г.н.) у в. Талька, Пухавіцкі р-н.

Е. С. Астапкина

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОСЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ:
ОБРАЗОВАНИЕ НЕСВОБОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**
(На материале русского и белорусского языков)

В статье описываются фразеологические единства, в составе которых присутствуют прилагательные, передающие тактильно воспринимаемые признаки; подвергаются определению сферы переноса тактильного значения и основания, на которых данный перенос возможен.

Фразеология включает в себя не только систему слов, но и систему устойчивых выражений, которые существуют как готовые образования для передачи мыслей, понятий и определенного отношения к фактам действительности.

Лингвистами выделен ряд свойств, отражающих специфику фразеологизмов, – «смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность» [2, с. 196]; «воспроизводимость, метафоричность, раздельнооформленность, семантическая целостность» [5, с. 83]; «устойчивость, воспроизводимость, семантическая целостность значения, расчлененность состава, незамкнутость структуры» [1, с. 85]. Роль тех или иных категориальных свойств в определении фразеологического единства «то чрезмерно преувеличивается, то излишне преуменьшается» [2, с. 245]. Из особенностей синтаксиса и значения фразеологизмов вытекает их узуальный (закрепленный языковым обычаем) характер. Такие обороты не могут быть импровизированы; они переданы готовыми по традиции» [3, с. 53]. Такой же точки зрения придерживается и П. П. Литвинов, который в своих работах подчеркивал, что свободные выражения каждый раз создаются в речи по определенному образцу, а устойчивые словесные группы на определенном этапе языка не создаются вновь, а используются в готовом виде [4, с. 60].

В данной статье объектом изучения являются фразеологические единства, в составе которых присутствуют прилагательные, передающие тактильно воспринимаемые признаки. Целью исследования является определение сфер переноса тактильного значения, а также оснований, на которых данный перенос становится возможным.

Прилагательные чувственного восприятия принадлежат к ядру лексики, обладают широкой сочетаемостью и активно образуют несвободные, фразеологические значения. Осязание является одним из наиболее древних классов ощущений, из которого развились все остальные. По важности поступающей информации этот вид чувствительности стоит на втором месте после зрения и слуха. Лексико-семантическая группа прилагательных осязания в четырех языках представлена следующими тематическими подгруппами: прилагательные, описывающие признаки внешнего строения предмета (качество поверхности, признак 'сухой – мокрый') и внутреннего строения предмета (признаки 'твердый – мягкий'), температурные прилагательные. Ядерные лексемы каждой из подгрупп обладают наибольшим деривационным потенциалом, а развитие переносных значений идет по моделям, общим и для большинства лексем определенной подгруппы. Это и обусловило выбор следующих лексем для анализа: рус. *горячий, холодный, теплый, сухой, мокрый, твердый, мягкий, острый, тупой*; бел. *гарачы, халодны, цёплы, сухі, мокры, цвёрды, мяккі, востры, тупы*. Фразеологизмы выписаны из словарных статей анализируемых прилагательных [6; 7].

Температурные признаки могут обозначать как временные и мгновенные характеристики объектов (горячий), так и признаки более или менее стабильные и не

подверженные изменениям во времени (холодный). В связи с этим *горячий* используется для описания эмоциональных состояний субъекта, таких как увлеченность, возбужденность, а также неконтролируемого гнева, злости: рус. *горячая кровь* ('о пылком, увлекающемся человеке'), *под горячую руку* ('в такое время, когда кто-л. возбужден, разгневан'), всыпать горячих ('выпороть или побить'), *холодной водой окатить* ('охладить пыл, рвение, привести в замешательство'); бел. *гарачая галава* ('пра нястрыманага, схільнага да захаплення чалавека'), *гарачая кроў, пад гарачую руку, усыпаць гарачых*.

Общему семантическому компоненту 'холодный' присуща коннотация плохого, неприятного, вызывающего чувство тоски, одиночества, враждебности, на основе чего возник фразеологизм рус. *холодная война*, бел. *халодная вайна* ('враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении Советского Союза и других социалистических государств по окончании второй мировой войны'), который служит для описания определенного периода истории.

Отлично от *холодного* и *горячего* ведет себя прилагательное *теплый*, фразеологическое употребление которого связано с ощущением комфорта, удобства, положительных эмоций, что вызывает температура близкая к температуре человека: рус. *теплая компания, теплое местечко, сказать пару теплых слов*; бел. *цёплае месца, цёплая кампанія*.

В белорусском языке фразеологизм *цёплая кампанія* в значении 'цесна звязаная група людзей, што сумесна правоздыць час за якім-н. **непахвальным** заняткам', а в русском языке «неприятную» ситуацию описывает фразеологизм *сказать пару теплых слов* ('сказать что-л. резкое, избранить кого-л.').

Для описания характера человека, особенностей его поведения употребляются признаки, которые обладают более «постоянным» характером, а именно признак 'сухой – мокрый'. Используя фразеологизм *мокрая курица*, в русском и белорусском языках можно описать безвольного, бесхарактерного человека или испуганного, растерянного человека, имеющего жалкий вид. В белорусского языке для описания этой же ситуации возможно и сравнение с вороной: (*як*) *мокрая варона*. Для характеристики сентиментального человека, который часто плачет, образован фразеологизм рус. *глаза на мокром месте*; бел. *вочы на мокрым месцы*.

Остальные фразеологические употребления прилагательного *сухой* связаны с особенностями его производящей семантики, в которую входит отрицание ('не покрытый или не пропитанный влагой'). При использовании лексем с данным значением возникает предположение, что объект может и должен иметь влагу на своей поверхности.

На основе этой логики идет развитие ряда переносных значений и отрицается наличие не только влаги, жидкости. Так, например, рус. *сухое облако, сухая гроза* ('облако (гроза) без дождя'), рус. *сухой паек*, бел. *сухі паек* ('продовольственный паек, состоящий из крупы, муки, консервов или из продуктов-полуфабрикатов'), бел. *сухія кармы* ('кармы, прыгатаванвыя ў выглядзе канцэнтратаў'), рус. *сухим путем* ('по суше'). Однако отрицаться может не только наличие жидкости, влаги, осадков, но и алкоголя: рус. *сухой закон*, бел. *сухі закон* ('закон о запрете распространения и употребления алкоголя'). Данный фразеологизм так же, как и *холодная война*, описывает реалии определенного периода времени, а именно закон о запрете торговли спиртными напитками в США с 1920 по 1933г., а также некоторых других государствах.

Признак твердости ассоциируется с устойчивостью, уверенностью, что обнаруживается и в таких фразеологизмах русского языка как *стоять твердой ногой, стоять на твердой почве* ('иметь прочное, надежное основание для своих дел, планов, расчетов'). Мягкость, наоборот, связана с представлениями о податливости, комфорте, что вызывает приятные ощущения: рус. *мягкий вагон, мягкая мебель, мягкая посадка* ('плавная'); бел. *мяккі вагон, мяккая мэбля*.

Так, на мягкой мебели, части которой, набиты чем-л. мягким или сделаны на пружинах, приятно сидеть, так как деформируется под весом человека и принимает форму его тела, а в мягком вагоне, оборудованном мягкими сиденьями, комфортно ехать (ср. бел. *цвёрды вагон*).

Приятное ощущение при контакте с кожей человека вызывает и *мягкая вода* (бел. *мяккая вада*), так как она содержит мало известковых солей и легко растворяет мыло).

Исключительно на базе сходства оценки вызываемых ощущений от восприятия температуры, близкой к температуре тела, и ощущений от зрительного восприятия цветов в красно-коричневом тоне спектра основано использование *теплый* для характеристики цвета (*теплый цвет, оттенок*).

Следует отметить использование фразеологических оборотов как узкоспециальных терминов при номинации определенных объектов, явлений и процессов, например, прилагательные *твердый, мягкий* употребляются в лингвистике для названий букв, которые сами по себе не представлены звуком, а также для описания способа артикуляции звуков: рус. *мягкий знак, мягкие согласные звуки, твердый знак, твердые согласные звуки*; бел. *мяккі знак, цвёрды знак*.

Для номинации физических и химических процессов используются выражения рус. *горячий цех, сухой лед, сухая перегонка*; бел. *сухі тынк, сухі лед, сухая перагонка*.

Такие выражения как рус. *сухое вино*, бел. *сухое віно*, несмотря на широкую употребительность, указывают не на сладость, которая ощущается на вкус, а на процесс приготовления вина: 'вино, которое получается путем полного сбраживания виноградного сула'.

Во фразеологических оборотах рус. *держат порошок сухим*, бел. *трымаць порох сухім* ('быть всегда готовым к защите, обороне') описывается ситуация, соответствующая норме: для нормального функционирования порошок и должен быть сухим. Во фразеологизме рус. *выйти сухим из воды*, бел. *выйсці (выбрацца) сухім з вады* ('остаться безнаказанным, уклониться от заслуженного наказания'), а также бел. *як мокрае гарыць* ('вельмі марудна рабіць што-н., робіцца што-н.') присутствует указание не на несоответствие норме, а скорее на вымышленность, нереальность, невозможность такой ситуации, что и является основой для переноса.

Во фразеологических оборотах рус. *(ни одной) сухой нитки не осталось*, бел. *мокры, хоць выкруці, сухога месца (рубца) няма* имеет место интенсификация признака мокрый, а фразеологические единицы употребляются в значении 'очень мокрый'.

Можно сделать вывод о том, что прилагательные температурного восприятия в составе устойчивых фразеологических оборотов обслуживают сферу эмоций, чувств, при чем спектр чувств может начинаться от гнева, злости, переходя к дружелюбию, и заканчиваться враждебностью. Признак 'мокрый' используется для описания черт характера, особенностей поведения человека, а признак 'сухой' широко употребляется для номинации физических и химических явлений, процессов, а также отрицания наличия не только влаги, жидкости, но и алкоголя. Фразеологическое употребление прилагательных, передающих признак 'твердый – мягкий' основано на представлении об устойчивости, уверенности (в случае *твердый*) и приятных ощущениях, комфорте (в случае *мягкий*). Следует отметить также употребление лексем *твердый, мягкий* в лингвистике для названия букв и передачи способа артикуляции звуков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М., 1990. – 312 с.
- 2 Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 350 с.

- 3 Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. – М., 1981. – 344 с.
- 4 Литвинов, П. П. Фразеология / П. П. Литвинов. – М.: Примстрой, 2001. – 167 с.
- 5 Попов, Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка / Р. Н. Попов. – М., 1996. – 232 с.
- 6 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., «Русский язык», 1985.
- 7 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад рэд. ак. АН БССР К.К. Атраховіча. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларуска савецкай энцыклапедыі, 1977–1984.

82.09:81-116:398.9

С. А. Важнік

ІДЫЯМАТЫЧНАЯ БЕЛАРУСКАЯ МОВА: ДА ПЫТАННЯ ПАШЫРЭННЯ СІНАПТЫЧНАЙ СХЕМЫ ІДЫЯМЕМ

Раскрываецца сутнасць нацыянальнай сінтаксічнай ідыяматыкі (НСІ) – найбольш значнай рысы ў характарыстыцы любой натуральнай мовы. Даказваецца, што без НСІ мова губляе свой нацыянальны каларыт і становіцца збедненай, бяглай, невыразнай, «абяскроўленай», пазбаўленай нацыянальна-маркіраваных прымет. Ігнараванне НСІ вядзе да калькавання, «сцірання» граматычнай і вобразнай сістэмы мовы народа як яго істотнай этнакультурнай характарыстыкі.

У англамоўнай лінгвадыдактыцы для абазначэння спецыфічных уласцівасцей англійскай мовы выкарыстоўваецца тэрмін «*ідыяматычная англійская мова*». Фраза *You speak idiomatic English* («*Вы гаворыце на ідыяматычнай англійскай мове*») гучыць найвышэйшай ацэнкай маўлення замежніка ў вуснах носбіта гэтай мовы. *Ідыяматычная* – гэта не проста правільная англійская мова, звязаная з улікам лексічных, фразеалагічных, сінтаксічных і інш. норм мовы. *Ідыяматычная* – значыць, аўтэнтычная, натуральная мова, звязаная з карэктным («да месца») ужываннем фразем, парэмій, фразеалагізаваных канструкцый і ідыяматычных адзінак нефразеалагізаванага характару.

Ці існуе сёння *ідыяматычная беларуская мова*? З аднаго боку, сама па сабе беларуская нацыянальная мова, як і любая іншая натуральная мова, ідыяматычная па сваёй сутнасці. З другога боку, ці выкарыстоўваем мы ў паўсядзённым ужытку наша нацыянальнае багацце – *нацыянальную сінтаксічную ідыяматыку* – у тым аб'ёме, які якраз і дазваляе казаць пра *ідыяматычнасць* нацыянальнай мовы ці маўлення на ёй? Занадта *гіперкарэктнай* («*прэснай*», «*нясмачнай*», *невыразнай*, «*вычышчанай*», «*стэрыльнай*» – *пазбаўленай нацыянальнага каларыту*) выглядае наша мова ў нашых вуснах. Часам узнікае пытанне, а ці па-беларуску напісаны пэўны тэкст. Здаецца, словы і беларускія, а вось сінтаксіс – не. Як гэта ні прыкра, але мусім канстатаваць, што пэўная частка «*гутэйшых*» беларусаў ужо страціла спрадвечную мову культуры са сваёй ідыяматыкай, фразеалогіяй, сінтаксісам, мадэлямі мыслення і прадпрымае актыўныя спробы стварэння культуры, псеўдабеларускай па сваёй сутнасці, на аснове мовы камунікацыі. Як бачым, «*руская школа*» і адукацыя на другой дзяржаўнай мове зрабілі сваю справу: з кожным годам наша родная мова ўсё больш і больш «*траціць сваё ўласнае, прыроднае... вельмі пекнае, чароўнае – аблічча*». І траціць сёння нават хутчэй, чым за савецкім часам. Найбольшы ўплыў зведваюць пры гэтым сінтаксіс – «*гэтая сапраўдная душа мовы, якую пачалі нявечыць не ўласцівымі ёй прыёмам і счাপлення слоў і арганізацыі сказа*», і фразеалогія – «*альбо проста жыўцом перанесеная з іншай моўнай стыхіі, альбо ў значнай меры падагнаная пад іншамоўную мадэль...*» [1, с. 20]. Пра змену

«ўласнага кірунка» папярэджаў яшчэ С. Станкевіч: «Насаджваньне ў беларускую мову спецыфічных для расейскае мовы фразыў і ідыёматычных выразаў для беларускае мовы больш небяспечнае, чымся русіцызмы, прыкладам, у галіне слоўніцтва, бо яно разбурае апрычоны характар мовы, ейную нутраную структуру» [2, с. 38].

Ідыяматычнасьць – феномен этнамоўны і этнакультурны, бо сама па сабе нацыянальная мова – з’ява культуры, што ўтварае яе фундамент і абумоўлівае т.зв. «моўную карціну свету». Любая нацыянальная мова – вынік шматвяковага развіцця, а таму ў яе ідыяматыцы праяўляецца своеасаблівасць этнасаў, адлюстроўваецца рэчаіснасьць праз прызму нацыянальнага складу мыслення, ідэнтыфікуецца нацыянальная свядомасьць («нацыянальная ідэя»), захоўваюцца сістэма каштоўнасцей, грамадская мараль, гісторыя і традыцыі, напрацаваныя стагоддзямі сацыяльны досвед і псіхічны склад пэўнага лінгвакультурнага калектыву. Разуменне гэтага боку мовы не менш важнае за веданне яе граматычнага ладу.

Найбольш выразна *нацыянальная спецыфіка* той ці іншай мовы выяўляецца пры супастаўленні з іншымі мовамі: якраз супастаўленне дазваляе казаць пра адметнасць і непаўторнасць спосабаў і сродкаў выражэння думак, эмоцый і пачуццяў моўцы, бо «ўласцівы кожнай мове свой уласны кірунак сказаў» (К. Чорны). У гэтым плане адрозніваюцца нават такія блізкароднасныя мовы, як беларуская і руская, беларуская і польская, сінтаксічныя мадэлі якіх у значнай ступені супадаюць. Ідыяматычнасьць можа быць вылучана на ўсіх узроўнях сістэмна-структурнай арганізацыі мовы, у маўленчай плыні і ў прадуктах творчай маўленчай дзейнасці – тэкстах, а таму ідыяматычнымі могуць быць адзінкі розных моўных узроўняў, розных сінтагматычных і камунікатыўна-маўленчых тыпаў. Сінаптычная схема ідыямем мовы, паводле А. Я. Міхневіча [3, с. 148], уключае ў свой склад *фанетычныя, словаўтваральныя, марфалагічныя і лексічныя ідыяемы, фразеалагізмы і словазлучэнні* (сістэмна-моўны аспект); *устойлівыя выказванні і мікратэксты* (камунікатыўна-маўленчы аспект). Нас жа цікавяць выпадкі *нацыянальнай сінтаксічнай ідыяматыкі* (далей – *НСІ*). Улічваючы «адкрыты характар» сінаптычнай схемы А. Я. Міхневіча, паспрабуем яе «дабудаваць» з улікам нацыянальна-маркіраваных сінтаксічных адзінак.

У спецыяльнай літаратуры *сінтаксічная ідыяматыка* ў асноўным разумеецца вузка: як сукупнасць усіх адзінак фразеалагічнага фонду мовы – фразеалагізмаў. Аднак вобласць даследавання *НСІ* выходзіць далёка за межы ўласна фразеалогіі. У праблемным полі *НСІ* мэтазгодна разглядаць такія сінтаксічныя канструкцыі, у семантычнай і фармальнай будове якіх выдзяляюцца спецыфічныя і непаўторныя ўласцівасці пэўнай мовы: ад *свабодных словаспалучэнняў* – да *прэцэдэнтных (мікра)тэкстаў*, што маюць дачыненне да нацыянальнай кагнітыўнай базы. Так, у *НСІ* беларускай мовы мэтазгодна ўключаць:

I. Сістэмна-моўны аспект:

1. Ідыяматычныя адзінкі нефразеалагізаванага характару: 1.1. Выпадкі лексічнай і семантычнай спалучальнасці знамянальных часцін мовы (бел. *матчына мова* – рус. *родной язык*; *заплюшчыць вочы* – *закрыць глаза*); 1.2. Свабодныя словаспалучэнні з адрозным кіраваннем, асабліва ў блізкароднасных мовах (*паліць у печы* – *топіць печь*; *дзякаваць сябру* – *благодарить друга*); 1.3. Сінтаксічныя архаізмы (*вучыцца спеваў* – *вучыцца спевам*, *цягам дня* – *на працягу дня*); 1.4. Апісальныя дзеяслоўна-іменныя звароты (*браць удзел* – *принимать участие*; *браць на веру* – *принимать на веру / верить*); 1.5. Састаўныя тэрміны (*закончанае трыванне* – *совершенный вид*; *спадальняя функцыя* – *убывающая функция*; *намеснік дырэктара* – *заместитель директора*); 1.6. Выпадкі сінтаксічнай сінаніміі (*я маю / у мяне ёсць* – *у меня есть*; *спазніцца цераз цябе / спазніцца праз цябе / спазніцца з-за цябе* – *опоздать из-за тебя*); 1.7. Выпадкі так званай «безэквівалентнасці» (*напрадвесні* – *на исходе зимы*; *сяголета* – *в этом году*; *летась* – *в прошлом году*);

2. Ідыяматычныя адзінкі фразеалагізаванага характару: 2.1. Фразеалагічныя звароты (языкамі абмывацца – косточки перемывать; не адзін Гаўрыла ў Полацку – свет клином не сошелся); 2.2. Парэміі (як на сто коней сеўшы – быць на седьмом небе; і на дзеўку грэх бывае – и на старуху бывает проруха); 2.3. Устойлівыя народныя параўнанні (дапамог, як хваробе кашаль; прыбралася, як да шлюбу); 2.4. Перыфразы (беларускі Версаль ‘вёска Мосар’; нашы апосталы Пётр і Павел ‘браты Іван і Антон Луцкевічы’); 2.5. Эўфемізмы (плячысты на жывот ‘абжора’; запусціць на арбіту ‘прымусіць хадзіць па кабінетах’); 2.6. Камунікемы, або фразеалагізаваныя сказы (Чым не пара табе!; Вось табе і свята!); 2.7. Этыкетныя формулы (Дабрыдзень! / Дзень добры! – Здравствуйте!; Смачна есці! – Приятного аппетита!).

II. Камунікатыўна-маўленчы аспект:

1. Ідыяматычныя тэкставыя адзінкі прэцэдэнтнага характару: 1.1. Крылатыя словы і афарызмы (Рупная пчала ўмее ў соты мёд сабраць і з горкіх кветак (М. Багдановіч); Загадайце беларусу быць беларусам, які гэта цудоўны будзе беларус (Я. Брыль); 1.2. Прэцэдэнтныя мікра- і макратэксты беларускай культуры (скорагаворкі (хуткамоўкі), загадкі, кемікі, жарты, дражнілкі-кепікі, калыханкі, прыпеўкі, анекдоты, песні, легенды, міфы, прытчы, тосты, рэкламныя слоганы, рытарычныя звароты, воклічы і пытанні; творы мастацкай літаратуры, публіцыстыка; эпіграфы, рэмінісцэнцыі, алузіі, цытаты і г. д.); 1.4. Выпадкі «сацыякультурнай» спалучальнасці, якія адлюстроўваюць спецыфіку сацыяльнага і культурнага жыцця таго ці іншага этнасу ў канкрэтны перыяд яго гістарычнага развіцця, што абумоўлівае іх «безэквівалентны», неперакладальны характар (гл. беларускі вобразна-паэтычны зварот да дзяўчыны Журавіначка ты мая!; літаральны рускі «адпаведнік» Клюквочка ты моя! немажлівы, бо за ім не прасочваецца адпаведнага высокага паэтычна-метафарычнага матыву).

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гілевіч, Н. Як не спыніць узыходу сонца... Публіцыстыка / Н. Гілевіч. – Мн., 1993. – 53 с.
- 2 Станкевіч, С. Фразэалёгія й ідыёматычныя выразы / С. Станкевіч // Станкевіч С. Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР. – Мн., 1994. – 79 с.
- 3 Михневич, А. Е. Синоптическая схема идиомем языка: опыт построения / А. Е. Михневич // Арнольд Міхневіч. Выбраныя працы. – Мн., 2006. – С. 147–149.

УДК [81’37:398.9]:81.161.1:81.133.1

И. А. Волошкина

КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК «ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ» В ПРОСТРАНСТВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ (На материале русского и французского языков)

В статье описываются смыслообразующие идентификаторы категорий пространства и времени в русских и французских фразеологических оборотах, устанавливаются этнокультурные особенности метафорики фразеологических единиц. Выявляется универсальное и национально-своеобразное во фразеологии русского и французского языков.

В настоящей статье мы остановимся на исследовании языковой манифестации временной категории, которое направлено на раскрытие способов её репрезентации в лексической и семантической структуре фразеологизмов, а также на выявление

соотношения её вербализации в семантике характерологических фразеологических единиц русского и французского языков. Характерологическими мы будем называть фразеологические единицы (ХФЕ) (идиомы, сравнения и паремии), актуализирующие черты характера человека. Изучение фразеологической картины мира, которая является компонентом мировидения этноса, дает возможность прийти к пониманию совокупности общенациональных знаний о мире. Кумулятивная функция языка делает ретроспективную семантику фразеологической единицы надежным консервантом национально маркированных или общечеловеческих культурологем [1, 19].

В авторитетном «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова находим следующие дефиниции понятия времени: «Время. 1. В философии: объективная форма существования бесконечно развивающейся материи. 2. Продолжительность, длительность чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами. 3. Промежуток той или иной длительности, в который совершается, совершилось или совершится что-н., последовательная смена часов, дней, лет, веков. 4. Определенный момент, в который произошло, произойдет или происходит что-н. 5. Период, эпоха. 6. Пora дня, года. 7. Подходящая, удобная, благоприятная для чего-н. пора. 8. Досуг, свободное от работы время» (выдел. – И.В.) [2, с. 96].

Не менее авторитетный толковый словарь французского языка Le Petit Robert дает такие определения исследуемому понятию: «Durée. I. Espace de temps qui s'écoule par rapport à un phénomène, entre deux limites observées (début et fin) (temps. espace, période). I *Durée de la vie.* (âge, cours). *Longue durée.* (longueur, pérennité). *Courte, brève durée.* (instant, moment). II. Temps vécu; caractère des états psychiques qui se succèdent en se fondant les uns dans les autres (opposé au temps objectif, réel, mesurable)» [3, p.174].

Из анализа дефиниций следует, что, несмотря на универсальность видения мира представителями разных культур, в то же время он своеобразно понимается каждым народом, что детерминировано специфичными формами восприятия, обусловленными «культурной моделью, существующей в национальной традиции и её языковой проекции» [4, с. 113].

Анализ фактического массива, составляющего 102 единицы русского языка и 98 единиц французского языка, показывает, что исследуемая категория – время – может репрезентироваться во фразеологических формах: 1) эксплицитно с использованием фразеолекс¹, выражающих временные отношения; 2) имплицитно с помощью когнитивного признака *темпоральности*, содержащегося в семантической структуре значения языковых единиц.

Во фразеологических оборотах, несущих эксплицитно выраженную информацию, смыслообразующим идентификатором категорий пространства или времени является одна из фразеолекс:

а) субстантивные фразеолексы: рус. *провождать/ убивать/ убить время* – fr. *tuer/ casser le temps* ‘проводить время, отвлекаясь чем-л. от скуки, тратить время бесполезно и бесцельно’ (= лень), рус. *располагать временем* – fr. *avoir le temps, disposer de son temps* ‘иметь в своём распоряжении определенный промежуток времени’ (= организованность, пунктуальность); рус. *заманить время у кого* ‘помешать кому-л. заниматься делами, отвлекая чем-л.’ (= хитрость), *век живи, век учишь* (= мудрость), *заедать/ заест век чей, кого* ‘всячески вредя, притесняя кого-л., создавать кому-л. невыносимые условия жизни’ (= коварность); *брехать на молодой месяц* ‘лгать, обманывать кого-л.’ (= лживость); *в будни изнанкой, а в праздник лицом.* ‘о подхалиме’ (= лицемерность); fr. *prendre/ se donner/ se payer du bon temps* ‘весело проводить время, развлекаться’ (= легкомысленность), *avare de temps* ‘берегущий своё время’ (= организованность); *perdre son temps à des bagatelles* ‘тратить время на всякую ерунду’ (= неорганизованность), *qui dort grasse matinée*

trotte toute la journée ‘= на полотах лежать, так и ломтя не видать’ (= лень), *se donner un delai pour decider de qch* ‘откладывать решение чего-л.’;

б) адъективные фразеолексы: fr. *reglé comme une horloge* – рус. *точный как часы* ‘исключительно пунктуальный’ (= пунктуальность); рус. *искать вчерашний день* ‘заниматься заведомо бесплодной деятельностью, пытаюсь вернуть то, что безвозвратно минуло, чего уже нет’; *жить вчерашним днем* ‘быть несовременным, отстать от времени’ (= неуверенность), *жить сегодняшним днём* ‘не отрываться от настоящего; ограничиваться заботами настоящего, не думать о будущем’ (= легкомысленность, гедонизм); *старая корга* ‘злая, вредная, сварливая старая женщина’ (= злость), *старый хрен/хрыч* ‘злой, вредный, сварливый старик’ (= злость); *есть на долгих* ‘делать что-л. очень медленно’ (= медлительность); fr. *en dire long sur...* ‘много наговорить о...; красноречиво свидетельствовать о...’ (= болтливость); *être constant dans...* ‘проявлять упорство в...’ (= настойчивость, целеустремленность);

в) адвербиальные фразеолексы: fr. *il faut lui explique longtemps* – рус. *он тугодум, до него медленно доходит* ‘о соображающем с медленной скоростью’ (= медлительность), fr. *l’avenir appartient à ceux qui se lèvent tôt* – рус. *кто рано встаёт, тому бог подает* ‘о человеке, который успеваешь сделать много дел’ (= ловкость), fr. *on n’est jamais trop vieux pour apprendre* ‘никогда не поздно чему-л. научиться’ (= мудрость); *comprendre vite* ‘быстро соображать’ (= высокие интеллектуальные способности), *aller un peu vite* ‘действовать поспешно, не раздумывая’ (= нерасчетливость, неразумность), *pas plus tôt fait que dit* ‘= сказано-сделано’ (= исполнительность); рус. *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается* ‘о человеке, который много обещает, но выполняет не вовремя’, *отводить стрелки назад* ‘уклоняться от ответа’ (= неисполнительность), *не скоро запрягает, да скоро едет* ‘о человеке, который долго не приступает к делу, но затем делает всё четко и быстро’ (= непунктуальность);

г) предикативные фразеолексы: рус. *медлить с ответом* – fr. *tarder à repondre* ‘не давать ответ вовремя’ (= непунктуальность, хитрость); fr. *retarder qn dans qch* ‘мешать кому-л. (быстро делать что-л.)’ (= непунктуальность, хитрость).

Исследование ХФЕ с темпорально маркированными фразеолексами показывает, что значительная часть выражений французского и русского языков образована с помощью субстантивных (рус. – 40 %, fr. – 37 %,) и адвербиальных (рус. – 32 %, fr. – 30 %,) компонентов. Количественный состав адъективных фразеолекс существенно различается в анализируемых языках: в русском – 24 %, во французском языке – 20 %, Менее всего в обоих языках задействованы предикативные компоненты: в русском – 4 %, во французском – 13 %. Несовпадения процентного содержания обусловлены, прежде всего, грамматическими нормами обоих языков, а также межъязыковыми лакунами (они распределены приблизительно одинаково в обеих языковых картинах мира), что объясняется разным членением действительности, различием этнического восприятия мира. Рассмотренные фразеолексы выполняют роль семантически главных компонентов в вербальной актуализации значения той или иной черты характера человека, наделяя весь фразеологизм квалификативной функцией, придавая пейоративную или мелиоративную оценочность.

Когнитивный признак *темпоральность* указывает на то, что проявления конкретной черты характера могут быть: 1) однократными: рус. *заговаривать зубы, попасть в переплет*; fr. *payer en beaux discours, être la gaufre*; 2) продолжительными, повторяющимися в течение определенного отрезка времени: рус. *держат кого-л. в своей власти, помыкать кем-л., держать под каблуком, кормить обещаниями, чистая душа, цыплячья душа*; fr. *tenir qn sous ses talons, coeur de crystal, coeur de poulet*. В исследуемом материале обнаружены ФЕ, в семантике которых отмечается переплетение временных характеристик, например, рус. *непостоянный/ ветреный как воробей*, fr. *atougeux comme un toineau* выражают непостоянство – черту характера,

указывающую на неустойчивость мнений, поступков человека, но сама черта характера может быть постоянной.

В обыденном представлении *время* есть некая последовательность моментов, точнее временных интервалов (секунда, минута, час, день и т. д.). В ходе анализа языкового материала отмечено, что когнитивный признак *темпоральность* во фразеологической семантике способствует появлению значений, указывающих на: 1) точность, определенность; 2) размытость; неопределенность. Фразеологические компоненты со значением определенности – рус. *минута* fr. *minute* – вербализуют признак ‘неопределенность’ в русском языке – *на одной минуте сто перемен* ‘о чьем-л. непостоянстве’, ‘определенность’ во французском – *à la minute* ‘аккуратно, пунктуально’. Фразеолексы, семантическим признаком которых является “относительно продолжительный промежуток времени”, например, рус. *час, день* fr. *heure, jour*, превносят в семантический состав фразеологической единицы “двойкость” восприятия времени (определенность и размытость), что отмечается в обеих исследуемых языковых картинах мира: рус. *под горький час* ‘в состоянии возбуждения, гнева, раздражения’ (определенность), *на часу семь пятниц* ‘о непостоянном человеке’ (размытость), *жить вчерашним днем*, (размытость); fr. *être à l'heure* ‘быть пунктуальным’ (определенность); *n'avoir pas d'heure* ‘быть неточным, вечно опаздывать’ (размытость), *mettre au jour* ‘разоблачить’ (определенность), *demain il fera jour* ‘работа не волк – в лес не убежит’ (размытость). Анализ показал, что значение определенности, фиксированности времени во фразеологизмах может передаваться с помощью фразеолекс, характеристикой которых является небольшая длительность: например, рус. *жить сегодняшним днем* fr. *comprendre vite, l'avenir appartient à ceux qui se lèvent tôt*.

Признак *темпоральность* фиксируется в устойчивых выражениях с метафорическим образом времени, то есть абстрактное понятие времени выражается посредством конкретных образов, что отмечается, например, в русских и французских фразеологизмах со значением «отношение к труду»: рус. *работать от рассвета до заката/ от зари до зари*, fr. *travailler d'un soleil à l'autre* (досл. – от одного солнца до другого), *entre deux soleils* (досл. – между двумя солнцами). Анализ показывает, что русская языковая картина мира обладает более насыщенным спектром лексических единиц для обозначения временных отрезков во фразеологическом пространстве.

Результаты исследования показывают, что специфика формирования значения фразеоединиц состоит в этнокультурных особенностях метафорической модификации как исходных словосочетаний, воспроизводящих в русском и французском языках ситуативные фрагменты национальной картины мира, так и отдельных слов, изначально содержащих в себе идиотэтнические смыслы. И те, и другие включают в себе культурные коннотации, запечатленные в национальном сознании, которыми наделяются фразеологические единицы в процессе метафорического переосмысления. Темпоральностью обозначены практически все черты характера человека, но в большей степени ей присуще обозначать качества с отрицательной оценкой в обоих языках.

Таким образом, мы можем констатировать влияние восприятия человеком изменяющегося во времени реального мира на потенциал создания характерологического фразеологического значения. Исследование фразеологической категоризации объективной действительности позволяет выявить способы рефлексорного осмысления мира этносом, а также особенности национального менталитета.

¹ Фразеолекса – лексема, утратившая свои лексические свойства и приобретшая статус компонента фразеологической единицы (см.: Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч. 1: Природа и космос. – Санкт-Петербург 2003, с. 21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Мокиенко, В. М. Когнитивное и анокгнитивное во фразеологии / А. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф.: Белгород 2008. – Т.1. Идиоматика и познание. – С.13–26.
- 2 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов // Москва, 2010. – 736 с.
- 3 Le Petit, R. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / R. Le Petit. – Paris: Ed. Nouveau Létré, 1980.
- 4 Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – Москва, 2009. – 344 с.

УДК 81.161.1:[398.91:81]

Е. Е. Иванов

О РАЗЛИЧИИ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И АФОРИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ К СЛОВУ

Рассматривается вопрос о соотношенности фразеологических, афористических и лексических единиц с учетом проявления в них таких признаков, как воспроизводимость, устойчивость, идиоматичность и раздельнооформленность. Вместе с тем отмечается, что некоторые афористические единицы, традиционно включаемые во фразеологию в ее «широком понимании», могут являться однословными, сохраняя при этом признаки высказывания.

Отношение фразеологических единиц к слову проявляется прежде всего в функциональной способности их достаточно большого количества выступать в качестве составных компонентов высказывания наравне с лексическими единицами и образовывать с ними парадигматические отношения (синонимии, антонимии и др.), что позволяет причислять такие фразеологизмы к лексическому уровню языковой системы. Отношения функционального тождества фразеологических и лексических единиц лежат в основе ограничения фразеологического состава языка только единицами такого рода (фразеологии в «узком» понимании).

Все остальные устойчивые в речи фразы (в том числе пословицы и крылатые выражения) функционально и семантически противопоставлены слову и могут рассматриваться только на синтаксическом уровне языка. Правомерность их причисления к фразеологическим единицам одними лингвистами отвергается, исходя из наличия существенных различий между ними (прежде всего немоделируемости пословиц и крылатых слов, согласно широко известного мнения В. Н. Телия [5, с. 511–512]), а другими, наоборот, поддерживается на основании ряда общих для всех них признаков (в рамках фразеологии в «широком» смысле).

Так, включение пословиц и крылатых слов (выражений) в состав фразеологических единиц языка обосновывается, как правило, тем, что и те, и другие обладают такими общими дифференциальными признаками, как раздельнооформленность (или так называемая «сверхсловность»), воспроизводимость и устойчивость. При этом устойчивость либо отождествляется с «повторяемостью в речи в одном и том же качестве и в одном и том же не зависимом от контекста значении» (Б. А. Плотников), т. е. непосредственно с воспроизводимостью [3, с. 244], либо связывается с уникальной сочетаемостью компонентов фразеологических единиц на основе переосмысления значения как всего сочетания в целом, так и любого из его компонентов (так называемой, по словам

А. В. Кунина, «фразеологической устойчивостью не ниже минимальной» [2, с. 210]). В последнем случае устойчивость часто обуславливается еще одним дифференциальным признаком – идиоматичностью сочетаний слов за счет утраты внутренней формы их переосмысления.

Указанные признаки традиционно рассматриваются в языкознании как дифференцирующие в системе языка собственно фразеологические единицы (в их отличии от лексических единиц), а в рамках понимания фразеологии «в широком смысле» еще и как универсальные по отношению ко всем единицам фразеологического материала языка. В этом случае очевидные структурные и семантические различия между, с одной стороны, пословицами, крылатыми фразами (а также иными по происхождению «устойчивыми фразами», которые являются знаками ситуаций или отношений между вещами и структурно и семантически эквивалентны предложениям), а с другой, всеми остальными фразеологическими единицами (которые выступают как знаки понятий и содержательно эквивалентны словам) используются в качестве критериев как различных частных классификаций фразеологических единиц (Н. М. Шанского [7], А. В. Кунина [2, с. 312–313], И. И. Чернышевой [6, с. 45–46] и др.), так и общей систематизации фразеологического материала языка, предложенной Б. А. Плотниковым [3, с. 245–246].

Следует отметить, что не все перечисленные признаки являются действительно универсальными для всех фразеологических единиц в их широком понимании, что неоднократно отмечалось самими фразеологами. Так, не все устойчивые сочетания слов в одинаковой степени идиоматичны (среди пословиц и крылатых выражений встречается достаточно большое количество единиц с прямым значением, ср.: *Горя бояться, счастья не видать; Лучшие поздно, чем никогда; Насильно мил не будешь; Человек – это звучит гордо* и т. п.), не все из них в равной степени устойчивы (часть фразеологических единиц допускают свободное варьирование ряда своих компонентов, ср.: *знать, понимать, смотреть и т. д., куда ветер дует*), не все устойчивые сочетания слов воспроизводятся в «готовом виде» (некоторые из них, имеющие прямое значение и большое количество вариантов, регулярно производятся в стандартных ситуациях с одним и тем же компонентным составом по одним и тем же синтаксическим моделям, ср.: *Всем (каждому) <на свете никогда> не угодишь* или *Всем <на свете> невозможно (нельзя, трудно и т. д.) угодить* или *Всем (каждому) невозможно (нельзя, трудно и т. д.) угодить* или *Каждому (на всех, никому) <никогда> не угодишь* или *На всех <на свете никогда> не угодишь* или *Невозможно (нельзя, трудно и т. д.) всем (каждому) угодить* или *Угодить всем <на свете> невозможно (нельзя, трудно и т. д.)* или *Угодить всем (каждому) невозможно (нельзя, трудно и т. д.)* и под.). Градация степени проявления идиоматичности, устойчивости и воспроизводимости фразеологических единиц может служить основой для их внутренней классификации (в частности, разграничения «узкого» [1] и «широкого» понимания фразеологии [4]), а само наличие того или иного признака критерием определения «степени фразеологичности» того или иного сочетания слов [3].

Только один из дифференциальных признаков фразеологических единиц (как в широком, так и в узком понимании фразеологии) не имеет (и не может иметь, согласно общепринятой точке зрения), степени своего проявления. Это их раздельнооформленность, или сверхсловность. Именно данный признак выступает основополагающим показателем разграничения лексического и фразеологического материала языка (остальные признаки свойственны и слову, которое так же воспроизводимо, устойчиво по своей структуре и идиоматично). Наличие в некоторых языках фразеологических единиц грамматически оформленных как одно сложное слово (например, в нем. *Nervenkrieg*) не противоречит признаку раздельнооформленности, поскольку такого

рода образования осознаются носителями языка как безусловно сверхсловные (в силу отсутствия одного основного ударения, структурной цельности, грамматической оформленности).

Несмотря на всю очевидность признака сверхсловности, он все же не является универсальным для всех без исключения единиц, традиционно включаемых во фразеологию в ее широком понимании. Это прежде всего касается таких единиц, как пословицы и крылатые афоризмы, которые, являясь высказываниями (т. е. будучи синтаксически эквивалентными предложению), могут состоять и из одного слова. Ср., например, крылатые афоризмы Козьмы Пруткова *Бди!* и (менее известное) *Козырай!* («Плоды раздумья: Мысли и афоризмы») или едва ли не самую «русскую» по степени выражения национального характера паремию *Образуется* (в значении «Все неприятности рано или поздно пройдут сами собой, нужно лишь терпеливо сносить житейские трудности» как эллиптический вариант распространенного выражения *Все образуется*) и т. п.

«Однословные» фольклорные и литературные афоризмы ничем принципиально не отличаются от «сверхсловных» ни по своей семантике (так же обладают обобщенно универсальным значением и могут иметь прямой и переносный смысл), ни по своим функциям в речи (так же используются прежде всего в номинативных и экспрессивных целях), ни в деривационном плане (так же образуются непроизводным и производным способами с помощью сходных приемов) и т. д. Между собой однословные и сверхсловные афористические единицы связаны парадигматическими отношениями (синонимическими, антонимическими, тематическими, ассоциативными и др.), образуют единую лингвистическую категорию «языковые афоризмы» и формируют одну подсистему лингвистических единиц – афористическую.

В дневниковой прозе известного русского писателя, публициста и мыслителя В. В. Розанова встречается показательный пример первичной деривации и ситуативно обусловленного употребления в речи одного из самых распространенных однословных русских языковых афоризмов.

Гениальному человеку достаточно «проехать по стране», чтобы заметить в ней такое важное, чего «тутошные люди» век живя – не заметят. И Гоголь это, только «проехавшись по России», заметил; и Бисмарк заметил, только «побывав в Петербурге послом».

С ним случился раз анекдот: он заблудился на медвежьей охоте. Поднялась пурга, дорога была потеряна, и Бисмарк очутился в положении поляков с Сусаниным. Лес, болото, снег, никуда дороги. Он считал себя погибшим...

– **Ничего**, – обернулся мужичок с облучка.

Он был один, с этим мужиком, без русской речи, кроме каких-нибудь слов.

Мужичок все обертывался и утешал железного барина:

– **Ничего**, выберемся!

«Выберемся» он уже не понимал. А только запомнил это «ничего», много раз повторившееся. И когда стал канцлером, то в затруднительных случаях любил повторять на непонятном языке:

– **Ничего. Nitschevo.**

Распространительно: «Бог не выдаст – свинья не съест». «Не пришел час гибели – и не погибнем. А пришел этот час, то как ни кудахтайся – не выберешься». В общем: «Ничего» («Возле “русской идеи”...»).

Следует сказать, что приобретать афористическую семантику может достаточно широкий круг однословных фраз, особенно в случаях их индивидуально-авторского переосмысления. Массово же употребляемыми становятся, как правило, такие однословные афористические изречения, которые содержательно актуальны для широкого круга носителей языка и вступают в парадигматические отношения (синонимии,

антонимии и др.) с единицами афористического состава языка (поговорками и крылатыми афоризмами).

Однословных афористических единиц сравнительно немного, они менее разнообразны по своему составу и структуре, чем сверхсловные. Количество однословных афоризмов зависит от числа таких лексических единиц (прежде всего глаголов и слов категории состояния), которые в определенной грамматической форме (глаголы) и/или синтаксической функции в прямом или в переносном значении могут иметь обобщенно-универсальное значение (ср.: *простить* в значении 'снять какую-либо вину с кого-либо, освободить кого-либо от какого-либо обязательства и т. п.' и *прощайте* в значении 'проявляйте снисходительность к обидчикам и врагам'; *Скучно* в значении 'Мне скучно' и *Скучно!* в значении 'Всею везде всегда скучно' как эллиптический вариант известного крылатого афоризма Н. В. Гоголя *Скучно жить на этом свете, господа!* и т. п.).

К однословным правомерно относить и такие языковые афоризмы, которые по своей синтаксической структуре являются императивными предложениями с глагольным сказуемым в форме повелительного наклонения с модальным значением всеобщего предостережения или запрещения в соединении с отрицанием (ср.: *Не кради; Не отчаиваться!* – крылатые фразы из Святого Писания), а также в аналитической форме будущего времени с вневременным значением (ср.: *Будем жить!* – крылатая фраза из к/ф «В бой идут одни старики»).

Однословные языковые афоризмы в современном русском языке можно дифференцировать в зависимости от их происхождения на шесть основных групп.

1. Крылатые афоризмы из Святого Писания, ср.: *Покайтесь!* (Мф. 3:2, 4:17); *Радуйтесь!* (эллиптированный вариант изречения «Всегда радуйтесь», 1 Фес. 5:16); *Не убивай (убий)*; *Не кради (укради)*; *Не прелюбодействуй* (Исх. 13:17; Вт. 5:17–21; Мф. 5:27).

2. Крылатые афоризмы из литературных источников, ср.: *Бди!* (афоризм Козьмы Пруткова, «Плоды раздумья: Мысли и афоризмы»); *Не отчаиваться!* (вариант перевода афоризма *Nil desperandum* римского поэта Горация, «Оды», I, 7, 27).

3. Крылатые афоризмы из текстов массовой коммуникации, ср.: *Закаляйся!* (надпись на плакатах, пропагандирующих здоровый образ жизни), *Не тревожься* (в значении 'Не обращай никакого внимания на то, что мешает тебе быть счастливым' < *Don't worry* – сокращенный вариант надписи на открытках и постерах в США с 1960-х годов «*Don't worry, be happy*»).

4. Общепринятые пословицы, ср.: *Перемелется* (эллиптический вариант известной русской пословицы *Перемелется – мука будет* и распространенного выражения *Все перемелется*).

5. Социолектные пословицы, ср.: *Не верь; Не бойся; Не проси* (правила жизни криминального мира).

6. Массово употребительные в речи умозаключения «здорового смысла», основанные на бытовом, религиозном или научном осмыслении мира, ср.: *Не согреши* (как принцип праведной жизни христианина); *Помалкивай* (как принцип социальных отношений в коллективе) и т. п.

Таким образом, основное различие в отношении фразеологических и афористических единиц к слову проявляется прежде всего в том, что первым в отличие от вторых присущ такой категориальный признак, как сверхсловность их компонентного состава. Языковые афоризмы, будучи по своей синтаксической структуре целыми высказываниями, не могут быть функционально тождественны слову, как фраземы, но могут состоять из одного слова (аналитической формы одного слова), что не характерно для фразеологических единиц. В различном отношении фразеологических и афористических единиц к слову проявляется их принципиальное отличие как единиц разных подсистем языка категориально противопоставленных друг другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
- 2 Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
- 3 Плотнікаў, Б. А. Фразеалогія / Б. А. Плотнікаў // Агульнае мовазнаўства / Б. А. Плотнікаў. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – С. 242–263.
- 4 Телия, В. Н. Фразеология / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 560–561.
- 5 Фразеология // Общее языкознание: внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебrenников. – М.: Наука, 1972. – С. 456–515.
- 6 Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
- 7 Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [1963] / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК 81'373.612.2:398.9

Н. А. Илюхина

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОНИМИИ В МЕТАФОРУ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению категоризации эмоционального состояния человека посредством фразеологических единиц и когнитивных метафор. Последовательно иллюстрируется отражение во фразеологии модели «исходное значение → переходное метонимическое значение → метафорическая категоризация».

Своеобразие категоризации знания, запечатлённое фразеологизмом, делает фразеологию объектом, чрезвычайно информативным при реконструкции генезиса когнитивной метафоры – метафорических образов, *ключевых* для любой сферы действительности. Рассмотрим этот процесс на примере эмоционального состояния, категоризируемого посредством фразеологических единиц и когнитивных метафор.

Есть основания утверждать, что в формировании метафорической категоризации этой сферы большую роль играет метонимия. Мысль о роли метонимии в образовании метафор, характеризующих сферу эмоций, впервые высказал и показал на примере эмоции гнева Дж. Лакофф. Суть метонимического механизма образования метафор, моделирующих сферу эмоций, заключается в том, что «физиологический эффект эмоции заменяет саму эмоцию» [2, с. 494].

Проведённый нами анализ показал, что все базовые (ключевые) для эмоциональной сферы метафорические образы возникают в результате метонимического замещения имени в составе выражения. Именно такое происхождение имеют метафорические образы жидкости, огня, льда, физического воздействия, которые запечатлены в выражениях *клокотала злоба; бурлила страсть; нахлынула обида; проглотил обиду; вспыхнул восторг; похолодел от страха; горло сжимало волнение* и многих подобных.

Наиболее убедительным подтверждением мысли о том, что генезис данных метафор связан с физиологической основой эмоций и с отражением их причинно-следственных связей, являются не собственно метафоры, в том числе приведённые (в них данные мотивирующие связи обычно нивелированы), а взятые в комплексе фразеологизмы и многозначная лексика с метонимически производными ЛСВ. Если ЛСВ, важные для

установления генезиса метафорической модели, нередко устаревают и не сохраняются в значении слова в современном языке, то фразеология консервирует в своём составе слова с устаревшими метонимически производными ЛСВ и, кроме того, запечатлевает принципиально важный переход от буквального значения выражения – через формирование синкретического значения этого выражения как ФЕ – к метафорическому.

Как известно, эмоции категоризируются и отражаются в языке через связи с физиологией и через внешние проявления, играющие огромную роль в гносеологии эмоций. Отметим связь эмоций и а) внешнего сенсорного воздействия света и темноты, цветов, звуков, тяжёлого и лёгкого, пищи, напитков; б) телесно-физиологического механизма эмоций: изменения кровотока, давления, ритма сердцебиения, температуры, цвета кожи; в) внешнего проявления: слёз, смеха, мимики, подвижности или статичного положения тела, изменения цвета кожи.

По всем этим линиям наблюдается синкретизм семантики эмоциональности и смежных с ней аспектов, который выражается, в частности, в лексической метонимии и в метафорических моделях. В этих закономерных процессах обнаруживается прямая связь языковых явлений с когнитивными структурами: когнитивные структуры обуславливают формирование ключевых для определённой сферы метафор в их корреляции с регулярной лексической многозначностью метонимического типа.

Покажем это на примере метафорической модели жидкости.

Фразеологизмы в застывшей форме сохраняют исходные мотивирующие связи между двумя областями (эмоциями и кровью, или слезами, или вином, или физиологическими процессами), т. е. указывают на истоки современных ключевых метафор этой сферы. В лексической метафоре данные связи далеко не всегда осознаются, обычно мы говорим о таких метафорах в терминах *эмоциональная, жидкая субстанция*. Однако своим происхождением и закреплением в этой сфере образ жидкости обязан отношениям *смежности* – связи между эмоциональным состоянием человека и *особенностями кровотока* (т. е. физиологическим аспектом состояния), состоянием и *слезами* (внешним проявлением чувств), состоянием и выпитым *напитком* (вином, послужившим причиной динамики эмоционального состояния) и т. д.

Названные далее фразеологизмы подтверждают связь кровотока и сильных чувств наиболее убедительно и позволяют утверждать, что такие метафоры обнаруживают метонимические корни: *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* кому-л. (в значении «кто-л. пришел в иступление, сильное возбуждение и т. п.»); *кровь бросилась (кинулась) в лицо* кому-л. (в значении «кто-л. покраснел от стыда, смущения, досады»); *кровь играет (кипит, бродит, горит, бурлит)* в ком-л. («кто-л. испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т. п.»); *кровь стынет (ледеенеет, холодеет) в жилах* у кого-л. («кто-л. испытывает чувство страха, ужаса»); *сердце кровью обливается* у кого-л. («кому-л. невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т. п.»); *портить кровь* кому-л. («причинять неприятности, огорчения»); *портить себе кровь* («нервничать, раздражаться, огорчаться»).

Аналогично выглядит в сфере фразеологии связь эмоций и слёз как одной из форм их проявления: *излить горе в слезах, выплакать горе, утопать в слезах* («безутешно плакать»), *хоть плачь* («выражение отчаяния, бессилия») и многих других. Приведённые фразеологизмы, как и лексемы типа *плакать* «проливать слёзы (от горя, боли и т. п.)», *рыдать, слеза* («...вызывается печалью, жалостью, а иногда и нечаянной радостью, или вообще сильным чувством» [1, с. 219]), являются параэмотивами, т. е. словами с синкретической семантикой, одновременно указывающими на физиологическое и эмоциональное состояние лица. Характер этого состояния нередко прямо называется в контексте: *плакать от жалости, от обиды*. Ср. пример, в котором соположенными оказываются эмоции, слёзы и кровь: *И между тем*

душа в ней ныла, И слёз был полон томный взор. Вдруг топот!.. кровь её застыла, Вот ближе! скачут... и на двор Евгений! (Пушкин).

Запечатлены во фразеологии и представления о влиянии на эмоциональное состояние человека хмельных напитков: *бросаться (кидаться) в голову* – «оказывать опьяняющее действие. О водке, вине и т. п.»

Значимость ФЕ для установления происхождения когнитивных метафорических моделей имеет ещё одну сторону. Если свободное образное выражение прочитывается как метафорическое (в результате утраты исходной мотивации образа в данной сфере, ср.: *нахлынули чувства*), то фразеологизм обнажает исходную – метонимическую связь между двумя ситуациями; во фразеологизме совмещаются два значения, связанные друг с другом не метафорически, а метонимически. В категоризации эмоций посредством фразеологизмов в окаменелом виде запечатлен фрагмент языковой картины мира – при этом в нетрансформированном виде – тогда как в обычной метафоре, закономерностью воспроизведения которой является лексическое варьирование одного и того же образа (*чувства нахлынули, поток чувств, закипела страсть* и др.), по мере изменений в ЯКМ происходит смещение и забвение исходных мотивационных связей. Мотивация становится исключительно метафорической: исследователи в таких случаях констатируют перенос с конкретной реалии (образа некой жидкости) на абстракцию (эмоцию).

Обратимся к материалу, в котором предельно сближаются лексическая метонимия и когнитивная метафора и обнажается процесс трансформации буквального значения в метонимически производное и затем – в когнитивную метафору. При этом первичный фразеологизм типа **наливаться кровью** характеризует одновременно и эмоциональное состояние, и его физиологическое проявление, демонстрируя объективную связь между ними, а производное устойчивое выражение **наливаться гневом** (не всегда фиксируемое среди фразеологизмов, но обладающее воспроизводимостью), превращается в когнитивную метафору (результат переноса с жидкости (конкретного) – на абстрактное (гнев), между которыми устанавливаются отношения сходства), теряет исходную мотивацию. Объективно находясь в отношениях метонимической производности, две реалии (эмоция и жидкость) в составе производного устойчивого словосочетания приобретают статус когнитивной метафоры. Так на базе выражений, фиксирующих физиологическую связь эмоций, формируется метафорическая модель жидкости, ключевая для данной сферы – обладающая регулярной воспроизводимостью и имеющая тенденцию к развёртыванию.

Фразеология в свете сказанного может оцениваться как среднее звено в цепочке этапов образования метафорической модели: от исходного значения (*налиться кровью* ‘покраснеть от прилива крови’) – через переходное значение, соединяющее исходное и вторичное, метонимически производное значения, связанные между собой отношениями объективной смежности в рамках гештальта (‘покраснеть от прилива крови’ + ‘разгневаться’) – к метафорической категоризации гнева в образе жидкости: *налиться гневом, гнев бурлил, излить гнев* и т. д.

Процесс трансформации лексической метонимии в метафору на базе фразеологии в сфере категоризации эмоций обнаруживается довольно часто, см. также: *портить себе кровь* (‘нервничать, раздражаться, огорчаться’) → *портить себе настроение*; *кровь кипит* → *гнев кипит*; *хлынули слёзы* – хлынули *чувства*; *держат на кого сердце* → *держат на кого обиду, злость*; *срывать сердце на ком* → *срывать на ком свой гнев, раздражение, зло, плохое настроение*; *с лёгким / тяжёлым сердцем* → *с лёгким / тяжёлым чувством*; *в сердцах* (‘в порыве гнева, раздражения’) → *в раздражении, в гнев*; *с сердцем* (‘в гнев, сердито’) → *с гневом, с раздражением*. Одной из частных линий мотивации, обеспечивающей эффект отождествления чувства и жидкости, может быть следующая: *проглотить слёзы обиды*

(о попытке сдержать рыдания) → *проглотить обиду* (обида = жидкость). Последнее выражение воспринимается как метафора.

В других лексических воплощениях (*клокочет гнев, струится нежность, разливается покой*) образ напрямую не соотносится в сознании с кровью или иной конкретной жидкостью. Сознание соотносит «чужой» для данной сферы образ (жидкость) с чувством и нащупывает между ними 81-112:398.9ходства (изменчивость, стихийность), позволяющие образно моделировать чувство с учётом объективно присущих ему свойств.

В свою очередь ключевые метафорические модели, исходно вырастающие на базе гештальта (т.е. в высшей степени органичные для данной сферы изначально) способствуют своеобразной кристаллизации концептуальных элементов эмоций – градации по интенсивности, проявления вовне, локализации в сердце и жилах, физиологичности и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т. 4.

2 Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1986.

УДК 81'37:398.9

С. Н. Колодеч

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Объектом исследования являются паремии как весьма показательные единицы в аспекте изучения фразеологической семантики. Соотносятся семантические структуры паремии и предложения как единицы языка. Анализируются денотативный и сигнификативный компоненты паремиологических единиц, указывается на сложность их соотношения с реальной ситуацией либо невозможность подобного соотношения. Отмечается бинарность семантической структуры паремий.

Традиционно семантическая структура любой языковой единицы рассматривается с нескольких позиций. Значение анализируется со стороны соотношенности с предметами и явлениями внешнего мира, того понятийного содержания, которое возникает в сознании человека при восприятии данной языковой единицы, и тех отношений между лингвистическими единицами, которые реализуются при употреблении их в тексте. В семантической структуре при этом вычленяются денотативный план, раскрывающий отнесенность данной языковой единицы к предмету, явлению внеязыковой действительности или передающий связь предметов и явлений, и сигнификативный – как отношение к понятию, образу мысли человека о соответствующем денотате. Формирование семантики таких особых лингвистических знаков, как фразеологические единицы, также предопределяется предметными отношениями действительности, а характер знакового смысла раскрывается в специфике соотношения денотативного и сигнификативного компонентов в семантической структуре данных номинативных единиц.

Исключительно интересный материал для изучения фразеологической семантики представляют собой паремии. Формальное совпадение паремий с предложениями может вызвать априорное предположение о том, что должны совпадать и способы

отображения реальной действительности. Однако исследование отношения именованного, которое связывает смысл поговорки и обозначаемый ею элемент внеязыковой действительности, обнаруживает особенности репрезентации объективной реальности. Процесс наименования у поговорок в значительной степени отличается от номинации обычными предложениями.

Как известно, содержательное наполнение языковых форм – это прежде всего их соотношение с тем явлением, которое детерминирует предметное значение единиц. На уровне предложения-высказывания предметная соотношенность заключается в том, что денотативным источником высказывания являются «такие объективные явления, которые характеризуются не отдельностью своего существования, а взаимодействием с другими явлениями и их свойствами» [5, с. 24]. При этом номинация передает сущность динамичного сложного явления, которое обозначается в лингвистике понятием ситуация. Это понятие является общим моментом для ряда лингвистических работ, в которых исследователи (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, Ю. К. Лекомцев, И. П. Сусов и др.) рассматривают семантическую организацию предложения, анализируют отношения между предложением как лингвистическим знаком и ситуацией как объектом номинации.

Лингвисты определяют ситуацию как отрезок реальной действительности (частное событие, факт), который репрезентируется в конкретном высказывании [1, с. 7]. Для того чтобы изолированно рассмотреть номинативный аспект высказывания, на основе которого устанавливаются отношения с обозначаемым им фрагментом действительности, исследователи используют условный лингвистический прием: разделяют целостное содержание высказывания на два компонента. Это деление соответствует пониманию ситуации как факта объективной действительности и как факта «отражения и переработки этой действительности в сознании» [6, с. 26]. Ситуация, таким образом, включает два компонента: события, явления объективной действительности, формирующие денотат предложения, и информацию о данных фактах, которая является «интеллектуальным отражением денотата предложения» [4, с. 31].

Семантическая структура предложения, как и имени, представляет собой соотношение материального (предмет, ситуация и их свойства, признаки) и идеального (понятие, сигнификат) рядов, что признают все лингвисты. В объективном плане структура ситуации включает совокупность предметов, их свойств и связей между ними, в субъективном плане ситуация составляет «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [3, с. 358].

При анализе семантики поговорки исследователи сталкиваются с проблемой соотношения между структурой поговорки, которая представляет собой предложение, и структурой ситуации, которую поговорка должна передавать своей формой. Структурирование реальной ситуации требует соответствия каждому из ее элементов определенного члена предложения. Отображение подобных элементов осуществляется на уровне таких категориальных понятий, как предмет – признак (качественный, количественный), производитель действия – действие, носитель состояния – состояние и др. Для их обозначения в языке имеются определенные номинативные средства (имена, глаголы, прилагательные, наречия) и конструктивные средства. Связь указанных лингвистических понятий может быть представлена субъектно-предикатной расчлененностью высказывания, атрибутивным сочетанием. Таким образом, ситуация получает свое обозначение на уровне предложения, которое несет в себе все необходимые признаки локализации ситуации, в частности, ее предметность, модальность, время [2, с. 5].

Обращаясь к семантической структуре поговорки, следует признать, что обнаружить денотативные компоненты, «привязывающие» поговорку к реальной ситуации, довольно затруднительно. Например:

AGATHE. Ce pauvre Gunter. Evidemment, il travaillait très mal... Hugo s'est mis en colère, il avait un bâton, vous le connaissez?

FREDERIC. Il est coutumier du fait. Il est blême.

SEBASTIEN. Remettez-vous, mon cher. Il n'y a pas de roses sans épines... Je vous concède que celles-ci sont grosses /Sagan/.

Приведенная в тексте паремия не располагает денотативными компонентами, имеющими отношение к реальной действительности. Номинация паремии не является прямым обозначением предметов или явлений, так как не представляется возможным отыскать элементы внешнего мира, соответствующие каким-либо членам «паремийного предложения». Нельзя смешивать номинацию при помощи обычного предложения и наименование при помощи паремии. Сами паремии не могут быть признаны «чистыми предложениями» несмотря на то, что имеют структуру предложений.

Исходную основу семантической структуры предложения (высказывания) составляет его денотативный план, который как бы в статике передает связь предметов и явлений реальной действительности. Паремии же характеризуются преобладанием сигнификативного плана над денотативным, поскольку принадлежат к языковым единицам, которым свойственно «отсутствие реального объекта – экспонента денотата» [7, с. 44]. Преобладание сигнификативного компонента над денотативным является основным свойством пропозитивных имен, которые сохраняют в своей семантической структуре признаки, присущие предложению [2]. Например: *l'arrivée – quelqu'un est arrivé, sa tendresse – il est tendre.*

Сигнификативный компонент паремий складывается из обобщения отношения субъекта как понятия (суждения) о тех предметах или явлениях и связях между ними, которые оцениваются данной номинативной единицей. Формирование сигнификативного компонента – морали, назидания – базируется на знании субъекта (говорящего) о том денотате, о котором идет речь в данной конкретной ситуации. В предложении взаимосвязанность и взаимообусловленность сигнификативных и денотативных компонентов проявляется в том, что в самом сигнификате содержится указание на денотат, так как само понятие признаков вызывает представление о тех предметах или явлениях, которым они присущи.

Что касается паремий, то сигнификативные компоненты в них представляют собой преломление наиболее существенных признаков предметов, явлений, связи предметов или сознания субъекта и содержит в себе указание (в зависимости от ситуации) на соответствующие денотативные компоненты, которые в совокупности и отражают общую направленность паремии на тот или иной денотат.

Действительность (сфера денотации), смысл (сфера сигнификации) и языковая форма – три компонента, которые участвуют в процессе наименования. Механизм номинации можно представить как непосредственное отнесение семантики языковой единицы к элементу действительности, обозначаемому в данном наименовании. В нашем материале в качестве номинанта выступает готовая языковая форма – паремия. Например: *Les arbres cachent la forêt* (русский эквивалент – «Из-за деревьев леса не видно») [8].

В смысловой структуре паремии отсутствуют денотативные компоненты, привязывающие ее к конкретной реальной ситуации. Поэтому о номинации в данном случае можно было бы говорить как о виртуальном значении предложения (условно-виртуальном значении паремии). Именно на этом уровне понятийное содержание – «деревья мешают увидеть лес (вглубь, целиком)» – имеет прямую соотнесенность с конкретной ситуацией. Здесь речь идет о первичной прямой номинации. В употреблении паремии первичное наименование остается, тогда как первичное значение, напротив, претерпевает существенные изменения. Денотативные компоненты семантической структуры уступают место сигнификативному компоненту («уходит» денотативное значение предложения) и появляется смысл паремии – мораль –

логический поучительный вывод. Мораль приведенной выше поговорки – «второстепенное мешает увидеть главное».

Формирование морали поговорки: *on récolte ce qu'on a semé* (русский эквивалент – «*Что посеешь, то и пожнешь*») [8] происходит под непосредственным влиянием первичного значения (денотативного значения предложения) – «если плохо обработаешь поле, получишь плохой урожай». Первичное наименование остается прежним, но появляется вторичное значение поговорки – мораль: «каждый должен нести ответственность за последствия своих поступков».

Семантическая структура поговорок характеризуется бинарностью – имплицитным первичным значением, соответствующим первичному собственно семиологическому принципу означивания, и вторичным (моралью), соответствующим принципу вторичного означивания. Иначе говоря, поговорка – это результат двойного обозначения внеязыковой действительности: первичного наименования и вторичного, опосредованного и мотивированного первичным.

Сложный феномен семантической организации поговорок находит свое отражение в ее структурной организации. Это проявляется в избирательном использовании грамматических и синтаксических средств, а также способов выражения синтаксических отношений, которые являются условными в силу отсутствия их прямой соотнесенности с объектами реальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
- 2 Гаврилович, А. А. Простое предложение с оценочным пропозитивным именем (в позиции подлежащего) в современном французском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / А. А. Гаврилович // МГПИИЯ. – Минск, 1986. – 20 с.
- 3 Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.
- 4 Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
- 5 Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1972. – 197 с.
- 6 Сусов, И. П. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне. / И. П. Сусов // Вопросы английской и французской филологии. – Тула: Изд-во ТГУ, 1972. – Вып. 8. – С. 25–48.
- 7 Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 204 с.
- 8 Maloux, M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maxims / M. Maloux. – P.: Larousse, 2006. – 656 p.

УДК 81'373:[398.9:159.925.8]

В. А. Маслова

ЖЕСТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОСОБЫЕ МИКРОМИРЫ

В статье определяются основные характеристики и функции жестовых фразеологизмов, приводятся группы фразеологизмов антропоцентричного характера. Анализируются фразеологизмы со значением мимики, телодвижений; выделяются жесты со значением позы. Детально описывается этикетное использование жестовых фразеологизмов.

Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – особые микромиры, которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые предки передали в руководство потомкам» [1, с. 56]. Они лаконичны, в их смысловой структуре наличествует оценочная и эмотивная модальности, они способны, подобно концептуальной метафоре, разворачиваться в тексте и экономить пространство почти всегда жестко ограничено. Все вышесказанное позволяет предположить, что ФЕ выполняют в тексте специфическую, прагматическую функцию и соотносятся с метафорическими концептами, которые формируют концептуальную структуру, лежащую в основе текста.

Переход к антропоцентрической (или когнитивно-дискурсивной – в другой терминологии) парадигме лингвистического знания оказал значительное влияние на изменение тематики исследования фразеологических единиц (ФЕ). Так в центре внимания оказался целый ряд вопросов, среди которых и вопрос о том, чем обусловлено появление ФЕ в том или ином контексте и каковы принципы выбора фразеологии в разных типах дискурса. Когнитивный подход доказал свою плодотворность, поэтому в рамках когнитивных методов исследования необходимо углубление понимания прагматических аспектов ФЕ в речепорождении и речевосприятии, дальнейший анализ концептуальных оснований ФЕ. По словам Е. С. Кубряковой, необходимо уделять большее внимание тем структурам знания, которые имплицитуются ФЕ, и тем концептам, выражению которых они служат [2, с. 16].

Известно, что фразеологические единицы отражают значимые для человека объекты мира, их свойства, признаки, отношения между объектами. Такие номинативные единицы создают культурно-национальную картину мира, в которой отражаются быт и нравы, обычаи и поведение людей, их отношение к миру и друг к другу.

Поскольку фразеология, по словам В. В. Виноградова, – душа любого языка, она создает особую фразеологическую картину мира, важнейшие признаки которой – пейоративность, антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как «мера всех вещей» (по Протагору): близко – *под носом, под рукой, рукой подать, под боком*; много – *с головы до пят, полон рот (забот)*; мало – *в один присест*; темно – *ни зги не видно*; быстро – *и глазом не моргнул, во мгновение ока, сломя голову, ног под собой не чуя*; сильно влюбиться – *влюбиться по уши* и т. д. Значение целого ряда базовых слов и ФЕ сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира – *голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу* и др. Немалую роль в формировании языковой картины мира играет мифологическая информация, мифологические концепты, ибо языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др.

Цель данного доклада – показать роль жестовых фразеологизмов в языковой картине мира русских. Сейчас существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т. д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т. д. [3, с. 9]; 4) поэтическая картина мира.

Жестовые фразеологизмы имеют прямое отношение к паралингвистике. Термин *паралингвистика* был введен еще в 40-е годы прошлого века А. Хиллом, но наука сложилась в 60-е годы, когда в зарубежной лингвистике началось преодоление системно-структурной парадигмы, в которой утверждалось, что языкознание не должно выходить за пределы изучения языковой системы. В СССР паралингвистика начала развиваться на десятилетие позднее: это работы Б. А. Успенского 1966 года, Г. В. Колшанского

(1974), И. Н. Горелова (1980) и др. Греческое слово *para* – означает «рядом, около», а рядом с лингвистикой в коммуникации участвуют жесты, мимика, телодвижения, и другие кинетические средства, а также фонационные и графические средства.

Фразеологизмы хранят в себе и жесты (*протянуть руку помощи, указать на дверь, погладить по голове*), и мимику (*делать большие глаза, и глазом не повел*), и телодвижения (*схватиться двумя руками за что-то, наступить на грудь, насыпать соли на хвост*).

Анализ собранных нами фразеологизмов показал, что такие, например, фразеологизмы, как *махнуть рукой, пасть на колени, стоять плечом к плечу, наступить на любимую мозоль* имеют в своей семантике указание на жест или телодвижение. Вероятно, семантика жестовых фразеологизмов складывалась следующим образом: возникла некая прототипная ситуация, соответствующая «буквальному» значению фразеологизма *наступить на любимую мозоль* – кто-то кому-то наступил на ногу, причинив боль. За ней закрепилось содержание, которое затем длительное время переосмысливалось в разных направлениях. Наконец, одно из значений породило образ фразеологической единицы на основе одного из первичных значений. Именно эти первичные значения оставляют в семантике фразеологизма свой след – «касаться того, что болезненно волнует, задевает кого-либо». Но при этом сохраняется внутренняя форма фразеологизма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой [4, с. 147].

Среди жестовых знаков особо выделяются позы – «осознанные или неосознанные общие положения тела, более статичные, чем собственно жесты, это относительные положения различных частей тела» [5, с. 344]. С одной стороны, поза может стать знаком определенного состояния (поза просителя, мыслителя), а с другой – она намеренно выбирается человеком с целью воздействовать на окружающих. Такое поведение вызывает неодобрение в русской культуре (ср. *позер, позерство*): фразеологизмы *стоять руки в боки, поманить к себе пальцем* имеют негативную коннотацию. Первый фразеологизм оценивается как агрессивная и недружелюбная поза, поэтому порицается в русской культуре. Фразеологизм *поманить пальцем* указывает на унижающий собеседника жест. Фразеологизмы *нахмурить брови, сжать губы* имеют национально-специфичные коннотации и оценки в разных культурах. Так, для русских – *нахмурить брови* – это жест неудовольствия, неудачи, а у японцев такой жест вообще отсутствует, т.к. они встречают неудачи и препятствия с улыбкой.

Итак, культурная информация присутствует прежде всего во внутренней форме фразеологизма, ибо в ней наличествуют следы культуры – как материальной, так и духовной. Это одна из причин, по которой фразеологизмы не только удерживаются в языке, но и создаются новые, хотя это явные аномалии языка, языковые нерегулярности. Поскольку ФЕ – это сгусток культурной информации, он экономит языковые средства, добираясь до глубины народного духа, до истоков культуры народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки / Ф. И. Буслаев. – М., 1954.
- 2 Кубрякова, Е. С. О новых задачах современной фразеологии / Е. С. Кубрякова // Изучение разноструктурных языковых знаков: проблемы и перспективы. – М., 2009. – С. 13–18.
- 3 Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М., 1994.
- 4 Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры / В. Г. Гак. – М., 1999.
- 5 Крейдлин, Г. Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.

Н. Г. Мещанова

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ТЕАТРАЛЬНОЙ ИГРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются основные группы фразеологизмов, относящиеся к различным видам игровой деятельности; особо выделяются доминантные смыслы, репрезентируемые театральной метафорой. Анализируются основные семантические характеристики и дополнительные оттенки значений в каждой из смысловых доминант. Обозначаются особенности образа театральной игры, его структура, основное смысловое ядро образа театра.

Фразеологический состав русского языка содержит большое количество оборотов и выражений, представляющих собою результат метафорического осмысления различных видов игровой деятельности. Среди этих ФЕ отчетливо выделяется несколько групп, соотносимых с тем или иным типом игры:

– с детской (*играть в прятки, играть в жмурки, играть в бирюльки, играть в молчанку, быть игрушкой в чьих-л. руках*);

– с азартной (*делать ставку на что-л. / кого-л., кому-л. карты в руки, карта / масть пошла, крыть нечем, чья-л. карта бита, играть кому-л. на руку, путать / мешать карты, играть в открытую, раскрывать карты, играть втемную, играть краплеными картами, делать хорошую мину при плохой игре, остаться в дураках, ходить козырем, спать валетом, русская рулетка и др.*);

– с интеллектуальной (*делать ход конем, быть пешкой в чьей-л. игре, играть в поддавки, получить мат, попасть в цейтнот, пройти в дамки*);

– со спортивной (*играть на чужом / своем поле, бить в свои ворота, игра в одни ворота, давать фору*);

– с игрой на музыкальном инструменте (*бесструнная балалайка, бить в литавры, заводить шарманку, саратовской гармонью заливать, тянуть волынку, играть первую / вторую скрипку, кимвал бряцающий*);

– с театральной (*играть первую / главную роль, быть на вторых ролях, надевать / носить маску, под личиной / маской чего-л., держать все нити в своих руках, поменяться ролями, войти в свою роль, быть в своем репертуаре, секрет полишинеля, фокус-покус, фигли-мигли строить, артист своего дела, артист погорелого театра, театр абсурда, театр одного актера, делать из чего-л. трагедию, под занавес, за кулисами, семейная сцена, выйти на сцену / арену, сойти со сцены / арены, устраивать сцены / концерт, немая сцена, из другой оперы, драма идей, генеральная репетиция, финита ля комедия, человеческая комедия, мыльная опера и др.*).

Последняя группа фразеологизмов отличается от остальных не только количественным преобладанием, но и разнообразием выражаемых с их помощью значений. Обилие ФЕ, эксплицирующих образ театра, и их богатый семантический потенциал связаны с детальным, разносторонним языковым осмыслением актерской игры, а также с ее особой значимостью в русской культуре. Формирование рассматриваемого метафорического образа и эксплицирующих его фразеологизмов во многом обусловлено общеизвестностью, доступностью и четким структурированием отображаемой реалии, известной со времен Древней Руси.

Смыслы, репрезентируемые театральной метафорой, свидетельствуют о неоднозначности и многогранности семантической структуры образного комплекса, не сводимой к одному – двум негативно-оценочным значениям, как правило отмечаемым

в исследованиях. Анализ лексических и фразеологических средств выражения рассматриваемого образа позволяет выделить следующие доминантные смыслы:

- 1) наличие воспринимающего субъекта, зрелищность;
- 2) яркость, необычность чего-л., противопоставленность обыденной жизни;
- 3) притворство, фальшь, неестественность;
- 4) нелепость, странность чего-л.;
- 5) неравнозначность участников процесса;
- 6) сценарность, заданность действия.

Особенностью образа театральной игры является не только яркость, высокая оценочность и семантическая разноплановость метафор, но и своеобразная покрываемость их смысловой структуры средствами фразеологии (ср., к примеру, семантические возможности образов детской, спортивной или интеллектуальной игры, очевидно не ограниченные значениями тех немногочисленных ФЕ, которые репрезентируют эти образы). Иными словами, фразеологизмы, образованные в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний из театральной сферы, выражают ключевые идеи рассматриваемого метафорического комплекса.

Поскольку образ актерской игры имеет пропозитивную структуру, центральные для него значения складываются не только на основе целостного осмысления денотативной сферы, но и в результате образной переработки информации о различных компонентах реалии и их функциях в соответствующей игровой ситуации. По отношению к данному образу актуальными являются следующие элементы пропозиции: 1) играющий субъект (актер); 2) его действия (разыгрывание какой-л. роли); 3) инструмент (маска, грим, костюм, бутафория); 4) лицо, организующее игровой процесс (режиссер, сценарист и др.); 5) воспринимающий игру субъект (зритель); 6) локальные (сцена, кулисы, зрительный зал) и 7) темпоральные (акт, сцена и под.) характеристики; 8) способ организации и развития процесса (сценарий). На основе осмысления места того или иного компонента в общей типовой схеме формируются метафорические значения ЛЕ и ФЕ, называющих эти компоненты.

Смысловым «ядром» того семантического объединения, за которым стоит образ театра, являются идеи, связанные с пониманием собственно игры артиста, с самим игровым процессом. В связи с этим большая часть доминантных смыслов соотносится с ограниченным набором компонентов пропозитивной структуры, а именно: с играющим субъектом (не организатором и не зрителем представления!), его действиями, инструментом игры и сценическим пространством (исключая зрительный зал и территорию за сценой). С указанными составляющими типовой схемы связаны первые четыре из отмеченных доминантных смыслов. Рассмотрим ФЕ, выражающие данные значения, и подтвердим зависимость семантики этих оборотов от осмысления роли компонентов ситуации, номинации которых включены в состав фразеологизма.

Так, значение зрелищности, наличия воспринимающего субъекта, чье внимание приковано к какому-л. событию, реализуется в некоторых оборотах, включающих в свой состав лексемы *сцена, арена, театр*, связанные с пространственной характеристикой игрового процесса. Вне ФЕ эти слова указывают на то, за чем внимательно следят окружающие, на то, что всегда на виду, не может быть скрыто от посторонних глаз, поскольку вызывает неподдельный интерес. В составе фразеологизмов эта семантика актуализируется для обозначения жизни или общественной деятельности какого-л. лица, чье существование, поступки открыты окружающим, заметны и, возможно, значимы в социуме: *арена жизни* («поприще»; «человеческое существование»), *политическая сцена / арена* («политика»), *выйти на сцену / арену* («вступить на общественное поприще»), *сойти со сцены / с арены* («оставить какое-л. поле деятельности»; «прекратить свое существование»). Основой для образования данных оборотов служит метафорическое восприятие жизни человека и его поведения в обществе как игры на сцене,

когда за каждым действием и высказыванием наблюдают со стороны, так или иначе осмысляя происходящее.

Идею зрелищности, непосредственного наблюдения за каким-л. явлением выражают ФЕ *анатомический театр* («помещение для анатомирования трупов»), *театр военных действий* («территория, на которой происходят военные действия»), *театр войны* («территория, объединяющая несколько театров военных действий»), которые также подчеркивают особое расположение наблюдаемого и наблюдателей в пространстве. Локализация того, что является объектом зрительного восприятия, на более низком уровне по отношению к месту, где находится публика, отражает действительное устройство специальных помещений для обучения медиков, а также позиции войск, осуществляющих боевые действия, и их командования.

Идея противопоставленности какого-л. события обыденной жизни, нарушения установленного порядка, выхода за рамки привычного реализуется в фразеологизмах *делать / устраивать сцены* (ср. *семейные сцены*), *устроить представление / концерт / бенефис*. Указанные ФЕ синонимичны, их объединяет значение «устроить скандал, ссору, поднимать шум, закатывать истерику». В состав данных оборотов входят лексемы, либо называющие театрализованную постановку (*представление*) и ее отдельные части (*сцены*), либо характеризующие зрелище с точки зрения принадлежности к определенному жанру (*концерт, бенефис*). Эти различия являются незначительными, поскольку существенной для формирования их семантики оказывается способность перечисленных существительных именовать подготовленные, срежиссированные выступления, находящиеся в оппозиции привычному течению жизни, привлекающие внимание своей неповседневностью. Дополнительные смыслы запланированности и некоторой наигранности таких событий, а также преувеличения их масштабов и последствий объясняют отрицательные коннотации соответствующих оборотов.

Значение яркости, необычности какого-л. лица, его превосходства над другими людьми может быть передано при помощи ФЕ *артист в душе* («человек, от природы одаренный способностями к перевоплощению»), *артист своего дела* («человек, выполняющий свое дело с большим искусством и любовью»), которые отражают позитивное, возвышенное отношение к актерской профессии, воспринимаемой начиная с эпохи романтизма как настоящее искусство, требующее мастерства и внутренней, творческой работы.

Семантика притворства, фальши находит выражение в многочисленных оборотах, включающих в свой состав ЛЕ *маска* и *личина*, называющие инструмент театральной игры, позволяющий артисту перевоплотиться в другого человека. Фразеологизмы *надевать / носить маску / личину* («притворяться кем-л., скрывать свою подлинную сущность»), *под маской / личиной кого-л., чего-л.* («под видом, под прикрытием чего-л.»), *маска спадет с кого-л.* («кто-л. предстанет в подлинном виде»), *сбрасывать маску / личину* («переставать прикидываться кем-л., чем-л., показывая свою истинную сущность»), *срывать маску / личину* («обнаруживать, выявлять чье-л. притворство, лицемерие»), книжн. *срывание всех и всяческих масок* («полное разоблачение кого-л., чего-л.») связаны с идеей обмана, подмены истинного ложным. Смысловое содержание данных ФЕ складывается в результате осмысления актерской игры как создания видимости, попытки убедить зрителя в том, что не является правдой. Сами действия играющего субъекта образно уподобляются притворству, что выражается в фразеологизмах *играть / разыгрывать роль кого-л., чего-л., играть / ломать комедию*, имеющих значение «притворяться кем-л.; лицемерить».

Большая часть фразеологических оборотов, эксплицирующих образ актерской игры, специализируется на передаче семантики нелепости, странности *чего-л.*, что является смешным и не приветствуется в обществе. Такие ФЕ чаще всего основаны на

осмыслении площадных шутовских выступлений и цирковых представлений, имеющих целью рассмешить зрителей: *разыгрывать дурака* («притворяться глупым, непонимающим»), *разыгрывать шута горохового* («паясничать, дурачиться»), *делать шута (из себя* «паясничать, кривляться, балагурить»; *из кого-л.* «превращать кого-л. в посмешище, предмет забавы»), *фигли-мигли строить* («любезничать, пускаться в уловки, отпускать шутки» – от номинации площадного актера, фигляра), *строить из себя клоуна* («вести себя шутовски, паясничать»). Идея неестественного, глупого поведения кого-л., связанная в сознании носителей языка с исполнителями комедийных ролей, провоцирует закрепление лексем, называющих таких актеров, в бранных фразеологических оборотах, выражающих насмешливое, пренебрежительное или презрительное отношение к какому-л. лицу: *шут гороховый*, *шут полосатый*.

Таким образом, фразеологический состав русского языка включает большое число оборотов, соотносимых с образом театральной игры. Отражая наиболее яркие черты осмысляемой денотативной сферы, данные фразеологизмы выражают ключевые идеи образного комплекса. Большинство доминантных смыслов формируется на основе понимания функции того или иного компонента пропозитивной структуры ситуации актерской игры и выражается при помощи ФЕ, включающих название этих компонентов.

УДК 81'374

Е. В. Ничипорчик

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОСТАВЛЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОВЕРБИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье описываются результаты сопоставительного анализа двух паремиологических словарей с тематически организованной подачей материала. Освещается вопрос о возможности практического решения задачи отражения структуры провербиального пространства в паремиологическом словаре.

Из числа существующих принципов структурирования паремиологических словарей тематический принцип предпочитается паремиографами в том случае, когда целью составителя словаря является картирование паремиологического пространства, выделение концептосфер, из которых оно соткано. «Не сомневаюсь, – пишет В. И. Даль о предпринятом в его словаре расположении пословиц по их смыслу, внутреннему значению, – что это лучший из всех порядков, в каком бы можно было представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода» [1, с. 15].

Да, действительно, в сравнении с лексическим, логическим и тем более алфавитным способами подачи паремиологических единиц тематический принцип имеет немалые преимущества в плане отражения глубинных отношений, которые связывают паремии в паремиологическом пространстве и делают паремиологическую картину мира цельной, а каркасы модели мира «зримыми». Отображение структуры паремиологического пространства в тематических собраниях паремиологических единиц подчинено определенным механизмам, выяснение которых, на наш взгляд, возможно осуществить с опорой на сопоставительный анализ. Для решения данной задачи мы обратились к двум фундаментальным равнообъемным тематическим собраниям, составленным в разное

время и на материале разных языков, преследуя тем самым ещё одну цель – определить, в какой мере с течением времени стали совершеннее методики тематического структурирования паремиологических словарей.

Издание “Пословиц русского народа” В. И. Даля [2] и “Словаря пословиц” В. Боджоне и Л. Массорбио [3] разделяет более ста сорока лет, и поэтому естественно предположить, что данные словари будут существенно отличаться друг от друга. Можно выделить, как минимум, три позиции, по которым целесообразно осуществлять их сопоставление: 1) количество выделяемых тем, характер их наименования; 2) последовательность подачи тем, характер связи между темами (наличие / отсутствие иерархии в тематической классификации); 3) последовательность подачи паремий в тематических группировках.

В сборнике “Пословицы русского народа” В. И. Даля около 30000 провербиальных выражений распределены на 179 групп, в число которых входят как тематические, так и собственно жанровые объединения паремий (загадки, приметы, припевы, присказки, скороговорки и пр.).

В наименованиях тем нет единообразия, однако нет также и абсолютной бессистемности. Л. Б. Савенкова отмечает, что В. И. Даль пользовался как однословными наименованиями тем, так и наименованиями, состоящими из двух и даже трёх слов, связанных антонимическими, синонимическими, квазисинонимическими, синонимико-антонимическими, гипонимическими и другого рода связями логического характера [4, с. 40]. Полагаем, что такой тип объединения пословиц, когда в одну тематическую группу включаются паремии, имеющие отношение к логически сопряжённым концептам (о чём говорят наименования тем, ср.: “Богатство – Убожество”; “Правда – Неправда – Ложь”; “Двор – Дом – Хозяйство”, “Судьба – Терпение – Надежда” и др.), не является плодом субъективного восприятия: В. И. Даль следовал тому, что подсказывал сам материал.

В “Словаре пословиц” В. Боджоне и Л. Массорбио, насчитывающем 30000 единиц, 10 крупных тематических блоков – это первый, наиболее абстрактный уровень членения паремиологических единиц по их значению. На втором уровне членения выделяется 99 тематических групп, а на третьем – 626, часть последних также в свою очередь разделяется на более мелкие подгруппы. Наименования крупных тематических блоков представляют собой либо образования на основе подчинительной связи (“Периоды жизни”, “Повседневная жизнь”, “Жизненные отношения” и т. п.), либо так же, как и В. И. Даля, перечисление категорий, связанных теми или иными логическими отношениями (“Природа, климат, сезоны”, “Общество, государство, религия”, “Добродетели и пороки, достоинства и дефекты”, “Внешний вид и характер”). На втором уровне членения в качестве заголовков выступают однословные либо многословные наименования частных категорий. Например, второй раздел “Сельское хозяйство и животноводство” представлен тематическими группировками, именуемыми следующим образом: II. 1. Сельское хозяйство и основные средства культивации, II. 2. Поле, II. 3. Сад и огород, II. 4. Виноградник, II. 5. Оливковая роща <...> и т. д. Заголовки подтем могут иметь и более сложную структуру, отличную по функции от собственно представления той или иной понятийной категории, особенно на уровне третьего и четвертого членения. Для наглядности приведём полную картину членения одной из глав раздела III “Периоды жизни”:

III.3. Молодость

III.3.1. Природа и характер молодости; достоинства молодости, позитивные свойства молодости

III.3.2. Быстрая потеря молодости, опасности молодости, дефекты молодости

III.3.3. Недостаток уважения у молодых к старикам > III.9.3.

III.3.4. Молодость / старость

III.3.4.1. Расхождения / преемственность в поведении и условиях жизни молодых и старых

III.3.4.2. Причины превосходства стариков над молодыми > III. I.9.6.

III.3.4.3. Молодость и старость как не персональные состояния

III.3.5. Переход от юности к взрослой жизни, освобождение от опеки родителей

III.3.6. Молодость и смерть

Каждая из тематических группировок в словаре, как видим, имеет свой цифровой индекс, указывающий на положение тематического объединения в общей иерархии тем.

В словаре “Пословицы русского народа” В. И. Даля отсутствует иерархия тем и, на первый взгляд, последовательность размещения тем кажется произвольной, однако очевидная взаимосвязь тематических категорий, расположенных контактно, позволяет предположить, что внутренняя логика в следовании тем все же есть. Хотя В. И. Даль и сетовал, что он “далеко не выполнил своей задачи”, связанной с совершенствованием последовательности подачи материала, очищением подборки, терзался оттого, что жизнь не даёт ему возможности вновь всё перебрать [1, с. 15–16], созданная им картина в целом гармонична и целостна.

Л. Б. Савенкова верно заметила, что В. И. Даль стремился “подчинить распределение выражений антропоцентрическому принципу”, так как в центр внимания в большинстве тематических разделов “ставится человек как биосоциальное существо: его духовные и интеллектуальные качества, его состояния, поведение в разных жизненных ситуациях, отношения его с родными, близкими, знакомыми и незнакомыми людьми и т. п., а также быт и культура, в которой существует общество” [4, с. 39]. Добавим, что представление о многообразии сфер человеческой жизни, многообразии проявления биосоциального характера человека и позволило В. И. Далю интуитивно выйти на важнейшие ценностные категории, скрепившие паремиологические миниатюры в логичное повествование. Более того, В. И. Далю удалось обеспечить взаимосвязь тем, “перетекание” одних категорий в другие, в результате сотканное им полотно, как у настоящего художника, характеризуется не плоскостным, а объёмным изображением. Логика расположения материала, диспозиционная стратегия подсказывает, какие категории являются отправными, центральными, вынесены на передний план, какие служат углублению представлений.

Свой словарь В. И. Даль начинает с характеристики духовной жизни человека: рассуждения о Боге, вере, судьбе предваряют обращение к важнейшим философским категориям, представляющим духовные ценности и антиценности, – к категориям счастья, добра и зла. От них Даль переходит к осмыслению правопорядка, государственного устройства, затем к темам войны и мира, согласия и вражды, преданности и предательства, логично масштабируемым до темы жизни вообще. С темы “Человек” (она представляет центральную часть собрания) начинается раскручивание новой “спирали” рассуждения о сущем, притягивающей к себе паремиологические миниатюры о принадлежности человека к отечеству, социуму, языковому сообществу, к определённой социальной группе, выделяемой на основе гендерного или возрастного признака, об одиночестве и супружестве, ведении хозяйства и, наконец, о своем и чужом. Данные категории являются переходными к новому витку рассуждений о социальных отношениях, о корректном и некорректном поведении личности в обществе, о социальной иерархии, любви, дружбе, соседстве, увлечениях и страстях человека, его забавах и мечтах. Выход во внешний мир начинается с месяцеслова, связываемого с земледелием, далее речь идёт о стихиях, суевериях и приметах, о животном мире и флоре. И в завершение – пословицы и поговорки о самих пословицах и поговорках, сказках и песнях.

В словаре пословиц и поговорок В. Боджоне и Л. Массорбио тематическое расположение пословиц обратное, то есть от внешнего мира к человеку, а затем к категориям

морали и духовной жизни. Так же, как и В. И. Даль, итальянские паремиографы при осмыслении композиционной организации словаря позаботились о логической преемственности тем. К такому заключению можно прийти, анализируя порядок подачи ключевых разделов словаря: I. Природа, климат, сезоны; II. Сельское хозяйство и животноводство; III. Периоды жизни; IV. Внешний вид и характер; V. Повседневная жизнь; VI. Жизненные отношения; VII. Собственность и экономика; VIII. Общество, государство, религия; IX. Добродетели и пороки, достоинства и дефекты; X. Радости и страдания жизни, судьба.

Что касается расположения паремий внутри тематических групп, то у Даля это расположение, на первый взгляд, не подчинено какому бы то ни было внутреннему порядку, однако это только на первый взгляд. Осознавая, что между отдельными паремиями, представляющими ту или иную тематическую группировку, существуют связи, характеризующиеся разной степенью смысловой и формальной близости, В. И. Даль стремился помещать рядом паремии, прежде всего близкие по значению и во вторую очередь имеющие какое-либо формальное сходство, например содержащие один и тот же компонент (о таком характере предпочтений говорит хотя бы тот факт, что пословицы с одним и тем же компонентом, представляющие разные логемы, оказываются отдалёнными друг от друга). Для иллюстрации сказанного выше приведём некоторые фрагменты порядка размещения паремий в теме «Одиночество – женитьба»: *Жить-то прохладно, да спать неповадно; На что мягко стлать, коли не с кем спать; И в раю жить тошно одному; Семейная кашка погуце кипит; В семье и каша гуце; Семейный горшок всегда кипит; Гуртовая копейка виднее; <...> Холостой, что бешеный; Холостой – полчеловека; Холостой много думает, а женатый больше того; Холостой – простой, женат – богат, а вдовец – что зяблец; Одинокому – хоть утопиться, женатому – хоть удавиться; Холостому: ох-ох, а женатому: ай-ай!* Наблюдается определённая связь и между отдельными цепочками близких по смыслу паремий в составе всей тематической группы. Таким образом, и внутренняя организация паремий в группах может быть определена как цепная, В. И. Даль поистине писал своеобразную книгу, представляя паремиологическую систему как картину, в которой каждой провербиальной единице отводится своё место.

В. Боджоне и Л. Массорбио, будучи, в отличие от В. И. Даля, филологами по образованию и профессии, прекрасно осознавали, что всё провербиальное пространство пронизано связями составляющих их паремиологических единиц. По этой причине предметом особой заботы паремиографов являлось отражение этих связей на третьем и четвёртом уровнях тематического членения материала, то есть на тех уровнях, когда нужно было обращаться непосредственно к перечню паремий. Тем не менее именно на этих уровнях, стремясь сделать удобным как для читателя, так и для исследователя поиск конкретной паремиологической единицы, авторы обращаются к алфавитному размещению паремий. Казалось бы, логика отражения единой, скрепляющей разрозненные идеи взаимосвязи фрагментов провербиального знания должна нарушиться, однако В. Боджоне и Л. Массорбио находят выход в решении данной проблемы, обращаясь к той же методике, которую когда-то использовал В. И. Даль, а именно к размещению паремий цепочками (внутри цепочек итальянскими паремиографами используется, в отличие от далевского словаря, алфавитный порядок размещения единиц). И здесь В. Боджоне и Л. Массорбио продвинулись далеко вперёд: все паремии, образующие цепочки, перебивающие общий алфавитный порядок движением вглубь, снабжаются цифровыми или буквенными индексами для конкретизации характера связи, на основе которой образуется цепочка. Для иллюстрации более тесной смысловой и формальной связи между паремиями используются цифровые индексы (римские цифры), менее тесной – буквенные. Проиллюстрируем это небольшим фрагментом из словаря:

VI.4.1.1.29 *Non stanno bene due galli in un pollaio* (Плохо двум петухам в одном курятнике).

VI.4.1.1.29.I. *Due galli in un pollaio non van d'accordo* (Два петуха в одном курятнике не придут к согласию).

VI.4.1.1.29.II. *Due galli in un pollaio, due donne in una casa non fanno il paio* (Два петуха в одном курятнике, две женщины в одном доме не подружатся).

VI.4.1.1.29.a. *Due topi in un pertugio: uno va fuori* (Две мыши в одной норе – одной уйти прочь).

VI.4.1.1.29.b. *Due volpi in una tana non possono stare* (Две лисы в одной норе не могут быть).

VI.4.1.1.29.c. *Duro con duro non fa buon muro* (Два упрянца не выстроят хорошей стены). > V.4.1.

VI.4.1.1.29.d. *Non stanno bene due ghiotti a un tagliere* (Плохо двум жадным на одной кухне).

Еще одна проблема, которая возникает при составлении тематических собраний паремий, – это проблема пересечения тем, принадлежности одной и той же паремиологической единицы к разным концептуальным сферам; она решается у В. И. Даля путём повтора паремии в разных тематических группах. В. Боджоне и Л. Массорбио также обращаются к подобным повторам, снабжая при этом паремиологические единицы соответствующими отсылками, что делает удобным нахождение паремии в другом тематическом разделе и даёт возможность читателю удерживать в поле зрения явление многозначности паремии (см., например, выше п. VI.4.1.1.29.c.).

Нельзя не согласиться с В. Боджоне и Л. Массорбио, считающими, что их словарь (при естественном наличии в нём и некоторых слабых сторон) представляет собой уникальное тематическое собрание паремий, выгодно отличающееся от других паремиологических словарей [5, с. XXXVI]. Использование структуры дерева, буквенных и цифровых индексов, системы отсылок, подача паремий цепочками – всё было подчинено решению главной для составителей словаря задачи – высветить “густую сеть отношений, которыми стянуты различные пословицы” [5, с. XXXVI], покрывающие весь контекст человеческого бытия – своеобразного континуума, в котором, по выражению В. Боджоне, “любая прерывность кажется искусственной и в той или иной мере спорной” [5, с. XXXIX].

Как видим, те идеи, которые в “Пословицах русского народа” В. Даля были намечены лишь пунктиром, нашли своё логическое развитие в современных тематических собраниях паремий. Совпадения, обнаруживаемые в паремиографических опытах, осуществляемых на материале разных языков, наводят ещё на одну мысль, мысль о том, что общие черты в частных реализациях тематического принципа структурирования паремиологических словарей обусловлены наличием объективной основы, связанной со спецификой природы паремии, являющей собой языковую универсалию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Даль, В. И. Напутное // Пословицы русского народа / В. И. Даль – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005, С. 5–16.

2 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль – М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во ННН, 2005, 616 с.

3 Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino: UTET, 2007, 654 p.

4 Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002 г., 240 с.

5 Boggione, V. *Lògos, dialogo, letteratura // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbo. – Torino: UTET, P. XXIII–XLVIII.*

УДК 811.161.2 '373.7

Л. М. Печенікова

УКРАЇНСЬКІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ НА ПОЗНАЧЕННЯ ПСИХІЧНОГО СТАНУ ЛЮДИНИ З ОЦІНКОЮ РОЗУМОВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Стаття посвячена структурно-семантичному аналізу фразеосемантичної групи «Психическое здоровье» с оценкой мыслительной деятельности на материале фразеологии украинского языка. Описываются фразеологические подгруппы, репрезентирующие умственные способности человека.

Фразеологізми будь-якої мови віддзеркалюють духовну та матеріальну культуру народу, характерні риси побуту, національно-культурну самобутність. Вагомий внесок у дослідження фразеології здійснили О. О. Потебня, І. І. Срезневський, П. Ф. Фортунатов, О. О. Шахматов, В. В. Виноградов, М. М. Шанський, С. І. Ожегов, Б. О. Ларін, Л. Г. Скрипник. Згодом ідеї цих провідних науковців продовжили розвивати О. С. Ахманова, М. Ф. Алефіренко, І. К. Білодід, Л. А. Булаховський, В. М. Мокієнко, П. П. Плющ, І. Г. Чередниченко, В. Д. Ужченко та інші мовознавці.

Значну роль в українській фразеології відіграє людський фактор, оскільки більшість фразеологічних одиниць (ФО) пов'язані із суспільством, людиною, зокрема і з її здоров'ям, як найвищою цінністю.

З прадавніх часів і до сьогодення питання здоров'я людини є однією з найважливіших проблем світобачення людства, у цьому ми вбачаємо актуальність нашого дослідження, що становить структурно-семантичний аналіз фразеосемантичного поля (ФСП) «Здоров'я» на матеріалі українських фразеографічних джерел.

Метою нашої статті є структурно-семантичний аналіз фразеосемантичної групи (ФСГ) «Психічне здоров'я» з оцінкою розумової діяльності в українській фразеології.

У роботі ми оперуємо поняттям «здоров'я», «психіка», «психічний стан», «розумові здібності» людини. Короткий тлумачний словник української мови поняття «здоров'я» подає як «правильна, нормальна діяльність організму, його повне фізичне та психічне благополуччя». Тобто, «здоров'я» – це комплексне поняття, яке характеризує функціональний стан людини [4, с. 98]. Психічний стан людини ми трактуємо як «психологічну категорію, до складу якої входять різні види інтегрованого відображення людиною як внутрішніх, так і зовнішніх впливів» [6, с. 526]. Отже, розумові здібності людини, на нашу думку, це психічне відображення об'єктивної дійсності в процесі діяльності індивіда. Ступінь розумових здібностей, що відображаються у ФО такого змісту, інтелектуальний рівень людини коливається від високого до мінімального.

Досліджуючи фразеосемантичне поле «Здоров'я» ми проводимо всебічний аналіз фізичного, психічного, духовного та соціального стану людини. Наша картотека ФО на позначення психічного стану людини з огляду на її розумові здібності містить понад 250 одиниць.

Таким чином, розглядаючи фразеологізми на позначення психічного стану людини зі значенням розумових здібностей, виділяємо такі фразеосемантичні підгрупи (ФСПГ):

1. ФСПГ на позначення рівня розумових здібностей людини:

а) Фразеосемантична мікрогрупа (ФСМГ) на позначення високого інтелектуального рівня містить фразеологізми, що мають семи, які передають позитивне та поважне

ставлення до освіченої людини, схвалення високого рівня її інтелекту. Указана група репрезентується такими фразеологічними одиницями (ФО): *мати олію в голові, є лій у голові, з розумом, розуму не позичати, наче всі розуми поїв, живого ума, має царя в голові, послав Бог кебети, розуму палата, шарики працюють, тверда голова, людина з розумом* тощо. Наведемо приклади з художніх творів: – *Аби лиш кебети вистачило, – зауважив Теличко... – Вистачить. В нього шарики працюють, дай Бог* (О. Гончар); – *Якщо маєш трохи олії в голові, то скористаєшся з нагоди і підеш зі мною до мого тата* (Д. Мінковський); *Левко заметикував про бригадира, – казали колгоспники, – от тобі й дурне слово, а в нього макітра розуму* (Ю. Яновський); *Маю клопоть батьківської землі, маю освіту, маю голову на плечах, і яюсь проживемо з Марусею на світі, – сказав Ломицький* (І. Нечуй-Левицький); *У тебе є врода на лиці, у мене є лій в голові, то й поєднаємось* (М. Стельмах); *«Недавно купила, – вказавши поглядом на буфет, з гордістю сказала Мотря. – Хто з головою, той і зараз живе не горює»* (М. Нечай).

б) ФСМГ на позначення низького інтелектуального рівня становлять ФО, що містять сему «відсутність інтелекту» і характеризуються негативною конотацією, наприклад: *без сьомої клепки у тім'ї (не вистачає клепки), розсохлись обручі, не всі дома, у голові й на зяб не орано, з кругів з їхати, як з кручі, дурний піп хрестив, без царя в голові, на в'язах стирчить макітра, клепка повипадала в кого, солом'яна голова, святий дурень, пуста голова (мідний лоб)* тощо. Проілюструємо: *І у дорослих теж чогось вискакували клепки, не варив баняк, у голові літали джмелі, замість мізків росла капуста, не родило в черепку, не було лою під чуприною* (М. Стельмах); *А хоч ви й комнезами, а й вам не можна без царя в голові! – Отаке ляпнула горлопата Зінька* (В. Міняйло); *Досить, що він [Денис] став якийсь, мов без сьомої клепки у тім'ї, змарнів геть і зробився гаком* (П. Козланюк); *Ну, та то вже, мабуть, якийсь виродок з їхнього стану, самі ж бо про неї кажуть, що не всі дома* (Дніпрова Чайка).

2. ФСПГ на позначення рівня здібностей людини мислити та розмірковувати:

а) ФСМГ на позначення адекватного мислення, обдарованості, наприклад: *світла голова, гострий розум, золота голова, людина з іскрою божою, ходяча енциклопедія* тощо. Наприклад: *Брянський – ветеран полку... Золота голова! Коли кінчимо війну, я його обов'язково направлю в Академію* (О. Гончар).

б) ФСМГ на позначення втрати здатності до раціонального осмислення світу та нормам, які не відповідають високому розумовому рівню: *заднім умом жити, короткий (курячий) розум, зовсім ні бум-бум, не бачити далі свого носа* тощо. Проілюструємо прикладами: *Людмила після паузи раптом зітхнула: – І отак я все життя – заднім умом живу. Ну чого я з дому поїхала? І куди мене лиха година несе* (А. Головка); *Наука говорить: у здоровому тілі – здоровий дух. А я чув інакше: сила воляча, а розум – курячий* (Я. Мамонтов).

3. ФСПГ на позначення удосконалення розумових здібностей, серед яких визначимо такі: *свій розум май (людей питай), довести до розуму, брати до тямки, братися до розуму* тощо. Наведемо приклади: *Жінка Гельє та двоє дорослих синів його не могли взяти в тямки, чому такий працюючий чоловік кинув роботу, і від світання до смеркання корили та лаяли його* (М. Коцюбинський); *Пора б уже Андрієві й за розум братися і не чекати, коли він обросте старим парубоцьким мохом* (Д. Бедзик).

Високою фразеотворчою активністю у фразеологізмах на позначення психічного стану людини з оцінкою розумової діяльності визначається компонент «голова», наприклад: *золота голова, світла голова, має царя в голові, з головою, метикована голова, мати олію в голові, є лій у голові, голова варить або галька в голові, жуужалка в голові, джмелі гудуть у голові, без голови, голова з вухами, в голові солома, поранений у голову, засовка (засувка) в голові перегоріла* тощо [2, с. 57].

Дослідження ФО на позначення психічного стану людини з оцінкою розумової діяльності дають змогу окреслити психічні особливості людини в українській етносвідомості, в якій спостерігається негативне ставлення до неосвічених людей і, навпаки, позитивне – до людей з високим інтелектом, здатністю логічно мислити та ін.

У перспективі нашого дослідження є всебічний аналіз фразеосемантичного поля «Здоров'я», яке охоплює фізичний, психічний, душевний і соціальний стан людини.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1 Войтюк, Н. Дихотомія «серце-розум» у фразеологічній системі української мови / Н. Войтюк // Дивослово. 2004. – № 10. – С. 37–39.

2 Ільїна, В. В. Лексико-семантичне поле «розумові здібності людини» на матеріалі фразеологічних одиниць української та англійської мов / В. В. Ільїна // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, 2007, – № 5 (122): філологічні науки. – С. 55–59.

3 Петренко, Л. П. Не від попа залежить (усталені вирази про дурного і розумного) / Л. П. Петренко // Урок української. – 2006. – № 5–6. – С. 32–34.

4 Короткий тлумачний словник української мови / за ред. Д.Г. Гринчишина. – К.: Радянська школа, 1988. – С. 98.

5 Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Освіта, 1998, – 224 с.

6 Щербатых, Ю. В. Дифференцировка психических состояний и других психологических феноменов / Ю. В. Щербатых, А. Н. Мосина. – Казань, 2008, С. 526–528.

УДК 81'373:398.9:81'37:17

Е. В. Резникова

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ С СЕМАНТИКОЙ ПОВОРОТА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье характеризуется образ поворота, показана взаимосвязь между смыслом и целью данной пространственной единицы. Описываются различные образ-схемы поворота. Приводятся примеры переносного употребления лексем со значением поворота, анализируются состав и степень обобщенности выражаемых коммуникативных целей, а также семантика поворота в случае моделирования отвлеченных понятий.

В последние десятилетия, в особенности начиная с 90-х годов XX в., в центр исследовательских интересов учёных активно выдвигаются проблемы, связанные с различными проявлениями личностного начала в языке. По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика обеспечивает «выход через детальный анализ языковых форм со всей спецификой “упаковки” в них человеческих знаний к пониманию того, как работает человеческий разум» [1, с. 490]. Рассмотрение языковых фактов с точки зрения отражения в них когнитивных процессов концептуализации и категоризации окружающего мира предполагает изучение когнитивных структур и их языковых репрезентаций [2, с. 37].

Согласно экспериенциальной теории Лакоффа [3], базовые концептуальные структуры основаны на эмпирическом опыте личности. Так, образ поворота базируется на телесном опыте человека, который поворачивается вокруг своей оси. Это простейшее физическое действие, которым человек овладевает в раннем возрасте:

поворот головы, корпуса, всего тела (*повернуться, обернуться, отвернуться*). Можно также развернуть кого-либо в нужную сторону (*повернуть лицом к чему-л.*) или совершать манипуляции небольшим предметом, поворачивая его разными сторонами (*вертеть в руках авторучку*). Образ поворота имеет массовое распространение именно благодаря своей укоренённости в доконцептуальном, эмпирическом опыте человека, в ежедневной практике. Как будет показано выше, эти простые физические действия имеют широкий спектр семантических наслоений, т. е. являются концептуальными образованиями. В научной литературе такие ментальные модели называются образ-схемами – «повторяющимися динамическими образцами наших процессов восприятия и наших моторных программ, которые придают связность и структуру нашему опыту» [4, с. xiv].

Смысл действия поворота задаётся прежде всего его целью. Так, мы можем повернуться, чтобы изменить направление движения (*повернуть в другую сторону*), переключить внимание и /или зафиксировать внимание на новом объекте (*обернуться к доске*), можем повернуться к источнику зрительной, слуховой, обонятельной информации для её восприятия и понимания. Аналогично, вступая в коммуникацию, мы поворачиваемся лицом к собеседнику с целью установления контакта с ним, передачи информации, воздействия (*она обратилась за помощью к случайному прохожему*). Напротив, отворачиваясь, мы можем преследовать такие цели, как завершение акта общения, приёма или передачи информации, отказ от вступления в коммуникацию, попытка скрыть информацию, которая может отразиться на нашем лице (при недоговаривании или обмане), спрятаться (смущение), наконец, продемонстрировать собеседнику негативное отношение, отвернувшись от него.

Таким образом, уже самое физическое действие поворота нагружено широким спектром смыслов. Абстрагируясь от конкретного образа, слова с семантикой поворота начинают реализовывать только его целевой аспект, теряя порой даже видимую этимологическую связь с породившим их эмпирическим действием. Так, в слове *верста* этимологический корень *vert (*вертеть*) связан буквально с образом пахаря, доведшего полосу до конца и *повернувшего* на другую. Ср.: *повернуть оглобли* (уйти ни с чем), *обратиться в бегство*.

Образ-схема поворота имеет три составляющих: субъект, объект и собственно действие поворота. Семантика образа зависит от конкретной схемы расположения этих компонентов:

Во-первых, важным является то, сам ли субъект поворачивается к объекту или поворачивает объект действия. Она *обернула* ко мне вдруг просиявшее лицо (В. Аксенов) – поворот субъекта действия к объекту. Субъект способен также воздействовать на объект и разворачивать его другом направлении (так обычно моделируется поворот большого объекта): *обратить* (кого-л.) на путь истины; ...студенточка *обернула* всех в противоположную сторону репликой... (В. Рецептер). Манипуляции с небольшим объектом обычно моделируются как поворот его разными сторонами: *вертеть в руках авторучку*. Например: *Человек из приёмной комиссии испуганно вертел мой аттестат* (Ф. Искандер). Тот же образ сохраняется и в метафорическом употреблении: она *вертела*, как хотела, дипломатическим клубком (Ф. Тютчев); *покажись такая в Сам-Петербурге, царями бы вертела* (П. Бажов); *как ни крути, подобные сентенции не лезут ни в какие ворота* (И. Медведева, Т. Шишова) и т. п.

Во-вторых, коммуникативно значимым является то, поворачивается субъект действия к объекту лицом или спиной: Режиссёр должен предложить своё решение драмы, тогда она и *повернётся лицом*. А так позиция автора не выявлена (Из речи). Щедрый Прованс <...> *повернулся* к семье Золя *спиной* (СИ). *Приносит тебе человек ценные экспонаты, отдаёт, заметь, задаром, а ты нос воротил, отказываешься* (Ю. Домбровский). Поворот лицом несёт семантику адресованности,

фиксации внимания на объекте, готовности к диалогу, расположенности к собеседнику и желания самому раскрыться и быть понятым. Напротив, поворот спиной (выражаемый также лексемами *отвернуться*, *отвертаться* и их производными) может означать завершение диалога или отказ от вступления в коммуникацию, нежелание слушать собеседника и самому быть услышанным и понятым, выражение нерасположения, отрицательной оценки.

В-третьих, важен характер собственно действия поворота: однократный или многократный, полный или частичный поворот, в одном или в разных направлениях, законченное или не законченное действие. Например: *Блок был весь **обращён** к туманно-зыбкому провидению* (З. Гиппиус) – действие поворота однократное, завершённое, и выражаемая цель – не столько перемещение взгляда (переключение внимания), сколько статичная адресованность, фиксация внимания на объекте. Другие примеры, актуализирующие динамическую составляющую образа, многократность действия или его длительность, воплощают иные смыслы. Так, в примере *в отличие от нас, русские забывают о звезде, на которую держит курс корабль, и слишком уж **вертят шеей по сторонам*** (Б. Акунин) многократность и разнонаправленность действия поворота выражают противоположный смысл: отсутствие сосредоточенности на главном объекте внимания, устремлённости к цели.

Как показал анализ, все эти особенности реализации образа способствуют воплощению разных действий с различными целевыми установками. Рассмотрим на примерах, как те или иные целевые установки жеста поворота реализуются на разных уровнях абстрагирования. В эмпирической ситуации, когда преподаватель, оборачиваясь к доске, произносит фразу: ***обратимся** к примерам*, усмотреть физическое действие поворота возможно, однако главное в примере – не само действие, а его цель: переключение и фиксация внимания аудитории на примерах, написанных на доске.

На следующем уровне абстрагирования собственно поворота уже нет, однако могут оставаться какие-либо его составляющие, например, направленность или ракурс: ***улыбка** была **обращена** не к Глебову* (Ю. Трифонов). И здесь главным является не эмпирический компонент, а цель – адресованность улыбки.

Ещё менее материальны чувства и ментальные процессы, но и они регулярно моделируются с помощью того же образа: *весь съезд к нему **обратился** сострадательной любовью* (митрополит Антоний [Блум]); ***обратим** внимание на ещё одно обстоятельство* (Д. Лихачев); *танец возродится, как только хореографы **обратят** свои взоры к фольклору* (Костромская «Карусель»); *у нас в России есть образ молодого человека, к нему **обращена** эстетика и общественное воображение* (В. Аксенов). *Он **обратился** памятью к Розе Люксембург* (А. Платонов).

Эти примеры характеризуются высокой степенью абстрактности и на первый взгляд совершенно оторваны от породившего их образа. Этому способствует и затемнённая этимология, связанная с известными историческими изменениями в корне *vert. Однако смыслы, которые в них реализуются, осознанно или нет, присутствуют уже в эмпирическом действии поворота.

Если рассматривать состав и степень обобщённости выражаемых целей на различных уровнях абстрагирования, то материал показывает, что наибольшие разнообразие и конкретизация целей наблюдаются при наибольшей «материальности» образа, т.е. при актуализации его эмпирической составляющей. Так, в предложении *Она **обернула** ко мне вдруг просиявшее лицо* (В. Аксенов) реализуется целый спектр целей: переключение внимания, фиксация на новом объекте, установление контакта, восприятие информации (готовность слушать и понимать), ответная передача информации, желание высказаться и быть понятой, наконец, выразить своё расположение к собеседнику.

Напротив, чем выше степень отвлечённости денотата, тем меньше набор выражаемых целевых установок и тем большей обобщённостью они характеризуются. *Наши громкие обращения привлекли внимание часового* («Солдат удачи»). В этом примере *обращения* – речь субъектов, адресованная часовому, однако эта ситуация не исключает и физического действия поворота к собеседнику, и целевые установки также различны, хотя и менее многообразны, чем в предыдущем примере: фиксация внимания, установление контакта, передача информации, воздействие. Кроме того, в примерах образного моделирования речи обычно присутствует характерная целевая установка: цель конкретной коммуникации (в данном случае – просьбы о помощи).

При переносе способа осмысления с речи на её результат (текст, слово), набор выражаемых смыслов ещё более сокращается. Например, лингвистический термин *обращение* обозначает «слово или группу слов, называющих лицо, предмет, к которому обращаются с речью», т. е. выражает только такие цели поворота, как адресованность, установление контакта, вступление в коммуникацию.

При моделировании наиболее отвлечённых понятий, таких, как ментальные процессы, чувства, воля (при характеристике внутреннего мира человека) и др. в образе поворота часто актуализируется лишь одна цель – направленность. Сравним в контексте: *Именно обращённость, адресованность результата действия задаёт его проблемность и завершённость* (Б. Эльконин). Понятие результативности действия высоко абстрактно, и образ поворота реализует здесь наиболее общую цель – адресованность. Наконец, в некоторых фразеологизмах образ поворота редуцируется до действия вообще: *рука не повернётся что-л. сделать, язык не поворачивается сказать* (ср.: *пальцем не пошевелить*).

Итак, различные уровни абстрагирования образа демонстрируют перенос не слова, но способа осмысления с конкретного эмпирического действия поворота на различные как материальные, так и идеальные денотаты. Моделирование различных абстрактных ситуаций в образе физического поворота позволяет, во-первых, помыслить эти абстрактные ситуации, которые иначе помыслить просто невозможно. Во-вторых, использование образа как единого способа осмысления различных денотатов служит для экономии языковых, а точнее, когнитивных средств оформления мысли, и, следовательно, усилий порождения и понимания речи. Наконец, оживление стёртых метафор и метонимий является мощным экспрессивным средством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004.

2 Кибрик, А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А. Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах – М., 1987.

3 Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.

4 Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason / M. Johnson. – Chicago, 1987 [Цит. по: Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997].

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА *БАЛЫ БИТЬ (ТОЧИТЬ)*

В статье рассмотрена история формирования диалектного фразеологизма балы бить (точить). Направление структурно-семантической трансформации ФЕ балы точить и её именного компонента позволяют проследить только диалектные словари. Первоначально слово балы употреблялось с глаголом точить, затем под влиянием синонимичных фразеологизмов развилась сочетаемость с глаголом бить.

В готовящемся к изданию «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) наряду с диалектной лексикой широко представлена диалектная фразеология могилевско-смоленского региона. Из устойчивых сочетаний в Словарь включены только диалектные фразеологические единицы (ФЕ), которые имеют в своем составе диалектный компонент, выраженный либо словом, известным в говорах могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) и в свободном употреблении, либо словом, имеющим лишь фразеологически закрепленное употребление. Среди диалектных фразеологизмов СМСПГ выделяются ФЕ, которые входят «в довольно обширное гнездо устойчивых сочетаний (во главе с общеупотребительным *бить баклуши*), имеющих не только сходную структурно-семантическую модель, но и объединяющихся характером внутренней формы» [4, с. 108]. Единицы этого фразеологического гнезда, закрепившиеся во всех формах современного русского языка (литературной, разговорно-бытовой, диалектной) и имеющие параллели во всех восточнославянских, а также балтийских языках [4], давно привлекали внимание исследователей, в том числе и белорусских. Так, известный фразеолог А. С. Аксамитов приводит ряд белорусских и русских фразеологизмов, имеющих узкое инвариантное значение ‘бездельничать’ и построенных по продуктивной модели «стержневое слово *бить* + существительное-некротизм во множ. числе» [1, с. 209]. Другой исследователь белорусской фразеологии, И. Я. Лепешев, отмечает, что глагольный компонент таких ФЕ «семантически пустой, вспомогательный, а субстантивный выполняет смыслообразующую функцию» [5, с. 20] (перевод наш – авт.). В. И. Коваль, излагая иное понимание природы фразеологизмов этой модели, исходит из того, что глагольный компонент *бить*, в значительной степени десемантизированный, «реализует не прямое значение (*ударять*), а экспрессивно-грамматическую, категориальную функцию (*бить* – ‘выявлять, показывать, демонстрировать’); «семантика именных (смыслообразующих) слов-компонентов, которые во многих случаях соотносятся со словами свободного употребления, обозначающими не конкретные предметы (объекты *битья*, ударов), а либо отвлеченные негативно оцениваемые явления (*болтовню*, праздность, пустое времяпрепровождение), либо их носителей (*болтунов* и *бездельников*)» более «широкая» (и в то же время более устойчивая) [4, с. 109]. Структурно-семантическую модель таких ФЕ автор представляет формулой «*бить* + *болтовня*, *безделье/болтун*, *бездельник* = ‘болтать, бездельничать’», которая позволяет вывести их универсальную внутреннюю форму: ‘демонстрировать, выявлять, обнаруживать очевидные признаки *безделья* – *лень*, непригодность к работе, *болтовню*’ [4, с. 110]. Можно согласиться с тем, что «смысловый переход «*болтовня*, *пустословие* → *безделье*», реализующийся в подобных фразеологизмах, вполне очевиден и обоснован» [там же].

Представленные в СМСПГ фразеологизмы данной структурно-семантической модели «выстраиваются» в два семантических ряда, реализующих свойственные

этим ФЕ значения – (I) ‘болтать; вести пустые, бесполезные разговоры’ и (II) ‘бездельничать’.

(I) БИТЬ (ТОЧИТЬ) + БАЛЫ (БАЛЫ), БАЛЫШКИ; **БАЛЫ (БАЛЫ) БИТЬ (ТОЧИТЬ)** Делать нечива вичирами, во и балы’ бьют на лаўки у Макарыхи. Кр. Буда, Крич. Мгл.; Ланна, хватить ба’лы бить. Вечирам нагаваритися. Соино, Хисл. Смл.; У хати ня прыбрана, а яна ходит на дварам и точить ба’лы. Ст. Дедин, Клим. Мгл.; Кали гавориш што-та пустая – балы’ точиш. Любавичи, Мон. Смл.; **БАЛЫШКИ БИТЬ (ТОЧИТЬ)**. Надаела мне з вами, деўки, балышки тачить, пайду гряды палоть. Узлогги, Хот. Мгл.; Сусетки да жонки придуть и увесь вечир сидять, бьют балышки. Кузьмичи, Ерш. Смл.; **БАКЛОНКИ, БАЙДЫ, БАЙДИКИ, БАЛДЫ, БАЛУИ, (II) БИТЬ + БИЗИКИ, БЕЛЕНДРЯСЫ, БРЫНДЫ, БЛЫНДЫ БЭСТАЛЫ; БАКЛОНКИ БИТЬ**: Унучка ўсё лета баклонки била, ходь ба што-небудь пьмыгла зрабить. Полошково, Клим. Мгл.; Гудувала я сына свайво адна, думала, памочник будить, а ён во работыть ня хочить, цэлыми днями баклонки бье. Соино, Хисл. Смл.; **БАЙДЫ БИТЬ**: Яму п усё байды бить, а як пыпрашу што зрабить, дык аднеквыицца. Кр. Буда, Крич. Мгл.; Кали чилавек ничиво ни дельить, пра яво гывырять: во байды бьеть мужык. Любавичи, Мон. Смл.; **БАЙДИКИ БИТЬ**: Зимой на вичирах, кали сильная стюжа была, мы байдики били ды песни стивали. Звенчатка, Клим. Мгл.; **Байдики бить** – то ж ничяво ня дельить. Любавичи, Мон. Смл.; **БАЛДЫ БИТЬ**: Дет мой усё балды биў: то на рыбу хадиў, то веники ў гайку визаў, а работа стаить. Ст. Дедин, Клим. Мгл.; Ну што ты ўвесь день балды бьеш, иди з батькам стох класти! Любавичи, Мон. Смл.; **БАЛУИ БИТЬ**: Я ўжо сёньня наработылася, хочить. Шчас буду балуи бить. Тростино, Хот. Мгл.; Пра таго, хто никыда ни работыть, гаворять: «Ён балуи бьеть». Любавичи, Мон. Смл.; **БЕЛЕНДРЯСЫ БИТЬ**: Ну што эта за хлопц таки? Гультаюга нейки! Иди работать, нима чаго билиндрысы бить! Звенчатка, Клим. Мгл.; **БИЗИКИ БИТЬ**: У дярёуни тяшка жыть. Эта вам ни ў горади бизики бить. Звенчатка, Клим. Мгл.; Можя, хочить бизики бить? Пойдим на лух, сена трэба грэсци. Кр. Буда. Крич. Мгл.; А хто бизики биў, таму ничога и ни платили. Соино, Хисл. Смл.; **БРЫНДЫ БИТЬ**: Ну кольки ж можна брынды бить? Я ш старая ужю, ни магу я адна воз еты вести. Еловец, Хот. Мгл.; Сёньня ўвесь день на речки брынды били, а баба во сена адна грибла. Кузьмичи, Ерш. Смл.; **БЛЫНДЫ БИТЬ**: Цэлы день блынды била, дык тяперачка иди работай! Кулешовка, Клим. Мгл.; **БЭСТАЛЫ БИТЬ**: Хлопцы маладыя ходять, бэсталы бьют, а хто ж работать будить? Шамово, Мст. Мгл.

О широкой распространенности в диалектах ФЕ данной структурно-семантической модели свидетельствует репрезентация приведенных фразеологизмов в региональных словарях, изданных в разное время. В качестве примера в нашей работе рассматривается фразеологизм речевого поведения *балы бить*. Так, в «Словарь русских народных говоров» он включен со значением ‘заниматься болтовней’ [6; 2, с. 88]. В «Ярославском областном словаре» приводится и слово *балы*, и фразеологизм с этим компонентом: **БАЛЫ** мн. Разговоры. ◊ Б а л ы точить (говорить). Балагурить, шутить [12; 1, с. 38]. Как видим, особенность лексемы *балы* в ярославских говорах – отсутствие экспрессивно-оценочной коннотации в ее семантике. В региональных словарях, частично содержащих лексику и фразеологию зоны белорусско-российского пограничья («Словарь смоленских говоров», «Брянский областной словарь»), фразеологизм *балы бить* не зафиксирован, но он представлен в СМСПГ. Согласно материалам нашего Словаря, указанный фразеологизм употребляется как на смоленской, так и на могилевской пограничной территории, причем повсеместно он имеет хождение с вариантными компонентами – фонетическими вариантами именно-го компонента *ба’лы* и *балы’* и лексическими вариантами глагольного – *бить* и *точить* (примеры см. выше). Именной компонент *балы* в ГМСР в свободном употреблении пока не обнаружен, однако в «Словаре смоленских говоров» приводится

отдельное слово *ба'лы* со значением 'веселье, бессодержательные разговоры, болтовня', зафиксированное в Дорогобужском, Духовщинском и Сафоновском р-нах, т. е. в центральной и восточной частях Смоленской обл., а также на северо-западе, в Рудненском р-не [8; 1, с. 98].

Современные исторические и историко-этимологические словари, а также толковые словари XIX в. представляют ретроспективу этих диалектных единиц – лексической и фразеологической. В «Словаре русского языка XVIII века», где помещены слова, впервые отмеченные в текстах эпохи формирования национального русского языка на основе живой народно-разговорной речи, слово *балы* приводится с пометой *просторечное* и с более широкой, чем в последующих лексикографических источниках, экспрессивной семантикой: **БАЛЫ**, мн. Болтовня; пустые или льстивые речи. Словарная статья включает также три фразеологизма, в том числе и ФЕ *точить балы* с той же расширенной экспрессивной семантикой – 'говорить льстивые или обманчивые слова; болтать' [7; 1, с. 134].

Классические лексикографические источники XIX в. – «Словарь церковнославянского и русского языка» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля – содержат словарные статьи с разработкой слова *балы*, а в иллюстративной части – соответствующий фразеологизм: **БАЛЫ**, мн. Пустые забавные рассказы. – *Балы подпускать. Балы точить*, зн. говорить что-нибудь забавное... [9; 1, с. 42]; **БАЛЫ**, мн. ...Рассказни, пустой, забавный разговор, шутки, веселье, остроты. *Точить балы; заниматься балами. Полно балы точить, пора голенища строчить. Эти балы семигодовалы*, это старо, не проведешь [3; 1, с. 44]. Территория бытования слова и фразеологизма, а также сфера их использования здесь не указываются, но примеры-иллюстрации свидетельствуют о преимущественном употреблении этих языковых единиц в живой народной речи.

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского (отдельная словарная статья здесь отсутствует) слово *балы* используется в качестве этимона при обосновании происхождения и толковании значения таких слов, как *балагур, балалайка, баловать*, с указанием на исходное значение этимона – 'лясы, рассказы, шутки' или 'лясы, рассказы, разговор' – и его диалектную закрепленность [11, с. 27]. По образному выражению П. Я. Черных, оно входит «в семью многочисленных слов с основой *бала-* (*балакать, балаболка* и т. п.)», имеющих общеславянские корни [10; 1, с. 67].

В современных нормативных словарях русского языка лексема *балы* не представлена, равно как и во фразеологических словарях отсутствует ФЕ с указанным компонентом. Следовательно, только диалектные словари позволяют проследить общее направление структурно-семантической трансформации ФЕ *балы точить* и ее именного компонента. Слово *балы* во всех говорах, за исключением ярославских, сохранило экспрессивность семантики при сужении ее объема (утрачен оттенок значения 'льстивые речи'). Представленные нами фрагменты словарных статей из словарей разных типов свидетельствуют, что во фразеологизме оно первоначально употреблялось с глаголом *точить*. В говорах под влиянием синонимичных фразеологизмов с именными компонентами типа *байки, балды, балышки*, сочетающимися с глаголом *бить*, развилась вариативность глагольного компонента ФЕ, вследствие чего пополнилось гнездо устойчивых сочетаний указанной структурно-семантической модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
- 2 Брянский областной словарь / отв. ред. Н. И. Курганская. – Брянск, 2007.
- 3 Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. / Владимир Даль. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.

4 Коваль, В. И. Диалектный брянский фразеологизм *кайсы бить* и его восточнославянские и балтийские параллели. / В. И. Коваль // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: провинция как социокультурный феномен: материалы международной научно-практической конференции (г. Новозыбков, Брянская обл., 22–23 октября 2009 г.) / Федеральное агентство по образованию РФ; Брянский гос. ун-т имени акад. И. Г. Петровского; ред. кол.: В. Н. Пустовойтов [и др.] – Брянск: РИО БГУ, 2009. – С. 108–111.

5 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск, 1981.

6 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 2. – Л.: Наука, 1970.

7 Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Вып. 1. – Л.: Наука, 1984.

8 Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. – Вып. 1. – Смоленск, 1974.

9 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. – Томъ 1. – Второе издание. – Санктпетербургъ, 1867.

10 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 6-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

11 Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под общ. ред. С. Г. Бархударова. – М., 1961.

12 Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. – Вып. 1. – Ярославль, 1981.

УДК 81.161.1:[81'373.6:398.9]

Е. И. Тимошенко

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА *НАГРЕТЬ (ГРЕТЬ) РУКИ*

*В статье предлагается этимология фразеологизма **нагреть (греть) руки**, основанная на экспрессивно-оценочном переосмыслении исходной для глагола **греть** семы 'огонь' (на фоне регулярных негативно окрашенных переносов в семантической структуре других глаголов данного понятийного поля).*

Во фразеологических и этимологических источниках устойчивый оборот *нагреть (греть) руки* рассматривается как собственно русское выражение, проникшее в литературный язык в 18 веке из воровского арга [1, с. 86]. Его возникновение объясняется обычаем разводить костер во время поминовения усопших, для того чтобы «душа покойника могла прийти погреться у костра, погреть руки» [2, с. 608].

Обычай возжигания костра принадлежит к традиционным для славян формам общения с предками. Покойников грели не только сразу после смерти и погребения, но и во время различных праздников – на Рождество, под Новый год, Крещение, на Страстной неделе и др. Для подобного поминовения можно было не только разжигать костры, но и жарко топить печь, сжигать мусор, стружки или солому [3]. Основным смыслом «грения» покойников было, таким образом, стремление выразить уважение к умершему, сохранить память о нем и вступить в своеобразное общение, что в целом позволяет

говорить об этом обычае с положительной точки зрения. Подобный положительный контекст обряда, на наш взгляд, затрудняет логичное объяснение формирования значения рассматриваемого фразеологизма – ‘нечестно нажиться, разбогатеть на каком-либо деле’, – имеющего ярко выраженную отрицательную оценочность. В общепринятой трактовке происхождения фразеологизма настораживает и тот факт, что семантика, связанная с отражением древней славянской обрядности, переосмыслилась известным образом именно в такой маргинальной социальной среде, как воровская. Кроме того, обычай «греть покойников» предполагает прежде всего общение с **душами** умерших, т. е. то, что греться приходят души, а не сами покойники, чтобы греть руки (тем более не может прийти погреть руки душа, как об этом сказано в цитированной словарной статье).

Объяснение внутренней формы фразеологизма возможно на фоне выявления закономерных семантических изменений, которым подвергается исходное значение, выражаемое глаголом *греть*, а также другими глаголами, близкими ему по значению. Одним из проявлений системности лексико-семантического уровня языка является, как известно, однотипность семантической структуры слов, сходных в своих основных значениях. Тождество семантической эволюции исходных значений приводит к формированию тождественных же (или близких) значений переносных. Так, в семантической структуре слов, исходно называющих различные «температурные» признаки, регулярно обнаруживаются производные абстрактные значения эмоционального состояния человека. Физические ощущения тепла и холода лежат в основе семантического сдвига, приводящего к формированию обозначений таких абстрактных понятий, как *горе*, *печаль*, *стыд*, *мерзость*. Указанный тип переноса является семантической универсалией.

Глагол *греть* ‘испускать, отдавать тепло’ также обнаруживает в структуре своего лексического значения в качестве одной из основных сему ‘огонь’. Эта же сема обнаруживается и в основных значениях целого ряда других глаголов – *варить*, *гореть*, *жарить*, *калить*, *парить*, *палить*, *полыхать*, – которые, таким образом, могут быть объединены в одну семантическую группу. Как показывает языковой материал, исходное представление о физическом, а именно тепловом, признаке явлений или состояний (сема ‘огонь’) оказывается основой формирования целого ряда переносных значений. Типология выявленных семантических переносов может быть представлена следующим образом.

1. «Подвергаться воздействию огня, гореть → бить ударять, колотить»: *огреть* (лит., прост.) ‘сильно ударить’; *полыхнуть* (прост.) ‘с силой ударить (обычно чем-л. острым, режущим)’. – *Как он его, милый человек, полыхнет прикладом-то в самые зубы... – радостно говорил один из солдат.* Л. Толстой; диал. (киров.) *напарить* ‘побить колотить’. *Как вернется, так и напарю его* (СРНГ, 20, с. 63); (ворон.) *запекать*, *запечь* ‘сильно ударить, прибить, приколотить’ (СРНГ, 10, с. 310); (смол, тул.) *нажаривать*, *нажарить* ‘сильно бить, колотить’; (ряз.) *нажигать* ‘побить, нахлестать’; (волог.) *накалить* ‘наказывать, настегать’. *Накали хорошенько кота* (СРНГ, 19, с. 266, 270, 305).

2. «Подвергаться воздействию огня, гореть → быстро, интенсивно осуществлять какое-либо действие»: лит. (прост.) *жарить* ‘употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т.п.’; диал. *наварить*, *наваривать* ‘делать что-л. очень быстро, спешить. // Идти, ехать быстро, спешить’; (смол., тул.) *нажаривать* ‘делать что-л. с усердием, энергично; наяривать’ (СРНГ, 19, с. 151, 266); *палить* ‘употребляется для обозначения действия, выполняемого с особой силой, азартом; жарить. // Быстро ехать, идти, бежать’ (СРНГ, 25, с. 171); (кемер.) *полыхать* ‘делать что-л. с особым усердием, старанием’. *Брат плуг купил, польиет и польиет, все пашет*; ‘мчаться во весь дух (верхом)’ (СРНГ, 29, с. 180).

3. «Подвергаться воздействию огня, гореть → находиться в каком-либо состоянии или испытывать какое-либо чувство, которое проявляется интенсивно, с большой силой»: лит. *гореть* ‘быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью

отдаваться чему-л. (какому-л. чувству, делу)'. *Гореть ненавистью; И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может...* А. Пушкин; (то же в устойчивых сочетаниях *голова, душа* или *сердце горит* – 'о состоянии сильного возбуждения или волнения'); *загореться* 'воодушевиться, оказаться охваченным сильным желанием деятельности, стремлением к достижению чего-л.'; безл. 'внезапно сильно и неудержимо захотеться'; диал. (твер.) *обварить* в функции безличного сказуемого 'о чувстве оторопи, ощущении мурашек от страха' (СРНГ, 21, с. 356); *палить* (безл.) 'нестерпимо хотеться'. *Пить палит* (СРНГ, 25, с. 171).

4. «Подвергаться воздействию огня, гореть → приводить кого-л. или оказываться в очень тяжелом (в том числе физическом, физиологическом), неприятном, невыгодном положении; терпеть неудачу»: лит. *запариться* 'сильно устать, утомиться от напряженной работы, беготни, суеты'; *заварить* 'затянуть, начать что-л. сложное, требующее хлопот, деятельности и т. п.', то же в составе фразеологизма *заварить кашу*; разг. *гореть* 'быть под угрозой срыва, провала из-за опоздания, упущения сроков'. *Путевка горит; обжечься* 'потерпеть неудачу, поплатиться чем-либо при попытке сделать что-л., добиться чего-л.'. *У стариков есть это: например, если они на чем-нибудь обожглись, они твердо уверены, другой непременно обожжется на том же.* Н. Гоголь; сравн. в составе фразеологизма *обжегшись на молоке, дуют на воду*; диал. (том.) *полюхать*, в безличном употреблении *полюшет* 'сильно рвет кого-л.' (СРНГ, 29, с. 180); *обжариться* (твер.) 'испытать крушение планов, неудачу, разочарование, обмануться в надежде' (СРНГ, 22, с. 43). Белорусским говорам известен фразеологизм *спыкты гарбуза* в значении 'отказать сватающемуся': *А як ны хочэ дівка, як откажэ, то вжэ кажуть, што гарбуза спыкла... А того гарбуза ніхто ні пык.* Сравн. также укр. *печеного гарбуза піднести* 'отказать сватающемуся'.

5. «Подвергаться воздействию огня, гореть → ругать, бранить, сердиться; наказывать»: лит. (прост.) *греть* (сов. в. *взгреть*) 'порицать за что-л., высказывать неодобрение; бранить, ругать'; *упечь* (прост.) 'отправить куда-л. против воли. // Лишить свободы, подвергнув какой-л. каре'; диал. (смол.) *запекать (запечь)* 'бранить'. *Мачеха лихая: дуже сирот запекает*; (пск.) 'отправлять, ссылать кого-л. далеко' (СРНГ, 10, с. 309-310); (ворон.) *отпалить, отпаливать* 'сказать что-л. со злобой, гневом, раздражением' (СРНГ, 24, с. 266); (костром.) *напекать* 'надоедать, допекать' (СРНГ, 20, с. 67-68); *опекать* 'донимать, допекать кого-л.', (курск.) 'оскорблять, огорчать' (СРНГ, 23, с. 247); (свердл.) *накалка* 'ругань' (СРНГ, 19, с. 305); *палиться* 'браниться' (СРНГ, 25, с. 171).

6. «Подвергаться воздействию огня, гореть → обманывать, вести себя нечестно; нести самому или вводить другого в убыток, ущерб». Данная модель семантического переноса особенно распространена в говорах: (тамб.) *наварить (наваривать)* 'причинить убыток', во фразеологическом обороте *наварить ухо* (арх.) 'прогулять, пропить, промотать деньги'. *Денег всего только полтинник остался, и тому наварил ухо* (СРНГ, 19, с. 151); (нижегор.) *нажигаться* 'обманываться, конфузиться' (СРНГ, 19, с. 270); (пск.) *опекать* 'обманывать, надувать' (СРНГ, 23, с. 247); (урал.) *палить* 'нерасчетливо тратить деньги'. *Ну что ты палишь и палишь деньги, а толку нет* (СРНГ, 25, с. 171); (перм.) *закалить* 'взять и не отдать, присвоить, зажилить' (в языке детей). *Налитка (битка) у меня славная была – Ванька закалил* (СРНГ, 10, с. 114); (яросл.) *огреть* 'обмануть, надуть'. *Купец меня огрел* (смол.) (СРНГ, 22, с. 354); (твер.) *полюхать* 'расходовать много, безрассудно (деньги)'. *Как он полюхнул деньгами* (СРНГ, 29, с. 180). В литературном просторечии глагол *нагреть* не только в составе устойчивого выражения, но и в свободном употреблении выступает в значении 'обманом, хитростью и т. п. ввести в убыток'. – *Понагрел ты Калистратушку. – Ну, его нагреть не грех. Сам снимает крест с убогого.* Н. Некрасов (СРЯ, II, с. 340).

Таким образом, сема 'огонь', являющаяся основной в глаголах рассматриваемого семантического поля, мотивирует целый ряд переносных значений, связанных,

во-первых, с интенсивностью проявления действия или состояния, и во-вторых, с отражением негативных, нежелательных, оцениваемых крайне отрицательно действий, состояний, поведенческих характеристик человека, в ряду которых оказывается и надувательство, обман другого человека с целью собственного обогащения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Шанский, Н. М. Опыт этимологического анализа русских фразеологизмов / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М., 1987. – 240с.
- 2 Бирих, А. К. Русская фразеология / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // Историко-этимологический словарь / под ред. д. ф. н., проф. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
- 3 Греть покойников / Словарь Дома Сварога. Языческий портал // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pagan.ru/slowar/g/greter1pokoјnikow0.php>.

УДК 81.161.3:398.9-026.613.6

Т. В. Трубка

СІМВОЛІКА КАМΠΑНАЕНТАЎ СІНІ, БЛАКІТНЫ Ў ФРАЗЕАЛАГІЗМАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

*На матэрыяле фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з кампанентамі **сіні**, **блакітны** вызначаецца сімволіка адзначаных колеранайменняў, захаваная і прадстаўленая ў складзе фразеалагізмаў.*

Каляровая сімволіка мае старажытнае паходжанне, з'явіўшыся ў тыя часы, калі чалавек навучыўся здабываць і выкарыстоўваць прыродныя фарбы. З тых часоў каляровы сімвалізм прайшоў вялікі шлях, таму некаторыя колеры страцілі сваё значэнне, некаторыя набылі новыя.

У фразеалагічных адзінках (ФА) беларускай літаратурнай мовы адным з цікавых кампанентаў адзначаюцца найменні самых розных колераў. Аб'ектам у межах артыкула абраны ФА з кампанентамі *сіні*, *блакітны* з мэтай вызначэння сімволікі гэтых кампанентаў ў складзе ФА беларускай мовы. Група ФА адносна невялікая па колькасці: з кампанентам *сіні* адзначаецца пяць ФА, з кампанентам *блакітны* – дзве ФА, зафіксаваныя ў “Слоўніку фразеалагізмаў беларускай мовы” І. Я. Лепшава [1]. Якая ж сімволіка адзначаных прыметнікаў захавана ў складзе ФА беларускай мовы?

Спачатку *сіні* і *блакітны* разглядаліся як атрыбуты магіі і рэлігіі, боскіх сіл, таму сімвалізавалі неба, боскасць. Так, напрыклад, у Рыме *сіні* колер азначаў рэлігійнае пачуццё, адданасць і нявіннасць, для хрысціян быў колерам вечнасці, настройваў на пакорнасць, выказваў ідэю самаахвяравання.

Фразеалагізм *сіняя птушка* ‘сімвал шчасця; тое, што ўвасабляе для каго-н. найвышэйшае шчасце’ быў зусім нядаўна падхоплены ў заходняй літаратуры інтэлігентнымі людзьмі пасля знаёмства з п’есай бельгійскага пісьменніка М.Матэрлінка, дзе *сіняя птушка* ўяўляла сабой шчасце. Такім чынам *сіні* колер набывае значэнне чысціні, радасці і, нават, страту рэальнасці [2].

ФА *блакітная кроў* ‘чалавек дваранскага паходжання’ сваім узнікненнем абавязаны аднаму гістарычнаму факту: іспанская арыстакратыя Кастыліі ганарылася тым, што іх продкі ніколі не ўступалі ў шлюб з маўрамі, і пра гэта сведчыць іх светлая скура з блакітнымі венамі – гэта своеасаблівы знак кроўнай чысціні, таму

блакітны колер набывае значэнне бесперапынасці, адданасці, прыналежнасці да аднаго цэлага.

Супрацьлеглую дзвюм папярэднім ФА сімваліку можна назіраць у ФА сучаснай беларускай мовы *гарэць сінім полымем (агнём)* ‘знаходзіцца пад пагрозай невыканання, зрыву’ ці ў значэнні ‘псавацца, станавіцца непрыгодным’, дзе сіні колер атаясамліваецца з агнём, з няшчасцем, з таямнічасцю, на што скіроўвае этымалогія: узнікненне ФА звязваецца з фізічнымі якасцямі метану, які ў прыродзе ўтвараецца пры гніенні арганічных рэшткаў без доступу кіслароду. Удзень разгледзець падпалены метан практычна немагчыма, а вось уначы балотныя і магільныя агеньчыкі добра прыкметныя. Павер’е звязвае з’яўленне сініх агеньчыкаў з пакутамі непрыкаяных душ: грэшнікаў, якія памерлі без пакаяння, самагубцаў і проста людзей, што патанулі у багне.

ФА *на сіні/чорны пазногаць (пазногцік)* ‘трошачкі, ледзь-ледзь’ склалася ў выніку пераасэнсавання свабоднага словазлучэння, звязанага з невялікім памерам самага пазногціка, і біялагічнымі асаблівасцямі тканак чалавечага цела, якія змяняюць колер пасля фізічнага ўздзеяння. А варыянтнасць кампанентаў-колераў сіні ці чорны можна растлумачыць тым, што сіні з’яўляецца працягам каляровай трыяды – імкнецца (у сімвалічным плане) да чорнага.

ФА *сіняя панчоха* ‘непрывабная жанчына, якую больш за ўсё цікавяць дзелавыя, навуковыя заняткі’ сваім паходжаннем абавязана вучонаму Бенжаміну Стэлінгфліту, які насіў сінія панчохі з цёмным адзеннем, з’яўляючыся лідарам гуртка, у якім праводзіліся размовы на навуковыя, літаратурныя і іншыя ўзвышаныя тэмы. Зараз выраз набыў крыху іншае адценне, і сіні колер стаў атаясамлівацца адразу з нечым непрывабным і, у той жа час, з навукай, ісцінай, таму што ў Сярэднявеччы лічылася, што людзі, якія насілі сіняе адзенне, ведалі ісціну.

ФА *блакітныя берэты* ‘дэсантнікі, воіны мабільных сіл у савецкім і ў сучасным беларускім войску’ ўзнікла ў выніку спалучэння двух слоў, якія ў працэсе метанімізацыі як асобная частка формы войску – берэты – паслужыла назвай для ўсіх воінаў-дэсантнікаў.

Асобна трэба разглядаць ФА *ні сіль-пораху* ‘зусім нічога (няма, не засталася і пад.)’, дзе сіні колер знаходзіцца ў этымалагічнай блізкасці з шэрым таму, што ў сербскай мове *сіль* азначае ‘шэры’, а кампанент *порах* ужываецца ў значэнні ‘пылінка’. Такім чынам, значэнне ФА раскрываецца праз семантыку кампанентаў: *порах* – зусім маленькі памер чаго-н., а сіні, блізкі да шэрага, набывае значэнне нечага непрыметнага, ледзь заўважнага.

Такім чынам, сімваліка кампанентаў *сіні, блакітны* ў фразеалагізмах беларускай літаратурнай мовы даволі разнастайная і звязана як з чыстым, святым, так і з нечым д’ябальскім, чорным. А гэта дае падставу канстатаваць тое, што кампаненты-колеры не толькі захоўваюць ці маюць пэўную сімваліку, але яны надаюць ФА дадатковую інфармацыю, абумоўленую значэннем колеру, пашыраюць яе за кошт культурнага фону.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. Т. 1. А–Л – 672 с.; Т. 2. М–Я – 704 с. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
- 2 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя. – 2004. – 448 с.

О. А. Усачева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье определяется понятие интенсивности и особенности усвоения детьми его значения. Отмечается вторичный характер высказываний со значением интенсивности в детской речи. Описываются фразы со значением усвоения степени интенсивности фразеологизма и фразы, отражающие потребность в мотивировке данного значения. Рассматриваются случаи употребления фразеологизмов с семантикой интенсивности в нетипичных ситуациях.

В современной онтолингвистике большое внимание уделяется изучению взаимосвязи когнитивного и речевого развития ребёнка. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей усвоения детьми фразеологических единиц (ФЕ) с семантикой интенсивности. Исследование осуществляется в русле актуальной проблематики онтолингвистики: понимания детьми переносных смыслов, освоения количественных значений.

Материалом для исследования послужили записи детских высказываний, размещённые на Интернет-сайтах: <http://www.det.org.ru/>, <http://www.boltusha.ru/>, <http://www.solnet.ee/>; <http://www.edukids.ru/humor/17>; <http://www.u-mama.ru/>.

Интенсивность понимается нами как функционально-семантическая категория, система языковых средств, в значении которых содержится указание на степень проявления признака или действия. К фразеологизмам с семантикой интенсивности относим обороты, в словарном значении которых представлены компоненты «очень», «сильно», «крайне» и т. п. (Например, *со всех ног, до глубины души, сил нет как, не успеешь оглянуться* и др.)

Проведённое исследование позволяет отметить несколько моментов процесса усвоения детьми значения интенсивности: непонимание значения интенсивности, выражаемого фразеологизмами; выведение общего степенного значения ФЕ из контекста речи взрослых; преобразование фразеологических оборотов с целью осмысления передаваемого ими значения интенсивности.

Пониманию целостного значения интенсивности, выражаемого фразеологизмом, на наш взгляд, может препятствовать, с одной стороны, слабая степень мотивированности общего значения семантикой компонентов оборота (*кот заплакал, собачий холод, любить без ума, один нос остался* и др.), с другой стороны – очень прозрачная для детей семантика синтаксически свободного словосочетания – прототипа ФЕ. В сознании ребёнка актуализируется буквальный смысл фразеологизма, отсылающий к конкретной предметной ситуации. Буквальное восприятие детьми ФЕ приводит к коммуникативному барьеру в диалоге «взрослый – ребёнок». Например: Даша (5) не хочет есть кашу. Мама: – Я тебе и так наложила кот заплакал! Даша начинает реветь и говорит: – Мотя [кошка] поплакала, а ты слёзки в кашу добавила!!! <http://www.boltusha.ru/>. – Мама, а ты меня как любишь? С умом или без? – А как это? – Ну, вот бабушка любит меня безумно, папа – без ума, а ты? – Понятно, доченька... А я люблю тебя, моя хорошая, с умом. Я же тебя кормлю, причёсываю, спать кладу, играю... – Я тоже так думала, что только ты умная у нас. А они – безумцы... (4.9) <http://www.det.org.ru/>. Полина (4), кутаясь в шарф: – Почему, когда детям холодно, это называется «собачий холод»? <http://www.det.org.ru>

Очень часто дети заимствуют высказывания с ФЕ из речи взрослых. Как показало исследование, ребёнок достаточно легко усваивает и воспроизводит в определённой ситуации стандартные высказывания с фразеологизмами-интенсификаторами. К фразеологизмам-интенсификаторам относятся устойчивые выражения с ядерной семьей интенсивности, которые употребляются в синтагме с градуируемой лексемой типа *бежит со всех ног, рад до смерти*.

Вторичность такого рода высказываний в речи детей нередко оказывается весьма ощутимой. Например: – *Господи, я устала, как собака, а ещё спать надо* <http://www.det.org.ru/>. – *Дед, почему эти коты так сильно кричат? У них, наверно, мыши в подвале закончились, вот они и орут, как собаки...* (Андрей, 7) <http://www.det.org.ru/>.

Автоматически воспроизводя связные отрезки речи, ребёнок актуализирует значение степени, передаваемое ФЕ, не принимая во внимание буквального значения этого фразеологизма. О непонимании образа, лежащего в основе целостного значения интенсивности, может свидетельствовать свободное обращение ребёнка с компонентами ФЕ. Например: – *Он к-а-ак побежит, аж пятки засветились!* (3, 5) [/www.solnet.ee/](http://www.solnet.ee/). – *Я так напугалась, что загорится, что пятки в сердце чуть не попали* (4) [/www.solnet.ee/](http://www.solnet.ee/).

Исследователи отмечают действие двух противоположных тенденций в процессе усвоения детьми языка: с одной стороны, копирование речи взрослых, «присвоение языка», с другой – осмысление ребёнком непонятных слов и выражений с опорой на личный предметный опыт, создание новых языковых единиц по аналогии с существующими. По словам К. Чуковского, «развитие речи ребёнка являет собою единство подражания и творчества» [2, с. 89].

Наряду с фразами, отражающими механическое усвоение степенного значения ФЕ, в детской речи широко представлены высказывания, свидетельствующие о стремлении ребёнка мотивировать целостное значение интенсивности. Таким стремлением объясняется, например, зафиксированная в детской речи трансформация ФЕ *не разлей вода*: – *Мама! Давай будем такими друзьями, как Неразлей и Вода* <http://www.edukids.ru/humor/17/>. Преодолевая смысловую неопределённость языковой конструкции, ребёнок обращается к собственному опыту и моделирует известную ему ситуацию дружбы, предполагающую взаимодействие нескольких субъектов. Структурное преобразование ФЕ осуществляется по принципу народной этимологии, суть которой «заключается в сведении непонятной единицы языка к понятной, в стремлении осмыслить новые знаки языка через сопоставление их с внешне сходными, известными» [1, с. 21].

Показателем усвоенности значения степени является использование детьми устойчивого сочетания с фразеологически связанным значением интенсивности вне стандартной конструкции. К расширению сферы синтагматики ФЕ приводит отсутствие у ребёнка сформированного представления о нормах сочетаемости. Например: – *Варя, ты что, упала?* – *Да.* – *Плакала?* – *Ага, как сумасшедшая* (Варя, 2.5) <http://www.det.org.ru/>. – *Бабушка, я тебя люблю!* – *А как ты меня любишь?* – *Как сумасшедшая!!!* (Марина, 4) <http://www.u-mama.ru/>. Ошибочное употребление может быть вызвано неувоенностью коннотации ФЕ: *Яна(4) в День рождения переодевается к приходу гостей*: – *Ну, сейчас я такая красивая буду, что вам всем мало не покажется!* <http://www.det.org.ru/>.

Интересны случаи употребления фразеологизма с семантикой интенсивности в нетипичной ситуации, обусловленные актуализацией буквального значения данного фразеологизма. Такое употребление, как правило, сопровождается семантическим преобразованием ФЕ. Например: *Марианна, вернувшись из детского сада*: – *Мы сегодня с девочками на качелях так качались, так качались, что чуть сквозь*

землю не провалились! <http://www.det.org.ru/>.

Как показало исследование, характерной особенностью детской речи является двойная актуализация значения интенсивности, выражаемого ФЕ. «Под двойной актуализацией понимается совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и / или внутренней формы» [1, с. 20].

Согласно нашим наблюдениям двойная актуализация ФЕ часто создаётся в детской речи путём расширения состава устойчивого выражения с целью конкретизации его значения. Как правило, конкретизации подвергаются ФЕ с понятной ребёнку внутренней формой. Например: – *Как много сожрал этот туман!!! Где же он рот такой огромный нашёл?* (Максим) <http://www.det.org.ru/>. – *Меня комары заели, вон уже скоро одни косточки останутся* (Аня, 3) <http://www.boltusha.ru/>. В последнем примере очевиден элемент языковой игры. Намеренно используя гиперболу, ребёнок усиливает значение интенсивности, а вместе с тем и экспрессивности ФЕ.

Конкретизируя обобщённый смысл таких устойчивых выражений, как *больше всех на свете*, *ни за какие сокровища мира*, ребёнок обращается к ситуативным эталонам интенсивности, имеющим непосредственное отношение к его личному практическому опыту: – *Мамочка, я люблю тебя больше всех на свете!... Даже больше, чем хомячков!* (Ульяна, 4) <http://www.det.org.ru/>. – *Мамочка, я так тебя люблю! Ни за какие сокровища мира с тобой не расстанусь! Ни за конфетку, ни за кетчуп, ни за что!* (Настя) <http://www.det.org.ru/>. В приведённых примерах проявляется оценка детьми действительности с позиции эгоцентризма – состояния, когда ребёнок рассматривает весь мир со своей точки зрения, которая выступает как абсолютная.

Творческий подход ребёнка к осмыслению ФЕ с семантикой интенсивности проявляет себя и в создании новых выражений по аналогии с существующими устойчивыми сочетаниями. В основе создания детьми новых оборотов лежат отношения синонимии, антонимии, ассоциативные связи. Например: *Наташа: – Мама, а ты кого больше любишь, меня или бабушку Любу? – Одинаково. – Ну хоть на точечку?* <http://www.solnet.ee/> *Мать даёт дочери таблетку. Дочь (7): – А врач сказал на приёме, что мне нужно по 2 таблетки давать! – Ну, я считаю, что это будет для тебя лошадиная доза. – Ага, и ты думаешь вылечить меня куриными дозами?* <http://www.det.org.ru/>. – *Я так испугался, у меня даже сердце охрипло* (Арсений, 6) <http://www.det.org.ru/>.

В целом можно говорить о том, что переносно-образное значение интенсивности, выражаемое фразеологизмом, усваивается ребёнком из контекста речи взрослых. Обращение к осмыслению буквального значения ФЕ, привлекающего детей своей конкретностью, опорой на предметную ситуацию, является вторичным, вызвано стремлением мотивировать усвоенную ребёнком семантику интенсивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Мелерович, А. М. Введение / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – С. 3–43.
- 2 Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский // Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 73–466.

З. У. Шведава

ФРАЗЕАСЕМАНТЫЧНАЕ МІКРАПОЛЕ 'АДМОЎНЫЯ РАЗУМОВЫЯ ЗДОЛЬНАСЦІ' Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы, якія аб'яднаны значэннем 'адмоўныя разумовыя здольнасці чалавека', выяўляюцца найбольш пашыраныя кампаненты і вобразныя складнікі, дзякуючы якім колькасна і разнастайна прадстаўлена ўяўленне беларусаў аб такой негатыўнай якасці чалавека і значнасці гэтага факта ў жыцці чалавека.

Фразеалагічныя адзінкі (ФА) кожнай мовы з'яўляюцца скарбніцай культурнай памяці народа, яны фіксуюць і захоўваюць працэс успрыняцця і інтэрпрэтацыі народам акаляючай яго культурнай прасторы, грамадскі вопыт нацыі. Тым самым ФА выражаюць не толькі асаблівасці пэўнай мовы, але і яе носьбітаў, іх светаўспрыманне, склад розуму, нацыянальны характар і стыль мыслення, паколькі галоўным крытэрыем каштоўнасці рэалій акаляючага свету ў фразеалагічнай сістэме мовы і галоўным аб'ектам увагі ў ФА з'яўляецца чалавек. Антрапацэнтрычная накіраванасць даследавання ФА прадстаўляе найбольшую цікавасць, бо дзякуючы гэтаму вызначаецца сувязь мовы і культуры, ці вызначаецца роля мовы для чалавека і роля чалавека ў мове.

Сярод беларускіх ФА антрапацэнтрычнай прыналежнасці выдзяляецца значная група фразеалагізмаў, якія кадзіруюць разумовыя здольнасці чалавека, на аснове чаго намі выдзелена семантычнае поле 'разумовыя здольнасці чалавека', якое складаюць каля 400 ФА, сабраных метадам суцэльнай выбаркі паводле іх семантыкі з ліку зафіксаваных у "Слоўніку фразеалагізмаў" І. Я. Лепешава як аднаго з найбольш поўных збораў фразеалагізмаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы [1].

Толькі колькасны паказчык ФА, што складаюць абазначанае семантычнае поле, сведчыць аб высокай ролі і значнасці для беларусаў ацэнкі разумовай дзейнасці чалавека, якая адводзіцца ёй у фразеалагічнай карціне свету беларуса.

Аднак з улікам таго, што ФА семантычнага поля 'разумовыя здольнасці чалавека' прадстаўляюць шырокі спектр гэтай адметнай якасці чалавека і могуць быць у залежнасці ад станючай ці адмоўнай яе ацэнкі падзелены на дзве супрацьлеглыя групы – са знакам «+» ці са знакам «-», намі выдзелены два мікрапалі: 1) 'станоўчыя разумовыя здольнасці чалавека' і 2) 'адмоўныя разумовыя здольнасці чалавека', а ў рамках артыкула разгледзім толькі другое фразеасемантычнае мікраполе.

Колькасныя дадзеныя адносна ФА як са знакам «+», так і са знакам «-», ці двух мікрапалёў, прыблізна роўныя. У прыватнасці, мікраполе «адмоўныя разумовыя здольнасці чалавека» складаюць каля 200 ФА, што, па-першае, сведчыць аб адносна роўнай увазе беларусаў да адной і другой характарыстык і ацэнак розуму чалавека; па-другое, не пацвярджае такой універсальнай характэрнай рысы фразеалогіі, як "цяга да адмоўнага полюса ацэначнай шкалы і да негатыўнага спектра пачуццяў-адносін" [2, с. 310]. Відавочна, гэты факт вызначае першую адметнасць сукупнасці ФА, што складаюць акрэсленае семантычнае поле і рэпрэзентуюць адметны фрагмент фразеалагічнай карціны свету беларусаў.

ФА мікраполя 'адмоўныя разумовыя здольнасці' шырока і разнастайна характарызуюць чалавека паводле гэтай яго ўласцівасці, выяўляючы найперш розны ўзровень адсутнасці разумовых здольнасцей ці розную ступень яе праяўлення: ад поўнай адсутнасці розуму, здольнасці ўспрымаць, разважаць і пад. да пэўнага ўзроўню

абмежаванасці і рознай ступені магчымасці мысліць, разумець, успрымаць, ацэньваць што-небудзь і пад.

Найбольш часта ў ФА акрэсленага мікраполя для вызначэння адсутнасці ці наяўнасці ў невысокай ступені разумовых здольнасцей чалавека выкарыстоўваецца кампанент *галава* як, з аднаго боку, асноўны фразеаўтваральны сродак шматлікіх ФА і, з другога боку, як асноўны мысліцельны орган, як тая частка цела чалавека, з якой асацыіруецца розум ці, як у нашым выпадку, яго адсутнасць ці пэўная, але не высокая ступень яго наяўнасці. Цікава, што адсутнасць галавы, як у ФА *без галавы* ‘неразумны, тупаваты ці няўважлівы, рассеяны’, не вызначае поўную адсутнасць разумовых здольнасцей. А вось вобразная характарыстыка галавы паводле дрэва як “матэрыялу” яе вырабу – гэта вышэйшая ступень адсутнасці розуму: *дубовая галава* ‘тупы, неразумны чалавек; тупіца’; *галава яловая* ‘бесталковы, дурны чалавек’.

На аснове суаднясення галавы з дрэвам цвёрдай пароды пабудавана ФА *хоць кол на галаве чаши* ‘немагчыма пераканаць каго-н., растлумачыць каму-н. што-н. Пра ўпартага, няўступчывага чалавека’, дзе галава прыраўноўваецца драўлянай калодзе, на якой сякуць дровы. Але тут акцэнтуюцца ўвага на такой якасці чалавека, як упартасць, што ў пэўнай ступені характарызуе яго невысокі ўзровень розуму.

Да ФА з кампанентам *галава* прымыкаюць яшчэ дзве ФА – *хоць <ты> у лоб страляй* ‘немагчыма пераканаць каго-н., растлумачыць каму-н. і пад. Пра ўпартага, няўступчывага чалавека’ і *медны лоб* ‘тупы, абмежаваны ці занадта ўпарты чалавек’, дзе канцэптуалізуецца ўпартасць і тупасць па суаднясенні з вобразам цвёрдага ці меднага лба і дзе задзейнічаны саматызм лоб як частка галавы, што зноў суадносіцца з паняццем розуму.

Не зусім тупы чалавек прадстаўлены ў ФА праз асацыяцыю галавы з пустой ёмкасцю (*пустая галава* ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’), ёмкасцю, у якую нічога не лезе (*не лезе ў галаву* ‘не засвойваецца, не запамінаецца, не ўспрымаецца’) ці ў якой нешта ёсць, але не мазгі (*вецер у галаве, з ветрам у галаве* ‘занадта легкадумны, несур’езны’, *мякіна ў галаве* ‘хто-н. бесталковы, някемлівы’, *саломы ў галаве* ‘хто-н. дурнаваты, бесталковы, някемлівы’, *каша ў галаве* ‘хто-н. блытана разважае, не мае яснасці ў разуменні чаго-н.’). Да іх аднясём ФА з выразнай матывацыяй, агульным кампанентам *галава*, але іншымі вобразамі: *без цара ў галаве* ‘недалёкага, абмежаванага розуму’, *галава садовая* ‘нездагадлівы, няўважлівы, рассеяны чалавек’, *курыная галава* ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’.

Аб страце разумовых здольнасцей сведчаць ФА, у якіх галава здольна выконваць пэўныя дзеянні (*галава пухне /распухла* ‘хто-н. траціць здольнасць цвяроза разважаць (ад мноства клопатаў, думак, шуму і пад.)’, *галава /лоб трашчыць /расколваецца* ‘хто-н. траціць здольнасць цвяроза разважаць (ад мноства спраў, перажыванняў і пад.)’, *галава ходырам /ходам ходзіць* ‘хто-н. траціць здольнасць цвяроза разважаць (ад мноства клопатаў, думак і пад.)’), калі чалавек губляе здольнасць рэальна, цвяроза думаць у сілу пэўных прычын, а значыць, толькі ў пэўны час. Тое ж датыць і ў выніку змены стану галавы (*на злом галавы* ‘не думаючы, безразважна, неабачліва (рабіць што-н.)’). Галава выступае і інструментам пазнання: *галавы не прыкладу* ‘не магу зразумець, уцяміць што-н.’.

Акрамя кампанента *галава*, ФА вызначанага мікраполя характарызуюцца выкарыстаннем яшчэ двух кампанентаў – *мазгі* і *розум*, што апасродкавана ці непасрэдна звязаны з уяўленнем аб адсутнасці ці наяўнасці ў невысокай ступені разумовых здольнасцей чалавека. Так, у ФА *мазгі адсохлі (высахлі, навывсыхалі)* і *мазгі не на месцы* ‘хто-н. робіць глупства, дзейнічае неразумна’, *мазгі набакір* ‘хто-н. прыдуркаваты, з дзівацтвам’ неразумныя дзеянні чалавека, яго дзівацтвы абумоўлены парушэннем тыповага прадстаўлення аб стане ці месцазнаходжанні мазгоў.

У ФА з кампанентам *розум*, які захоўвае сваё прамое значэнне, абмежаваныя разумовыя здольнасці чалавека могуць быць растлумачаны наяўнасцю антанімічнага характару адносін паміж канстытуентамі семантычнага поля 'разумовыя здольнасці чалавека': зад – задняе месца як адсутнасць розуму – перад – галава як наяўнасць розуму (*заднім розумам моцны /хітры* 'няздольны своечасова прыняць патрэбнае рашэнне'), чужы як адсутнасць розуму – свой як наяўнасць розуму (*жыць чужым розумам* 'не маючы самастойнай думы, прытрымлівацца чужых поглядаў'; *не ў сваім розуме* 'у ненармальным псіхічным стане'); ці пэўнымі зрухамі месцазнаходжання розуму (*розум за розум заходзіць* 'хто-н. не можа разумна разважаць або дзейнічаць').

Астатнія ФА выяўляюць суаднесенне адсутнасці розуму ці яго парушэнні праз вобразы самых розных прадметаў і з'яў, якія выклікаюцца па асацыяцыі. Найперш варта заўважыць пра асацыяцыі адсутнасці розуму і куста, пня: *куст альховы* 'тупы, неразумны чалавек; тупіца', *пень асінавы /бярозавы* 'тупіца, дурань, бесталковы чалавек', а таксама жывёл: *асёл маляваны і конь божы* 'тупы, неразумны чалавек', у якіх канцэптуалізуецца стэрэатыпнае ўспрыманне тупасці чалавека па аналогіі з аслом. На аснове метафарычнага пераносу ўтворана ФА *пусты млын* 'чалавек, які займаецца пустымі размовамі; балбатун, пустаслоў', дзе актуалізуецца ўвага на пустаслоўі як адзнацы невысокіх разумовых здольнасцей. Асобныя ФА абавязаны сваім узнікненнем фразеалагізацыі параўнальных зваротаў, што выяўляюць стэрэатыпнасць у абазначэнні высокай ступені адсутнасці розуму: (*дурны*) *як пень, як бот <з левай нагі>, як сабака да году, як сала без хлеба* 'вельмі, надзвычай'.

Нізкі ўзровень разумення чалавека прадстаўлены ў ФА, адны з якіх узніклі ў выніку пераасэнсавання свабодных словазлучэнняў, напрыклад: *блудзіць у трох соснах* 'не разбірацца ў самым простым, элементарным', *глядзець у кнігу, а бачыць фігу* 'не разбіраецца ў відавочным; не разумее таго, што чытае', *з неба /з месяца зваліўся, як з месяца зваліўся* 'не разумее таго, што відавочна ўсім', другія – фразеалагізацыі параўнанняў, напрыклад: *як /што баран у Бібліі* 'зусім нічога не (разбірацца, разумець)', *як /нібы пыльным мяшком /мехам удараны /прыбыты* 'прыдуркаваты, з дзівацтвамі'.

Аб неразуменні суб'яднікаў у працэсе маўлення сведчаць ФА *на розных мовах і як гусь з парасём* 'не разумеючы адзін аднаго, па-рознаму адносячыся да прадмета размовы'. Нізкі ўзровень разумення праяўляецца ад часовага неразумення ў пэўнай сітуацыі, як гэта характэрна для ўжывання папярэдніх фразеалагізмаў, да поўнага неразумення, якое праяўляецца, напрыклад, у ФА *дабраць розуму* '(не магчы) зразумець, уцяміць што-н., здагадацца аб чым-н.', *як баран на новыя вароты* 'нічога не разумеючы, тупа, разгублена', *як гусь на бліскавіцу* (глядзець /паглядаць) 'нічога не разумеючы, здзіўлена, разгублена'.

У групе ФА адзначаецца і пра недахоп ведаў, які дыферэнцыруецца, прадстаўлены рознай ступенню яго наяўнасці: ад невялікага (з *пятага на дзесятае, пятае праз дзесятае* 'збольшага, зусім нямнога (чуць, разумець, ведаць і пад.)') да значнага недахопу ў ведах (*кульгаць на абедзве нагі* 'мець значныя недахопы, хібы ў чым-н. (у ведах, падрыхтоўцы і пад.)') і поўнага няведання (*ні а ні бэ, ні бельмеса, ні бум-бум, ні бэ ні мэ <ні кукарэку>, ні бэ ні мя, ні цэ ні бэ, ні вуха ні рыла, ні ў зуб <нагой>* 'зусім нічога').

У некаторых ФА выяўляюцца прычыны абмежаванасці ці адсутнасці розуму, сярод якіх, напрыклад: *наканаванасць лёсу Богам* (*богам пакрыўджаны* 'няўдачны, нешчаслівы; абмежаваны, невялікага розуму'), абставіны (*дурны поп хрысціў* 'хто-н. тупы, неразумны ці наіўны, незнагадлівы'; *блэкату наеўся /аб'еўся* 'зусім здурнеў, перастаў разумець, кеміць'), неабдуманасць дзеянняў, калі чалавек выбірае не лепшае, а горшае (*мяняць быка на індыка, мяняць гаршкі на гліну і мяняць шыла на мыла* 'дзейнічаць, рабіць неабдуманая, неабачліва; выбіраць горшае').

Як відаць, колькасць ФА мікрагрупы ‘адмоўныя разумовыя здольнасці чалавека’ і разнастайнасць вобразаў, прадстаўленых у іх, сведчыць аб значнасці для беларусаў інтэлекту, а таму так шырока характарызуецца розная ступень яго адсутнасці, праяўлення, прычыны і інш. Выдзяленне і даследаванне гэтай групы фразеалагізмаў важна і неабходна для вызначэння і стварэння поўнай характарыстыкі беларуса, для ўстанаўлення яго цэласнага фразеалагічнага “партрэта”, для вызначэння культурных каштоўнасцей беларусаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

2 Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI Межд. съезд славистов. Доклады российской делегации; Сб. докладов (Отд. лит-ры и языка РАН; / отв. ред. Н. И. Толстой. – Москва: Наука, 1993. – С. 302–314.

СТРУКТУРНО-КОМПОНЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

УДК 81.161.3:81'367.627.2:398.9

М. У. Буракова

ФРАЗЕАЛАГІЧНАЯ АКТЫЎНАСЦЬ ЛІЧЭБНІКАЎ СЕМ І ДЗЕСЯЦЬ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

На матэрыяле фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы з кампанентамі-лічэбнікамі сем і дзесяць даводзіцца аб высокай актыўнасці гэтых лічэбнікаў ва ўтварэнні фразеалагізмаў; вызначаецца важнейшая прычына гэтай з'явы – уяўленні чалавека аб назначэнні і сімволіцы лічбаў у мінулым.

Фразеалагізмы беларускай мовы як феномен культуры беларускага народа фіксуюць і пэўным чынам адлюстроўваюць сістэму каштоўнасцей, агульнапрынятыя ацэнкі этнічна абумоўленых тыпаў паводзін і настрою. Адною з найбольш прыкметных характарыстык фразеалагічных адзінак (ФА) увогуле і беларускай мовы ў прыватнасці з'яўляецца фразеўтваральная актыўнасць разнастайных груп кампанентаў, якія, як лічаць, у сваім самастойным, фразеалагічна не звязаным значэнні з'яўляюцца частотнымі паводле ўжывання, валодаюць мнагазначнасцю [1, с. 93].

Сярод ФА беларускай мовы сваёй фразеўтваральнай актыўнасцю вызначаюцца і лічэбнікі, якія, праўда, уступаюць па частотнасці выкарыстання назоўнікам ці дзеясловам, хаця варта ўлічыць, што лічэбнікі ўвогуле па колькасці прадстаўлены ў мове ў многа разоў менш, чым названыя і многія іншыя часціны мовы. У складзе найбольш поўнага лексікаграфічнага даведніка ФА беларускай літаратурнай мовы, які і стаў крыніцай збору ФА з кампанентам-лічэбнікам [2], намі адзначана каля 150 такіх ФА. Калі актыўнасць выкарыстання ў фразеалогіі асобных груп кампанентаў, асабліва і найперш назоўнікаў, была прадметам вывучэння беларускіх даследчыкаў [3; 4; 5], то на фразеўтваральнай актыўнасці лічэбнікаў мы засяродзім увагу, а ў межах артыкула абмяжуемся ФА з кампанентамі, абазначанымі колькасным, парадкавым, зборным ці субстантываваным лічэбнікам *сем, сёмы, сямёра, дзесяць, дзясяты* і вытворным назоўнікам *дзясятка*, ці кампаненты з лікам “сем” і “дзесяць”.

Наяўнасць і ўжыванне лічэбнікаў у ФА звязана з тым, што пазнанне лічбы адыграла вялікую ролю ў разумовай і практычнай дзейнасці людзей і сёння дапамагае ажыццявіць больш спрошчаную і нярэдка схаваную перадачу ведаў ад аднаго пакалення да другога. З дапамогай ФА з лічэбніковым кампанентам ажыццяўляецца катэгарызацыя і канцэптуалізацыя значнага фрагмента аб'ектыўна дадзенага знешняга і ўнутранага свету. Наяўнасць лічэбніковых кампанентаў у складзе ФА (заўважым што ў асноўным частотнымі ва ўжыванні з'яўляюцца простыя лічбы ад аднаго да дванаццаці, а таксама “нуль/ноль”, “сорак”, “сто”, “тысяча”) пацвярджае значную ролю лічэбнікаў, дакладней, лікаў у жыцці чалавека. У прыватнасці, зафіксавана 30 ФА, у складзе якіх зафіксаваны кампаненты з лікам “сем” і “дзесяць”, з якія 16 адзначаецца з кампанентам “сем” і 14 – з кампанентам “дзесяць”, у ліку якіх ФА, дзе названыя кампаненты выступаюць як варыянтныя.

Але лічэбнікі прадстаўляюць цікавасць менавіта ў складзе ФА яшчэ і таму, што пры ўключэнні іх у склад ФА, традыцыйная характарыстыка іх, з аднаго боку, адчувае пэўныя змены, з другога боку, яны ўжываюцца як ў прамым, так і пераносным значэнні і, як правіла, захоўваюць сваё самастойнае значэнне слова і пры гэтым імпліцытна і з

дапамогай вобраза ФА, фразеалагічнага значэння захоўваюць мінулыя ўяўленні людзей пра пэўныя лічбы, выяўляюць пэўную іх сімволіку ў складзе фразеалагізма.

ФА з адзначанымі кампанентамі прадстаўляюць розныя сінтаксічныя структуры, напрыклад: *бог семярым нёс ды аднаму дастаўся (удзяліў)*; *дзясятаму заказаць*; *дзясятая (сёмая) спіца ў коле*; *за сямю пячаткамі*; *на сямі вятрах*; *сем вёрст да нябёс і ўсё лесам* і інш. Розныя яны і паводле семантыкі, тэматычнай групойкі, хаця, як правіла, ФА з лічэбнікавым кампанентам адлюстроўваюць розныя аспекты псіхічнай дзейнасці чалавека і міжасобасных адносіны, з якіх выдзяляюцца якасці (*дзясятая (сёмая) спіца ў коле* 2) ‘тое, што мае мізэрнае значэнне’; *ні ў пяць ні ў дзесяць* ‘зусім недарэчна, неўпапад, не тое, што трэба’), стан (*на сёмым (дзясятым) небе* ‘бязмерна шчаслівым, вельмі задаволеным (быць)’), рысы характару (*не з палахлівага (баязлівага, пужлівага) дзясятка* ‘смелы чалавек’; *сем пятніц на тыдні* ‘хто-н. часта і лёгка мяняе свае намеры, рашэнні, настрой і пад.’), адносіны паміж асобамі ці асобы і калектыву (*дзясятая (сёмая) спіца ў коле* 1) ‘чалавек, які адыгрывае нязначную ролю ў жыцці, грамадстве, не мае ніякага ўплыву’; *выціскаць (выганяць) пот (сем, дзесяць патоў)* 1) ‘бязлітасна прыгнятаць каго-н., эксплуатаваць, знясільваць цяжкай працай’, 2) ‘моцна прабіраць каго-н.’) і інш. Але большасць з іх службыць пераважна для суб’ектыўнага, ацэначнага, эмацыянальна-экспрэсіўнага абзначэння прадметаў і з’яў, звязаных з асобаснымі эмацыянальнымі перажываннямі, зацікаўленасцю чалавека, з ацэначнай характарыстыкай той ці іншай з’явы. І ва ўсіх зафіксаваных ФА лічэбнікавы кампанент (у тым ліку і вытворны ад лічэбніка назоўнік *дзясятка*) выступае як неабходны і ўстойлівы кампанент, які не можа быць апушчаным ці замененым іншым словам.

Выключэнне з агульнай колькасці адзначаных ФА складаюць дзевяць ФА, паколькі ў іх выяўляецца варыянтнасць лічэбнікавага кампанента, але тут маецца свая асаблівасць, бо адзін лічэбны кампанент замяняецца другім лічэбным кампанентам: у адных ФА *сёмы* на *дзясяты* ці наадварот (*выціскаць (выганяць) пот (сем, дзесяць патоў)*); *да сёмага (дзясятага) поту*; *дзясятая (сёмая) вада на кісялі*; *дзясятая (сёмая) спіца ў коле*; *дзясятая (сёмая) вада на кісялі*; *на сёмым (дзясятым) небе*), у другіх варыянтах да *сем* выступаюць іншыя лічбы (*абыходзіць за вярсту (сем, сто вёрст)*; *адным махам семярых (семсот, сем мух) забіяхам*; *драць (здзіраць) скуру (шкуру, тры скуры, сем скур)*; *сем (сорак) патоў выйшла (выцекла, вылілася)*). Але, як відаць, прапусціць лічэбны кампанент ці замяніць яго словам іншага лексіка-граматычнага класа не прадстаўляецца магчымым без разбурэння ФА як другаснай адзінкі, ва ўтварэнні якой асноўная роля належыць лічэбніку, дакладней, найменню ліку, лічбе, дакладней, паняццю, якое звязваецца з ёю, сімвалу, з якім яна звязана і які прадстаўляе ў ФА.

Так, лічба “сем” – гэта магчымы лік сусвету, макракосмасу; абзначае паўнату і сукупнасць; упэўненасць; бяспеку. У пэўнай ступені менавіта ФА *на сёмым (дзясятым) небе* ‘бязмерна шчаслівым, вельмі задаволеным (быць)’ захавала старажытнае ўяўленне аб уладкаванасці свету як аб сямі крыштальных сферах-нябёсах, якія круцяцца, і на сёмай, самай далёкай ад Зямлі сферы знаходзіўся рай [6, с. 465]. Замена аднаго лічэбнікавага кампанента другім паказвае, па-першае, на страту першаснага ўяўлення пра сем нябесных сфераў, а ў выніку замены лічэбнікавага кампанента “сем” на “дзесяць” назіраецца жаданне ўдакладніць, павялічыць інтэнсіўнасць праяўлення стану радасці – дзясятае неба яшчэ больш аддаленае, чым сёмае, а значыць, і радасць, адчуванне шчасця як бы большае. Тое ж можна адзначыць і адносна ФА *дзясятая (сёмая) вада на кісялі* ‘вельмі далёкі сваяк’, хаця, відавочна, больш дакладна было б наадварот адносна парадку ўжывання лічэбнікавага кампанента і яго замены: “сёмы” заменены на “дзясяты”. Але і тут зноў змена выклікана жаданнем паказаць яшчэ большую абагулена-колькасную ролю лічэбніка, а ФА сваім паходжаннем абавязана прыгатаванню ў мінулым кісяля з молатага аўсу, муку з якога некалькі разоў прамывалі, і, зразумела, “сёмая вада ўтрымлівала вельмі мала кісельнага

рэчыва і таму была ад яго адметная” [6, с. 103]. Гэтая роля лічэбніка характэрна таксама ФА *да сёмага (дзесятага) поту* ‘да поўнай знямогі, стомы (рабіць, працаваць і пад.; праца, працавік і пад.)’; *выціскаць (выганяць) пот (сем, дзесяць патоў 1)* ‘бязлітасна прыгнятаць каго-н., эксплуатаваць, знясільваць цяжкай працай’, 2) ‘моцна прабіраць каго-н.’ з празрыстай матывацыяй. Як бачым, сімвал максімуму, мяжы, паўнаты і абмежавання аб’ядноўвае лікі сем і дзесяць, што асабліва выразна выяўляецца ва ўзаемазамыняльнасці кампанентаў адзначаных ФА.

Лічба “сем” указвае на тое, што мы павінны памятаць і шанаваць сёмы дзень тыдня, трымаць пост у сёмы дзень; развіваць свае сем пачуццяў (зрок, слых, смак, нюх, дотык, інтуіцыю, празорлівасць). Лік сем звязаны з самымі разнастайнымі хрысціянскімі паняццямі і прадметамі: сем Таінстваў, сем дароў Святога Духу, сем смертных грахоў, сем свабодных мастацтваў, сямідзённы пост і пакаянне, сем пячацяў і інш. Менавіта гэтая сімвалізацыя ліку сем пэўным чынам прыхавана ў ФА з *сямі печаў хлеб есці* ‘быць у розных пераплётах і многае зведаць у жыцці’; *на сямі вятрах* ‘адзінока і наводшыбе’; *сем вёрст да нябёс і ўсё лесам* ‘вельмі многа і абы-чаго нагаварыць, наплесці і пад.’; *сем карабоў* ‘вельмі многа і абы-чаго’; *за сямю пячаткамі* ‘быць недаступным, прыхаваным’; *сем пятніц на тыдні* ‘хто-н. часта і лёгка мяняе свае намеры, рашэнні, настрой і пад.’ і інш., апошняя з якіх – адлюстраванне мінулых падзей, у прыватнасці, звычайу ў базарны дзень, які прыпадаў на пятніцу як нерабочы дзень і які быў “днём разлікаў, аддачы пазычанага. Пра чалавека, які не выконваў абяцання, прасіў пачакаць да другога дня ці да другой пятніцы, а потым зноў адкладваў, сталі гіпербалічна гаварыць, што ў яго «сем пятніц на тыдні» [7, с. 344].

Лічба “дзесяць” указвае на цэласнасць, завершанасць і дасканаласць. Яна сімвалізуе агульную ідэю дастатку, неабмежаванай колькасці, а таксама звязаны з устаноўленым чалавекам парадкам: пяць пальцаў левай рукі прадстаўляюць царства закона, пяць пальцаў правай рукі прадстаўляюць сілу. Відавочна, гэтыя ўяўленні пра лічбу “дзесяць” тлумачаць, па-першае, раней адзначаныя замены кампанента сем на дзесяць; па-другое, выкарыстанне кампанента дзесяць у складзе такіх фразеалагізмаў, як *ні ў пяць ні ў дзесяць* ‘зусім недарэчна, неўпапад, не тое, што трэба’; *праз (цераз) дзясцятых рукі* ‘з дапамогай або пры пасрэдніцтве каго-н.’; *праз пятае ў дзясцятае* 1) ‘прапускаючы падрабязнасці, непаслядоўна, бязладна (расказваць, гаварыць, паведамляць і пад.’, 2) ‘абы-як, нядбайна (рабіць што-н.)’; *пятае праз (цераз) дзясцятае* 1) ‘прапускаючы падрабязнасці, непаслядоўна, бязладна (расказваць, гаварыць, паведамляць і пад.’, 2) ‘збольшага, зусім нямнога (чуць, разумець, ведаць і пад.)’.

Дзясятка змяшчае ўсе лікі, а значыць, усе рэчы і магчымасці, гэта аснова і паваротны пункт усяго адліку. Так, дзясятка – старажытная назва самай простае ваеннай адзінкі, і вытокаў ФА *не з палахлівага (баязлівага, пужлівага) дзясятка* ‘смелы чалавек’ паслужыў выраз вайсковага асяроддзя, які азначаў “уваходжанне ці неўваходжанне ў першую дзясятку паводле прыкметы смеласці ці баязлівасці” [6, с. 189]. Блізкай да папярэдняй і ФА *не з таго дзясятка* ‘не такі, як хто-н. думае, мяркуе пра яго’, дзе сэнсаўтваральная роля належыць адмоўнае.

Дзясятка – гэта лік поспеху і сімвал ажыццяўлення планаў і намераў, што і ілюструе ФА *пацэліць у дзясятку* ‘сказаць ці зрабіць іменна тое, што патрэбна’, выток якой – зноў вайсковае выслоўе, дзе дзясятка – гэта цэнтр мішэні, а значыць, пацэліць у дзясятку – гэта атрымаць вышэйшы бал пры стралянні.

Такім чынам, лічэбнікавыя кампаненты “сем” і “дзесяць” у складзе беларускіх ФА выяўляюць высокую фразеўтваральную актыўнасць, паколькі менавіта яны вызначаюць семантычную структуру фразеалагізмаў, захоўваючы не столькі канкрэтнае колькаснае ўвасабленне, колькі выконваючы ролю спецыфічнага знака, умоўна абазначаючы пэўную сімволіку, і такім чынам фразеалагізмы ілюструюць непарыўную сувязь мовы, культуры і этнасу.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

- 1 Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
- 2 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Т. 1. А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; Т. 2. М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
- 3 Аляхновіч, Ю. М. Тэмпаральная лексіка ў беларускіх і англійскіх фразеалагізмах (лінгвакультуралагічны аспект): Аўтарэф. дыс. па спец. 10.02.01 і 10.02.04 / Ю. М. Аляхновіч. – Мінск, 2006. – 20 с.
- 4 Садоўская, А. А. Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект: Аўтарэф. дыс. па спец. 10.02.01 / А. А. Садоўская. – Мінск, 2002. – 19 с.
- 5 Зайцава, Л. У. Саматычныя лексемныя кампаненты беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў / Л. У. Зайцава // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст: зб. навук. артык.: у 2 т. Т. 1. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст: Альтэрнатыва, 2009. – 180 с. – С. 73–78.
- 6 Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель. 2007. – 926 с.
- 7 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

УДК 81'373:[398.9:81'373.21]

Н. М. Голева, Т. Ф. Новикова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С РЕГИОНАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

В статье рассмотрены фразеологизмы с региональным компонентом, представленные в живой разговорной речи жителей Белгородской области. Фразеологические единицы с региональным компонентом разделены на пять групп. Установлено, что в говорах представлены различные типы фразеологизмов по степени семантической слитности компонентов (сращения, единства, сочетания, выражения).

Говоры содержат немало образных выражений, фразеологизмов, поговорок, которые обеспечивают яркость и самобытность народной речи. И сегодня актуальны слова В. И. Даля, который, призывая «подорожить народным языком», писал: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи» [1, с. 6].

Нельзя сказать, что современная лексикография неудовлетворительно представлена словарями, систематизирующими диалектную лексику определенных регионов. Однако даже среди диалектных словарей словари диалектной фразеологии – пока что редкое явление. Проблема сбора и систематизации языковых фактов с целью создания словаря региональной лексики и фразеологии весьма актуальна и для нашего региона – Белгородчины. Несмотря на уникальность диалектной картины Белгородского края, системное представление диалектной лексики и фразеологии по региону в лингвистической литературе практически отсутствует, лишь в немногих статьях рассматриваются

частные вопросы. В данной работе мы хотели бы дать общее представление о своеобразии фразеологизмов, представленных в живой речи жителей Белгородской области, попытаться типологизировать существующие варианты регионально маркированных фразеологических единиц.

По отношению к общенациональной русской лексике фразеологизмы с региональным компонентом мы разделили бы как минимум на пять групп:

1) фразеологизмы, включающие диалектную лексику, т. е. фразеологизмы с диалектным компонентом: *губы заламынить* – а) зазнаться, б) обидеться;

2) фразеологизмы-украинизмы: *коники выкидывать* – капризничать, фокусничать (ср.: укр.: коники выкидывати);

3) фразеологизмы, закрепленные во фразеологических словарях, но имеющие «региональную специфику» в толковании и функционировании в регионе: *душа открытая (душа нараспашку)* – в нашем регионе под этим чаще всего подразумевается незастёгнутый ворот куртки, пальто, отсутствие шарфа;

4) фразеологизмы-регионализмы, состоящие из слов литературного языка, но возникшие в языковой среде определенного региона, в частности, Белгородского: *ситцевый магазин* – магазин промышленных товаров, *долина бедных* – пригородные коттеджные поселения;

5) фразеологизмы, включающие местные топонимы и микротопонимы и по причине этого понятные только местным жителям: *через Сочи на Корочу* – более длинным, чем можно было бы, путем, т.к. *Короча* – самый близкий к Белгороду районный центр.

Коротко рассмотрим каждую из выделенных групп. Итак, в первую очередь к фразеологизмам с региональным компонентом, безусловно, должны быть отнесены устойчивые выражения, включающие диалектизмы: *вставить с кочетами* (с петухами), *хранить на потолке* (на чердаке), *вспыхивает как серники* (как спички), *черевинок (обуви) не замараешь* (не испачкаешь); также фразеологизмы-этнографизмы: *гуню* (свадебные подарки) *собирать*, *засылать старост* (сватов) и др. Кроме того, сюда могут быть включены выражения, возникшие на основе пословиц и поговорок: *дать наветки* (намеки) из пословицы: *Кошку бьют – невестке наветки дают; завидки берут* из поговорки: *Берут завидки на чужие пожитки*.

Поскольку фразеологизмы употребляются преимущественно в устной речи, то каждый носитель языка может образовать свой вариант устойчивого сочетания. В говорах варьируется форма и состав компонентов устойчивого сочетания: *хай тебя родимец (нечистая, сатана) возьмет; губы (бурды) раскапустил (распустил, заламынил)*. Для региональной фразеологии вообще характерно лексическое варьирование, замена компонентов фразеологизма: *чувалом (мешком) прибитый (пришибленный, зашибленный)* – о неумном, глуповатом, медленно соображающем человеке. Лексическое варьирование может возникать и в результате варьирования наименований, закрепленных за одним денотатом, при общем плане содержания, но при оттенках в его значении. Например, в Вейделевском районе полный мешок называется *уклунок*, а пустой мешок – *чувал*. Поэтому в разговорной речи возникает фразеологизм *уклунок прибитый*, который сосуществует с идиомами *мешком прибитый*, *чувалом прибитый*.

В речи сельских жителей Белгородчины варьируются диалектные формы устойчивой единицы и литературные варианты этого же фразеологизма: «Молодой, а как *кочет сигает* на всех»/«Из армии пришел, дерется, *петухом* на всех *прыгает*».

Во вторую группу мы включили фразеологизмы, имеющие в составе украинизмы или калькирующие существующие в украинском языке устойчивые выражения: *ладу дать/не дать* – сделать как надо, по правилам или, наоборот, не справиться: «Да ты ж ребенку *ладу* не дашь»; *надогад буряков* – на авось, может, что-то и получится: «Да всё это несерьёзно, а так, *надогад буряков*»; *хисту не хватит* – хватки, хитрости неостанет: «*Хисту* тебе не *хватит* покупать да продавать»; *баки забить* – заморочить голову; *хоть греблю гати* –

много, излишек: «Да таких специалистов там *хоть греблю гати!*» и др. Характеризуя особенности присутствия украинизмов в региолекте Белгородской области, следует указать на их особый статус именно в данном языковом образовании. В традиционной лингвистике украинизмы принято рассматривать как заимствованные слова – или как диалектизмы, если речь идет о южных говорах. На наш взгляд, определенную часть украинизмов следует рассматривать не как заимствования, а как регионализмы, поскольку носителями языка в украиноязычных сёлах факт заимствования не осознаётся и не признается.

Региональный вариант толкования могут иметь фразеологизмы, включенные в известные словари. Например, в словаре Даля слово *нюни* (губы) распространяется фразеологизмом *нюни повесить*, что значит «задуматься, заскучать, пригорюниться, повесить нос...» [1, с. 422], в то время как в разговорной речи белгородцев широко представлен вариант *нюни распусть*, который, соответственно, и обозначает иное: «расплакаться, разреваться» и даже – «сопли распусть», т. е. слово *нюни* уже не соотносится со словом *губы*. Иногда региональный вариант – это более распространенный вариант известного литературного оборота: *у черта на рогах* – вместо *у черта на куличках*; *бирюльками заниматься* – вместо *играть в бирюльки* и др. Думается, примеров подобных расхождений между принятой нормой и региональным «преломлением» значения и функционирования слова / фразеологизма немало в каждом регионе.

Как отдельную группу мы рассматриваем современные фразеологизмы-регионализмы, состоящие из слов литературного языка, однако имеющие хождение только в определенных регионах. Помимо приведенного выше *ситцевого магазина*, отмечено употребление устойчивых выражений *железный магазин*, *мыльный магазин* – для обозначения магазина хозяйственных товаров. Также это могут быть экспрессивные выражения: *дурью торговать* – заниматься глупостями, чем-либо несерьезным: «Дедушка в молодости дурью-то поторговал»; *трактором не объедешь* – о занимающем много места человеке или предмете: «Расселась - трактором не объедешь» и др.

Особую группу в любом региолекте составляют фразеологизмы, включающие топонимы, микропонимы, локализмы. К белгородским фразеологизмам-регионализмам могут быть отнесены устойчивые выражения: *жить на горе* (не в центре: *Харьковская гора* – название «спального микрорайона» Белгорода), *скоро в Ячнево* (о близкой смерти: *Ячнево* – место расположения кладбища), *пора на Новую* (в связи со странностями поведения кого-либо: на ул. *Новая* в г. Белгороде находится областная психиатрическая больница), *встретимся на Сотке* (*Сотка*, *Стометровка* – аллея от Соборной площади до проспекта Богдана Хмельницкого), *большой Вова* – памятник князю Владимиру: «*Лучший вид на город с площадки у большого Вовы*» и др. [2, с. 264].

Как и в литературном языке, региональные фразеологические единицы достаточно устойчивы, их характеризует единство состава и структуры. По степени слитности компонентов здесь можно выделить четыре группы:

1 Фразеологические сращения – фразеологизмы, значение которых определяется значением входящих в их состав компонентов; как образовалось переносное значение, не всегда удается определить. Например: *как в соль сел* – стал слабым, зачах; *кувшин с дёгтем* – непростой человек, не сразу раскусишь.

2 Фразеологические единства – значение таких фразеологических единиц в какой-то мере определяется значением входящих в них компонентов. Переносное, метафорическое значение оборота в целом отчетливо мотивировано. Например: *языком бить* – много болтать; *горб гнуть* -- много трудиться, *не отсевки на току* – не последний в обществе человек.

3 Фразеологические сочетания – стержневое слово в таких оборотах реализует свое значение лишь в соединении с определенным кругом слов, свободно не употребляется: *глазды отбить* – сильно удариться, повредить внутренние органы; *хисту не хватит* – хватки, хитрости, везения не достанет.

4. Фразеологические выражения – фразеологизированные обороты, которые обладают не всеми различительными признаками фразеологизмов, а лишь частью из них, например, воспроизводимостью в готовом виде, образностью. Некоторые их элементы (слова) остаются семантически неполными. К таким выражениям в белгородских говорах мы относим, например, региональные пословицы, поговорки, народные приметы, приобретшие некую метафоричность, которая все-таки полностью выводится из слов, составляющих такие выражения. Например, *Петровки – голодовки*: праздник Петров день отмечается летом, когда прошлогодние запасы уже съедены, а новый урожай еще не подоспел. Поэтому появилась такая поговорка-примета. Можно привести и другие примеры ярких диалектизмов и регионализмов, встречающихся в пословицах, поговорках, образных выражениях, характерных для нашего края: «*Без прикраски и слово не баско*», «*Без перевясла и веник рассыпался*», «*Съездить в Харьковскую губернию, в город Рыльск*» (перифраза выражения «ударить в лицо») и др.

Многие фразеологические единицы говоров, эквивалентные литературным, продолжают активно употребляться в диалектной речи, хотя степень воздействия литературного языка на региональные говоры из года в год увеличивается. Судьба таких слов и фразеологизмов, полагаем, будет зависеть от того, в какой мере будет унифицирован образ жизни людей, продолжающих пользоваться диалектной речью. Многие носители говора знают литературные аналоги диалектных фразеологизмов, тем не менее продолжают пользоваться народными, если участвуют в разговоре с человеком из своей среды, однако перестраиваются на более «грамотную» речь, когда в разговор вступает человек, владеющий литературной нормой: *что есть мочи валуя – что есть мочи валует – что есть мочи кричить – что есть мочи кричит...* [Подробнее см.: 3, с. 155–156].

Фразеология – наиболее яркий, эмоционально-образный слой языка, в котором заложены представления и ассоциации, свойственные народному мышлению. Изучение фразеологических оборотов с региональным компонентом убеждает, что раздающиеся иногда заявления об обреченности говоров беспочвенны. Несмотря на неизбежное влияние нормативного литературного языка, народные говоры живы и продолжают оставаться источником образной, нештампованной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 736 с.

2 Новикова, Т. Ф. Регионализмы как единицы языка с национально-культурным компонентом значения / Т. Ф. Новикова // Фразеология и когнитивистика: материалы I Международной научной конференции: в 2 т. – Белгород, 2008. – Т. 2. – С. 260–264.

3 Голева, Н. М. Особенности региональных фразеологизмов Белгородчины / Н. М. Голева // Фразеология, познание и культура. – Белгород: БелГУ, 2010. – С. 153–157.

УДК 82-81

С. Ф. Иванова

КРЫЛАТЫЯ СЛОВЫ І АНТЫЦЫТАТЫ

У артыкуле аналізуецца так званыя “антыпрыказкі” – парадыйныя, жартаўлівыя трансфармацыі крылатых слоў і агульнаўжывальных прыказак. Вызначаюцца тэкставыя крыніцы крылатых слоў як прататыпаў антыцытат у сучаснай беларускай літаратурнай мове, а таксама спосабы ўтварэння “антыпрыказак”.

Разам з пашыраным ужываннем крылатых слоў без змянення іх сэнсу і знешняй формы вельмі часта яны выкарыстоўваюцца ў маўленні з пэўнымі змяненнямі, у мадыфікаваным выглядзе. Змяненні звычайна не закранаюць змест крылатых слоў, паколькі яго захаванне з’яўляецца абавязковай умовай ужывання крылатых слоў як інтэртэкстаў. У тых жа выпадках, калі трансфармацыя знешняй формы вядзе да змянення сэнсу крылатых слоў, утвараюцца новыя адзінкі, якія або выконваюць намінацыйную функцыю (скіраваны на адлюстраванне нейкай з’явы, падзеі, служаць для наймення нейкіх рэалій ці выражэння пачуццяў і г. д.), або ствараюцца выключна дзеля жарту, іранічнага асэнсавання рэчаіснасці, пародыі на зыходную адзінку, змест яго тэкставай крыніцы ці светапогляд яе аўтара. Такія парадыйныя, іранічныя, жартаўлівыя трансфармацыі крылатых слоў (а таксама прыказак) адносяцца да жанру так званых “антыпрыказак” і досыць распаўсюджаны ў цяперашні час у сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Тыя антыпрыказкі, прататыпамі якіх з’яўляюцца крылатыя словы, а таксама шырока вядомыя цытаты з мастацкіх твораў або літаратурныя выслоўі, мэтазгодна азначаць як “антыцытаты” [1] і разглядаць асобна ад уласна антыпрыказак – такіх адзінак, прататыпамі якіх з’яўляюцца прыказкі.

Колькасны склад беларускіх антыцытат можна вызначыць толькі вельмі прыблізна, паколькі іх стварэнне і функцыянаванне мае яскрава індывідуальна-маўленчы характар з прычыны таго, што корпус шырока вядомых цытат мае вельмі дробную ідыялектную (індывідуальна-маўленчую) дыферэнцыяцыю, дарэчы, значна большую, чым корпус шырока ўжывальных прыказак (так, у парэміялагічных мінімумах розных моў цытат ніколі не было больш за 5,0 %).

Агульная колькасць беларускіх антыцытат, зафіксаваных аўтарам у мове беларускага перыядычнага друку і ў Інтэрнэт-маўленні, складае каля 300 адзінак, якія размяжоўваюцца паводле рознага паходжання прататыпаў, спосабаў і сродкаў дэрывацыі, структурных тыпаў.

Тэкставыя крыніцы крылатых слоў як прататыпаў антыцытат у сучаснай беларускай літаратурнай мове падзяляюцца на наступныя.

1. Фальклорныя творы (пераважна малых жанраў), як уласна беларускія, так і іншамоўныя (пераважна рускія), напр.: *Адны жылі-былі, а іншыя былі, але не дажылі* ← *Жылі-былі...* (традыцыйны зачын казак ва ўсходнеславянскім фальклоры); *Аты-баты, ішлі дэбаты* ← *Аты-баты, ішлі салдаты* (< руск. *Аты-баты, шли солдаты...* – пачатак рускай народнай лічылкі).

2. Святое Пісанне, напр.: *Казламі адпушчэння часцей за ўсё бываюць бараны* ← *казёл адпушчэння* (Лев., 16, 9, 10); *Калі пралез праз вушка іголки – наспрабуй давесці, што ты не вярблюд* ← *Лягчэй вярблюда пралезці праз вугольнае вушка, чым багатаму ўвайсці ў царства Божае* (Мф., 19, 24; Лк., 18, 25); *Кесарава – кесару, слесарава – слесару* ← *Кесарава Кесару <, а богава Богу>* (Мф., 22, 15–21; Лк., 11, 42); *У чужым воку бачыш пылінку, а на сваёй галаве і рагоў не заўважаеш* ← *У чужым воку саломінку бачым, а ў сваім і бярвяна не заўважаем* (Мф., 7, 5).

3. Творы мастацкай літаратуры і драматургіі розных эпох і народаў, у тым ліку і беларускай:

а) раманы, аповесці, апавяданні і г. д., напр.: *Апетыт прыходзіць у гасцях* ← *Апетыт прыходзіць у часе яды* (< фр. *L'appétit vient en mangeant* – афарызм з рамана Ф. Рабле “Тарганцюа і Пантагруэль”, 1532, дзе ўжываецца як цытата з трактата епіскапа Ж. дэ Анжэ “Аб прычынах”, 1515); *Усе няшчасці чалавека ад таго, што ён створаны для ішчасця* ← *Чалавек народжаны для ішчасця, як птушка для палёту* < руск. *Человек рождён для счастья, как птица для полёта* (выслоўе з апавядання У. Г. Караленкі “Парадокс”, 1894);

б) паэмы, вершы і г. д., напр.: *А хто там ідзе? А хто там ідзе? Рэвізоры* ← “*А хто там ідзе?*” – назва верша Я. Купалы, 1905–1907); *Пры адчыненым акне ў Еўропу сон*

здаравейшы ← *У Еўропу прасячы акно* (< руск. *в Европу прорубить окно* – выраз з паэмы А. С. Пушкіна “Медный всадник”, 1833); *Шукаць, знайсці і не перахаваць... ← Змагацца і шукаць, знайсці і не здавацца* (< англ. *To strive, to seek, to find, and not to yield* – выслоўе з паэмы А. Тэнісана “Уліс”, 1842, паўторанае ў рамане В. А. Каверына “Два капітана”, 1938–1944);

в) байкі, напр.: *Асёл з дыпламам – ужо не асёл, а дыпламаваны баран* ← “*Дыпламаваны баран*” (назва байкі К. Крапівы, 1926); *Зязюля хваліць пеўня, а певень топча курыцу* ← *Зязюля пеўня ўсхваляе, Таму што хваліць ён яе* (< руск. *Кукушка хвалит петуха За то, что хвалит он кукушку* – радкі з байкі І.А. Крылова “Кукушка и петух”, 1834);

г) п’есы, напр.: *Жыццё – не толькі барацьба, але і іншыя віды спорту* ← *Жыццё – <гэта> барацьба* (выслоўе з трагедыі Эўрыпіда “*Ἰκέτιδες*”, паўторана Сенекай у “*Epistolae morales*”: *Vivere militare est*); *Чалавек! – гэта гучыць горда, пакуль не пачынае заплятацца язык* ← *Чалавек – гэта гучыць горда* (< руск. *Человек! Это звучит гордо!* – афарызм з п’есы М. Горкага “На дне”, 1902).

4. Публіцыстычныя тэксты, напр.: *Беражыце мужчын! Не выходзьце замуж!* ← *Беражыце мужчын* (< руск. “*Берегите мужчин!*” – заглавак артыкула Б.Ц. Урланіса ў газете «Літаратурная газета» ад 24 ліпеня 1968 пра тое, што мужчыны паміраюць значна раней, чым жанчыны); *Вучыцца, вучыцца, вучыцца... А калі працаваць?* ← *Вучыцца, вучыцца і вучыцца* (< руск. *Учиться, учиться и ещё раз учиться* – выслоўе з артыкула У.І. Ульянава-Леніна “Лучше меньше, да лучше”, 1923).

5. Навуковыя тэксты, напр.: *Колькі б не шукалі ісціну ў віне, на самой справе яна знаходзіцца ў гарэлы* ← *Ісціна ў віне* (< лац. *In vino veritas* – афарызм з “*Naturalis historia*” Плінія Старэйшага, 23/24 – 79).

6. Выказванні вядомых асоб (гістарычных, дзяржаўных і культурных дзеячаў), напр.: *Ведаем мы вас, але не можам пазнаць сябе* ← *Пазнай самага сябе* (< гр. *Γνῶθι σεαυτόν* – выслоўе Фалеса, аднаго з старажытнагэрачаскіх “сямі мудрацоў”, якое было напісана на франтоне храма Апалона ў Дэльфах); *Грошы не пахнуць, а на смак лепш не каштаваць* ← *Грошы не пахнуць* (< лац. *Non olet pecunia* – выслоўе старажытнарымскага імператара Веспасіяна, 69–79); *Жыць стала лепш... За мяжой* ← *Жыць стала лепш, <таварышы,> жыць стала веселей* (< руск. *Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее* – словы з прамовы І.В. Сталіна 17 лістапада 1935);

7. Мова кіно, напр.: *Каб ты жыў на адну Нобелеўскую прэмію!* ← *Каб ты жыў на адну зарплату!* (< руск. *Чтоб ты жил на одну зарплату!* – фраза з к/ф рэжысёра Л. Гайдая “Бриллиантовая рука”, 1969); *Ну, дыета, пачакай! (надпіс на торце)* ← *Ну, заяц, пачакай!* (< руск. *Ну, заяц, погоди!* – выраз з м/ф рэжысёра В. М. Кацёначкіна “Ну, погоди!”, 1969–1992).

8. Тэксты масавай камунікацыі, якія сталі прэцэдэнтнымі:

а) эпіграфічныя (надпісы рознага зместу ў грамадскіх месцах), напр.: *Беражыце лес ад пажараў, бо не будзе з чаго рабіць запалкі!* ← *Беражыце лес ад агня (ад пажару)!* (надпіс каля лясных масіваў); *Пешаходы і вадзіцелі, будзьце ўзаемацвярозымі* ← *Пешаходы і вадзіцелі, будзьце ўзаемаветлівымі* (надпіс каля пешаходных пераходаў на скрыжаваннях, уздоўж дарог);

б) палітычныя (лозунгі, заклікі і да т. п.), напр.: *Пралетарыі ўсіх краін, пахмяляйцеся!* ← *Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!* (< ням. *Proletarier aller Länder, vereinigt euch!* – лозунг Міжнароднага рабочага руху, сфармуляваны К. Марксам і Ф. Энгельсам у “Маніфесте Камуністычнай партыі”, 1848);

в) рэкламныя, напр.: *Адзін грам нікаціну забівае каня. Так яму і трэба: хай не курыць* ← *Адзін грам нікаціну забівае каня* (выраз з сацыяльнай рэкламы Міністэрства аховы здароўя Рэспублікі Беларусь); *Заплаці падаткі – і спі спакойна з кім хочаш* ← *Заплаці падаткі і спі спакойна* (< руск. *Заплати налоги – и спи спокойно* – выраз з

тэлевізійнага роліка сацыяльнай рэкламы Міністэрства па падатках і зборах Расійскай Федэрацыі).

Пры ўтварэнні антыцытат зыходныя адзінкі трансфармуюцца на розных моўных узроўнях – фанетычным, марфалагічным, лексічным, сінтаксічным – і падпарадкоўваюцца тым жа законам пераўтварэння, якія характэрныя для парэмій, хоць і маюць прыкметныя адрозненні ў мэтах трансфармацыі, у прадуктыўнасці спосабаў і ў наборы фармальных і семантычных сродкаў пераўтварэнняў.

Спосабы ўтварэння антыцытат маюць розную прадуктыўнасць. Асноўныя з іх (паводле памяншэння ступені прадуктыўнасці) наступныя.

1. Рознаўзроўневыя трансфармацыі зыходнай адзінкі, напр.: *Бяз родных ніў, бяз роднай хаты пішу я толькі кампраматы! Ананім* ← *Ад родных ніў, ад роднай хаты* (радкі з верша М. Багдановіча “Слуцкія ткачыкі”, 1912: “Ад родных ніў, ад роднай хаты У панскі двор дзеля красы Яны, бяздольныя, узяты Ткаць залатыя паясы...”); *Доўгія ногі – не раскоша, а сродак руху* ← *Аўтамабіль – не раскоша, а сродак перамяшчэння* (< руск. *Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения* – афарызм з рамана І. Ільфа і Я. Пятрова “Золотой телёнок”, 1931); *Лепш больш, але менш* ← *Лепш менш, ды лепш* (< руск. “*Лучше меньше, да лучше*” – назва артыкула У. І. Ульянава-Леніна, 1923); *Мой родны кот, як ты мне мілы!* ← *Мой родны кут, як ты мне мілы! Забыць цябе не маю сілы* (першыя радкі паэмы Я. Коласа “Новая зямля”, 1919–1923); *Час цячэ, і ўсё не мяняецца* ← *Усё цячэ, усё мяняецца (змяняецца)* (< ст. грэч. *Πάντα ῥεῖ* – афарызм Геракліта Эфэскага, каля 520 – 460 да н. э.).

2. Разгортванне пэўнага вобраза зыходнай адзінкі, напр.: *Не лаві варон, якім Бог не паслаў кавалачак сыру* ← *Вароне раз Гасподзь паслаў кавалак сыру* (< руск. *Вороне как-то Бог послал кусочек сыра...* – першыя радкі байкі І. А. Крылова “Ворона и лисица”, 1807); *Пралез праз вуголінае вушка – можаш не прадстаўляцца* ← *Лягчэй вярблуду пралезці праз вугольнае вушка, чым багатаму ўвайсці ў царства Божае* (гл. 4.2).

3. Далучэнне да зыходнай адзінкі новага тэксту з мэтай іранічнага або жартаўлівага каментарыя зместу крылатага выразу, напр.: *Народжаныя поўзаць лятаць не могуць. Затое могуць вельмі высока запаўзаць* ← *Народжаны поўзаць лётаць не можа* (< руск. *Рождённый ползать – летать не может!* – афарызм з верша ў прозе М. Горкага “Песня о соколе”, 1895); *Прыйшоў, убачыў, перамог і... пачаў плаціць аліменты* ← *Прыйшоў, убачыў, перамог* (< лац. *Veni, vidi, vici* – выслоўе Гая Юлія Цэзара, 102 або 100–44 да н. э., якім ён паведаміў у лісце да свайго сябра Амінтыя аб перамозе ў бітве пры Зелі ў жніўні 47 да н. э. над панцыйскім царом Фарнакам, сынам Мітрыдата); *Рукапісы не гараць. А вось ганарары знікаюць бяследна* ← *Рукапісы не гараць* (< руск. *Рукописи не горят* – афарызм з рамана М.А. Булгакава “Мастер и Маргарита”, 1929–1940).

4. Увядзенне зыходнай адзінкі (або яе перафразаванай формы) у той ці іншы стандартны кантэкст, напр.: *Плакат ля ўвахода ў лабірынт: “Дарогу маладым!”* ← *Маладым у нас дарога ўсюды* (< руск. *Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почет* – выслоўе з песні І. В. Дунаеўскага на словы В. І. Лебедзева-Кумача “Песня о Родине”, 1936, якая ўпершыню прагучала ў к/ф рэжысёра Р. В. Аляксандрава “Цирк”, 1936).

5. Кантамінацыя двух (ці болей) зыходных тэкстаў (або іх частак), адным з якіх часта з’яўляецца прыказка або фразеалагізм, напр.: *Будуць і ваўкі сытыя, і авечкі цэлыя, калі ёсць казёл адпушчэння* ← *І ваўкі сытыя, і авечкі цэлыя* (прыказка) + *казёл адпушчэння* (Лев., 16, 9, 10); *Народжаны поўзаць лятаць не можа, затое можа стаць птушкай высокага палёту* ← *Народжаны поўзаць лётаць не можа* (гл. 5.1.3) + *птушка высокага палёту* (фразеалагізм); *Наш паравоз ляціць уперад. А воз і сёння там* ← *Наш паравоз ляці наперад* (< руск. *Наш паровоз вперёд лети! В коммуне остановка*

– радкі з песні П. Зубакова на словы А. Співака “Паровоз”, 1922) + *А воз і сёння там* (< руск. *А воз и ныне там* – радок з байкі І.А. Крылова “Лебедь, Щука и Рак”, 1816).

Абавязковай умовай стварэння кожнай антыцытаты з’яўляецца веданне носьбітамі мовы яе прататыпа, інакш пародыя або жарт траціць сэнс. Гэтую асаблівасць антыцытат, дарэчы, можна выкарыстаць для ўдакладнення парэміялагічнага мінімуму беларускай мовы, паколькі яны з’яўляюцца трансформамі найбольш вядомых і распаўсюджаных крылатых слоў, якія часта страчваюць у свядомасці носьбітаў мовы асацыяцыйную сувязь з тэкставымі крыніцамі свайго паходжання і ўжываюцца ў маўленні ўжо як прыказкі.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Mieder, W. *Verkehrte Worte. Antizitate aus Literatur und Medien* / W. Mieder. – Wiesbaden: Quelle & Meyer 1997. – 356 s.

УДК 81’373.611:81.161.1

И. И. Кобыш

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На материале новых лексикографических источников рассматриваются основные тенденции отфразеологического словообразования; анализируются наиболее продуктивные способы словообразования на базе фразеологических единиц – импликация (чистая и осложненная аффиксами), сложение, сращение.

Одним из активнейших способов пополнения лексического фонда является отфразеологическая деривация – закономерный, хотя и нерегулярный процесс. В лексикографическом буме последних десятилетий нетрудно увидеть стремление лексикографов максимально полно зафиксировать и квалифицировать всё, что происходит в русском языке. «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой, О. И. Литвинниковой является удачной попыткой описания слов, образованных на базе фразеологизмов и отражает основные тенденции образования новых слов на базе фразеологизмов [1]. Это лексикографический труд нового типа, совмещающий в себе признаки толкового, словообразовательного и фразеологического словарей. Его цель – системно представить слова, значения которых сформировались под влиянием фразеологических единиц [1, с. 4].

Для описания процесса отфразеологического словообразования в современной лингвистике используются различные термины: семантическая конденсация, компрессия, универбация, лексико-семантическое словопроизводство, семантическое переразложение, регенерация, эллиптическое словообразование, импликация, субституция, контаминация и ее подвиды, чересступенчатое словообразование, гендиадис, метатеза, тмезис и многие другие. Выбор термина зависит от того, под каким углом зрения – словообразовательным или семантическим – рассматривается исследователем полученное новообразование.

В последние десятилетия ученые-дериватологи в большей степени склонны использовать такие традиционные термины, как сложение, слияние (сращение) и т. д. И. С. Улуханов отмечает, что слова *какнибудцы*, *коекакеры*, *немогузнайка*, *неотмирасевосенька* образованы сращением с дополнительной суффиксацией [2, с. 63]. Составители анализируемого нами словаря тоже графически различают способы

словообразования – сложение (*шапк-о-лома-ни*[j(э)], сращение (*так/себе-й-н(ый)*) [1, с. 321].

Ученые предлагают разные подходы, разные классификации способов словообразование на базе фразеологизмов, но, несмотря на разнообразие взглядов, все единодушны в том, что образование производных слов осуществляется тремя основными способами: 1) имплицирование одного или нескольких компонентов фразеологизма (чистое и осложненное аффиксами); 2) слияние компонентов фразеологизма; 3) сложение компонентов фразеологизма (чистое или с дополнительной суффиксацией).

Условно выделяются несколько подтипов импликации в зависимости от части речи, вычленяемой (выделяемой) из состава фразеологизма – именная, глагольная, наречная [3, с. 57–59]. На основе фразеологизмов образуются глаголы, существительные, прилагательные: *витать в облаках* → *витать*, *драть глотку* → *глотник*, *петь аллилуйю* → *аллилуйный*, *крепкий орешек* → *орешек*, *снимать пенки* → *пенки*, *олух царя небесного* → *олух*. Большинство глаголов образовано путем «чистой» импликации: *валить валом* → *валить*, *закладывать за воротник* → *закладывать*. Образование некоторых глаголов осложнено аффиксами: *тянуть канитель* → *канител-и-ть-ся*, только 10 % производных образованы присоединением конфиксов: *вытянуться в струнку* → *вы-струн-и-ть-ся*, *попасть впросак* → *ис-просач-и-ть-ся*.

Одним из самых продуктивных способов образования новых слов на базе фразеологизмов является сложение (чистое и осложненное суффиксацией): *сладкая жизнь* «приятная, доставляющая удовольствие, беззаботная, легкая жизнь» → *сладкожитие* – то же, что *сладкая жизнь* **сладк-о-жи-ти*[j(э)] [1, с. 299]; *толочь воду* «заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время» → *водотолчение* «заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время»; **вод-о-толч-ени*[j(э)] [1, с. 76]; *драть козла* «петь плохо, неприятным голосом, или плохо играть на музыкальном инструменте» → *козлодрание* «плохое пение и/или плохая игра на музыкальном инструменте»; **козл-о-дра-ни* [j(э)] [1, с. 153]; *водить за нос* «обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного» → *носовожденье* «обман, пустые обещания, невыполнение обещанного»; **нос-о-вожд-ень*[j(э)] [1, с. 212]; *валять Ваньку* «праздно проводить время, бездельничать» → *ваньковалейство* «ничего неделание; праздное времяпровождение»; **ваньк-о-валяй-ств(о)* [1, с. 66]; *коптить небо* «жить бесцельно, без пользы для других; не делать ничего полезного» → *небокоптитель* «тот, кто коптит небо»; **неб-о-копти-тель* [1, с. 199]; *задирать нос* «зазнаваться, важничать, чваниться» → *носозадираатель* «тот, кто задирает нос, зазнается, важничает»; **нос-о-задира-тель* [1, с. 212].

Большое количество слов образовано сложением с дополнительным нулевым суффиксом: *падать/упасть на хвост* «навязывать кому-л. свое присутствие в надежде получить что-л. за чужой счет» → *хвостопад* «тот, кто падает на хвост кому-л.»; **хвост-о-пад-^* [1, с. 351]; *гнать беса* «симулировать психическое заболевание», «лгать, обманывать», «прикидываться простаком» → *бесогон* «тот, кто гонит беса»; **бес-о-гон-^* [1, с. 53]; *дуть мозги* «надоедать кому-либо агитацией и пропагандой» → *мозгодуй* «тот, кто дует мозги, лектор-агитатор»; **мозг-о-дуй-^* [1, с. 177]; *клевать мозги* «лостоянно твердить кому-либо об одном и том же; нудно наставлять, поучать кого-либо, изводить просьбами, назойливыми разговорами» → *мозгоклюй* «надоедливый человек, зануда»; **мозг-о-клюй-^* [1, с. 178].

На базе некоторых фразеологизмов образованы дериваты-синонимы: *гнать туфту* «говорить неправду, ерунду, обманывать кого-либо» → *туфтогон* «тот, кто гонит туфту; обманщик, лжец»; **туфт-о-гон-^* [1, с. 335]; *гнать тюльку* «обманывать, лгать» → *тюлькогон* «тот, кто гонит тюльку, обманщик»; **тюльк-о-гон-^* [1, с. 335]; *гнать фуфлю* «обмануть кого-либо, наговорить ерунды кому-либо» → *фуфлогон* «тот, кто гонит фуфлю; болтун, лгун, обманщик»; **фуфл-о-гон-^* [1, с. 342].

Сращение тоже относится к активному способу отфразеологического словообразования. Сращением без осложняющих аффиксов образовано только несколько слов: *не/в/кайф* – «неприятности, трудности, состояние не в кайф» ← *не в кайф* «неприятно, трудно, нехочется» [1, с. 199]; *не/в/кипиш* – то же, что не в кипиш ← *не в кипиш* «легко, без проблем, запросто», «неприятно, не хочется» [1, с. 200]; *в/нагляк* – то же, что в нагляк ← *в нагляк* «нагло, нахально, напрямик, напралом» [1, с. 76].

Большинство слов образовано сращением с дополнительной суффиксацией: *все/до/фен-щин(а)*, *все/напле-изм*, *не/лыком/шит-ость*, *не/могу/знай-к(а)*, *ни/фига-сък(а)*: *Христа ради* «обращение за милостыней, подаванием или предложением милостыни, подавания» → христарадник «тот, кто прости Христа ради; нищий»; * *христа/рад-ник* [1, с. 356]; *как бы чего не вышло* «чтобы не случилось чего-либо непредвиденного, нежелательного в ответ на чьи-либо действия» → *кабычегоневышилист* «осторожный, осмотрительный во всех своих действиях человек»; * *ка/бы/чего/не/вышил-ист* [1, с. 146]; *не могу знать* «формула ответа человека несведущего или уклоняющегося от прямого ответа» → *немогузнайка* «о человеке несведущем, уклоняющемся от прямого ответа»; * *не/могу/знай-к(а)* [1, с. 201]; *до фени* «безразлично, всё равно» → *дофенист* «тот, кому все до фени, равнодушный, безразличный ко всему человек»; * *до/фен-ист* [1, с. 110]; *не лыком шит* «не хуже других в каких – либо отношениях; не лишен знаний, способностей» → *нелыкомшитость* «свойство того, кто не лыком шит»; * *не/лыком/шит-ость* [1, с. 200]. Сращение как способ отфразеологического словообразования может сопровождаться наложением: *анахренархия* «отсутствие организованного управления и как следствие этого – путаница, неразбериха» ← *на хрена+анархия* [1, с. 35]; при сращении слово может быть образовано с обыгрыванием созвучия фразеологизма и имени, например, имени испанского модельера Пако Рабана: *пако/рабана* «то же, что по барабану» ← *по барабану* «безразлично, все равно» [1, с. 229]; *в/лом-инадзе* «то же, что в лом, вломно» ← *в лом* «не хочется, неприятно, тяжело» (по аналогии с грузинской фамилией) [1, с. 67].

Сращение и сложение могут сопровождаться вставкой в слово какой-либо единицы (выделяется отдельный способ словообразования – тмезис): *держатъ клятву* «быть верным данной кому-л. клятве, данному слову» → *клятвонедержание* «нарушение клятвы, клятвопреступление»; **клятв-о-не-держа-ни[j(э)]* [1, с. 152]; *совать* <свой> нос «вмешиваться во что-л., обычно не в свое дело» → *свойносво* *сесователь* «тот, кто во все сует свой нос»; **свой/нос/во/все/сова-тель* [1, с. 294]; *черт не брат* «все нипочем, все очень легко, ничего не стоит, о чьей-либо смелости в действиях, поступках, мыслях» → *чертнамнебратство* «абсолютная независимость, смелость в действиях, поступках, когда черт не брат»; * *черт/нам/не/бра-тств(о)* [1, с. 360].

Отфразеологическое словообразование характеризуется многообразием способов словообразования: 1) дефисное сложение элементов: *на-все-руки* «то же, что мастер на все руки» ← *мастер на все руки* «человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле» [1, с. 188]; в ряде случаев дефисное сложение дополняется суффиксацией: *с-глазу-на-глаз-чик* «тот, кто действует с глазу на глаз» ← *с глазу на глаз* «наедине, без свидетелей, без посторонних» [1, с. 294]; 2) чересступенчатое словообразование; в процессе словообразования на базе фразеологизма наблюдается заполнение системы создания нового слова, как бы минуя одно из звеньев словообразовательной цепи, с пропуском звена, на месте которого должно быть непосредственно мотивирующее слово: *срывать (сносить) крышу* «производить сильное впечатление» → *крышесрыватьельнее* «о том, что оставляет неизгладимое впечатление по причине своей исключительности», отсутствуют слова *крышесрывать*, *крышесрыватьель*, *крышесрыватьельный* [1, с. 164]; *под каблуком* «в полной зависимости, беспрекословном подчинении (быть, находиться), обычно о зависимости мужа от жены» → *подкаблучивание* «подчинение мужа жене»; * *под/каблuch-ивани[j(э)]* [1, с. 244]; абстрактное существительное

подкаблучивание должно быть образовано от глагола, но глагол *подкаблучивать* отсутствует; 3) контаминация (для контаминации характерно объединение мотивирующих основ без участия какого-либо словообразовательного форманта, сопровождаемое частичным наложением в месте соединения): *социолух* (*социолух* + *социолог* + *олух*). Необычность сочетания производящих основ обуславливает то, что все контаминированные образования обладают ярко выраженным оттенком новизны, насыщенной информативностью и выразительностью: *сорвиголов-н(ой)* ← *сорвиголова* и *головной (убор)* [1, с. 221].

Отфраземные неослова появляются как окказионализмы, и только немногие из них впоследствии приобретают статус узуальных лексем. Но, даже став полноправными (узуальными) единицами языка, эти производные лексемы сохраняют эмоциональную выразительность. К основным причинам, обуславливающим активность отфразеологического словообразования в русском языке, можно отнести принцип экономии речевых средств, тенденцию языка к экспрессивности и стремление создателей слов избежать повтора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Алексеенко, М. А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 400 с.

2 Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 232 с.

3 Ермакова, Е. Н. Импликация как форма движения от фразеологизма к слову / Е. Н. Ермакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/110/006.pdf>.

УДК 82.09:81-116:398.9

Ф. С. Палякоў

СТРУКТУРА ЁСТОЙЛІВАГА ПАРАЎНАННЯ І ФУНКЦЫІ ЯГО КАМПАНАЕНТАЎ

Разглядаецца структура ёстойлівых параўнанняў і функцыі іх кампанентаў у залежнасці ад суаднясення гэтых кампанентаў – аб'екта, эталона і падставы параўнання. Вызначаюцца мадэлі будовы трохчленных параўнанняў і іх семантыка; асобна характарызуецца кампаратыўныя парэміі, у склад якіх ўваходзяць не абавязковыя для мінімальнай структуры кампаненты.

Практычна кожнае даследванне ёстойлівых параўнанняў у культурах розных народаў свету ставіць задачу зрабіць класіфікацыю згаданых парэміі паводле структуры. Большасць вучоных вызначаюць структурныя тыпы параўнанняў паводле паслядоўнасці ўсіх слоў і іх часцінамоўнай прыналежнасці [3, с. 10]. Некаторыя даследчкі вылучаюць у структуры праўнання толькі два кампаненты: словы ці спалучэнні слоў, якія знаходзяцца па розныя бакі ад параўнальнага злучніка [1, с. 9]. Гэтым кампанентам даюцца ўдмоўныя назвы “першы” і “другі”, “правы” і “левы”. Пры гэтым С. А. Байцоў называе “левы” кампанент “стрыжнёвым”, а П. Г. Мусаева гэту ж назву дае цэнтральнаму вобразу “правага” кампанента.

Такія тэрміны, як “першы” і “другі”, або “правы” і “левы” кампаненты падаюцца не зусім карэктнымі. Па-першае, яны аб'ядноўваюць структурна-семантычныя адзінкі з рознай граматычнай прыродай. Па-другое, гэта стварае перашкоду ў вывучэнні

ўстойлівых параўнанняў на міжнародным ўзроўні. Складанасць заключаецца ў тым, што граматыка некаторых моваў свету, напрыклад, лакскай [3, с. 10–22], патрабуе адваротнага парадку кампанентаў у параўнанні з усходнеславянскімі мовамі.

Відавочна, класіфікацыя ўстойлівых параўнанняў паводле сінтаксічнай будовы з’яўляецца выключна мовазнаўчай і не мае практычнага значэння ў фалкльарыстычным даследаванні. Больш цікавую агульную структурную мадэль параўнанняў на розных узроўнях мовы рэпрэзентуе А. В. Трагубчак (пры гэтым фразеалагічны ўзровень мовы ў дысертацыі не закранаецца). Параўнанне вызначаецца трохчленнай будовай і складаецца з аб’екта, эталона і падставы параўнання [5, с. 9]. У залежнасці ад таго, як суадносяцца гэтыя кампаненты, можна вылучыць наступныя тыпы ўстойлівых параўнанняў.

Параўнанні-прыказкі, або параўнанні-афарызмы будуцца ў жывой гаворцы па наступнай мадэлі: “аб’ект як эталон: падстава” – *чалавек як муха: тут е, а тут няма* [2, с. 418]. Параўнанні гэтага тыпу вызначаюцца найменшай ступенню ўстойлівасці і экспрэсіўнасці, як і іншыя фразеалагізмы ў шырокім разуменні гэтага тэрміна.

Большасць устойлівых параўнанняў маюць два матэрыяльна выражаныя кампаненты. Такія кантэкстуальна няпоўныя параўнанні, як правіла, будуцца па дзвюх асноўных мадэлях: “аб’ект як эталон” і “падстава як эталон” – *дзеўка як букатка; не хочацца, як ляному каню ў аглоблі* [2, с. 312]. Пры гэтым, як і галоўныя члены аднаасаўнага сказа, кампаненты параўнання вызначаюцца няздольнасцю да бясследнага знікнення і ўзаемазамяняльнасцю. Так, у параўнанні *літвін як лін* матэрыяльна не выражана прымета *хітры, вёрткі*, але эталон *лін* у дадзеным кантэксце выконвае падвоеную ролю, беручы на сябе семантычнае значэнне прыметы. У большасці параўнанняў тыпу “падстава як эталон” аб’ект параўнання можа згадвацца у папярэднім кантэксце (за выключэннем безасабовых сказаў), але, як адзінка кантэкстуальна пераменная, у фразеалагічнае спалучэнне не ўваходзіць: *(хто?) ходзіць як сава* [2, с. 412]. Пры гэтым прымета параўнання *Ходзіць* даволі прадуктыўна выконвае ролю аб’екта.

Такі падзел двухкампанентных параўнанняў патрабуе асобнага разгляду некаторых “цяжкасцей”.

Сярод параўнанні, пабудаваных па мадэлі “аб’ект-падстава як эталон”, сустракаюцца пераходныя, набліжаныя да мадэлі “аб’ект як эталон-падстава”. Як правіла, такія параўнанні пачынаюцца са слоў катэгорыі стану, некаторых дзеясловаў, якія маюць фармальныя рысы падставы параўнання, але “сапраўдная” падстава не толькі фармальна не выражана, але і знаходзіцца з “левым кампанентам” у антанімічных адносінах – *трэба, як сабаку пятая лапа; праўда, як вош кашляе; весела, як рыбцы на кручку; любіць, як сабака палку*. Для прыкладу, парэмія *весела, як рыбцы на кручку* фармальна можа быць аднесена да мадэлі “аб’ект-падстава як эталон”, але яна не менш набліжана да мадэлі “аб’ект як эталон-падстава”, таму што кампанент-эталон “як рыбцы на кручку” змяшчае ў сабе семантычнае значэнне “сапраўднай” падставы параўнання “нявесела”. Семантыка такіх параўнанняў больш адназначная і відавочная, чым параўнанняў “несумненнай” мадэлі “аб’ект як эталон-падстава” (*літвін як лін*). Іранічны пафас, павышаная экспрэсіўнасць, аслабленае параўнальнае значэнне, набліжанасць да іншай катэгорыі выслоўяў, вылучанай М. Я. Грынבלатам, – “Трапныя і смешныя ўстойлівыя выразы, жарты, каламбуры” [2, с. 8], – з’яўляюцца характэрнымі рысамі разгледзенай катэгорыі парэмій. Набліжанымі да іншых катэгорый выслоўяў можна назваць і тыя кампаратыўныя парэміі, у структуру якіх уваходзяць дадатковыя, не абавязковыя для мінімальнай структуры параўнання кампаненты. Такія парэміі могуць таксама быць жартамі, але без іранічнага пафасу і могуць уваходзіць у структуру выслоўяў з ярка выражанай камунікатыўнай функцыяй (вітанні,

віншаванні, пажаданні, праклёны) – дару жменю медзі, каб былі дзеці як мядзведзі [2, с. 163].

Згодна з тэорыяй актуальнага члянэння маўлення два кампаненты мінімальнага ўстойлівага параўнання можна назваць тэмай і рэмай [4, с. 129]. Тэма выконвае ролю аб'екта параўнання (галоўную ці пабочную), асноўнай семантычнай рысай рэмы параўнання будзе падстава. Мяжой тэмы і рэмы з'яўляецца параўнальны злучнік.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Бойцов, С. А. Устойчивые сравнения в брянских говорах / С. А. Бойцов: (10.02.01): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л., 1986. – 17 с.

2 Выслоўі . – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 518 с.

3 Мусаева, П. Г. Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков / П. Г. Мусаева // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.20 – Махачкала, 2008. – 26 с.

4 Рамза, Т. Р. Сінтаксіс : Тэарэт. курс : вучэб. дапам. для ВНУ па спецыяльнасці «Беларус. мова і літ.» / Т. Р. Рамза. – Мн. : Беларус. дзярж. ун-т, 2003. – 201 с.

5 Трегубчак, А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения / А. В. Трегубчак // Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2008. – 22 с.

УДК 811.161.3'374.3

Л. В. Рычкова, І. А. Чэпікава

АДЛЮСТРАВАННЕ ФРАЗЕАЛАГІЗАЦЫ СПЕЦЫЯЛЬнай ЛЕКСІКІ Ў ТЛУМАЧАЛЬНЫМ СЛОЎНІКУ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ*

Праводзіцца аналіз слоўнікавых артыкулаў «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», якія ўключаюць спецыяльную лексіку; паказваецца, што колькасць фразеалагізмаў тэрміналагічнага паходжання несувымерна меншая, чым яны прадстаўлены ў мове. Абгрунтаваецца думка аб неабходнасці распрацоўкі крытэрыяў адбору такіх адзінак і алгарытму іх апісання пры складанні новых тлумачальных слоўнікаў беларускай мовы.

Мовы, якія валодаюць працяглай літаратурна-пісьмовай традыцыяй, характарызуе сёння высокая ступень інтэлектуалізацыі, што праяўляецца, у прыватнасці, ва ўзрастанні тэрміналагічнага слоя лексікі, які складае ад 90 да 99 % ад усяго лексічнага моўнага складу [1, с. 12].

Калі пагадзіцца з думкай, што «не кожнае спецыяльнае слова – тэрмін» [2, с. 7], то спецыяльных слоў у мове яшчэ больш. Таму асаблівую надзённасць набывае праблема адлюстравання спецыяльнай лексікі ў вялікіх агульнафілалагічных слоўніках. Для беларускай мовы гэта «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» ў 5 тамах [3] (далей – ТСБМ). Надзённасць праблемы адлюстравання спецыяльнай лексікі ў слоўніках агульнага тыпу ўзмацняецца ў сувязі са зменамі ў разуменні спецыяльнай лексікі, трансфармацыя паняцця якой непазбежна пры пераходзе да грамадства ведаў [4] і пры фарміраванні, акрамя прадметна-арыентаваных, навуковых, таксама сацыяльна-арыентаваных тэрмінасістэм [5]. Вядома, што крыніцай для стварэння тэрміналагічных

* Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (дагавор № Г11Р-030 ад 15.04.2011 г.).

адзінак часта служаць існуючыя ў літаратурнай мове намінатыўныя адзінкі [6, с. 91], аднак назіраецца і адваротны працэс, калі агульнаўжывальны лексічны склад мовы папаўняецца шляхам дэтэрміналагізацыі, за кошт спецыяльнай лексікі. Фразеалагізмы, з гэтага пункту гледжання, не складаюць выключэння і часта ўтвараюцца шляхам «пераасэнсавання прафесіянальных выразаў» [7, с. 53]. Сапраўды, фразеалагізацыя выразаў, што належаць да спецыяльнай лексікі, тэрмінаў, што стварыліся сінтаксічным шляхам, неаднаразова апісвалася ў навуковай і навучальнай літаратуры [8; 9; 10 і інш.], а таксама адзначана ў «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў», складзеным І. Я. Лепешавым [11].

Аб'ём ТСБМ складаюць 93504 адзінкі / слоўнікавыя артыкулы (адпаведна па тамах: т. 1 – 16354, т. 2 – 19269, т. 3 – 16609, т. 4 – 18093, т. 5 кн. 1 – 12861, кн. 2 – 10318), з іх 5687 артыкулаў (т. 1 – 699, т. 2 – 718, т. 3 – 1001, т. 4 – 956, т. 5 кн. 1 – 983, кн. 2 – 1330) у розных месцах сваёй структуры змяшчаюць памету *спец.* (так па замыслу складальнікаў слоўніка адзначаецца спецыяльная лексіка) або ўключаюць зону тэрміналогіі (пад знакам O) ці маюць спасылку на сферу функцыянавання (напрыклад, у *матэматыцы*, у *лінгвістыцы*, у *філасофіі*, у *вайскавай справе* і г.д.) пры тлумачэнні лексічнага значэння загаловачнага слова ці фразеалагізма.

Шэраг слоўнікавых артыкулаў змяшчае зону фразеалогіі (пад знакам ◊). Нас цікавілі толькі тыя выпадкі, калі ў фразеалагічнай зоне слоўнікавых артыкулаў сустракаецца памета *спец.* ці ўказанне на сферу выкарыстання. У ТСБМ зафіксавана нязначная колькасць такіх прыкладаў. Як фразеалагізм пададзена з паметай *спец.* састаўная адзінка *выгнаць абзу*, якая мае значэнне 'стругаючы, зняць абзу, састругаць' [3, т. 1, с. 529]. Гэта адзінка падаецца ў слоўнікавым артыкуле з загаловачным словам *выгнаць*, сярод значэнняў якога на пятай пазіцыі – 'здабыць шляхам перагонкі' (з паметай *спец.*). У зоне фразеалогіі змяшчаюцца, напрыклад, выразы *адаць канцы* [3, т. 1, с. 130], у *лоб* [3, т. 3, с. 57]. Заўважым, што значэнне першай састаўной адзінкі ('у марской справе: адвязаць, паслабіць швартовы') адпавядае тлумачэнню дзеяслова *адаць* (на дзевятай пазіцыі – 'адвязаць, паслабіць якар і пад.' з паметай *спец.*). Такім чынам, назіраецца фразеалагізацыя спецыяльнага выразу. Фразеалагізм у *лоб* мае тры значэнні, прычым два з іх адносяцца да спецыяльнай лексікі: 1) 'у вайскавай справе: з фронту, франтальным ударам'; 2) 'у марской справе: насустрэч руху судна'. У фразеалагічным значэнні выраз набывае сэнс 'залішне прамалінейна'. Відавочна фразеалагізацыя спецыяльнага выразу, але цяжка адзначыць, якая галіна дзейнасці паслужыла крыніцай.

Адзначым, што і аднаслоўныя спецыяльныя лексічныя адзінкі могуць стаць базай для ўтварэння фразеалагізмаў. Так, напрыклад, монасемантычнае слова *зарэз*, якое мае значэнне 'забой жывёлы на мяса', размешчана ў слоўніку з паметай *спец.*, а ў зоне фразеалогіі мы знаходзім састаўную адзінку *да зарэзу* ('крайне, надзвычайна (патрэбна, неабходна)') [3, т. 2, с. 379].

У сувязі з непапулярнасцю падачы састаўных адзінак у тэрміналагічную зону трапляюць фразеалагізмы накшталт *праметэў агонь*, *альфа і амега*. Пры гэтым у слоўнікавым артыкуле пры загаловачным слове *альфа* выраз *альфа і амега* пададзены як тэрміналагічная адзінка, а пры загаловачным слове *амега* – як фразеалагізм.

Незалежна ад месца падачы, колькасць фразеалагізмаў тэрміналагічнага паходжання ў ТСБМ несувымерна меншая, чым яны прадстаўлены ў мове. Пашыранасць такой з'явы ў беларускай мове пацвярджаецца ў той жа час не толькі фразеалагічнымі слоўнікамі, але і навучальнай літаратурай. Напрыклад, у вучэбна-метадычным дапаможніку «Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія», падрыхтаваным М. У. Бураковай і В. А. Ляшчынскай, фразеалагізацыі тэрмінаў прысвечаны цэлы раздзел «Фразеалогія і тэрміналогія. Пераход тэрміналагічных і прафесійных адзінак у фразеалагізмы» [10, с. 106–125] і ў якасці крыніц падаецца марская, ваенная,

музыкальная, спартыўная тэрміналогія, мова прадстаўнікоў розных прафесійных груп (аптэкараў, будаўнікоў, кавалёў, краўцоў, пекараў, рыбакоў, сталяроў, токараў, шаўцоў, чыгуначнікаў і інш.).

У сувязі з вышэйадзначаным неабходна распрацоўка крытэрыяў адбору такіх адзінак і алгарытму іх апісання пры складанні новых тлумачальных слоўнікаў беларускай мовы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Griniewicz, S. Terminology and language policy (towards establishing rudiments of lingwopolitology) / S. Griniewicz // Terminologija. – Vilnius: Lietuviu kalbos institutas, 2010. – № 17. – Р. 6–20.

2 Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

3 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча. – Т. 1–5. – Мінск: Бел. сав. энцыклапедыя, 1977–1984.

4 Рычкова, Л. В. Трансфармацыя паняцця «спецыяльная лексіка» ва ўмовах пераходу да грамадства ведаў / Л. В. Рычкова // «Скарына і наш час»: Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канф., Гомель, 14–15 кастрычніка 2011 г. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2011. – С. 148–151.

5 Рычкова, Л. В. Терминология в обществе знания / Л. В. Рычкова // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г.: сб. материалов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С. 8–13.

6 Мінакова, Л. М. Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія: фарміраванне, функцыянаванне, развіццё / Л. М. Мінакова, С. М. Аніськова, А. А. Станкевіч. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2004. – 146 с.

7 Красней, В. П. Лексіка і фразеалогія беларускай мовы / В. П. Красней. – Мінск: Нар. асвета, 1982. – 143 с.

8 Аксамітаў, А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск: Выш. шк., 1978. – 224 с.

9 Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

10 Буракова, М. У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск: РІВШ, 2011. – 166 с.

11 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразелагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

УДК [81'373:398.9]:81'282.2(476.2)

К. Л. Хазанова

ФРАЗЕЛАГІЗМЫ З КАМПАНЕНТАМ *ГАЛАВА* Ў ГАВОРКАХ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

*Прадметам даследавання з'яўляюцца дыялектныя фраземы з кампанентам галава. Паводле семантычнай спаянасці кампанентаў фразеалагізмы, у склад якіх увайшлі лексемы **вісок**, **галава**, **мазгі**, з'яўляюцца фразеалагічнымі зрашчэннямі (віскі рваць, галаву ламіць) і фразеалагічнымі адзінствамі (голаву задраць, у галаву стукнуць). У вобразную аснову разгледжаных фразем пакладзена ўяўленне пра важнасць аднаведных органаў для жыцця і дзейнасці чалавека.*

Дыялектны склад беларускай мовы захаваў шматвяковую народную спадчыну, духоўны вопыт шматлікіх пакаленняў нашых продкаў. Працягваючы заставацца незасыхальнай крыніцай папаўнення лексікі літаратурнай мовы, беларускія гаворкі ўяўляюць сабой таксама бясцэнную фразеалагічную скарбонку. Сваё пачэснае месца ў насычэнні літаратурнай мовы лексікай і фразеалогіяй займаюць гаворкі Гомельшчыны. На жаль, не ўся дыялектная лексіка Гомельшчыны яшчэ сабрана, належным чынам зафіксавана і адлюстравана ў друкаваных крыніцах. Праца па зборы дыялектнага матэрыялу працягваецца дзякуючы намаганням выкладчыкаў, супрацоўнікаў і студэнтаў філалагічнага факультэта УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны”, і ў першую чаргу калектыва кафедры беларускай мовы, які ўжо не адзін год плённа працуе над захаваннем моўнай спадчыны рэгіёна.

Але нават ужо выдадзеныя матэрыялы, лексіка і фразеалогія, сабраныя ў разнастайных слоўніках гаворак Гомельшчыны, маюць відавочную перспектыву для даследавання фразеалагічнага багацця Гомельскага рэгіёна. Звернемся да дыялектнага моўнага матэрыялу, зафіксаванага ў “Дыялектным слоўніку Лоеўшчыны” Т. С. Янковай [1].

Звяртаюць на сябе ўвагу фразеалагічныя адзінкі, якія ўтрымліваюць у сваім складзе анатамічную лексіку.

Безумоўна, пачаць неабходна з фразем з кампанентам *галава*. Орган для жыццядзейнасці чалавека вельмі неабходны, бо галава з усімі яе органамі, часткамі і частачкамі вядзе чалавека па жыцці.

Сама лексема *галава* мае старажытнае паходжанне. Слова ўзнікла яшчэ ў перыяд славянскага моўнага адзінства і развілося ад старажытнага кораня **golv-*. Ва ўсходніх славян у такіх спалучэннях узнікала поўнагалоссе: *голова* (у рускай і ўкраінскай мовах), *галава* (у беларускай мове пад уплывам аканя). Гэтае найменне з фанетычнымі зменамі сустракаем у адносінах да таго самага чалавечага органа і ў іншых славянскіх мовах: у паўднёвых славян пасля развіцця няпоўнагалоснага спалучэння ўзнікла форма *глава́* (балгарская, стараславянская мовы), *hlava* (чэшская, славацкая мовы), у заходніх славян таксама развілася няпоўнагалосная форма, але праславянскі галосны **o* не падоўжыўся да [a]: *głowa* (польская мова).

Лексема *галава* на Лоеўшчыне ўжываецца ў двух значэннях: *галава* ж. 1 Галава. *Галава́ мая крэпка балиць*. 2 Кола на навойцы. *Вельмі вісокая галава́ у нашай навойцы* [1, с. 79].

Першае з гэтых значэнняў супадае з адным са значэнняў літаратурнага адпаведніка і з’яўляецца асноўным у семантыцы лексемы. Гаворкі ўтрымліваюць і адметныя ўтварэнні ад слова *галава*: *галава́тар* м. Завадатар. *Толік у іх галава́тар да такі урэдны хлопец* [1, с. 79]; *галава́ты* прым. Разумны, кемлівы. *Е і девачкі галава́тые, а у ее хлопец*; *Галава́ты хлопец расце у Адаркі* [1, с. 79].

І назоўнік *галава́тар*, і прыметнік *галава́ты* ўжываюцца ў адносінах да асобы. Выкарыстанне гэтых лексем заснавана на метафарызацыі. У вобразную аснову найменняў закладзены семантычны перанос *галава* – *розум*.

Метафарычная трансфармацыя асноўнага, першаснага, значэння слова *галава* ‘верхняя частка цела чалавека і жывёл’ стала таксама падставай для ўзнікнення шматлікіх устойлівых выразаў з кампанентам *галава*. Перш за ўсё выдзяляюцца фразеалагічныя выразы, якія этымалагічна з’яўляюцца сцёртай дзеяслоўнай метафарай і заснаваны, як і пазначаныя вышэй вытворныя ад *галава* назоўнік і прыметнік, на пераносе паняццяў *галава* – *розум* – *думка*: *галаву́ ламіць* ‘думаць шмат над чым-небудзь’: *Чо ты седіш, го́лаву ломіш? Пабачыш, усё буде добра* [1, с. 79]; *пусціць па галава́* ‘падумаць’: *От пусці па сваёй галава́ да разберыся толкам, тады і гавары* [1, с. 79]; *у галаву́ стукнуць* ‘з’явіцца ў думках’: *І шчо ему у го́лаву стукнула паехаць у Карэлію? Багата грошай захацеў* [1, с. 79].

У рускай мове на падобнай вобразнай аснове таксама заснавана некалькі фразеалагічных выразаў: *выбросить из головы* ‘перастаць думаць аб чым-небудзь’; *голова идёт кругом* (у кого) ‘не ведаць, як паступіць’; *не выходит из головы* (у кого) ‘не магчы забыць што-небудзь’; *ломать голову* ‘вырашаць цяжкае пытанне, шмат думаць, імкнуцца зразумець што-небудзь’; *с головой* ‘пра разумнага чалавека’ [2, с. 42]. Заўважым, што семы ‘думаць, разумець’ адзначаюцца ў польскіх выказах *co w głowie, to w towie* ‘гаварыць тое, што думаеш’ [3, с. 22], і ў чэшскіх фразеалагізмах *postaviti si hlavu* ‘адстойваць уласную думку’, *počítati z hlavy* ‘падлічваць у галаве’ [4, с. 178].

Разам з тым адзначаюцца фраземы, якія абыгрваюць месца знаходжання галавы як органа чалавечага цела адносна іншых органаў: *на галавѣ* ‘пад началом’: *Вялікае хадзяства на галавѣ* [1, с. 79].

Па семантычных параметрах гэтая фразеалагічная адзінка блізкая да наймення *галаватар*. Такая метафарызацыя слова *галава* часта сустракаецца ва ўсходнеславянскіх мовах. Ва ўкраінскай мове такі вобраз трывала ўвайшоў у семантыку назоўніка *галава* ў значэнні ‘кіраўнік установы, арганізацыі’ (у беларускай мове – *старшыня*), ‘аўтарытэтная асоба, галоўны ў якой-небудзь справе’ [5, с. 132].

Наступны фразеалагізм адлюстраван у скарбніцы народнай мовы некаторыя адметнасці чалавечай постаці: *голаву задраць* ‘заганарыцца’: *У гораде неделю набуде, а голаву задерэ, што не падыходь к ёй* [1, с. 79].

А іншы фразеалагізм зафіксаваў уражанні чалавека ад пачуцця галаўнога болю. Асобы, што пакутуюць на мігрэнь, згадзяцца, што выраз, захаваны гаворкамі Гомельшчыны, з’яўляецца вельмі трапнай назвай адпаведнага стану:

галава трашчыць ‘пра боль у галаве’: *Вочы не падніму, так галава трашчыць. Іхняя галава усе трашчыць, што ім ад мене трэба* [1, с. 360].

Аб важнасці галавы ў жыцці чалавека яшчэ раз нагадвае і фразеалагізм *на ўсю галаву* ‘вельмі моцна’: *Дейкі як завішчаць, дак на ўсю голаву* [1, с. 79].

Указаныя фразеалагізмы сведчаць аб значнай колькасці (звесткі па колькасці прыводзяцца ў табліцы) і семантычнай разнастайнасці фразеалагізмаў з кампанентам *галава* ў гаворках Гомельскай вобласці. Неабходна адзначыць акцэнталагічнае вар’іраванне назоўніка ў складзе фразеалагізмаў у форме вінавальнага склону адзіночнага ліку: *галаву* і *голаву*. Ілюстрацыйныя прыклады паказваюць тэндэнцыю да націску на аснове. Хутчэй за ўсё такое адхіленне ад літаратурнай мовы тлумачыцца ўплывам памежных з Гомельскай вобласцю рускіх гаворак і сведчыць пра наяўны ў звычайным маўленні беларусаў руска-беларускі білінгвізм. Прыгадаем, што арфаэпічнай нормай рускай літаратурнай мовы з’яўляецца форма вінавальнага склону адзіночнага ліку назоўніка *галава* з націскам на аснове: *поднять голаву*.

Уплыў рускай мовы паспрыяў і ўжыванню ў Гомельскіх гаворках наймення *вісок*: *вісок* м. Скронь. *Усе валасы чорныя, а віскі ужэ даўно пасівелі* [1, с. 67].

На старажытнасць лексемы *високъ* указвае яе фіксацыя ў знакамітым слоўніку вядомага расійскага этнографа, лінгвіста і дыялектолага У. Даля: *високъ* м. ‘бакавая частка галавы, чэрапа, паміж вуха і лба’, ‘валасы над гэтым месцам, паміж вухам і лбом’ [6, с. 207]. Другое значэнне, і з’явілася асновай для ўзнікнення ўстойлівага выразу *віскі рвуць* ‘бедаваць’: *Адалі замуж у Западную, а цепер віскі рвуць* [1, с. 67]. У гэтым спалучэнні выразна прасочваецца сувязь з фразеалагічным выразам рускай мовы *волосы рвать* ‘моцна перажываць, пакутаваць’.

Унутраныя органы галавы як найважнейшага для асобы чалавечага органа маюць уласныя назвы. Для назвы органа мыслення чалавека і рэчыва ў галаве маюцца фанетычныя варыянты: *мазкі* мн. Мазгі. *Што у тебе мазкі павысыхалі ці што. І мазкі ему не павысыхалі, хто етые колоды сюды пазакочуваў* [1, с. 186]; *мозкі* мн. Пыкала, пыкала і не сказала нічога, у *мозкох* штось перавернулася [1, с. 195].

Як відаць з прыкладаў, лексемы фіксуюцца як кампаненты фразеалагічных выразаў з адметнай стылістычнай афарбоўкай і маюць адмоўную ацэначнасць: *мазкі навывсыхалі, у мазкох перавярнуцца* 'не разумець, не гаварыць нічога, не думаць'. У блізкіх семантычных і стылістычных умовах ужываецца таксама найменне *глузд'ы: глузд'ы адбіваць* 'пазбаўляць разумовых здольнасцей': *Дзіця адбівае глузд'ы і памяць* [1, с. 85].

Разгледжаныя фразеалагічныя адзінкі з кампанентам *галава* ў гаворках Гомельскага рэгіёна сведчаць аб дастаткова частотным ужыванні ўказаных найменняў у фразеалагізмах. Фразеалагізмы з кампанентам *галава* захоўваюцца ў гаворках Гомельшчыны з глыбокай старажытнасці, як і самі лексемы. Наяўнасць фразеалагічных адзінак з гэтымі кампанентамі з'яўляецца моўнай універсальіяй, аб чым сведчаць падобныя звароты ў іншых славянскіх мовах.

Найменне *галава* ўвайшло ў склад фразеалагізмаў у форме адзіночнага ліку. (*галава траічыць, галаву ламіць, голаву задраць*), назоўнікі *віскі, мазгі (глузды)* – толькі ў форме множнага ліку (*глузд'ы адбіваць, мазкі навывсыхалі, у мазкох перавярнуцца, віскі рваць*).

Паводле семантычнай спаянасці кампанентаў фразеалагізмы, у склад якіх увайшлі лексемы *вісок, галава, мазгі*, з'яўляюцца фразеалагічнымі зрашчэннямі (*віскі рваць, галаву ламіць*) і фразеалагічнымі адзінствамі (*голаву задраць, у галаву стужнуць*). Па граматычных паказчыках большасць указаных выразаў з'яўляецца дзеяслоўнымі фразеалагізмамі (*вочы драць галаву ламіць, голаву задраць, у мазкох перавярнуцца*). У вобразнай аснове разгледжаныя фраземы мелі ўяўленне пра важнасць адпаведных органаў для жыцця і дзейнасці чалавека. Таму такія фразеалагізмы абазначаюць паняцці, значныя для чалавечага жыцця. Сцёртая з часам вобразная аснова ў даследаваных фразеалагічных адзінках, як правіла, лёгкая выяўляецца, а ў некаторых выпадках з'яўляецца яскравай і відавочнай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Янкова, Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с. (Далей спасылкі падаюцца па гэтым выданні з указаннем у дужках старонкі).

2 Краткий толковый словарь русского языка / под ред. В. В. Розановой. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1988. – 255 с.

3 Сierp, Kozacze, atamanem bedziesz. Польскія прыказкі і прымаўкі / склад. Р. У. Серыкаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – 145 с.

4 Дурново, Н. Н. Карманный чешско-русский словарь / Н. Н. Дурново. – М.: Советская энциклопедия, 1933. – 1235 с.

5 Лемцюгова, В. П. Українська-беларускі слоўнік / В. П. Лемцюгова / пад рэд. акадэміка АН БССР М. В. Бірылы, докт. філал. навук, праф. А. Я. Супруна. – Мінск: Выш. школа, 1980. – 688 с.

6 Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – Т. 1: А–З. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.

УДК 81'367.4:398.9

Н. П. Цімашэнка

СІНТАКСІС ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ СЛОВАЗЛУЧЭННЯЎ

У артыкуле разглядаюцца сінтаксічныя адметнасці фразеалагічных гіпатаксічных словазлучэнняў, якія аналізуюцца паводле марфалагічнага выражэння галоўнага кампанента, тыпаў сінтаксічнай сувязі, сэнсавых адносін. Звернута ўвага на парадак слоў, які адыгрывае важную ролю ў арганізацыі фразеалагічных словазлучэнняў.

У духоўнай спадчыне кожнага народа ёсць тварэнні, якім наканавана самой іх прыродай перажываць стагоддзі і эпохі, зацікаўліваць сваёй мудрасцю і дасканалай формай многія пакаленні. Менавіта да такіх тварэнняў адносіцца вусная народная творчасць, дзе асобае месца займаюць фразеалагізмы, якія актыўна бытуюць у наш час. Актуальнасць даследавання заключаецца ў тым, што фразеалогія сучаснай беларускай мовы мае цікавы моўны матэрыял для разгляду сінтаксічных і структурна-граматычных адметнасцей гэтых устойлівых моўных адзінак.

Фразеалагізмы намі разумеюцца як “устойлівыя, узнаўляльныя, не менш як двухкампанентныя моўныя адзінкі, якія спалучаюцца са словамі свабоднага ўжывання і маюць цэласнае значэнне, не роўнае суме значэнняў фразеалагічных кампанентаў (калі іх разглядаць на ўзроўні слоў)” [1, с. 3]. Па сваёй структуры ўсе фразеалагізмы падзяляюцца на словаспалучэнні, словазлучэнні і сказы. Наша ўвага будзе скіравана на сінтаксічныя адметнасці фразеалагічных гіпатаксічных словазлучэнняў.

Як вядома, паводле марфалагічнага выражэння галоўнага кампанента словазлучэнні падзяляюцца на іменныя (назоўнікавыя, прыметнікавыя, займеннікавыя, лічэбнікавыя), дзеяслоўныя і прыслоўныя. Гэтую класіфікацыю можна прымяніць і ў адносінах да фразеалагічных адзінак. Так, найбольш распаўсюджанымі ў сучаснай беларускай мове з’яўляюцца іменныя і дзеяслоўныя фразеалагізмы-словазлучэнні: *восьмы цуд свету* [1, с. 79], *востры на язык* [1, с. 78], *з божай ласкі* [1, с. 151], *збіць з панталыку* [1, с. 151], *наламаць дроў* [1, с. 240], *на лбе напісана* [1, с. 240]. Прыслоўныя фразеалагічныя адзінкі сустракаюцца вельмі рэдка: *цішэй вады і ніжэй травы* [1, с. 402] (у значэнні ‘вельмі пакорліва, нясмела, непрыкметна (трымацца, весці сябе)’), *сам-насам з сабой* [1, с. 339], *лягчэй на наваротах* [1, с. 215]. Адзінкавыя выпадкі ўжывання прыслоўных фразеалагічных словазлучэнняў тлумачацца экстралінгвістычнымі фактарамі: фразеалагізмы – гэта “залацінкі народнай мудрасці”, і, як правіла, узнікаючы ў свядомасці носьбітаў мовы, яны накіраваны даць характарыстыку чалавека або яго ўчынкаў і спраў, для чаго і ўжываюцца іменныя і дзеяслоўныя словазлучэнні.

Неабходна адзначыць, што даволі часта назоўнікавыя фразеалагізмы са значэннем апрадмечанага дзеяння ўтвараюцца ад выказаў дзеяслоўнага тыпу. Новы выраз фарміруецца “ў выніку ўтварэння адддзеяслоўнага кампанента-назоўніка ад граматычна галоўнага слова; пры неабходнасці замяняецца і склонавая форма залежнага слова-кампанента” [1, с. 12]: *згушчаць (згусціць) фарбы* [1, с. 156] – *згушчэнне фарбаў* [1, с. 156], *пускаць пыл у вочы* [1, с. 320] – *пусканне пылу ў вочы* [1, с. 319], *выбываць са строю* [1, с. 82] – *выбыццё са строю* [1, с. 82] і інш. Такія назоўнікавыя ўтварэнні адрозніваюцца ад суадносных дзеяслоўных выказаў семантыкай, катэгарыяльным значэннем, марфалагічнымі формамі, сінтаксічнай роляй.

У сінтаксічнай навуцы вядомы тры разнавіднасці гіпатаксічнай сувязі: дапасаванне, кіраванне і прымыканне. Гэтую класіфікацыю можна разгледзець і пры аналізе фразеалагічных словазлучэнняў. Дапасаванне – гэта такі від сінтаксічнай гіпатаксічнай сувязі, пры якім формы залежнага кампанента прыпадабняюцца да форм галоўнага. Пад кіраваннем звычайна разумеюць такі від сінтаксічнай гіпатаксічнай сувязі, пры якім галоўны кампанент патрабуе ад залежнага формы пэўнага ўскоснага склону (з прыназоўнікам або без яго). Прымыканне – гэта такі від сінтаксічнай гіпатаксічнай сувязі, пры якім залежны кампанент (нязменная часціна мовы) падпарадкаваны галоўнаму толькі па сэнсе. У адносінах да фразеалагічных словазлучэнняў можна адзначыць, што ўсе тры тыпы падпарадкавальнай сувязі прадстаўлены ў дадзеных адзінках мовы. Найбольш пашыранымі з’яўляюцца фразеалагізмы, кампаненты ў якіх звязаны шляхам поўнага дапасавання (*абедзвюма рукамі* [1, с. 19], *вочная стаўка* [1, с. 80], *забаронены плод* [1, с. 129], *на шапачны разбор* [1, с. 258], *непачаты край* [1, с. 263]) і кіравання – як моцнага (*абарваць тэлефон* [1, с. 19], *кінуць косць* [1, с. 194], *намыліць галаву* [1, с. 241], *ногі выцягнуць* [1, с. 275], *перакрыць кісларод* [1, с. 301]),

так і слабага (*забіванне казла* [1, с. 129], *на месцы злачынства* [1, с. 241], *перавод на рэйкі* [1, с. 300], *перамыванне костачак* [1, с. 301], *пуп зямлі* [1, с. 319]). Аднак ёсць выпадкі, калі ў фразеалагічных словазлучэннях кампаненты звязаны пры дапамозе прымыкання (*жыўцом з'есці* [1, с. 129], *ісці (пайсці) угору (угару)* [1, с. 179]). Неабходна адзначыць, што ў сучаснай беларускай мове сустракаюцца такія шматкампанентныя фразеалагізмы-словазлучэнні, у якіх словы звязаны двума відамі сувязі: *месцы не вельмі аддаленыя* [1, с. 222] (поўнае дапасаванне і прымыканне), *палажыўшы руку на сэрца* [1, с. 291] (моцнае і слабае кіраванне), *палажыць зубы на паліцу* [1, с. 291] (моцнае і слабае кіраванне), *прышыў кабыле хвост* [1, с. 318] (слабае і моцнае кіраванне), *шыта (сшыта) белымі ніткамі* [1, с. 418] (слабае кіраванне і поўнае дапасаванне).

Сярод сэнсавых адносін, што выражаюцца паміж кампанентамі ў словазлучэннях, у фразеалагічных адзінках найбольш прадстаўлены наступныя: атрыбутыўныя (*без задняй думкі* [1, с. 47], *блудны сын* [1, с. 54], *да новых венікаў* [1, с. 111], *зачараванае кола* [1, с. 148], *мора на калена* [1, с. 227], *на лоне (на ўлонні) прыроды* [1, с. 241], *на месцы злачынства* [1, с. 241]), аб'ектныя (*аддаць сэрца* [1, с. 29], *блытаць карты* [1, с. 55], *вадзіць казу* [1, с. 66], *газеты чытаць* [1, с. 93], *заціскае роту* [1, с. 148], *неба капціць* [1, с. 259]), колькасныя (*адзін канец* [1, с. 29], *тры карабы* [1, с. 366]), прыналежныя (*божай міласцю* [1, с. 55], *дамоклаў меч* [1, с. 111], *мукі Тантала (танталавы мукі (пакуты))* [1, с. 227], *мядзведжае вуха* [1, с. 228], *шапка Манамаха* [1, с. 414]), акалічнасныя (*адправіць у Магілёўскую губерню* [1, с. 33], *блытаца пад нагамі* [1, с. 54], *далёка не заедзеш (не паедзеш)* [1, с. 110], *узносіць да нябёс* [1, с. 375]) і інш. Акрамя таго, назіраецца спалучэнне сэнсавых адносін ў складаных паводле сваёй структуры фразеалагічных словазлучэннях: *ваду ў ступе таўчы* [1, с. 67] (аб'ектныя і акалічнасныя адносіны), *гадаваць змяю на сваіх грудзях* [1, с. 92] (аб'ектныя, акалічнасныя і прыналежныя адносіны), *забіваць асінавы кол у магілу* [1, с. 130] (аб'ектныя, атрыбутыўныя і акалічнасныя адносіны), *заблудзіць у трох соснах* [1, с. 130] (акалічнасныя і колькасныя адносіны). Аднак пры разглядзе ўстойлівых словазлучэнняў неабходна памятаць, што фразеалагічная адзінка мае адзіны, цэласны сэнс, які не вынікае з паасобных значэнняў слоў, што ўваходзяць у яе склад. Сэнсавая і сінтаксічная непадзельнасць – адна з асноўных прымет фразеалагізмаў.

Немалаважную ролю ў арганізацыі фразеалагічных словазлучэнняў адыгрывае парадак слоў, пад якім разумеецца “лінейная паслядоўнасць кампанентаў”, што мае “граматычнае, камунікацыйнае (сэнсавое) і стылістычнае значэнне” [2, с. 173]. Так, у словазлучэннях іменнага характару, дзе словы звязаны пры дапамозе дапасавання, пераважае прамы парадак слоў, калі залежны кампанент (прыметнік, дзеепрыметнік, займеннік, парадкавы лічэбнік) знаходзіцца ў прэпазіцыі да галоўнага (назоўніка): *вострыя вуглы* [1, с. 78], *другое дыханне* [1, с. 123], *дубовая галава* [1, с. 123], *з божай ласкі* [1, с. 151], *ласкавае цяля* [1, с. 210], *мёртвая хватка* [1, с. 223], *пятая калона* [1, с. 323]. Пры адваротным парадку ў фразеалагічных словазлучэннях такога тыпу кампанент-атрыбут стаіць пасля назоўніка, набліжаючы такія спалучэнні да простых двухсастаўных сказаў: *баранчык божы* [1, с. 45], *змяя падкалодная* [1, с. 163], *кісларод перакрыты* [1, с. 194], *свет цесны* [1, с. 341], *цьма цьмушчая* [1, с. 403]. У іменных словазлучэннях, у якіх галоўнае слова кіруе залежным, таксама найбольш прадстаўлены прамы парадак слоў, калі залежны кампанент стаіць пасля галоўнага: *блуканне на пакутах* [1, с. 54], *голос у пустыні* [1, с. 99], *да глыбіні душы* [1, с. 109], *жаба ў каляіне* [1, с. 127], *закідванне шапкамі* [1, с. 137]. Інверсійны парадак размяшчэння кампанентаў сустракаецца даволі рэдка: *ад варот наварот* [1, с. 26], *усяму галава* [1, с. 387]. У фразеалагічных дзяслоўных словазлучэннях найбольш частотным з'яўляецца прамы парадак слоў, калі залежны кампанент стаіць пасля галоўнага: *адвесці вочы* [1, с. 27], *вазіць ваду* [1, с. 67], *ганяць гусей* [1, с. 95], *змяніць пласцінку* [1, с. 163], *ісці (пайсці) у Каносу* [1, с. 180], *паказваць (паказаць) на дзверы* [1, с. 290]. Аднак нярэдка

можна сустрэць фразеалагізмы, у якіх назіраецца адваротны парадак размяшчэння кампанентаў: *вадой не разальеш* [1, с. 66], *галаву прыхінуць (прыхіліць, прытуліць)* [1, с. 94], *з месяца зваліўся* [1, с. 162], *на мякіне не правядзеш* [1, с. 241], *на пень брахаць* [1, с. 243], *неба капіць* [1, с. 259]. Сярод шматкампанентных фразеалагічных словазлучэнняў сустракаецца прэпазіцыя (*пусканне пылу ў вочы* [1, с. 319], *спаліць за сабой масты* [1, с. 350], *трымаць язык за зубамі* [1, с. 368]), постпазіцыя (*ваду ў ступе таўчы* [1, с. 67], *у сабакі вачэй пазычыць* [1, с. 383], *хоць кол на галаве чашы* [1, с. 397]) і інтэрпазіцыя (*змяю гадаваць на сваіх грудзях* [1, с. 163], *з мухі зрабіць слана* [1, с. 163], *пыл пускаць у вочы* [1, с. 322]) галоўнага кампанента ў адносінах да залежных.

Такім чынам, фразеалагічныя словазлучэнні прадстаўляюць сабой цікавасць пры вывучэнні не толькі лексічнага, але і сінтаксічнага ладу мовы. Яны падпарадкоўваюцца асноўнай сінтаксічнай адзінцы – сказу, залежаць ад яго і толькі ў складзе сказа і праз сказ уваходзяць у сістэму камунікатыўных сродкаў мовы.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мн.: БелЭн, 2004. – 448 с.

2 Яўневіч, М. С. Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы / М. С. Яўневіч, П. У. Сцяцко. – Мн.: Аверсэв, 2006. – 286 с.

УДК 81.161.1:81'373.611

Н. И. Шабудзаева

ТИПЫ ПАРЕГМЕНОНА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается одна из разновидностей плеоназма как стилистической фигуры – парегменон, представляющий собой усиленную форму плеоназма. Описываются средства выражения парегменона в материале, представленном в Национальном корпусе русского языка.

Русский язык обладает довольно богатым арсеналом устойчивых выражений, выполняющих определённую стилистическую функцию в тексте. В связи с разнообразием этих фигур, они постоянно привлекают внимание исследователей. Разной степенью повторяемости и устойчивости обладают выражения, относимые к парегменону (или *figura etimologica*). Данное языковое явление описано в лингвистике и характерно многим индоевропейским языкам, и в русском языке имеет глубочайшие корни. Суть его заключается в повторении однокоренных слов (*шутки шутить, огород городить*) и рассматривается как усиленная форма плеоназма. По мнению исследователей, это «вполне «оправданный стилистический приём», образцы применения которого находим как в глубине веков, так и в современной поэзии и прозе» [1]. Несмотря на то, что само явление установлено, но в лингвистической литературе, насколько нам известно, не рассмотрены типы парегменона в русском языке.

Из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) нами были выбраны некоторые примеры данного языкового явления [2]. Фактический материал показал, что эти выражения имеют разную структуру: 1) глагол плюс имя существительное в разных падежах; 2) существительное плюс существительное в родительном падеже; 3) существительное плюс существительное в творительном падеже; 4) существительное плюс определяющее его прилагательное; 5) существительное в именительном падеже плюс глагол (предикативный центр); 6) прилагательное в сравнительной степени плюс

прилагательное в положительной степени; 7) слова категории состояния, образованные из прилагательного в творительном падеже плюс прилагательное среднего рода в краткой форме; 8) существительное плюс существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом; 9) сравнительный оборот с союзом *как*.

Подавляющее большинство примеров имеют структуру глагол + имя в винительном падеже без предлога, хотя употребление подобных конструкций в текстах разного типа очень различается в количественном отношении: *дело делать* – 2584, *песни петь* – 2259 (...*они пели песни, сделанные в честь бога браков* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки), *думу думать* – 198, *шутки шутить* – 147, *праздник праздновать* – 82 (...*тогда и прочие Праздники Великих Угодников Святых Праздники граждански праздновать* начали (А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга), *сказки сказывать* – 65, *ночь ночевать* – 33 (*2-го обедали в городе Бельске, весьма похожем на ту скверную деревню Побикери, в которой мы ту ночь ночевали*) (Д. И. Фонвизин. К родным), *горе горевать* – 32, *еду есть* – 30, *игры играть* – 11, *игрушки играть* – 1 (...*коли сиг хотел со мной игрушки играть, не надо бросаться к берегу...*) (Виктор Астафьев. Царь-рыба), *рисунки рисовать* – 6 (...*даешь волю воображению, и оно почему-то пустилось рисовать странные рисунки...*) (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк), *город городить* – 3, *день дневать* – 2 (*Из нас два мужика и две бабы или девки в доме его на очереди всякий день днеем и ночем...*) (В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник), всего 5353. Вторая разновидность первого типа (глагол + существительное в винительном падеже с предлогом) представлена одним глаголом *играть* и существительными *игры* и *игрушки*: *играть в игры* (547 примеров) и *играть в игрушки* (63) (всего 610). Третья разновидность первого типа парегменона представляет собой сочетание глагола и существительного в творительном падеже без предлога (всего 413): *смеяться смехом* – 199; *бежать бегом* – 101 (*бегите бегом вперед, не оглядывайтесь назад...*) (О. М. Сомов. Сказки о кладах); *сидеть сиднем* – 77; *возить возами* – 16; *играть игрушками* – 12 (*Я прежде играл игрушками, а с Цыхрой играл наукой, и пристрастился к этой забаве*) (Ф. В. Булгарин. Воспоминания); *радоваться радостью* – 7; *играть игрою* – 1 (*Пушкин несравненно роднее нам, он весь просвечивает и играет игрою внутренних сил, волнением крови, явно не видной*) (М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина). Четвёртая разновидность этого типа представляет собой сочетание глагола *играть* плюс существительное в творительном падеже с предлогом *с игрушками* (*А однажды посоветовал не играть с этими игрушками, они могут сделать «бух!»*) (Юрий Герман. Дорогой мой человек). Таких примеров выявлено четыре.

Второй тип парегменона представлен сочетаниями существительного плюс существительное в родительном падеже (всего 336). Основная часть данных сочетаний являются кальками еврейских выражений, употреблённых в текстах Библии: *суета сует* – 122, *песня песней* – 71; *книга книг* – 35; *Святое Святых* – 32; *царь царей* – 26; *Господь господствующих* – 13; *Царь царствующих* – 8; *раб рабов* – 3 (*Великий король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы?*) (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 9). Например, выражение *песня песней* – «это буквальный перевод еврейского *Шир Га-ширим*. Повторение существительного в родительном падеже множественного числа – характерный для иврита оборот речи, подчеркивающий особенность Песни как самой хорошей или самой замечательной песни» [3, с. 752]. У Егора Радова в «Змеесосе» обнаружено пять примеров двух родительных падежей при именительном: *Вместе афоризм и трактат составляют единую книгу, называемую «Книгой книг книг»* (Егор Радов. Змеесос). Нами выявлено в НКРЯ несколько сочетаний, построенных по данной модели: *солнце солнц* – 6 (*И все «иерархии», насколько они имеют значение в молитве, святят лишь отраженным светом Солнца солнц*, (С. Н. Булгаков. Свет не вечерний); *владыка владык* – 1 (*Так далеко не заглядывали ни боги Гомера, ни ветхозаветный владыка владык, хотя будущее в этих изначальных текстах столь же существенно важно, как и прошлое*) (Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева»); *красота*

красот – 1 (...ты – красота красот, всяческая красота! (И. А. Гончаров. Обрыв). Можно наблюдать развитие данной модели в русском языке: 1) оба существительных стоят в форме единственного числа: *любовь любви* – 6 (*Второе чувство было любовь любви. Мне хотелось, чтобы все меня знали и любили* (Л. Н. Толстой. Юность); *соль соли* – 3; *радость радости* – 2; *жизнь жизни* – 2; *красота красоты* – 1 (*Ибо это Он делает жизнь жизнью, радость радостью, любовь любовью и красоту красотой, и поэтому Он и есть Жизнь жизни, Радость радости, Любовь любви и Красота красоты* (Протопресвитер Александр Шмеман. Водю и духом); 2) оба существительных стоят в форме множественного числа: *небеса небес* – 4 (...захочешь, не только юность орлюю, обветшавшую старости ризу, но и ветхая ветхих и небеса небес (Григорий Сковорода. Наркисс); *двигатели двигателей* – 3 (...это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли. (Н. Г. Чернышевский. Что делать?).

К ещё одному способу создания парегменона можно отнести объединение форм существительного в именительном и творительном падежах: *пень пнём* – 5 (*Ну, Вахромей молчит – у него уж такой характер, всегда пень пнем, а ты-то, ты-то, Гаврила Иваныч?* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золотая ночь); *сидень сиднем* – 1 (*И этак проводил время, один-одинешенек в целом <мире>, молодой тридцатидвухлетний человек, сидень сиднем, в халате, без галстука* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Четвёртым типом исследуемой стилистической фигуры является сочетание прилагательного в сравнительной степени плюс прилагательное в положительной степени в родительном падеже (в некоторых случаях переходящие в слова категории состояния): *яснее ясного* – 61; *глупее глупого* – 10; *белее белого* – 6 (*При слабом свете завуалированных электрических лампочек, изображавших факелы, лицо Модеста показалось мне белее белого цвета* (В. Я. Брюсов. Последние страницы из дневника); *святее святого* – 3 (*Теперь, после смерти генерала, последнее его приказание было для Караулова тем более святее святого* (Константин Симонов. Живые и мертвые); *горше горького* – 2; *темнее темного* – 2; *быстрее быстрого* – 2; *чернее черного* – 1; *умнее умного* – 1; *беднее бедного* – 1; *опаснее опасного* – 1; *тверже твердого* – 1 (*Не чеканили шаг бойцы, но тверже твердого была их поступь* (Степанов. Герои Приморья! // «Набат молодежи»); *тяжелее тяжёлого* – 1; *невесомей невесомого* – 1; *синее синего* – 1 (всего 94).

Выявлен пример парегменона, представляющий собой сочетание существительного и прилагательного: *горе горькое* – 20 (*Ах ты горе-горькое! Да какая нелегкая сила дурь эту в тебя всучила?* (И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида); *соль солена* – 1. Интернет-источники приводят пример *чужбина чужая*, не представленный в НКРЯ [4].

В качестве парегменона может выступать и предикативный центр: существительное в именительном падеже + глагол: *цветы цветут*; *игра играла* (*Так в трудах физических и умственных, в приятных живых беседах, в пении, музыке протекла наша затворническая жизнь. Шахматная игра также играла важную роль* (А. П. Беляев. Из воспоминаний).

Как парегменон можно рассмотреть и слова категории состояния, образованные из прилагательного в творительном падеже плюс прилагательное среднего рода в краткой форме: *светлым светло* – 6 (*Приоткрыл я глаза, светло вокруг, светлым-светло* (Л. А. Кассиль. Огнеопасный груз); *черным черно* – 1; *белым бело* – 1.

Ещё одним типом исследуемой стилистической фигуры является объединение существительного с существительным с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *один-одинешенек* – 148 (*И этак проводил время, один-одинешенек в целом <мире>...* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Исследованные примеры показывают, что и сравнительный оборот может быть построен на парегменоне. Выявлено три примера: *Здесь ничего больше не знаю сказать, кроме сего, что сперва, покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им как игрушкой...* (Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии).

Можно сделать вывод, что данный стилистический прием довольно разнообразен по своему строению и даёт говорящему широкие возможности украшения своей речи. В некоторых случаях такие примеры являются уже устойчивым языковым явлением, о чём свидетельствуют статистические данные; другие же – индивидуально авторские, но образованные по уже существующей модели. Один тип парегменона является калькой (например, *книга книг*), остальные – исконные. Некоторые из рассмотренных примеров вступают в системные отношения: 1) антонимии: по модели *ночь ночевать* образовано и *день дневать, праздник праздновать* и *горе горевать*; *царь царей*; *Господь господствующих*; *царь царствующих* – *раб рабов*; *глупее глупого* – *умнее умного*; *белее белого* – *чернее черного*; *черным черно* – *белым бело*; 2) синонимии: *играть (в) игры* – *игрушки*. Два примера образованы на базе однокоренных слов: *сидень сиднем* – *сидеть сиднем*. В каждом конкретном случае читатель и слушатель определит сам, согласиться ему с высказыванием В. Козловского или нет: «Тавтология во многих случаях усиливает эмоциональное воздействие речи, если вводится как оправданный стилистический приём, а не является результатом стилистической неряшливости» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Большая Советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/089/820.htm>. – Дата доступа 26.09.2011.
- 2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> – Дата доступа 10.09.2011.
- 3 Открытая Библия. – Glendale, CA: Door of hope, 1991.
- 4 Дмитриева, Л. Между Сциллой и Харибдой. А был ли «ляпчик»: «Чужая чужбина» – «масляное масло» или *figura etimologica*? / Л. Дмитриева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poezia.ru/EditorColumn.php> – Дата доступа 25.09.2011.
- 5 Шилин, В. Словарь литературоведческих терминов / В. Шилин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rifma.com.ru/lito-39.htm> – Дата доступа 20.09.2011.

УДК [81'374:81'282]:398.9

Т. А. Осипова

ФРАЗЕОЛОГИЯ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ БЕЛОРУССИИ»

В статье анализируются фразеологические единицы «Словаря русских говоров Белоруссии». Устанавливается, что фразеологизмы, функционирующие в говорах, довольно многочисленны и разнообразны. Они представляют различные тематические группы и соотносятся со словами различных частей речи, характеризуются развитой вариативностью.

При изучении русской диалектной лексики и фразеологии студенту белорусского вуза хорошим подспорьем может стать «Словарь русских говоров Белоруссии» А. Ф. Манаенковой [1]. Не все студенты знают, что в Беларуси можно услышать русскую диалектную речь, что в Гомельской области есть поселения русских старообрядцев. Этот факт поможет мотивировать студентов к изучению диалектных слов и устойчивых выражений русского языка. В «Словаре...» отражены южнорусские говоры, которые расположены в Ветковском и Добрушском районах Гомельской области [1, с. 3]. Это так называемые говоры территории позднего заселения (вторичные говоры, или говоры вторичного образования) [2]. В данной статье мы рассмотрим фразеологизмы, зафиксированные в «Словаре русских говоров Белоруссии».

Исследователи диалектной фразеологии отмечают, что в говорах (как и в литературном языке) наибольшее количество устойчивых выражений характеризуют человека и всё то, что важно для него (антропоцентризм): «Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т. е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [3]. По выражению В. А. Масловой, фразеологизмы – «это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [3].

Как определила Е. Н. Ермакова, диалектная фразеология русского языка дает указание на сферу материальной культуры (названия предметов обихода, быта, продуктов питания, ремесел и профессий, термины родства), отражает историю народа, представляет собой средство номинации лица и др. [4].

По данным «Словаря», диалектные названия и характеристики человека в русских говорах Беларуси немногочисленны: *отрок неженимый* «давший обет безбрачия» [1, с. 146], *милосливый манифест* «очень добрый человек» [1, с. 118], *богоданный отец* «тесть» [1, с. 13], *богоданная мать* «теща» [1, с. 13], *венчальный сват* «в свадебном обряде мужчина, который сватает невесту и везет молодых к венцу» [1, с. 23]; *дёрзкий на руку* «драчливый» [1, с. 53]. Диалектные названия одежды практически не отмечены, есть единичные фразеологизмы: *холостой брыж* «оборка внизу юбки, платья и т. п. // Небольшая, короткая оборка» [1, с. 17], *костровые чулки* «толстые, грубые чулки из плохого льна или льна и шерсти» [1, с. 95]; а также устойчивое выражение, характеризующее манеру одеваться: *вывязаться платком* «повязаться платком» [1, с. 33]. Немногочисленны названия продуктов питания, например: *целковая яичня* «глазунья» [1, с. 218], *сырое масло* «сливочное масло» [1, с. 203], *пресное молоко* «свежее, не скисшее молоко» [1, с. 172], *хибовое сало* «сало с хиба – шеи свиньи» [1, с. 215]. Фразеология показывает, что носители говоров занимались и занимаются пчеловодством, поскольку отмечен ряд устойчивых выражений, называющих продукты пчеловодства: *подрезной мед* «мед в сотах» [1, с. 161], *перегонятый мед* «отделенный от сот мед» [1, с. 151], *неиспаренный мед* «мед, содержащий влагу» [1, с. 131], *недобеленный воск* «второй сорт белого воска» [1, с. 130]. Также немногочисленны неоднословные названия предметов быта, домашнего обихода, например: *обииванный стол* «стол, обшитый по сторонам фанерой, с дверцами и полками» [1, с. 99], *шаливые весы* «большие весы» [1, с. 223], *московский топор* «плотничий, из хорошей стали, топор заводского изготовления, с широким лезвием» [1, с. 120], *хохлацкий топор* «топор с большим круглым обухом» [1, с. 216], *крапивный мешок* «мешок из толстой ткани» [1, с. 98]. Довольно многочисленны и разнообразны названия построек и их частей. Многие из них характеризуют крестьянское жилище изнутри, позволяя понять традиции старообрядцев: *кроватьный угол* «место в доме, где стоит кровать» [1, с. 99], *куточникый угол* «передний угол в доме, где висят иконы» [1, с. 105], *надыконная стена* «глухая стена, где висят иконы, фотографии» [1, с. 125], *варистая печь* «русская печь; хорошая печь». Интересны и другие наименования построек: *задняя хата* «часть крестьянского жилища, служащая кухней», *заднее окно* «окно, выходящее во двор» [1, с. 69], *передняя хата* «чистая комната, горница, с окнами», *переднее окно* «окно, выходящее на улицу» [1, с. 151], [1, с. 23], *белая пеха* «баня, в которой печь имеет дымовую трубу» [1, с. 153], *черепной венец* «верхний венец в срубе» [1, с. 221], *череповой венец* «верхний венец в срубе» [1, с. 221], *мурлатый венец* «верхний венец сруба» [1, с. 122]. Большое количество устойчивых сочетаний называет периоды времени, праздники, события, приуроченные к ним. Многие из них относятся к области религии и подтверждают, что старообрядцы придерживаются религиозных праздников и постов, например: *проводная неделя* «неделя, следующая за пасхальной» [1, с. 175], *всеедная неделя* «неделя, во все дни которой можно есть скоромную пищу» [1, с. 32], *Филипповские дни* «пост перед Рождеством» [1, с. 213], *Тирина кутья* «1 Кутья, приготавливаемая во время Великого поста. 2 День после праздника Троицы, когда поминают погибших и утонувших» [1, с. 205]; *толстая кутья* «приготавливаемый в канун нового года ужин, включающий скоромную пищу» [1, с. 206]. Ряд

фразеологизмов связан со свадебным обрядом, с крестинами и позволяет узнать особенности этих обрядов у носителей говоров: *гулять свадьбу*, *крестины* «справлять свадьбу, крестины» [1, с. 48], *выкупать*, *выкупить косу* «приносить дары родственникам невесты» [1, с. 35], *класть*, *покласть*, *ложить*, *сложить начал* «совершать обряд помолвки» [1, с. 129]. Единичный фразеологизм относится к похоронному обряду: *горячий обед* «поминки в день похорон» [1, с. 44]. Отдельные выражения характеризуют крестьянскую страду: *косильная пора* «время сенокоса» [1, с. 95], *рабочая пора* «время уборки хлеба и сена» [1, с. 181], а также помывку в бане: *мягкий день* «банный день» [1, с. 123], *белая суббота* «суббота, в которую моются в бане» [1, с. 202]. Целый ряд фразеологизмов, связанных с крестьянским трудом – обработкой земли, скотоводством, называет землю, поле: *вспушенное поле* «хорошо обработанное поле» [1, с. 32], *припадливая земля* «неплодородная или глинистая, влажная почва на низких местах» [1, с. 174], *ялая земля* «1 Пар, незасеянное поле. 2 Залежь, давно не обрабатываемая земля» [1, с. 230], *выгонное место* «выгон, пастбище» [1, с. 34], *поедное место* «луг с хорошим кормом для скота» [1, с. 163], *наплывной сенокос* «заливной луг» [1, с. 127]. Интересны неоднословные названия животных – домашних и служащих объектом промысла: *земляные гуси* «порода неводоплавающих гусей» [1, с. 77], *проездной конь* «лошадь, предназначенная для езды; ездовая лошадь» [1, с. 175], *покаятая свинья* «беременная свинья» [1, с. 164], *кряжная утка* «большая дикая утка» [1, с. 101], *кряжевая утка* «дикая утка» [1, с. 101]. Представлены в говорах фразеологические единицы, называющие растения – сельскохозяйственные и дикорастущие: *весняная пшеница* «яровая пшеница» [1, с. 25], *волчиная ягода* «1 Волчья ягода. 2 Крушина» [1, с. 29], *двухрядный ячмень* «сорт ячменя с двумя рядами зерен в колосе» [1, с. 51], *дед колкий* «колючий сорняк» [1, с. 52], *теплая мята* «сорт мяты с мягкими, ворсистыми листьями» [1, с. 204], *холодная мята* «сорт мяты; перечная мята» [1, с. 216]. Единичные фразеологизмы называют явления природы, например: *заливной дождь* «ливень» [1, с. 71], *золотой дождь* «дождь при солнце» [1, с. 78].

Многочисленны фразеологические единицы, называющие отношения между людьми. Обычно они имеют семантику причинения вреда (чаще всего физического) одним человеком другому: *кухталей дать* «побить» [1, с. 105], *отбить памороки* «ударом, ударами лишить сознания» [1, с. 148], *вудла дать* «побить, наказать» [1, с. 32], *вомиги дать* «1 Наказать, побить. 2 Отравить» [1, с. 29], *взять (брать) за кершню (кершни)* «взять за шиворот» [1, с. 85], *взять за шкирки, шквырки, шкирку*, *схватить за шкирки* «взять за шиворот» [1, с. 225], *высмоктать всю кровь* «измучить, лишить сил» [1, с. 36], *пустить туму* «распространить ложный слух» [1, с. 209]. Отмечены отдельные фразеологизмы с положительной семантикой: *звать на честь* «звать в гости» [1, с. 221]. Многие фразеологизмы называют действия, связанные с процессом строительства: *под гребенку крыть* «выравнивать солому на крыше гребенкой» [1, с. 45], *закатывать свинью* «делать свод печи» [1, с. 70], *перекатывать, перекатить свинью* «переделывать свод русской печи, класть новый вместо сгоревшего» [1, с. 151], с процессом приготовления пищи: *чинить колбасу* «приготавливать домашнюю колбасу», *чинить дежу* «то же, что расчинять дежу» [1, с. 222], *расчинять тесто, дежу* «заквашивать тесто» [1, с. 183]. Отдельные устойчивые выражения называют говорение, звучание: *кричать песню, песни* «громко петь песни» [1, с. 99], *говорить проти* «возражать» [1, с. 177]. Много фразеологизмов, характеризующих состояние и поведение человека, например: *против века идти* «быть юным, молодым» [1, с. 177], *в примы пойти, прийти* «пойти, прийти в зятя» [1, с. 173]. Часто они имеют отрицательную коннотацию: *быть не в жисти* «плохо жить, горевать» [1, с. 64], *раззавить рот* «быть невнимательным» [1, с. 181], *гавриков ловить* «быть невнимательным, небрежным» [1, с. 37], *сомом сидеть* «1 Быть молчаливым. 2 Быть домоседом» [1, с. 198], *нема души* «боязно, страшно» [1, с. 131], *дурины справлять* «дуреть – дурачиться, баловаться» [1, с. 60], *коники выкидывать* «проказничать; совершать что-либо ненужное, неуместное» [1, с. 92], *брынды бить* «бездельничать; проводить время в разговорах, ходя по

чужим домам» [1, с. 17], *баланду бить* «бездельничать» [1, с. 8], *упороть шкоду* «сделать что-либо нежелательное, плохое» [1, с. 211], *делатъ шкоду* «вредить» [1, с. 225]. Возможна и положительная коннотация: *розум держатъ* «поступать благоразумно» [1, с. 53], *в одних перьях* «благополучно» [1, с. 152]. Зафиксировано несколько фразеологических единиц, называющих игры: *слепой кот* «жмурки» [1, с. 96], *играть, игра в тройной* «играть, игра с мячом втроем» [1, с. 208] и др. Небольшое количество устойчивых выражений называет болезни и болезненные проявления у человека и животных: *черная болезнь, болестъ* «эпилепсия» [1, с. 221], *кашель забоем* «то же, что забойный кашель – сильный кашель без мокрот» [1, с. 66], *рука развилась* «появилась боль в суставе, кисти» [1, с. 181], *перегрызатъ червяка* «1 Заболеть от съеденного червяка. 2 Выздоровливать от этой болезни // Побеждать болезнь (про скотину, детей)» [1, с. 151]. Зафиксировано значительное количество фразеологических единиц, называющих качество; степень действия, признака; временные, пространственные отношения, например: *лѣтом полететь* «поехать мигом, очень скоро» [1, с. 109], *не своим бытом (кричатъ)* «изо всех сил» [1, с. 22], *искони века* «испокон века» [1, с. 80], *спракон века (веков)* «испокон веку (веков)» [1, с. 199], *куды зря* «куда попало» [1, с. 102].

Как видно, подавляющее большинство фразеологических единиц различных тематических групп – субстантивные (*заливной дождь, черная болезнь, богоданный отец*) и глагольные (*кухталей дать, говорить проти, брынды бить*). Немногочисленны наречные фразеологизмы (*лѣтом полететь, в одних перьях, нема души*). Единичны адъективные устойчивые выражения: *невма какой* «очень большой» [1, с. 310], *понятного рода* «из хорошей, добропорядочной семьи» [1, с. 167], *дѣрзкий на руку* «драчливый» [1, с. 53].

Для фразеологии говоров характерна вариативность, например: *черепной венец – черповой венец, чинить дежу – расчинять тесто, дежу, искони века – спракон века (веков)*. Интересны фразеологизмы – синонимы: *черепной венец – мурлатый венец, косильная пора – рабочая пора, мягкий день – белая суббота, кухталей дать – вудла дать – вомиги дать, взять за кершни – взять за шквирки, раззявить рот – гавриков ловить, брынды бить – баланду бить, не своим бытом (кричатъ) – дурным матом (кричатъ, реветъ и т. п.)* «очень громко» [1, с. 115] – *кричатъ невголов* «кричать, плакать изо всех сил, очень громко» [1, с. 130]. Представлены также фразеологизмы – антонимы: *передняя хата – задняя хата, переднее окно – заднее окно, теплая мята – холодная мята*.

Отдельные фразеологизмы содержат компоненты антропонимического происхождения. *Филипповские (дни)* – от имени апостола Филиппа, после дня памяти которого (27 ноября) начинается Рождественский пост. *Тирина (кутья)* – от имени святого Ефрема Сирина (с заменой начального фрикативного согласного смычно-взрывным).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Манаенкова, А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветк. говоры / А. Ф. Манаенкова. – Мн.: Университетское, 1989. – 231 с.
- 2 Говоры у семейских Забайкалья / Национальная библиотека Республики Бурятия г. Улан-Удэ, 2005. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.semeyskie.ru/science.html>
- 3 Маслова, В. Лингвокультурология / Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php.
- 4 Ермакова, Е. Н. Русская фразеология в истории и современности / Е. Н. Ермакова // Тюменский научный центр СО РАН, 2007. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://library.ikz.ru/georg-steller/ermakova-e.n.-russkaya-frazeologiya-v-istorii>.

Содержание

<i>Лукашанец А. А.</i> Сучасная беларусістыка ў кантэксце славістыкі	3
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

<i>Мокиенко В. М.</i> Фразеологические этимологии профессора В. И. Коваля: ретроспектива и перспективы	5
<i>Алефиренко Н. Ф.</i> Проблемы лингвокогнитивного описания фразеологической семантики	13
<i>Baláková D.</i> Živost' frazeológie, frazeologická kompetencia (diferencované aspekty jej posudzovania)	16
<i>Белая А. С., Верхулевская Н. А.</i> Славянская фразеология – источник лингвокультурологических знаний	20
<i>Жуйкова М. В.</i> Образна основа фразеологізмів і фреймове моделювання	22
<i>Золотых Л. Г.</i> Функциональная специфика фразем в художественном дискурсе	26
<i>Коваль В. И.</i> Языковая картина мира и ее отражение в славянской этнофразеологии	29
<i>Ляшчынская В. А.</i> Фразеалагічная катэгарызацыя эмацыйнага стану абурэння ў беларускай мове	32
<i>Мусатаева М. Ш.</i> Из теории и практики лексикографического описания идиомы в структуре словарной статьи двуязычного словаря	36
<i>Никитевич А. В.</i> Словосочетания устойчивые, свободные и деривация как процесс	39

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

<i>Арцёмава В. А.</i> Рэпрэзентацыя кінетычных прасторавых адносін у беларускай і англійскай фразеасістэмах: параўнальна-супастаўляльны аспект	43
<i>Бочкар Т. П.</i> Фактары поўнай фразеалагічнай эквівалентнасці (на матэрыяле беларускай і англійскай моў)	46
<i>Бувеч А. А.</i> Фразеологизмы с библейскими именами собственными (на примере русского и испанского языков)	49
<i>Воробьева Л. Б.</i> Национально-культурная специфика репрезентации концепта «голова» в русских и литовских устойчивых выражениях	52
<i>Гаўрыловіч В. Г.</i> Унутраны свет чалавека ў заонімнай фразеалогіі (на матэрыяле беларускай, рускай і англійскай моў)	55
<i>Загороднева Е. В.</i> Лингвистические проявления маскулинного гендера во фразеологии (на материале французского и русского языков)	59
<i>Зубець Н. А.</i> Порівняльна характеристика українських і білоруських мінімальних фразеологізмів	62
<i>Махонь С. У.</i> Спосабы перадачы фразеалагічных адзінак у перакладзе на рускую мову паэмы Якуба Коласа “Новая зямля”	66
<i>Овсяник М. А.</i> Сравнительный анализ семантики и источников имён собственных во фразеологических единицах русского и английского языков	68
<i>Sindelářová J.</i> Větné výrazy s komponentem „dítě“ v české a ruské idiomatice a frazeologii	70
<i>Шукайлова А. Г.</i> Сопоставительная характеристика зоонима <i>паук</i> в русских и китайских паремиях	74
<i>Янь Шивэй.</i> Русские и китайские пословицы с компонентами <i>сын</i> и <i>дочь</i>	77

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

<i>Бойкова С. Н.</i> Русские и польские паремии о жене и муже	79
<i>Валодзіна Т. В.</i> Каму і з якіх прычын <i>каўтун завіў</i>	82
<i>Венжинович Н. М.</i> Отражение моральных ценностей человека во фразеологизмах украинского и русского языков	84
<i>Воінава А. М., Палуян А. М.</i> Адлюстраванне сямейнай і каляндарнай абраднасці ў беларускіх фразеалагізмах і парэміях	88
<i>Гутовская М. С.</i> Русский и английский фразеологические кодексы спора	91
<i>Даниленко Е. И.</i> Представления русского народа о языке и речи (на материале пословиц и поговорок)	95

<i>Даніловіч М. А.</i> Этнакультурная семантыка тапонімаў ў складзе фразеалагізмаў	97
<i>Долгова А. О.</i> Лингвокультурологическая значимость компаративной фразеологии	100
<i>Дубицкая Е. В., Стародубец С. Н.</i> Славянские мифологические представления, закрепившиеся во фразеологизмах русского языка	103
<i>Евтухова И. Г.</i> О вариативности устойчивых выражений с компонентами-колоративами в русских и белорусских заговорных текстах	106
<i>Килевая Л. Т.</i> Национально-культурная специфика славянских фразеологизмов с компонентом <i>сердце</i>	110
<i>Коч Н. В.</i> К вопросу о концептуализации компонентов фразем в диахронии	113
<i>Кулік Л. У.</i> Да пытання аб даследаванні фразеалагізмаў на мяжы стагоддзяў	116
<i>Лапацін Г. І.</i> Фразеалагізм <i>драць курыцу</i> : этнаграфічны аспект (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый Веткаўскага музея народнай творчасці)	120
<i>Лапицкая Н. И.</i> Об этнокультурном содержании устойчивого словосочетания <i>выйти на Юрьеву росу</i>	123
<i>Маркевіч М. Г.</i> Вобраз пеўня ў фразеалагізмах і парэміях беларускай мовы	127
<i>Мельникова О. Н.</i> Устойчивые словесные комплексы с компонентом <i>долг</i> в русском языке	130
<i>Мізін К. І.</i> Особливості вербалізацыі концепту «Ріка» за дапамогаю усталеных парівнянь: зіставно-лінгвокультурологічны аналіз (на матэрыялі англійскай, німецкай, украінскай та російскай мов)	133
<i>Никитина Т. Г.</i> «Субкультурно-познавательное» пространство русской фразеологии ...	136
<i>Новак В. С.</i> Семантыка ўстойлівых словазлучэнняў у каляндарна-абрадавым фальклору Гомельшчыны	138
<i>Пальчевска О. С.</i> Фразеологічны адзінцы у сістэмі культурных кодів	141
<i>Савченко Л. В.</i> Фразеологія як рэпрэзентацыя духоўнага макракоду культуры	144
<i>Станкевіч А. А.</i> Раслінны код вясельнай абраднасці: назвы вясельнага дрэўца ў гаворках Веткаўскага і Добрушскага раёнаў Гомельшчыны	148
<i>Царьова И. В.</i> Обрядова фразеологія східнослабожанскіх говірок (родільныі цикл)	151
<i>Чайка О. И.</i> Шлюбні фраземи украінскай, англійскай та португальскай мов	154

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

<i>Асенчик Е. Ф.</i> Репрезентация фразеологизма <i>Ноев ковчег</i> в текстах современной поэзии ..	158
<i>Бароўская І. А.</i> Функцыянаванне фразеалагічных адзінак у песенна-паэтычных тэкстах	160
<i>Бережняк В. Н.</i> Індывідуальна-авторска трансфармацыя фразеологічных адзінак у украінскаму химернаму романі	163
<i>Богдан Н. А.</i> Фразеалагізмы як сродак градацыі ў мове паэзіі У. Дубоўкі	166
<i>Велковска С.</i> Фразеологізм у македонскіх народніх песні	167
<i>Вінакурава К. С.</i> Функцыянаванне фразеалагізмаў у паэзіі Р. Барадуліна і У. Караткевіча	170
<i>Гомонова И. Г.</i> Парэмія в корпусе текстов	173
<i>Дзядок М. М.</i> Онімы ў складзе фразеалагізмаў у творах беларускіх пісьменнікаў для дзяцей	176
<i>Дядечко Л. П., Прадід Ю. Ф.</i> Гоголівскі крылатыя слова і звороты в эпиграфічных збірках (історыя та сучаснасць)	180
<i>Канавалава І. С.</i> Структурна-семантычныя трансфармацыі прыказак як сродак выражэння камічнага ў антыпрыказках	183
<i>Кураш С. Б.</i> Электронная камунікацыя в зеркале неофразеологии	186
<i>Крохмальник А. Ю.</i> Фразеологизм <i>поцелуй Иуды</i> : библейский контекст и современные трансформации	189
<i>Лашкевич А. С.</i> Фразеологические сочетания в составе статусных единиц	192
<i>Михальчук Н. А., Михальчук Т. Г.</i> Фразеологизированные этикетные выражения приветствия в русской художественной литературе	194
<i>Паплаўная Л. В.</i> Кампаратыўныя фразеалагізмы як сродак стварэння вобразнасці ў паэтычнай мове Якуба Коласа	197
<i>Рагаўцоў В. І.</i> Фразеалагізмы як сродак стварэння камічнага эфекту (на матэрыяле беларускай драматургіі)	200
<i>Сапна Н. Н.</i> Устойчивые выражения плакатных текстов в механизме коррекции ментальности..	203

Серикова И. В. О новых способах трансформации фразеологических единиц в позиции заголовочного комплекса (на материале русскоязычных газет начала XXI века)	207
Сидорец В. С. О соотношении значений украинского глагола <i>завдавати</i> в коммуникативно-речевом аспекте	210
Скрябина Т. А., Гречанова А. Ю., Кошляк Л. А., Луговскова И. А. Функционирование идиоматических выражений в медицинских текстах	213
Стрижак А. Л. К вопросу о функционировании фразеологических единиц в креолизованном газетном тексте	216
Фоминых Т. Е. Об особенностях употребления фразеологизма <i>кисейная барышня</i>	220
Цеплякова А. Д. Мадальныя трансфармацыі крылатых слоў пры іх ужыванні ў маўленні ...	223
Шарманова Н. М. Прагмалінгвістычны засады етикетных кліше	226
Шкаруба Н. А. Выкарыстанне фразеалагізмаў у публіцыстыцы Янкі Купалы	229
Шур В. В. Фразеалагізмы-бібліянімы ў творах мастацкай літаратуры	231
Эглит Л. В. Об отдельных особенностях фразеологизмов-сленгизмов, функционирующих в молодёжной речи на рубеже веков	235
Юдкін-Ріпун І. Н. Перифрастические обороты как источники идиомов драмы и лирики ...	238

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Авілін Ц. В. Семантыка парэміі <i>лічыць зоркі</i>	242
Астапкина Е. С. Семантическое развитие осязательных прилагательных: образование несвободных значений (на материале русского и белорусского языков)	245
Важнік С. А. Ідыяматычная беларуская мова: да пытання пашырэння сінаптычнай схемы ідыямам	248
Волошкина И. А. Когнитивный признак «темпоральность» в пространстве фразеологической семантики (на материале русского и французского языков)	250
Иванов Е. Е. О различии отношений фразеологических и афористических единиц к слову	254
Илюхина Н. А. Трансформация метонимии в метафору в зеркале фразеологии	258
Колоцей С. Н. Семантический аспект фразеологических единиц	261
Маслова В. А. Жестовые фразеологизмы как особые микромиры	264
Мещанова Н. Г. О фразеологической репрезентации образа театральной игры в русском языке	266
Ничипорчик Е. В. Тематический принцип составления паремиологических словарей как отражение структуры провербиального пространства	270
Печенікова Л. Н. Украінскі фразеалагізмы на позначэння псіхічнага стану людзі з оцінкаю розумовай дзейнасці	274
Резникова Е. В. Лексика и фразеология с семантикой поворота в антропоцентрическом аспекте ..	277
Сузанович В. Б., Шаповалова Л. И. Из истории формирования диалектного фразеологизма <i>балы бить (точить)</i>	280
Тимошенко Е. И. К происхождению русского фразеологизма <i>нагреть / греть руки</i>	283
Трубкіна Т. В. Сімваліка кампанентаў <i>сіні, блакітны</i> ў фразеалагізмах беларускай мовы	286
Усачева О. А. Фразеологизмы с семантикой интенсивности в детской речи	288
Шведава З. У. Фразеасемантычнае мікраполе “адмоўныя разумовыя здольнасці” ў беларускай мове	291

СТРУКТУРНО-КОМПОНЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Буракова М. У. Фразеалагічная актыўнасць лічэбнікаў у беларускай мове: <i>сем і дзесяць</i> ...	296
Голева Н. М., Новикова Т. Ф. Фразеологические единицы с региональным компонентом	299
Иванова С. Ф. Крылатыя словы і антыцытаты	302
Кобьши И. И. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке	306
Палякоў Ф. С. Структура ўстойлівага параўнання і функцыі яго кампанентаў	309
Рычкова Л. В., Чэпікава І. А. Адлюстраванне фразеалагізацыі спецыяльнай лексікі ў тлумачальным слоўніку беларускай мовы	311
Хазанова К. Л. Фразеалагізмы з кампанентам <i>галава</i> ў гаворках Гомельшчыны	313
Цімашэнка Н. П. Сінтаксіс фразеалагічных словазлучэнняў	315
Шабулдаева Н. И. Типы парегменаона в русском языке	319
Осипова Т. А. Фразеология в «словаре русских говоров Белоруссии»	322

Научное издание

Славянская фразеология в синхронии и диахронии

Сборник научных статей

Выпуск 1

В авторской редакции

Подписано в печать 10.11.2011. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 38,1.
Уч.-изд. л. 33,2. Тираж 30 экз. Заказ № 514.

Издатель и полиграфическое исполнение :
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
ЛИ № 02330/0549481 от 14.05.2009.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.